АЛЕКСАНДР УШАКОВ

АТАТЮРК

ОСОБОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шестнадцать лет назад я написал книгу «Феномен Ататюрка». Книга была небольшая — всего шестнадцать печатных листов. Это объяснялось тем, что мне по крупицам приходилось собирать материалы. Это была вообще первая книга об Ататюрке в России, поскольку писать о нем правду было нельзя. За эти годы появилось множество новых материалов как о жизни самого Ататюрка, так и об истории того времени. И не только того, поскольку именно сейчас в Турции развернулась новая борьба между наследием Энвера и Ататюрка. Что и не удивительно. Непримиримые противники при жизни, они не закончили свой принципиальный спор и после смерти. В новой версии жизни Ататюрка я попытался более полно показать его как исторического деятеля, которого по праву признали «Человеком XX века». Я постарался привести как можно больше интересных фактов не только из жизни самого Ататюрка, но и из османской и новейшей турецкой истории. Так, Читатель с интересом узнает, как сложно строились отношения между Анкарой и Москвой. Мне было интересно не только рассказать более подробно о жизни Ататюрка, но и попытаться осмыслить его появление на политической сцене в столь необходимый для его страны период с философского взгляда на Историю.

- Александр Ушаков
  - От автора
  - Вместо предисловия
    - I
    - II
    - III
  - Книга первая
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
  - Книга вторая
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V

- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX

- Книга третья
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XXVIII
  - Глава XIX
  - Глава XXX
  - Глава XXX
  - Глава XXXI
  - Глава XXXII
  - Глава XXXIII
  - Глава XXXIV
  - Глава XXXV
- Книга четвертая

- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII
- Глава XIX
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII
- Глава XIV

○ Вместо заключения

○ ~ ~ ~

Александр Ушаков
АТАТЮРК
Особое предназначение

От автора

Шестнадцать лет назад я написал книгу «Феномен Ататюрка».

Книга была небольшая — всего шестнадцать печатных листов.

Это объяснялось, прежде всего, тем, что это была первая книга в нашей стране об Ататюрке, и мне приходилось собирать материалы по крупицам.

В СССР, кроме общих фраз, об Ататюрке не было написано ничего, поскольку правду писать о «Человеке XX века» было нельзя.

За эти годы появилось множество новых материалов как о жизни самого Ататюрка, что, конечно же, намного расширило представление о нем самом, и истории того времени.

И не только того, поскольку именно сейчас в Турции развернулась новая борьба между наследием Энвера и Ататюрка.

Непримиримые противники при жизни, они не закончили свой принципиальный спор и после смерти.

В новой версии жизни Ататюрка я попытался более полно рассказать о человеке, который пришел в этом мир не тешить себя несбыточными утопиями и наслаждаться абсолютной властью, а человека с младых ногтей почувствовавшего свое высокое предназнчение.

О человеке, для которого вся его жизнь стала служением Родине.

Ататюрк прожил сложную жизнь в такое же сложное время, и чаще всего политик в нем побеждал человека.

Не все было безоблачно в его жизни, и он разрушал старое всеми доступными, а когда надо, то и недоступными способами.

Но… судите по делам его…

В новой версии жизни Ататюрка я постарался привести как можно больше интересных фактов не только из жизни самого Ататюрка, но и из османской и новейшей турецкой истории.

Особенно той ее части, где рассказывается о его непростых отношениях с Москвой, которая много сделала для его победы.

Более того, я попытался не только более подробно рассказать о жизни Ататюрка, но и осмыслить его появление на политической сцене в столь необходимое для его страны время с философского взгляда на Историю.

Вместо предисловия
«В тот вечер была сильная снежная буря…»

I

Али Риза положил на могилу последний камень и взглянул на застывшую в скорбном молчании жену.

— Теперь, — произнес он, — они не достанут его…

Зюбейде не ответила.

У похоронившей очередного сына матери не только слов, слез не осталось.

А если к ним прибавить еще и умершую в раннем детстве Фатиму…

Али Риза вздохнул.

Что там говорить, Чай-агзы оказался для них гиблым местом.

Дикая природа, жалкая хижина в горах, постоянные угрозы контрабандистов, потеря Омера, вырытого из могилы шакалами, и вот теперь новая напасть — смерть Ахмета.

Нет, больше им оставаться здесь нельзя.

Скорее в Салоники, где готов их новый дом.

Пора и им зажить по-человечески.

И черт с этой приносившей только одни несчастья должностью начальника таможенного поста.

Если так пойдет и дальше, то скоро у него не останется и жены.

Сказано — сделано!

И вот уже позади тревожные ночи и вой шакалов, забывалось и горе.

Зюбейде снова забеременела, и семья жила в радостном ожидании появления наследника.

И он появился.

Да еще какой!

С белым лицом, голубыми глазами и светлыми шелковистыми волосами.

И, глядя на уже успевшее стать для нее дорогим личико сына, счастливая мать от всей души благодарила не оставившего ее своими заботами Всевышнего.

Куда прохладней своей правоверной супруги относившийся к Аллаху Али Риза тоже был готов уверовать в его всемогущество в эту радостную для него минуту.

Ласково потрепав малыша по щечке, он выхватил из ножен саблю и описал ею над его колыбелью широкий круг, отгоняя от новорожденного злых духов.

На радостях никто не удосужился записать, в какой же день декабря 1881 года родился Мустафа.

Впрочем, особой необходимости в этом не было, поскольку у мусульман не принято отмечать дни рождения.

Официальных записей в старой Турции не велось, и рождение ребенка обычно отмечали на пустой странице Корана или на полях жития какого-нибудь святого.

Неясность, окружающая дату рождения Кемаля, не является чем-то исключительным.

«Я не знаю точную дату моего рождения, — пишет в своих „Мемуарах“ один из высокопоставленных турок, родившийся в конце XIX века, — так как дни рождения не отмечались в то время.

Во многих семьях обычно записывали дату рождения детей на листочке, хранящемся в семейном Коране, но я не смог обнаружить следов своего рождения.

Когда я задавал этот вопрос матери, она всегда отвечала:

— Ты родился, когда начал созревать виноград…»

Точная дата рождения Ататюрка неизвестна.

Официальная «История Турецкой Республики», опубликованная в 1935 году, указывает 1880 год.

Лучший биограф Кемаля, Шевкет Сюрейя Айдемир, придерживается иной даты — 14 января 1881 года.

Другой турецкий биограф Кемаля считает датой его рождения 23 декабря 1880 года.

Сам Ататюрк символическим днем своего рождения считал 19 мая.

Именно в этот день в 1919 году он прибыл в Самсун, чтобы начать борьбу за Независимость.

И именно в этот день Турция празднует День молодежи и спорта республики.

Что же касается его родных, то Али Риза покинул этот мир задолго до того, как его сын стал великим, а Зюбейде-ханым могла вспомнить только то, что ее сын родился в то самое время года, которое у мусульман принято называть «эрбаин», что означает сорокадневные холода.

Родившаяся в 1885 году сестра Кемаля, Макбуле, вспоминала слова матери о том, что Мустафа «появился на свет в тот вечер, когда была сильная снежная буря».

Если это было так, то Ататюрк родился во время сорокадневного «хальвета», больше известного в народе как «чилле» или «эрбаин».

Это слово означает «уединение, удаление от мира, затворничество», а в переносном смысле — «таинство уединения» или «пребывание наедине с Богом».

Точно также называлось знаменитое суффийское братство,

известное во многих исламских странах Востока.

Излюбленной практикой последователей этого тариката был особый вид уединения.

Все сорок дней «хальвета» дервиши оставались в своих помещениях и питались медовым шербетом и лепешками.

Именно таков был их путь физического и духовного очищения…

II

Была в рождении Мустафы и еще одна тайна.

Тайна происхождения.

Как только Ататюрк стал играть заметную роль в политической жизни Турции, так сразу же появились версии о том, что его семья происходит из секты дёнме, одним из центров которой были Салоники.

Дёнме в Османской империи называли принявших ислам евреев.

Основателем секты был мистически настроенный раввин Шабтай Цви, который появился в Измире в 1648 году и провозгласил себя мессией.

Как мессии, считал он, ему разрешалось отменить прежнюю Тору и ввести новые законы и обычаи.

За свои радикальные действия Шабтай был изгнан из Измира, странствовал по другим еврейским общинам Османской империи и к началу 1660-х годов собрал множество последователей.

В 1666 году Цви был арестован и поставлен перед выбором: либо он примет ислам, либо будет казнен.

Шабтай выбрал первое и создал секту дёнме, что в переводе с турецкого значит «отступник».

Многие последователи Шабтая Цви в Салониках восприняли переход их учителя в ислам как часть мессианского плана и тоже перешли в ислам.

К 1912 году в Салониках, по разным оценкам, было около 15 тысяч дёнме.

Они жили в своем квартале, у них были свои школы и отдельное кладбище.

Что же касается Али Ризы, то достаточно посмотреть на его фотографию, дабы понять, что никаким евреем он не был.

Мать?

Да, была похожа.

В «Еврейской энциклопедии» о Кемале сказано: «Ататюрк родился в Салониках и потерял отца еще ребенком».

О его религиозной и национальной принадлежности точных сведений нет.

А вот спекуляций хватало.

Согласно одной из них, в августе 2007 года президент Израиля Эзер Вейцман приехал в Турцию на торжества, посвященные памяти Ататюрка.

Накануне визита его пресс-секретарь Кейнан встретилась с израильской журналисткой Хиллел Халкин.

— Как ты думаешь, — спросила та, — известно ли президенту о том, что у Ататюрка еврейские корни и при каждой возможности он читал еврейские молитвы?

— Не знаю, — пожала плечами пресс-секретарь. — Я могу ему рассказать об этом, но все дело в том, насколько достоверны эти сведения.

Халкин ответила, что пришлет по факсу имеющуюся у нее статью.

«Слухи о еврейском происхождении Ататюрка, — говорилось в ней, — распространялись с его ранних лет.

Он отрицал их, заявляя, что слухи эти несостоятельны.

Тем не менее, он внимательно следил за всеми публикациями и разговорами на эту тему».

Старший сын предтечи современного еврейского языка Элиазара Бен Иегуды писатель и журналист Итамар Бен-Ави, рассказывая о своем визите в Иерусалим осенью 1911 года, упоминает о своей беседе с хозяином гостиницы.

— Видишь турецкого офицера с рюмкой водки в руке? — спросил тот.

— Да, вижу… И что?

— Это высокопоставленный офицер турецкой армии…

— Как его зовут?

— Мустафа Кемаль.

Бен-Ави подошел к Кемалю и завел разговор об османской политике. Во время беседы Мустафа Кемаль сказал:

— Я последователь Саббатая Цеви. Я на самом деле не еврей, но восхищаюсь этим апостолом-спасителем и хотел бы, чтобы каждый еврей принимал его, как я…

Во время той же беседы Мустафа Кемаль подтвердил слухи о своем происхождении, сказав:

— Дома у меня есть еврейская Тора, напечатанная в Италии, я и сегодня помню молитвы из нее… Shema yisrael, Adonai Eloheni, Adonai Ehad! (Слушай, Израиль, Бог наш единый!)

— Это наша главная молитва, капитан…

— Самое главное для вас — тайна для меня, уважаемый господин…

У Ататюрка были веские причины скрывать свои корни не только потому, что к секте дёнме пренебрежительно относились и евреи, и мусульмане, но и потому, что она считала незаконными все браки и сексуальные отношения вне общины.

Думается, что весь этот рассказ чистой воды выдумка, рассчитанная на дешевую сенсацию.

Как нет и, наверное, не будет ни одного великого человека, о рождении и смерти которого бы не ходили легенды.

И если им верить, то отцом Наполеона был граф де Марбеф, Иван Грозный был сыном бояриня князя Овчины-Оболенского, а его мать отравили злобные бояре.

Да и с Петром Первым было не все так однозначно.

Но все это по большому счету мелочи.

Главное было в том, что эти люди сделали.

Что же касается своей национальности, то сам Ататюрк говорил:

— Многие считают меня евреем, но я не вижу в этом ничего страшного. Наполеон был корсиканцем, но сделал для Франции куда больше всех французов, вместе взятых…

Зачем надо было поднимать тему о якобы еврейском происхождении Ататюрка?

Думается, это было сделано по политическим мотивам, поскольку принадлежность к дёнме давала возожность противникам Ататюрка обвинять его во всех смертных грехах при его попытках сломать традиционный мусульманский уклад турецкого общества.

Более того, сторонники султаната будут много говорить и о том, что младотурецкая революция была совершена на еврейские деньги и преследовала интересы той еврейской тайной ложи, членами которой были многие лидеры комитета «Единение и прогресс».

А, значит, и совершенная ими революция была частью мирового еврейского заговора.

Выставив Ататюрка ставленником еврейского масонства, можно очень многое в истории новой Труции объяснить в удобном для авторов подобных тенденций свете.

Впрочем, существует и еще одна версия происхождения Ататюрка, согласно которой, его отец был наполовину серб — наполовину албанец, а мать — наполовину албанка — наполовину македонка.

Об этих загадках заговорят через три десятка лет, а пока мало кого интересовавший, кроме своих рордителей, малыш и не думал умолкать.

Зюбейде-ханым выпроводила мужа из комнаты и, наклонившись над колыбелью младенца, начала тихонько напевать:

— Спи, мой серенький волчок…

И… странное дело!

Словно вняв просьбе матери, малыш умолк, дыхание его стало ровнее, и через минуту он уже видел свой первый в жизни сон.

А Зюбейде-ханым смотрела и никак не могла насмотреться на

уже ставшее для нее таким дорогим личико.

Но вот начали слипаться и ее глаза, голова склонилась на грудь, и через несколько минут она заснула.

III

Думается, что во всей во всей этой истории с рождением Ататюрка куда интересней его якобы еврейского происхождения другое: весьма своевременное появление будущего отца турок на этот свет.

Не вдаваясь особенно в мистику, нельзя не заметить, что великие люди, как правило, рождаются именно тогда, когда им это и предписано Историей.

Юлий Цезарь, Александр Македонский, Иван III, Петр Великий, Кромвель, Наполеон…

Эти имена говорят сами за себя.

И Ататюрк не составил исключения в этом ряду.

По извечной иронии судьбы будущий «отец турок» родился чуть ли не в тот самый день, когда и без того дышавшая на ладан империя, получив от Запада очередную звонкую пощечину, утратила контроль над своими финансами.

Как это ни печально, но это было закономерно.

«Больной человек Европы»…

Именно так стали называть Османскую империю с середины XIX века.

Считается, что во время обсуждения накануне Крымской войны «восточного вопроса» с британским послом Сеймуром так назвал слабеющую державу державу российский император Николай I.

Как случилось так, что могучая империя, которой пугали детей, смертельно заболела?

Да, очень просто: прекратила воевать.

А, вернее, завоевывать.

Сказано было одним умным человеком, что закат империи начнется в тот самый момент, как турок слезет с коня.

— Мудрость, — говорили османы, — на кончике ятагана…

И он слез с него, поскольку вечно завоевывать невозможно.

— Нацию, побеждающую только мечом, — скажет через несколько десятков лет только что родившийся ребенок, — в конце концов, изгоняют с занятых ею территорий, подвергают уничтожению, она становится несчастной и жалкой. Нищета и бедствия такой нации столь огромны и ужасны, что даже в собственной стране она может оказаться в безнадежном и рабском положении. Поэтому настоящие завоевания совершаются не мечом, а сохой. Соха — вот то орудие, которое дает нациям возможность обосноваться, закрепиться на родной земле. Соха — это не меч. Чем больше ею действуют, тем сильней становится

нация. Рука, действующая мечом, быстро устает, а рука, действующая сохой, делается с течением времени все больше и больше хозяином земли. Меч и соха — это два фатиха-завоевателя, и первого из них всегда побеждал второй. Это подтверждается всеми событиями истории, всеми наблюдениями и жизненными примерами…

Конечно, империю пытались лечить.

Реформами.

Но… ничего не вышло, поскольку организационно заточенная под войну имперская машина в мирное время буксовала.

И не могло выдти.

«Это, — писал по поводу вестернизации османских реформ К. Маркс, — означает полное отделение государства от церкви, религии и от политики.

Но турецкое государство, как все восточные государства, имеет своей основой теснейшее переплетение и чуть ли не отождествление государства и церкви, политики и религии.

Коран являлся для Османской империи одновременно источником веры и закона.

Но возможно ли уравнять в правах перед Кораном правоверного и гяура, мусульманина и райю?

Это непременно означало бы на деле — заменить Коран новым гражданским кодексом, другими словами… разрушить структуру турецкого общества и создать на его развалинах новый порядок вещей».

Ту же самую мысль выразил и турецкий историк М. Кара, только более остроумно.

«Вестернизация, — отмечал он, — начавшаяся с приходом XIX века и предусматривавшая соединить воедино два совершенно различных мира в один, напоминала попытки приладить две разные головы одному человеку».

Не везло империи и с султанами, и после Сулеймана Великолепного правителя от Бога, за исключением, может быть, Махмуда II, в ней не было.

И никакая конституция, о коей мечтали «новые османы», как называли первое поколение турецких революционеров, была не в силах изменить положение.

Почему?

Да только потому, что все эти революционеры были пусть и новыми, но все же еще османами, и никто из них не только не замахивался на основы османской государственности, но даже не осмеливался подвергнуть сомнению само ее существование.

Никто из них даже не задавался самым главным вопросом: а можно ли реформировать империю?

Ведь любая империя — это сшитое из лоскутов одеяло, которое никогда не было объединено единой верой и интересами.

А значит и целью.

И укрепление империи для завоеванных ею народов означало их дальнейшее закабаление.

При каком условии могла вырваться из турецкого ига Болгария?

Только при ослаблении Османской империи до известных пределов.

А реформы призывали раба всячески укреплять положение его господина.

Нонсенс…

Так, советская власть в Прибалтике была установлена в 1940 году, и все пятьдесят один год ее существования прибалтийские государства мечтали только о том, как выдти из состава советской империи.

Любая империя держится на силе.

Но рано или поздно эта сила идет на убыль, и тогда турки завоевывали Константинополь, а «братские» республики бежали из состава Советского Союза.

А ведь Римская империя была посильней Османской.

Да и СССР имперской слабостью вначале своих далеко не славных дел не страдал.

Ведь это только для студентов шествие советской власти по стране называлось триумфальным.

На самом деле это было шествие с огнем и мечом.

Чего только в этом отношении стоили республики Закваказья, залитые кровью людей, не желавших на своей земле никаких советов.

И было бы очень интересно услышать доказательства того, что Эстония и Таджикистан жили одними интересами.

А в то время, когда в Туркмении приписывали урожаи хлопка, в Грузии процветала теневая экономика.

Если называть вещи своими именами, то советская империя столкнулась с теми же самыми непримиримыми противоречиями, с каким сталкивалась во времена своего распада любая империя.

Поэтому никакая перестройка не могла спасти СССР.

По той простой причине, что невозможно «перестроить» жизнь и экономику целых 16 государств, давно уже живших своей отдельной от других жизнью.

Это было невозможно сделать и по той самой причине, о которой говорил Маркс в отношении Османской империи.

Только у коммунистов вместо Корана было свое Священное писание — научный коммунизм.

И осуществление перестройки с опорой на научный коммунизм означало то же самое соеденение двух голов на одном теле.

Поскольку руководящая роль давно уже лишенной выдающихся деятелей партии не просто тормозила развитие страны, она мешала ей.

И если во главе государства ставили таких людей, как Черненко и Горбачев, то говорить о дальнейшем было бессмысленно.

Сталин?

Не смог бы и он.

Не хватило бы колючей проволоки.

Да и время его ушло.

— Обратим взоры на ту эпоху, — скажет по этому поводу сам Ататюрк, — когда оттоманское государство, основанное на развалинах сельджукского султаната, владело в Стамбуле короной и троном Восточной римской империи. Среди оттоманских венценосцев были такие, которые пытались основать грандиозную империю, завоевав Германию и Западный Рим. Один из этих властителей мечтал объединить весь мусульманский мир вокруг одного центра и отсюда руководить и управлять им. С этой целью он завладел Сирией и Египтом и принял звание халифа. Другой султан преследовал двойную цель: завладеть частью Европы и, с другой стороны, подчинить своей власти и своему правлению мусульманский мир. Постоянные контрнаступления Запада, недовольства и восстания в мусульманском мире, а также взаимное непонимание между различными национальностями, которая эта завоевательная политика искусственно объединила в одних границах, — все это привело к конечному результату: Оттоманская империя, подобно многим другим, стала достоянием истории…

Но никому из реформаторов не пришла в голову такая простая мысль о том, что реформация любой империи есть не что иное, как ее распад на национальные государства.

Другое дело — сменить слабого султана на сильного.

И после долгой подковерной борьбы сменили!

Сразу двух.

Само собой разумеется, что ни о каком предоставлении свободы завоеванным странам не шло и речи.

Да и зачем?

Ведь все они «дети одной родины», османы, и конституция была лучшим тому подтверждением, поскольку политической концепцией «новых османов» стал османизм, или оттоманизм.

Они провозглашали необходимость реформирования

Османской империи по европейским стандартам: введение конституционного правления, созыв парламента, установление либеральных свобод.

Они выступали против колониальной политики Запада, за независимое развитие Османской империи.

Как того и следовало ожидать, ставка на нового султана не оправдалась.

Второй сын султана Абдул-Маджида I, от жены черкешенки Тири-Мюжгян Кадын эфенди к 16-ти годам жизни с отличием овладел исламскими и мирскими науками.

Будущий император получил великолепное образование.

Особенно хорошо он знал военное дело.

Обладая великолепной памятью, Абдул-Хамид свободно владел несколькими языками, был неравнодушен к поэзии и музыке.

Особенно он любил оперу, которая покорила будущего халифа во время его путешествий по Европе.

Для Османской империи подобное искусство было чем-то непонятным и чужеродным, но Абдул-Хамид приложил немало усилий для его развития на родине.

Он даже сам написал оперу и поставил её в Стамбуле.

Молодой принц проявлял большой интерес к науке.

Основатель Германской империи, канцлер Отто фон Бисмарк, так сказал о нем:

— Если на земле есть 100 граммов ума, то 90-ми из них владеет его величество, султан Абдул-Хамид Хан, 5-ю владею я, остальными 5-ю — все остальные…

Когда 31 августа 1876 года Абдул-Хамид вступил на престол, никто не мог и предположить, что именно этот утонченный любитель оперы станет создателем самого кровавого режима в истории Османской импеерии, который унесёт тысячи жизней.

Абдул-Хамид II обнародовал конституцию, но умудрился получить при этом чрезмерно обширные права.

Если выражаться современным языком, новый султан «кинул» поверевших в него «новых османов» и пошел с ним на сделку только с одной целью: получить власть.

А получив ее, расправился с лидерами «новых османов» и с самой конституцией, разогнав в феврале 1878 года парламент и установив в империи мрачную деспотию, которая вошла в историю под название «зулюм».

«Отец турецкой конституции» Мидхат-паша, благодаря которому султан получил престол, был обвинен в участии в заговоре и присужден к смерти.

Помилованный по настоянию держав, он был сослан в Аравию, где вскоре умер.

Подобно своим предшественникам, Абдул Хамид сумел снова стать абсолютным монархом.

Он не был обскурантом, и его правление было отмечено многими прогрессивными реформами.

Но он был нетерпим ко всему, что хоть как-то стесняло его султанскую власть.

Несмотря на все свое образование и ум, Абдул Хамид, подобно своим предшественникам, так и не мог до конца правления понять, что такое национальные права.

В Османской империи ни одна нация не имела привелегий, в том числе и турецкая.

Именно поэтому для османов происхождение ничего не значило.

Только заслуги, преданность и личные достоинства.

И процветал тот, кто умел крикнуть громче всех во время штурма вражеской крепости, ударить сильнее саблей, растопать наибольшее количество врагов, растолкать локтями всех вокруг, лезть напролом без стыда и совести, лишь бы только во славу Аллаха и на пользу и услужение султану.

Жесткость не удивляла никого — все османы были жестоки.

Каждый нищий мог стать великим визирем, вчерашний раб — царским зятем.

Ведь сказано в Писании: «Разве же у них лестница не до неба?»

Будучи мусульманином, успеха на государственной службе мог добиться кто угодно: албанец, грек, армянин, араб, черкес, курд.

Более того, как это ни парадкосально, турки-анатолийцы считались презренной чернью.

«Назвать турком жителя Османской империи, — отмечал в 1840 году Франс Жуаннен, — это означало нанести ему глубокое оскорбление».

И ни один султан так толком и не смог понять, зачем Греция, Босния и Герцеговина, Румыния, Болгария, Кипр требовали от них национальные права.

За национальные права выступали и европейские державы, защищая соглашения, заключенные с Османской империей в период ее процветания и предоставляющие иностранцам право занимать должности, иметь своих судей и пользоваться налоговыми льготами.

Не был в этом ряду исключением и Абдул Хамид.

Как и всякий дикататор, он особое внимание уделял

настроениям в обществе, сформировав для этого широкую сеть внутреннего шпионажа.

Работа шпионов и доносчиков, зачастую передававших заведомо ложную информацию, напрямую курировалась органами исполнительной власти.

Режим зулюма обернулся для империи взрывом реакции, фактической отменой всех завоеванных ранее прав и гарантий личности, разгулом беззакония и произвола, взяточничества и казнокрадства, доносов и арестов.

Пресса была либо закрыта, либо поставлена под строгий надзор цензуры.

Полурегулярная кавалерия «хамидие», исполнявшая жандармские функции и состоявшая из башибузуков, наводила страх на население, особенно в нетурецких районах империи, где произвол и насилие порой оборачивались страшными погромами с десятками тысяч беззащитных жертв, как то произошло в турецкой Армении осенью 1894 году.

Беззащитной перед лицом реакции оказалась и слабая система светского образования: школьные учебники подвергались строгой цензуре, специальные средние учебные заведения и Стамбульский университет являли собой жалкое зрелище и временами закрывались вовсе.

На всех получивших европейское образование смотрели косо, как на неблагонадежных.

Венцом системы зулюма стало ее идеологическое обрамление — доктрина панисламизма, ставившая султана-халифа главой всех мусульман.

Сам султан видел в панисламизме лишь хорошее средство укрепления собственной власти в империи и поддержки этой власти за пределами страны.

Неудивительно, что на практике панисламизм скоро превратился в сугубо реакционную идеологию, сила и влияние которой в мире и империи уменьшались по мере упадка власти султана.

Появилась беспрецедентная по своему размаху машина государственной пропаганды, чья задача сводилась к превозношению режима и нагнетанию нетерпимости по религиозному признаку внутри общества империи в рамках новой государственной идеологии — панисламизма.

Провозглашая себя лидером мусульман мира, опираясь на мусульманское большинство в самой Турции, Абдул-Хамид II старался подавить представителей иных конфессий.

Обострился и национальный вопрос, и именно к периоду Зулюма относится начало преследования этнических меньшинств

и, прежде всего, армян.

Серия убийств армян 1894–1896 гг. предзнаменовала надвигающийся геноцид.

Установив военно-полицейский режим в государстве, Абдул-Хамид II ввергнул империю в деспотию и тормозил её развитие.

Результаты не заставили себя ждать, и всего через три года после его вступления на престол Турция объявила себя банкротом.

Европейские государства-кредиторы мгновенно учредили ведомство Оттоманского долга и установили над страной финансовый контроль.

По сути дела это был смертный приговор.

По большому счету вопрос стоял даже не о деньгах, а о самом существовании Турции, поскольку «больного человека» не добивали по весьма прозаической причине: интересы слишком уж многих европейских стран пересекались в Османской империи.

Но было понятно и то, что рано или поздно, эти интересы начнут проводиться в жизнь.

Являвшая собою самые настоящие авгиевы конюшни, Османская империя давно нуждалась в своем собственном Геракле, ибо простым смертным на таких крутых поворотах истории подобные подвиги были не под силу.

Спасти империю не мог уже никто, а вот создать на ее дымящихся развалинах новое государство могло только чудо, или сказочный герой.

Почему сказочный?

Наверное, потому, что вылечить больного можно было только, оторвав у него мешавшую ему голову и создав на его все еще больном теле «новый порядок вещей».

Иными словами, совершить то, что простым смертным не дано.

И он появился, и не сказочный, а настоящий.

Его появление можно было назвать Провидением, требованием гегелевского Высшего разума, велением Истории, как угодно!

Но главное было в том, что он пришел в этот уже очень скоро ставший для него таким тесным мир.

В отличие от перевернувших в угоду Ленину учение Маркса большевиков, он на практике доказал правильность его теоретических рассуждений о развитии турецкого общества.

Заменил, разрушил и создал.

Заменил Коран, разрушил основы старого общества и на их руинах построил новое государство.

Но все это будет потом.

И, конечно, продолжавший бодрствовать Али Реза, не мог даже и помыслить о том, что, если сто с лишним лет спустя его более чем скромное имя и будет упоминаться в книгах, фильмах и учебниках истории, то произойдет это только благодаря тому самому малышу, который мирно посапывал в соседней комнате.

Ведь ни он сам, ни его жена ничего особенного собой не представляли.

Так, самые обыкновенные македонские турки.

Отец Али Ризы был коренным жителем Салоник и отличился единственно тем, что в 1876 году принял участие в стихийном возмущении мусульман, в результате которого были убиты французский и германский консулы.

Опасаясь ареста, дед Мустафы вынужден был скрываться в горах, где и умер семь лет спустя.

Куда больше в Салониках был знаменит дядя Али Ризы по отцовской линии, Мехмед, работавший учителем начальной школы.

Выделялся он необычайным цветом бороды и знанием Корана, за что и получил прозвище Кырмызы Хафыз — Красный знаток Корана.

А вот сам Али Риза особыми талантами не блистал, а посему и перебивался в должности мелкого чиновника.

Сначала в управлении мусульманскими религиозными обществами — вакуфами, а затем в таможенном ведомстве.

В 1874 году он был назначен комендантом таможенного караульного поста на турецко-греческой границе в поселке Чайагзы, куда по бурным горным рекам сплавлялся с отрогов Олимпа заготовленный на экспорт лес.

Али Риза должен был бороться с контрабандой, и занятие это было не только весьма беспокойным, но и в высшей степени небезопасным.

Если с чем ему и повезло, так это с женой.

Однако успешно занимавшийся торговлей и имевший свою землю отец невесты мечтал о куда более выгодной партии для своей дочери и встретил предложение мелкого чиновника в штыки.

И только заступничество давшего бедному жениху на положенный в таких случаях выкуп деньги сводного брата невесты Хуссейна-аги помогло тому сломить сопротивление непреклонного родителя.

С будущей женой Али Риза увиделся только на свадьбе и остался очень доволен увиденым.

Совсем еще юная, всего пятнадцать лет, Зюбейде, с ее редкими для турчанок светлыми волосами и голубыми глазами, была куда как хороша.

После свадьбы Зюбейде поселилась в родительском доме Али Ризы, а он сам отправился в Чайагзы.

Но уже очень скоро, не выдержав раздельной жизни с молодой и красивой женой, он увез ее в свое глухое горное селение.

И хотя Зюбейде-ханым совсем не горела желанием сменить благоустроенный городской дом на убогую хижину в горах, перечить мужу она не осмелилась и, наступив на горло собственной песне, отправилась в добровольную ссылку.

За прожитые в быстро осточертевшем Зюбейде Чайагзы три года у них родилось двое сыновей, но Всевышний призвал их к себе.

И вот теперь все их надежды были на только что появившегося на свет Мустафу.

Али Риза еще раз поздравил себя с рождением сына, выпил последнюю рюмку и через несколько минут уснул.

Оставим счастливое семейство и мы.

Но уже очень скоро мы снова вернемся к маленькому Мустафе и вместе с ним проживем, может быть, не очень долгую, но насыщенную событиями жизнь, вместе с ним познаем горечь поражений и радость побед, тоску одиночества и мучительные раздумья…

Книга первая
РОДИНА И СВОБОДА

Невелика ценность человека, думающего больше о самом себе, нежели о счастье родины и нации.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Глава I

Как и солдатами, великими не рождаются, и, словно подтверждая эту простую истину, маленький Мустафа ничем не напоминал собою будущего героя, а если чем и отличался от своих сверстников, так это только еще большей капризностью и непослушанием.

Но ослепленная любовью мать прощала ему все и спешила исполнить любую его просьбу.

А стоило ей только повысить на сына голос, как в его глазах мгновенно загорался недобрый огонь, и тогда ей казалось, что на нее смотрит не маленький ласковый волчонок, а способный на все матерый волк…

Пройдут годы, и уже совсем другие люди отметят удивительную способность глаз Мустафы менять свою окраску в зависимости от испытываемых им чувств.

Темневшие в минуты хорошего расположения духа, они становились почти стальными в минуты наивысшего нервного напряжения, как это бывало на фронтах.

«Глаза, дающие тон всему его облику, — писал в своих воспоминаниях полпред РФСР в Турции С. Аралов, — стальные, выражающие сильную волю.

Мне приходилось присутствовать при решении м боевых задач: тогда его глаза, казалось, не видели собеседника».

Когда мальчику исполнилось всего шесть лет, между родителями разгорелись ожесточенные споры о его будущем.

Правоверной из правоверных Зюбейде-ханым хотелось видеть сына духовным лицом, а куда более просвещенный Али Риза горел желанием отдать его в светскую школу.

— Отец мой, — вспоминал Ататюрк, — придерживался либеральных взглядов и прозападной ориентации, не принимал никакой религии. Он предпочитал светские школы в отличие от матери, которая настаивала на том, чтобы я получил мусульманское религиозное образование…

Дабы не обижать жену, Али Риза принял соломоново решение.

В положенный день ходжа отвел Мустафу в медресе, а через неделю отец перевел его в знаменитую на все Салоники светскую школу Шемси-эфенди.

И больше всех этому переходу радовался сам Мустафа.

Уж очень ему не понравилось сидеть на коленях в полутемной комнате и, заучивая наизусть суры, то и дело получать удары указкой от ходжи.

Но существует и другая версия перехода Мустафы в светскую школу.

Согласно ей подрастающий волчонок впервые показал свои острые зубы и в одно далеко не такое прекрасное для матери утро наотрез отказался ходить в медресе.

Для Зюбейде-ханым это было настоящим ударом, и чего она только не делала, чтобы наставить взбунтовавшегося сына на путь истинный.

И грозила, и требовала, и умоляла.

Но Мустафа был непреклонен.

И кто знает, может быть, именно эти часы, проведенные в полутемной комнате за насильственным изучением сур, породили в мальчике ту неприязнь к служителям культа, которую он пронес через всю свою жизнь.

Матери пришлось уступить, и, к великому ее огорчению, белоснежное одеяние, ветка вербы и позолоченный тюрбан за их полной ненадобностью были навсегда убраны в старый шкаф.

Маленький бунтарь с превеликим удовольствием отправился в светскую школу того самого Шемси-эфенди, о которой говорил Али Риза на памятном для всех семейном совете.

Конечно, его новой школе тоже было далеко до совершенства, но по сравнению с медресе это был шаг вперед.

Очень скоро Шемси-эфенди во весь голос заговорил о необычайном математическом таланте мальчика.

Не уступал он своим сверстникам и в других науках, на лету схватывая то, что с трудом давалось другим детям.

Но, как это ни печально, учился Мустафа недолго.

От чахотки умер потерпевший фиаско во всех своих коммерческих начинаниях и постоянно топивший свое горе на дне бутылки Али Риза, и семья оказалась на грани нищеты.

Чиновничья пенсия составляла сущие гроши, и, дабы хоть как-то сводить концы с концами, Зюбейде-ханым стала сдавать часть дома.

Денег все равно не хватало, и увязшая в долгах вдова была близка к отчаянию.

И, как это часто бывает, помощь подоспела с совершенно неожиданной стороны.

Вместе с Мустафой и его младшей сестрой отчаявшуюся женщину пригласил к себе ее сводный брат Хуссейн-ага, который работал управляющим крупного поместья в каких-то двадцати пяти километрах от Салоник.

Правда, и по сей день остается неизвестным, на самом ли деле испытывал приложивший руку к несчастливому браку Зюбейде-ханым «братец» угрызения совести, или был, как

поговаривали злые языки, весьма неравнодушен к голубым глазам своей названой «сестрицы», выглядевшей, несмотря на пять родов, достаточно привлекательной.

Как бы там ни было, так своевременно последовавшее предложение было принято, и совершенно неожиданно для себя маленький Мустафа оказался в деревне, где царили первозданная тишина и полное отсутствие каких бы то ни было занятий.

Очень скоро сельская идиллия начала угнетать мальчика, чья деятельная натура настоятельно требовала хоть какого-нибудь занятия.

Но когда его дядька нашел ему таковое, Мустафа только презрительно скривил губы.

Ему совсем не улыбалось гонять ворон с полей, и он стал еще более дерзким и неуправляемым.

Понимавшая состояние сына мать не обижалась.

Да, чистый воздух и хорошее питание стоили дорогого, но и они не могли заменить чтения книг и общения с образованными людьми.

Дабы хоть чем-то занять сына и дать выход его постоянно бившей через край энергии, Зюбейде-ханым устроила его в расположенную в соседнем селе христианскую школу.

Но и здесь ее ждало разочарование: у мальчика не было ни малейшей охоты изучать старые и новые заветы из пришедшей на смену Корану Библии.

Ее взор упал на местного письмоводителя, но уже с первых уроков тот проявил такое невежество, что изумил им даже маленького Мустафу.

Договор был расторгнут, и… снова началось вынужденное безделье.

А где-то в школах скрипели перья, исписывались тетради и сверстники Мустафы уходили все дальше и дальше по ведущей в просторные чиновничьи кабинеты светлой дороге знаний.

В деревне время явно замедлило свой бег, и каждый проведенный в битве с воронами день все дальше отдалял Мустафу от намеченного ему матерью светлого будущего.

И ей не осталось ничего другого, как отправить сына в Салоники, в рюшдие — среднюю гражданскую школу, созданную правительством в Салониках, как и в других главных центрах империи…

Соскучившийся по занятиям Мустафа принялся поражать учителей своими недюжинными способностями и непостижимым умением схватывать все сказанное ими на лету.

Но и на этот раз Зюбейде-ханым недолго радовалась успехам

сына, прошло всего два месяца, и он снова оказался не у дел.

За ссору с одним из учеников его жестоко избил помощник директора школы Каймак Хафыз, и тетка Мустафы забрала его из ненавистной ей светской школы.

И напрасно возмущенная его поступком мать требовала вернуться в школу.

Мальчик только хмурился и смотрел на нее своими удивительными глазами, в которых горели так пугавшие ее огоньки.

В школу возвращаться он отказался, несмотря на все ее увещевания и мольбы.

И только когда ее требования стали совсем нестерпимыми, Мустафа приподнял завесу тайны.

— Хорошо, — с каким-то поразившим Зюбейде-ханым спокойствием произнес он, — я вернусь в Салоники, но только для того, чтобы рассчитаться с Каймаком!

Испуганная его решительностью мать настаивать на возвращении в школу перестала.

В том, что Мустафа способен исполнить свою далеко не детскую угрозу, Зюбейде-ханым не сомневалась.

Была в нем какая-то непонятная ей сила.

Снова потянулись однообразные деревенские будни с их вынужденным бездельем, и снова Зюбейде-ханым потеряла с таким трудом обретенный ею покой и целыми днями размышляла о будущем сына.

Но на этот раз Мустафа не пожелал идти у нее на поводу и, к великому огорчению матери, пожелал стать… военным.

— Ты помнишь, какой подарок сделал тебе отец по случаю моего рождения? — спросил он мать.

— Саблю, — ответила мать.

— Куда ты поместила эту саблю?

— Над твоей колыбелью.

— Это означает, что отец хотел, чтобы я стал военным! — торжествующе воскликнул Мустафа. — Да ты и сама мне не раз говорила об этом, — неожиданно улыбнулся он.

Мать только покачала головой: надо же так все перевернуть!

А все дело было в том, что храбрец Мустафа в детстве страшно боялся мышей.

И когда он при виде их вздрагивал, мать успокаивала его.

— Ты же будешь солдатом! — говорила она. — Разве подобает солдату бояться?

По рассказам сестры Кемал Макбуле, ее брат с детства увлекался всем, что было связано с армией, очень интересовался оружием.

Да, это было так, однако расстроенная до глубины мать души, ответила решительным отказом.

Но… нашла коса на камень, и жестоко завидовавший щеголявшему по городу в форме учеников военной школы сыну их соседа майора Кадри Мустафа упрямо стоял на своем.

— Нашим соседом был майор Хатип, — вспоминал он позже. — Его сын Ахмет учился в военной школе, носил форму этой школы. Мне хотелось быть одетым, как он. Я часто встречал офицеров на улицах и понял, что должен пойти в военную школу, чтобы стать таким, как они…

Невзлюбивший мусульманское одеяние, мальчик страстно мечтал о том счастливом для него дне, когда и он наденет на себя военный мундир.

Вторил ему и Хуссейн-ага.

— Ты же сама видишь, — убеждал он сестру, — что с его раздражительностью и вспыльчивостью из него никогда не получится коммерсант и уж тем более духовное лицо! А в военном училище и учат хорошо, и дисциплина строгая, да и будущее его будет обеспечено! Почему ты упрямишься?

Но Зюбейде-ханым только качала головой.

Да, все так, и учили в военных училищах хорошо, и дисциплина была в них строгая, и будущее офицера в Османской империи было обеспечено.

Но любое военное училище в ее глазах являло собой не только светлый храм знаний, но и самый настоящий вертеп, где курсантов учили не только наукам, но и всем существовавшим на свете порокам.

И только при одной мысли, что ее любимый Мустафа будет служить этим порокам, ей становилось не по себе.

К тому же султанская армия постоянно воевала, и сына могли просто-напросто убить, и напуганная столь страшными для нее перспективами мать упрямо стояла на своем.

Все, что угодно, но никогда ее милый Мустафа не будет офицером.

Не пожелавший уступать маленький волчонок снова показал свои острые зубки и 12 марта 1993 года поступил в подготовительную военную школу в Салониках без согласия матери.

Стал ли Кемаль военным только из-за престижа военного мундира?

Подобный вопрос кажется упрощенным.

Да, сделать карьеру на государственной службе было мечтой каждого османа, а армия давала такой шанс.

В былые времена империя увенчала себя славой военных завоеваний, а в конце XVII века, когда побед стало меньше, реформаторы, в первую очередь, занялись преобразованием армии.

Обновленные, зачастую с помощью иностранных консультантов, и освобожденные от социальных предубеждений, офицерские школы превратились в передовые учреждения империи.

Стать пашой (генералом), офицером, или военным врачом мечтали многие мальчишки.

И все же, как ни велика была тяга ребят к так выгодно отличавшейся от мусульманских одеяний военной форме, решающую роль в их выборе играла все же не она.

Стремление защищать родину молодое поколение тех трудных для империи лет впитывало с молоком матери.

Именно Македония больше других областей страдала от военных угроз, и будущие офицеры с младых ногтей попадали в обстановку, где слово «патриотизм» было далеко не пустым звуком.

Далеко не последнюю роль играло и честолюбие.

Именно амбиции вместе с врожденным в каждом из них морлодых людей инстинктом самосохранения и патриотизмом заставляли многих юношей становиться офицерами.

Не обходилось и без романтики.

Другое дело, что не всем удавалось достичь на этом славном поприще тех вершин, какие было суждено покорить самому Мустафе.

Но, с другой стороны, сложно себе представить, что десятилетний Мустафа мечтал о карьере.

Какой бы скудной ни была информация о детстве и юности Кемаля, можно предположить, что его стремление стать военным было продиктовано желание носить красивую форму и самой обыкновенной романтикой.

Ведь армия — это война, а, значит, слава.

Зная упрямство Мустафы можно было не сомневаться в том, что он переступил бы через любую посмертную волю отца, если бы она шла вразрез с его собственными устремлениями.

«Взрослея, — скажет Кемаль в 1926 году, — я всегда предпочитал быть самостоятельным…

Тот, кто живет в семье, прекрасно знает, что постоянно находится под присмотром близких, впрочем, бескорыстным и очень откровенным.

Тогда оказываешься перед дилеммой: или повиноваться, или совершенно не считаться с их мнением и советами.

На мой взгляд, и то, и другое плохо».

Думается, что вряд ли подобное признание соответсвовало истине.

Где-где, а в военных училищах с их палочной дисциплиной никто самостоятельным не был.

Хотя кто знает!

Вполне возможно, Мустафа воспринимал подчинение воспитателям-офицерам как должное и не желал слушаться мать.

Конечно, та знала о той непостижимой легкости, с какой Кемаль сдал экзамены, и… продолжала оплакивать потерянного, как ей казалось, навсегда сына.

Но стоило ей только увидеть Мустафу в так идущей ему военной форме, как она, мгновенно позабыв все свои опасения, с неподдельным восхищением воскликнула:

— О, мой маленький паша!

Лед тронулся, и с этой минуты Зюбейде-ханым ни о какой другой карьере для своего «маленького паши» не помышляла.

Утешало ее и то, что трое сыновей ее родственников — Салих, Нури и Фуад Булджа — тоже решили посвятить свою жизнь служению в армии.

Для самого Мустафы наступили суровые после безмятежной и вольной жизни на природе времена.

И не знавшему дома, что такое «надо» и «нельзя», ему приходилось терпеть.

Но подобные мелочи не огорчали мальчика.

Он учился, а все остальное мало волновало его.

И уже тогда он мечтал о будущем.

Рюшдие была только первой ступенью среднего военного образования, после которой предстояла учеба в военном лицее, а затем и в Харбие, как называлась высшая военная школа.

Попасть в нее было нелегко: если средних военных училищ в Турции хватало, лицеев насчитывалось всего семь, а столичная Харбие была только одна.

И учиться в ней было верхом мечтаний любого курсанта, поскольку наиболее способные ее ученики, получив лейтенантский чин, зачислялись в классы генерального штаба, откуда выходили в чине капитана.

Эти офицеры являли собою армейскую номенклатуру, с уже обеспеченной карьерой, и Мустафа решил во что бы то ни стало войти в офицерскую элиту империи.

Благо, что все предпосылки у него для этого были.

Сразу начав выделяться среди сверстников, он прекрасно успевал по всем предметам, но особое предпочтение отдавал французскому языку и математике.

И уже тогда в нем стало заметно стремление к лидерству везде и во всем.

Асаф Илбай, который был другом детства Мустафы Кемаля, вспоминал, что он не очень любил участвовать в дворовых играх, а больше сидел и наблюдал за тем, как играют его товарищи.

Однажды Асаф Илбай и другие ребята все же уговорили Мустафу поиграть с ними, но узнав правила игры, Мустафа наотрез отказался наклониться, чтобы через него могли перепрыгнуть другие.

— Я, — сказал он, — не буду наклоняться, если кто-то хочет перепрыгнуть через меня, пусть прыгает так…

Еще рассказывают, что как-то раз в начальной школе на уроке физкультуры Мустафа участвовал в соревнованиях по бегу.

Победитель включался в список участников межшкольных соревнований. Мустафа, победив в первом туре, лидировал во втором, как вдруг увидел на обочине маленькую раненую птицу, которая пыталась взлететь.

Мустафа остановился и взял ее в руки.

В том туре он пришел последним, но было неимоверно счастлив оттого, что спас птицу.

И тогда ученик, который пришел первым, сказал:

— Мустафа остановился, чтобы спасти птичку, на самом деле он бегает быстрее меня и лучше представит нашу школу.

Учитель объявил победителем Мустафу, который в межшкольном соревновании завоевал для своей школы победный Кубок.

Проявлял он свои недюжинные способности и вне школы и часто становился победителем всевозможных математических конкурсов, организованных «Руководством для детей».

Тогда же в его жизни произошло знаменательное событие.

Дабы не путаться, учитель математики, Мустафа Сабри, предложил ему взять второе имя — Кемаль.

Гордый от сознания того, что ему предлагают получить имя, означавшее на арабском языке «зрелость» и «совершенство», он с радостью согласился и очень быстро оправдал его, получив сержантское звание и став старостой класса.

Он намного превосходил знаниями математики других учеников, и со временем преподаватель стал поручать ему проведение репетиторских занятий с одноклассниками.

Вот тогда все с некоторым удивлением увидели совсем другого Кемаля: нетерпимого к чужим слабостям и требовательного.

Его властный и вспыльчивый характер не нравился никому, но, как только его пытались поставить на место, он начинал

говорить о своем особом предназначении.

Конечно, над ним смеялись, но Кемаль только презрительно морщился и продолжал пребывать в своем, как тогда многим казалось, весьма неприятном для него заблуждении.

Было ли это убеждение Кемаля заблуждением?

Как показала жизнь, нет, не было.

— Человек, не осознавший свое назначение, — говорил Конфуций, — не может считаться великим человеком.

Кемаль осознал, и теперь ему предстояло на собственном опыте осознать всю правоту и другого выражения Конфуция: «В жизни нет ничего важнее, чем исполнить предначертанное, и нет ничего более трудного…»

Доставалось от него и учителям.

Он не признавал никаких авторитетов и всегда оставался при своем мнении.

Наиболее ярко его нежелание оставаться на вторых ролях проявилось во время второго замужества матери, вышедшей замуж за служащего салоникского отделения французской табачной концессии «Режи» Рагыба-эфенди.

Конечно, будь Кемаль постарше, он понял бы жившую на скромные подаяния родственников и смертельно уставшую от нищеты мать и без особого насилия над собой смирился бы с появлением в своем доме нового папы.

Но куда там!

Самолюбие его было болезненно задето, и в знак протеста он… решил оставить родительский дом.

Да и что ему было делать там, где теперь первую скрипку играл другой мужчина?

И, несмотря на отчаянные попытки испытывающей несказанные страдания матери объяснить сыну неизбежность подобного шага, лед между ними тоньше не становился.

Никто не мог убедить Кемаля играть второстепенные роли, и, озлобленный на весь мир, он с мрачной решимостью говорил ничего не понимавшим в его странном поведении однокашникам:

— Они еще узнают, кем я буду!

Пребывая в те трудные для себя дни далеко не в самом лучшем расположении духа, он ссорился со всеми, кто только подворачивался ему под руку, и, обрекая себя на полное одиночество, продолжал жить обособленной от всех жизнью.

Да и зачем ему был кто-то нужен, если у него были книги и любимая математика.

А когда надоедало читать, он отправлялся гулять по Салоникам, любуясь великолепными памятниками римской и

византийской архитектуры.

Это был крупный по тем временам город с населением более 150 тысяч человек, и большую часть его составляли бежавшие сюда еще в конце XV века из Испании от гонений Великого инквизитора Торквемады евреи.

Значительными по численности были общины греков и болгар.

Турок было всего 14 тысяч, приблизительно столько же было других мусульман: албанцев и так называемых дёнме — обращенных в ислам евреев.

И к великому удивлению Кемаля, те самые турки, к которым принадлежал и он сам, не только не процветали в Салониках, а находились в них на положении униженных и оскорбленных.

Разница была во всем.

В одежде, в жилищах, в манере вести себя.

И, попадая из центра города с его великолепной набережной, европейскими отелями и утопавшими в зелени особняками иностранцев в районы живших на окраинах мусульман, Кемаль видел огромную разницу.

Он с тоской смотрел на закутанных в паранджу женщин, однообразно и серо одетых мужчин и никак не мог понять, почему же и они не могут жить той же радостной и красивой жизнью, которая царила в немусульманских районах города.

Но еще больше поражало его презрение, с каким иностранцы обращались с его соотечественниками, унижая их везде, где только было можно.

Любой чиновник входил во дворец губернатора как на завоеванную территорию и всегда добивался того, чего хотел.

Кемаль с недоумением и обидой наблюдал за тем, как простой консульский курьер своей длинной палкой преграждал путь турецкому должностному лицу.

А что творилось в гавани, куда безо всякого на то разрешения заходили иностранные корабли и матросы с видом победителей разгуливали по городу.

Особенно безобразные сцены разыгрывались по вечерам, когда основательно подогретые вином иностранные моряки шатались по городу, задирая прохожих и приставая к женщинам.

И странное дело!

Все эти оскорбления Кемаль воспринимал так, словно они были направлены против него.

Однажды какой-то полупьяный матрос дал не успевшему уступить ему дорогу пожилому турку пощечину.

Кемаль не выдержал и кинулся на него.

От страшной расправы его спасло только чудо, поскольку с

трудом сохранявший равновесие «морской волк» просто не смог догнать его.

Целый вечер бродил он по берегу моря, в сотый раз задаваясь вопросом, почему эти лощеные иноземцы ведут себя как победители и ни у кого из его соотечественников не возникает желания дать им достойный отпор.

Разве не достойны лучшей жизни они, завоевавшие пол-Европы и Африку?

Так почему же они пресмыкаются перед всеми этими французами и англичанами?

Кемаль вернулся в училище в плохом настроении, а потом целую неделю не выходил в город.

Надо полагать, что дело было не в какой-то особой его слабости и ранимости.

По всей видимости, в Кемале было нечто, идущее сверху, что каждый раз заставляло его душу болезненно сжиматься от обиды за таких же турок, каким он был и сам.

И это нечто усиливалось жившим в нем тем самым чувством высшей справедливости, которое заставляло его еще в школе всегда заступаться за слабых и беззащитных.

Возможно, именно тогда в наполненной обидой душе появлялись и крепли первые ростки того самого чувства, которое и принято называть национальным самосознанием.

Унижение себе подобных всегда порождает в душах избранных желание избавить их от этих страданий.

Да и в самом сострадании изначально заложена великая истина тайного знания, так или иначе освещавшего внутренний мир такого избранного.

И именно это тайное знание, в конце концов, зажигает в душах великих тот самый костер, который рано или поздно сжигает окружавшие их ветхие формы, а рождающаяся при этом мудрость постепенно складывает пока еще смутные контуры будущей жизни.

— Боль на кончине пальца чувствуется во всем теле, — говорил сам Кемаль, и эта фраза объясняет многое…

Глава II

Когда учеба в рюшдие подошла к концу, Кемаль еще раз больно ударил по чувствам матери.

Несмотря на то, что в Салониках имелся прекрасный военный лицей, он в 1996 году поступил в военную школу в находившемся на западной границе империи захолустном городишке Монастире.

Лепившийся по склонам гор провинциальный городишко из серого камня не шел ни в какое сравнение с великолепными Салониками.

И, тем не менее, Монастир был важным торговым, административным и военным центром.

Население имевшего около шестидесяти мечетей городка приближалось к 40 тысячам человек, и жившие в нем мусульмане в большинстве своем имели албанское и славянское происхождение.

Хватало в нем и занимавшихся торговлей греков.

Чего в городе не было, так это спокойствия, и расположенным здесь воинским частям то и дело приходилось сталкиваться с постоянно возмущенными болгарскими, македонскими, сербскими и греческими националистами.

А вот сама школа Кемалю понравилась.

Для полноценной учебы в ней были созданы все условия, и он справедливо считался самым передовым учебным заведением подобного типа во всей Османской империи.

Пройдут годы, и Мустафа Кемаль с большой теплотой будет вспоминать уроки истории, которые вел майор Мехмед Тевфик-бей.

А преподавать историю в те времена было в высшей степени опасно, поскольку империя переживала самое тяжелое время в своей истории.

Никто, включая даже самых высокопоставленных чиновников, не был защищен в ней от насилий, утраты имущества, свободы, а нередко и самой жизни.

Люди исчезали ночью, и не всегда было даже понятно, за что их брали.

В министерствах и ведомствах ряды чиновников редели буквально на глазах, а многие молодые офицеры армии и флота заплатили за свои либеральные убеждения жизнью.

Десятки, если не сотни тысяч султанских шпионов работали в армии, учебных учреждениях, в чиновничьих палатах и даже в семьях, и на основании их доносов султан каждый день отдавал

приказы об арестах, ссылках и тайных убийствах.

«Темные улицы застыли от страха, — описывал в своих мемуарах известный писатель Халид Зия те страшные времена. — Чтобы перейти из одной части города в другую, нужна большая смелость…

Шпионы, шпионы, шпионы…

Все без разбора боялись друг друга: отцы — детей, мужья — жен.

Открытых главарей сыска уже знали, и при виде одних их теней головы всех уходили в плечи, и все старались куда-нибудь укрыться…»

И при страдавшем маниакальной подозрительностью султане иначе не могло и быть.

Спрятавшись в своем дворце, он постоянно менял здания и комнаты, отведенные ему для сна.

Абдул Хамид спускал курок при каждом подозрительном шорохе, и нередко его выстрелы попадали в слуг и идущих к нему на прием чиновников.

В своей подозрительности султан дошел до того, что даже на территории дворца его сопровождала целая армия телохранителей, а сам дворец был окружен войсковыми казармами с особо преданными ему частями.

Из своего добровольного заточения Абдул Хамид выходил только по пятницам, когда ездил молиться в Святую Софию.

Но, увы, Тевфик-бей боялся говорить со своим учеником на тему, которая могла стоить ему головы…

Как и многие его сверстники, юный Кемаль не имел представления и о десятой доли того, что творилось в стране, и не питал к султану ни малейшей злобы.

Да и откуда ей взяться, этой самой злобе, если сам великий Намык Кемаль и не думал посягать на престол и боролся только с ненавистными ему чиновниками!

Наряду с математикой и историей Кемаль увлекся риторикой и часами упражнялся в ораторском искусстве.

Эти занятия не пройдут для него даром, и он всегда будет поражать аудиторию прекрасным изложением своих мыслей, говоря по нескольку часов подряд и не пользуясь конспектами.

А это, что бы там ни говорили, показатель!

Как и в каждом учебном заведении, в школе существовало несколько боровшихся между собой за лидерство группировок.

Одну из них — салоникскую — возглавлял сам Кемаль.

Выяснения отношений между ребятами зачастую кончались кровавыми разборками, и однажды только чудо спасло Кемаля от

верной смерти.

Он проснулся в тот самый момент, когда один из обиженных им накануне ребят уже занес над ним нож.

Еще немного — и… никому и никогда не понадобилось бы писать подобную книгу.

Но все кончилось благополучно.

Увидев, что его обидчик проснулся, парень бросил нож и убежал.

Конечно, стычки продолжались и позже, однако Кемаль довольно жестоко пресекал любые попытки других группировок посягать на его власть.

И, глядя на то, с какой яростью он отстаивал свое первенство, можно было подумать, что он взял на вооружение провозглашенный много веков назад Ганнибалом принцип: «Умри, но завоюй!»

Тем не менее, в школе у него было много приятелей, но особенно близко он сошелся только с Омером Наджи, Али Фетхи и Кязымом.

Переведенный из Бурсы за какие-то неблаговидные проступки Омер Наджи станет видным трибуном «Единения и прогресса», примет активное участие в революционном движении в Иране, будет там арестован и приговорен к смерти.

И только с большим трудом правительству удастся добиться освобождения отчаянного Омера.

Он и умрет как самый настоящий поэт в 1915 году в том же Иране, где попытается поднять на борьбу с Союзниками местные племена.

И именно он познакомил Кемаля с новой турецкой литературой, возникшей под влиянием Танзимата, как стали называть прогрессивные реформы середины XIX века, и борьбы новых османов за конституцию.

Рискуя многим, Омер Наджи давал Кемалю читать запрещенные стихи Ибрагима Шинаси, Зии-паши и Намыка Кемаля, который стал к тому времени властителем дум молодого поколения.

Я милостей чьих-то не клянчу и крыльев чужих не прошу.
Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!
Ярмом мне шею сдавили, оно тяжелее, чем цепи раба.
Я мыслью вольный, и разумом вольный,
И совестью вольный поэт!

Читая эти строки Тевфика Фикрета, лишний раз убеждаешься в том, что большие поэты страшнее десятков философов,

исписывавших сотни страниц, чтобы выразить одну простую мысль.

«Я сам в своем небе летаю, и светит мне собственный свет!»

Лучше не скажешь…

Свободолюбивые идеи падали на благодатную почву, и стремление к познанию мира, желание жить красивой и светлой жизнью переполняло душу романтически настроенного Кемаля.

И если Ибрагим Шинаси и Зия-паша лишний раз убедили Мустафу в том, что без образования и европейской цивилизации невозможно стать настоящим человеком, то у Намыка Кемаля он нашел то, о чем пока только смутно догадывался.

Воспеваемые мятежным поэтом идеи родины, нации и пусть пока еще и не национального турецкого, а османского патриотизма находили горячий отклик в душе юноши.

Восхищенный глубиной и в то же время простотой изложения Кемаль заучивал наизусть стихотворения знаменитого поэта и повторял несколько патетические и грубоватые слова Намыка Кемаля:

— Пусть придут, соберутся все силы, любые превратности рока, низкой шлюхой я буду, если нацию брошу и с пути ее вспять возвращусь…

По большому счету эти стихи стали для Кемаля той самой клятвой, от которой он в течение всей своей жизни не отступил ни на йоту.

А ведь против него собирались могучие силы, да и рок был не всегда на его стороне.

Тем не менее, Кемаль и не думал возвращаться «вспять» с того усеянного шипами и терниями пути, по какому он привел нацию к независимости.

Он настолько увлекся стихами, что стал их писать сам.

Однако один из преподавателей школы быстро остудил его пыл, заметив, что писание стихов недостойно офицера.

Музы музами, но военная карьера — прежде всего.

Другой приятель Кемаля, Али Фетхи, был на год старше его.

Происходивший из родовой и обеспеченной семьи, этот красивый юноша был хорошо воспитан и прекрасно владел французским языком.

Он исправно учился военному делу, но куда больше его привлекали абстрактные науки.

Именно от Али Фетхи Кемаль впервые услышал знаменитые на весь мир имена Вольтера, Руссо, Монтескье и Огюста Конта.

Начиная, по его собственным словам, «кое-что понимать в политике», он часами говорил с приятелем о Великой

французской революции и ее идеалах.

Эти беседы, а нередко и споры заставили Кемаля обратить особое внимание не только на французский язык, но и на историю республиканской Франции.

Что же касается третьего приятеля, Кязыма, то никакими особыми талантами сей молодой человек не блистал, а если чем и отличался, так это только своей невероятной преданностью Кемалю.

Нельзя не сказать еще об одном однокашнике Кемаля, который на долгие годы станет его злым гением.

Будущий правитель Турции Энвер-паша был ровесником Кемаля, но учился двумя годами старше, и молодые люди прекрасно ладили между собой

Именно с этими ребятами Кемаль проводил все свое свободное время, и чаще всего они отправлялись в кафе, где подолгу беседовали на самые различные темы и играли в трик-трак.

Кемаль оказался азартным игроком и не любил проигрывать.

Увлечение поэзией не прошло для Кемаля бесследно.

Война с Грецией вызвала у него необыкновенный патриотизм, и он решил отправиться на фронт.

И вряд ли мать, к которой он заехал по дороге, сумела бы отговорить его от этой безумной затеи, если бы так своевременно не закончилась война.

Греческая армия была разбита, и Кемаль ликовал так, словно сам принимал участие в сражениях.

Дорога на Афины была открыта, и газеты на все лады славили армию.

Но, увы, победная эйфория длилась недолго.

Подобный исход пришелся не по нраву западным странам, и они быстро указали воспрянувшей духом империи на ее место, заставив подписать совершенно ей ненужное перемирие.

Вместе с другими учениками Кемаль не мог скрыть своего недоумения.

Как же так, вопрошал он!

Его родину унизили в глазах всего мира, и она покорно проглотила обиду!

Наряду с этим законным недоумением в нем появилось и недоверие к управлявшим страной людям.

В значительной степени оно подогревалось молодыми офицерами из стоявших в Монастыре частей, имевшими все причины быть недовольными существующим режимом, опорой которого являлись крупные феодалы, вожди племен, высшее

мусульманское духовенство и бюрократия.

Образованность любого человека рассматривалась как первый признак его политической неблагонадежности.

Среди османских министров не было ни одного человека с высшим образованием, а в армии предпочтение отдавалось выслужившимся из унтеров невеждам.

Конечно, Кемаль еще не мог понимать всего зла, какое являла для страны абсолютная султанская власть, и всю вину за свалившиеся на империю беды возлагал на ее высших чиновников и министров.

«Наши преподаватели, вспоминал он, — заявили нам, что мы можем оккупировать всю Грецию.

Но когда новость о перемирии дошла до нас, курсанты испытали глубокое разочарование.

Но мы не могли задавать вопросов.

Только мой друг Нури рассказал мне, как один молодой офицер плакал, заявляя, что всё происшедшее печально.

Тем не менее, на улицах Манастира была организована радостная манифестация и снова раздавались крики: „Да здравствует султан!“

Впервые я не присоединился к подобному пожеланию».

На этот раз Кемаль не был единственным, кто сомневался.

Нежелание Кемаля славить султана говорило о многом, и, в первую очередь, о том, что он стал серьезно задумываться о настоящем и будущем страны.

И смотрел он на это настоящее, судя по всему, уже без розовых очков.

Кемаль быстро взрослел.

Изменилось и его отношение к матери.

Обида стерлась, а отчим оказался веселым и добрым человеком.

И он очень переживал, когда в начале девяностых годов от туберкулеза умерла родившаяся в 1889 году его меленькая сестренка Наклийе.

После примирения с матерью Кемаль все свои каникулы проводил в Салониках, где и познал свою первую любовь.

Ею оказалась дочь военного коменданта Салоник Шевки-паши Эмине.

Расстался с нею Кемаль только после поступления в Харбие.

— Если бы ты только знала, — глядя в грустные и полные любви глаза девушки, говорил он, — как мне тяжело расставаться с тобой! Но я клянусь тебе, что никогда не забуду тебя, и надеюсь на тебя!

И как вспоминала затем сама Эмине, Кемаль часто виделся с нею и даже хотел жениться на ней.

Да и сам Кемаль не забыл свою первую любовь и много лет спустя, слушая в своей президентской резиденции в Чанкайя песню «Моя Эмине», был тронут воспоминаниями юности.

Как-то с несказанной грустью он заметил, что в сердце каждого мужчины живет своя Эмине…

Правда, в другой раз он говорил о том, что его первой любовью была молодая гречанка из Салоник, которую он намеревался увезти с собой в Монастыр, и только его дядя Хуссейн-ага отговорил его от этой безумной затеи.

И надо ли говорить, как боялась за него уже познавшая властный характер сына мать.

Впрочем, она быстро успокоилась: несмотря на все свои увлечения, Кемаль не собирался жениться, и все его мысли были заняты военной карьерой.

Но главное в его отношении к женщинам проявилось уже тогда.

Ему нравилось вызывать у них восхищение и оказывать покровительство, но он совершенно не терпел от них ни требований, ни тем более нравоучений.

Во время одного из отпусков он познакомился с дочерью брата отчима полковника Хюсаметтина Фикрие, в чьей судьбе ему было суждено сыграть столь трагическую роль.

Но куда более печальным было увлечение Кемаля посещать увеселительные заведения и под негромкую музыку потягивать вино, заедая его мезе, как называлась дешевая закуска.

Закончив петь, красивые девушки присаживались за столик к молодым людям, и те угощали их вином.

Ловя на себе их призывные взгляды, Кемаль ощущал, как его с головы до ног окатывала сладостная волна желания.

К счастью для него, посещения злачных заведений пока еще не сказывались на его успехах, и осенью 1898 года он блестяще сдал выпускные экзамены, став четвертым по успеваемости.

Это был настоящий успех, и счастливый Кемаль поспешил в Салоники, где его с нетерпением ожидали любящая мать и дружелюбно настроенный к нему отчим.

Устроенная ими встреча превзошла все его ожидания.

Мать, отчим, сестра ловили каждое произнесенное им слово и спешили исполнить любое его желание.

Тем не менее, Зюбейде-ханым продолжала видеть в нем все еще маленького мальчика и, даже не замечая, как каждый раз хмурился недовольный ее нравоучениями Кемаль, постоянно

делала ему замечания.

Не пожелав обострять отношения с матерью, он стал чаще уходить из дому.

— Есть два пути общения с родственниками, — говорил он, — либо вы полностью подчиняетесь им, либо не обращаете на них внимания. Я не хотел ни слушать мать, ни тем более ссориться с нею, дабы лишний раз не расстраивать ее. А потому и предпочитал проводить дома как можно меньше времени…

Матери не нравилось его постоянное отсутствие.

Но Кемаль жил уже своей жизнью, независимой ни от чьего желания.

— С ранних лет, — говорил он позже, — я не любил жить ни с матерью, ни с сестрой, ни с друзьями. Я всегда предпочитал быть одиноким и независимым…

Кемалю не сиделось дома, и вместе с верным Фуадом Булджой целыми днями пропадал в кафешантанах и ресторанчиках.

Глава III

Веселая жизнь не помешала ему успешно окончить лицей, и 13 марта 1899 года Кемаль поступил в Оттоманский военный колледж — высшее военное училище — Харбие.

Стамбул поразил Кемаля своим блеском и великолепием.

Как завороженный, бродил он по древнему городу.

Великолепные дома, старинные дворцы, роскошные виллы и магазины, элегантно одетые мужчины и красивые женщины, — все радовало глаз молодого человека и возбуждало воображение.

А сколько здесь было развлечений!

Кабачки, рестораны, кафешантаны с их веселой музыкой, блеском огней и никогда не бывающими грустными красивыми девушками.

Ему очень нравилось подниматься на знаменитую Галатскую башню и оттуда подолгу смотреть на распростертый внизу город и горевшее бирюзой и малахитом Мраморное море.

А чего стоил великолепный Босфор с утопающими в густой зелени роскошными виллами и дворцами.

В глубокой задумчивости бродил Кемаль по берегу, где каждое дерево и каждый камень были свидетелями многих исторических событий.

Да, в Стамбуле было от чего закружиться голове.

И она действительно кружилась у Кемаля от бившего со всех сторон великолепия.

Но стоило ему только оказаться в мусульманских районах города, как все его оживление исчезало.

И без того безрадостный пейзаж казался еще более унылым из-за совершенно одинаково одетых мужчин и прятавшихся за паранджой женщин.

Извечное противопоставление Востока и Запада здесь было явно не в пользу последнего, и Кемаль продолжал задаваться мучившим его еще в Салониках вопросом о том, почему же турки вынуждены жить какой-то совершенно другой жизнью, даже отдаленно не напоминавшей ту блестящую жизнь, какую он мог наблюдать в Пера.

Разве они хуже всех этих французов, англичан и немцев?

Разве не доказали они, славные потомки великого Эртогрула, свою силу и мощь на полях сражений?

Доказали, и не раз!

Тогда в чем же дело и кто виноват в той пропасти, которая разделяла, по сути дела, один и тот же город?

Это были трудные вопросы для молодого человека, и

однажды в кафе, где Кемаль любил бывать, какой-то подвыпивший преподаватель истории весьма доходчиво объяснил ему, что вся беда была в капитуляциях и в ашаре.

Что такое капитуляции?

Своего рода «хартии», жалуемые могущественными турецкими султанами в пользу разрозненных и слабых европейских стран.

И первая из них, дарованная Западу самим Сулейманом Великолепным, выглядела скорее подачкой с барского стола.

А затем пошло-поехало!

И теперь в Османской империи процветал кто угодно, но только не ее коренное население.

Да и как можно было соперничать с иноземцами, не только свободными от османских законов, но освобожденными от налогов и таможенных пошлин?

Преподаватель сделал несколько больших глотков вина, и в следующую минуту Кемаль услышал небольшую лекцию по сельскому хозяйству.

Как он узнал, ашар взымался натурой при посредстве откупщиков, и до его уплаты крестьянин не имел права даже прикасаться к своему урожаю.

И хотя официально ашар составлял около двенадцати процентов от всего урожая, откупщики в результате всевозможных махинаций доводили его размер чуть ли не до половины.

Заплатив ашар и другие налоги, крестьянин оставался с одной третью своего урожая.

Да и тот чаще всего принадлежал ростовщику, и таким образом турецкое крестьянство постоянно было обречено на нищету.

И где уж там говорить о какой-то его заинтересованности в расширении своего убогого хозяйства и повышении производительности труда!

Преподаватель замолчал и, расстроенный нарисованной им печальной картиной, снова потянулся к вину.

Выпив, он с наслаждением закурил.

Выпустив огромный клуб дыма, на какие-то секунды закрывшего лицо, он горестно усмехнулся и сказал:

— И до тех пор, пока мы не…

Неожиданно для Кемаля он осекся на слове и, встав из-за стола, быстро пошел прочь.

За ним двинулся сидевший за соседним столом неприметный человек.

Кемаль грустно вздохнул.

Судя по всему, не в меру разговорившийся преподаватель прочитал свою последнюю в жизни лекцию…

Конечно, этот преподаватель истории мог бы рассказать внимательно слушавшему его молодому человеку куда более интересные и глубокие вещи.

Ведь дело было не только в действительно наносивших огромный вред турецкой экономике капитуляциях и ашаре.

Османская империя оказалась в стороне от мирового капиталистического развития, а значит, была обречена на отставание.

И даже если бы это было не так, весьма сложно представить себе, как ее правители обеспечили бы равное развитие всех ее частей.

Единственное, на что оказались способны ее прпвители, так это только затянуть агонию с помощью всевозможных реформ.

И они затянули ее.

Так потерпевшие кораблекрушение матросы в отчаянной надежде спастись цепляются за обломки своего совсем еще недавно красавца фрегата.

Но вот налетает девятый вал, и… все кончено.

Как и море, история не знает пощады…

Начались занятия, и Кемаль сразу почувствовал разницу между предыдущими школами.

Дисциплина в Харбие царила строжайшая, и нередко сержанты били нерадивых учеников.

Как и повсюду, в Харбие следили буквально за каждым шагом кадетов.

Газет молодым людям не давали, а книги разрешали читать только после тщательного отбора.

Большое внимание уделялось религии, алкоголь был строжайше запрещен.

Кемаль был назначен сержантом и, раз и навсегда уверовав в свои и на самом деле блестящие способности, презрева все запреты, с головой окунулся в веселую столичную жизнь.

Часто он засиживался за карточным столом и только под утро вспоминал, что надо спешить на занятия.

Но странное дело — бессонные ночи с вином и картами совершенно не сказывались на нем, и когда он появлялся на занятиях, то выглядел так, словно превосходно выспался.

Его выносливость изумляла многих, и там, где другие валились от усталости, Кемаль продолжал как ни в чем не бывало восседать за накрытым столом.

Чаще всего он делил компанию с Али Фетхи, Кязымом и

Нури.

Обрел он новых друзей и в Стамбуле, и среди них выделялся уже тогда безоговорочно признававший его лидерство Мехмет Ариф.

Вместе со своим кумиром он пройдет славный путь борьбы за независимость, но потом их пути разойдутся с весьма трагическими для Арифа последствиями.

Другим приятелем Кемаля стал сын известного генерала Мехмета Эмина-паши Кязым Карабекир.

Но ближе всех он сошелся с Али Фуадом, красивым молодым человеком высокого роста с мягкими и изысканными манерами.

Он был внуком известного на всю страну маршала Мехмета Али-паши, а его отец Измаил Фазил-паша служил в Генеральном штабе.

Семья Али Фуада была достаточно влиятельной, чтобы заниматься политикой, и достаточно образованной, чтобы иметь собственные взгляды.

Именно эти взгляды и служили причиной весьма медленного продвижения по службе отца Али.

К великой радости Кемаля, его новый приятель не относился к рьяным поклонникам ислама, и они ударились во все тяжкие, проводя все свободное время в кафе и клубах, где покупали вино и закусывали его каштанами и мелким турецким горошком — леблеби.

А в тот самый день, когда они совершили путешествие по Мраморному морю на Принкипо — один из Принцевых островов, куда ссылались неугодные султанам принцы крови, Кемаль впервые попробовал греческую анисовую водку — ракы.

Выпив первую рюмку Кемаль, изумленно взглянул на Али Фуада.

— Этот божественный напиток, — произнес он, — может сделать любого пьющего его поэтом!

И он был недалек от истины, поскольку именно в ракы черпали свое вдохновение многие османские писатели и поэты.

С той поры «божественный напиток» прочно войдет в жизнь Кемаля и сыграет в ней трагическую роль.

Они часто бывали на островах.

Лунные ночи, близость моря, уже прочно вошедшая в их жизнь ракы — все это действовало на молодых людей возбуждающе.

Они читали стихи и часами говорили о будущем страны.

И, надо отдать им должное, они не отделяли ее от своей.

— Несчастен человек, — скажет позже Кемаль, — видящий в собственном «я» единственную цель существования. Совершенно

очевидно, что такой человек погибнет как индивидуум…

Очень нравился Кемалю и Алемдаг, живописная лесная местность на западном берегу Босфора, где он вместе с приятелем катался на лошадях и устраивал веселые пикники.

И все же главное для Кемаля в его знакомстве с Али Фуадом заключалось не в веселом и беззаботном времяпровождении и скитаниях по кафе.

Али Фуад ввел Кемаля в свой в высшей степени аристократический дом на берегу моря в Саладжаке, где тот мог видеть высших офицеров империи.

Общение с офицерской элитой заставило Кемаля взглянуть на себя совсем в ином свете.

На фоне блестящих столичных офицеров молодой курсант казался серым и неловким провинциалом.

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы не постарался встать рядом с этими блестящими офицерами или хотя бы походить на них.

В своем желании стать таким же лощеным и непринужденным, он стал брать уроки танцев у прекрасно вальсировавшего Али Фуада и к окончанию Харбие уже не выглядел серым и неуклюжим увальнем среди блестящих посетителей дома приятеля.

Слушал ли он их весьма фривольные разговоры?

Да, конечно, слушал!

А однажды даже сам заговорил.

— Если все пойдет так, как сейчас, — сказал во время одной из бесед о судьбе старны приглашенный отцом Али Фуада в гости известный бригадный генерал, — то правительство падет, но я не думаю, что оно будет замещено правительством по западному образцу…

— Ваше превосходительство, — неожиданно для всех ответил ему Кемаль, — созданное по западному образцу правительство придет в свое время. Сегодня большинство возможностей нашей нации находится в дремлющем состоянии. Если в случае революции правящая верхушка будет стремиться, в первую очередь, сохранить свои функции, тогда следует признать, что вы правы. Среди нового поколения есть немало людей, достойных доверия…

После столь насколько неожиданного, настолько и смелого заявления в зале воцарилась тишина.

— Сын мой, — проникновенно произнес тронутый до глубины души генерал, — я вижу, что Исмаил Фазыл (отец Али Фуада) не ошибся в тебе. Теперь я согласен с ним…

Генерал помолчал и добавил:

— Не знаю, к счастью, или нет, — но ты не будешь вести обычную жизнь офицера Генерального штаба, как все мы. Твой блестящий ум и способности будут служить будущему страны. Я вижу в тебе одного из тех молодых людей, которые станут государственными деятелями. Да поможет Аллах, чтобы я оказался прав…

Аллах помог, и генерал оказался прав.

Тем не менее, политические взгляды Кемаля в те годы оставались еще весьма туманными.

Конечно, он был наслышан о деятельности турецких, болгарских и других революционных организаций в постоянно бурлившей Македонии, но вряд ли мог понимать тогда существовавшую связь между набиравшим все больший размах на его родине четничеством и султанским режимом.

А посему и расценивал волнения в Македонии лишь как результат слабости управлявших Османской империей чиновников.

Да и какие по большому счету у него могли быть в то время взгляды, если он даже толком не знал того, что творилось в его собственной стране.

Да и небезопасно было!

У всех перед глазами стоял печальный пример создавших в 1889 году тайное общество курсантов Военного медицинского училища, моментально отправленных султаном в ссылку.

Страх перед султаном и полнейшее отсутствие свобод делали свое дело, и до поры до времени будущим борцам за свободу оставалось только тайком читать опального Намыка Кемаля и восхищаться Великой французской революцией, перед свершениями которой Кемаль преклонялся всю жизнь.

Оно и понятно!

Ведь именно она дала мощный толчок к созданию французской победоносной армии и отождествлялась у молодых офицеров с маршальскими жезлами и славой Наполеона.

Но если Франция только подогревала воображение молодых офицеров, то Пруссия вызывала восхищение.

И неудивительно!

Ведь им преподавали такие известные специалисты военного дела, как прославившийся своим реформаторским отношением к учебе барон фон дер Гольтц и прошедшие стажировку в Германии полковники Эсат и Хасан Риза.

— Запомните, — постоянно вдалбливал курсантам Риза, — сила немецкой армии — в абсолютной дисциплине!

Кемаль учился с охотой, но частые посещения злачных мест сделали свое дело, и после первого курса он оказался по

успеваемости только на… двадцать седьмом месте.

И, как не нравилось будущему офицеру бывать в кафе с их непринужденной обстановкой и ласковыми танцовщицами, ему пришлось на время забыть о них.

Самолюбие человека, который везде и всегда стремился быть первым, было задето самым жесточайшим образом, и ему не оставалось ничего другого, как только засучить рукава и приняться за учебу.

На следующий год он был уже одиннадцатым и окончил Харбие восьмым.

Слишком много было потеряно, да и выйти на первые места оказалось не так-то легко.

В Харбие учились способные ребята, и далеко не случайно один из будущих лидеров войны за Независимость Кязым Карабекир получил кличку Смышленый.

Вместе с долгожданным офицерским званием Кемаль в 1902 году получил направление в классы Генерального штаба.

Вместе с ним его радость разделяли и мать с отчимом, и надо ли говорить, какая гордость светилась в глазах Зюбейде-ханым, когда она шла с одетым в красивую офицерскую форму сыном по своему кварталу.

Да и соседи были восхищены успехами совсем еще недавно мучившего ее своими капризами мальчишки, словно по мановению волшебной палочки превратившегося в стройного и красивого офицера с блестящим, как теперь все понимали, будущим.

И теперь каждый считал своим долгом пригласить Кемаля к себе или оказать ему какую-нибудь услугу.

Конечно, он был польщен и тем не менее делал вид, что не замечает ни почтения взрослых, ни восхищенных взглядов мальчишек и девчонок, ни великой радости в глазах матери.

А та не только окончательно смирилась с выбранной сыном профессией, но и серьезно полагала, что сам Аллах подтолкнул его на этот путь.

Да и как иначе объяснить его успехи?

Способности, конечно, способностями, но ведь все, что ни делается на земле, делается по воле Всевышнего.

Жалко, конечно, что отец не дожил до этого счастливого дня, ну да… ничего не поделаешь, видно, и на то была воля Аллаха…

Глава IV

И все же пребывание в этих самых классах оказалось для него далеко не таким безмятежным, каким оно представлялось ему в родительском доме.

Едва он приступил к занятиям, как вся империя была взволнована делом приговоренного военным судом к пожизненному заключению маршала Фуад-паши.

Старый вояка никогда не плел интриг и не оказывал никакого вооруженного сопротивления полиции.

Вся вина прозванного за бесстрашие и независимое поведение «неистовым пашой» маршала заключалась только в том, что он был порядочным и независимым человеком.

И мало кто сомневался в том, что таким образом власть пыталась запугать непокорное офицерство.

Офицерам запретили посещать кофейные, а чиновникам бывать без разрешения их начальников на свадьбах и праздниках и ходить друг к другу в гости.

Не обошли запреты и министров, которым было строжайше запрещено собираться вне султанского дворца.

Конечно, все эти озадачившие многих молодых офицеров события наводили Кемаля на определенные размышления, и он все больше убеждался в том, что в их стране что-то не так.

Он стал еще больше читать, благо что в классах можно было достать практически любую запрещенную цензурой литературу.

Поначалу он читал все подряд: от бульварных романов до «Духа законов» Шарля Монтескье и социологических трактатов Джона Милля, но постепенно стал отдавать предпочтение истории.

Особенно военной.

С огромным интересом изучал он жизнеописания выдающихся полководцев, среди которых сразу же стал выделять Наполеона.

Не ослабевал его интерес и к современной турецкой литературе, и наряду с Намыком Кемалем его все больше привлекал выходивший на вершину своего таланта Тевфик Фикрет.

Только с большой долей условности можно говорить о том, почему человек выбрал тот или иной путь.

Но как показывает жизнь, чаще всего подобное происходит под влиянием какого-то внешнего события.

И как утверждали хорошо знавшие Кемаля люди, для него

такими событиями стали восстание в Македонии летом 1903 года и массовая гибель османских солдат и офицеров в Йемене.

Бесцеремонное вмешательство иностранных государств во внутренние дела его родины и массовая гибель его братьев по оружию произвели на Кемаля удручающее впечатление и заставили задуматься о многом.

Подлил масла в огонь и сам Абдул-Хамид.

И дело было уже не в каких-то там демократических и просветительских идеях, а в том самом презренном металле, за который гибли люди на протяжении всей своей истории.

И когда султан в своей попытке уравновесить бюджет значительно сократил чиновничье и офицерское жалованье, он сразу же оттолкнул от себя многих выпускников высших учебных заведений, вынужденных перебиваться от зарплаты до зарплаты.

Офицеры на все лады проклинали высших чиновников, по чьей, как им, во всяком случае, казалось, вине армия влачила самое незавидное существование.

Да и что еще могли чувствовать люди, неспособные прокормить свои семьи и водившие детей и жен в солдатские столовые!

И все же во многом обострение обстановки в империи было связано с появлением на ее политической сцене младотурок, как стали называть вторую волну турецких революционеров.

Созданный ими в 1889 году в Стамбуле тайный политический комитет «Единение и прогресс» выступал за восстановление конституции, проведение буржуазных реформ и замену Абдул-Хамида на «более прогрессивного» султана.

Вскоре почти все члены комитета были арестованы и… выпущены, поскольку даже Абдул Хамид не решился накалять и без того напряженную обстановку в военных училищах.

Стараниями главного идеолога движения Ахмеда Ризы «Единение и прогресс» был восстановлен, и уже летом 1896 года его члены попытались произвести государственный переворот.

Ничего из этого не вышло, и многие из них были арестованы.

Их лидеры бежали за границу, и младотурецкие организации стали возникать во многих крупных городах Европы и даже в Египте.

В начале февраля 1902 года в Париже состоялся первый конгресс младотурок, среди которых были турки, армяне, греки, арабы, албанцы, черкесы, курды и евреи.

В центре внимания стояли два наиболее важных вопроса: о привлечении к участию в движении армии и о возможности использования вмешательства иностранных государств для обеспечения конституционных реформ в Турции.

Сразу же разгорелась жаркая дискуссия, ни о каком единстве взглядов не могло быть и речи, и после конгресса политическая активность расколовшихся на два лагеря младотурок начала снижаться.

Иначе и быть не могло.

Суровые репрессии внутри страны и оторванность неспособной оказывать хоть какое-то заметное влияние на события в стране политической эмиграции сыграли свою роль.

Кемаль не пожелал оставаться в стороне от охвативших страну революционных настроений и создал тайное общество «Родина».

Чтобы лучше понять, какой опасности он подвергался, достаточно еще раз вспомнить о тех «застывших от страха» улицах и всех тех, кто заплатил за свои либеральные убеждения свободой, а зачастую и самой жизнью.

Тем не менее, Кемаль продолжал свои игры с огнем и стал выпускать бюллетень, в котором со свойственным молодости радикализмом обличал окружавшую их жизнь.

— Мы, — говорил позже Кемаль, — уже начинали понимать, что имеются пороки в управлении страны. Нас охватило страстное желание поведать о нашем открытии, и мы создали рукописную газету. На нашем курсе существовала маленькая организация. Я входил в состав ее руководства и написал большую часть статей для нее…

Его «революционная деятельность» могла закончиться самым печальным образом уже в самом начале, когда в комнату, где Кемаль с двумя приятелями готовил очередной номер газеты, неожиданно вошел начальник классов Риза-паша.

Однако он ограничился лишь отеческим внушением, подвергая тем самым страшной опасности и себя самого: кого-кого, а султанских шпионов хватало и в вверенных ему классах.

Безнаказанно прошла для Кемаля и его весьма опасная по тем глухим временам просьба к преподавателю по тактике прочитать несколько лекций о методах ведения «герильи», как тогда называли партизанскую войну, которую вот уже столько лет вели против империи болгарские и македонские повстанцы.

Однако тот не только не донес на него, но и посвятил несколько занятий по подготовленному Кемалем плану гипотетических военных действий против партизанских отрядов, нападавших на столицу из Анатолии.

Модная по тем временам революционная настроенность Кемаля, его начитанность, прекрасные знания и склонность к абстрактному мышлению, которую он так блестяще демонстрировал на занятиях по тактике, выделяли его среди

остальных учащихся.

Он пользовался на курсах заслуженным уважением у своих однокашников и преподавателей академии.

В то же время в его характере явно просматривались черты, которые вызывали вполне понятную неприязнь к нему.

Он не терпел чужих мнений и замечаний, всегда стоял на своем, а неспособные быстро схватывать суть явлений вызывали у него раздражение и даже гнев.

Все ярче стало проявляться и его желание быть всегда и везде только первым.

Напряженная учеба, издание газеты, руководство «Родиной» и ночные прогулки не проходили даром, и Кемаль постоянно находился в возбужденном состоянии.

— Во время учебы в классах Генерального штаба, — много лет спустя скажет он своей приемной дочери и верной спутнице последних лет жизни Афет Инан, — мое внутреннее «я» испытывало душевную тревогу. Я постоянно ощущал в себе столкновение чувств, смысл и сущность которых еще не всегда мог понять и которым не мог придать ни положительного, ни отрицательного значения…

Измученный бесконечными мыслями, он почти перестал спать и только под утро впадал в забытье.

— Просыпался я совершенно разбитым, — вспоминал он. — Товарищи, с которыми встречаюсь в классе, гораздо живее меня…

Каково было его отношение к главному виновнику всех бед империи — султану, о котором он в своей газете, несмотря на беспощадную критику высших чиновников, не написал ни слова?

Как это ни странно, снисходительное!

По всей видимости, и Кемаль, и его приятели все еще верили в расхожую у многих народов сказку о «хорошем царе и плохих министрах».

Другое дело, что эта самая вера в хорошего султана слабла у него с каждым днем, и со временем он превратится в глазах Кемаля из этакого обманутого нехорошими министрами владыки в одного из истинных виновников ослабления государства.

Если же он иногда и критиковал Абдул-Хамида, то его выпады носили личностный характер, и до отрицания султаната как политической системы ему было еще далеко.

В последний год пребывания в классах с Кемалем приключилась весьма интересная история.

В один прекрасный вечер он вместе с Али Фуадом отправился в давно облюбованное ими кафе и, усевшись за столик, попросил подать виски в бокалах для лимонада.

И можно только представить себе их изумление, когда в кафе появился директор Харбие вместе… с главным шпионом султана Фетхим-пашой и его помощником полковником Гани.

Фетхим-паша попробовал поданный молодым людям «лимонад» и, по достоинству оценив его… пригласил Кемаля и его спутника поужинать с ним в ресторане.

В казарму они вернулись поздно и явно навеселе.

Но когда дежурный офицер узнал, с кем «веселились» его подчиненные, у него сразу же отпала всяческая охота поднимать шум.

О чем Фетхим-паша беседовал в тот памятный вечер с двумя подозрительными молодыми людьми, так навсегда и осталось тайной.

Ни Али Фуад, ни сам Кемаль никогда не рассказывали о той встрече.

Глава V

В январе 1905 года Кемаль получил звание капитана.

С учебой было покончено, и начиналась новая жизнь — жизнь солдата.

И можно понять охватившее новоиспеченного капитана чувство гордости, когда он облачился в парадную форму офицера Генерального штаба с золотыми эполетами, капитанскими знаками различия на расшитом блестящими галунами высоком воротнике и витыми аксельбантами.

Но, увы, радовался он рано.

Вместе с Али Фуадом его выдал секретный агент Измаил-паши, и, обвиненный в издании подпольной газеты и создании тайной организации, он оказался в тюремной камере.

О многом передумал Кемаль в долгие часы своего заточения.

И только здесь, в тюремной камере, до Кемаля в полной мере дошло то, что, по сути дела, именно так и жили миллионы турок, даже если они и не находились за толстыми тюремными стенами.

Кемаль не был трусливым человеком, но порою ему становилось не по себе.

Да и кто он для облеченного огромной властью Абдул-Хамида?

Так, самая что ни на есть обыкновенная мошка, которую тому ничего не стоит прихлопнуть!

Но не напрасно молила Зюбейде-ханум Всевышнего, услышал тот ее страстные мольбы, и Кемаля выпустили из тюрьмы.

Правда, перед самой «амнистией» он прошел через новое унижение, представ перед самим Измаилом Хаккы-пашой.

Когда Кемаля ввели в комнату, генерал кивком отпустил конвойных и сквозь линзы своих очков в золотой оправе уставился на Кемаля с таким зловещим видом, словно собирался расстрелять его в собственном кабинете.

И расстрелял бы!

Ведь именно в таких типах, как этот Кемаль, он видел вызов всему тому, что было ему так дорого.

Даже не пытаясь скрыть неприязни к молодому человеку, он долго и нудно говорил о том, что великий и мудрый султан сделал все, чтобы он получил прекрасное образование и высокий офицерский чин, а он отплатил своему благодетелю черной неблагодарностью.

И уж кому-кому, а ему, молодому и способному, следовало бы направить все свои помыслы на служение султану и империи, а не на расшатывание ее устоев.

Зачем ему, будущему руководителю турецкой армии, нужны какие-то подозрительные газетенки и стишки давно просившихся на виселицу рифмоплетов, не говоря уже о крамольных речах в присутствии еще не окрепших умов, склонных в силу своей легкомысленности к смуте и неповиновению?

Да и личная жизнь молодого офицера не вызывала у инспектора особого восторга, и на протяжении своей нудной речи он несколько раз упомянул о ресторанах и кафе, в которых так любил бывать Кемаль.

Чего он вообще хочет?

Навсегда похоронить себя в той камере, откуда его только что привели?

Если так, то ему можно пойти навстречу!

Выдержав долгую паузу, Измаил-паша проскрипел, что его величество так бы, наверное, и сделал, если бы Кемаль не был так молод.

И на этот раз он прощает его.

Конечно, у султана были совсем другие виды на его будущее, ему нужны способные люди, но он сам испортил себе карьеру, и теперь, вместо ожидавшей его Македонии, он отправится в Сирию.

Однако во второй раз, зловеще блеснул золотой оправой инспектор, ни на какое снисхождение он пусть не рассчитывает.

И если до его величества дойдет хотя бы малейший слух о его вольнодумии, он сразу же вернется в знакомую ему камеру.

И на этот раз навсегда.

С непроницаемым лицом слушал Кемаль разглагольствования этого чиновника от армии, который еще больше убедил его в том, что именно такие люди и довели некогда могучую и непобедимую империю до того жалкого состояния, в каком она пребывала сейчас.

И чем больше говорил этот человек, тем больше он не нравился Кемалю.

Измаил Хаккы-паша являл собою ярчайший образец тех бюрократов, которых так ненавидел всю свою жизнь Мустафа Кемаль.

И даже голос у него был под стать внешности: неприятный и скрипучий, словно он не говорил, а открывал и закрывал несмазанную и плохо подогнанную дверь.

Услышав о своей ссылке и так и не проронив ни слова, Кемаль щелкнул каблуками и поспешил к Али Фуаду, у которого вместе с Мюфидом Оздешем и отвел душу за бутылкой виски.

На следующий день друзья отправились на австрийском судне в Бейрут, и основательно подогретый виски Кемаль долго

не уходил с палубы.

Да, что там говорить, первые шаги в его капитанской жизни особого оптимизма не вызывали.

— Они оказались, — заметит он позже, — шагами не в жизнь, а в тюрьму…

Что ждало его в Сирии?

Служба в каком-нибудь захолустном гарнизоне или настоящая армейская школа, так необходимая каждому молодому офицеру?

А потом?

Очередное звание, если его, конечно, ему дадут, и новый гарнизон?

И неужели он, испугавшись этого брюзгу в позолоченных очках, больше не будет заниматься еще больше манившей его к себе политикой, которая, как он убедился на собственном опыте, была далеко не игрой, а серьезным и крайне опасным делом?

Кемаль поморщился.

Ну, нет!

И ему надо не бояться всех этих султанских пристяжных, а бороться с ними, чего бы это ему ни стоило.

Бросать политику он не собирался, поскольку только она возводила людей на совершенно иной уровень.

Да и кто бы сейчас помнил того же Наполеона, если бы он так и остался пусть и прославленным, но всего-навсего полководцем?

Конечно, с Наполеоном он себя пока еще не сравнивал, но и в своем высоком предназначении не сомневался…

Глава VI

Встретивший молодых офицеров в Бейруте майор многозначительно улыбнулся:

— Если останетесь здесь, не пожалеете!

И он знал, что говорил.

Столица получившего автономию Ливана представляла собою процветающий город, с прекрасными отелями и нарядными улицами и площадями.

Хватало в нем ресторанов и злачных мест, но особой популярностью у служивших здесь османских офицеров пользовались немецкие пивные.

Однако в Бейруте остался один Али Фуад, хорошо знавший сына командующего Пятой армией, а сам Кемаль отправился в расквартированный в Дамаске Тридцатый кавалерийский полк.

Очень скоро он по достоинству оценил иезуитство сославшего его на позабытые богом и людьми задворки империи чиновника.

Да и сама служба вызывала у молодого капитана крайнее недоумение, очень скоро сменившееся брезгливостью.

Под высоко поднятым знаменем борьбы за целостность империи его полк попросту грабил племена друзов, якобы посягавших на эту самую целостность.

Однако пока еще верившего в сказки о бунтовавших племенах Кемаля до участия в «боевых операциях» не допускали.

Порядочный и принципиальный капитан не внушал доверия главным мародерам, и они весьма справедливо опасались ненужного им шума.

Первые подозрения относительно этих таинственных «боевых операций» появились у Кемаля после одного из обедов у командира полка.

Увидев ломившийся от кушаний стол, он заявил, что не сможет расплатиться за них.

Ответом ему послужили дружные раскаты хохота, и Кемаль понял, что все эти деликатесы отобраны у арабов.

Брезгливо поморщившись, он покинул собрание.

Однако окончательное прозрение наступило все же после того, как Кемаль сам побывал на очередном «усмирении бунтовщиков».

А когда адъютант командира полка принес ему его «долю», Кемаль вспылил не на шутку и выгнал удивленного его странным поведением офицера.

Привыкшему к кругу образованных столичных офицеров, ему

было трудно понять годами живших в глуши провинциалов.

Кемаль попытался разобраться с мародерами, но все его возмущенные речи так и остались гласом вопиющего в пустыне.

Его окружала глухая стена непонимания, и он с ужасом видел то, во что превратили армию все эти измаил-паши.

Честь офицера, желание послужить отечеству, стремление воспитать настоящих солдат — ничего этого не было и в помине.

Вместо этих святых для каждого настоящего офицера понятий в армии процветали интриги, взяточничество и склоки.

Но когда он решил «просветить» военное министерство и подготовил очередной отчет об «успешно проведенной операции», жандармский подполковник изумленно взглянул на него.

— Да как же можно посылать в столицу этот бред? — с нескрываемой насмешкой спросил он. — Вы совершенно не понимаете того, что нужно султану!

— Возможно, — холодно ответил Кемаль, — зато я уверен в том, что султан обязан знать, какие люди служат ему!

Недоуменно пожав плечами, жандарм посоветовал составить новый отчет, и Кемаль с нескрываемой брезгливостью ответил, что подобных документов составлять не будет, поскольку это не соответствует его пониманию офицерской чести.

Конечно, ничего нового Кемаль в Сирии не узнал, коррупция давно процветала пышным цветом по всей Османской империи.

Но одно дело — обличать ее в студенческих газетках и совсем другое — столкнуться с нею лицом к лицу!

Недвусмысленное замечание жандарма нисколько не поколебало его решимости бороться с набивавшими себе карманы чиновниками.

И кто знает, может быть, именно тогда Кемаль осознал, что для возрождения и процветания любой страны в ней надо установить тот самый железный порядок, при котором чиновники перестанут врать и воровать.

Но то, что безрадостная армейская действительность заставила его задуматься над тем, что же все-таки происходит в стране, несомненно.

В учебных классах Генерального штаба и на пропитанных духом юношеской романтики революционных сходках все выглядело гораздо безобидней.

И всем им, таким, в сущности, наивным, казалось, что стоит только захотеть, как все устроится само собою.

Ничего подобного!

И в этом затерянном на задворках империи гарнизоне, где его окружали не начитавшиеся Намыка Кемаля юноши, а потянувшие лямку гарнизонные офицеры, все выглядело совсем

иначе.

Да, многие из его сослуживцев были еще молодыми, но жаркий ветер пустыни давно уже высушил в их душах остатки романтизма, и на жизнь они взирали совсем другими глазами, нежели пришедший к ним из совершенно другого измерения Кемаль.

Он начал чрезмерно увлекаться спиртным, стал еще более раздражительным и однажды выложил все, что думал, полковому командиру.

К его удивлению, тот не подумал возражать и поговорил с ним, что называется, по душам.

Да, во многом Кемаль прав!

Но что делать?

Такова была их жизнь, ему тоже не нравилось разложение армии, но стоит ему запретить грабить арабов, как он получит пулю в спину.

Да и что он мог посоветовать офицерам, месяцами не получавшим жалованье?

Бунтовать?

Нет, это не его путь, он уже не так молод и должен растить детей.

Да и есть ли в этом смысл?

Ведь и сам Кемаль уже познал всю бессмысленность брошенного им вызова.

Служил бы себе припеваючи в своих распрекрасных Салониках, так нет, полез в политику.

Вот и сиди теперь в этих проклятых песках.

И сказать по правде, он еще хорошо отделался.

Сколько их, таких вот мятежных, рассталось с жизнями за куда более мелкие прегрешения.

Впрочем, он может сам поговорить на эту тему с державшим в Дамаске лавку бывшим студентом, сосланным в Сирию за участие в каких-то там бунтах.

Кемаль так и сделал и отправился к Мустафе Джантекину, как звали бунтовщика.

Один из создателей тайной организации в Военной медицинской школе, он был исключен из нее, затем арестован и в конце концов сослан в Дамаск.

Что же касается желания служить делу общего прогресса, то его у бывшего студента ничуть не убавилось, и он создал тайную организацию «Родина».

Восхищенные смелостью потрясателя государственных основ Кемаль и Мюфид тут же стали членами этой организации и

предложили назвать ее «Родина и свобода».

Впервые за последние месяцы Кемаль почувствовал прилив сил, он напрашивался в командировки, знакомился с нужными людьми и за короткое время создал несколько филиалов своей организации.

На тайных собраниях они много и горячо говорили о восстановлении конституции и создании правительства, способного обратить внимание на нужды всем им дорогой армии и других государственных институтов.

Но куда важнее для самого Кемаля были все же не его пафосные речи, а происходившие в его взглядах перемены.

И в один прекрасный день он вдруг с поразившей его ясностью осознал ту простую истину, что не было на свете никаких «равных друг другу османов», а были турки, арабы и представители других национальностей.

Именно в Сирии, по словам Али Фуада, Кемаль впервые заговорил о турецком национализме, и случилось это так.

Как-то на сержанта, выведенного из себя тупостью арабского новобранца, набросился наблюдавший за обучением турецкий офицер.

— Этот араб, — на весь плац кричал он, — принадлежит к великой нации, давшей миру Пророка, и ты недостоин даже мыть его ноги!

Оказавшийся рядом Кемаль не выдержал.

— Да как вы смеете утверждать подобное? — обрушился он в свою очередь на недоуменно взиравшего на него офицера. — И если вы забыли, что мы с этим самым сержантом принадлежим к не менее великой нации, то я вам напомню об этом!

В другой раз он потребовал отдать под суд турецкого сержанта, зверски избившего несообразительного араба.

— Во мне, — говорил он, — возмутилась совесть турка, именно турка, а не османа или вообще мусульманина!

По всей видимости, он уже тогда начинал осознавать не только всю иллюзорность османизма, но и разлагавшего самих османов права угнетать другие народы.

Но взгляды взглядами, а деятельная натура Кемаля требовала дела.

А его-то как раз и не было!

Да, он создал тайное общество и красиво говорил на тайных сходках, но ничего так и не изменилось в их жизни.

И говорить о какой-то революционной работе в Сирии было в высшей степени бессмысленно.

Да и на что могла рассчитывать, по сути дела, небольшая горстка романтиков в совершенно чужой им стране?

Снова начались бессонные ночи в убогой комнатушке.

Кемаль похудел, осунулся, стал еще более раздражительным, почти перестал спать и много пил.

Когда ему становилось совсем плохо, он шел к строившим железную дорогу итальянским рабочим и до утра пил с ними под сладкий лепет мандолин вино.

И однажды, когда он, куря одну сигарету за другой, беспокойно ворочался на кровати, ему в голову пришла шальная мысль.

А что, если… уехать в Салоники?

Судя по слухам, в Македонии начинались серьезные дела, его там, как он, во всяком случае, думал, ждали, а один весьма влиятельный в империи паша обещал ему помощь.

Рискованно?

Да, очень!

Он вдруг словно воочию увидел холодный блеск позолоченных очков Измаил-паши и его надменный взгляд.

Этот шутить не будет.

Ну и пусть не шутит!

Поймают?

Что ж, значит, ему снова не повезло, но и сидеть, сложа руки, у него больше не было сил.

Оказавшись в очередной командировке в Яффе, Кемаль нашел чужое отпускное удостоверение и… в тот же день поднялся на борт уходившего в Стамбул парохода.

Его отсутствие в гарнизоне прикрывали друзья, и по-настоящему он начал беспокоиться только перед прибытием в Салоники.

Но и здесь ему повезло, и он чудом избежал полицейской проверки.

Едва ступив на родную землю, он поспешил к обещавшему ему свое покровительство генералу Шюкрю.

Увидев перед собою опального офицера, генерал сразу позабыл о данных им обещаниях.

— Я, — с генеральской прямотой заявил он, — ничего не

могу сделать для вас и прошу меня больше не беспокоить!

Отказ генерала осложнил его положение.

С помощью друзей Кемаль сумел-таки получить столь необходимое ему медицинское свидетельство его отпуска по болезни и сразу же взялся за дело.

Собрав старых друзей, он объявил им о создании в Салониках филиала «Родины и свободы».

Таинство посвящения в его члены происходило на квартире Хаккы Баха, которого Мустафа до сих пор знал только понаслышке.

Но когда он увидел этого патриота в его достойных паши великолепных апартаментах, его несколько удивила не только их роскошная обстановка, но и сам представший перед пришедшими в японском кимоно и с флейтой в руках хозяин.

Выпив по чашечке кофе, заговорщики приступили к торжественной церемонии.

Кемаль произнес напыщенную речь о стоящих перед ними задачах, затем Хюсрев Сами вынул из кобуры браунинг, и шестеро карбонариев поклялись на «отныне священном» пистолете в верности революции.

Правда, дальше присяги дело так и не пошло.

Какой-то «благодетель» донес о появлении в Салониках опального капитана, и опасавшийся ареста Кемаль поспешил на Синайский полуостров, где в то время находилась его часть в связи с англо-турецким конфликтом из-за Анабы.

До вооруженного выступления дело так и не дошло, и Кемаль отправился в штаб Пятой армии.

Стажировка подходила к концу, и, очень опасаясь того, что его могут оставить в Сирии, Кемаль попросил Али Фуада подыскать ему с помощью отца хорошее место…

Книга вторая
В ТЕНИ ЭНВЕРА

Свобода и независимость характеризуют мой характер.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Глава I

И тот нашел ему таковое в штабе командующего расквартированной в Салониках Третьей армии маршала Хайри-паши.

Кемаль был на седьмом небе.

Наконец-то сбылась его мечта, и он сможет развернуться по-настоящему.

Но не тут-то было.

Никто в Салониках не проявил особой радости по поводу его появления, и даже товарищи по «партии» встретили своего лидера без особого энтузиазма.

Вместо подробного доклада о проделанной работе, они с величайшими предосторожностями отвели его на конспиративную квартиру, и там удивленный всем происходящим Кемаль… снова вступил, как ему, во всяком случае, казалось, в «Родину и свободу».

Правда, на этот раз не было ни флейты, ни кимоно и церемония вступления почему-то сопровождалась масонским ритуалом.

После того, как ему завязали глаза и обрядили в красную рубаху, Кемаль предстал перед тремя незнакомцами в масках и принес на револьвере и Коране клятву на верность революции.

Несказанно удивленный всем увиденным, он потребовал объяснений.

Ему сказали, с «Родиной и свободой» давно покончено и сегодня он, как и все его боевые соратники, стал членом другого, куда более мощного подпольного комитета «Единение и прогресс», возглавившего борьбу за восстановление конституционного режима и проведение буржуазных реформ.

Выслушавший эти откровения с непроницаемым лицом Кемаль с трудом скрыл охватившие его разочарование и гнев.

Все его сокровенные мечты пошли прахом, а его «боевые соратники» просто-напросто предали его и работали с совершенно неизвестными ему людьми.

И даже не зная их, Кемаль сразу почувствовал сильнейшую антипатию к ним.

Он приехал руководить, а ему предлагали второстепенные роли.

И снова начались бессонные ночи с ракы, кофе и сигаретами и бесконечные размышления над тем, что же ему теперь делать.

Впрочем, особого выбора у него не было, и ему оставалось либо смирить свою гордыню и, примкнув к «Единению и

прогрессу», пробиться на младотурецкий олимп, либо наступить на горло собственной песне и так и остаться рядовым «подносчиком снарядов»

Он выбрал первое.

Но, увы, принцип «Умри, но завоюй!» здесь уже не работал.

И дело было даже не в его уже намечавшихся расхождениях с лидерами комитета.

Сосланный в Сирию Кемаль оказался отрезанным от назревавшей революции, он опоздал занять свое место, и она нашла других лидеров.

Как и природа, революции не терпели пустоты.

Конечно, все это было совершенно неожиданно для него, поскольку он не имел никакого представления о тех событиях в Османской империи, во многих из которых была повинна отгремевшая на всю Европу первая русская революция 1905 года.

Страна бурлила, бастовали торговцы и жандармы, и все выше поднимали голову замученные ашаром и ростовщиками крестьяне.

В начале 1906 года в Эрзуруме была создана первая в Анатолии буржуазно-революционная организация «Джан верир» («Жертвующий собой»), и ее члены действительно были готовы на все!

Не остались в стороне от нового революционного подъема и младотурки.

На состоявшемся в 1907 году в Париже съезде они приняли постановление о вооруженном восстании, практическую подготовку которого взял на себя салоникский комитет «Единение и прогресс».

Комитет сразу же приступил к усиленной вербовке в свои и без того постоянно растущие ряды офицеров расквартированной в Македонии Третьей армии.

Решительное выступление лидеры младотурок наметили на конец августа 1909 года.

Именно таким достойным образом они намеревались отметить тридцать третью годовщину восшествия Абдул Хамида II на престол.

И как это было ни прискорбно для Кемаля, но именно в его отсутствие Македония превратилась в центр революционного движения, и ему уже нечего было создавать в ней и нечем руководить!

Все руководящие роли были давно распределены, никто не пожелал делиться с ним завоеванным, и, как только он попытался качать права, ему сразу же указали на его место!

Конечно, он был расстроен.

Подумать только!

Рожденный для великих свершений, он был вынужден подчиняться!

И кому?

Какому-то почтовому служащему Талаату и преподавателю математики Митхату Шюкрю!

Впрочем, входившим в руководство «Единения и прогресса» и хорошо ему знакомым майорам Энверу и Джемалю он подчиняться тоже не хотел.

Разочарованный и обиженный, он принялся к месту, а чаще всего и без всякого повода критиковать обошедших его людей.

Но особенно бесило его то восхищение, которое демонстрировали в те дни рядовые члены движения к своим лидерам.

Особенно они преклонялись перед совершенно бездарным Джемалем, и всякий раз, когда кто-нибудь начинал петь дифирамбы этому «великому человеку», Кемаля передергивало.

Да и как можно было восхвалять это ничтожество, недоумевал он, поражаясь слепоте окружавших его людей, когда рядом находился он, стоявший на несколько голов выше и Джемаля, и Талаата, и Энвера, вместе взятых?

И был не прав!

Гениальными этих людей назвать было сложно, но определенными дарованиями они обладали.

Талаат являлся блестящим организатором и тактиком,

Энвер был энергичен, смел и решителен, а Джемаль отличался потрясающим хладнокровием и беспощадностью к врагам.

Но уязвленному самолюбию Кемаля не было никакого дела до их способностей, и он видел в них лишь сумевших опередить его выскочек.

Несмотря на все свои разочарования и обиды, Кемаль уже не был тем романтически настроенным молодым человеком, каким уезжал в Сирию.

Именно поэтому он и не подумал разрывать отношения с «серым» Джемалем, видя в нем не только покровителя, но и потенциального союзника.

А вот другим лидерам движения он выдавал по полной программе.

Конечно, ничего хорошего в огульной критике обошедших его людей не было, и все же понять Кемаля было можно.

С самого начала своей революционной деятельности он думал не только о своих амбициях, но и о судьбах страны.

Проникнутый страстной верой в прекрасное будущее, он

много и красиво говорил о самопожертвовании и желании драться за свободу.

Его страстные проповеди производили впечатление, и у него появилось собственное окружение, готовое слушать его в любое время и по любому поводу.

Что-что, а поговорить Кемаль любил, и, распаляясь, он все чаще вел себя так, словно был не скромным работником штаба Третьей армии, а по крайней мере претендентом на престол!

И в один прекрасный вечер он договорился до того, что стал раздавать своим слушателям государственные посты в предполагаемом им правительстве и место премьера обещал близкому к нему Нури.

— А кем будешь ты? — улыбнулся тот.

— Человеком, который назначает премьер-министров! — ответил Кемаль.

Пройдут годы, и Нури спросит президента, помнит ли он ту беседу.

— Помню, — пристально взглянет на него Кемаль, — как помню и то, что ты мне тогда не поверил!

Смущенный Нури только виновато разведет руками…

Слышали ли его критику лидеры «Единения и прогресса»?

Да, конечно, слышали, но особого внимания на нее не обращали.

Да и зачем?

Они сами выступали за свободу и не собирались лишать права на нее другого человека.

Во всяком случае, пока!

После того, как получивший звание майора Кемаль был назначен военным инспектором линии Салоники-Монастыр, лидеры «Единения и прогресса» доверили ему осуществление связи между своим штабом и расположенными на этой ветке филиалами.

Возможно, это и на самом деле было очень важно, однако сам Кемаль не испытывал ни малейшего восторга от такого доверия к себе.

Да и какой там мог быть еще восторг, если его, как ему, во всяком случае, казалось, намеренно удаляли от главных событий!

А они действительно приближались, и после того, как весной 1908 года Австро-Венгрия получила концессию на строительство железной дороги к Салоникам, а Россия и Англия намеревались ввести в Македонию десятитысячную армию, младотуркам не оставалось ничего другого, как только сыграть на опережение.

Глава II

3 июля комендант гарнизона небольшого македонского городка Ресна майор Ахмед Ниязи-бей ушел со своей знаменитой четой в горы и оттуда прислал отчаянное письмо султану, полное угроз и оскорблений.

Вслед за ним в горы ушла и другая чета во главе с Энвером, и уже очень скоро восстанием была охвачена почти вся европейская часть султанских владений.

После того как Энвер заявил на всю страну о начале революции, Кемаль только презрительно усмехнулся.

— Это авантюра сумасшедших, — небрежно бросил он окружавшим его офицерам. — Через сорок восемь часов о ней все забудут!

И можно только представить себе его разочарование, когда через отмеренные им на революцию сорок восемь часов она приняла еще более широкий размах.

Отряды Ниязи и Энвера росли с каждым днем, но им так и не пришлось ни с кем сражаться, поскольку посланные на их усмирение воинские части и не собирались воевать.

23 июля 1908 года центральный комитет «Единения и прогресса» в ультимативной форме потребовал от султана восстановления конституции, и повисший над пропастью Абдул Хамид во второй раз в своей жизни был вынужден даровать ее стране.

И надо было только видеть, с какой радостью отмечала та свою первую большую победу в борьбе с абсолютизмом.

Оно и понятно: измученные отсутствием свобод люди были счастливы хотя бы тем, что наконец-то могли ни от кого не прячась ходить по улицам!

Цензоры были мгновенно изгнаны, газеты славили революцию, и осмелевшие люди вершили жестокую расправу над агентами султана, вешая их прямо на улицах!

Темницы рухнули, и на свободе оказалось сразу 40 тысяч политических заключенных, от тайной полиции и тридцатитысячной армии доносчиков остались одни воспоминания, и каждый день в стране появлялись общественные организации, ассоциации, клубы и политические партии.

Ну и конечно, началось поголовное братание!

В одном из городов председатель болгарского комитета объявил о примирении с греческим архиепископом, в другом — революционные офицеры посадили в тюрьму турка за оскорбление христианина.

Единая конгрегация турок и армян повторяла молитвы своих священников во время поминовения жертв массовой резни армян.

Полнейшая эйфория охватила и Стамбул, где разгуливающие по улицам огромные толпы жителей кричали:

— Да здравствует конституция! Долой шпионов!

По городу разъезжали повозки, в которых вобнимку обнявшись сидели турецкие муллы, еврейские раввины и христианские священники.

Славили и султана, и тот по требованию своих подданных молился в Святой Софии, где не был более четверти века.

Майоры Энвер, Ниязи и Ейюп Сабри были объявлены «героями свободы» и купались в лучах славы.

С хмурым видом наблюдал Кемаль за охватившей страну эйфорию.

Да и чему радоваться?

Это была не его победа, и он так и остался чужим на этом празднике победителей.

И надо ли говорить, как болезненно била по его самолюбию каждая новая здравица в честь новоиспеченных «героев».

Даже в самые мрачные дни своей ссылки в Сирию он с такой ненавистью не вспоминал одним росчерком пера сломавшего его судьбу чиновника.

И останься он тогда в Македонии, звучавшие сегодня фанфары славили бы его, а не всех этих джемалей и талаатов! А пока он имел то, что имел…

Не обладавшие опытом управления огромной страной и широкой сетью своих комитетов, младотурки повели себя довольно странно.

Судя пор всему, они посчитали, что свое уже сделали, и контроля над армией и парламентом было для них вполне достаточно.

Правительство продолжали возглавлять представители консервативной бюрократической знати, и в стране сложилось опасное двоевластие.

Младотурки не только не вошли в состав правительства, но и, вопреки всем решениям своего же собственного конгресса, оставили на престоле Абдул- Хамида.

Они почти не уделили внимания важнейшим социальным и экономическим вопросам в своей новой программе, отделавшись туманными обещаниями.

И только в национальном вопросе была полная ясность.

— Мы, — заявил Джемаль-паша, — ведем не турецкую политику, а политику оттоманского единства, в которой турецкий

народ является «краеугольным камнем» всей империи.

И хотя сам Кемаль связывал неспособность младотурок к руководству империей с отсутствием у них надлежащих талантов, на самом деле все было намного серьезнее.

Их умеренность в решении важнейших экономических и социальных задач определялась отнюдь не отсутствием у них блестящих способностей, а сложным социальным составом их движения, слабостью нарождавшейся национальной буржуазии и политической незрелостью почти полностью неграмотного народа.

В связи с этим будет небезинтересно познакомиться с другой точкой зрения на события 1908 года.

«Действительным создателем движения младотурков, — писали американские политологи Джеффри Стейнберг, Аллен Дуглас и Рейчел Дуглас в статье „Чейни свихнулся на `перманентной войне` Парвуса“, — был итальянский „свободный каменщик“ и торговец зерном Эммануэль Карассо.

Еврей по рождению Карассо был основателем масонской ложи в Салониках — „Ложи Возрождения Македонии“.

Практически все члены движения младотурков состояли в этой ложе.

Предтечей ложи македонского возрождения был другой агент Пальмерстона и революционер-провокатор Джузеппе Мадзини.

Карассо был главным финансистом всего движения младотурков, во время балканских войн он не только руководил всеми разведывательными операциями младотурков на Балканах, но и обеспечивал поставку продовольствия всей Оттоманской империи во время Первой мировой войны.

Очень прибыльный бизнес, его он делил с Парвусом.

Карассо также финансировал многие газеты и пропагандистские листки младотурков, включая газету „Молодой турок“, редактором которой был Владимир Жаботинский.

Другим „деловым“ партнером Карассо был Парвус, ставший экономическим обозревателем другой газеты младотурок „Турецкая родина“.

Парвус также был партнером Карассо в торговле зерном и оружием, на этих операциях он разбогател.

Из Лондона младотурками руководил Обри Герберт, внук одного из патронов Мадзини, погибшего в 1848 году в Италии, где он возглавлял революционные толпы.

Герберт возглавлял все британские секретные операции англичан на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны, и сам Лоуренс Аравийский слово назвал Герберта действительным

руководителем восстания младотурков.

Ведущая роль Эммануэля Карассо в движении младотурков и последующих войнах на Балканах 1912–13 гг. показательна с еще одной точки зрения.

Карассо был протеже и деловым партнером Джузеппе Вольпи ди Мизурата, крупнейшего итальянского банкира начала 20-го века, не только финансировавшего младотурков, но и способствовавшего захвату власти чернорубашечниками.

При фашистском режиме Муссолини он знаимал разные посты: был министром финансов (1925–1928), состоял членом Великого фашистского совета, был президентом Фашистской конфедерации промышленников, а главное, он представлял на людях группу аристократов, объединявшихся вокруг графа Пьеро Фоскари, отпрыска древнего рода венецианских дожей».

Противоположных позиций придерживается Электронная еврейская энциклопедия, которая признает наличие масонов в младотурецком правительстве.

— После того, — пишет она, — как в июле 1908 года этот комитет осуществил в Османской империи государственный переворот (так называемая революция младотурок), великим визирем был назначен Кямиль-паша (Мехмет Кыбрыслы; 1832–1915), кипрский еврей, в юности принявший ислам, а лидер каракашларов Джавид-Бей (1875–1926) стал министром финансов.

Несколько евреев, Эммануэль Карасо, Ниссим Мацлиах и Ниссим Руссо (все — из Салоник), были избраны в парламент и обрели в Стамбуле известное влияние.

На этом основании антисемиты утверждают, будто события 1908 году явились результатом «еврейско-масонского заговора».

Чего добивалось еврейское масонство в Османской империи, рассказывает в своей книге «Четыре года под полумесяцем» венесуэльский «солдат удачи» Рафаэль де Ногалес Мендес, служивший в турецкой армии

— Из книги следует, — говорил главный редактор выпустившего книгу издательства «Русский Вестник», Алексей Алексеевич Сенин, — что главные организаторы геноцида армян — не турецкие военные и не немецкие военные, направлявшие деятельность турецкой армии. Ими были руководители Комитета «Единение и Прогресс» — масонской организации, осуществившей младотурецкую революцию в 1908 году. Основные руководители Комитета были так называемыми «дёнме» — евреями, целенаправленно принявшими мусульманство, прежде всего представителями иудейской общины из города Салоники…

Если верить автору книги и главному редактору, то причины, по которым они организовали геноцид армян, были двоякими.

Армяне со времен Византийской империи составляли мощную экономическую и культурную силу в масштабах Османской империи.

Поэтому, с одной стороны, члены масонского Комитета «Единение и прогресс» несказанно обогатились за счет христиан Оттоманской империи.

С другой, — облегчалась задача превращения Турции в плацдарм еврейской колонизации Палестины.

Остается только добавить, что сторонники этой версии утверждают, что еверям-младотуркам оказывали помощь евреи-большевики, также бывшие масонами.

Одним словом, кругом одни масоны.

Как выяснилось, именно они сделали и русскую революцию. Это вообще, надо заметить, удивительное явление. Чуть что, виноваты масоны. Во многом это вечное нытье и нахождение таинственных масонов и жидов собственными слабостями. А те, кто не мог и не умел бороться, всегда оправдывали свое неумение масонами. Революция во Франции? Виноваты масоны, а не бездельник Людовик XVI и доведенные до отчаяния голодные крестьяне! Победили младотурки в Османской империи? Значит, и там не обошлось без масонов. Пришел Гитлер? Ищите масонский след. Одним словом, если в кране нет воды… Не понятно только одно. Если масоны на самом деле были такой могущественной организацией, а все Временное правительство и половина Петросовета состояло сплошь из масонов, то почему же к власти в России пришла не ложа Великий Восток, а никому не известные большевики? И где было все их могущество, когда пришедший к власти Гитлер в несколько дней изгнал всех масонов из Германии?

Что же касается младотурков, то, конечно, среди них было немало дёнме.

Как мы уже знаем, считали дёнме и самого Ататюрка, который также был, по мнению некоторых историков, видным масоном.

Но тогда почему этот самый «масон» все свои силы он бросил на создание и укрепление турецкого национального государства?

И как объяснить то, что ухудшение отношения к евреям произошло именно во время правления турецких националистов?

Как считают некоторые исследователи, свое негативное отношение к христианам турецкие националисты перенесли и на другие национальные меньшинства.

Это вылилось в несколько прискорбных инцидентов: погром в

Трасе в 1934 году.

Именно там пронацистски настроенные элементы, симпатизировавшие Гитлеру, при поддержке местной организации кемалисткой партии изгнали из северо-западной Турции 15 000 евреев.

Более того, в 1942 году в Турции был введен налог на роскошь для тех граждан страны, кто не являлся турками по национальности.

Этот налог был направлен, прежде всего, против евреев и дёнме.

Те из них, кто был не в состоянии заплатить этот налог, были сосланы в трудовые лагеря, где некоторые из них умерли.

Исследователь истории еврейства Марк Дэвид Байер считает, что «самыми большими врагами дёнме были турки-республиканцы».

Так что не складывается…

Знал ли Кемаль, что было на самом деле?

Наверное, знал.

Но это не интересовало его.

Разочарованный в революции, ее лидерах и результатах, он охладел ко всему.

И кто знает, до каких пор продолжалась его депрессия, если бы «Единение и прогресс» не решил послать его в Триполитанию, где бунтовали арабы.

— У вас, — даже не спросив его согласия, заявил Хаджи Адиль, — уже есть большой опыт общения с арабами, и мы очень надеемся на то, что и на этот раз вам удастся оправдать наше доверие и усмирить бунтующих!

Даже не сомневаясь в том, что речь идет о его новой ссылке, Кемаль только хмыкнул в ответ.

А зря!

Как это ни странно, но на этот раз видный представитель комитета говорил чистую правду: он и его коллеги были полны желания с помощью на самом деле прекрасно знавшего местные условия члена своей партии доказать всем подданным империи, что им нечего бояться их и они способны навести в империи порядок.

Да и какую угрозу лидерам движения мог представлять по тем временам не имевший никакого политического веса майор?

Даже, несмотря на то, что в то время самого Энвера в стране не было.

Пытаясь хоть как-то укрепить свои позиции в армии, султан присвоил ему звание паши (генерала) и в январе 1909 года

назначил его на престижнейший пост военного атташе в Берлине.

Глава III

Получив на подкуп шейхов кругленькую сумму в тысячу золотых лир, Кемаль отправился в Африку и на глазах у изумленного шейха в клочья порвал правительственные бумаги.

Пораженный таким необычным началом араб удостоил эмиссара Порты долгим внимательным взглядом, в котором уже сквозило нечто похожее на интерес, и… согласился свернуть военные действия.

Как утверждали немногие свидетели этой сцены, Кемаль и на самом деле был неотразим, и все же куда большее впечатление на шейха произвело привезенное им золото.

Ободренный таким началом, Кемаль поспешил в Бенгази, где бунтовал другой могущественный шейх — Мансур.

Он и там попытался было пустить в ход то же оружие, но не тут-то было/

Мансур остался совершенно равнодушным и к его красноречию, и к предложенной ему взятке.

Понимая, что для этого сделанного из железа воина нужны совсем другие аргументы, Кемаль сменил тактику и под видом инспекции устроил… военный парад!

Зрелище возымело действие, и смущенный игрой мускулов Мансур заговорил о мире.

Блестяще исполнив порученное ему задание, Кемаль возвратился в Салоники и торжественно отрапортовал лидерам «Единения и прогресса» о своих успехах.

К его великому разочарованию и обиде, те даже не поблагодарили его и заткнули им очередную дыру, назначив начальником штаба Семнадцатой резервной дивизии.

И, снова отрезанному от политической жизни, ему не оставалось ничего другого, как только заняться своими прямыми обязанностями.

Но и здесь его ждало сплошное разочарование.

Все его начинания упирались в глухую стену непонимания, и он все больше убеждался в том, что до столь любимой им армии никому не было никакого дела.

Устав от бесплодных попыток пробить стену отчуждения, он решил махнуть на все рукой.

Но… не получилось…

Живший в нем дух противоречия и амбиции не отпускали, и снова началась депрессия с ее бессонными ночами, тягостными размышлениями и, конечно, ракы.

Время от времени он оживал и даже пытался поговорить с

лидерами «Единения и прогресса», что называется, по душам, но тем было в те дни не до него.

Обстановка в стране осложнялась с каждым днем, и во многом в этом были виноваты они сами.

Добившись свержения самодержавия и введя турецкую буржуазию в высшие эшелоны власти, «Единение и прогресс» посчитал свою задачу выполненной.

И ошибся!

Мало того что реакция очень быстро восстанавливала свои силы, не было единства и в рядах самих младотурок.

Как это и всегда бывает в таких случаях, после победы над общим врагом главные идеологи движения разделились на два лагеря, которые придерживались различных взглядов на будущее страны.

И в то время как принц Сабахеддин выступал за децентрализацию и религиозно-национальную автономию, его противники были приверженцами строгой централизации и насильственного отуречивания народов империи.

В результате Сабахеддин создал целый ряд политических группировок, среди которых особенно выделялись «Либералы».

В своей борьбе со сторонниками «Единения и прогресса» их лидеры быстро нашли общий язык с консервативной османской бюрократией и правым крылом парламентариев.

Парламент оказался расколотым и так и не принял ни одного важного решения.

Так ничего и не сделав в социальной сфере, младотурки быстро теряли популярность у турецкого населения империи, получившего взамен сладких обещаний еще больший налоговый гнет.

Косо смотрели на них и нетурецкие народы, поскольку младотурки с непостижимой быстротой забыли все свои обещания, и на деле «политика оттоманского единства» свелась к отуречиванию других национальностей.

Печально складывались дела и во внешней политике.

После того как 5 октября Болгария объявила о своей полной независимости от султанской власти, а на следующий день Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, за считанные месяцы империя потеряла больше, нежели Абдул-Хамид за все время своего правления.

Что сразу же дало ему повод обвинить «Единение и прогресс» в «оскорблении нации и религии».

Недовольные политикой младотурок все выше поднимали голову, и Абдул-Хамид не сомневался в том, что он и на этот раз сумеет покончить с ненавистной ему конституцией.

В ход снова пошла религиозная пропаганда, и в столице начались бесконечные демонстрации учеников религиозных школ, требовавших восстановления старых порядков.

Волновались и казармы, где реакционно настроенные офицеры подстрекали солдат на выступления против новой власти.

Против иттихадистов выступили при негласной поддержке султана влиятельные мусульманские фундаменталисты, требовавшие возврата к законам шариата, сторонники партии Ахрар.

Как и всегда в подобных случаях, для решающего выступления нужен был только хороший повод, и его, конечно, нашли.

На одном из собраний одетый в офицерскую форму неизвестный убил близкого к клерикальным кругам журналиста Хасана Фетми-бея, и с быстротой молнии по столице распространились слухи о том, что это дело рук младотурок.

В ночь с 12-го на 13 апреля солдаты Первой армии и многочисленные горожане окружили парламент и потребовали немедленной отставки правительства, восстановления шариата и власти султана.

Затем озверевшая толпа штурмом взяла здание парламента и убила двух депутатов.

Общее число мятежников достигло 100 тысяч.

Началась расправа с приверженцами младотурок.

Русский посол в Стамбуле И. А. Зиновьев в одной из своих депеш сообщал, что «движение вызвано было пропагандой низшего мусульманского духовенства».

Великий везир Хусейн Хильми подал прошение об отставке, и с несказанным удовольствием султан приказал новому правительству удовлетворить требования «восставшего народа».

На великих радостях он закрыл глаза на начавшуюся в Стамбуле вакханалию, и опьяненные победой мятежники с великим знанием дела грабили столицу в течение целых двух дней.

Причем доставалось, как и всегда бывает в таких случаях, и правым и виноватым!

И все же больше всех били, конечно, не успевших бежать в Салоники младотурок.

Однако лидеры «Единения и прогресса» и не думали сдаваться на милость победителей.

За ними стояла расквартированная в Македонии Третья армия, и именно в эти дни Кемаль получил великолепную

возможность проявить себя в полном блеске.

Назначенный начальником штаба созданной при его самом активном участии стотысячной «Армии действия», он двинулся в поход на мятежную столицу.

Кемаль сам дал название своей армии.

— Я, — рассказывал он, — хотел найти название, которое не задевает никого и с которым каждый может согласиться. Я выбрал слово «харекет», соответствующее французскому слову «движение», к тому же мы действительно находились в движении…

Он очень надеялся отличиться в боях и занять достойное его дарованиям место в политическом руководстве «Единения и прогресса».

19 апреля «Армия действия» вступила в пригороды Стамбула, и Кемаль от имени командующего пообещал наказать всех «преступивших через конституцию и позорящих всех честных офицеров Османской армии мятежников» и простить раскаявшихся.

В почтовом отделении, откуда он давал свои телеграммы, он познакомился с морским офицером Хусейном Рауфом, будущим командиром легендарного крейсера «Хамидие» и его соратником в борьбе за Независимость.

А затем… командование «Армии действия» возглавили командующий Третьей армией Махмут Шевкет-паша, примчавшийся на звук выстрелов из Берлина Энвер и другой герой революции майор Ниязи.

Кемаль снова оказался на вторых ролях.

Впрочем, ему в любом случае ничего не светило, так как он умудрился испортить отношения с командующим, и, как указывают некоторые документы, он был снят с должности и отослан в Салоники еще до смены руководства армией.

22 апреля члены разогнанного парламента приняли решение о смещении султана, а еще через несколько дней произошло кровопролитное сражение со стоящими на стороне султана воинскими частями.

Прекрасно организованная стараниями Кемаля «Армия действия» одержала победу и вошла в Стамбул, где встретила не менее яростное сопротивление особо рьяных защитников Абдул Хамида.

Особенно жестокие бои шли у здания правительства, где мятежники заблаговременно возвели баррикады.

Снова отличился взявший штурмом казармы бунтовщиков Энвер.

По занятию Константинополя, Махмуд Шевкет-паша окружил

своими войсками дворец Йылдыз, где жил Абдул-Хамид, и прекратил все его сношения с внешним миром.

Лишенный пищи, воды и освещения, окруженный своими телохранителями и фаворитами, осыпавшими теперь его упреками, Абдул-Хамид через 2 дня выразил желание вступить в переговоры.

Вторая дивизия с боем взяла султанский дворец, и победители прошли победным маршем по столичным улицам, толкая перед собой длинную вереницу евнухов, шпионов и рабов султана.

Назначив себя военным комендантом, Махмут Шевкет-паша ввел в городе военное положение, и суды военного трибунала приступили к своей кровавой работе.

Отныне всех замеченных в сопротивлении властям ждала либо казнь, либо арест, либо ссылка.

Затем Шевкет-паша послал своих офицеров в провинции для сбора налогов.

Так под знаменем конституции и демократии армия на какое-то время установила в стране свой собственный контроль.

Окончательная развязка наступила 27 апреля, когда на совместном заседании палаты депутатов и сената в Святой Софии бывший великий везир Саит-паша зачитал столь долгожданную фетву шейх-уль-ислама о низложении самого кровавого в истории Османской империи султана и лишении его сана халифа.

Депутаты отправились во дворец, и глава делегации зачитал Абдул-Хамиду фетву о возведении на престол его брата Решида.

— Это судьба! — гордо ответил султан. — И все же Бог покарает творящих зло!

Ночью султана посадили на уходящий в Салоники поезд.

На пустом вокзале не было ни почетного караула, ни блестящих орденами царедворцев.

Выполнявший роль тюремщика Али Фетхи небрежно махнул рукой, и поезд медленно тронулся в ночь.

Так прозаично закончилась самая страшная эпоха в истории Османской империи…

Да, это было страшное время, и все же нельзя красить правление Абдул Хаида II только черной краской.

За 30 лет его нахождения у власти был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства возросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения, и делалось многое другое.

Но в то же самое время другие государства, в том числе и соседние с империей, развивались намного быстрей.

Мы еще увидим, какое восхищение вызвала у Кемаля Болгария, в которую он был направлен военным атташе.

Но… никому не дано прыгнуть выше головы, и Абдул-Хамид II не являл собой исключения.

Причин тому было много.

«Больной человек, — говорил по этому поводу в 2002 году председатель Совета по высшему образованию Турции профессор Кемаль Гюрюз, — стал смертельно больным не без постоянного вмешательства в реформы консервативных кругов ислама, поэтому так и не стали реальностью принципы танзимата и конституции».

Была ли вина в этом султана?

Вряд ли, поскольку он был продуктом воего времени.

И если сам Кемаль в начале Освободительной борьбы будет часто прибегать к помощи религии, дабы не отпугнуть от себя население Анатолии, то, что же говорить о султане, который одновременно являлся и халифом?

— В нашем труде, — говорил Кемаль на одном из выступлений, — в наших усилиях мы по-прежнему будем опираться на бесконечную милость к нам и покровительство Аллаха и на несгибаемую волю и решимость нашей нации перед лицом любых трудностей…

Как тут не вспомнить Эклессиаста.

«Всему свое время, время собирать и разбрасывать камни…»

И время собирать их еще не пришло…

Глава IV

Апрельские события означали окончательное завершение младотурецкой революции.

И, что бы ни говорил о ней сам Кемаль, начатая как военный путч, она обрела свое историческое значение, открыв простор сдерживаемым султаном новым социальным силам.

Стамбул стал центром политической активности, и в него сразу же устремились деятели эмиграции, балканские и иранские революционеры, деятели арабской культуры и даже представители тюркских народов России.

Вместе с ними в страну широким потоком хлынули идеи мусульманской реформации, популизма, национализма и социализма.

Благодаря этому, эпоха младотурок была самой интересной с точки зрения борьбы мировоззрений.

Именно тогда в непримиримой и, что самое главное, открытой схватке сошлись между собою сторонники османизма и уже зарождавшегося национализма, либералы и консерваторы, демократы, автократы и выразители прочих идей.

Это были тяжелейшие для пережившей подряд четыре тяжелых войны Турции времена.

Безвольный и болезненный Мехмет V Решид царствовал, но не управлял.

Суды военного трибунала продолжали свою кровавую «жатву», однако ставший военным диктатором Шевкет-паша и не думал злоупотреблять своей безграничной властью.

Твердо веривший в идеалы конституции, он тесно сотрудничал с гражданскими членами комитета, которые стали фатическими правителями страны.

Но именно тогда на стыке танзиматской и младотурецкой эпох зарождались те самые идеи, которые спустя всего два десятка лет станут основой строительства новой Турции.

Что же касается снова забытого лидерами младотурок Кемаля, то его ждало новое разочарование.

Для проведения столь долгожданной им военной реформы лидеры «Единения и прогресса» пригласили немецкого генерала фон дер Гольтца, и немецкие фирмы начали поставлять империи новейшее вооружение, боеприпасы и экипировку.

Внимательно наблюдавший за всеми этими свершениями Кемаль испытывал к происходящему двойственные чувства.

С одной стороны, он был несказанно счастлив тем, что воз наконец-то сдвинулся с места и армия начала свое великое

возрождение.

Но в то же самое время ему не нравилось то, что первую скрипку в ее возрождении играла германская военная миссия.

Но делать было нечего, и ему снова пришлось смириться, благо что его назначили в управление по подготовке кадров Третьей армии, и перед ним открывалось достаточно широкое поле деятельности.

Кемаль с редким для него удовлетворением погрузился в работу.

Его блестящие лекции имели огромный успех, и офицеры быстро прониклись уважением к прекрасно своему образованному и энергичному преподавателю.

Но Кемаль поражал сослуживцев не только обширными знаниями, но и своей поистине нечеловеческой выносливостью.

Он последним уходил из казино и первым появлялся на службе.

А в перерыве между этими достойными занятиями успел перевести книгу бывшего директора Берлинской военной академии генерала Литцемана.

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы только слепо копировал чужие сочинения, и он по возможности исправлял давно устаревшие идеи немецкого генерала.

Вскоре начались военные маневры, и Кемаль отправился в Кепрулу, где предложил главе германской военной миссии маршалу фон дер Гольтцу собственный план учений.

И фон Гольтц с интересом ознакомился с ним.

— Конечно, — говорил довольный Кемаль друзьям, — одобрение такого блестящего военного, как фон дер Гольтц, имеет большое значение, но куда более важным мне казалось доказать то, что мы и сами могли кое-что предложить для защиты своей страны…

И для обеспечения этой самой защиты он буквально лез из кожи.

Он проводил полевые занятия и постоянно изыскивал возможность повысить эффективность ведения боевых действий.

Жесткий и требовательный, он нередко срывался и, возмущенный несообразительностью и неумением своих подчиненных, вел себя так, что многим за него становилось стыдно.

Точно так же он повел себя и с давно уже отслужившими свое старшими офицерами, обвинил их в совершенном непонимании принципов управления войсками.

— Нашей армии, — ничуть не смущаясь присутствием «старой гвардии», во всеуслышание заявил он в офицерском

клубе, — совершенно не нужно ее высшее командование. И было бы прекрасно, если бы ее командная структура заканчивалась майорами, поскольку уже завтра из их рядов выйдут прекрасные командиры!

Обиженная «старая гвардия» решила проучить наглеца и поставила Кемаля командовать пехотным полком, очень надеясь на то, что на практике этот воинствующий теоретик сломает себе шею.

Но Кемаль быстро разочаровал их, блестяще справившись со своими обязанностями.

Еще одну причину слабой подготовки офицеров Кемаль видел в их чересчур активном занятии политикой.

— Какой толк, — вопрошал он на очередном конгрессе «Единения и прогресса», благо, что сам Шевкет-паша придерживался точно такого же мнения, — от заседавшего в парламенте генерала? Его дело учить солдат! Повальное участие офицеров в политической жизни гибельно для армии. И именно поэтому Третья армия, многие офицеры которой являются членами «Единения и прогресса», не может считаться современной армией!

И какова же была радость Кемаля, когда такие видные деятели движения, как Исмет и Кязым Карабекир, поддержали его предложение.

Но, увы, дальше разговоров дело так и не пошло.

Да, офицеры перестали посещать партийные клубы, но комитет по-прежнему продолжал опираться на военных.

А вот отношщения самого Кпемаля после конгресса с некоторыми членами комитета испортились окончательно.

С кем именно так и осталось неизвестным.

В связи с этим надо заметить, что выступавший под общим девизом «Спасение империи и контроль над султаном» комитет «Единения и прогресса» являл собой удивительный ансамбль противоборствующих кланов, во главе которых стояло около тридцати лидеров.

А на вершине пирамиды возвышаля странный триумвират в составе Энвера, Талаата и Джемаля.

Странным он был по тому, что даже при всем желании было сложно найти столь различных людей.

И тем не менее…

Надо полагать, что Кемаль не полаждил с кем-то из лидеров, поскольку ему сначала угрожали, а потом дважды (в 1909 и 1911 годах) его пытались убить.

После многих лет, проведенных в подполье, «Единение и прогресс», даже добившись власти, сохранил жесткие привычки

подполья.

И его руководители безжалостно расправлялись со всеми неугодными.

Для своих темных дел они использовали профессилнальных убийц из секты федаев.

И если верить воспоминаниям Кемаля, то в течение нескольких недель федаи охотились за ним и даже стреляли в него.

Говоря откровенно, странные это были покушения.

Федаи всегда довдили дело до конца и никогда не промахивались, и Кемалю, если дело обстояло именно так, крупно повезло…

Тем не менее, Кемаль не спешил покидать ряды комитета, хотя и превратился в то время в обыкновенного наблюдателя.

Что же касается высших руководителей партии, то между ними и Кемалем лежапа огромная пропасть, и преодолеть ее он смог только в отношениях с Джемалем…

Глава V

Летом 1910 года с группой османских офицеров Кемаль был послан на учения французской армии в Пикардию.

И надо ли говорить, с какой радостью и интересом ехал он в даровавшую миру великую революцию страну!

Как только они переехали границу, он сменил феску на фуражку, и майор Саляхеттин недовольно заметил:

— Что ты делаешь? Разве ты забыл, что м представляем наше государство? И все должны видеть, что мы османы!

Кемаль только пожал плечами.

Но когда поезд остановился на одной из сербских станций и один из мальчишек заорал пронзительным голосом на весь перрон «чертов турок!», майор тут же достал из своего чемодана фуражку.

Кемаль с огромным интересом наблюдал за всем происходящим на полях Пикардии.

Но, увы, в империи снова обострилась обстановка, и вместе с военным министром Махмутом Шевкет-пашой его отправили на подавление восстания в Албании.

Шевкет-паша сдержал данное им в Стамбуле слово и со свойственной ему жестокостью принялся уничтожать бунтовщиков.

Сам Кемаль почти не принимал участия в боевых действиях и занимался в основном разведкой.

Албанцы получали оружие из пограничных с ними стран, и он был обязан перекрыть эти пути.

Говоря откровенно, он не был в восторге от своего участия в исполнении жандармских функций по подавлению восстания.

Ведь это был не просто бунт, а борьба двух идеологий: османизма, за который все еще цеплялись младотурки, и национализма нетурецких народов.

Более того, судя по его поведению в Сирии и дальнейшим высказываниям, Кемаль оказался в затруднительном положении: прогрессивно мыслящий человек, он был обязан самым жестоким образом подавлять ростки национального самосознания.

Да и чего особенного требовали албанцы?

Независимости?

Так это естественное стремление любого народа!

Развития своего собственного языка?

Так и здесь не было ничего удивительного, поскольку язык являлся неотъемлемой частью национальной культуры, и любой народ имел право говорить на своем собственном языке!

Да и в желании албанцев видеть на всех ключевых постах в управлении страной своих соотечественников тоже не было ничего странного.

И когда на званом обеде в Салониках немецкий полковник фон Андертен произнес здравицу в честь «великой Османской империи, сокрушившей сопротивление албанцев», Кемаль демонстративно поставил свой бокал с шампанским на стол.

— Турецкая армия, — заявил он, — выполняет свой долг, когда защищает страну от иностранной агрессии и освобождает нацию от фанатизма и интеллектуального рабства! К сожалению, турецкая нация намного отстает в своем развитии от Запада, и главной нашей целью является как можно быстрейшее вхождение в современную цивилизацию! И как турецкий офицер, я не могу гордиться подобными победами!

Все были шокированы его поведением, и особенно словом «турецкий», которое в Османской империи означало «невежественный».

Да и само слово «турок» служило не обозначением национальности, а употреблялось как ругательство.

Кемаль продолжал развивать свои идеи в кругу друзей и не раз заявлял о том, что вся сложность нынешнего положения Османской империи кроется в ее имперском мышлении и что в национальных движениях заложен глубокий исторический смысл.

Конечно, подобное понимание приходило к нему не только под влиянием всего увиденного им за эти годы.

Определенное влияние оказал на него и великий турецкий мыслитель того времени Зия Гёкальп.

Отдав неизбежную по тем временам дань османизму, он стал склоняться к тюркизму — турецкому национализму, который представлял у него уже не какое-то отвлеченное и чисто философское понятие, а реальное явление со своими традициями, фольклором, языком и всем тем, что формирует национальное сознание.

Конечно, он не изобрел ничего нового, и первыми о тюркизме заговорили жившие в России татары и узбеки.

Так, еще в 1904 году в газете «Тюрк», издававшейся в Каире, появилась статья Юсуфа Акчуры «Три вида политики».

В ней были названы три варианта выбора государственной идеологии, стоявшие перед османским государством — османизм, исламизм и тюркизм.

Османизм означал равенство родового происхождения, религий и учений во имя создания совместной родины.

Исламизм — это собирание всех мусульман мира в едином исламском союзе.

Что же касается тюркизма, то автор статьи считал, что «мысль о необходимости осуществлять национальную политику на расовой основе абсолютно нова и не существовала ранее ни в Османском государстве, ни в других тюркских государствах».

Выходец из России и татарин по национальности Акчура стал одним из лидеров течения тюркизма.

«Тюркский союз, — писал автор, — начинается с тюрок.

В этом большом сообществе самую главную роль будет играть Османское государство — наиболее сильное, наиболее передовое и цивилизованное из тюркских обществ».

Практически всеми исследователями его взгляды оцениваются как пантюркистские.

«Идею Туранизма, — отмечал Поултон, — унификацию всех тюркских народов от Балкан до Китая в единую страну, именуемую Туран — изначально можно заметить в идеях Акчуры.

Туранистское движение, которое в известной степени можно рассматривать как крайнее проявление этнического национализма, заявило о себе после младотурецкой революции и было привнесено эмигрантами из России».

Поултон был убежден, что именно при младотурках получила распространение «идея Турана как прародины всех тюрок».

Был он убежден и в том, что эти российские тюрки надеялись сделать Османскую империю локомотивом тюркизма во имя свободы тюркских Народов России.

Тем не менее, турецкие историки главенствующую роль в детальной разработке более вариативной и гибкой концепции тюркизма признают за «своими» идеологами и, прежде всего, за Зиёй Гёкальпом.

Дабы облегчить проникновение своих идей в народ, Зия стал излагать их в стихах, сказках и легендах, прославлявших прошлое турецкого народа и доказывавших его неразрывную связь с Центральной Азией.

И, посещая облюбованное знаменитым философом кафе, Кемаль с интересом слушал его в высшей степени неординарные по тем временам рассуждения о качественно новой турецкой нации, имевшей крепкие корни и обеспеченное будущее.

Больше всего Кемаля интересовало отношение философа к цивилизации и культуре, которую надлежало не только сохранять, но и всячески развивать.

— Да, — часто повторял Зия, — мы должны перенять у Запада его цивилизацию, но при этом опираться только на собственную культуру, игравшую решающую роль в становлении национального самосознания…

— Что для этого надо? — вопрошал философ и отвечал: —

Прежде всего, заменить малопонятный народу османский язык на турецкий, что будет способствовать сплочению нации.

Считая ислам не только частью национальной культуры, но и величайшим источником этического воспитания, Зия, тем не менее, был сторонником светского государства

Турецкие мусульмане должны поддерживать отношения со своими братьями во всем мире, но на первом месте должны стоять интересы турецкой нации.

И именно поэтому арабские традиции в исламе необходимо заменить турецкими, а службы отправлять только на турецком языке.

Да и сам Коран, по мысли Зии, надлежало изучать только на турецком языке, дабы верующие могли лучше понимать свою религию, а не выхватывать из нее малопонятные отдельные фразы на чужом языке.

Прекрасно понимая роль семьи в становлении здоровой нации, Зия выступал за предоставление женщине равных прав с мужчиной, упразднение полигамии и прочих пережитков старины.

В противовес панисламистам он обосновывал необходимость разделения светской и духовной власти и развития турецкой нации на основе достижений европейской цивилизации.

А чтобы как можно скорее добиться успеха на этом пути, считал он, надо было объединить все тюркоязычные народы в рамках единого государства.

В опубликованном им стихотворении «Туран» он писал:

> Родина для турок — это не Турция и не Туркестан,
> Родина — это великая и вечная страна — Туран.

Иными словами, он проповедовал пантюркизм.

Как это ни удивительно, но впервые об идее создания Великого Турана заговорили отнюдь не восточные идеологи.

Первопроходцем стал Арминий Вамбери, венгерский еврей-эмигрант, ученый и путешественник, работавший на британскую разведку.

Человек прямо-таки легендарный.

Востоковед Пургисталь возбудил в нем интерес к изучению восточных языков.

Изучая их, Вамбери заметил, что в венгерском языке можно было найти слова, схожие с теми, которые употребляют тюркоязычные народы.

Надо заметить, что ученых давно волновала загадка происхождения венгров, или, как они себя называли, мадьяров.

Откуда явились они на берега Дуная?

С какой прародины принесли язык, столь отличающийся от языков их европейских соседей?

Значит, прародиной венгров была Центральная или Средняя Азия?

Барон Этвеш, венгерский лингвист, к которому Вамбери пришел в дырявых башмаках, сочувственно отнесся к его предложению — отправиться на Восток для выяснения сходства венгерского языка с языками азиатских народов.

В Турции Вамбери прожил шесть лет.

Сначала он был странствующим чтецом.

На второй год стамбульской жизни Вамбери часто видели во дворах мечетей, где, сидя у ног учителей-хаджи, он постигал премудрости ислама.

В Стамбуле он оказался, когда ему было примерно 20 лет.

Вскоре он стал учителем модного в то время в Турции французского языка.

Прошло еще три года, и Вамбери стал появляться в министерстве иностранных дел и на приемах в посольствах — владея уже тридцатью языками, он мог быть переводчиком решительно всех дипломатов при дворе султана.

Приняв ислам, Арминий работал некоторое время секретарем у Мехмеда Фуад-паши, министра иностранных дел Турции.

Постепенно настоящее его имя забылось и важного господина, имеющего собственную карету, стали называть Рашид-эфенди.

И он, вероятно, не преувеличивал, когда много лет спустя говорил, что в турецких делах разбирался не меньше, чем любой эфенди, рожденный в Стамбуле.

Вместе со странствующими дервишами он прошел весь Восток.

Чалма дервиша прикрывала голову тесно связанного с Венгерской Академией наук знатока восточных языков и уникального британского разведчика Арминия Вамбери, от природы обладавшего редким даром перевоплощения.

Лингвистические исследования прославили Арминия Вамбери.

Но в поисках прародины венгров он не нашел верного пути.

Общей прародиной предков венгров, ханты, манси было, вероятно, Южное Приуралье.

В своих исследованиях Вамбери выполнял заказ английских правящих кругов.

Тем не менее, в своем «Путешествии по Средней Азии из Тегерана через Туркменскую пустыню по восточному берегу

Каспийского моря в Хиву, Бухару, Самарканд, предпринятом с научной целью, по поручению Венгерской Академии в Пеште, членом ее А. Вамбери», британский разведчик Вамбери писал: «Русское образование и культура ловкой рукой была пересажена в Среднюю Азию, в эту крепость дикого фанатизма, алчности и тирании.

Завоевание русскими Туркестана было счастьем для населения этой страны.

В этом должна сознаться даже Англия».

Демонстративно расставшись с родиной, где его недостаточно оценили и вознаградили, Вамбери переселился в Лондон, с которым уже давно поддерживал тесные связи.

Он занялся политикой и уже открыто считался специалистом по «восточным и русским делам».

В том же своем «Путешествии по Средней Азии» Вамбери провозгласил и новую геополитическую доктрину — пантюркизм, основывающийся на приоритете этнической общности и происхождения турок и других тюркских народов.

В стамбульский период своей жизни, Вамбери был наставником лидера новых османов Мидхат-паши, который еще в 1876 году, по мнению некоторых ученых, намеревался спасать шедшую к упадку империю с помощью пантюркизма.

Эта же программа в основных своих принципах оставалась доминирующей в идеологии младотюрков уже в начале XX века.

Многие исследователи пантюркизма и сейчас уверены в том, что Вамбери путешествовал по Средней Азии под видом суфия с целью объединения вокруг турецкого султана всех антироссийских сил.

«Турецкая династия, — писал Вамбери, — оплот Османского могущества, создала из многих элементов на основе общего языка, религии и истории империю, простирающуюся от берегов Адриатики до самого Китая, более могущественную империю, чем ту, что собрал Романов из самых разнородных и разрозненных материалов.

Анатолийцы, азербайджанцы, туркмены, озбеги, киргизы и татары должны войти в единое целое могучего турецкого колосса, что позволит ему на равных померяться силами с северным соперником».

В 1857–1863 годах Вамбери был советником турецкого султана.

Именно тогда Вамбери впервые ознакомил султана с идеей о пантуранской супердержаве.

Основная идея пантюркизма заключается в объединении всех тюркских народов или тюркского мира в одном государстве, при

лидирующей роли Турции.

Вамбери работал и на министра иностранных дел Великобритании лорда Палмерстона, который затем стал премьер-министром этой страны.

Идея венгерского профессора была весьма искусно использована британцами.

Основной целью Вамбери было создание антиславянского движения для того, чтобы ослабить позиции России и в конце концов отвлечь ее от борьбы за влияние в Персии, Центральной Азии и на индийском направлении.

Идеи пантюркизма поощрялись английскими, французскими, германскими и австрийскими правящими кругами и их спецслужбами.

Основной целью было повернуть направление возможной турецкой экспансии от Европы в сторону Российской империи, под властью которой находилась основная масса тюркских народов за пределами Османской империи.

Логика создания пантюркизма была весьма проста.

Данная политика давала возможность одновременно достичь двух важнейших целей.

Во-первых, Турция, жаждущая реванша над европейскими державами за потерю своих владений в Европе, более не рассматривала возврат данных территорий в качестве основной своей задачи и, таким образом, не угрожала европейским странам.

Во-вторых, она направляла свой взор на российские территории, так что в результате столкновения двух империй ослабевали обе, а в выигрыше оказывались великие европейские державы, которые могли в результате этого включить в сферу своего влияния обширные территории.

Другим европейцем, стоявшим у истоков пантюркизма, является сотрудник британской разведки Вилфред Блант, которого нередко называют отцом-основателем панарабизма.

Именно этот человек являлся автором идеи создания младотурецкого движения.

До сих пор окутана тайной деятельность итальянского подданного Эммануэля Карассо, который основал младотурецкое общество в Салониках, первое и главное представительство младотурецкой партии в Османской империи.

Редактором газеты «Младотурки» был другой европеец, Владимир Жаботинский.

Весьма весомый вклад в развитие идеи пантуранизма внесли представители тюркских народов бывшей Российской империи — татары Ахмеда Агаев, Юсуф Акчуру, Али Гуссейн Задэ, Исмаил

Гаспринский и др.

Первым глашатаем идеи единения тюркских народов стала газета «Тарджуман» («Переводчик») с ее лозунгом «Единство в мыслях, словах и делах», которая с 1883 года издавалась в Бахчисарае Исмаилом Гаспринским.

Однако даже эти деятели получили свои знания и вдохновение идеей пантюркизма в европейских учебных заведениях.

В XIX веке в таких европейских странах, как Франция, Германия, Великобритания, Дания, в качестве одного из направлений ориенталистики начинает развиваться тюркология.

В данном контексте хотелось бы упомянуть знаменитую книгу Леона Кахона об истории тюркской расы и словарь тюркских наречий Радлова.

В Османской империи одним из первых идеологов тюркизма был министр военных училищ Сулейман-паша.

Идеи тюркизма и пантюркизма он начал распространять именно среди учеников военных училищ, что было обусловлено влиятельным положением армии в турецком обществе.

Сильнейшее впечатление на него произвела уже упомянутая книга Жозефа Де Гиньи.

Сулейман-паша первым в Османской империи описал историю тюрок в своей книге «История мира» (1874) и в своем государстве выступил против употребления термина «османский язык», считая, что османский язык является всего лишь смесью арабского, персидского и турецкого языков, и предложил использовать определение «турецкий язык».

Говоря о развитии пантюркизма в Османской империи, нельзя не упомянуть Мустафу Джелалетдин-пашу (1826–1876).

Его настоящее имя было Константин Божецкий, и он происходил из рода польских шляхтичей.

В 22 года он участвовал в польском восстании против Российской империи и после подавления восстания эмигрировал в Стамбул.

Он поступил на службу в османскую армию и принимает ислам, а вместе с ним и новое имя.

Джелалетдин-паше принадлежит идея «туро-арианизма», в соответствии с которой европейские и тюркские народы составляют единую расу, а западная культура является продуктом интеллектуальной деятельности «туро-арианцев».

Он также утверждал, что часть тюрок, принявших ислам, сошлась с семитской культурой.

Он же предлагал связать христианские народы Османской империи с тюркским элементом культурно-языковыми связями,

или попросту ассимиляцией.

Сложно сказать, знал ли Кемаль обо всех этих философах, но, слушая Кёкальпа, Кемаль постоянно ловил себя на мысли о том, что на многие вещи он уже давно смотрит его глазами.

Да, все так: и культура должна быть своя, и цивилизация европейская, и женщина должна обладать равными с мужчиной правами.

А вот пантюркистских настроений, открывавших широкую дорогу воинственно настроенным людям, в учении Гёкальпа Кемаль не принял.

Но как бы там ни было, он с большим уважением относился к философу и все больше попадал под влияние его националистических идей.

И когда на учениях Пятнадцатого артиллерийского полка немецкий офицер в очередной раз поздравил его «с успешным завершением миссии в Албании», Кемаль в довольно резких тонах высказал немцу все, что он об этом думал!

Затем ему под горячую руку попался один из самых ярких представителей столь нелюбимой им «старой гвардии» командующий Пятой армией Хасан Тахсин-паша, в какой уже раз продемонстрировавший свою полную неспособность управлять войсками на очередных учениях.

Конечно, позволь он себе подобное еще несколько лет назад, и от него бы мгновенно избавились.

Однако теперь, когда сам Энвер стоял за омоложение армии, он мог позволить себе критиковать генералов и полковников.

Критика не прошла ему даром, и в сентябре 1911 года при содействии «старой гвардии» его сослали в Первый отдел Генерального штаба.

И эти люди знали, что делали.

Шли дни, недели, месяцы, но никто и не думал обращаться к Кемалю ни с какими вопросами.

А когда он и здесь попытался поднять бунт и проломить глухую стену непонимания, его решили заслать еще дальше.

В Триполи!

И надо ли говорить, с какими чувствами поднимался Кемаль на борт стоявшего под парами парохода.

Один из лучших командиров османской армии, он был изгнан из нее в самый ответственный для нее момент.

Однако до Триполи он так и не добрался из-за начала войны с Италией.

И теперь все помыслы Кемаля были устремлены в Северную Африку, где шла настоящая война.

Оставалось только найти способо, чтобы добраться туда…

Глава VI

Итальянцы давно мечтали заполучить в свои руки две африканские провинции Османской империи — Триполитанию и Киренаику.

Эти пустынные африканские территории имели весьма важное стратегическое значение, и, заполучив их, Италия могла существенно усилить свои позиции в Средиземном море.

И именно Триполитанию итальянцы уже тогда рассматривали как плацдарм для дальнейшей экспансии.

23 октября 1909 года в замке Раккониджи близ Турина состоялась встреча императора Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III.

Монархи выпивали и развлекались охотой, а их министры иностранных дел Томмазо Титтони и Александр Извольский составили секретное соглашение.

Они договорились о том, что Италия обязывалась «относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о Проливах».

Со своей стороны, царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике».

Фактически это было разрешением Италии оккупировать Ливию.

В 1902 году Италия и Франция подписали секретное соглашение, которое предоставляло свободу вмешательства Италии в Ливию.

28 сентября итальянское правительство почти без предисловий направило Порте ультиматум.

Это был один из поразительнейших по цинизму документов.

Он начинался с заявления, что Турция держит Триполитанию и Киренаику в состоянии беспорядка и нищеты.

Далее шли жалобы на противодействие турецких властей итальянским предприятиям в Триполи.

Вывод был таков: «Итальянское правительство, вынужденное позаботиться об охране своего достоинства и своих интересов, решило приступить к военной оккупации Триполитании и Киренаику».

Однако последнего предела наглости итальянская дипломатия достигла в заключительных строках ультиматума: в них Турции предлагалось самой способствовать захвату своей территории, приняв меры к тому, чтобы «предупредить всякое противодействие» итальянским войскам!

Турецкое правительство, желая избежать войны, заявило о

готовности обсудить претензии итальянцев и предоставить им экономические привилегии в пределах принадлежащего им суверенитета.

Но итальянцев подобные предложения уже не интересовали.

29 сентября король Италии объявил Турции войну.

Итальянский флот бомбардировал город Превеза на побережье Эпира, а также города Триполи и Хомс на побережье Триполитании.

К этому времени в Ливии находилось только 5 тысяч турецких солдат.

Турецкий же флот даже думать не мог о соперничестве с итальянским флотом.

4 октября Триполи подвергся ожесточенной бомбардировке и в Тобруке высадился итальянский экспедиционный корпус.

Османский гарнизон в Триполи и Бенгази насчитывал всего около пятнадцати тысяч человек, и в начале военных действий итальянцы без особого труда одерживали победы.

Несмотря на начало войны, военный министр Махмут Шевкет-паша не собирался посылать в Африку войска, однако Энвер убедил «Единение и прогресс» в необходимости ведения партизанской войны против итальянцев с помощью арабских племен.

«Герой революции» был обручен с племянницей султана Наджие и даже не сомневался в том, что, будучи членом семьи самого халифа, добьется в Триполитании успеха.

Вместе с сотнями других искавших приключений офицеров он отправился в Африку, и Кемаль решил последовать его примеру.

В Стамбуле ему было нечего делать, а там, на фронте, он наверняка сумеет обратить на себя внимание и попытается занять достойное своим дарованиям место.

Да и где еще отличаться военному человеку, как не на войне!

Дело было за малым, и оставалось только на этот самый фронт попасть.

Прямого сообщения с Ливией не было, и добровольцам было предложено добираться туда не только на свой страх и риск, но и за собственный счет, и после долгих мытарств Кемаль отправился в Африку на русском пароходе.

Вместе с ним в опасное путешествие отправились главный оратор «Единения и прогресса» Омер Наджи и уже успевшие прославиться своей любовью к приключениям и сумасбродными планами Сапанджали Хаккы и Якуб Джемиль.

И Рауф был весьма удивлен, увидев его в столь странной для

него компании.

— Да, — пожал плечами Кемаль, — в свое время мы были очень дружны с Омером, и мне всегда нравилось беседовать с ним. Но это совсем не значит, что я разделяю идеи прибывших вместе со мной людей, и вынужден путешествовать вместе с ними только волею обстоятельств…

В Александрии Кемаль заболел и лег в госпиталь.

Поправился он быстро и вместе с друзьями детства Нури и Фуадом Булджой отправился в Ливию.

Но как только они попытались перейти границу, их задержал отряд под предводительством египетских офицеров.

Положение было серьезным, и перебить в песках пусть и отчаянных, но малочисленных турок для вооруженных с ног до головы арабов не составляло ни малейшего труда.

И тогда Кемаль сам перешел в наступление.

— В чем дело? — без тени смущения спросил он. — Почему нас не пускают дальше? Разве это не территория Османской империи?

Покоренные спокойствием этого голубоглазого человека и его властным тоном арабы с некоторым смущением заявили, что границы изменены и теперь эта земля принадлежит Египту.

Но Кемаль и не подумал отступать и стал взывать к… религиозным чувствам своих собратьев по религии, пустив в ход все свое недюжинное красноречие.

Неужели верные слуги Аллаха, с непередаваемым пафосом вопрошал он, не пропустят своих собратьев сражаться с неверными?

А может, они желают победы гяурам?

Как тут же выяснилось, арабы вовсе не желали победы неверным и отпустили путников на все четыре стороны, от всей души пожелав победы.

Более того, им дали пищу и ценившуюся в пустыне на вес золота воду.

И, тем не менее, путешествие едва не закончилось для Кемаля и его друзей трагически, поскольку уже очень скоро они попали в жесточайшую песчаную бурю, которая чуть было не стоила им жизни.

Да и путь через раскаленные пески, где глоток воды воспринимался как величайший подарок судьбы, здоровья им не прибавил.

Но когда, обгоревшие дочерна и умирающие от жажды, они все же добрались до места назначения и представились Энверу, тот приветливо поздоровался со всеми и поздравил Кемаля с присвоением ему майорского звания.

Уже на следующий день Кемаль получил боевое крещение и с честью вышел из него.

Отбив атаки итальянцев, он начал свои знаменитые сражения… с Энвером, который повел себя так, словно находился в своей собственной вотчине.

С чем, принимая во внимание его близость к султану, никто и не думал спорить.

Кроме Кемаля.

Да, он не мог отказать Энверу в личной храбрости, и он был незаменим там, где были нужны решительность и личное мужество.

Но на настоящей войне этих чисто солдатских качеств было мало, необходимых для нее знаний у Энвера не было, и Кемаль быстро разочаровался в «герое революции».

Военачальником он и на самом деле оказался неважным и в своих по большей части авантюрных планах надеялся куда больше на порыв, нежели на понимание обстановки и тонкий расчет.

Ослепленный революционными успехами, он видел только то, что хотел видеть, и именно отсюда вытекала вся его тактика — тактика скорее мечтателя, нежели полководца, и авантюриста, нежели штабного работника.

И напрасно Кемаль пытался убедить Энвера в том, что они слишком слабы для того, чтобы выбить итальянцев из их укрепленных пунктов, и его ставка на арабов несостоятельна.

Энвер был уверен в обратном.

Он то и дело бросал в бой малочисленные османские гарнизоны, и его совершенно не волновала бессмысленная гибель вверенных ему солдат.

Да и что ему были какие-то там жертвы, если он был уверен в том, что рано или поздно справится с итальянцами и с новым триумфом вернется в ждавший от него теперь только побед Стамбул.

И чего стоило сдержать Энвера Кемалю, знал только он сам.

Да, он жаждал славы не меньше Энвера, но, в отличие от него, был прекрасно образован и не мог бросать на алтарь энверовских амбиций ни в чем не повинных людей.

Отчаявшись хоть как-то сдержать Энвера, он стал настолько умело корректировать его приказы, что они принимали совершенно другой вид.

Энверу подобное поведение не понравилось, и после очередной стычки Кемаль в отчаянии заявил Рауфу:

— Если Энвер будет разрушать все, что я делаю, и углублять

раскол, я буду вынужден вернуться в Стамбул!

Энвер продолжал, и уже очень скоро непримиримые противники не могли спокойно видеть друг друга, несколько раз они договаривались до того, что были готовы застрелить друг друга, и только неимоверным усилием воли сдерживали себя от этого рокового шага.

Накричавшись до хрипоты и так и не достигнув соглашения, они расходились в разные стороны, но уже на следующий день все начиналось сначала.

Справедливости ради надо заметить и то, что сам Кемаль тоже бывал далеко не всегда прав и нередко стоял на своем из-за жившего в нем духа противоречия.

Не заладились отношения у Кемаля и с близким к Энверу Али Четинкайя, по кличке Лысый Али, который поражал своей отчаянной дерзостью даже своего хозяина.

И все же, помимо личной неприязни, расхождения между Кемалем и Энвером имели куда более глубокие причины.

Являясь одним из руководителей стоящей у власти партии, Энвер был обязан во что бы то ни стало продемонстрировать ее твердую решимость сохранить целостность империи.

И в то же время рядовой член движения Кемаль решал в общем-то свои личные задачи.

В своем желании сделать карьеру в Ливии он был не одинок, и в этой самой горячей точке на огромной карте империи собралось достаточно честолюбивых офицеров.

И хотя сам Кемаль сразу же понял всю обреченность затеянной Энвером кампании, тем не менее он был преисполнен желания утвердиться в армии и с гордостью писал друзьям о поставленной ему и его товарищам благородной задаче восстановления прежних границ империи!

Большую часть времени Кемаль проводил в выстроенном Энвером лагере в Айн-Мансуре, где тот создал военную базу, на которой османские офицеры обучали военному делу арабов — свою главную ударную силу в войне с Италией.

Османские гарнизоны были слишком малочисленны, и основными поставщиками военной силы стали местные племена сансуси.

В конце января итальянцы в очередной раз попытались прорвать турецкую оборону и продвинуться в глубь страны, и Кемаль снова показал, как надо руководить боевыми операциями.

Проведенная им жестокая контратака надолго отбила у итальянцев охоту к подобным экспериментам.

Правда, для самого Кемаля этот бой кончился весьма

печально: он получил инфекцию в глаз и на несколько дней перестал им видеть.

Почти месяц пролежал он в госпитале лагеря, но полностью вылечиться так и не успел.

В начале марта итальянцы снова пошли в наступление, и Кемаль в течение нескольких суток сдерживал их отчаянные атаки.

После чего вернулся в госпиталь в настолько серьезном состоянии, что врачи сняли с себя всю ответственность и настоятельно советовали ему как можно быстрее ехать на лечение в Египет.

Выйдя из госпиталя, Кемаль пошел на повышение и теперь имел в своем распоряжении восемь османских офицеров, 160 солдат и добровольцев и 8 тысяч арабов.

Эти воины находились как бы в двойном подчинении: ими, что было вполне естественно, командовали шейхи и османские офицеры.

И надо отдать им должное: почти в течение года они изрядно потрепали нервы пятнадцати тысячам итальянцев с их мощной артиллерией.

Вся беда заключалась в том, что арабы были людьми настроения, и его постоянно приходилось поднимать с помощью звонкой монеты.

Но чем больше платили арабам, тем невыгоднее им становилось прекращать войну, и они попросту саботировали приказы своих османских командиров.

Кемаль много раз беседовал с шейхами на эту деликатную тему, и всякий раз те клятвенно заверяли его, что это недоразумение и их воины будут сражаться как львы.

Тем не менее, перед каждой операцией они устраивали самый настоящий торг, который напоминал скорее стамбульский рынок, нежели военный совет.

В конце концов, Кемалю осточертело уговаривать арабов, и он стал хитрить.

И когда при подготовке важной операции шейхи затеяли очередную торговлю, он не стал изощряться в красноречии и взывать к чувствам «своих братьев по религии», а сразу взял быка за рога.

Неожиданно для всех он достал записную книжку, долго смотрел в нее, а затем обратился к одному из самых влиятельных шейхов.

— Нам давно уже известно, — холодно произнес он, — что вы являетесь итальянским агентом, шейх Мебр! А я пришел говорить не со шпионами, а патриотами! Бог с вами, шейх Мебр, я найду с

кем воевать! А с вами на эту тему поговорят другие люди…

Расчетливо нанесенный удар попал точно в цель, и по мере того как до Мебра доходил смысл услышанного, изумление на его лице сменялось неподдельным испугом.

Беседовать с молодчиками из «Особой организации», созданной Энвером для разборок со всеми, кто вставал на пути «Единения и прогресса», да еще по обвинению в шпионаже, у него не было никакого желания.

Он уже видел, как они «разбирались» с предателями, и тут же заверил Кемаля в том, что завтра сам поведет своих людей в атаку.

Мебр не обманул и не только выбил итальянцев с важной для них высоты, но и захватил в плен 200 человек.

Обобрав их до нитки, он чуть ли не голыми отпустил их в пустыню.

Конечно, подобные истории куда больше говорили скорее о наивности самих арабов, нежели о какой-то там тактической мудрости Кемаля.

И, тем не менее, он уже начинал выделяться среди остальных офицеров.

Пунктуальный и требовательный, он умело организовывал работу разведки и отличался высочайшей требовательностью к подчиненным. Никто не видел его в грязной рубашке или невыглаженных брюках.

Поднимая моральный дух своих солдат, он постоянно твердил им о тех великих целях, за которые они сражались.

Нравились ему и патриотически настроенные офицеры, и он с восхищением рассказывал о них Салиху.

«Сегодня, — писал он ему в одном из своих писем, — у нас была встреча всех офицеров и командиров, и, глядя на этих героев, я читал на их лицах желание умереть за родину.

И, чувствуя, как мое сердце наполняет гордость за них, я сказал: „Наша родина должна быть счастлива, поскольку у нее есть много детей, готовых пожертвовать за ее безопасность и счастье свои жизни!“»

Да, здесь много патетики и романтики, но не надо забывать о том, что носившие арабские наряды османские офицеры на самом деле смотрели на себя как на романтических воинов пустыни.

Именно в пустынях Ливии Кемаль получил превосходный урок военного мастерства и приобрел бесценный опыт при всей условности этой странной во многих отношениях войны.

Он много раз принимал участие в учениях, но только сейчас по-настоящему понял, что, несмотря на весь их размах и ту

важность, с какой проводили их генералы, в сущности, все они оставались игрой в солдатики.

А здесь, в Ливии, шла самая настоящая война, на которой солдаты становились солдатами.

И именно здесь Кемаль с «помощью» Энвера убедился в правильности уже однажды сделанного им открытия: для того чтобы стать великим, мало быть хорошим солдатом, и место под солнцем обеспечивают отнюдь не знание тактики и одержанные победы, а нахождение на самых верхних этажах политической власти.

Да и кем бы остался тот же Наполеон, не добейся он, в конце концов, политической власти?

Пусть и великим, но всего-навсего полководцем.

Какими остались такие талантливые генералы, как Карно, Дюгомье и Моро, которых, кроме военных историков, не помнил никто.

А раз так, то и все его военные победы должны быть не самоцелью, а служить трамплином для еще более высокого прыжка.

Политика, и только политика может дать обладание высшей властью, которую уже почти получил не блиставший военными талантами Энвер.

Только политический гений поднимает любого полководца на иной уровень, где политик становится носителем общественной судьбы, и он обязан стать таким носителем, чего бы это ему ни стоило…

Глава VII

Прошло несколько месяцев, и пылкие, но нетерпеливые итальянцы, которым уже смертельно надоела вся эта возня в песках, предложили перемирие.

Империя не согласилась.

Италия захватила Додеканесские острова и начала бомбардировку Бейрута и устья Дарданелл, а несколько ее торпедных катеров попытались прорваться в Проливы.

Впрочем, ситуация была напряженной не только на фронте, но и внутри самой империи.

Намеченные младотурками реформы коснулись в основном только государственного аппарата, просвещения и армии.

Да и велись они не со знанием дела, а простым наложением европейских порядков на совершенно другие социально-экономические и культурные контуры.

Тесные связи с помещиками и полное равнодушие к задыхавшемуся в тисках ашара крестьянству, угнетение нетурецких народов и наступление на рабочее движение — все это мало напоминало те щедрые лозунги, с какими они пришли к власти.

И вполне естественно, что полное нежелание заниматься радикальными социальными и экономическими преобразованиями, отход от обещаний и неготовность противостоять давлению западных государств вызвали широкое недовольство среди населения, и особенно у нетурецких народов — армян, арабов, албанцев и курдов.

Чем не замедлили воспользоваться объединившиеся вокруг созданной в 1911 году партии «Свобода и согласие» их политические противники, основную роль среди которых играли дворцовая бюрократия, духовенство и компрадорская буржуазия.

Наряду с реакционными требованиями о предоставлении султану права вето, о создании благоприятных условий иностранному капиталу и других, «Свобода и согласие» выдвигала также лозунги демократизации общественной жизни, предоставления национальным меньшинствам равных прав с турками и т. п.

В результате бесславной войны с Италией «Свобода и согласие» в июле 1912 году добилась роспуска парламента и привела к власти правительство, полностью составленное из представителей оппозиционных партий.

22 июля 1912 года великий везир Махмуд Шевкет-паша был смещен с занимаемого поста.

Не желая осложнений на взрывоопасном Ближнем Востоке, Россия, Франция и Англия потребовали от Османской империи начать мирные переговоры.

Порта тянула с ответом, и разгневанная ее упорством Италия сумела-таки натравить Черногорию на Османскую империю.

Греция, Сербия и Болгария требовали выполнения статьи 23 Берлинского трактата — радикальных реформ в Македонии, равносильных практически полному освобождению от турецкой власти.

Турецкое правительство уклонялось и всячески тянуло время.

В августе 1912 года на коронном совете под председательством царя Фердинанда было принято решение: если Турция не согласится немедленно же приступить к реализации статьи 23, то начать против нее войну.

Утром 9 октября 1912 года Черногория начала военные действия.

17 октября Сербия, Болгария и Греция объявили войну Турции и тоже приступили к военным действиям.

Болгары мобилизовали 420 тысяч человек.

Сербы выставили 150-тысячную армию.

Греки поставили под ружье 80 тысяч.

Поражение турок было молниеносным.

«Катастрофа — не менее мукденской, — писал корреспондент английской газеты „Дэйли Кроникл“, проехавший на автомобиле по местам сражений. — Три четверти артиллерийских орудий турок досталось болгарам.

Болгары подпускали турок совсем близко, давали им начать рукопашную, затем быстро отступали, и пулеметы косили турок сотнями, тысячами.

Отступление турок превратилось в беспорядочное бегство одурелых, голодных, измученных, обезумевших толп.

Врачей мало.

Перевязочных материалов нет. Припасов нет.

Я был свидетелем многих военных походов, но такого ужасного бедствия, такого избиения массами голодных, истерзанных, измученных, беспомощных крестьян из Анатолии я никогда не воображал себе».

Войска балканских союзников захватили большую часть Европейской Турции.

Болгарская армия наступала на Константинополь.

Французский премьер Пуанкаре уговаривал Николая II и его министров не мешать наступлению болгар на Константинополь.

Вмешиваться, считал он, надо будет позже, при мирном урегулировании «с целью пересмотра результатов войны»,

«повторив процедуру Берлинского конгресса».

Царь согласился.

Сазонов телеграфировал Извольскому: «Мы не желаем препятствовать союзникам временному занятию Константинополя».

Однако русская эскадра подойдет к городу еще до прибытия болгар и останется в Проливах «столько же времени, сколько продлится оккупация турецкой столицы».

Корабли Англии и Франции подошли к Дарданеллам. Россия, в свою очередь, привела в готовность Черноморский флот.

8 ноября русскому послу в Турции было предоставлено право вызвать в Босфор любое количество военных кораблей Черноморского флота просто телеграммой на имя командующего, минуя военное министерство.

Так впервые в своей истории Балканские страны выступили против своего извечного врага единым фронтом.

Продолжать в таких условиях войну в Ливии стало не только бессмысленно, но и опасно, империя подписала мирный договор, и Триполитания и Киренаика стали колониями Италии.

18 октября 1912 года в Уши близ Лозанны турки подписали Уши-Лозанский мирный договор, уступив Италии Триполитанию.

Италия получила во «временное» владение Додеканесские острова.

Они оставались в руках итальянцев до сентября 1943 года.

Затем их сменили немцы, а после Второй мировой войны острова были переданы Греции.

Взбешенный Энвер завалил военного министра гневными шифровками, требуя продолжения войны в Африке.

Кемаль в очередной раз выступил против этой бредовой идеи и… отправился на родину.

Терпение Энвера лопнуло, и он был не намерен терпеть доставшего его с каждым днем все больше и больше Кемаля.

Но тот был только рад такому повороту.

Даже при всем желании в Ливии делать было уже нечего, и по дороге домой он собирался посетить Вену и серьезно заняться больным глазом…

Вернувшись в Стамбул в ноябре 1912 года, Кемаль сразу же обрушился на высшее руководство, но никто так и не смог ему объяснить, как командовавший турецкими войсками генерал умудрился сдать его без единого выстрела!

И надо ли говорить, какую тревогу испытывал Кемаль за мать и сестру, вынужденных вместе с тысячами других турецких беженцев покинуть Салоники.

Понятно, Кемаль пожелал отправиться в действующую армию, и его назначили начальником оперативного управления штаба оборонявших Проливы войск.

Болгарская армия продолжала наступать на Константинополь.

Положение на фронте было отчаянным.

Слишком уж неподготовленной оказалась османская армия для войны, и от европейских владений империи остались лишь Стамбул с западными окрестностями, Галлиполийский полуостров и три осажденные противником крепости — Ишкодора, Янина и Эдирне.

Армия откатилась на последний рубеж обороны перед Стамбулом — линию Чаталджи.

И только здесь всегда упорные в обороне турки сумели остановить продвижение болгар.

Однако балканские союзники продолжали наступление

Финальные сражения войны проходили под крепостью Адрианополь, где болгары сражались плечом к плечу с сербами.

Этот город пал после ожесточённого обстрела, и пришло время для мирных переговоров.

3 ноября 1912 года Порта обратилась к державам, прося принять их на себя мирное посредничество.

Поражение Турции и капитулянтская позиция правительства «Свободы и согласия» на мирных переговорах в Лондоне облегчили младотуркам возвращение к власти.

И снова первую скрипку сыграл оказавшийся в своей стихии Энвер.

— Вы доверяете правительству? — спросил он таких же отчаянных, как и он сам, офицеров.

— Нет! — последовал дружный ответ.

— В таком случае, — пожал он плечами, — мы завтра же покончим с ним!

Что ж, все правильно, в столице уже не надо было изнывать от жажды в сыпучих песках пустыни, от здания правительства его отделяли какие-то сотни метров, и снова все решала дерзость.

23 января 1913 года Энвер совершил свой знаменитый рейд на Блистательную Порту.

Якуб Джемиль застрелил военного министра Назым-пашу, и великий везир под дулом приставленного к его виску пистолета написал прошение об отставке.

Что же касается самого султана, то он безропотно принял известие о назначении великим везиром верного «Единению и прогрессу» Махмута Шевкет-паши.

В этой должности Махмуд Шевкет Паша фактически стал

первым лицом в государстве, после султана, игравшего уже исключительно декоративную роль.

Население с восторгом восприняло новый подвиг «героя революции», и стоило Энверу только появиться на улице, как вокруг него сразу же собирались огромные толпы и дружно скандировали:

— Паша, спаси Эдирне!

Конечно, «паша» обещал спасти священный для всех мусульман город, в стране снова началось прославление великого героя.

Успевший хорошо узнать на деле военные таланты Энвера Кемаль только пожимал плечами.

Наверное, он был прав, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы под дулом пистолета заставить человека написать прошение об отставке.

Как он сам относился к случившемуся?

Наверное, все же отрицательно, поскольку к власти снова пришел Энвер, и особых иллюзий на свой счет Кемаль не питал.

Вместе с другими недовольными он заявил, что военный переворот может быть оправдан только спасением Эдирне, и предложил свой собственный план спасения окруженного неприятелем города.

Однако Энвер убедил великого везира провести операцию под Шаркёе, и после ее полного провала Кемаль и Али Фетхи подали в отставку.

Их откровенный демарш до глубины души возмутил главнокомандующего Ахмета Иззет-пашу, и он послал гневную телеграмму великому везиру.

«Если правительство бессильно справиться с этими безответственными господами, — писал он, — презревшими воинскую дисциплину, оно должно обратиться к их друзьям и попросить их заставить подчиняться приказам и распоряжениям своих начальников во имя нашей несчастной родины…»

И тому не осталось ничего другого, как попытаться навести мосты с мятежными офицерами.

Но легче было выбить болгар из-под Эдирне, нежели примирить непримиримое, и, дабы еще более не нагнетать обстановку, Кемаля вывели из подчинения Энвера.

Но Эдирне это не спасло.

Воодушевленные взятием бывшей столицы Османской империи болгары попытались прорвать и Чаталджи.

Турки стояли насмерть, и в этих боях снова отличился Энвер, возглавивший отряды добровольцев из революционно настроенных офицеров и кадет стамбульской Харбие.

К 20 ноября на чаталджинских позициях турецкие войска совершили, казалось бы, невозможное и остановили наступление болгарской армии.

3 декабря было подписано перемирие.

30 мая 1913 года в Лондоне был подписан мирный договор,

Согласно ему почти вся территории Европейской Турции переходила в распоряжение победителей. Константинополь и побережье проливов с небольшим анклавом по линии Энос-Мидия вместо линии Родосто — Мидия, которой добивались болгары, вот все, что оставалось в Европе Османской империи.

Вопросы о границах и о внутреннем устройстве Албании, а также об Эгейских островах передавались на последующее рассмотрение великих держав.

После государственного переворота 23 января 1913 года попытки младотурок создать «иттихадистскую» диктатуру начали наталкиваться на серьезное сопротивление оппозиции.

К тому же убийство Назым-паши вызвало новый политический раскол в армии.

К этому времени оппозиции удалось привлечь к себе низшие слои духовенства.

Центральный комитет оппозиции в Париже, возглавляемый Шериф-пашой, направлял в Турцию своих агентов и выделял значительные средства для организации в стране широкой агитации против младотурок.

В своей борьбе против младотурок оппозиция использовала арабское автономное движение, особенно усилившееся с января 1913 года в Сирии и Ливане.

Поэтому правительство младотурок распустило «комитеты реформ», возникшие в Сирии и Ливане еще в декабре 1912 году и требовавшие «децентрализации» империи.

Ряд видных руководителей движения — Абдулхамид Вер Али, майор Азиз, Али-беи и другие были арестованы.

11 июня 1913 года итилафистами был убит в своем автомобиле великий везир Махмуд Шевкет-паша.

В своих воспоминаниях Джемаль-паша утверждает, что этим политическим покушением итилафисты преследовали цель не только совершить государственный переворот, но и физически уничтожить сторонников «Иттихад ве теракки».

«Следствие показало, — пишет Джемаль-паша, — что как партия „Хюрриет ве итилаф“ в целом, так и ее отдельные члены готовились уничтожить весь руководящий состав партии „Иттихад ве теракки“ и, оказав давление на султана, сформировать временное правительство во главе с Шакир-пашой,

а после трехсуточной резни младотурок привести к власти Кямиль-пашу или принца Сабахеддина».

Но заговор 11 июня 1913 года ограничился лишь убийством великого везира, посокольку итилафисты оказались не в состоянии свергнуть власть младотурок.

Махмуд Шевкет Паша, вошедший в историю Турции как «Герой Свободы» был похоронен в Стамбуле, в мавзолее, возведенном Халил Беем.

Убийство Махмуда Шевкет-паши дало повод «Иттихад ве теракки» начать политику открытого кровавого террора, которая, по словам Бадави Курана, ничем не отличалась от политики Абдул Хамида.

Все оппозиционные партии в стране были объявлены вне закона и около 300 их видных членов были сосланы в Синопскую крепость.

Среди сосланных оказались и видные руководители Османской социалистической партии Мустафа Субхи и Хюсейн Хильми.

Преследованиям подвергались и лидеры группы «децентрализации», находившейся в оппозиции к «Итти-хад ве теракки»: руководителю этой группы принцу Са-бахеддину пришлось бежать, переодевшись в женское платье.

Назначенный губернатором столицы Джемаль ввел военное положение, и военный трибунал без промедления поставил точку на жизненном пути двенадцати заговорщиков.

«Единение и прогресс» назначил великим везиром египетского принца Мехмета Саита Халим-пашу, а во избежание возможных неожиданностей министром внутренних дел стал сам Талаат.

Так было положено начало диктатуры младотурок, а уставшая от потрясений страна получила необходимую ей передышку.

Наученные горьким опытом постоянной борьбы за власть младотурки позаботились об укреплении своих позиций и значительно пересмотрели как свою экономическую, так и идейную доктрины.

Взяв курс на усиление роли государства в развитии промышленности и сельского хозяйства, они приняли закон «О поощрении промышленности» и создали благоприятные условия для местного предпринимательства за счет отмены пошлин на ввозимые машины, предоставления земельных участков для промышленного строительства и обеспечения кредитов.

Обратили они свои взоры и на развитие капиталистических

отношений в деревне, приняв законы о земельном кадастре, о порядке наследования недвижимого имущества и продаже государственных и вакуфных земель.

Конечно, делалось все это крайне медленно и непоследовательно, но, тем не менее, делалось.

Идеологические поиски не могли не отразиться на экономике.

В этой сфере они тоже продолжались, причём достаточно непоследовательные, поиски, начатые в ушедшем веке.

Ведат Эльдем отмечает, что «в последний период империи ни одно из сменявших друг друга правительств не имели осознанную всеобъемлющую экономическую программу.

Их меры в экономике сводились к изыскании юсрочных мер для разрешения возникавших ситуаций».

Но, что важно, «после второй конституции национальный капитал, ранее ничем себя не проявлявший в экономике, начал действовать на местном рынке».

Лишённый ранее возможностей конкурировать с иностранным капиталом с его преференциями, он «начал доверять власти».

Обеспечить успехи в социально-экономической сфере иттихадисты надеялись с помощью политики «национальной экономики», которую они начали в 1908 году и продолжели в 1914–1918 годах.

Но тогда она приняла форму военной экономики, опиравшейся в условиях всемерного распространения концепций тюркизма на турецкую элиту.

И в отличие от прежних периодов, учредителями создаваемых акционерных компаний оказывались представители турецкой знати, бюрократы, политики.

«Самые выдающиеся примеры национальных ширкетов, — отмечал турецкий исследователь Зафер Топрак, — дала стамбульская организация партии „Единение и прогресс“».

Так, созданное ею «Хейети махсуса-и тиджарийе» взяло на себя обязательство снабжать Стамбул продуктами питания, а вырученные средства использовать для учреждения новых национальных ширкетов.

В Стамбуле было создано три таких ширкета, в Конье, Измире, Айдыне, Бурсе, Кютахье ещё несколько, некоторые из них занимались банковской деятельностью.

И всё-таки самым активным участником и регулятором в реорганизации экономики страны всё более становился внешний рынок и его главные участники — развитые страны.

Олицетворением этих явно неравноправных связей

продолжало оставаться Управление Оттоманского долга и сохранявшийся с давних времен капитуляционный режим.

Как мы помним, в конце XIX века управление государственными финансами перешло под контроль иностранных держав — главных кредиторов империи.

Такой порядок сохранялся и при младотурках и был отменён при кемалистах.

Турецкие рынки давно контролировались Европой, впереди была Австро-Венгрия и Германия, за ними следовали Италия, Англия, Франция, Бельгия, США и другие страны.

Они контролировали 90 % ввоза в империю.

Накануне Первой мировой войны степень включенности хозяйственных структур Османской империи в жизнедеятельность мирового капиталистического рынка (при минимальном наличии внутреннего) достигла наибольшего уровня.

И уже в 1913 году около 26,5 % общего объема сельскохозяйственного производства империи шло на экспорт.

Общая стоимость османского экспорта по отношению к ВНП составляла тог даже свыше 14 %, а стоимость импорта оценивалась в 19,4 % ВНП империи.

Стремясь расчистить путь для национальной буржуазии, младотурки начали осуществлять политику жестоких репрессий против греческого и армянского населения.

Эта политика проводилась «Особой организацией».

Ни к чему хорошему она не привела, поскольку заменить грамотных и знавших свое дело христиан оказалось не так-то просто.

В этой связи интересно ознакомиться с тем, как видели лидеров революции на Западе.

«Даже в местности с такой зловещей репутацией, как Константинополь, — писал Мурхед Алан в своей книге „Борьба за Дарданеллы“, — трудно представить себе подобную странную группу лиц».

В младотурках было что-то неестественное, какая-то дикая и устарелая театральность, которая вроде бы знакома и в то же время совершенно нереальна.

Невольно склоняешься к тому, что это персонажи какого-то фильма о гангстерах, наполовину документального, наполовину воображаемого, и было бы нетрудно предать их тому удобному забвению, которое обычно окутывает большинство политических авантюристов, если бы они как раз в этот момент не обладали такой властью над многими миллионами людей.

Сэр Гарольд Николсон, бывший в то время младшим

секретарем британского посольства, вспоминает, как они однажды все вместе явились к нему домой на ужин.

«Был Энвер, — пишет он, — в своей скромной короткой форме.

Руки покоились на эфесе, маленькое лицо брадобрея задрано над прусским воротничком.

А вот Джемаль.

Белые зубы сверкают тигровым блеском на фоне черной бороды.

У Талаата выделяются огромные цыганские глаза и красновато-коричневые цыганские щеки.

Невысокого роста Джавид свободно говорит по-французски, ходит, подпрыгивая, вежлив».

Странно, конечно, что они вообще существовали, что им вообще досталась власть в мире, где все еще понятия не имели о нацистах и фашистах в униформе, о коммунистических чиновниках на банкетах.

Талаат был человеком экстраординарным, но все равно ему свойственна была определенная приземленность, из-за чего его легче понимали, нежели остальных.

Он был партийным руководителем, крупного сложения, твердого, спокойного характера, и вместо веры он обладал инстинктивным пониманием слабостей человеческой натуры.

Свою карьеру он начал почтовым телеграфистом и никогда внешне не производил впечатления чего-то большего.

Даже став министром внутренних дел — пост, который, может быть, был ему предназначен самой природой, так как он практически стал контролером комитетского аппарата, — он все еще держал у себя в кабинете на столе телеграфный коммутатор и, казалось, громадными кистями отстукивал на нем распоряжения своим коллегам.

Уже долгое время после того, как другие облачились в форму, завели себе телохранителей и перебрались в роскошные виллы на берегах Босфора, Талаат продолжал жить в шатком трехэтажном деревянном доме в одном из беднейших районов Константинополя.

Американский посол Генри Моргентау как-то днем неожиданно заехал к нему домой и обнаружил его в плотной пижаме и с феской на голове.

Дом был обставлен дешевой мебелью, стены ярко разрисованы, а пол устлали изношенные коврики.

А жена-турчанка Талаата во время их беседы то и дело украдкой нервозно подсматривала за мужчинами сквозь решетчатое окно.

Большинство из иностранцев, знавших Талаата в то лето, были о нем высокого мнения, некоторым он даже нравился.

Моргентау всегда считал, что может его развеселить, и в эти моменты исчезала дикая озабоченность, темное цыганское лицо расслаблялось, и Талаат был в состоянии вести разговор, проявляя огромную искренность и умственные способности.

Как говорит Обри Нерберт, в нем были «сила, твердость и почти первобытное добросердечие, а свет в его глазах редко можно было встретить у людей. Скорее, иногда у животных на закате солнца».

И все же Талаат при всей остроте его ума и самообладании не допуская эмоций, видимо, ощущал потребность в людях действия вроде Энвера.

Энвер был чудаком, неким своенравным ребенком, шокировавшим и сбивавшим с толку их всех.

Он был наделен какой-то мрачной и сложной привлекательностью, которая скрывает истинный возраст или мысли.

И если Талаат походил на Уоллеса Бири из немых фильмов, то Энвер при всей его развязности — на Рудольфа Валентине.

Он родился в Адано, на берегу Черного моря.

Отец его, турок, был смотрителем моста, а мать-албанка занималась трудом, считавшимся одним из самых низких в этой стране, — готовила мертвецов к погребению.

Может быть, свой крайне привлекательный вид мальчик унаследовал от бабушки-черкешенки, но остальные качества, похоже, были сформированы им самим и находились в замечательном равновесии друг с другом.

Он был исключительно тщеславен, но это был особый вид тщеславия, которое скрывалась под внешней скромностью и стеснительностью, а его безрассудная храбрость в действиях компенсировалась столь холодной, столь спокойной и невозмутимой внешностью, что можно было подумать, что он наполовину спит.

На службе он демонстрировал такое достоинство манер, что, казалось, никакая беда не способна смутить его, а любое решение, какой бы важности оно ни было, требовало от него лишь нескольких мгновений для размышлений.

Даже свое честолюбие он скрывал с той же явной легкостью, с какой он перемещался среди людей, принадлежавших к куда более высококультурному обществу, чем его собственное.

Неудивительно, что при его легкости и очаровании он создал себе столь высокий авторитет у властей предержащих того времени; вот вам юный кавалерист в реальной жизни, скромный

молодой герой.

И все это служило самым эффективным прикрытием для врожденной жестокости, мелочности и убогой мегаломании, таившейся в глубине.

Начиная примерно с двадцати пяти лет, когда он окончил колледж военного штаба в Константинополе, карьера Энвера была особенно бурной.

Его специальностью стали свержение правительств физическими методами, внезапные вооруженные налеты на государственные учреждения.

В последних войнах он приобрел репутацию замечательного командира командос.

В 1908 году он вел одну из мелких группировок революционеров, которые шли маршем на Константинополь и заставили Абдул-Хамида восстановить конституцию, а год спустя, когда Абдул не сдержал своих обещаний, Энвер опять оказался в столице, штурмуя баррикады в своей изорванной форме, с четырехдневной бородой и пулевым ранением в щеку.

На этот раз Энвер и его товарищи свергли Абдула навсегда.

В последующие годы, когда половина стран Восточной Европы принялась за разрушение остова Османской империи, не было ни одного фронта, даже самого отдаленного, где бы неожиданно не появлялся Энвер, чтобы возглавить контратаку.

Со своего поста военного атташе в Берлине он бросился в Ливийскую пустыню, чтобы сражаться с итальянцами в окрестностях Бенгази.

Потом в 1912 году он вернулся на континент, чтобы снова не допустить болгар к Константинополю.

Ничто его не смущало, никакие поражения не подтачивали его бесконечную энергию.

В конце Первой Балканской войны в 1913 году, когда все было потеряно и, казалось, сам Константинополь вот-вот падет, Энвер оказался человеком, не принявшим перемирие.

Он повел на столицу банду из двухсот своих сторонников, набросился на миротворческий кабинет министров в разгар его работы, застрелил военного министра, а потом, сформировав новое правительство, которое ему было более по душе, вернулся на фронт.

В конце концов, он, овеянный славой, появился в конце Второй Балканской войны, ведя потрепанные турецкие батальоны назад в Адрианополь.

Как администратор, он применял весьма простые методы.

Летом 1913 года, будучи в военном министерстве, в один день снял с постов 1200 офицеров турецкой армии, среди них не

менее 150 генералов и полковников.

По мнению Энвера, они были политически неблагонадежны.

Другие лидеры среди младотурок, возможно, были такие же способные, как и Энвер. Это Махмад Шевкет, который возглавил марш на Константинополь в 1909 году, Джавид — еврейский финансист из Салоник, Джемаль — морской министр, и некоторые другие.

Но никто не мог соперничать с Энвером по части политической дерзости.

Он их всех перещеголял, совершая возмутительные, невозможные вещи.

К лету 1914 года, когда ему было тридцать четыре года, он выглядел он таким же юным и собранным, как всегда, он достиг позиции, дающей огромную власть в Константинополе.

Он женился на принцессе и обосновался во дворце с личными телохранителями и свитой слуг.

Он был военным министром и главнокомандующим армией.

В правительстве и комитете партии «Единение и прогресс» даже Талаат не осмеливался ему возражать, и становилось все более очевидным, что у этого человека куда более далеко идущие планы в отношении личного будущего.

Иностранные послы, наносившие визиты молодому министру, встречали его сидящим в кабинете в форме, очень нарядным и улыбающимся.

На стене за его столом находились портреты Фридриха Великого и Наполеона.

Он являлся сторонником османизма — насильственной туркизации нетурецких народов империи, был ярым сторонником панисламизма и в ещё большей мере пантюркизма.

Имея далеко идущие замыслы по Кавказу, Крыму и Туркестану, Талаат участвовал в разработке военно-политического проекта «Туран Йолу» (Дорога в Туран).

«Талаат-паша приятно и лукаво заметил однажды, что пантюркизм может привести нас к Жёлтому морю!» — писала в своих мемуарах младотурецкая дама Халиде Эдиб.

А вто что писал Алан об Ататюрке: «В перечне гостей, присутствовавших на ужине у Гарольда Николсона, отсутствует одно имя, более важное, чем все остальные.

Действительно, вряд ли могло случиться, чтобы британское посольство пригласило Мустафу Кемаля, потому что он еще не был известен в Турции.

И все-таки существует бьющая в глаза параллель между биографиями Кемаля и Энвера, и это совсем не случайно — случайность уединенного и эгоистичного ума Кемаля — то, что

он не входил в эту группу. Кемаль и Энвер были ровесниками;

Кемаль, как и Энвер, родился в бедной семье, поступил на службу в армию, примкнул к революционному движению и принимал участие во всех войнах.

Но серый цвет формы был фоном ранних лет карьеры Кемаля.

Он не обладал чутьем Энвера, его быстротой и спонтанностью.

Ему не хватало таланта идти на компромиссы и переговоры.

Презирая мнение других людей и не вынося чьей-либо власти над собой, он, видимо, каким-то образом оказался в плену собственного мышления.

Он ожидал шанса, который так и не представился, а тем временем другие с легкостью обгоняли его.

Начиная с 1909 года, Кемаль постоянно находился в тени Энвера.

Он участвовал в революционном марше того года на столицу, но оставался на втором плане, занимаясь вопросами армейской администрации, а Энвер тем временем крушил баррикады.

Кемаль служил под началом Энвера в Триполийской кампании и в Балканских войнах.

Он даже присутствовал при триумфе Энвера в Адрианополе.

На любом этапе они ссорились, хотя оба были готовы к этому, поскольку в то время, как Кемаль был гениальным командиром, Энвера следует рассматривать как одного из самых глупых и вредоносных генералов, когда-либо живших на земле.

Неясно, изучал ли Энвер основы военного дела, извлекал ли опыт из тех ужасных поражений в боях, которые он столь уверенно планировал.

На протяжении всех этих лет хаоса Кемалю была суждена горькая участь — получать приказы от этого человека.

К 1913 году Кемаль достиг низшей точки своей карьеры — он стал безработным подполковником в Константинополе, а Энвер взлетел далеко вверх.

Но не было даже намека на то, что вскоре произойдет резкий поворот в их судьбах.

Никто даже в безумных мечтах не воображал, что спустя полвека имя Кемаля станут с благоговением произносить по всей Турции, что каждый школьник будет помнить наизусть мрачные черты его лица, его суровый рот и его утомленные глаза, а его блистательный соперник окажется забыт.

Примечательно и то, что им обоим предстояло прожить грядущие пять лет…»

В отношении всего движения Алан был категоричен.

«Младотурок, — писал он, — окружала ненависть. Их

ненавидели старые политиканы режима Абдул Гамида.

Их ненавидели армейские офицеры, которых отправил в отставку Энвер, и, помимо всего прочего, их ненавидели и боялись этнические меньшинства в Константинополе: армяне, греки и, в некоторой степени, евреи.

Любая из этих группировок сделала бы все, что угодно, согласилась бы на любое иностранное владычество в Турции, лишь бы лишить младотурок власти.

Однако в тот период Талаат, Энвер и их друзья сохраняли за собой контроль и намеревались удержать его ценой любой жестокости или торговли.

Таковы были молодые люди, которые в августе 1914 года выставляли Турцию на аукцион, а им противостояли — возможно, точнее будет сказать, их поощряли — профессиональные западные дипломаты, предлагавшие цены…»

Характеристика, как мы видим, убийственная.

И в известной степени эти люди заслужили ее.

Лидеры Комитета не ставили задач радикального ищзменения политического и государственного строя и в своей новой программе, принятой конгрессом «Единения и прогресса».

Важнейшие вопросы социальной и экономической жизни — наделение крестьян землей, рабочее законодательство почти не нашло отражения в этом документе.

Его авторы предпочли отделаться туманными обещаниями, которые не собирались выполнять.

Во время обсуждения аграрного вопроса в турецком парламенте, когда приводились многочисленные факты беззаконий, совершаемых против крестьян, и поднимался вопрос о расширении прав в землепользовании, Талаат торжественно заявил, что какое бы то ни было вмешательство государства в частные отношения беев со своими крестьянами недопустимо, поскольку это «противоречило бы шариату».

Эти слова большинство депутатов встретило аплодисментами.

Глава VIII

Не успели высохнуть чернила на лондонском мирном договоре, как началась Вторая Балканская война.

29 июня 1913 года в 3 часа утра болгарские войска без объявления войны атаковали сербов, а вечером — греков.

Против Болгарии выступили Черногория, Сербия и Грецией.

Формальным поводом к войне послужил вопрос о разделе всеми этими странами Македонии.

На самом деле она была спровоцирована западным державам.

Не рассчитавшая свои силы Болгария оказалась между двух огней, и младотурки решили воспользоваться удобным случаем и вернуть Эдирне.

Для империи это был вопрос чести.

Несколько министров, опасаясь втягивания страны в новую войну, высказались против этой, как им казалось, авантюры.

Однако Энвер настоял на своем, и турецкие войска вступили в Восточную Фракию.

Болгары не сумели оказать даже слабого сопротивления, и жители древней столицы Османской империи розами и оливковыми ветвями встретили въехавшего в Эдирне на белом коне Энвера.

Возвращение Эдирне вызвало в отвыкшей от военных триумфов стране бурный восторг, и ни о какой оппозиции «Единению и прогрессу» не могло быть и речи.

И Кемалю оставалось только удивляться бесконечному везению этого человека, поскольку критиковать купавшегося в лучах славы Энвера после его очередного «подвига» было уже просто неприлично.

Войдя в оставленный болгарами без единого выстрела город, он в какой уже раз сумел повернуть к себе фортуну и стать самым настоящим идолом, которому поклонялись и взрослые и дети.

Вторая Балканская война продолжалась всего месяц.

29 июля болгарское правительство, поняв всю безвыходность ситуации, подписало перемирие. Вслед за ним начались мирные переговоры в Бухаресте.

Позиции Российской империи на Балканах были подорваны, а Франция, Германия и Австро-Венгрия усилили своё влияние на полуострове

Реваншистская Болгария в новой войне встала на сторону Австро-Венгрии и Германии.

Её правительство желало восстановить государство в границах мая 1913 года, для этого нужно было вновь победить

Сербию.

Начавшаяся мировая война привела к большим изменениям на Балканах, чем предыдущие две Балканские.

Таким образом, Вторая Балканская война имела далеко идущие косвенные последствия.

Развязавшая ее Болгария потерпела поражение, в результате чего Франция, Австро-Венгрия и Германия усилили свое влияние на Балканском полуострове, подорвав позиции Российской империи.

Территория, завоёванная Болгарией в Первой Балканской войне, была разделена между странами-победительницами.

Союз славянских государств, которого так опасались на Западе, практически прекртил свое существование.

Триполитанская и Балканские войны окончательно разрушили иллюзии «османизма».

После потери империей европейских владений арабы стали в ней второй по численности этнической группой.

Не считаться с этим было нельзя, и младотуркам пришлось заговорить о связывающих их религиозных узах, продолжив пропаганду абдулхамидовского панисламизма.

Другой идеологической основой их национальной политики стал появившийся на основе идей молодого турецкого национализма Зии Гёкальпа пантюркизм.

Его идеи получили широкую популярность среди младотурок, и наиболее шовинистически настроенные из них развили их в пантюркистскую доктрину, требуя объединить все тюркоязычные народы под властью турецкого султана.

Воспользовавшись передышкой, Кемаль, к великой своей радости, нашел мать и сестру целыми и невредимыми и поселил их в прекрасном доме с террасой на улице Акаретлер, рядом с дворцом Долмабахче.

Вместе с ними жила и Фикрие, превратившаяся в прелестную шестнадцатилетнюю девушку.

Именно тогда и началась их так трагически закончившаяся для нее связь.

Фикрие была мила, воспитанна и образованна, и, тем не менее, Кемаль куда больше времени проводил у дочерей военного врача итальянского происхождения Ферид-паши Корины и Эдит.

Особенно близко он сошелся с Кориной, вдовой его погибшего на Балканах товарища Юмера Лютфи.

Получив прекрасное образование, она великолепно знала итальянский и французский языки и в свое время окончила

Парижскую консерваторию.

Товарища мужа Корина приняла со всем радушием, на какое только была способна, и пораженный ее изысканными манерами Кемаль увлекся ею с первого же взгляда.

Да что там говорить, таких женщин у него еще не было, а все виденные им до сих пор настолько меркли в сравнении с блестящей Кориной, что ему было даже стыдно вспоминать о них.

Да и сама Корина прониклась глубокой симпатией к молодому и выделявшемуся среди всех остальных офицеру.

С присущим ей чутьем и проницательностью Корина видела в нем нового героя и часто повторяла своим знакомым:

— Этот офицер еще заставит говорить о себе!

Конечно, Кемаля связывали с Кориной не только общие интересы, и очень скоро они перешли ту хрупкую грань, за которой друзья превращаются в любовников.

Но главное было даже не в той прелести, какую ему доставляло обладание великолепной Кориной.

Впервые в своей жизни Кемаль получил в ее лице именно тот образец европеизированной женщины, о которой мечтал.

И вполне возможно, что в своей будущей жене он видел не что иное, как продолжение своей блестящей любовницы.

После победы над болгарами и разгрома оппозиции лидеры «Единения и прогресса» приступили к неизбежным в таких случаях разборкам.

Три войны показали полную несостоятельность османской армии, и начались поиски виноватых.

Впрочем, их особенно и не искали и всю вину за поражения османского оружия списали на верный султану офицерский корпус.

Понимая, что изменения необходимы как воздух, Энвер не стал изобретать ничего нового и решил продолжить военную реформу с помощью немецких специалистов, доверив им ключевые позиции османской армии.

И снова Кемаль выступил против!

Конечно, он понимал, что только своими силами им не справиться, и в то же время с нескрываемой тревогой следил за маневрами уже ставшего к этому времени народным героем Энвера.

И он не зря тревожился.

Стоило только Энверу заполучить кресло военного министра — и дорога наверх ему была заказана.

Да, у него оставалась весьма призрачная надежда на Али Фетхи, в доме которого он жил в то время.

Полностью решив посвятить себя политике, тот ушел с военной службы и за заслуги перед движением был назначен генеральным секретарем исполнительного комитета «Единения и прогресса».

Но и этим надеждам не суждено было сбыться.

Из-за чрезмерно раздутого бюджета «Особой организации» Али Фетхи вступил в конфликт с Энвером, его положение осложнилось, и Талаат предложил ему пост посла Османской империи в Софии.

— Мы, — доверительно сообщил он ему, — должны уже в ближайшее время отобрать у Греции некоторые острова в Эгейском море, и твоя задача всячески настраивать Болгарию против нее…

Али Фетхи предложил Кемалю ехать с ним в качестве военного атташе, и после недолгого размышления тот согласился.

Да и что ему еще оставалось делать?

В столице все пути наверх были для него обрублены, и бороться с Энвером было бессмысленно.

И все же Стамбул он покидал с грустью.

Он оставлял в столице не только свои нереализованные амбиции, но и любившую его Фикрие и прекрасную Корину, которая как никто другой понимала его…

Глава IX

В Софии Кемаль намеревался остановиться в здании посольства, однако Али Фетхи был не расположен делить с ним жилище.

Кемаль поселился в роскошном «Гранд-отеле», с его широкими светлыми комнатами, венской мебелью, китайским фарфором и известным на всю Софию уютным ресторанчиком, где часто обедали и пили кофе болгарские политики.

Но там было слишком дорого, и после недолгого скитания по другим гостиницам Кемаль снял квартиру в частном доме Густафа и Хильды Кристинаусов.

И сразу же принялся за изучение немецкого языка.

Общительная женщина оказалась прекрасной преподавательницей, и, к великому ее восторгу, Кемаль дарил ей при каждом свидании так любимые ею розы.

А после того, как Кемаль начал довольно сносно говорить по-немецки, он преподнес немке прекрасной работы турецкий ковер, и Хильда с радостью приняла дорогой во всех отношениях подарок.

Да и сам Кемаль был доволен, роль галантного офицера была ему явно по душе.

Высшее общество болгарской столицы уже успело забыть об ужасах недавних войн и предавалось танцам, интригам и флирту.

И в османском после и его сотрудниках их извечные враги видели теперь европеизированных турок, пользовавшихся в болгарской столице большой популярностью.

Кемаль принимал участие во всех сколько-нибудь выдающихся событиях, и уже очень скоро он стал завсегдатаем знаменитого «Юнион-клуба», где собирались сливки общества.

На одной из опер он был представлен самому королю Фердинанду, и тот даже поинтересовался его впечатлениями.

Волочился он и за дамами, не забывая о своей прекрасной Корине.

«Я получил ваше письмо вчера, — писал он ей, — и только одна мысль, что вы читаете его, помните обо мне и находите время, чтобы заниматься мною, делает меня счастливым…»

Однако со временем его письма Корине становились все грустнее.

«Я не знаю почему, — сообщал он своей подруге, — но мне невесело… я скучаю…»

Что это?

Откровенное признание, мгновенная слабость или поза

уставшего от жизни светского льва?

Ни то и ни другое!

И, в конце концов, Кемаль откровенно объяснил Корине причину своей постоянной грусти.

«У меня есть амбиции, — отбросив всякую условность, писал он, — но они ни в коей мере не касаются ни хорошей карьеры, ни денег.

Я ищу реализации моих амбиций в успехе великой идеи, которая касается моей страны, и только служение родине может дать мне чувство глубокого удовлетворения исполненного долга.

Именно это стало принципом всей моей жизни.

И пока я молод и полон сил, я исполню свой долг и буду верен ему до самой смерти…»

Да, все это было именно так, но после того, как военным министром стал произведенный в бригадные генералы Энвер, ему уже не на что было надеяться.

Это произошло в середине января 1914 года.

Султан сам узнал о его назначении из газеты.

— Это немыслимо, — только и сказал он, — он еще так молод!

Через несколько часов после своего назначения Энвер добился аудиенции у султана, и тот подписал указ о той самой чистке в армии, о которой давно уже мечтал Энвер.

В списки на увольнение попали сотни офицеров, включая «командиров, ответственных за мрачную серию поражений в Македонии, наряду с большинством генералов старше пятидесяти пяти лет».

Излагая суть чистки, Энвер напомнил, что в прошлом османская армия состояла из офицеров, пригодных для деятельности в мирное время, и из офицеров, пригодных для войны. Теперь и на будущее эти последние только и будут оставлены на службе.

Непосредственное подчинение армии, в особенности офицеров, игравших важную роль в определении внешней и внутренней политики Турции, Энверу-паше сделало его главной фигурой «триумвирата».

Своим честолюбием, интриганством и бонапартистскими замашками Энвер-паша получил в Турции прозвище «Наполеончик».

По словам турецкого историка Махмуда Инала, «в Турции не бывало подобного ему жадного и честолюбивого, невежественного и тупого, кровожадного командующего».

Турецкий историк Ахмед Рефик указывает, что немцы в своей армии не дали бы Энвер-паше и чина младшего офицера, между

тем как в Турции они добились его назначения главнокомандующим.

Усилению позиций Энвера в высших сферах способствовало и родство с султанским семейством. В марте 1914 года он женился на племяннице султана Наджие Султан и благодаря этому получил титул «дамад», который носили зятья султана.

Среди правителей Турции вряд ли кто мог сравниться с Энвером по своему положению в стране: он был членом руководства революционной партии младотурок и членом султанского семейства.

— Конечно, — говорил Кемаль Али Фетхи, — Энверу не откажешь в энергии и воле, но ему не хватает мудрости! И если бы начальником генерального штаба он назначил меня, дела у нас пошли бы!

Конечно, он лукавил, и, вспоминая их недавнюю работу в Африке, нетрудно себе представить, во что превратилось бы их сотрудничество.

Впрочем, Энвер и не собирался приглашать Кемаля и назначил своим помощником одного из самых блестящих выпускников военной школы Хафыза Хаккы.

Потом на эту тему будет много спекуляций.

Многие авторы склонны видеть в этом поступке Энвера обыкновенную ревность человека, который не желал иметь рядом с собой более способного офицера.

«Что Кемаль ревниво относился к Энверу, — пишет по этому поводу Александр Жевахов, — что он опирался на его противника Джемаля — это очевидно, и это даже можно понять, но почему Энвер мог испытывать комплекс неполноценности по отношению к Кемалю?

Энвер-паша, родившийся в 1881 году, получивший диплом в Академии Генерального штаба в 1902 году, был одним из героев революции младотурок 1908 года.

Он принимает активное участие в сопротивлении, которое оказала османская армия итальянцам, наступающим в Триполитании, — Энвер-бей как командир завоевал большой авторитет у бедуинов, как писал военный атташе Франции в Стамбуле, — а затем превосходно проявил себя в двух войнах на Балканах.

В октябре 1912 года Черногория, Болгария, Сербия и Греция выступают против империи с одной целью: устранить ее господство над последними европейскими провинциями.

23 января 1913 года в Стамбуле, запруженном толпами беженцев, раздираемом политическими противоречиями между юнионистами и их противниками, Энвер в сопровождении

нескольких федаев прорвался в канцелярию великого визиря, убил военного министра и „выбросил в окно текст с условиями перемирия, а заодно и нескольких упрямцев“.

Шесть месяцев спустя авторитет Энвера возрос еще больше, когда он вошел во главе османских войск в Эдирне, бывшую столицу империи, захваченную болгарами в марте 1913 года.

Казалось, всё удается Энверу.

Женщины не замечали его небольшого роста, а его необычайная отвага покоряла мужчин.

Он умело пользовался обстоятельствами для удовлетворения своих неистовых амбиций, подчас рискуя показаться смешным.

Разве Энвер не заставлял своих друзей называть себя „маленьким Наполеоном“?

Ему оказана наивысшая честь — он становится даматом, то есть зятем султана.

И почему бы Энверу считать Кемаля своим соперником?

Да, его раздражает несдержанность Кемаля, его вспыльчивость.

Да, ему не нравится этот человек, „дерзкий, откровенно высказывающийся“, всегда готовый критиковать других.

Между Кемалем, чьим главным успехом была редакция труда по тактике на сорок одной странице с семью иллюстрациями „Маневры, учения полковой бригады и кавалерии армии Джумалы“, и Энвером борьба была неравной.

На самом деле никакой борьбы и не было, так как Кемаль не имел ни достаточного влияния, ни необходимой поддержки».

Возможно, в словах Жевахова есть доля истины,

И все же хочеться добавить: борьбы не было как раз потому, что Энвер держал Кемаля на расстоянии.

Конечно, между военным министром и зятем султана и каким-то подполковником дистанция огромного размера.

Но было и нечто другое, что разделяло этих двух людей.

Энвер был авантюристом, его тактикой был порыв и смелость.

Кемаль — это, прежде всего, расчет и знания.

Не удивился Кемаль и назначению морским министром и произведенного в генералы и своего друга Джемаля.

Откровенно говоря, странная это была дружба.

«Невысокий, нервный, с пышной черной бородой, — описывает его Жевахов, — Джемаль-паша, казалось, собрал в себе все пороки.

Говорили, что он жесток и лицемерен, что он лишен чести и совести и что к тому же он игрок.

Довольно странный друг для Кемаля, который в 1926 году подчеркивал, что его связывали с Джемалем „особые дружеские отношения и привязанность“.

Это обстоятельство остается загадкой, так как трудно объяснить, что привлекало Кемаля в этом человеке, к тому же старше его почти на десять лет».

Только вот была ли их дружба на самом деле загадкой?

Жесток и лицемерен?

Подождите еще несколько лет, и вы убедитесь в том, что, став большим политиком, Кемаль вряд ли уступал кому-нибудь в жестокости и лицемерии.

Особенно если это касалось интересов государства.

Игрок?

Так и Кемаль по натуре был таким же игроком, только более расчетливым.

Возможно, что были другая, куда более веская причина, по которой Кемаль тянулся к Джемалю.

Тот был уже величиной и в политике, и в государстве, в то время как Кемаль был пусть и способным, но всего лишь рядовым офицером.

И иметь такого друга, как Джемаль, дорогого стоило…

Узнав о новых назначениях, Кемаль задумчиво покачал головой.

Теперь разве что слепой не мог видеть того, что вся власть в стране была сосредоточена в руках «триумвирата»: военного министра Энвера, министра внутренних дел и председателя ЦК «Единения и прогресса» Талаата и морского министра и военного губернатора столицы Джемаля.

Первую скрипку в этом далеко не музыкальном «трио» начинал играть Энвер.

И даже при всей своей антипатии к обошедшим его на одном из самых крутых виражей истории людям Кемаль не мог не признать: эта далеко не святая троица как нельзя лучше дополняла друг друга.

Прекрасный тактик и мастер политической игры Талаат, энергичный, всегда готовый к действию Энвер и безжалостный к врагам Джемаль были способны на многое.

Как на хорошее, так и на плохое!

Назначение Энвера военным министром не добавило ему оптимизма, и ничего хорошего для себя Кемаль не ждал.

При всей своей дальновидности он вряд ли забыл их битвы в Триполитании.

Да и зачем он ему нужен?

Критиковать и при каждом удобном случае доказывать свое превосходство?

И все же в глубине души он отдавал ему должное.

Каким бы случайным человеком в кресле военного министра Энвер ни был, он сразу же принялся за военные реформы.

Он был в восторге от силы и эффективности германской военной машины и теперь пытался внедрить ее методы в пребывавшую в полном упадке после Балканских войн османскую армию.

Убивало Кемаля другое.

Возглавивший немецкую военную миссию Лиман фон Сандерс принялся внедрять своих людей в военное министерство и Генеральный штаб.

Делал он это с благословения Энвера, и патриотически настроенным офицерам пришлось на какое-то время забыть о своей гордости и всячески помогать немцам.

Армия быстро преображалась, ее годовой бюджет увеличился вдвое, в Европе закупалась амуниция, был приведен в порядок Имперский арсенал, и в срочном порядке модернизированы работавшие на оборону фабрики.

Старые офицеры отправлялись в отставку, и им на смену шла способная молодежь.

Давно мечтавший об омоложении офицерского корпуса Кемаль был до того обрадован этим событием, что послал Энверу свои поздравления.

И как говорили, Энвер был весьма польщен похвалой всегда рубившего правду Кемаля и даже просил своего дядю Халиля показать его письмо всем видным деятелям «Единения и прогресса».

Новый военный министр всячески поощрял инициативных офицеров и стремился возродить в офицерской среде ту самую атмосферу доверия, которой им так не хватало на войне.

Не остался без внимания и военно-морской флот.

Было реорганизовано морское министерство, и на верфях Самсуна, Измира, Бейрута и Басры вовсю шло строительство военных кораблей.

Другое дело, что начинавшие себя чувствовать гостями в собственном доме османские офицеры роптали при виде немецкого засилья, и их отношения с германскими специалистами оставляли желать много лучшего.

Не нравилось это самое засилье и Кемалю.

Общаясь по роду службы с высшими офицерами многих стран, он прекрасно знал о желании немцев подчинить себе османскую армию и заваливал Энвера шифровками с

требованием прекратить подобную практику.

Шел 1914 год, и то рвение, с каким Германия взялась за реорганизацию османской армии, предельно ясно говорило о желании немцев использовать ее на своей стороне в будущих сражениях.

И уже очень скоро работавший в разведывательном управлении генерального штаба Кязым Карабекир предупредил Кемаля о возраставшем в отношении него раздражении, с каким воспринимались его послания немецкими офицерами.

На что Кемаль со свойственной ему прямотой заявил, что подобную информацию он поставляет, руководствуясь чувством долга, а реакция немцев его мало волнует.

Кемаль продолжал светскую жизнь.

Правда, теперь он не только ходил по балам, но и установил тесные отношения с проживающими в Болгарии влиятельными турками, а затем объехал турецкие поселения.

К его удивлению, уровень жизни в них был очень высоким.

Болгарские турки успешно занимались коммерцией и торговлей.

Да что там торговля!

Недалеко от Плевны у них были свои собственные промышленные предприятия.

Во всех селениях имелись школы, и Кемаля встречали веселые и спокойные дети.

Местные турецкие женщины были намного раскрепощеннее своих живших в Турции соотечественниц и совершенно спокойно ходили по улицам без паранджи.

Он внимательно следил за работой болгарского парламента, в котором заседало 17 турок, и установил тесные отношения с группой македонских турок, переселившихся в Болгарию после второй Балканской войны, помогая им деньгами из секретных фондов своей миссии.

И Болгария все больше и больше удивляла его.

Совсем еще недавно провинциальная София словно по мановению волшебной палочки превратилась в современный европейский город и вызывала неподдельное восхищение всех попадавших сюда.

«Страна, — восторженно восклицал его приятель Али Фетхи, — в которой я был послом, всего пятьдесят лет назад была самой обыкновенной имперской провинцией. И для нас, прекрасно помнивших все то, что было совсем недавно, подобное превращение выглядело потрясающим!»

Но у Кемаля великолепная София вызывала не только

восхищение и вполне понятную зависть, но и желание добиться того же самого у себя на родине.

Удивительное превращение болгарской столицы заставило его обратить еще более пристальное внимание на развитие болгарского общества, и уже очень скоро он пришел к выводу, что во многом этот подъем был обязан большому количеству народных учителей.

Вывод напрашивался сам собой, и, видимо, уже тогда он раз и навсегда поставил знак равенства между культурой и цивилизацией, принимая следствие за причину со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И весьма характерна в этом отношении следующая история.

Как-то раз в опере он был настолько восхищен мастерством певцов, что даже поинтересовался, какой они нации.

А когда узнал, что болгары, воскликнул:

— Теперь я понимаю, почему они выиграли войну!

Впрочем, подобные мысли занимали не одного Кемаля, и все патриотически настроенные офицеры задумывались о будущем своей собственной страны.

История Великой французской революции, полнейшая отсталость собственной страны, нарождавшийся турецкий национализм, пример Болгарии и блестящая западная жизнь — все это лишний раз убеждало Кемаля в том, что спасение его родины только в ее скорейшем вхождении в мировую цивилизацию.

И когда один из высокопоставленных чиновников посольства выразил свое неудовольствие тем, что военный атташе разгуливает по Софии не в феске, а в шляпе, взбешенный подобной дикостью Кемаль навсегда отбил у него желание делать ему подобные замечания.

Правда, сразу же после этого он появился на костюмированном балу в военном клубе, на котором присутствовал сам король Фердинанд, в… форме янычара, специально для этого знаменательного случая присланной ему из стамбульского военного музея по разрешению Энвера.

Появление турецкого офицера в столь экстравагантном одеянии произвело настоящий фурор, и польщенный вниманием Кемаль целый вечер рассказывал… о былых победах империи.

На маскараде он познакомился с дочерью военного министра генерала Ковачева Димитриной, и прелестная девушка не осталась равнодушной к ухаживаниям молодого офицера.

Кемаль стал посещать ее дом и, удачно сочетая приятное с полезным, завязывал знакомства с сильными мира сего и продолжал шлифовать свое воспитание.

И дошлифовал его до того, что сделал Димитрине предложение.

И хотя брак не состоялся, Димитрина долго не забывала стремительно вошедшего в ее жизнь турецкого офицера с такими удивительными голубыми глазами, менявшими свой цвет в зависимости от испытываемых им чувств.

В конце Первой мировой войны она собиралась встретиться с ним в Стамбуле, но события на фронте помешали ее визиту.

Вскоре Кемаль получил звание подполковника.

Конечно, он был доволен, но что значило это скромное звание по сравнению с генеральскими эполетами Энвера!

Так, пыль…

28 июня 1914 года в Сараеве раздался роковой выстрел.

В воздухе запахло порохом, и Кемаль внимательно следил за тем, что происходило в Стамбуле.

Он даже не сомневался в том, что Энвер сделает все возможное, чтобы втянуть страну в войну на стороне Германии.

Еще в Македонии Энвер общался с австрийскими офицерами, изучил немецкий язык и основы немецкого военного искусства.

Во время работы атташе в Берлине он стал убежденным германофилом, попав под чары прусского милитаризма с его «Дрессировкой и воспитанием».

Энвер уверовал в совершенство германской военной машины, его просто восхищала немецкая армия, ее дисциплина, уровень подготовки и вооружение.

Военный атташе с репутацией «Наполеона» не только пришелся ко двору кайзера, но и завел знакомства в высших военных кругах.

Именно тогда завязалась дружбы Энвера со знаменитыми немецкими генералами — Отто Лиманом фон Сандерсом, впоследствии главой германской военной миссии и генерал-инспектором турецкой армии, и Гансом фон Сектом, ставшим во время Первой мировой войны советником начальника турецкого генштаба, а затем главой штаба германских войск в Оттоманской империи.

Особую роль в стремлении Энвера выступить на стороне Германии сыграло согласие кайзера на создание Великого Турана.

Как мы помним, после 1908 года младотурки основной идеологией империи объявили османизма.

Вполне возможно, что в период «весны» младотурецкой революции ее лидерам на самом деле казалось возможным «равноправное единение» всех народов Османской империи.

Но эти надежды были разбиты практикой великодержавной деятельности младотурок.

После балканских войн младотурки, ввиду неудач с проповедью и насаждением османизма, заговорили о тюркизме.

И все же наиболее влиятельной оставалась идеология исламизма, сохранявшая свои мощные корни в исторических успехах ислама.

Доктрина исламизма, переходящая периодически в панисламизм, пригодилась младотуркам не только для сохранения власти Османского государства в регионах с немусульманским населением.

Когда стало ясно, что не помог и панисламизм, в младотурецких умах началась постепенная замена османизма на тюркизм и его пантюркистские крайности.

И Энвер горел страстным желанием объеденить под своим занменем все тюркские народности от Кавказа до Якутии.

Впрочем, Германия и без Энвера сделала бы все возможное, дабы втянуть империю в войну.

Да и зачем ей надо было вооружать и готовить османскую армию?

Восхождение Энвер-паши на вершину власти происходило параллельно усилению влияния Германии в Турции.

И усиливалось оно во многом благодаря именно его политике.

Надо сказать, что пангерманистские амбиции прусских милитаристов служили своего рода примером для младотурок.

А экспансионистские устремления германских генералов и стамбульских правителей создавали что-то вроде духовного родства между ними.

Добавим к этому общих врагов.

Германия поддерживала и использовала пантюркистские движения, считая их полезными для своей политики на Востоке.

В общем, дело шло к тесному союзу.

Почти сразу после назначения Энвера военным министром в Турцию прибыла военная миссия во главе с Лиман фон Сандерсом.

Став генеральным инспектором турецкой армии, Лиман фон Сандерс расставлял своих офицеров на ключевые позиции в армии.

В середине июля 1914 года между Энвером и германским послом Вангенхаймом начались конкретные переговоры о военном союзе.

1 августа 1914 года началась Первая мировая война.

Кемаль встретил это известие без особого энтузиазма, поскольку Энвер, как военный министр, стал почти единоличным правителем Турции.

С объявлением войны между Германией и странами Антанты Турция официально заявила о нейтралитете, однако Энвер уже договорился, что Турция поддержит Германию и Австро-Венгрию.

Кемаль догадался об этом в середине августа, когда в Софию прибыл Талаат и попытался уговорить болгар выступить в войне на стороне центральных держав и Османской империи.

Но, как и предсказывал Кемаль, все его уговоры ничем не кончились.

Болгария не спешила с вступлением в какой-нибудь военный блок.

Тем не менее, Талаат попросил Кемаля оказывать постоянное давление на болгарские политические и военные круги и постараться не только втянуть Болгарию в войну, но и добиться от ее правительства поставки оружия и боеприпасов для турецкой армии.

Это была невыполнимая задача, и обеспокоенный печальными перспективами Кемаль написал Энверу докладную.

После катастрофических поражений в Балканских войнах, убеждал он военного министра, Турция больше всех остальных нуждалась в мире и доведении военных реформ до конца.

А посему, писал он, надо не спешить с заключением каких-либо союзов, а внимательно наблюдать за развитием событий.

Кемаль вовсе не был убежден в безоговорочной победе Германии в будущей войне и считал, что в случае ее поражения Турция потеряет все.

Но если даже произойдет чудо и Германия победит, то Турции, предупреждал он, лучше не станет.

Она просто-напросто превратится в ее сателлита.

Он был не одинок в своих опасениях, большинство министров склонялись к союзу с Антантой, а Лиман фон Сандерс и вовсе считал, что «большинство турецких политиков было настроено в пользу поддержания нейтралитета».

Более того, Талаат совершил вояж в Европу и Россию, однако все его предложения о возможном союзе так и остались предложениями.

Однако Энвер уже закусил удила.

Разочаровавшись в османизме, он бредил пантюркизмом, и теперь его внешняя политика выражалась в сближении с Германией, благословившей его на создание Великого Турана и усилившейся враждебностью к России.

М. Шахинлер пишет в своей работе, что такая экспансионистская политика не имела «какой-либо ясной концепции», а была, «главным образом, делом рук Энвера-паши и министра внутреннихделТалаата-паши».

«Анализ условий вступления в войну, — писал он, — четко показывает, что слабое правительство переполняли воинственные идеи», хотя роль посла Германии Вангенхейма и офицеров Лимана фон Сандерса и Брайссарта была в этом вопросе, несомненно, первостепенной.

Участие в мировой войне Энвер рассматривал, в первую очередь, как борьбу за создание «Великого Турана».

Он был уверен в превосходстве немецкого оружия и не сомневался в победе.

К тому же он буквально бредил в то время созданием «Великого Турана» с его огромными территориями в Азии и Африке, благо, что сам германский кайзер разделял его идеи.

Весьма интересно и ето, что еще 7 июня 1914 года, то есть за три недели до выстрела в Сараево, главнокомандующий немецкой военной миссии полковник Бронзарт фон Шеллендорф закончил начальный план кампании османской армии в случае войны с Россией.

Согласно плану Шеллендорфа, османские войска располагались вблизи греческих и болгарских границ.

Армии Турции надлежало вести наблюдение за армиями противника и по возможности воздерживаться от любых провокаций врага.

Большая часть османских войск должна была находиться в Восточной Анатолии, откуда ей надлежало в случае необходимости наступать на русских.

Также большое внимание должно уделялось защите Стамбула и Проливов.

Укрепленные районы Эдирне и Чаталджа предназначались для защиты дороги, ведущей в столицу Османской империи.

При этом особое внимание уделялсось укрепрайону Чаталджа.

22 июля 1914 года Энвер-паша направил германскому посланнику в Константинополе официальное предложение о создании союза.

2 августа 1914 года соглашение о союзе было подписано с соблюдением беспрецедентных мер секретности.

Договор не был представлен для ознакомления даже многим членам младотурецкого кабинета министров.

После июльских событий 1914 года план пришлось пересмотреть из-за изменившейся ситуации.

После договора с Германской империей, заключенного 2

августа 1914 года, последовал пакт с Болгарией.

12 октября 1914 года на заседании центрального комитета партии «Единение и Прогресс» было решено вступить в войну.

Как писал в своих мемуарах видный деятель младотурецкой партии Мевлян-заде Рифат, Энвер-паша, доказывая необходимость участия Турции в войне на стороне Германии, отмечал:

— Германия согласна, чтобы мы отвоевали Египет, Кавказ и даже Иран. Таким образом, нет сомнения, что мы можем открыть путь к Турану и осуществить единение турок…

В турецких исследованиях часто ссылаются на воспоминания генерала Али Исхан Сабиса, очевидца событий, который пишет, что с началом войны приемную Энвер-паши ежедневно осаждали экзотически одетые люди, твердившие ему о «туранском пути» и «туранском завоевании».

Они даже гадали Энверу, толкуя его седину, как признак «завоевателя», стихотворно славословили его, как некого «созидателя и спасителя Турана».

И действительно, Энвер планировал захват Закавказья с Нахичеванью и Баку, иранского Азербайджана, Дагестана, Крыма и Туркестана, посылал туда своих эмиссаров и пытался распропагандировать местных мусульман в пантюркистском и панисламистском духе.

С началом Первой мировой войны Энвер предпринял все усилия для того, чтобы втянуть Турцию в вооруженное противостояние с Антантой.

Хотя турецкая армия и флот явно не были к этому готовы.

Тем не менее, Бронзарт фон Шеллендорф сразу же приступил к переработке своего же собственного плана и кончил его 6 сентября 1914 года.

Согласно ему, 4-я армия должна была атаковать Египет, а 3-я — вести наступление в Восточной Анатолии.

Не все в османской армии были согласны с фон Шеллендорфом, и заместитель начальника генерального штаба Хафыз Хаккы представил свой военный план, который был еще более агрессивным.

Согласно этому плану, османские войска должны были отправиться из Стамбула и Фракии на восточную часть побережья Чёрного моря воевать против русских, у которых, как надеялся Хафыз Хаккы, будет полная деморализация после поражения на Восточном фронте.

В октябре Хафыз Хаккы пересмотрел план.

Теперь он предусматривал действия Румынии и Болгарии против Сербии, а также атаку турками Суэцкого канала и

наступление в Персии.

Планы Хафыза Хаккы были грандиозны, но их пришлось отложить из-за нехватки ресурсов.

В связи с начавшейся войной в Европе, османский генштаб воспользовался планом фон Шеллендорфа.

И снова «отличился» Энвер.

Не дожидаясь решения правительства, Энвер-паша лично приказал немецким кораблям под турецкими флагами напасть на российские порты на Черном море.

29 октября 1914 года турецкий флот под командой, немецкого адмирала Сушона обстрелял Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск.

В тот же день русский посол в Константинополе получил предписание затребовать свои паспорта.

На следующий день обстрел русских портов продолжился, а кабинет министров был поставлен перед свершившимся фактом.

Рассказывали, что Энвер-паша в разговоре с колеблющимися членами кабинета выложил на стол свой револьвер и демонстративно взвел курок.

Таким способом он добился необходимого консенсуса.

2 ноября 1914 года Россия объявила Турции войну.

5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция.

Прогерманская партия Энвер-паши руководствовалась тем, что Германия заинтересована в сильной Турции и не имеет планов превращения ее в свою колонию.

11 ноября в стамбульской мечети Фатих была оглашена фетва шейх-уль-ислама о джихаде против держав Антанты и издано соответствующее ираде султана Мехмеда V.

Обращаясь к своей армии, своему флоту и своим героическим солдатам, султан повторил легенду о русских минёрах у Босфора, о нарушении международного права.

Он также напоминал о том, что «за последние триста лет империя понесла большие территориальные потери из-за российского правительства», что русские, французы и англичане «приносят страдания миллионам мусульман, проживающих в халифате, являются причиной многих наших бедствий».

Султан не сомневался в победе, имея в качестве «братьев по оружию» две «самые храбрые и сильные армии в мире».

Одновременно с султанским ираде Энвер-паша как вице-генералиссимус опубликовал своё обращение к армии, выразив уверенность, что «враги будут разгромлены» истинными сынами героев османского прошлого.

«Мы, — писал он, — должны идти только вперёд, ибо победа, слава, героическая смерть и райское блаженство — всёэто для тех, кто идет вперёд».

В воззвании, выпущенном младотурецким правительством, было сказано: «Наше участие в мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом.

Идеал нашей нации ведёт нас к уничтожению нашего московского врага,

Для того чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи, которые включат и объединят все ветви нашей расы»

Последующие несколько фетв разъясняли, что все мусульмане должны бороться с неверными стран Антанты, в то время как Германия и Австрия являются опорой и защитой ислама.

Однако вскоре стало очевидно, что в такой «джихад» не поверили мусульмане и России, и арабских территорий и государств.

В Мекке местный лидер арабов объявил джихад младотуркам и немцам и призвал поддержать «подлинных защитников ислама» — англичан.

Для Кемаля наступили трудные времена, который хорошо усвоил макиавеллиевский принцип о том, что «лучше избегать союза с теми, кто сильнее тебя».

Именно поэтому он считал, что война на стороне Германии, даже в случае победы последней, не принесет Турции никаких благ, и она станет вассалом, особенно учитывая экономический и военный уровень Германии.

И точно так же, как и Макиавеили, считал, что «в случае победы сильного союзника, ты окажешься у него в руках».

Да, он был против войны на стороне Германии, но теперь, когда шла война, он уже не мог оставаться спокойным наблюдателем.

Он солдат, и его место было в действующей армии!

Но о нем забыли в Стамбуле даже в эти трудные для страны дни, когда на счету был каждый офицер.

Не выдержав томительного ожидания, он сам напомнил о себе Энверу, и тот с издевательской вежливостью ответил ему:

— В армии всегда найдутся для вас места, но вы принесете гораздо больше пользы в той должности, какую занимаете сейчас.

— Если вы не хотите использовать меня в качестве высшего офицера, — заявил оскорбленный Кемаль, — скажите мне об этом прямо!

Однако занятый кавказскими делами Энвер вообще не удостоил его ответом.

Считая главным врагом «туранского возрождения» Россию, Энвер принял командование Кавказским фронтом.

Перед отъездом на Кавказ Энвер-паша изложил свой план Лиман фон Сандерсу.

Генерал потом вспоминал:

— В конце нашей беседы он высказал идеи фантастические и курьезные. Он имел желание достигнуть позднее Афганистана и Индии…

Поначалу турки добились на Кавказе некоторых успехов.

Окрыленный этим главнокомандующий решил немедленно разгромить русскую Кавказскую армию.

Сняв скептически настроенного командующего 3-й армией Гасана Изет-пашу, он лично принял командование армией (правда, при «кураторах» — генерале Бронсарте фон Шеллендорфе и его помощнике майоре Фельдмане, тоже не отличавшихся особым оптимизмом относительно турецких перспектив).

Дело кончилось разгромом плохо одетой и слабо вооруженной турецкой армии во время Саракамышской операции в декабре 1914 — январе 1915 года.

«Энвер-паша, — писал начальник штаба 9-го турецкого корпуса, — отбыл с линии фронта, проклинаемый бывшими соратниками как наемник германского кайзера, похоронивший в снегах Анатолийскую армию и обвинявший всех командиров в трусости.

Чтобы оправдать себя в Стамбуле, он, искажая факты, распространил ложные версии и клеветал на тех, кто доблестно сложил свои головы под его водительством.

Такова была цена попытки Энвера пропагандировать панисламизм и реализовать мечты пантуранизма».

Турецкий автор Ш. С. Айдемир пишет об этом сражении как о «сарыкамышской драме».

Турецкая армия, получив от командующего операцией Энвера-паши приказ овладеть Сарыкамышем и Крепостью Карс, а затем и всем Южным Кавказом, оказалась не готовой к холодам, отсутствию своевременного

снабжения и координации действий.

Она стремительно теряла в бесплодных атаках солдат.

Но вновь и вновь следовал приказ прибывшего к месту сражения Энвера:

— Атаковать!

Командующий армией Хафыз Хаккы-паша, увидев через

снежную бурю, что у него осталось от недавних 40 тысяч солдат всего 80 человек, заплакал.

— Всё кончено! — говорил он сквозь рыдания. — Все кончено!

Вернувшийся после этого разгрома в Стамбул Энвер ограничил рассказ об операции одной фразой:

— Мы нанесли врагу тяжелый удар!

Но даже после столь страшного поражения Энвер не успокоился и приказал генералу Казыму Карабекиру двигаться из Тебриза на Тегеран, занять его и идти дальше в направлении Индии.

«Это был первый подарок турецкому народу командующего Энвера-паши и его немецких сподвижников».

Нет сомнения, что эта кажущаяся безумием затея основывалась

На идее-фикс Энвера, с которой он не расстался до последнего дня своей жизни, — поднять на ноги всех мусульман, всех тюрок против Запада, против Англиии и против России.

Провал на Кавказском фронте нанес сильный удар по престижу Энвер-паши, и за глаза его стали называть «Наполеончик».

По словам турецкого историка Махмуда Инала, «в Турции не бывало подобного ему жадного и честолюбивого, невежественного и тупо кровожадного командующего».

Энверу надо было срочно спасать свой авторитет.

По мнению некоторых историков, именно в качестве мести за поражение при Сарыкамыше турецкие власти организовали массовое уничтожение армян, а также греков и ассирийцев.

Узнав о сарыкамышской катастрофе, Кемаль не удивился.

Ничего другого от человека, никогда не командовавшего даже батальоном, он не ожидал.

Война с мощной русской армией даже отдаленно не напоминала похода на Порту и требовала не только энтузиазма и смелости, но прежде всего выдержки и знаний.

Да и Кавказ с его жестокой зимой мало чем напоминал собою знойную Триполитанию с ленивыми итальянцами и брошенный болгарами на произвол судьбы Эдирне.

Испытывал ли он вполне закономерную радость человека в его положении?

Думается, вряд ли.

Скорее досаду.

Ведь на Кавказе погибли отборные турецкие войска, и положение на фронте осложнилось до предела.

Он завалил военное министерство телеграммами и каждый раз натыкался на все ту же глухую стену.

И тогда он решил самовольно покинуть болгарскую столицу.

А что ему еще оставалось?

Все его просьбы направить его в действующую армию повисали в воздухе, а сидеть и ждать у моря погоды, в то время как его братья по оружию проливали кровь, у него уже не было сил.

Да и не хотел он больше никуда опаздывать.

Однажды он уже опоздал, и хорошо знал цену этим опозданиям.

Но в ту самую минуту, когда он уже начал укладывать чемоданы, из столицы пришла столь долгожданная телеграмма с приказом явиться в военное министерство!

И надо ли говорить, с какой радостью Кемаль поспешил в Стамбул.

Еще бы ему не радоваться!

Стоявшая перед ним глухая стена была пробита, и у него наконец-то появилась блестящая возможность заявить о себе уже по-настоящему…

Глава X

Первым, с кем встретился Кемаль в военном министерстве, был сам Энвер.

Главнокомандующий был явно не в своей тарелке.

— Вы выглядите усталым! — невольно вырвалось Кемаля.

— Ничего особенного! — поморщился Энвер.

— Как дела на фронтах? — поинтересовался Кемаль.

— Воюем! — последовал краткий ответ.

Энвер был явно не расположен продолжать беседу и, сообщив Кемалю о его назначении командиром входившей в состав Пятой армии Девятнадцатой дивизии, распрощался с ним.

Кемаль поспешил на Галлиполийский полуостров, где находилась Пятая армия.

Как скоро выяснилось, радовался он рано.

В штабе никто не слышал ни о какой Девятнадцатой дивизии, и только после долгих переговоров с Генеральным штабом выяснилось, что такую дивизию на самом деле собирались создать, но почему-то так и не создали.

Как видно, Энвер остался верен себе и в очередной раз решил проверить его нервы таким иезуитским способом.

Свое раздражение Кемаль сорвал на командующем армией, и на вопрос Лимана фон Сандерса, почему правители Болгарии не спешат вступать в войну, он и не подумал кривить душой.

— Только потому, — пожал он плечами, — что в Софии не верят в вашу победу!

— Ну а вы сами? — с нескрываемой иронией прищурился генерал.

— Я тоже! — последовал бесстрастный ответ. — И поражение на Марне является лучшим подтверждением моего неверия!

Фон Сандерс с изумлением смотрел на Кемаля и никак не мог понять, что скрывается за его римской прямотой: бравада или полное непонимание того, с кем он говорит.

Ведь именно от него зависела сейчас судьба этого наглого подполковника, и при желании он мог загнать его в какую-нибудь дыру, но мог и оставить в штабе, где у него было не так уж много офицеров с академическим образованием.

Он остановился на первом, и можно было понять разочарование Кемаля, когда, вместо обещанной ему Энвером дивизии, он получил всего-навсего полк.

Но обиды обидами, а жизнь продолжалась, и Кемаль поспешил в свой полк.

Стоял солнечный день, и блестевший словно клинок пролив

медленно катил свои воды мимо повидавших исторические виды берегов.

Когда-то по ним проходили в Малую Азию отряды спешивших освободить Гроб Господень крестоносцев.

Отсюда переправлял в Европу свои войска Мехмед II.

Здесь располагался один из самых крупных невольничьих рынков, где торговали захваченными в полон запорожцами.

И вместе с Босфором эти самые Дарданеллы на протяжении многих веков являлись важными стратегическими пунктами, вокруг которых и по сей день крутилась не только европейская, но и мировая политика.

С незапамятных времен в зоне Проливов торговали и воевали.

Кемаль грустно усмехнулся: теперь придется повоевать на этих знаменитых берегах и ему, и кто знает, не запомнят ли они и его, как запомнили переплывавшего узкий пролив Байрона…

Кемаль снова хандрил.

Снова ракы, снова, сигареты и бессонные ночи.

И понять его было можно.

Его дивизия существовала скорее на бумаге, чем в реальности, он продолжал бездействовать, в то время как его родина в находилась смертельной опасности.

Под Сарыкамышем русские уничтожили Кавказскую армию, на Суэцком канале британские войска легко отразили наступление, возглавляемое Джемалем-пашой.

А он все еще проводил учебные занятия с теми частями, какие ему бросили с барского стола.

Но отчаивался он напрасно, посокольку уже очень скоро сумеет показать все, на что был способен…

Конечно, Кемаль не мог знать, что в декабре 1914 года Главнокомандующий русской армией Великий князь Николай Николаевич, напуганный прорывом турецких войск к городу Сарыкамыш в Закавказье, попросил западных союзников «оказать воздействие на Турцию в наиболее уязвимых и чувствительных ее местах».

Так Великий князь надеялся отвлечь часть турецких сил с Кавказского фронта.

Морской министр Великобритании Уинстон Черчилль, который давно жаждал боевой деятельности, воспользовался русским кличем о помощи и предложил совершить прорыв через пролив Дарданеллы к Константинополю силами флота.

И невольно возникает вопрос, а зачем привыкшим таскать каштаны из огня чужими руками англичан нужна была эта

операция?

Неужели трогательная забота о надрывавшейся на двух фронтах русской армии?

Да, конечно, нет!

Беспокоившихся всегда только о себе англичан подобные мелочи не интересовали, и главной их целью являлся не Константинополь (захват города был скорее средством, чем целью), а расширение театра военных действий против Австро-Венгрии за счет вовлечения в войну всех балканских стран.

Хотя в Лондоне не могли не понимать, что овладение Дарданеллами дало бы Антанте неоспоримые преимущества.

Более того, еще 3 ноября 1914 года британские линейные крейсера вместе с французскими броненосцами провели бомбардировку фортов пролива.

К этой демонстрации турки отнеслись серьезно и усилили оборону Дарданелл новыми минными заграждениями и батареями.

Этим тогда дело и ограничилось.

Традиционно считается, что идею Дарданелльской Черчилль предложил якобы для того, чтобы опередить Россию в захвате черноморских проливов и Константинополя.

На самом деле операция задумывалась не против России, а за собственные стратегические интересы, в том числе связанные с сохранением России в качестве союзника по Антанте.

Эскадра союзников должна была форсировать Дарданеллы захватить Стамбул и открыть морской путь в Россию.

В Лондоне прекрасно понимали, что для спасения союзника Германии пришлось бы неизбежно перебросить на юг часть войск, что облегчило бы положение армий Антанты на Западном фронте.

Против этого замысла, получившего название «Диверсия на Востоке», выступили главнокомандующий генерал Жозеф Жоффр и военный министр Александр Мильеран, которые считали недопустимым даже незначительное изъятие сухопутных сил с Западного фронта.

Но неожиданно план «Диверсии на Востоке» поддержала русская Ставка верховного главнокомандующего.

Это быстро принесло плоды на фоне слухов о возможном сепаратном мире России с державами Центра.

Британская разведка в те дни получила сведения, что представители германского Генштаба и министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд фон Берхтольд зондируют возможность сепаратного мира с Россией в обмен на признание прав русских на обладание Константинополем и черноморскими

проливами.

3 января 1915 года состоялось совещание военного министра Великобритании Герберта Китченера с Черчиллем, по итогам которого последнему предоставили полномочия по планированию операции в Дарданеллах.

Еще через неделю вице-адмирал Сэквилл Карден представил оперативно-тактический план, предусматривающий четыре этапа прорыва британского флота к Константинополю.

Глава XI

Операция началась 19 февраля, когда англо-французский флот начал обстрел османских фортов.

После ряда неудачных попыток войти вглубь пролива союзному командованию стало очевидно, что невозможно добиться решающих результатов посредством нескольких обстрелов укреплений.

18 марта началась генеральная атака на Дарданеллы.

Однако союзники не добились поставленных задач и понесли тяжелые потери.

Турки же понесли незначительные потери (было подбито лишь 8 орудий на береговых батареях).

Несмотря на то, что операция по форсированию Дарданелл провалилась, союзное командование не прекратило боевые действия.

По новому плану англо-французского командования на полуостров Галлиполи необходимо было высадить десант, чтобы пехотные подразделения захватили береговые батареи и флот смог прорваться к османской столице.

Для высадки у Чанакалле было решено привлечь английские, австралийские, новозеландские, индийские и французские войска, а также русских и греческих добровольцев.

Всего общая численность десанта составляла около 81 000 человек и 178 орудий.

Однако и германо-турецкое командование понимало, что союзники готовят десант на Галлиполи.

Была сформирована новая 5-я армия и усилена вся система турецкой обороны.

Ранним утром 25 апреля высадившиеся в Кумкале отряды пошли на штурм открывавших дорогу на Стамбул высот.

Кемаль оказался на направлении главного удара.

К своему великому негодованию, он сразу же наткнулся на отступавших в панике солдат.

— Почему вы бежите? — грозно спросил он.

— Там враги! — махнул рукой в сторону холма рослый сержант в разорванной во многих местах одежде.

— И где же они? — недобро прищурился Кемаль.

— Повсюду! — хором ответили ему солдаты.

— И, спасая свои драгоценные жизни, — окатил их презрительным взглядом своих удивительно посветлевших глаз Кемаль, — вы решили предоставить почетное право умирать

другим?

— Но у нас нет патронов! — в отчаянии развел руками все тот же сержант.

— Зато у вас есть штыки! — отрезал Кемаль и приказал занять оборону.

— Я не приказываю вам атаковать, — обратился к солдатам Кемаль. — Я приказываю вам умереть! Я не думаю, что среди вас найдутся люди, которые не предпочтут смерть тому позору, какой все мы испытали во время Балканских войн! Но если таковые найдутся, то они будут незамедлительно расстреляны!

Жестоко?

Наверное!

Но что делать, на войне как на войне, и подобные обращения действовали куда сильнее самых напыщенных речей!

Полк выполнил приказ своего командира: противник был отбит, а большинство его солдат погибли в жестоких боях.

Встревоженный фон Сандерс сразу же дал ему еще два полка, и пусть таким образом, но Кемаль все же стал командиром уже реально существовавшей Девятнадцатой дивизии.

Но радовался он рано, поскольку один из полков почти полностью состоял из… не желавших воевать арабов!

Он потребовал заменить их на турок и получил твердый отказ.

Кемаль был взбешен: ни арабы, ни стоявшие на всех ключевых позициях немецкие офицеры не внушали ему доверия.

И он даже не сомневался в том, что никто из этих в общем-то случайных людей не будет драться по-настоящему.

И не ошибся.

Уже на следующий день арабы покинули позиции, и он оказался в критической ситуации.

Но даже сейчас его солдаты стояли насмерть, и ему не только удалось отстоять свои позиции, но и провести успешную контратаку.

За этот подвиг многие бойцы получили награды, а сам Кемаль был награжден орденом.

Однако ни полученный им орден, ни прекрасно организованная оборона не гарантировали ему хорошего отношения со стороны невзлюбившего его командующего.

Не думал заискивать перед ним и сам Кемаль, и когда Лиман фон Сандерс решил усилить контроль над непокорным подполковником и заменить его начальника штаба на одного из своих офицеров, разразился самый настоящий скандал.

Кемаль не шел ни на какие компромиссы, и, дабы наказать его, немцы просто-напросто перестали обращать внимание на его

требования усилить занимаемую его дивизией позицию.

Не помогли и его многочисленные рапорты в военное министерство и генеральный штаб с царившими в них неразберихой и интригами.

И тогда Кемаль обратился к Энверу.

«Как я уже ранее докладывал Вам, — писал он в шифровке, — оборона порученного мне участка имеет важное значение.

Однако Лиман фон Сандерс даже не потрудился как следует ознакомиться с ситуацией.

В результате чего диспозиции сильно ослаблены и противник легко может прорвать их.

Союзники уже высадили на самом слабом направлении четыре бригады.

Но когда я предложил командующему опередить противника и провести контратаку, тот отказался, позволив тем самым противнику наращивать силы.

Все наши неуспехи я объясняю только непониманием обстановки и полным невежеством немецкого штаба.

Я убедительно прошу Вас не уповать на военное мышление немецких специалистов во главе с фон Сандерсом и очень надеюсь на то, что Вы приедете к нам и на месте разберетесь с требованиями обстановки!»

В ожидании Энвера фон Сандерс попытался надавить на строптивого комдива с помощью известного османского генерала, но тот наотрез отказался.

— Всеми нашими успехами в обороне, — заявил он, — мы обязаны героизму Кемаля и его людей!

Тогда немецкий генерал пошел на откровенную подлость и накануне приезда Энвера приказал Кемалю провести задуманную им контратаку… одному.

И тому не оставалось ничего другого, как ввязаться в тяжелейший бой и потерпеть неудачу.

Явившийся в сопровождении подполковника Исмета и целой свиты блестящих адъютантов Энвер в довольно жесткой форме приказал ему не заниматься самодеятельностью и исполнять приказы фон Сандерса.

А чтобы еще сильнее унизить Кемаля, он устроил ему публичную порку.

Выстроив подчиненные ему полки, Энвер произнес пламенную речь, в которой благодарил солдат за храбрость и всю вину за неудавшуюся контратаку свалил на их командира.

И хотя всем было ясно, кто являлся истинным виновником поражения, никто не осмелился возразить всесильному диктатору.

Никто, кроме самого Кемаля, у которого лопнуло его и без того небесконечное терпение.

Взбешенный подлостью немцев и упрямством Энвера, он ответил дерзостью, и кто знает, чем бы закончились их препирательства, если бы противник снова не пошел в наступление.

На этот раз атаки продолжались несколько суток, и только ценой неимоверного мужества и огромных потерь Кемалю удалось выстоять в этом кромешном аду.

И каково же было его удивление, когда он совершенно неожиданно для себя получил из рук фон Сандерса… Железный крест.

И кто знает, не стремился ли тот, представляя своего неуправляемого полковника к этой награде, не только поощрить Кемаля, но и в какой-то степени подкупить его.

Но куда там!

Кемаль по-прежнему доверял только своим людям, да и не могло у него быть никаких компромиссов после той бездарной контратаки, в которой погибло столько его солдат.

Противник успокоился всего на два дня, и за это время Кемаль сумел похоронить погибших.

Похороны произвели тягостное впечатление на его бойцов, но когда уже на следующий день Кемаль пошел в контратаку и с ходу завладел важной высотой, он с радостью убедился в том, что боевой дух его верных «мехметчиков», как стали называть турецких солдат, не сломлен!

«С тех самых пор, — писал он своей обожаемой Корине, — как удача стала сопутствовать мне, я твердо верю в то, что она больше никогда не отвернется от меня!

И не надо удивляться тому, что мое имя еще мало кому известно.

Да, я получил звание полковника, еще одну медаль от султана и орден Святого Александра от болгар, но тем не менее предпочитаю прославлять своих солдат!

И вы должны знать, что именно ваш друг руководит теми самыми битвами, в которых турецкие воины покрывают себя славой!

И на мое счастье, мои солдаты куда храбрее и настойчивее врага.

Но самое удивительное заключается в том, что их внутренняя вера настолько велика, что они с легкостью исполняют самые жестокие приказы, посылающие их на верную смерть.

И на это у них есть две причины: вера в победу и оправданное мученичество. Они верят в то, что после смерти гурии будут

вечно ублажать их!»

Он много писал Корине и в беседах с ней видел не только отдушину от страшного нервного и физического напряжения.

Через свою вхожую во многие дома подругу он хотел как можно больше знать о раскладе политических сил в столице и царившей там атмосфере.

Несмотря на все свои трения с Энвером, он не оставил надежды на восхождение, и трамплином на самый верх должен был стать тот самый Галлиполийский полуостров, который он так отчаянно защищал.

И конечно, он очень надеялся на то, что уже очень скоро благодарная столица будет встречать его после победы над Союзниками точно так же, как совсем еще недавно она встречала Энвера.

И, говоря откровенно, он был достоин такой встречи.

Несмотря на кровопролитные бои, Кемаль и не думал отступать.

Он успевал повсюду и там, где другие валились от усталости, продолжал, как ни в чем не бывало, бить англичан.

Атаки сменялись контратаками, и за каждую высоту, за каждый уже так обильно политый солдатской кровью клочок земли шли ожесточенные схватки.

Вдобавок ко всему стояла страшная жара, и люди буквально задыхались от постоянно их мучившей жажды.

Тем временем Союзники получили подкрепление, и Кемаль потребовал у фон Сандерса усилить его дивизию.

К его несказанному удивлению, на этот раз тот даже и не подумал спорить.

Но радовался Кемаль рано.

Вслед за направленными в его дивизию свежими частями фон Сандерс расширил до немыслимых размеров участок вверенной ему обороны.

Кемаль снова вступил в жестокую схватку с командующим и, так и не сумев переубедить немца, официально заявил, что не сможет выполнить поставленную перед ним задачу.

Выведенный из себя фон Сандерс сообщил Энверу о нежелании командира Девятнадцатой дивизии выполнять его приказы.

Через день отдел кадров военного министерства запросил Кемаля, готов ли он отправиться в Триполитанию в роли командующего армией.

Прекрасно понимая, откуда дует ветер, Кемаль покачал головой и своих нападок на командующего не прекратил.

И кто знает, чем бы закончилась вся эта эпопея, если бы в

самый разгар скандала к Кемалю не пожаловала делегация «Единения и прогресса» во главе с самим Талаат-пашой.

Многие офицеры восприняли этот визит как знак признательности самому талантливому османскому военачальнику, и та самая линия обороны, из-за которой и вспыхнул конфликт, была немедленно сокращена.

Получив сведения от разведки, Кемаль принял отчаянное решение опередить готовившихся к атаке британцев, и блестяще проведенная им вылазка на несколько дней отбила у тех охоту пробовать свои силы на его участке.

В августе 1915 года британские войска получили очередное подкрепление и собирались высадиться на побережье залива Анафарта и перерезать северо-западные коммуникации турецкой армии, связывающие ее со Стамбулом.

Положение было настолько серьезным, что прекрасно понимавший всю значимость Кемаля для обороны Энвер назначил его командиром Шестнадцатого корпуса.

Да и Лиман фон Сандерс поубавил свой пыл.

Вражда враждою, а терпеть поражение ему не хотелось.

Ведь и над ним стояло начальство, и в случае неудачи оно вряд ли бы стало вникать в детали его дрязг с турецким полковником.

И в связи с этим весьма интересна данная немецким генералом Кемалю характеристика в его мемуарах.

«Мустафа Кемаль, — вспоминал он, — впервые заставивший говорить о себе во время его успешных действий в Триполитании, являл собою волевого и настойчивого в своих начинаниях командира.

Именно он взял на себя инициативу 25 апреля и, отразив со своей дивизией рвавшегося к Стамбулу врага, в течение трех последующих месяцев успешно сдерживал яростные атаки противника.

И я верил в его энергию и решительность».

Отзыв и на самом деле прекрасный, но не надо забывать, что эти мемуары были написаны уже после того, как Кемаль стал тем, кем он стал, и любая критика прославленного полководца не добавила бы немецкому генералу популярности.

Да и сам Энвер при всей своей антипатии к Кемалю не мог не ценить его.

Ведь при желании он мог загнать Кемаля куда угодно, и никто никогда бы не вспомнил о нем.

Да и какая, если говорить откровенно, могла быть вражда между главнокомандующим и каким-то полковником.

И тем не менее…

Что же касается Кемаля, то он остался верным себе и на этот раз и, едва узнав о своем новом назначении, тут же потребовал подчинить ему все войска, находившиеся севернее Арыбурну.

После недолгих размышлений Лиман фон Сандерс согласился.

Отлично организованная и боеспособная группировка Кемаля разительно отличалась от других соединений, и ее стали называть «Группой Анафарталар».

И все же поначалу Союзникам удалось потеснить турецкие войска.

«Я жил, — вспоминал позже Кемаль, — всего в трехстах метрах от линии фронта и постоянно ощущал отвратительный трупный запах».

Он сумел отбить все атаки и стал готовиться к решающим боям, продолжая терзать штаб фон Сандерса своими требованиями.

Но тому было уже не до него.

Вместо усиления обороны, он был всецело занят укреплением своих собственных позиций, поскольку начальник немецкого генерального штаба фон Фолькенхайн решил поставить на его место оказавшегося не у дел престарелого фон дер Гольтца.

Замер в ожидании и его штаб, и такое пренебрежение к общему делу еще больше осложнило отношения между османскими и немецкими офицерами.

Тем временем Союзники готовились к решающему штурму, и каждую ночь английские корабли подвозили свежие войска для штурма открывавших дорогу на Стамбул высот.

Как и предполагал Кемаль, его войска снова оказались на направлении главного удара, и его отчаянное положение с первого же дня боев осложнилось еще и тем, что один его помощник был смертельно ранен, а другой попал в госпиталь с дизентерией.

И для всех так и осталось загадкой, как он успевал появляться на самых напряженных участках обороны и руководить ею.

Но Кемаль не хотел только обороняться и намеревался вернуть захваченную высоту.

И сделать это было можно только ценою новых потерь, поскольку противник не жалел снарядов, а его солдаты были измотаны до предела.

— Все мы устали, — сказал им в своем обращении Кемаль, — но у всех нас есть тот самый несгибаемый дух, который помогает нам преодолевать усталость и идти вперед! И я уже не

приказываю, а прошу вас умереть, но отбить высоту!

После того как артиллерия начала массированный обстрел высоты, Кемаль сам повел своих солдат в атаку.

На них обрушился целый град пуль, и мало кто из бойцов сомневался в том, что это был последний подвиг их отчаянного командира.

Конечно, он должен был погибнуть, поскольку одна из пуль попала-таки в него.

— Да, — рассказывал он позже, — я заметил след от пули на правой стороне мундира. Находящийся рядом офицер спросил: «Вы ранены, эфенди?» Я мгновенно подумал о том, как могло бы повлиять это известие на моральный дух солдат. Я тут же прикрыл рукой рот офицера: «Замолчи! Осколок шрапнели ударил меня в грудь, попав точно по карману, где были часы. Часы разлетелись вдребезги, а на груди остался лишь след от осколка».

По счастливой случайности Кемаль даже не был контужен.

Более того, после этого случая солдаты уверовали в то, что их командира оберегает сам Аллах и бесстрашно шли за ним в самое пекло.

Удар турок был настолько мощен, что британцы не выдержали и начали отступать, и от полного разгрома их спасли только пушки стоявших на рейде английских кораблей.

Взбешенный сэр Гамильтон потребовал повторить атаку и вернуть высоту, но ничего, кроме новых жертв, она не принесла.

Зато Кемаль не только успешно держал свою оборону, но и удачно контратаковал.

Тем не менее, воевать с каждым днем становилось все труднее, и виною тому были отнюдь не англичане.

Именно в эти дни до крайности обострились отношения Кемаля с фон Сандерсом и его окружением.

В довершение ко всему Кемаль заболел малярией, и после того, как приехавший с инспекцией на полуостров Энвер не удостоил его своим посещением, он написал прошение об отставке.

Фон Сандерс убедительно просил через штабных офицеров не делать этого, но раздраженный и усталый Кемаль даже не стал говорить на эту тему.

Впрочем, дело было не только в его нежелании воевать под началом осточертевшего ему немецкого генерала.

Уже понимая, что на Галлиполийском полуострове все кончено и новых лавров ему на нем не добыть, он хотел возглавить одну из сражавшихся в Македонии вместе с болгарами армий.

«Противник обескровлен, — писал он другу детства Салиху, — и отсюда родине ничто больше не грозит!

Единственное, чего я хочу, так это по-настоящему служить стране!

И я очень озабочен своим будущим…»

Фон Сандерс обратился к Энверу, и тот послал Кемалю весьма интересную телеграмму.

«С прискорбием услышал о Вашей болезни, — писал он. — Занятый множеством дел, я не смог посетить Вас во время поездки на Галлиполийский полуостров.

Я очень надеюсь на Ваше скорейшее выздоровление и на продолжение исполнения Ваших обязанностей с тем же успехом, с каким Вы делали это до сих пор!»

Что и говорить, бальзам на раны всегда приятен, и все же Дарданеллы были для Кемаля уже пройденным этапом, и оставаться на полуострове он не собирался.

«Благодарю Вас за участие, — ответил он Энверу, — и выражаю твердую уверенность в том, что с Вашей помощью я смогу еще принести пользу во главе войск в других самых нужных местах!»

Это самое «в других» очень не понравилось Энверу, и он предложил Кемалю принять командование войсками в Месопотамии.

Кемаль согласился, но вместе с должностью командующего фронтом потребовал место генерал-губернатора Ирака и право на формирование штаба по своему собственному усмотрению.

И снова это «собственное усмотрение» подействовало на Энвера как красная тряпка на быка.

Он вообще перестал говорить на эту тему и в конце концов поручил командование войсками в Африке все еще остававшемуся не у дел престарелому маршалу фон дер Гольтцу.

В конце октября Энвер снова прибыл на Дарданеллы, и именно тогда в штабе фон Сандерса был разыгран последний акт драмы с отставкой Кемаля.

И стоило только выступившему на военном совете фон Сандерсу потребовать выдвижения Второй армии из Фракии в Салоники, где после вступления Болгарии в войну высадились Союзники, как он со свойственным ему знанием дела подверг этот план уничтожающей критике.

В конце совета он сел на своего любимого конька и обрушился на всех немецких военных специалистов.

Фон Сандерс был так разъярен, что не мог даже говорить, и ни о какой дальнейшей совместной работе с Кемалем не могло быть уже и речи.

Да и какая там могла быть еще работа, если все больше бравших пример с командира Шестнадцатого корпуса османских офицеров не желали выполнять приказы немцев и постоянно вступали с ними в пререкания.

Но даже сейчас прекрасно понимавший, что ситуация на полуострове может измениться в любую минуту, Энвер не спешил с отставкой и заставил фон Сандерса предоставить Кемалю отпуск по болезни.

Через неделю Кемаль передал командование корпусом генералу Февзи.

Не выдержавшие галлиполийской мясорубки англичане начали эвакуацию, и уже очень скоро тяжело переваливавшийся на свежей волне «Принц Джордж» увез с полуострова последних британских солдат.

Столица была спасена, и империя смогла вздохнуть с облегчением.

Так была дописана одна из самых славных страниц в жизни Кемаля и военной истории Турции, а сам он получил бесценный военный опыт.

Никто не умаляет подвиг Кемаля и его солдат и офицеров, и, тем не менее, Дарданельская операция вошла в историю войн как символ не только страшного кровопролития, но и примером полного провала западных держав Антанты, что стало следствием переоценки своих сил, недооценки противника, амбиций и ошибок военно-политического руководства.

План адмирала Кардена не учитывал ряд важнейших факторов.

Турки имели все возможности для быстрой переброски необходимых для обороны сил и средств.

Корабельные орудия, невзирая на всю их мощь, не обладали возможностями гаубичной артиллерии, т. е. не имели навесного огня и не могли поражать цели на закрытых позициях.

Гидрологический режим в Дарданеллах в значительной мере обесценивал даже тщательное траление фарватера, поскольку довольно сильное течение шло из Мраморного моря (т. е. от Константинополя) — навстречу флоту Антанты.

Это позволяло туркам применять безъякорные мины специальной конструкции, плывущие по течению на заданной глубине.

Британцы недооценили, кроме того, боевые качества турецкого солдата — глубоко патриотичного, мужественного в обороне и неприхотливого в быту.

Турецкие части, усиленные немецкими офицерами, отнюдь

не походили на «туземное войско».

Внешнеполитическая подготовка «Диверсии на Востоке» также оставляла желать лучшего.

Шансы на успех Дарданелльской операции представлялись неплохими при одновременном встречном ударе и с востока — русским десантом на Босфор.

Русский флот господствовал на Черном море и мог гарантировать переброску любого объема сил и средств.

Русской Ставке требовалось, правда, существенно бóльшее время на организацию переброски войск.

Но морской кабинет Черчилля поставил русских в известность в самый последний момент.

Это возбудило опасения российского МИДа, что союзники хотят сами захватить Дарданеллы и Константинополь, или, во всяком случае, минимизировать там русское присутствие при послевоенном урегулировании.

В результате вместо реальной помощи Антанте в Проливах Петербург начал забрасывать Лондон и Париж нотами, в которых требовал подтверждения своих прав на проливы и Константинополь.

И лишь в начале марта 1915 году Антанта подтвердила послевоенные права русских на Проливы.

Петербург был удовлетворен, но о быстром согласованном ударе с востока говорить уже не приходилось.

Сыграло свою роль и то, что турецкому командованию через шпионов стало известно о подготовке операции невероятного масштаба.

Оно безотлагательно приступило к укреплению обороны пролива.

Но… кого это волновало?

Особенно теперь, когда ушел последний английский корабль!

Победа на Дарданеллах вызвала огромный подъем среди населения, и надо ли говорить, с какими чувствами спешил Кемаль в столицу, надеясь на восторженный прием, интервью журналистов и высокое назначение…

Глава XII

Но, увы, не было ни оркестров, ни торжественной встречи, ни журналистов…

У обиженого до глубины души Кемаля создалось впечатление, что в столицу приехал не ее спаситель, а никому не известный торговец овощами.

В спасенном им городе никто даже не знал его имени.

Впрочем, ничего удивительного.

У империи был только один герой — Энвер!

И пока он правил бал, ни одно издание не посмело даже заикнуться о победах его недруга.

На состоявшихся в столице торжествах в честь победы на Дарданеллах Энвер окончательно добил строптивого полковника.

В своей приветственной речи он даже не упомянул о Кемале, словно его там и не было, зато султан был объявлен Гази — воином за веру!

Отмечая в своем указе отличившихся на Дарданеллах офицерах, султан, в свою очередь, тоже забыл имя главного виновника торжества.

Правда, один военный журнал опубликовал-таки статью о шести героически погибших офицерах из знаменитой «Группы Анафарталар».

Но по странному стечению обстоятельств имени командовавшего этой группой полковника он так и не упомянул.

И только в 1918 году журнал «Новый обзор» в связи с трехлетней годовщиной победы на Дарданеллах впервые описал совершенные Кемалем подвиги, и страна наконец узнала имя истинного героя тех событий.

Но все это будет потом, а пока Кемаль выдавал желаемое за действительное и писал своему начальнику штаба Иззеттину об оказанном ему в Стамбуле торжественном приеме.

Понимая, что прямым штурмом возведенные против него Энвером бастионы ему не пробить, Кемаль решил обойти их с тыла и попытался сойтись с ведущими политиками и с их помощью получить высокую командную должность в Македонии.

Но и здесь его ждало полное разочарование.

Никто не хотел хлопотать за мятежного полковника и ссориться из-за него с всемогущим диктатором.

А один из влиятельных членов «Единения и прогресса» Халиль, едва он заговорил на эту тему, сразу же посоветовал обратиться с этим вопросом к военным.

И Кемаль не выдержал.

— Неужели вы серьезно полагаете, — с нескрываемой иронией воскликнул он, — что я найду с ними общий язык? Можно подумать, что вам неизвестно, что эта страна с некоторых пор управляется немецким генеральным штабом, первейшей обязанностью которого является унижение таких офицеров, как я?

Не желая отвечать на столь провокационный вопрос, Халиль только пожал плечами, а Кемаль отправился… в военное ведомство.

Эмоции эмоциями, а должность выбивать было надо.

Но и там его ждала та же глухая стена отчуждения.

Да, его знали и ценили, но добиваться назначения на какой-либо значительный пост человека, не ладившего с самым могущественным лицом империи, не пожелал никто!

И будь он хоть трижды героем Дарданелл, своя голова была дороже.

Единственное, в чем обивавший пороги высоких кабинетов Кемаль не испытывал недостатка, так это в советах.

И везде ему советовали одно и то же: не лезть на рожон и научиться подчиняться.

Кемаль только морщился.

Хорошо им, сидя в теплых и светлых кабинетах, не лезть на рожон!

Посмотрел бы он на всех этих умных людей там, в окопах, где рвались снаряды, и каждый день уносил сотни жизней из-за тупости высшего командования.

Впрочем, им никогда не понять друг друга.

Они играли совсем в другие игры, вызывавшие у боевого генерала только презрение.

И все чаще у него создавалось впечатление, что для всей этой занятой своими делами чиновничьей массы война представляла нечто ирреальное, настолько они были далеки от нее.

С неимоверным трудом он добился встречи с министром иностранных дел, чтобы обсудить с ним «важные государственные вопросы, касающиеся науки, искусства, промышленности и текущих дел».

Обширный круг вопросов для простого полковника!

Обращаясь к министру, он заявил:

— Государство на пороге гибели!

Министр резко ответил ему:

— Мы вас уважаем, потому что вы отлично проявили себя у Арыбурну и Анафарты; именно поэтому мы согласились принять вас. Но я начинаю замечать иной смысл в проблемах, о которых вы мне говорите сегодня. Я — министр, полностью доверяющий правительству, я целиком согласен с ним, с Генеральным штабом

и командованием армии. Возможно, вы не знаете всей правды!

Не знает правды?

Возможно, другие, но не Кемаль, и он делится «своей» правдой без всякой осторожности.

Во время одного из многочисленных банкетов, устроенных прессой в его честь после Дарданелл, он заявляет:

— Энвер бездарен, он не в состоянии командовать армией. Что же касается Талаата, то он — невежда, неспособный руководить политикой государства. Это причиняет государству вред. Они вредят армии, направляя ее то в одном, то в другом направлении без пользы. Завтра что-нибудь произойдет. Немцы будут делать всё, что захотят. Они смогут контролировать страну и армию. И тогда государство лишится независимости…

Но все было бессмысленно.

Кемаль словно повис в ваккуме, и никого не интересовал.

Да и небезопасно было слушать его крамольные речи о сильных мира сего…

Устав от бесплодных скитаний, Кемаль стал подумывать о возвращении на Галлиполийский полуостров.

Но стоило ему только заикнуться об этом, как знаменитая «Группа Анафарталар» была тут же распущена, а его непобедимый Шестнадцатый корпус возглавил немецкий полковник.

Вконец расстроенный, он махнул на все рукой и, воспользовавшись вынужденным бездельем, уехал в Софию, где ему было необходимо доделать кое-какие дела.

Но в болгарской столице ему стало еще хуже.

Каждый считал своим долгом спросить, почему он не в армии, в конце концов, Кемаль стал избегать встреч со знакомыми и проводил время в уединенных кафе.

Он пил ракы, курил и… продолжал предаваться мрачным размышлениям.

Оно и понятно!

Шла война, и гибли его соотечественники, а он, боевой и заслуженный офицер, оставался не у дел.

И все же Энвер не забыл о нем, и в одно прекрасное утро Кемаль с превеликой радостью узнал о своем назначении командиром переведенного в Эдирне Шестнадцатого корпуса.

Да, это был подарок так подарок, и он поспешил в древнюю столицу империи.

Конечно, он давно перерос должность командира корпуса и куда больше пользы принес бы «на армии», но… выбирать не приходилось.

В Эдирне Кемаль прибыл в пятницу.

Шла молитва, и он отправился в мечеть султана Селима.

К его великому удивлению, по дороге в мечеть его встречали толпы людей, громко скандировавших:

— Слава Мустафе Кемалю, герою Дарданелл!

Конечно, ему было приятно, и, на свое счастье, он так никогда и не узнал, что все эти «торжества» были организованы его начальником штаба Иззеттином.

Верный майор пусть и таким сомнительным образом постарался отметить приезд своего блестящего командира.

А в это самое время встревоженный его появлением генерал-губернатор Эдирне справлялся в Стамбуле о том, как ему надлежит вести себя со свалившимся ему на голову вечным изгоем.

Однако радовался Кемаль рано, Энвер и на этот раз сыграл с ним одну из своих злых шуток.

И едва он появился в Эдирне, как тут же получил новый приказ отправляться… на Кавказ, где снова обострилась обстановка и куда была переведена Вторая армия.

Кемаль поспешил в Диярбекир.

Местом диспозиции Шестнадцатого корпуса был определен юго-западный берег озера Ван.

И в какой уже раз Кемаль помянул своего злого гения недобрым словом.

И все же надо отдать Энверу должное: он подсластил горькую пилюлю и присвоил-таки Кемалю давно заслуженное им генеральское звание.

По понятным причинам он долго не подписывал указ о присвоении герою Дарданелл звания генерала и однажды сказал напомнившему ему о Кемале Талаат-паше:

— Указ о присвоении Мустафе Кемалю звания генерала у меня в кармане. Но вы совсем не знаете этого человека. Он никогда ничем не бывает доволен. Дайте ему звание генерала, и он захочет быть султаном, а став им, потребует места Бога!

И Кемаль отреагировал на эти весьма справедливые слова соответствующим образом.

— Никогда не предполагал, — с тонкой усмешкой заметил он, — что Энвер может иметь такие мудрые взгляды!

Кемаль достойно отметил свое генеральство.

Сбылась его мечта, и он попал в элиту османского офицерства, о чем когда-то мечтал в салоникских кофейнях.

И звание паши он рассматривал не только как награду за свои заслуги, но и как пропуск в большую политику.

Что бы там ни говорили, но генерал — это уже судьба!

Он просидел за столом почти всю ночь, а рано утром его разбудили громкие крики.

Перед штабом из-за куска хлеба дрались нищие.

Кемаль поморщился.

Неприглядное, а порою, и страшное зрелище представляла собою Восточная Анатолия в те дни.

После депортации армян сюда хлынули десятки тысяч мусульманских беженцев из занятых русской армией районов, и повсюду царил хаос.

В Диярбекире, по улицам которого в поисках пищи бродили тысячи полураздетых и голодных людей, уже давно привыкли к подобным зрелищам.

Но вот к дерущимся подошли двое солдат, и те пустились бежать, а оспариваемая ими горбушка засохшего бурого хлеба так и осталась лежать на земле.

Кемаль еще раз поморщился и закурил первую сигарету.

Он не был сентиментальным человеком, и все же ему было жаль обездоленных и всегда голодных людей.

Послышался стук в дверь, и в комнату вошел адъютант.

— Вас вызывают в ставку, паша! — доложил он.

Кемаль сразу даже не понял, кого называют пашой, а вспомнив, улыбнулся.

Да, все так, и некогда гонявший с полей ворон мальчик стал генералом.

Выпив кофе, он отправился в ставку, где получил приказ усилить правый фланг Третьей армии и парализовать действия русских войск на Эрзурумско-Сивасском направлении.

Кемаль прекрасно знал, на что способен его уже имевший изрядный боевой опыт корпус, и, тем не менее, сразу же приступил к занятиям с солдатами и офицерами, поскольку война в горах имела свою специфику.

Тем временем положение продолжало ухудшаться, и к августу 1916 года русская армия занимала огромный фронт от Черного моря до озера Ван.

Русские прижали Вторую армию к Диярбекиру и заняли господствующий в этом районе пункт Муш.

Бои шли страшные, и оказавшемуся в самом пекле Кемалю только ценой неимоверных потерь удалось избежать окружения и перейти в контрнаступление.

А затем он совершил невозможное, выбив русских из Муша и заняв Битлис.

Это были настоящие подвиги, и он получил за них золотую медаль Имтияз.

Правда, уже очень скоро собравшиеся с духом русские сумели

вернуть Муш, но его вины в этом не было.

Наступила ранняя зима, и стороны перешли к позиционной войне.

Голод, раны и сильный мороз делали свое дело, и сотни обмороженных людей напрасно ожидали помощи.

Конечно, Кемаль пытался хоть как-то облегчить их страдания, но даже он не мог ничего поделать в условиях царившего на фронтах хаоса.

В конце ноября командующий Второй армией уехал на лечение в Стамбул, его обязанности перешли к Кемалю, и он снова продемонстрировал свои блестящие способности.

Только его несгибаемое мужество и потрясающее умение мгновенно оценивать обстановку в самых критических ситуациях спасли турецкую армию от полного разгрома под все тем же Мушем, и окружавшие Кемаля Али Фуад, Джафер Тайяр и Исмет раз и навсегда признали его безоговорочное лидерство.

Сам Кемаль особенно выделял среди них служившего у него начальником штаба полковника Исмета, невысокого и очень молчаливого человека, обладавшего прекрасными знаниями и богатым военным опытом.

Являвший собою образец самого настоящего семьянина, Исмет был терпелив и спокоен.

В то же время он обладал неординарным мышлением и аналитическим складом ума, чему, видимо, способствовала любовь к шахматам и бриджу, хорошо знал историю и литературу.

Так же, как и Кемаль, он считал, что Первая мировая война кончится для Турции катастрофой.

И все же, несмотря на многие общие точки соприкосновения, эти два человека разительно отличались друг от друга, и в первую очередь темпераментом.

Быстрый и острый как бритва ум Кемаля не смущало никакое препятствие, и он мгновенно оценивал ситуацию.

Исмет работал намного академичнее, уделяя огромное внимание деталям.

Он принимал решения трудно, и, даже семь раз отмерив, еще долго не решался резать.

В своей оценке ситуации или людей он все раскладывал по полочкам и всегда пытался провести четкую грань между белым и черным.

«В то время, — писал позже сам Кемаль, — Исмет мне не нравился не только потому, что был человеком Энвера, но и из-за своей ужасающей медлительности!»

Впрочем, его отношения и с другими подчиненными отличались крайней неровностью.

Требовательный и самоуверенный Кемаль не терпел ни малейших возражений, и горе было тому, кто пытался что-то доказать ему или не так исполнить задуманное им.

В таких случаях он был беспощаден и преследовал осмелившегося бросить ему вызов смельчака самым жестоким образом.

В этом отношении он был пострашней Энвера, и нетрудно догадаться, что бы он сделал с ним, поменяйся Кемаль местами со своим бывшим однокашником.

Он не щадил попадавшихся ему под горячую руку даже ближайших друзей, и, когда его старинный приятель и соратник по Дарданеллам Нури не сумел выполнить, несмотря на всю свою легендарную храбрость, его приказ, он устроил ему страшный разнос и снял с должности.

Впрочем, его охлаждение продолжалось недолго, и очень скоро он снова приблизил его к себе.

И нетрудно догадаться, в каком постоянном напряжении пребывал близкий к Кемалю Али Фуад, уже успевший познать быстрого на расправу приятеля.

Кемаль ценил своих людей и в то же время не очень-то приветствовал их возвышение.

Когда командующий Кавказской группировкой войск Ахмет Иззет-паша поставил на соседний с ним корпус подчиненного ему Джафера Тайяра, он устроил страшный скандал.

И не случайно тот же прекрасно знавший Кемаля майор Иззеттин отмечал, что бывали случаи, когда в решениях его командира преобладали эмоции и амбиции, нежели трезвая оценка обстановки и интеллект.

С наступлением зимы работы у Кемаля поубавилось, он стал вести дневник, и приведенные ниже выдержки из него дают определенное представление о занимавших его в то время мыслях.

«*20 ноября…* Командиры должны знать свою армию изнутри, только тогда их приказы будут соответствовать тому, чего они хотят добиться.

Они должны беседовать со своими солдатами и давать им высказываться откровенно. Ведь очень важно знать, что твои подчиненные думают…

И я хочу написать книгу „Военный дух, обучение и поведение“.

22 ноября… Я беседовал с начальником штаба об отмене паранджи и улучшении нашей жизни.

Как мне кажется, надо обязательно иметь образованных и воспитанных матерей, освободить женщин и допустить их до участия в общественной жизни, что положительно отразится на мыслях и поведении самих мужчин.

23 ноября… Прочитал книжонку „Можно ли отрицать существование Бога“, и хочу заметить, что религиозные мыслители делали все для того, чтобы исказить науку и философию и укрепить свои позиции…»

Все это, конечно, очень интересно, но в то же время трудно представить себе Кемаля, который выслушивал бы от своих подчиненных правду о себе.

И все же куда больше мыслей о равноправии женщин и Боге его занимало собственное будущее.

На Кавказе ему было тесно, и он по-прежнему мечтал оказаться в своей родной Македонии.

А поскольку разговоры об этом шли уже давно, Ахмет Иззет-паша делал все возможное, чтобы удержать блестяще знавшего свое дело генерала возле себя.

Последовало бурное объяснение, Кемаль остался на Кавказе и принялся за воспоминания о боях на Дарданеллах.

Но как видно, время для мемуаров еще не пришло, и едва он уселся за них, как Энвер отозвал его в Сирию.

Наследственный эмир Мекки Шариф Хусейн поднял восстание и провозгласил себя королем арабов, а войска командующего османской армией генерала Фахреттина оказались слишком слабы.

При всех своих разногласиях с Кемалем Энвер прекрасно понимал, что только он был способен хоть что-то сделать.

Да и от Стамбула подальше…

Глава XIII

В Дамаске Кемаль встретился с исполнявшим обязанности генерал-губернатора Сирии Джемаль-пашой и спешно прибывшим туда Энвером.

И… снова начались его хождения по мукам!

Энвер в штыки встречал все его предложения, но самое печальное началось после того, как англичане заняли Багдад и разъяренный потерей столицы Ирака Энвер решил, во что бы то ни стало, вернуть ее.

Согласно задуманному им насколько грандиозному, настолько и бессмысленному плану, турецкие войска должны были совершить тяжелейший марш через пустыню и с ходу взять Багдад.

Для похода на иракскую столицу был образован специальный корпус, получивший претенциозное название группы «Йылдырым», что означало «Молния».

Командование этой совершенно бессмысленной операцией было поручено переведенному в Африку после неудачной попытки взять Верден немецкому генералу Эриху фон Фалькенхайну.

Что же касается самого Кемаля, то после долгих проволочек он был назначен командующим входившей в состав группы «Йылдырым» Седьмой армией.

Назначение мало обрадовало хорошо знавшего себе цену Кемаля.

Поддержанный другими османскими офицерами, он потребовал для пользы дела вручить бразды правления группировкой ему, боевому и заслуженному генералу, имевшему опыт боев в пустыне.

Прекрасно понимая праведное возмущение своих соотечественников, Энвер успокоил их тем, что это временное назначение, и обещал вернуться к этому вопросу.

Кемаль не поверил ни единому его слову и принялся нагнетать и без того напряженную обстановку.

В своем стремлении возглавить группу «Йылдырым» он использовал самый малейший повод, дабы лишний раз доказать некомпетентность немецкого генерала, и в свойственной ему жесткой манере в пух и прах разбил подготовленный немецким генералом и его штабистами план по возвращению Ирака.

Вернуть Ирак невозможно, безапелляционно заявил он, и любое сражение за него приведет к совершенно ненужным жертвам.

Кемаль жестко критиковал стратегический интерес этого сокрушительного проекта, придуманного немцами и Энвером, чтобы помешать продвижению британских войск из Египта.

Более того, он замахнулся на святую святых и постоянно оспаривал приказы вышестоящих немцев.

«У него было убийственное настроение, — вспоминал позже будущий канцлер фон Папен, тогда молодой лейтенант, — несомненно, из-за разногласий с Фалькенхейном по поводу принимаемых мер».

Вручив докладную Энверу, он отослал копию великому везиру Талаат-паше.

Обрисовав безрадостную картину состояния османской армии, Кемаль убедительно просил его придерживаться только оборонительной тактики и продолжать концентрировать силы на Синайском фронте.

Но куда там!

Фон Фалькенхайн настаивал на своем, и его совершенно не смущало полнейшее незнание им страны и особенностей ведения войны в пустыне.

Как и всякий немец, он был надменен и не собирался советоваться с уже надышавшимися жарким воздухом пустыни османскими офицерами.

Да и вел он себя по отношению к ним настолько вызывающе и грубо, что уже очень скоро восстановил против себя практически всех поставленных под его начало турок.

Но особенно дикий скандал разразился после того, как уставший от бесконечных уговоров Кемаль, не стесняясь присутствия немецких военных специалистов, в ультимативной форме потребовал передать командование группой «Йылдырым» ему.

— И если вы все-таки решились на этот в высшей степени бессмысленный рейд на Дамаск, — заявил он Энверу, — то доверьте мне общее руководство этой операцией. В отличие от ваших немецких друзей я постараюсь сохранить своих людей!

Но все было напрасно!

Проще было убедить голодного тигра пощадить загнанную им косулю, нежели остановить что-либо задумавшего Энвера.

Не пожелав принимать участие в этом фарсе, Кемаль попросил об отставке, но заведенный не менее его самого Энвер не только не пожелал принять ее, но и пригрозил судом военного трибунала.

Это было уже слишком, рука Кемаля медленно потянулась к кобуре, и решивший не испытывать судьбу Энвер выскочил из палатки.

И тогда Кемаль набросился на хранившего молчание Джемаля-пашу.

— Ладно, Энвер, — гремел он на всю палатку, — но ты-то прекрасно знаешь, что такое война в пустыне! Так почему же ты молчишь? Ждешь, когда он вместе со всеми фон гольтцами угробит всю армию? Или ты думаешь, что своим молчанием обезопасишь себя? Так не надейся! Однажды тебя уже сослали в эту проклятую Сирию, а надо будет, сошлют и еще дальше!

Джемаль-паша выслушал Кемаля без особого интереса.

Да, когда-то устроенная Энвером и Талаатом ссылка в Сирию огорчала его, но сейчас…

Возможно, он просто устал от осточертевшей ему пустыни с ее вечно палящим солнцем, но вернее всего, его уже мало волновала вся эта возня вокруг назначения командующего обреченной на поражение группировкой.

Кемаль подчинился приказу главнокомандующего, но отнюдь не из-за страха перед судом военного трибунала.

— Этот Фалькенхайн, — пояснил он своим офицерам, — создан Аллахом на нашу погибель! И я согласился остаться лишь для того, чтобы останавливать немца во всех его начинаниях, поскольку слишком хорошо знаю, чем он руководствовался, принимая на себя командование группой «Йылдырым»!

Он исправно исполнял свои обязанности, а когда страсти несколько поутихли, фон Фалькенхайн через своего офицера по особым поручениям прислал ему в подарок… элегантную шкатулку, полную золотых побрякушек.

Раз и навсегда решив, что на свете нет такого турка, которого нельзя было бы купить, немецкий генерал так и не понял, с кем имеет дело.

Да и Кемаль не был бы Кемалем, если бы и здесь не дал немцу достойный отпор.

Окатив порученца презрительным взглядом своих сразу же посветлевших глаз, он попросил пересчитать лежавшие в шкатулке «сокровища» и, заметив, что в средствах нуждается турецкая армия, а не Мустафа Кемаль-паша, попросил вернуть «подарок» его хозяину, или отнести его в интендантство.

«Здесь, — написал он во вложенной им в шкатулку записке, — находится золото, но подпись Мустафы Кемаля, которая стоит дороже, никогда не будет принадлежать вам…»

Отвергнув сделку, он сжег последние мосты, и их совместная работа превратилась в настоящую пытку.

Не было ни одного предложения, сделанного немцем и не встреченного Кемалем в штыки, и в свою очередь Фалькенхайн и не думал прислушиваться к замечаниям опытного турецкого

военачальника.

Военные советы превратились в бесконечные перепалки между ними, ненавидевшие друг друга генералы не гнушались ничем, в ход шли оскорбления и угрозы, и в эти минуты они напоминали собой не облеченных огромной властью командиров, а не поделивших на рынке место торговцев.

Впрочем, так оно и было.

Только вместо шелков на прилавке лежала должность командующего фронтом.

Долго подобное противостояние продолжаться не могло, и переполнившей эту наполненную взаимной неприязнью чашу каплей стало подписанное решившим приручить одно из местных племен немецким генералом соглашение с ним.

И Кемаль снова не выдержал.

— Неужели так сложно понять, — втолковывал он немцу, — что любой договор с одним племенем восстанавливает против него другие?

Понять такую простую вещь и на самом деле оказалось сложно, и в ход пошли ставшие уже привычными оскорбления.

В конце концов, Кемаль заявил о том, что не считает себя связанным заключенным договором и будет строить свои отношения с аборигенами так, как считает нужным.

На этот раз Энвер даже не пытался склеить разбитую чашу.

Он просто дал Кемалю отпуск по болезни.

Переругавшись со всеми на свете и отрезав все пути к отступлению, Кемаль оказался в весьма щекотливой ситуации, поскольку у него не было денег даже на дорогу.

И он скорее застрелился бы, чем попросил их у не знавшего деньгам счет Энвера!

Но делать было что-то надо, и он решил продать своих лошадей.

Однако никто не осмелился приобрести нужных для армии животных, которых в любой момент могли забрать под военные нужды.

И тогда их купил… генерал-губернатор Сирии и командующий Четвертой армией Джемаль-паша!

Узнав об этом, Кемаль презрительно усмехнулся.

Вот они, плоды генерал-губернаторства.

Армия голодала, в подчиненных областях царил хаос, а владыка провинции сорил золотом так, словно это был не благородный металл, а песок.

Но на этот раз он смолчал.

Да и не имело никакого смысла обличать этого человека,

если все его речи так и оставались гласом вопиющего в пустыне.

Кемаль покидал Африку с тяжелым сердцем и облегченно вздохнул только после того, как Энвер отказался от своего сумасбродного плана и тысячи турецких солдат так и не легли в приготовленные для них их неумными командирами могилы в жгучих песках пустыни…

Глава XIV

В столицу Кемаль прибыл в октябре 1917 года, и то, что он в ней увидел, настроило его на еще более воинственный лад.

Как и прежде, он повсюду выражал свое, чаще всего в вывсшей степени нелицеприятное для руководителей всех уровней мнение по вопросам военной и общей государственной политики.

А положение и на самом деле было отчаянное.

Империя задыхалась от непосильного бремени содержания огромной армии в 900 тысяч человек.

Экономика, несмотря на некоторые сдвиги, буксовала, крестьяне разорялись, а цены на продовольствие и предметы первой необходимости росли уже не по дням, а по часам.

Непосильные налоги душили народ, и после драконовского указа Энвера об изъятии продуктов у населения люди пухли от голода.

И в то же самое время в столь любимую им Германию целыми эшелонами вывозилось турецкое зерно и продукты, а чиновники купались в золоте и роскоши, наживаясь на их поставках.

Главной опорой спекуляции стала созданная при «Единении и прогрессе» Комиссия по продовольствию, возглавляемая окрещенным в народе продовольственным диктатором Кара Кемалем.

Не уступал ему в желании погреть руки на народном добре и сам Энвер, то и дело менявший дворцы и виллы.

Под стать ему был и Джемаль, по каким-то только одному ему ведомым причинам постоянно путавший государственную казну с своей собственной.

Османская империя все больше теряла свою самостоятельность, и полностью подчинившие себе турецкое правительство немцы, словно в насмешку, стали называть ее «Энверландом».

Особое возмущение общественности вызывало постоянное использование Энвером турецких солдат в качестве пушечного мяса для германского и австрийского фронтов.

«Для нас было очень важно, — с неприкрытым цинизмом напишет в своих мемуарах так хорошо знакомый Кемалю фон Фалькенхайн, — что вместо двадцати пяти тысяч немцев кровь в Галиции проливали двадцать пять тысяч турок!»

Они и на самом деле проливали ее, и, тем не менее, Турция продолжала терпеть тяжелые поражения на всех четырех фронтах.

К 1917 году империя потеряла около 600 тысяч человек,

около двух миллионов человек были ранены, а еще 900 тысяч навсегда остались калеками.

Особенно тяжелое положение сложилось на Кавказском фронте.

С помощью одного из своих помощников, полковника Исмета, серьезного и энергичного, Кемаль составил рапорт, в котором анализирует ситуацию в стране.

Он адресовал рапорт великому визирю и Энверу и поручил одному из своих адъютантов доставить его ответственным представителям «Единения и прогресса».

В рапорте было отмечено всё — от паралича экономики до ослабления боеспособности армии.

«Война, — писал Кемаль, — глубоко деморализовала все население страны.

Бессилие гражданского правительства абсолютно.

Если война продолжится, это приведет к полному краху султаната».

Рапорт Кемаля затерялся в одной из многочисленных канцелярий правительства, и Кемаль в очередной раз не был даже наказан.

До какой-то степени Кемаль был защищен своей боевой славой.

Победы турок были редки: Дарданеллы, Кут-эль-Амара, в Месопотамии, под руководством Халиль-паши, дяди Энвера, в 1916 году, и всё.

Кто поддерживал Кемаля?

Известно дружеское расположение к нему Джемаля, который финансировал его поездку из Палестины в Стамбул, но морской министр далеко, в Дамаске, и его власть ограничена.

Другой большой друг, Али Фетхи, бывший генеральный секретарь «Единения и прогресса», всё еще находился в Софии.

Больше всего от Кемаля доставалось Энверу, о заговоре против которого по Стамбулу ходили упорные слухи.

Заговорщики намеревались устранить Энвера и заключить мир с Антантой.

И ничего неправоподобного в этих слухах не было.

Энвером и немцами были недовольны многие, и он быстро терял былую популярность.

Сложно сказать, насколько это правда, но некоторые биографы Кемаля пишут о том, что он был якобы готов принять участие в заговоре против него.

Для этого он познакомился с Исмаилом Хаккы.

Главный интендант армии, он должен обеспечивать ее снабжение и защищать от гражданских спекулянтов и немецких

аппетитов.

Ловкий человек, он, по мере возможности, справлялся с этой задачей, не забывая и о собственном обогащении.

Кемаль и Хаккы часто гуляли у Босфора, что позволяло интенданту откровенно делиться с ним своими мыслями по поводу надвигающегося краха и о необходимости создания кабинета спасения, состоящего исключительно из военных.

— Только при этом условии, — убеждал его генерал, — мы сможем с честью выйти из войны, а вы наконец-то займете достойное вашим дарованиям место!

Слушая генерала, Кемаль задумчиво курил.

Без особого энтузиазма слушавший рассуждения генерала о выходе в случае успеха из войны Кемаль только покачивал головой, поскольку даже в такой тяжелейшей ситуации он не думал ни о каком сепаратном мире.

— Несмотря ни на что, — часто повторял он своему ближайшему окружению, — нам никуда не деться от Германии, и мы с нею пойдем до конца!

Единственное, в чем он расходился со своими оппонентами, так это только в тактике.

В отличие от того же Энвера он был сторонником оборонительной тактики, сбережения сил и свободы выбора.

К тому же он очень надеялся на так своевременно грянувшую в России Февральскую революцию, после которой подвергнутые страшной анархии русские войска стали сниматься с фронта целыми дивизиями, и получившая передышку империя смогла перебросить свои войска на Запад.

По просьбе Кемаля Хаккы назвал кандидатов: Джемаль, Халиль, победитель под Кут-эль-Амара, и Кемаль.

— А Энвер? — поинтересовался Кемаль.

— Это наилучший выбор! — забывая, с кем он говорит, мгновенно воскликнул Хаккы.

Кемаль мрачно усмехнулся.

Ему было все ясно, кроме однеого: как можно было спасать страну от Энвера с помощью Энвера.

— Я, — ответил он выжидательно смотревшему на него генералу, — предпочитаю оставаться на командном посту в армии, чтобы защищать правительство, а не быть членом этого кабинета…

К великому удивлению и, надо полагать, негодованию «патриотически» настроенного Хаккы, Кемаль отказался принять его предложение.

И не столько из-за страха перед Энвером, сколько опасаясь провокаций, на которые служившие в его «Особой организации»

ребята были великими мастерами.

Особенно если учесть, что в это время в руки Энвера попал весьма интересный документ, подготовленный в русском генеральном штабе.

И по далеко не предвзятому мнению русской агентуры, именно Мустафа Кемаль являлся «наиболее талантливым высшим командиром Османской империи и самым опасным соперником Энвера».

Для многих скомпрометированных таким образом в глазах диктатора людей подобные откровения означали смертный приговор.

Да, он отказался, но через несколько дней его вызывали к Энверу.

О чем они говорили?

Да, видимо, все о том же.

И о заговоре тоже.

Энвер посоветовал Кемалю поменьше лезть в политику, если он, конечно, не хотел окончательно испортить себе здоровье.

Намек был куда как прозрачный.

Кемаль вспылил и, презрев все грозившие ему опасности, высказал все, что он думал и о самом Энвере, и о навязанных им армии тупых немецких генералах, и о проводимой им политике.

Прошелся он и по Джемалю, который не совершенно не соответствовал занимаемой им должности и за проявленную трусость и нерешительность подлежал суду.

Энвер не остался в долгу, и взаимные оскорбления посыпались как из рога изобилия.

Генералы выхватили пистолеты.

С минуту они стояли, сверля друг друга ненавидящими взорами, не решаясь нажать на спуск.

Выстрелов не последовало, и еще более возненавидевшие друг друга соперники разошлись.

Конечно, Кемалю не стоило бы злить и без того не любившего его диктатора, поскольку все еще шла война и его будущее полностью зависело от главнокомандующего.

— Теперь, — грустно сказал он Исмету, — Энвер может предать меня суду военного трибунала! Исмаил Хаккы всё отрицает, я — единственный обвиняемый! Впрочем, Энвер может меня казнить, обвинив в подготовке государственного переворота…

И все же он ни о чем не жалел.

Что сделано, то сделано, да и вряд ли Энвер узнал что-нибудь новое для себя из его нелицеприятных высказываний.

Однако Энвер и на этот раз не только не тронул Кемаля, но

даже попытался навести с ним мосты.

Через день он снова вызвал «путчиста» и предложил ему возглавить Вторую армию.

Кемаль только усмехнулся.

В какой уже раз им пытались заткнуть любые щели, не давая выйти на соответствующий его дарованиям простор.

А вот в своей преданности заверил.

Заверил?

Думаетя, вряд ли.

Вскоре Энвер снова пригласил Кемаля в свою резиденцию в Куручешме на берегу Мраморного моря.

В приемной у него потребовали сдать оружие.

Полагая, что это арест, он отказался и позвал своего адъютанта.

В это время появился Энвер, от Кемаля отстали, и они направились в кабинет главнокомандующего.

И там, готовый к самому страшному Кемаль с изумление узнал о том, что в середине декабря наследный принц Вахидеддин совершает официальный визит в Германию и он едет вместе с ним.

Конечно, он понимал, что это очередная ссылка.

Но теперь он был рад ей, поскольку последствия его участия в заговоре могли быть куда плачевней.

«Я, — писал он в очередном послании своей милой Корине, — постоянно погружен в те грустные мысли, которые приходят к потерявшему все человеку.

И в то же самое время я каждый день успокаиваю и убеждаю себя в том, что когда-нибудь тучи на моем небосводе рассеются, и я снова увижу солнце…»

И он увидел его с помощью… все того же Энвера, совершенно неожиданно предложившего ему посетить Германию вместе с наследником престола.

На этот раз Кемаль не возражал.

Общение с таким высокопоставленным лицом могло сослужить хорошую службу.

Какой вывод можно сделать из всей этой истории?

За два дня до отъезда в Берлин Кемаль предстал перед принцем и поразился его полудебильному виду.

Сев или, вернее, упав на софу после приветствий, Вахидеддин надолго закрыл глаза, а затем, с огромным трудом подбирая слова, произнес несколько невнятных фраз и снова впал в летаргию.

В знаменитом романе Гашека есть замечательное по своей

сути определение: слабоумный идиот.

И именно таким вот слабоумным идиотом и предстал перед Кемалем шестидесятилетний принц.

Однако в купе, куда его сразу же пригласил Вахидеддин, когда они сели в поезд, Кемаль, к своему великому удивлению, увидел совсем другого человека.

От вялости и тупости во взгляде не осталось и следа, и теперь перед ним сидел совершенно нормальный и, что самое главное, живой человек.

Когда же этот человек заговорил, он поразил Кемаля еще больше.

Принц вовсе не был слабоумным идиотом и, слушая сбросившего маску Вахидеддина, Кемаль все больше убеждался в этом.

Ничего удивительного в таком преображении не было.

В течение целых шестидесяти лет этот живший во дворце и окруженный со всех сторон шпионами своего дяди Абдул-Хамида человек должен был с утра до вечера притворяться и скрывать свои мысли, дабы не возбудить подозрений.

С этой минуты почти все свое время Кемаль проводил с принцем и в его все более откровенных беседах слышал явный намек на то, что он будет совсем другим султаном, нежели его предшественники.

Правда, каким именно, Вахидеддин так и не пояснил, и Кемалю оставалось только догадываться.

Понятно, что после этих бесед он стал смотреть на сидевшего напротив него человека совсем другими глазами.

Принц продолжал фантазировать всю долгую дорогу до Берлина, а когда, утомленный речами, замолкал, Кемаль почтительно замечал, что и сам думает так же.

Всю дорогу он делал все возможное, чтобы как можно сильнее расположить к себе будущего монарха, и, на его великое счастье, ему это удалось.

В Германии их ждала поистине царская встреча, и сам кайзер Вильгельм с необычайной торжественностью принял их в своей штаб-квартире в Вад-Креузнахе.

Кайзер оказался достаточно информированным о положении дел на фронтах и, к великому удивлению Кемаля, спросил у него, не он ли командовал тем самым знаменитым Шестнадцатым корпусом на Дарданеллах.

Польщенный таким вниманием Кемаль почтительно склонил голову.

Но стоило только маршалу Людендорфу попытаться убедить

принца в конечной победе германского оружия, как смиренное выражение исчезло с его лица и он во всеуслышание выразил глубокое сомнение в ни на чем не основанной убежденности маршала.

Все сделали вид, что не заметили бестактности турецкого генерала, но, когда военный комиссар Эльзаса обрушился на османское правительство из-за его политики в отношении армян и Кемаль резко оборвал его, все почувствовали легкое смущение.

— Мы приехали к вам обсуждать проблемы германской армии, — неприязненно глядя комиссару в глаза, отчеканил он, — а не ситуацию с армянским населением! И поверьте, нам есть о чем поговорить!

Но настоящий скандал разразился после обеда у кайзера, на котором Кемаль с прямотой римлянина заявил, что вынашиваемые Берлином планы есть самая настоящая химера и Германии ничто уже не поможет выиграть войну.

Впрочем, Кемаль поражал немцев не только уже хорошо известной им непредсказуемостью, но и блестящими военными познаниями, как это было на проходившей в Эльзасе линии фронта и на заводах Круппа.

Они провели десять дней в Берлине.

Все это время будущий султан и не думал касаться острых тем и с каким-то достойным другого применения упорством твердил журналистам о том, что женщины в Турции пользуются почти равными с мужчинами правами.

Кемаль слушал эти речи с откровенной насмешкой, и когда они отправились домой, он решился поговорить с принцем по душам.

— Я буду откровенен с вашим высочеством, — сказал он, — и скажу вам следующее. Вы должны потребовать по возвращении в Стамбул армию. В этом ничего удивительного нет, поскольку все принцы имеют свои армии. Получив ее, вы возьмете меня в нее начальником штаба…

Вахидеддин не ответил.

Поезд приближался к Стамбулу, и на его лице снова появилось тупое выражение.

Да и не привык он к такому напору, какой начинал оказывать на него в последние дни Кемаль.

А посему ограничился туманными обещаниями обсудить эту скользкую тему по приезде в столицу.

И все же главного Кемаль добился.

Вахидеддин проникся к нему искренней симпатией и держал его за своего преданного слугу.

Трудно сказать, почему выбор Энвера пал именно на Кемаля в этом путешествии в Германию.

Если он хотел отправить Кемаля в очередную ссылку, то мог бы найти куда более подходящее для этого место.

Если же все-таки надеялся на то, что более близкое знакомство с немцами хоть как-то подействует на Кемаля и заставит его симпатизировать им, то это было в высшей степени наивно.

Кемаль и не подумал менять своего отношения ни к самой Германии, ни к ее военным специалистам.

Но от критики правителей и бездарных немецких генералов пока воздержался: у него сильно заболели почки, и он несколько недель пролежал в кровати.

Но вполне возможно, что Кемаль просто выжидал.

Ведь именно в эти дни он получил военную награду в немецком посольстве.

Затем он первое большое интервью в доме матери на улице Акаретлер, где беседовал с Рушеном Эшрефом в небольшой комнате, заваленной военными книгами и фотографиями.

И как потом рассказывал журналист, знаменитый генерал показался ему сошедшим с полотен Рембрандта героем.

«Я, — писал он, — даже не мог представить себе, что на столь еще молодом лице может быть такая потрясающая игра мысли и чувств.

В царившем в комнате полумраке его словно выбитое из бронзы лицо казалось мне одновременно решительным и спокойным, скромным и достойным, мягким и жестким, простым и одухотворенным, настолько гармонично сходились в нем противоположности…»

Нового назначения Кемаль пока так и не получил.

Да и не до него, говоря откровенно, ему было летом 1918 года.

Боли в почках усиливались, и он попросил Энвера предоставить ему отпуск и выделить деньги на лечение в Австрии.

И тот с великой радостью отправил надоевшего ему генерала в Карлсбад.

В это время Наполеончик замышлял новую авантюру и не желал иметь рядос с собой вечный упрек в его некомпетентности.

Особенно если учесть то, что намеченный им рискованный шаг грозил серьезным конфликтом с Германией.

Впрочем, причины у него для такого шага были.

Октябрьский переворот в России устранил угрозу Российской

империи.

В Брест-Литовске правительство большевиков согласилось покинуть Каре, Ардаган и Батум, утраченные Турцией после Русско-турецкой войны 1878 года.

Их будущее должно быть определено самими жителями при содействии Турции.

Референдум, организованный Стамбулом, превратился во всенародное голосование: 85 124 голоса в пользу присоединения к Турции из общего числа 87 048!

Социал-демократы, пришедшие к власти в Грузии, Азербайджане и Армении, не признали власти большевиков.

Эти события вселили в Энвера огромную надежду: компенсировать потерю арабских стран завоеванием территорий, где проживает значительное число турок, что позволит Османской империи укрепить на востоке свое могущество, утраченное на западе и юге.

Большую роль сыграло и желание Энвера окончательно разобраться с Арменией.

Как известно, большевики отказались от прежних соглашений царского правительства.

Подписав в декабре 1917 года перемирие с турками, Ленин поручил Чрезвычайному и Полномочному комиссару по делам Кавказа и председателю Бакинского Совета депутатов Степану Шаумяну подготовить декрет по Турецкой Армении.

Шаумян предложил провести на подконтрольных Русской армии территориях референдум и по его результатам присоединить к Русской Армении в составе новой Советской России.

Ленин согласился.

Однако в марте 1918 года на переговорах в Брест-Литовске Троцкий принял требования Талаат-паши и согласился на вывод русских войск с занятых территорий, а также с территории Карса, доставшейся России по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Это решение предопределило новую конфигурацию сил в Закавказье и будущую катастрофу Армении.

Оно позволило 3-й турецкой армии потребовать от национальных советов народов Закавказья (грузин, кавказских татар и армян) объявить Закавказье де-юре независимой территорией от России и образовать Закавказскую Федеративную Демократическую Республику (ЗФДР) весной 1918 года.

В мае 1918 года 3-я турецкая армия вошла в пределы Закавказья с целью уничтожения Восточной Армении, установления стратегического контроля по линии Карс —

Нахичевань — Карабах — Гянджа — Баку и образования Азербайджанской Демократической Республики (АДР) — оплота новой пантюркистской стратегии Турции на Восток.

Наступление турецкой армии в мае 1918 года на Восточную Армению привело к распаду ЗФДР и провозглашению независимой Грузии и Азербайджана.

В этих условиях Армянский национальный совет и партия «Дашнакцутюн» вынуждены были вступить в военный конфликт с турками, дабы отстоять Ереван.

Наспех сформированная армянская армия из числа русских офицеров и армянских добровольцев под командованием генерала Силикяна в сражениях под Сардарапатом, Баш-Апараном и Караклисом в мае 1918 года остановила натиск турок.

28 мая 1918 года была провозглашена Первая Республика Армении.

Конечно, Энвер не мог смириться ни с какой независимой республикой и в начале июня 1918 года повел новую армию на покорение Кавказа.

По замыслу это был амбициозный проект, а вот что касается его исполнения…

После многообещающего начала Энвер разорвал перемирие с Кавказом, бросил войска на Батум и потребовал новых территориальных уступок.

Азербайджан был готов признать протекторат «старшего брата», а вслед за ним и Армения, не имеющая возможности сопротивляться.

И только Грузия решила сопротивляться и обратилась за помощью против турецкой экспансии к Германии.

В июне 1918 года Берлин подписыл договор с Тифлисом, столицей Грузии, и направил туда три тысячи солдат.

Отправляя новую армию на Кавказ, Энвер хотел продвинуться, чего бы это ему ни стоило, к Тифлису, а точнее — к Баку и его нефти.

Но надорвался, и очень скоро положение турецкой армии стало безнадежным.

Очередное поражение турецкой армии находившийся в Вене Кемаль воспринял как должное.

Конечно, он переживал, что не могло не сказаться на его общем состоянии.

В Вене его осмотрели и направили в Карлсбад, где он встретил много знакомых: жену и брата Джемаль-паши, министра финансов Джавита и известного журналиста Хусейна Джахита, с

которым познакомился еще на Дарданеллах.

В день прибытия лечащий врач, пораженный его молодостью, спросил:

— Вы стали генералом очень рано. Есть ли еще генералы вашего возраста в вашей стране?

— Доктор, — ответил Кемаль, — если мы стали генералами совсем молодыми, то это потому, что родина нуждается в нас в чрезвычайной ситуации, в какой она оказалась…

— Надеюсь, вы понимаете, — улыбнулся доктор, — что приехали сюда лечиться, а не развлекаться…

Кемаль кивнул.

Он и на самом деле скрупулезно следовал всем предписаниям врача, что не мешало ему посещать рестораны и салоны фешенебельных отелей.

Он провел в Карлсбаде целый месяц.

За это время он несколько раз встречался с женщиной, пишущей книгу о героях войны в Турции.

Одной из своих соотечественниц он целыми вечерами рассказывал о сражениях, в которых принимал участие.

— Наибольшее мужество командующего, — отмечал он, — состоит в том, чтобы нести ответственность за свои поступки…

Даже на отдыхе он не мог обойтись без того, чтобы не помянуть Энвера, который был виноват в том, что происходило сейчас с турецкой армией.

И, конечно, он много говорил о том, какую политику должна проводить Османская империя.

Несмотря на лечение и спокойную обстановку, Кемаль пребывал почти все это время в состоянии повышенной нервозности.

Ни танцы с красивыми женщинами, ни долгие прогулки в ландо и светские приемы в Карлсбаде не смогли восстановить его душевное равновесие.

«Я, — писал он в дневнике, — проснулся в 7 утра, думая, что еще только 6 часов.

Я стал выражать недовольство Шевки, своему ординарцу.

Он начал меня брить, но мой гнев его настолько смутил, что он делал это неловко.

Гнев мой продолжал нарастать, и я не мог подавить в себе это чувство…

Сейчас я настолько взвинчен, что одно только присутствие Шевки рядом раздражает меня».

В течение всего месяца Кемаль брал уроки немецкого и французского языков.

Особенно его интересовал французский — язык философов эпохи Просвещения и Великой французской революции.

Как свидетельствуют примерно сорок страниц его дневника, написанных по-французски, он весьма преуспел в этом.

К тому же в Карлсбаде он читал только французские романы.

Чтение было подлинной страстью Кемаля, и он с огромным удовольствием предавался ему не только в Карлсбаде, но и в трудные минуты военных кампаний.

Так, сражаясь против русской армии в Восточной Анатолии в 1916 году, он выкраивал время, чтобы читать «Сафо» Альфонса Доде, задуматься над брошюрой под названием «Можно ли отрицать Бога», внимательно прочесть «Османскую историю» Намыка Кемаля и его «Политические и литературные статьи», погрузиться в «Элементы философии» и помечтать над стихами Тевфика Фикрета.

— Если бы в детстве из добытых мною двух монет, — говорил сам Кемаль, — я бы не тратил одну на книги, то не достиг бы того, чего достиг сегодня…

Сложно сказать, насколько был прав Морис Палеолог, генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции, когда писал в 1920 году, что Кемаль «не отличался ни высокой общей культурой, ни большим интеллектом».

Конечно, Кемаль в силу своего военного образования не знал искусства Возрождения и импрессионистов.

Да и многие ли военные знают их?

Но того, что он очень любил читать и даже пытался философствовать, не может отрицать никто.

«Не будем страдать паранойей, — размышлял он в своем дневнике о женщинах и браке. — Пусть женщины будут свободны, пусть получают образование, важно, чтобы они становились личностями.

Что же касается личных отношений, то давайте искать спутницу, учитывая нашу природу и нашу собственную нравственность, и вместе с ней будем принимать решение о создании семьи, если мы уважаем друг друга, соответственно ведем себя, и пусть женщина ведет себя так же!»

Кемаль лечился серьезно и много гулял.

Впервые за последние годы у него появилось много свободного времени для размышлений, и, гуляя по горам, он часто останавливался у какой-нибудь глубокой расщелины и задумчиво смотрел туда, где, постоянно меняя свою форму, клубились белые туманы.

«Если я когда-нибудь достигну высшей власти, — записал он после одной из прогулок в своем дневнике, — я обязательно

займусь перестройкой всей нашей социальной жизни.

Я не принимаю идеи о том, что для этого надо заставить людей думать на моем уровне.

После стольких лет учебы и познания, почему я должен опускаться до уровня средних людей?

Надо поднять их до моего!

И не я должен уподобляться им, а они стать такими, как я!»

Эта запись дает многое для понимания характера Кемаля.

Да, он считал себя высшим существом, окруженным средними людьми, но, даже поднявшись над ними на недосягаемую высоту, он не собирался с презрением наблюдать за ползавшими у его ног простыми смертными, а желал помочь им взлететь в заоблачные высоты и познать всю радость наслаждения полетом.

За пять лет до создания республики, за десять лет до проведения грандиозных реформ в уме Кемаля уже был готов план осуществления этих идей.

Но, чтобы добиться поставленной цели, первым и необходимым условием было одно: добиться власти.

Хорошее лечение, диета и горный воздух делали свое дело, Кемаль с каждым днем чувствовал себя все лучше, но долечиться по-настоящему ему так и не пришлось.

5 июля умер Мехмет V и на престол вступил его «старый знакомый» принц Вахитеддин именем Мехмет VI.

Это было известие так известие.

Конечно, ему следовало бы находиться сейчас в Стамбуле, где уже началась обычная в таких случаях большая политическая игра за место под солнцем, какая всегда шла после смерти любого монарха.

«Смена султана — очень важное событие для страны и нации», — записал в дневнике Кемаль и, дабы лишний раз напомнить о себе, он дал телеграмму главе султанской канцелярии, который ездил с ними в Германию.

«Я, — писал он, — безмерно скорблю о нашем последнем султане и в то же время выражаю надежду на то, что армия и страна перестанут быть игрушками в руках неумелых людей!»

Почему он не поспешил в столицу?

Потому, что его продолжали мучить почечные колики.

Избранный им образ жизни, полный излишеств, чрезмерного напряжения и испытаний, сказался на здоровье.

Он постоянно страдал от венерических заболеваний, приступов усталости и нарушения функции почек.

Покидая Карлсбад в конце июля, Кемаль записал в дневнике:

«Карлсбад не принес мне должного облегчения; все те же проблемы со здоровьем».

5 августа Кемаль прибыл в Стамбул.

Ситуация в столице была напряженной.

Всё чаще в правительстве раздавались голоса, требующие заключения сепаратного мира.

Смертельно уставшая за годы войны Анатолия погрузилась в глубокое уныние.

В Стамбуле продукты исчезли с прилавков, процветала спекуляция.

Столица походила на горящий факел.

Многие видели в гигантских пожарах, охвативших город в начале лета, предзнаменование беды.

Авиация союзников регулярно бомбила город в течение последних дней июля.

Кемаль встретился с маршалом Иззетом, недавно назначенным генерал-адъютантом султана, с которым у него установились дружеские отношения.

Затем Кемаль попросил аудиенции у нового султана, и тот принял его.

Надо ли говорить, с каким воодушевлением, поспешил он на встречу со своим «старым добрым другом».

Новый владыка принял Кемаля ласково и даже дал прикурить сигарету, что в Османской империи считалось знаком высшего отличия для подчиненного.

Ободренный таким началом Кемаль завел речь о стоявших перед страной проблемах,

— Прежде всего, — говорил он, — нужно взять под контроль армию. Только в этом случае будет возможно принять необходимые меры…

Чем больше и убежденней говорил Кемаль, тем отчужденнее становилось лицо султана.

Кемаль оставил политику и снова принялся рассыпаться в куда более приятных для султанского слуха уверениях в своей преданности престолу.

К его удивлению султан при прощании снова пригласил его к себе.

Всего за три недели он встретился с ним четыре раза, причем две встречи проходили наедине.

Об этих встречах можно судить только по версии самого Кемаля, изложившего ее в своих «Воспоминаниях», опубликованные в 1926 году

Когда во время третьей встречи султан заметил, что население голодает, Кемаль снова заговорил о своем:

— Ваше замечание совершенно справедливо, но ваше намерение накормить население Стамбула не освободило бы ваше величество от необходимости прибегнуть к более насущным и безотлагательным мерам во имя спасения страны. До тех пор, пока сила, обязанная защищать государство, нацию и всех ее союзников, находится в руках другого, вы будете только называться падишахом…

Камень был явно в огород Энвера.

Беда была в другом,

Та самая армия, которую Кемаль предлагал использовать в роли спасителя, находилась в плачевном состоянии.

Войска отступали, за исключением Кавказа, на всех фронтах.

Дезертирство приобрело небывалые размеры.

Только в Анатолии укрывалось более двухсот тысяч дезертиров.

Разведка союзников регулярно сообщала о мятежах, терзающих обескровленную армию.

Позже Исмет Иненю напишает о том, что в течение последнего года этой «войны без надежды мы испытывали чувство стыда».

Вахидеддин прекрасно знал о том, что за пределами Стамбула больше не существовало ни авторитетов, ни порядка.

Банды грабителей, зачастую состоящие из дезертиров, бродили по стране, наводя страх на население.

Крестьяне, которые больше не надеялись на защиту полиции и жандармерии, укрывались в горах.

В беседе со своим послом в Швейцарии высказал еще большую озабоченность, чем во время встреч с Кемалем.

Он сожалел о разногласиях между ведущими политическими деятелями, его беспокоили увеличение пожаров в Стамбуле и моральный дух армии.

— Я, — говорил он, — опасаюсь общенародного восстания; к несчастью, ситуация оправдывает бунт. В настоящий момент я не знаю никого, кому бы я мог доверить правительство. Мое государство на пороге гибели…

И все же Кемалю не удалось убедить Вахидеддина.

Да и что он значил, даже тогда, по сравнению с все еще влитяельными Энвером и Талаатом?

К тому же, он, как и всегда, был один и, кроме Иззета, не встречался больше ни с кем.

Судя по всему, он не увиделся даже с вернувшимся из софийского посольства и занявшим видный пост в партии «Единение и прогресс» Али Фетхи.

Впрочем, султан отметил его, назначив своим почетным

адъютантом.

Через несколько дней султан снова вызвал к себе Кемаля и в присутствии двух немецких генералов объявил ему о его назначении… командующим Седьмой армией в Палестине.

Помрачневший Кемаль сразу понял, откуда дует ветер.

Нет, не забыл Энвер его дерзости и руками султана отправил в очередную ссылку.

Не умеют воевать Джемаль и немцы?

Воюй сам!

И отомстил он ему со знанием дела.

Группой «Йылдырым» командовал ненавистный ему Лиман фон Сандерс, и скорое свидание с ним означало новое испытание для его нервов.

Подлил масла в огонь и один из немецких генералов. Позабыв, с кем имеет дело, он посоветовал Кемалю подтянуть своих солдат.

Не смущаясь присутствием султана, Кемаль холодно ответил:

— Советую вам запомнить, генерал, что турецкие солдаты, в отличие от ваших, не знают слова «отступать!»

Так и не дождавшись ответа опешившего немца, Кемаль отдал честь султану и покинул залу.

На выходе из дворца он столкнулся с Энвером, тот поздравил его с высоким назначением и выразил надежду, что с «такой прекрасно организованной армией» Кемаль сумеет добиться новых успехов.

Однако Кемаля мало тронули его в высшей степени лицемерные речи, и с нескрываемым презрением он произнес:

— У нас с вами разные представления о хорошей армии, и я бы посоветовал вам оставить ваше пустословие для ваших немецких друзей!

Еще несколько секунд назад оживленное лицо Энвера окаменело, и они с минуту простояли друг против друга с горящими глазами.

Но выстрелов не последовало, и они разошлись миром.

На этот раз навсегда.

Когда в ноябре 1918 года Кемаль вернулся в Стамбул, Энвер вместе с Талаатом и Джемалем уже бежали из ставшей для них смертельно опасной столицы в Берлин.

Глава XV

«Прекрасно организованная армия» находилась в таком состоянии, что даже не испытывавший к Кемалю симпатий фон Сандерс был вынужден сказать:

— Способный генерал, которого я знаю еще с Дарданелл, увидев свою сокращенную до немыслимого количества истощенную армию, понял, что в очередной раз был обманут Энвером, нарисовавшим ему в Стамбуле совершенно другую картину!

Кемалю пришлось поломать голову, как ему, оставшемуся почти без боеприпасов и продовольствия, сражаться с прекрасно экипированными англичанами.

Как-никак, а ему предстояли боевые действия на протянувшейся на 16 километров от моря до Яффы обороне.

Кемалю приходилось опасаться не только англичан.

Служившие в его армии арабы были готовы в любой момент перейти на сторону своих воевавших против турок соплеменников, и в вверенных ему частях то и дело вспыхивали межнациональные конфликты.

В довершение ко всему, в местных племенах успешно работал знаменитый английский разведчик Лоуренс, и подстрекаемые им арабы вели отчаянную партизанскую войну.

И особенно отличался сын Шерифа Хусейна Файсал.

Прекрасно вооруженный и знавший местность, он нападал на турецкие войска в самых неожиданных местах, отравлял колодцы и ломал телеграфные столбы.

«Положение очень тяжелое, — писал Кемаль в одном из писем, — здесь нет ни гражданского правителя, ни военного коменданта, зато вовсю ведется английская пропаганда и повсюду снуют английские агенты.

Народ ненавидит правительство и ждет прихода англичан.

Противник куда лучше вооружен и имеет больше солдат…»

И все же рук он не опустил и по мере возможности готовился к тяжелейшим боям.

Ранним утром 19 сентября 385 английских орудий обрушили всю свою огневую мощь на турецкие позиции, и англичане пошли в атаку.

Турки сражались отчаянно, и все же противнику удалось прорвать фронт.

И только Кемалю ценой неимоверных усилий удавалось удерживать вверенный его армии участок обороны четыря дня и

ночи, но на пятый день и он был вынужден отойти на восточный берег Иордана.

Это было тяжелое отступление, и, тем не менее, его воины дрались настолько отчаянно, что даже сам Лоуренс был вынужден с восхищением отметить их удивительную стойкость.

Но все в этом мире имело свой предел, был он и у вконец измученных солдат Кемаля, и он с грустью наблюдал за тем, как его войска начинали терять боевой дух.

Да и что можно было требовать от одичавших в пустыне полуголодных людей, не имевших не только необходимого для тропиков обмундирования, но даже лишнего глотка воды.

И все же Кемаль не стал пассивным наблюдателем того, как безжалостно уничтожались лучшие кадры османской армии, и, словно чувствуя, что уже очень скоро они понадобятся ему, делал все возможное, чтобы сохранить как можно больше людей.

Совершенно неожиданно для себя он стал фахри явером (адъютантом) султана, с чем его и поспешил поздравить Энвер.

Конечно, ему было в те дни не до поздравлений, и все же он был доволен: никогда не мешало иметь в запасе подобный козырь.

Ситуация ухудшалась с каждым днем, в октябре австралийская кавалерия заняла Дамаск, и назначенный командующим остатками Седьмой и Восьмой армий Кемаль получил приказ готовить новую линию обороны.

Все это было бессмысленно, и в своем страстном стремлении сохранить людей он предложил вывести подчиненные ему войска в Алеппо.

Фон Сандерс колебался, и Кемаль снова показал зубы.

— Вы, — неприязненно глядя немецкому генералу в глаза, чеканил он каждое слово, — хотите похоронить в пустыне оставшихся в живых после тяжелейших боев бойцов! Но я не допущу подобного предательства по отношению к этим людям, своим мужеством и стойкостью заслужившим куда лучшую участь! И если вы боитесь, я беру всю ответственность по выводу турецких войск в Алеппо на себя!

Фон Сандерс уступил, и Кемаль совершил беспримерный по своей дерзости рейд через пустыню.

Солнце, жажда и голод, беспрерывные бои с арабами и англичанами — все оказалось бессильным против его стальной воли.

Когда до Алеппо оставалось всего несколько километров и измученные люди мечтали об отдыхе как о манне небесной, он заставил их готовить новую линию обороны.

Да и в тылу у него было далеко не так спокойно, как того

хотелось бы.

Узнав о взятии Дамаска, население Алеппо не желало подчиняться ненавистным им туркам, и Кемалю с неимоверным трудом удалось восстановить контроль над городом.

Из Алеппо ему все же пришлось уйти, но едва он закрепился на новом рубеже обороны, как на него снова обрушились атаки английских войск.

Целые сутки длился этот кромешный ад, и когда на следующее утро измученным беспрерывными боями солдатам оставалось только погибнуть, к их величайшему изумлению, вместо новой и еще более страшной атаки, англичане вдруг принялись петь и плясать.

И еще бы им не радоваться!

В самую последнюю минуту перед штурмом английское командование получило сообщение о том, что султанское правительство на борту английского крейсера «Агамемнон» на острове Мудрос в Эгейском море подписало капитуляцию.

Как потом узнал Кемаль, в то самое время, когда он в Алеппо при изнурительной жаре и непрерывных атаках арабов Кемаль пытался спасти честь турецкой армии, Иззет без предупреждения запросил перемирия «в соответствии с принципами президента Вильсона».

Контакты были установлены через британского генерала Таушенда, находящегося в турецком плену после поражения в апреле 1916 года у Кут-эль-Амары.

30 октября 1918 года морской министр Рауф и вице-адмирал сэр Сомерсет Гоф-Калторп подписали унизительное для Турции перемирие на борту крейсера ее королевского величества «Агамемнон», стоявшего на якоре в заливе Мудрос перед островом Лемнос.

Османская империя согласилась на капитуляцию флота, демобилизацию своей армии, открытие проливов Босфор и Дарданеллы, контроль союзниками железных дорог и признала их право вмешиваться в конфликты в любом месте империи.

Что не помешало вернувшемуся с церемонии подписания перемирия главе турецкой миссии на переговорах морскому министру Рауфу-бею заявить:

— Достигнутое перемирие превзошло наши ожидания. Спасены независимость государства, султанат и честь нации…

После длительной агонии так мешавший всем «больной человек», как называли Османскую империю в Европе, благополучно скончался, и она прекратила свое семивековое существование.

Воспаленными от бессонницы и солнца глазами смотрел

Кемаль на расстилавшуюся перед ним пустыню и слушал давившую с непривычки тишину.

Он взглянул на стоявших рядом офицеров.

Все были радостны и возбуждены.

Кемаль грустно вздохнул.

Сколько их, вот таких же молодых и подававших надежды, навсегда осталось лежать в песках из-за тупости фон сандерсов.

Но как бы там не было, в бесславной войне была поставлена последняя точка, и с этой минуты начинался отсчет нового времени.

Повсюду царило оживление, и вырвавшиеся из настоящего ада люди от всей души радовались тому, что уже не надо зарываться в песок и ходить в штыковые атаки.

А вот сам Кемаль был задумчив и, глядя на веселившихся людей, всем своим существом чувствовал: нет, это еще не конец, и многим из них еще придется повоевать за новую Турцию.

Иначе и быть не могло, поскольку подписанное на Мудросе перемирие напоминало самый обыкновенный грабеж.

Дымившаяся в развалинах империя обязалась сдать все военные корабли, демобилизовать армию, вывести войска со всех арабских территорий и передать под контроль Союзников железные дороги, почту и телеграф.

Победители оставляли за собой право оккупировать форты Проливов, армянские вилайеты в случае «беспорядков в одном из них», а также любой стратегический пункт, если обстоятельства в той или иной степени угрожали их безопасности.

И не один мало-мальски уважающий себя турок, а таких в стране хватало, не мог согласиться на подобное унижение своей родины.

Противостояние держав закончилось 31 октября 1918 года в полдень.

В этот же день Кемаль получил приказ принять командование группой «Йылдырым» и отправился в Адану, где вместе со своим штабом находился Лиман фон Сандерс.

После выпавших на его долю тяжелейших испытаний Кемаль чувствовал себя настолько опустошенным, что даже не нашел повода в последний раз поругаться с фон Сандерсом.

Да и у того в эти трагические для их стран дни не было никакого желания ссориться с этим попортившим ему столько крови генералом.

Миролюбиво был настроен и немецкий генерал, и, пожимая Кемалю на прощанье руку, он совершенно искренне сказал:

— Я утешаюсь только тем, что передал командование

человеку, чьи способности мне хорошо известны. Прощайте!

Кемаль коротко кивнул, и они расстались навсегда.

Обиды, ненависть, разочарование — все это отходило на задний план, и теперь, когда он командовал всем Южным фронтом, у него появились новые заботы.

Был ли он рад своему назначению?

И да, и нет.

С одной стороны, оно придавало ему еще больший вес среди военных, поскольку именно он оставался единственным турецким генералом, не сдавшимся на милость победителя и имевшим в своем распоряжении армию.

Да, его войска были плохо вооружены, скудно питались, но в то же время они оставались боевыми соединениями.

В том, что они уже очень скоро понадобятся ему и стране, он не сомневался.

И, готовясь к будущей борьбе, он старался сохранить как можно больше все еще остававшейся в руках турок территории, людей и вооружения.

Конечно, он был не единственным генералом, пытавшимся остановить разрушение страны.

Многие видные военачальники прятали от Союзников оружие и боеприпасы и саботировали демобилизацию армии.

Но в то же самое время вряд ли мы погрешим против истины, если скажем, что все помыслы у Кемаля в тот период были связаны со Стамбулом, где начинался дележ оставленного иттихадистами властного пирога.

И Кемалю было на что надеяться.

В сформированном за три недели до окончания войны его бывшим командиром Ахметом Иззет-пашой правительстве близкие к нему Али Фетхи и Рауф заняли важные посты министра внутренних дел и морского министра.

Да и новый министр финансов Мехмет Джавит не был ему врагом.

Кемаль считал этот выбор весьма разумным: близкий Талаату Фетхи — один из тех, кто умело руководил «Единением и прогрессом», будучи его генеральным секретарем.

Хусейн Рауф, морской офицер, герой Балканской войны, прекрасно владеющий английским языком и большой поклонник англичан.

Еврей Джавит, дёнме, имел большие связи в международной финансовой среде.

И лучшей характеристикой этого человека для Кемаля было то, что в 1914 году он ушел в отставку с поста министра финансов в знак протеста против вступления Турции в войну в

союзе с Германией.

Кемаль поддерживал Иззета.

Забыв свою прежнюю позицию о невмешательстве армии в политику, он отправил султану телеграмму.

В ней он «одобрил» подписание договора о перемирии во имя спасения страны от полного краха, назначение Иззета великим визирем и введение в состав правительства таких достойных людей, как Фетхи, Рауф.

Заявил он и своем заветном желании получить пост военного министра.

В своих «Воспоминаниях», написанных в 1926 году, он сам писал об этом, хотя в тексте телеграммы, найденной турецким историком Баюром, этой просьбы не было.

И ничего странного в его просьбе не было.

Энвер бежал, и Кемаль подходил на этот пост по всем показателям.

Он очень надеялся и на то, что и Фетхи, и Рауф тоже войдут в состав правительства.

Однако просьба Кемаля кресла военного министра была в высшей степени наивной.

Да и с какой стати Иззет, продолжающий дергать нити политической игры, должен был отдать столь важный пост одиночке, у которой кроме завышенных амбиций не было никакой поддержки?

Новый великий везир не внял его настойчивым просьбам и оставил за собой кресло военного министра.

«Такой блестящий командир, как Вы, — писал он в своем послании Кемалю, — сейчас куда нужнее на южных границах.

А после заключения мира я сочту за честь работать с Вами!»

Похвала была, конечно, приятна, и все же Кемаль предпочел бы занимаемой им сейчас палатке роскошный кабинет на берегу Босфора.

И дело было не только в амбициях.

Сейчас, когда начинался дележ пирога, на месте военного министра должен был находиться человек, способный с честью пройти через предстоявшие испытания.

Иззет-паша был хорошим солдатом, и все же кресло военного министра было велико для него.

И он видел только одну кандидатуру на этот пост: самого себя.

Как ни странно, с ним был согласен и потерявший свое министерское кресло Энвер.

Узнав о новом хозяине военного ведомства, он в сердцах

воскликнул:

— Да какой же из Иззет-паши военный министр! Этот кабинет может занимать только один человек — Мустафа Кемаль!

Однако совмещающего функции великого визиря и военного министра Иззета мало волновали чужие мнения.

И он, одновременно к удовольствию и неудовольствию Кемаля, назначил полковника Исмета заместителем военного министра.

Будущему Исмету Инёню, преемнику Кемаля на посту президента Турции, было всего 34 года.

Товарищ по оружию Кемаля в боях с русской армией, он стал одним из его помощников в группе «Йылдырым».

Этот блестящий полковник, которого фон Сандерс считал «одним из наиболее выдающихся турецких генералов», невысокого роста, тщедушный, больше похожий на служащего, чем на офицера, был артиллеристом; но когда он начинал говорить и действовать, проявлялось его истинное лицо, сильная и коварная натура.

Кемаль ценил Исмета, и когда Исмета призвали в Стамбул на столь ответственную должность, он вдохновлял его, давая ценные советы и рекомендации.

И все же к его радости примешивалась и грусть.

Как быстро и не всегда в лучшую сторону менялись получавшие подобные посты люди, он знал не понаслышке.

И какие бы ни пели ему сейчас дифирамбы, он снова оказывался вне уже начинавшейся в Стамбуле большой политической игры.

В связи с перемирием 2 ноября 1918 года комитет «Единение и прогресс» созвал чрезвычайный конгресс, на котором присутствовали сто двадцать членов партии.

Конгресс проходил в штаб-квартире партии на улице Нуросманис, рядом с Большим базаром.

К этому времени Энвер, Джемаль и несколько других лидеров партии сбежали на борту немецкой подводной лодки.

Комитет «Единение и прогресс» самораспускается или, точнее, трансформируется в партию «Ренессанс», подчеркивая разрыв любых связей с прошлым.

Но смена «вывески» партии практически ничего не меняет: люди всё те же.

И с первых послевоенных дней общественное мнение сурово осуждает комитет «Единение и прогресс» и его политику.

Как и предполагал Кемаль, англичане не собирались

соблюдать продиктованного ими же самими условия Мудросского перемирия и заняли Мосул.

Если нахзывать вещи своими именами, то они захватили тот самый стратегический важный и нефтеносный район, который давно уже собирались прибрать к рукам.

Затем под предлогом использования порта для снабжения армии необходимыми припасами они окуупировали Александретту и прилегающие к ней территории.

Англичане требовали немедленной демобилизации, перемещения артиллерии и продовольственных баз и ухода турецких войск оттуда до 15 ноября.

Правительство пытается протестовать, но безуспешно.

Однако Кемаль не собирался уступать ни пяди родной земли, и не на шутку обеспокоенный его решительными действиями великий везир писал ему: «В обмен на такое джентльменство мы оказали англичанам любезность, разрешив им использовать Александретту для транспорта продовольствия и военных материалов…»

Взбешенный уступчивостью правительства Кемаль в весьма резкой форме заявил, что транспорт здесь ни причем и целью англичан является захват Александреттского вилайета для последующего нападения на Киликию и Анатолию.

«Я, — написал он в ответном послании, — лишен надлежащей деликатности, чтобы оценить как джентльменство английского представителя, так и необходимость отвечать на него указанной любезностью…»

Великий везир тут же сообщил, что «мы слабы и должны вести себя соответственно».

Раздраженный его трусостью Кемаль дал выход своему раздражению.

«Мы только напишем одну из самых черных страниц в нашей истории, — заявил он в ответной телеграмме, — и будем дискредитировать правительство, если будем помогать англичанам завершить то, чего они не смогли добиться во время военных действий!»

Англичане не довольствуются этим успехом и захватывают порт Измир, затем форты Дарданелл.

Когда корабли союзников бросили свои якоря в Босфоре, англичане высадили тридцать тысяч солдат, то есть больше, чем французы и итальянцы вместе взятые.

В Ливане и Сирии их сорок пять тысяч, что примерно в шесть раз превышало число французских солдат.

В крупных городах Анатолии они разместили свои комендатуры и секретные службы, в которых в основном

работали мобилизованные гражданские лица, знающие турецкий, греческий, армянский и курдский языки.

Таким образом, они создали разветвленную информационную и пропагандистскую сеть, которую поддерживало присутствие английских войск вдоль железной дороги в Анатолии.

А почему и нет?

Разве не заявил султан, комментируя условия перемирия:

— Какими бы суровыми ни были эти условия, мы принимаем их. Дружественная политика Англии, по нашему мнению, не изменилась. Позже мы сможем завоевать их прощение и их милость!

Правда, согласно другому источнику — французскому офицеру, поддерживавшему с султаном дружеские отношения, — тот якобы заявил, что он рассчитывает на Францию.

Эта противоречивая информация не должна нас удивлять: это чисто дипломатическая игра султана, пытающегося противопоставить мощные европейские державы.

Вахидеддин, бывший личным советником своего старшего брата Абдул-Хамида, унаследовал его хитрость и коварствои не нуждался в чьих-либо уроках в этой области.

Почти каждый день Кемаль отправлял телеграммы в Стамбул, гневно осуждая поведение англичан и предлагая сопротивляться этому силой.

Опасаясь совершенно ненужных ему сейчас осложнений, Иззет-паша поспешил отозвать несговорчивого командующего в столицу…

10 ноября 1918 года Кемаль покинул Адану.

Поездка в Стамбул предстояла долгая и тяжелая.

Одноколейная железная дорога пересекает горный массив Тавр, отделяющий Анатолийское плоскогорье от киликийских равнин.

Немцы, концессионеры дорог Анатолии и Багдада, недавно проложили туннель в этих труднодоступных горах.

Отныне можно было пересечь знаменитые Киликийские ворота, не покидая поезда, а ведь еще в 1914 году приходилось, как это делал в свое время и Александр Македонский, в течение трех дней передвигаться на повозке или на спине верблюда, чтобы попасть из Эрегли в Адану.

От Эрегли поезд уже спокойно спускался до железнодорожного узла Эскишехир, а затем направлялся в Стамбул, расположенный примерно в тысяче километров от Эрегли.

Сразу после перемирия обстановка на железной дороге была крайне напряженной.

Редкие эшелоны брались штурмом гражданским населением, немецкими солдатами, одиннадцать тысяч которых еще оставались в Турции и подлежали эвакуации, а также турецкими солдатами, чья демобилизация была предусмотрена разоружением.

Топлива не хватало.

Несколько недель спустя после проезда Кемаля бывшие солдаты, доведенные до отчаяния задержкой своего возвращения по домам, совершили нападение на склад боеприпасов в Афьон-Карахисаре.

Глава XVI

В Стамбул Кемаль приехал 13 ноября.

После недавнего взрыва вокзал так и не привели в порядок, и, как и по всей стране, на нем царило полнейшее запустение.

Не радовал и Босфор с покачивавшимися на его крутой волне серыми громадами военных кораблей Союзников.

Над многими развевались флаги с британским львом, поскольку именно англичане играли первую скрипку в этом международном оркестре.

Стамбулом правил тот самый адмирал Калтроп, который совсем еще недавно с презрительной улыбкой диктовал на борту «Агамемнона» унизительные условия перемирия.

И на какие-то мгновения Кемалю вдруг показалось, что Стамбул снова завоевали крестоносцы.

Впрочем, почему показалось, так оно и было на самом деле, только вместо белых плащей с вышитыми на них крестами на завоевателях красовались мундиры союзных войск.

Кемаль задумчиво покачал головой.

Что ж, много лет тому назад великий Мехмет Фатих завоевал Стамбул, теперь пришла его очередь возвращать его стране!

Кемалю очень хотелось верить в то, что так оно и будет, и, повернувшись к своему адъютанту, Кемаль громко произнес:

— Они уйдут так же, как и пришли!

Греки, армяне, евреи и прочее нетурецкое население боло охвачено энтузиазмом.

Радость, охватившая большинство турок при объявлении перемирия — популярный поэт даже посвятил этому событию стихи, — не была настолько сильна, чтобы подавить чувство стыда за оккупацию.

Особенно ликовали греки и даже устраивали демонстрации.

Опасаясь инцидентов и реакции правительства, франко-британское руководство обратилось в патриархат православной греческой церкви с просьбой ограничить демонстрации.

Кемаль остановился в «Пера Паласе», одном из лучших отелей города, принадлежащем греческому владельцу мукомольного завода.

Расположенный в устье Пера, это был первый отель в столице с электрическим освещением.

В его салонах буржуа всех рас, а отныне и офицеры оккупационных войск, которые танцевали и развлекались на балах, регулярно устраиваемых дирекцией отеля.

На следующее утро Кемаль поспешил к своей прекрасной Корине, и та была восхищена представившимся ей зрелищем.

Да, все те же голубые глаза, те же медальные очертания лица, те же светлые волосы.

И все же многое изменилось в ее поклоннике. И, наверное, поэтому губы его были чуть плотнее сжаты, глаза смотрели пытливее, а речи стали куда сдержаннее, и в них то и дело слышалась боль потерпевшего незаслуженное поражение солдата.

После стольких лет разлуки Кемаль произвел на свою подругу еще большее впечатление, нежели производил когда-то своими пылкими речами, и в то же время Корина видела перед собой совсем другого человека, уже неспособного на совершенно ненужную ему откровенность и романтические порывы.

Время закалило его, и перед ней сидел не юный мечтатель, а готовившийся к новым битвам воин.

Эта никогда не испытанная ею новизна пугала Корину, но в то же самое время еще больше притягивала ее к нему.

А вот встретившей Кемаля тем же вечером Фикрие было не до психологических наблюдений, и она была несказанно счастлива снова находиться рядом с тем, кому уже давно отдала свою душу и тело.

Через несколько дней Кемаль покинул слишком дорогой для него «Пера палас» и переехал в район Шишли, где строили себе роскошные особняки спекулянты, нажившиеся на войне.

Он обосновался в небольшом домике, рядом с хорошо емцу знакомой Харбие.

«Просторная комната с диваном и креслами темного цвета, стены украшены коврами» и всюду — на письменном столе, где лежит серебряный черкесский кинжал, рядом с романами Бальзака и Мопассана, в стеклянном шкафу, на полу — «тетради, черновики, бумаги, карты, а над всем этим господствует большой пулемет, захваченный у англичан».

Вот где теперь жил Кемаль.

Но быт мало волновал генерала, поскольку теперь в полный рост перед ним стояли вопросы бытия.

Его собственного и его родной страны.

Что там говорить, вопросы были сложные, и Кемаль целыми днями обсуждал их на встречах со своими единомышленниками.

Какой будет судьба столицы Османской империи?

Да, русских, кому по секретной договоренности союзников в ходе войны был обещан Стамбул, не было в столице.

Россия за это время перешла из лагеря союзников в лагерь революционеров.

Более того, через несколько дней после Октябрьского

переворота большевики объявили, что аннулируют секретные договоренности, заключенные царским режимом.

Да и зачем им теперь Проливы?

У большевиков были теперь задачи поважней, и они пытались обратить в свою веру 65 тысяч военнопленных и 10 тысяч интернированных турок, находящихся в России.

Более того, ослепленные бредовой идеей мировой революции они пытались создать революционные комитеты в рядах турецких войск в Восточной Анатолии.

А вот греки не отказались от претензий на свою бывшую столицу.

Забыты три долгих года ожесточенных споров между королем Константином, зятем кайзера, и премьер-министром Греции Венизелосом, либералом, симпатизирующим союзникам.

Греки Афин и греки империи едины в убеждении: союзники обещали им присоединение значительной части Западной Анатолии, в результате чего территория Греции почти удвоится, а население увеличится на одну пятую.

Они намерены воплотить в жизнь чрезвычайный проект: вернуть Греции ее мощь античного периода.

В Стамбуле, где греческое население превышает двести тысяч и где находится сто восемьдесят православных церквей, греческие войска чувствуют себя как дома.

Все поводы хороши, чтобы унизить турок, чтобы заставить их смириться с будущим возвращением Константинополя метрополии и салютовать бело-голубому флагу на балконе греческого генерала, прежде чем войти в яхт-клуб…

Что же касается англичан, то их куда больше волновал порядок в столице.

В специально изданной брошюре для офицеров на Среднем Востоке говорится, что «турки автоматически поступают в их распоряжение; порядок настолько важен, что мятежи населения недопустимы; тот, кто контролирует Стамбул, контролирует страну, а тот, кто контролирует тайную полицию и гарнизон Константинополя, контролирует город».

Следовательно, достаточно контролировать тайную полицию и гарнизон Константинополя, чтобы контролировать страну.

Военный комендант Калторп вскоре замечает, что обстановка на самом деле гораздо более сложная.

Османское правительство, протестующее против «оккупации», не предусмотренной перемирием, не облегчает ему задачу.

А что говорить о правительстве Великобритании, раздираемом туркофобами министерства иностранных дел и

государственным секретариатом по делам Индии, обеспокоенным тем, что последствия политики в Турции скажутся на моральном состоянии индийцев, подданных его королевского величества?

А пока греческие и британские офицеры развлекались на балах, устраиваемых в «Пера Паласе» местной буржуазией, желающей продемонстрировать своих дочерей и свое уважение к союзникам.

Особенно бурное веселье царило на вечерах русской аристократии, покинувшей родину, а с наступлением весны начнутся морские прогулки на Принцевы острова.

Французы и итальянцы тоже не пренебрегают развлечениями в Стамбуле, но не чувствуют себя настолько привольно.

До января 1919 года французы не имели четких указаний по поводу их миссии, а когда Париж направили в Стамбул военного коменданта, полученные им инструкции не внесли никакой ясности в их позицию.

«Изучать и предлагать правительству условия предварительного мирного соглашения или окончательного договора, — гласила одна из них, — которые обеспечили бы Османской империи нормальное существование и благосостояние, гарантирующее выплату долгов».

Что касается итальянцев, руководимых графом Сфорцой, то Стамбул их не интересовал.

Их целью было получить то, что им было обещано секретным соглашением в Сен-Жан-де-Морьене в апреле 1917 года, — вилайеты Аданы и Измира.

То, что для греков Измир или Смирна (греческое и европейское название города) был символом древнегреческой культуры, итальянцам было безразлично.

Мало волновало их и то, что греки составляли почти шестьдесят процентов населения Измира.

Что же касается населения столицы, то оно быстро осознало, что больше всего ему следует опасаться англичан.

Кемаль не хотел мириться с унизительным для турок положением.

Вскоре после приезда в Стамбул Кемаль вместе с Рауфом встретился с Иззетом-пашой.

После того, как 7 октября 1918 года правительство Талаат-паши ушло в отставку, Ахмед Иззет-паша был назначен великим визирем.

Как раз перед этим турецкая армия понесла тяжёлые потери в Палестине, был сдан Дамаск, капитулировала Болгария.

Было очевидно, что война проиграна, и до её конца осталось

уже недолго.

Партия «Единение и прогресс» была распущена, и в своё правительство Ахмед Иззет взял лишь тех её бывших членов, кто не был связан с военными преступлениями.

После подписания Мудросского перемирия 3 ноября члены де-факто правившего страной всю войну триумвириата — Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша — тайно бежали за границу.

Кабинет Ахмеда Иззет-паши был обвинён в том, что он не смог предотвратить их побег, и 8 ноября 1918 года пал, пробыв у власти всего 25 дней.

Большую часть из этих 25 дней сам Ахмед Иззет провёл в постели, болея «испанкой».

Отдав дань приличию, Кемаль заговорил о том, что маршал должен возглавить правительство, а преданный Кемаль поможет ему составить список министров.

Как рассказывает Кемаль в своих «Мемуарах», после долгих споров Иззет-паша согласился с его требованием.

Забыв о своих прежних убеждениях о неучастии армии в политике, Кемаль начал работу с депутатами.

«Я, — писал он в воспоминаняих, — говорил с депутатами, которых знаю уже давно.

Я хотел установить контакт с максимальным числом парламентариев.

Я был в здании парламента, во дворце Фындыклы, в гражданском.

Я хотел, чтобы парламент не выражал доверия новому великому визирю.

Я сделал всё возможное, чтобы убедить в этом моих знакомых депутатов.

Однако они считали, что парламент будет распущен, если они не проголосуют за доверие.

Я же им объяснял, что в любом случае парламент будет распущен и что следовало выиграть время с новым кабинетом Иззета».

В группе, решившей убедить депутатов, Кемаль был самым последовательным и настойчивым.

Он надеялся добиться своего, если ему удастся объединить «значительную часть депутатов» и высказать им свои идеи.

После встречи с парламентариями он был уверен в успехе.

Тем страшнее было его разочарование после того, как подавляющим большинством голосов парламент выразил доверие преемнику Иззета.

Так Кемаль впервые познал непостоянство парламентариев.

Иззет-паша вышел из игры.

Если же верить Фетхи, то Кемаль не особенно верил в победу Иззета.

«Иззет-паша, — писал он в своих „Мемуарах“, — даже если бы он остался у власти, не смог бы сопротивляться давлению оппозиции, и султан убрал бы членов „Единения и прогресса“ из правительства».

Кстати, султан согласился принять Кемаля, «откровенно высказававшегося по поводу необходимых мер».

После побега триумвирата и роспуска партии «Единение и прогресс» юнионисты являли собою большую силу в администрации, армии и полиции.

И не случайно «Таймс» называл «Единение и прогресс» «единственной эффективной партией, созданной в Турции».

К тому же разведслужбы союзников до февраля 1919 года не знали о существовании «Каракола» («Часовой»), одной из наиболее действенных тайных организаций юнионистов.

«Каракол» был создан в ноябре 1918 года убежденными юнионистами Кара Кемалем, дядей Энвера Халилом-пашой и полковником Кара Васыфом.

Начал он свою деятельность с того, что обеспечил побег лицам, ответственным за жестокую расправу с армянами, а затем использовал те же пути, чтобы переправлять оружие и боеприпасы в Анатолию.

В конце ноября Калторп отметил, что «„Единение и прогресс“ становится центром, вокруг которого начинают группироваться силы турецких националистов».

Чтобы успокоить себя и Лондон, он добавил: «Учитывая силы союзников, находящиеся в городе и его окрестностях, маловероятно, что турки попытаются предпринять что-либо подобное вооруженному восстанию».

Тем временем либералы, пробудившиеся после десятилетней «зимней спячки» во время правления «Единения и прогресса», спешили взять реванш.

Пресса клеймила позором юнионистов, обвиняла их во всех смертных грехах и в той ситуации, в которой оказалась страна.

В конце ноября правительство создало военные трибуналы для суда над лидерами «Единения и прогресса».

Еще через несколько недель Энвер и Джемаль, сбежавшие в Германию, были лишены армейских званий, и был послан запрос на их экстрадицию.

Несколько ночей Фетхи, Рауф и их друзья собирались в доме Исмаила Канболата, бывшего префекта полиции, бывшего губернатора Стамбула и бывшего министра внутренних дел, человека, по словам Кемаля, «умного и отважного».

В конце концов, решение было принято.

«Мы пришли к обоюдному решению, — пишет в своих воспоминаниях Фетхи, — что только в Анатолии можно организовать национальное сопротивление».

Кемаль решил встретиться с султаном, узнать его мнение по этому поводу, заручиться его согласием или, по меньшей мере, нейтралитетом.

У юнионистов есть сильный козырь.

Армия.

Да она в плачевном состоянии, но всё еще способна вдохнуть жизнь в национальное сопротивление, помочь султану, если он этого захочет, тоже встать на этот путь или, в противном случае, напомнить ему, что именно армия сместила его брата Абдул-Хамида.

Для этой ответственной миссии были выбраны два офицера, «ненавидевшие Энвера»: Кемаль и Кязым Карабекир.

Однокашник Кемаля звезд с неба не хватал.

Но служил добросовестно и за успешное командование на Кавказе был удостоен звания генерала.

Именно кавказская армия должна была составить ядро военного сопротивления.

Пока Карабекир добирался до Стамбула, Вахидеддин принял Кемаля, и они беседовали наедине в течение часа.

Впрочем, беседы не получилось, поскольку султана интересовал только один вопрос: верна ли ему армия.

— Я уверен, — говорил он, — что генералы и офицеры тебя любят. Можешь ли ты дать гарантии, что они ничего не предпримут против меня?

Кемаль успокоил его.

— Я могу вас заверить, — ответил он, — что вам нечего опасаться…

Встречу султан закончил комплиментом, заставившим Кемаля задуматься:

— Вы умный офицер, и я уверен, что вы сумеете просветить и успокоить ваших товарищей…

Понимая, что Вахидеддина волнует только его собственная судьба, Кемаль не оставил надежды на успех и еще несколько раз посещал императорский дворец.

Султан был непробиваем, и воз так и остался на том же самом месте.

Единственное, чего он добился, так это восхищения дворцовых дам, смотревших на блестящего адъютанта султана влюбленными глазами.

Светлые волосы с легким рыжеватым оттенком, голубые глаза, всегда элегантный вид, — всё это придавало ему необыкновенный шарм.

За глаза его стали называть «Желтой розой».

Дело дошло до того, что стали поговаривать о браке Кемаля с любимой дочерью султана принцессой Сабихой.

Однако Кемаль никогда не станет зятем султана, а Сабиха выйдет замуж за одного из своих кузенов.

Сам Кемаль позже будет утверждать, что и не думал жениться на этой принцессе из семьи, символизирующей закат империи.

Других он уверял в том, что не создан для семейной жизни.

Вполне возможно, что султан сам не захотел снова повторять ошибку, совершенную с Энвером, и не пожелал отдать руку любимой дочери мужчине, чья склонность к плотским развлечениям и выпивке никак не предполагала его превращение в образцового мужа.

Что же касается содержания трех его встреч с султаном, то Кемаль навсегда сохранит в тайне.

Глава XVII

После утверждения правительства Тевфика Кемаль решил остаться в Стамбуле и заняться политикой.

В этом деле он очень рассчитывал на поддержку Канболата и Рауфа, с которым встречался почти каждый день, и особенно Али Фетхи.

Его бывший однокашник по Манастыру и военной академии ушел в отставку и стал дипломатом.

Один из лидеров партии «Единение и прогресс» он сохранил обширные знакомства и связи с бывшими юнионистами.

И не случайно англичане квалифицировали его как «интересную личность».

Фетхи принял активное участие в создании партии «Ренессанса» и партии «свободных османов» и возглавил националистическую газету «Минбер».

Кемаль очень надеялся на то, что сможет с помощью газеты обратить на себя внимание сильных мира сего, и многие статьи в газете имели одну цель — продвижение Кемаля.

Началась эта кампания со статьи, в которой подробно рассказывалось о встрече Кемаля с Мехметом VI.

Он регулярно выступал на страницах газеты, публикуя свои «Беседы с офицерами и командирами», написанные в Софии в 1915 году.

Затем появилась целая серия статей под общим заголовком: «Что думает командующий боями при Дарданеллах о будущем своей родины в нынешних условиях?»

В них Кемаль доказывал, что «священный долг нации — бороться, чтобы заставить уважать себя».

При этом через все статьи красной нитью проходила мысль о том, что Кемаль делал все в «интересах родины, нации и армии».

Неизвестный редактор так откликнулся на откровения забытого генерала:

«Признаемся, что один из блестящих умов, а также первый, по отношению к которому родина не оказалась достаточно щедрой, — это Кемаль-паша.

Несмотря на то, что он является одним из лучших представителей своей нации и родины, именно он не оценен по заслугам.

Но чья это ошибка?

Сам он настолько избегает славы, он настолько скромен, что в течение долгого времени не признавался, что был единственным защитником Анафарты и освободителем

Стамбула…»

Надо ли говорить, что этим «неизвестным редактором» был Али Фетхи.

На этом публикации закончились, так как «Минбер» прекратило свое существование 22 декабря, сразу после роспуска парламента.

Кемаль сноа потерпел неудачу, поскольку никто из властных структур так и не обратил на него внимания.

В том же декабер он вместе с Али Фетхи тайно встретился с итальянским военным комендантом графом Сфорцой.

Зачем?

Если верить прессе, то некоторые видные юнионисты «делали попытки получить поддержку представителей Антанты в деле создания новой организации „Единения и прогресса“, представляющей значительную силу в стране и симпатизирующую Антанте».

Поговаривали и о том, что сам граф был уверен в скором возвращении «Единения и прогресса» к власти.

Если верить соратникам Кемаля, то Сфорца сам вступил в контакт с Фетхи и Кемалем, заверил их в дружеском отношении итальянцев и предложил им участвовать в создании нового правительства.

Сложно сказать, как это себе представлял итальянец, но он дал явно понять о лояльности Италии по отношению к бывшим юнионистам.

Возможно, на этот шаг его подтолкнуло начавшееся в в Анатолии сопротивление оккупантам.

Турки начали координировать возникшее в различных районах страны движение сопротивления оккупантам.

Так возникла организация, именуемая КуваиМиллие («Националь-ныесилы»). Это были ещё слабо организованные отряды партизанского типа, большого ущерба нанести грекам они не были в состоянии, но главное — они первыми стали бороться и действовали против врага.

Что касается руководства начавшимся движением, то ни в коем случае нельзя сбрасывать со счёта и кадров иттихадистов.

Бегство её лидеров за границу, самороспуск — все это не означало исчезновение партии как политической силы, весомо представленной в политической элите империи.

В конце концов и сам Кемаль, не приемля курса лидеров формально распущенной партии, сохранял связи со многими её активистами, прежде всего с её военным крылом.

Именно военный корпус империи обеспечивал готовыми, хорошо обученными кадрами формировавшееся сопротивление интервентам.

Некоторые офицеры тайно отправлялись в Эгейский район,

Собирали там патриотов-интеллигентов, эфе (партизан), молодёжь, оставшихся в армии солдат, чтобы организовать выступления против греческих войск.

Голландский турколог Эрик Цюрхер в своей работе, изобилующей множеством ссылок на новые источники, пишет, что первыми участниками и организаторами патриотических выступлений, в том числе вооружённых, против антантовских войск были в основном бывшие члены партии «Единение и Прогресс», которая, объявив о своём самороспуске, вскоре учредила наследницу — партию «Теджеддют» («Возрождение»).

Ими же были и многие либо последовательные соратники Кемаля, либо попутчики в борьбе против интервентов.

И, как знать, не хотел ли Сфорца заранее навести мосты с будущими правителями страны.

«В первые недели моего назначения в Турцию, — писал Сфорца в своей книге „Портреты и личные воспоминания“, опубликованной в 1930 году, — я заверил Кемаля в моих мирных намерениях.

Узнав о том, что англичане намерены его арестовать „по причине его популярности“ Кемаль спросил меня, может ли он рассчитывать на мою помощь.

Я ответил, что предоставлю ему жилье в итальянском посольстве.

Это стало известно и помешало британской разведке принять решение, которое могло бы повлечь дипломатические осложнения».

Что же касается их тайной встречи, то Сфорца писал: «Они меня поблагодарили и заявили, что если они снова придут к власти, то намерены опираться на поддержку Италии».

Судя по всему, налаживая контакты с итальянцами Кемаль и Али Фетхи намеревались внести таким образом раскол в и без того хрупкое единство союзников.

А если они уже тогда задумывались о борьбе с оккупантами, то им было важно заручиться обещанием итальянцев оставаться нейтральными.

Хотя, что оно по тем временам значило, это обещание…

Однако Кемаль на этом не остановился.

Если верить воспоминаниям английского журналиста Г. Ворд-Прайса, то Кемаль, выразив в беседе с ним сожаление по поводу пропасти, разделяющей его страну с Великобританией,

предложил свои услуги.

— Если англичане возьмут под свой контроль Анатолию, — якобы сказал он, — они будут нуждаться в сотрудничестве с опытным турецким губернатором, поддерживающим их. Я хотел бы знать, кому я мог бы предложить свои услуги…

Англичане отказались.

Сложно сказать, насколько это правда, поскольку сам Кемаль никогда не вспоминал об этой встрече.

Если она, конечно, на самом деле была.

А если все-таки была, не означало ли это предложение Кемаля пусть и с помощью англичан получить должность в Анаталии, котороая позволит ему бороться с оккупантами.

Да, это было слишком сложно, но нельзя забывать, что в то время Кемаль оказался в политическом ваккуме и готов был зацепиться за любую возможность попасть в Анатолию.

Тем временем положение продолжало ухудшаться.

20 декабря 1918 года англичане и французы оккупировал Адану.

Присутствие французского Восточного легиона, созданного в 1916 году и состоящего в основном из армян, явилось по отношению к туркам самой настоящей провокацией.

Была ли подобная тактика французов демонстрацией силы или это просто необдуманный поступок?

Состоящая из юнионистов палата депутатов, избранных в 1912 году, продолжала ставить палки в колеса правительству.

Дабы не оказаться с новой палатой юнионистов, Мехмет VI 21 декабря 1918 года распустил парламент.

Разгон парламента окончательно похоронил надежды Кемаля и его друзей на «умного» султана.

Они даже не сомневались в том, что султанское правительство станет марионеткой в руках оккупационных властей во главе с верховным комиссаром Антанты в Константинополе.

Хотя бы по той простой причине, что иначе и быть не могло.

Да и какое могло быть сотрудничество между победителями и побежденными?

Кемаль чувствовал, как вокруг него сживается невидимое кольцо, из которого надо было найти выход.

Поскольку это был выход не только для него и его товарищей, но и для всей страны.

В эти дни из Анатолии приехал старый приятель Кемаля Али Фуад.

Он поведал другу об анархии, царящей в сельской местности,

о развале дисциплины в армии, о первых актах сопротивления.

Согласно легенде кемалистов, именно тогда они разработали план национального сопротивления.

Они якобы пришли к выводу, что следует немедленно прекратить поставлять оружие и боеприпасы союзникам, гражданские и военные власти должны оставаться на местах, а политические партии должны прекратить соперничество.

Согласно той же легенде, Кемаль изложил Али Фуаду свою идею создания Турецкой Республика, которую надо было скрывать до подходящего момента.

После чего Кемаль продолжил принимать у себя многочисленных гостей и чуть ли не каждый день сам наносил визиты нужным людям.

Он часто встречался с Фуадом, который покинул Стамбул только в конце февраля 1919 года.

Он снова принял командование 20-м корпусом армии, Генеральный штаб которой был перенесен в Анкару, подальше от войск союзников.

Встречался Кемаль с Канболатом, Рауфом, Фетхи и многими офицерами, товарищами по военному училищу или по совместным боям.

Они образовали однородную группу: все родились в период с 1880 по 1885 год, имеют одинаковую военную подготовку и боевой опыт, являются убежденными националистами.

Даже те из них, кто занимает ответственные посты, серьезно обеспокоены.

Поражение их деморализовало, перемирие, ограничившее численность армии пятьюдесятью тысячами, грозит им увольнением, а финансовые затруднения правительства поставили их на грань нищеты.

«Молодым командирам» было нечего ожидать ни от перемирия, ни от мирного договора.

Следует ли удивляться, что 15 января 1919 года французский военный комендант был вынужден отправить в Париж серьезное предупреждение.

«Турки, — сообщал он, — начинают поднимать голову.

Если найдется энергичный сорвиголова, то нас выбросят в море за двадцать четыре часа.

Как бы там ни было, если мятеж не произойдёт сейчас, очень вероятно, что он произойдет в тот день, когда Турция узнает о расчленении, которое ей угрожает.

В этот день, учитывая настроения, видные невооруженным глазом, мы окажемся в очень сложных условиях, если не примем самые элементарные меры».

Однако Жолли никто не услышал.

А могли бы, если учесть, что 18 января начала свою работу Парижская мирная конференция.

Ее задачей являлось юридическое оформление окончания Первой мировой войны, для чего предполагалось разработать и подписать мирные договоры с Германией и её союзниками.

На которой никто серьезно судьбу Османской империи не обсуждал.

На конференции были подготовлены Версальский, Сен-Жерменский, Нёйиский, Трианонский и Севрский мирные договоры.

Приоритет на конференции был отдан премьер-министром Франции Клемансо немецкому договору, что, по крайней мере, несколько отодвинуло тот день, которого так опасался Жолли, день, когда «Турция узнает об угрожающем ей расчленении».

Меры, предложенные французским дипломатом, не ограничивались переданным султану списком, в котором перечислялись лица, подлежащие обвинению в нарушении перемирия, в непочтительном отношении к английским офицерам или в преступлениях против армян и пленных.

Положение осложнялось еще и тем, что Франше д'Эсперей, прибывший 8 февраля для выполнения обязанностей командующего войсками союзников на Востоке, считал, что этим должно заниматься османское правительство.

Упреки Франше и его претензии на командование англичане оставляют без внимания.

Генерал Вильсон, командующий английскими войсками в Стамбуле, считал себя главным в столице.

Пусть Франше довольствуется тем, что проехал по главной улице Пера на белом коне, как это сделал султан Мехмет II, завоевав Византию.

В Стамбуле англичане и французы вскоре окажутся на грани «развода».

Что же касается «энергичного сорвиголовы», упомянутого Жолли…

Кемаль не справился с этой ролью.

Рауф рассказывал в своих «Мемуарах», что в конце 1918 года Кемаль вместе с Кара Кемалем из «Каракола» планировал похищение великого визиря.

Узнав об этом, Канболат и Рауф пытались отговорить их от этой опасной затеи.

Однако Кемаль заявил Фетхи, что похитит вместе с Кара Кемалем старого Тевфика, чтобы затем использовать его в

качестве разменной монеты.

Фетхи выступил против.

Никого Кемали не похители, а вот в феврале 1919 года Али Фетхи и его четверо друзей-юнионистов решили свергнуть правительство и султана.

На этот раз Кемаль выступил против этого проекта, так как был уверен в том, что свержение правительства или султана не изменит соотношение сил с союзниками.

Гораздо разумнее, заявил он, готовить почву в Анатолии и оттуда информировать нацию о надвигающейся катастрофе.

Глава XVIII

4 марта 1919 года на должность великого визиря вместо Тевфика султан назначил своего зятя Дамад-Ферид-пашу, сторонника соглашения с союзниками любой ценой.

Высокомерный шестидесятилетний новый визирь, по меткому выражению Сфорцы, являл собой «удачную копию английского джентльмена».

Ферит-паша, за плечами которого блестящая дипломатическая карьера, а затем назначение в Государственный совет, — представитель старого режима.

Новый великий визирь попытался вернуть страну назад лет на десять.

Его брак с дочерью султана Абдул-Меджида усилил его глубокую привязанность к системе, которую пытались реорганизовать юнионисты.

Он был одним из тех, кто в 1911 году забыл про персональное соперничество и создал партию «Либеральная Антанта», которая только что вновь возродилась после семи лет молчания.

Ферит — консерватор, несомненно, образованный, но консерватор, для которого десятилетнее пребывание юнионистов у власти — всего лишь чудовищное отклонение, подлежащее устранению: часы Ферита остановились в 1908 году.

Еще одна черта, характеризующая нового великого визиря: высокопоставленный чиновник, он был чужд касте военных.

Стамбул сразу почувствовал боевой настрой нового великого визиря.

Едва вступив в должность, Ферит-паша отправился к военным комендантам союзников.

Он обвинил юнионистов в ответственности за вступление империи в войну.

Как и султан, заявивший в печати, что «война — результат политики горстки преступников, вовлекших Турцию в конфликт без всякой на то внутренней необходимости», Ферит, искусный интриган, предупредил, что готов удовлетворить все требования союзников, и объявил о предстоящем аресте ведущих юнионистов, ответственных за произошедшее.

Доказательства не заставили себя ждать.

Через сорок восемь часов турецкие власти арестовали двадцать два юниониста.

Бывший великий визирь, четыре бывших министра, депутаты и журналисты были брошены в тюрьму.

В определенной степени Ферит продолжил тактику своего предшественника, создавшего специальные военные трибуналы для суда над Энвером и Джемалем, начавшего первые аресты и благословившего первые приговоры.

Но Ферит пошел гораздо дальше.

Он не протестовал против депортации на Мальту одного из генералов, арестованных англичанами, обвинившими его в нарушении перемирия.

И именно он увеличил число судов над юнионистами.

Первый приговор к смертной казни был вынесен 8 апреля, и через день бывший губернатор Ёзгата был казнен.

Его похороны превратились в крупную манифестацию.

Вокруг гроба — многочисленные венки «невинной жертве нации» и «невинному мусульманскому мученику», над могилой один из студентов произносит пламенную речь.

— За того, — вопрошал он, — кто покоится здесь, отомстит герой Кемаль-бей. Англичан уже выпроводили из Одессы, мы их изгоним из Стамбула. Чего вы ждете?

Эти события не остановили Ферит-пашу.

Участились случаи расхищения государственных средств и нелегальной депортации армян.

В июле Энвер, Талаат и Джемаль были заочно приговорены к смертной казни.

Кавит избежит казни, но будет приговорен к пятнадцати годам каторжных работ.

Круг друзей Кемаля сужался.

Одним из первых был арестован Канболат.

Фетхи, несмотря на заверения на самом высоком уровне, тоже был брошен в тюрьму.

Такая же судьба постигла Юнуса Нади, утонченного, интеллигентного, блестящего журналиста и политика.

Депутат от юнионистов, идейно близкий партии «Ренессанс» Фетхи, он основал в сентябре 1918 года газету «Новый день».

Кемаль остался на свободе.

Более чем когда-либо убежденный в своем великом призвании возродить страну из пепла Кемаль не смирился с поражением и был намерен продолжать борьбу.

Только теперь он уже не собирался бросаться в бой с открытым забралом и внимательно наблюдал за развитием событий.

После разгона парламента сменившая младотурок «Свобода и согласие» самым жестоким образом разбиралась со своими врагами.

Для суда над военными преступниками был создан специальный военный трибунал, и в ссылку отправились такие известные на всю страну личности, как Кара Кемаль, Исмаил Джанбулат и приятель Кемаля доктор Тевфик Рюштю.

Вместе с другими лидерами «Единения и прогресса» оказался за решеткой и Али Фетхи.

А затем начались казни.

К великому счастью для Кемаля, его не тронули.

Вражда с Энвером сыграла свою роль, и желающих плести козни против султанского фахри явера, только за одну неделю трижды посетившего своего владыку, не нашлось.

Просто так во дворец не ходили!

Да и кто знает, о чем они говорили там с глазу на глаз?

Но весьма вероятно и то, что, помимо личной симпатии Вахидеддина к его «старинному знакомому», желавшие отделаться от него люди слишком хорошо знали о глухом брожении среди недовольных проводимой правительством политикой непротивления военных и не хотели лишний раз провоцировать их на выступление.

Как бы там ни было, а большинство командных постов в армии оставалось в руках близких к Кемалю и патриотически настроенных офицеров.

Не было оснований подозревать в чем-то предосудительном зачастившего во дворец генерала и у правивших в столице бал англичан.

Бил их на Галлиполийском полуострове?

Так на то она и война, чтобы бить друг друга!

Выпрашивает у султана себе место под солнцем?

Так и это понятно, на то и генерал!

А вот сам Кемаль встречами со своим «добрым старым знакомым» был разочарован!

Султан с превеликим удовольствием слушал его страстные уверения в личной преданности, но стоило ему только заговорить о своей готовности послужить престолу, как владыку словно подменяли и он начинал смотреть на него непонимающими глазами.

И служение родине на посту военного министра, на что в глубине души надеялся Кемаль, снова откладывалось на неопределенный срок.

Но Кемаль не отчаивался.

Военное ведомство возглавлял Февзи, и с его помощью он намеревался превратить генеральный штаб в центр сопротивления.

Благо, что многие работавшие в нем высшие офицеры

относились к нему с уважением.

Да и не только в уважении было дело.

Как и Кемалю, им не нравились ни качавшиеся на крутой босфорской волне иностранные миноносцы и крейсера, ни командовавший ими английский генерал, ни унизительное положение поставленной на колени страны.

Обнаглевшие Союзники и не думали скрывать своего желания полностью подчинить себе Турцию, и военный комендант Стамбула адмирал Калтроп с генеральской прямотой заявлял:

— Ни один турок не заслуживает хорошего к себе отношения!

А раз так, то незачем соблюдать и какие-то там условия перемирия и надо хватать все, что только попадется под руку.

И хватали!

Сразу же после подписания перемирия Франция, Великобритания и Италия приступили к оккупации важнейших военно-стратегических районов бывшей Османской империи.

Уже 13 ноября союзные войска Великобритании, Франции, Италии, а через некоторое время и США вошли в бухту Золотой Рог, высадили десанты в Стамбуле и заняли укреплённые районы Черноморских проливов, появились в турецких портах Средиземного и Чёрного морей.

В Месопотамии, ссылаясь на необходимость обеспечить безопасность коммуникаций своих войск, английские войска 3 ноября взяли под свой контроль нефтяной район Мосула.

Затем они заняли важный порт на Средиземном море — Александретту, оккупировали Антеп, Мараш, Урфу, Эскишехир, Афьон-Карахисар, Кютахья и установили контроль над Анатолийско-Багдадской железной дорогой и черноморскими портами.

В марте 1919 года английские десантные отряды высадились в Самсуне и Трабзоне.

Специальные военные подразделения были направлены в Мерзифон и Анкару.

Французы оккупировали Мерсин, Аданскую область и каменноугольный район Зонгулдака.

В тот же период Италия высадила свои десантные войска в Анталье, Кушадасы, а затем оккупировала Конью, Испарту, Бодрум, Мармарис.

К началу 1919 года численность оккупационных войск союзников в Анатолии и во Фракии достигла 107 тысяч человек.

Почувствовавшие стоявшую за ними силу армяне и греки все выше поднимали голову.

В итоге мировой империалистической войны 1914–1918 гг.

Турция потеряла до 66 % площади и до 33 % населения.

За участие в империалистической войне на стороне Антанты Греция на основании ст. 7 Мудросского перемирия (где отмечается право Антанты оккупировать стратегические пункты Турции), была «награждена» державами-«покровительницами» районом Измира.

Впрочем, у Греции, которая вынашивала идею восстановления Византийской империи, были далеко идущие планы.

Об этом заговорили с момента возникновения греческого государства в 1830 году.

Греческими политиками было сделано несколько выступлений по проблеме «исторической неизбежности расширения Греческого Королевства».

— Есть два великих центра эллинизма, — говорил в 1844 году видный греческий политик Иоаннис Коллетис. — Афины являются столицей Королевства. Константинополь является городом мечты и надежды всех греков.

По плану греческого премьер-министра Элефтериоса Венизелоса предполагалось создание «Великой Греции», которая будет включать в себя Ионию, Фракию, Кипр, запад Малой Азии, Понт на Чёрном море и земли Македонии и Болгарии.

Ничего хорошего Кемаль не ждал и от начавшейся в январе Парижской мирной конференции, на которой Запад собирался окончательно разобраться с наследством Османской империи.

Не было у Кемаля никаких надежд и на уехавшего в столицу якобы защищать интересы Турции у великого везиря Дамада Ферит-пашу.

Да и что мог сделать этот состоявший на жалованье у англичан чиновник, если в стальных сейфах министерств иностранных дел многих стран давно уже хранились планы расчленения Турции.

А чего стоило желание Запада создать на ее территории армянское и греческое государства.

Да что там говорить, если самого султана собирались изгнать из Стамбула и образовать там особую зону с константинопольским правительством.

И все же Союзники не учли самого главного.

Побежденная, но отнюдь не покоренная страна состояла не только из послушного султана и его окружения, и царившие на занятых Союзниками землях произвол и насилие вызывали законное возмущение турецкого народа.

Угол отражения оказался равным углу падения, и

образованные еще в годы войны партизанские отряды уже начали ожесточенную борьбу против захватчиков.

Особенно напряженная обстановка сложилась в Измире, где намеревались высадиться грческие войска.

С декабря 1918 года начальник Генерального штаба французского флота отмечал, что «многовековая ненависть греков к туркам не знает в настоящее время никаких границ» и «греческая пресса ищет любой повод, чтобы создать инцидент, который повлек бы за собой оккупацию».

В ответ на брошюры, изданные греками, турки опубликовали большое количество мемуаров, телеграмм и научных трудов, оспаривают панэллинскую статистику, противопоставляя ей свою.

«Османская империя, — писали они, — была вынуждена вступить в войну против либеральных наций под давлением интриг иностранной дипломатии, имеющей виды на Ближний Восток, а также стала жертвой как ошибок, так и преступлений правящей верхушки».

С другой стороны, сторонники юнионистов готовятся к вооруженному сопротивлению.

В середине марта состоялся конгресс, объединивший примерно три сотни военных, местных чиновников и политиков-юнионистов, чтобы подтвердить, что «если, к несчастью, Измир оккупируют греки, то турки, послушные воле Аллаха, не покорятся и вспыхнет кровопролитие».

Более того, участники конгресса создали «Общество отказа от аннексии».

На следующий день после конгресса французский консул Измира сообщает о том, что турки покидают город, создают партизанские отряды и раздают оружие, подготавливаясь к высадке греческой армии.

Интервенция и намечавшийся раздел Турции привели в движение турецкую буржуазию, которая создавала по всей стране общества защиты национальных прав.

Помещики, торговцы, купцы, служащие, служители культа, крестьяне и даже откровенные бандиты, — все брались за спрятанное военными от Союзников оружие.

И по мере того как Союзники с присущей им наглостью продолжали захватывать все новые территории, ширилась и борьба за свободу.

Создаваемые по всей стране общества являли собой довольно грозную силу, но вся их беда заключалась в полнейшей оторванности друг от друга.

И свести все эти отряды и общества в единое целое на первых этапах борьбы за Независимость не представлялось возможным.

Да и не было пока среди их руководителей той фигуры, которая смогла бы взять на себя эту непосильную для обычного человека задачу.

Давно изсестно, что нет худа без добра, и вражда Кемаля с Энвером в известной степени служила ему охранной грамотой.

Правда, оставалась его «дружба» с Джемалем и другими видными с юнионистами.

Но Кемаль не скрывал этого.

Когда во время одного из светских приемов пастор Фреу, пресвитерианский священник, сотрудничающий с английской комендатурой, предложил Кемалю «осудить преступления юнионистов», он резко ответил:

— Возможно, юнионисты совершили множество ошибок, но их патриотизм не подлежит сомнению!

Если кто-то еще сомневался в том, что генерал представлял собой реальную опасность, то статья, опубликованная 20 марта в третьем номере «Большого обозрения» и подписанная «M. Z.», должна была развеять последние иллюзии.

Статья под названием «Мустафа Кемаль-паша» посвящена незаурядным личностям.

Процитировав Фоша и Гинденбурга, анонимный автор утверждает, что каждая страна отождествляется с национальным героем и что слава победителей признается всей нацией.

Закончив социологический экскурс, автор переходит к своему герою, Кемалю, и напоминает о его роли и роли начальника Генерального штаба генерала Джевата в кампании при Дарданеллах, «одной из наиболее славных страниц османской истории».

Эта часть статьи избежала цензуры.

Кемаль был представлен автором как «молодой, героический и стойкий» командир, а затем следует поистине мессианский финал: «Молодежь не должна забывать имя Мустафы Кемаля, одного из наших спасителей».

В оккупированном союзниками Стамбуле, будущее которого оставалось неясным, подобная статья не могла остаться незамеченной.

Ее заметили и арестовали ответственного за публикацию этой статьи Зию Гёкальпа, главного редакторе «Большого обозрения».

Это был тот самый Гёкальп, которым так в свое время восхищался Кемаль.

Ярый поклонник французской школы социологии, последователь Эмиля Дюркгейма, первый профессор социологии

в университете Стамбула (1915), Гёкальп — один из ведущих мыслителей-националистов движения «Единение и прогресс».

Турецкий центр, модернистские реформы, проводимые этим движением, иллюзия пантуранизма многим обязаны этому человеку, пережившему в юности все муки интеллектуального османского реформиста и националиста.

Неизменный член Центрального комитета «Единение и прогресс» с 1908 года, Гёкальп стал подлинным крестным отцом этого реформистского движения.

Обзоры, за которые он был прямо или косвенно ответствен — «Новое обозрение», где публиковалось интервью Кемаля о Дарданеллах, «Обозрение факультета литературы», «Обозрение политической экономики», — а также деятельность таких его коллег и учеников, как литератор и педагог Халиде Эдип или журналист и будущий биограф Ататюрка Фалих Рыфкы, обеспечивали ему значительное влияние.

Вся беда была только в том, что дальше всего этого словословия, дело не шло, воз оставался на прежнем месте.

Никто из сильных мира сего по-прежнему не интересовался Кемалем.

Как потом признавался сам Кемаль, это было самое тяжелое время в его жизни.

Даже на Дарданеллах, уверял он друзей, ему было легче.

Неопределнность давила хуже английских крейсеров и их пушек.

И все же рук он не опустил.

Нисколько не сомневаясь в том, что основные события развернутся в уже горевшей в огне восстаний Анатолии, Кемаль сплотил вокруг себя националистически настроенных офицеров.

Бывший морской министр Рауф, приехавший в Стамбул лечиться от малярии, командир корпуса Али Фуад, начальник жандармерии полковник Рефет и командир расквартированного в Эрзуруме Пятнадцатого корпуса Кязым Карабекир — все они были частыми гостями в его скромном жилище в Шишли.

Вхож был к нему и его бывший начальник штаба полковник Исмет, поначалу слабо веривший в возможность серьезной борьбы с Союзниками.

Офицеры прекрасно знали друг друга, а посему говорили откровенно.

Как наиболее заслуженный из всех, Кемаль сразу повел себя так, словно все эти известные и имевшие в армии вес командиры были обязаны подчиняться ему.

И все же полной уверенности в них у него не было.

Да и откуда ей было взяться, этой уверенности, если, в отличие от того же Карабекира, он все еще не имел никакой высокой должности, которая позволила бы ему влиять на происходящие события.

Слушая своих друзей, он постоянно раздумывал над тем, как поведут они себя в Анатолии, где тот же Карабекир в одночасье превратится в полновластного хозяина.

Да и командир стоявшего в Анкаре корпуса Али Фуад тоже вряд ли отказался бы возглавить борьбу за Независимость.

И чтобы хоть как-то сравняться со своими друзьями, ему надо было получить высокий военный пост.

Иначе о роли общенационального лидера ему придется позабыть навсегда.

Ему придется ехать в Анатолию в качестве частного лица, а это была уже совсем другая песня.

И вряд ли тот же Карабекир потерпит его первенство, явись он к нему в подобной ипостаси.

Особенно тяжело ему стало после того отъезда Карабекира и Али Фуада к войскам.

Неопределенность, к которой примешивался страх снова остаться не у дел, действовала угнетающе.

Предложений из дворца так и не последовало, и было похоже на то, что его «старый друг» навсегда забыл о своем верном фахри явере! Кемаль был в отчаянии.

Еще немного — и полный решимости отстоять от посягательства армян восточные провинции Карабекир возглавит борьбу за Независимость, и все его устремления и мечты уйдут так, как уходила вода сквозь песок в сирийских пустынях.

Как признавался позже сам Кемаль, даже на Дарданеллах он не тратил столько нервной энергии, сколько потерял ее за эти несколько месяцев своего пребывания в снова не принявшей его столице.

И как некогда в Софии, он решил отправиться в полыхавшую огнем восстаний Анатолию без высочайшего на то соизволения.

Но когда уже совсем отчаявшийся Кемаль принялся собирать чемоданы, случилось то, что рано или поздно случалось в судьбах многих великих, и судьба дала ему тот самый шанс, который и делал Александра Великого Великим, а Наполеона Наполеоном.

И этот шанс ему дал родственник Али Фуада, один из лидеров «Либеральной Антанты» и министр внутренних дел Мехмет Али, с которым Али Фуад познакомил Кемаля накануне своего отъезда из Стамбула.

И это знакомство сыграло решающую роль не только в судьбе

самого Кемаля, но и будущего Турции.

А все дело было в том, что атмосфера в стране продолжала накаляться.

Через несколько дней после прибытия в Стамбул французский военный комендант Дефранс сообщал в Париж о той поразивших его нервозности и беспокойстве турок.

Он объяснял их «неопределенностью ситуации».

Особенно его волновало то, что в руках у мусульман осталось слишком много оружия, на применение которого их провоцировали своими неблаговидным поведением греки.

14 апреля Дефранс отправил новое тревожное предупреждение, в котором предупреждал о возможной нешативной реакции населения на известия условий мирного договора.

Военный комендант предупреждал о том, что османское правительство не в состоянии поддерживать общественный порядок, что армия может действовать заодно с населением и что сил жандармерии явно недостаточно.

«В том случае, если халиф покинет Константинополь, а Измир будет передан иностранной державе, — предупреждал Дефранс, — возможно вооруженное восстание и резня».

Во второй половине апреля, координатора сил жандармерии. полковника Фулон

Фулон отмечал сравнительно спокойную обстановку в двадцати двух вилайетах.

«Относительно спокойная» означала разбойные нападения.

Однако в Стамбуле, Эдирне, Конье и особенно в Самсуне обстановка была намного сложней.

Этот порт на Черном море наряду с Трабзоном был одним из центров особой напряженности.

В этом регионе на северо-востоке Анатолии греки намеревались создать независимое государство от Синопа до Ризе, протяженностью около двухсот километров.

Греки хотели восстановить историческую справедливость, Трабзон снова сделать Трапезундом, столицей греческой области, созданной византийскими императорами как часть их империи и независимой от османов до 1461 года.

Как и в Измире, сторонники этой идеи напоминали о той роли, которую сыграли малоазийские греки (румы) в развитии региона.

Именно они превратили Самсун в «великий порт будущего».

Да и православных цекрвей в провинции Трабзон хватало.

Для поддержки своих требований греки создали ассоциацию, в которую могли вступить все достигшие восемнадцати лет, а

также тайную революционную армию, насчитывающую до четырех тысяч бойцов.

Местные православные авторитеты настолько горячо поддержали этот проект, что Калторп был вынужден потребовать у патриарха высылки митрополита Самсуна, который, как отмечали англичане, «никоим образом не соответствовал идеальной личности».

Но отъезд митрополита ничего не изменил, и его преемник продолжал ту же политику.

В своем отчете Фулон сообщал, что столкновения между турками, армянами и греками происходят почти ежедневно, а местные власти «не препятствуют этому, чтобы спровоцировать оккупацию союзниками».

В итоге командование постоянно требовало подкрепления, без которого не может быть обеспечена безопасность.

Военный комендант требовал у османского правительства принять меры по обеспечению общественного порядка в Анатолии и, в частности, в регионе Самсуна.

Глава XIX

Во второй половине апреля, координатор сил жандармерии, полковника Фулон отмечал сравнительно спокойную обстановку в двадцати двух вилайетах.

Определение «относительно спокойная» в данном контексте означало бесконечные разбойные нападения, поджоги и убийства.

В Стамбуле, Эдирне, Конье и особенно в Самсуне обстановка была еще сложней.

Этот порт на Черном море наряду с Трабзоном был одним из центров особой напряженности.

В этом регионе на северо-востоке Анатолии греки намеревались создать независимое государство от Синопа до Ризе, протяженностью около двухсот километров.

Греки хотели восстановить историческую справедливость, Трабзон снова сделать Трапезундом, столицей греческой области, созданной византийскими императорами как часть их империи и независимой от османов до 1461 года.

Как и в Измире, сторонники этой идеи напоминали о той роли, которую сыграли малоазийские греки (румы) в развитии региона.

Именно они превратили Самсун в «великий порт будущего».

Да и православных цекрвей в провинции Трабзон хватало.

Для поддержки своих требований греки создали ассоциацию, в которую могли вступить все достигшие восемнадцати лет, а также тайную революционную армию, насчитывающую до четырех тысяч бойцов.

Местные православные авторитеты настолько горячо поддержали этот проект, что Калторп был вынужден потребовать у патриарха высылки митрополита Самсуна, который, как отмечали англичане, «никоим образом не соответствовал идеальной личности».

Но отъезд митрополита ничего не изменил, и его преемник продолжал ту же политику.

В своем отчете Фулон сообщал, что столкновения между турками, армянами и греками происходят почти ежедневно, а местные власти «не препятствуют этому, чтобы спровоцировать оккупацию союзниками».

Основной движущей силой движения народного сопротивления было крестьянство.

Вначале выступления крестьян носили стихийный характер и выражали, по сути дела, протест против феодально-помещичьего гнета.

В ряде случаев в конце 1918 и в начале 1919 г. крестьяне-партизаны вели вооруженную борьбу с жандармами, видя в них своих непосредственных и ближайших врагов.

Но вторжение чужеземных войск переключило эту борьбу в национальное русло.

Оккупация важнейших районов страны принесла крестьянству новые тяготы, произвол и насилия иностранных захватчиков.

Множество крестьян, находивших ранее заработок в Стамбуле, Измире и т. д., лишились, в связи с войной и оккупацией, и этого источника существования.

Оккупация Измира греками тяжело отразилась на окрестном турецком крестьянстве.

Возникла угроза полной потери земли, а быть может, и самой жизни.

И прежде в Анатолии существовала глубокая греко-турецкая рознь.

Она усиливалась тем, что, благодаря «капитуляциям» и иностранному покровительству, греческая буржуазия пользовалась особыми привилегиями в Оттоманской империи.

К тому же в Измирском районе было немало греков-помещиков, владевших обширными землями и подвергавших турецких крестьян жестокой эксплуатации.

Рабочий класс Турции был слишком малочислен и политически слаб, чтобы стать гегемоном движения.

Главные промышленные центры с более или менее компактными массами рабочего класса, как Стамбул, Измир, Адана, были оккупированы в самом начале национальной революции и потому не могли активно участвовать в национальной борьбе.

Ввиду этого крестьянские стихийные выступления, при отсутствии руководства со стороны передового класса, не приобрели характера аграрной революции, и крестьянство, быстро переключившись в русло национальной борьбы с чужеземными захватчиками, не сумело в ходе этой борьбы осуществить и даже выдвинуть свои непосредственные классовые требования.

В результате национально-освободительное движение возглавила анатолийская буржуазия, выступившая в качестве представительницы общенациональных интересов.

Окрепшая за годы мировой войны, эта буржуазия приобрела серьезную политическую силу.

Отторжение развитых в хозяйственном отношении районов — Стамбула, Измира, Киликии и других — не могло не вызвать ее

решительного сопротивления.

Анатолийская буржуазия видела перед собою реальную угрозу не только утраты этих районов, но и гибели всего турецкого государства.

Буржуазные национальные организации стали возникать после Мудросского перемирия одновременно в разных пунктах страны.

Они носили различные наименования: «против аннексии», «национальный конгресс», всевозможные «лиги», «комитеты», «союзы», но чаще всего встречалось название «общество защиты прав» того или иного района, вначале национальные организации носили весьма умеренный характер.

Турецкая буржуазия, особенно крупная, еще надеялась на султана.

Так, например, в Стамбуле национальные организации занимались преимущественно публикацией статей о правах турок на турецкие земли, посылали обращения представителям держав Антанты, ходатайствовали перед султаном о созыве парламента и т. д.

Ряд стамбульских деятелей, представлявших интересы компрадорской буржуазии, стоял за принятие американского мандата над Турцией.

Даже анатолийские национально-буржуазные организации, настроенные более радикально, чем стамбульские, тоже не сразу примкнули к вооруженной борьбе крестьян.

Некоторое время анатолийская буржуазия присматривалась, выжидая того момента, когда определится размах движения.

Возглавив национальную революцию, анатолийская буржуазия смогла ограничить ее рамками антиимпериалистической борьбы и воспрепятствовать ее переходу на высший этап.

Проводником идей анатолийской буржуазии и организатором движения была турецкая патриотическая интеллигенция, преимущественно ее военные слои.

До настоящей войны дело еще не дошло, но всем было понятно, что она, если события будут и дальше развиваться в подобном направлении, не за горами.

Именно поэтому командование постоянно требовало подкрепления, без которого не может быть обеспечена безопасность.

И султан, и военный министр прекрасно понимали, что Конечно, наведением порядка в Анатолии должен был заниматься хорошо зарекомендовавший себя человек.

Но найти такого оказалось не так-то просто.

Никто из высокопоставленных генералов не испытывал никакого желания ехать в горячую Анатолию, да еще с полицейскими функциями.

Никому не хотелось менять роскошные виллы на берегу Босфора на беспокойную жизнь карателя.

И вот тогда-то тот самый Мехмет Али, о котором мы уже упоминали, предложил великому визирю послать в Анатолию Кемаля.

А что?

Заслуженный и верный престолу генерал не раз заявлял о своем страстном желании послужить отечеству, вот пусть теперь и служит!

Великий визир вспомнил о походах Кемаля к султану и согласился.

Никакой симпатии антиюнионист Ферит-паша к генералу не испытывал, их отношения исключительно профессиональные.

Но Дамат признавал военные заслуги Кемаля, а, если называть вещи своими именами, то никакой другой кандидатуры у него не было.

Одно дело рассуждать в военном министерстве, и совсем другое делать дело в столь сложной обстановке, какая сложилась в Восточной Анатолии.

Особенно, если учесть, что от этого дела зависела и судьба самого великиого визиря.

Именно поэтому великий визирь и решил назначить военного инспектора, ответственного за обеспечение общественного порядка в восточных провинциях.

Кандидатура Кемаля в военном отношении была безупречна.

Да, человек он вспыльчивый и амбициозный, но его преданность султану не вызывала сомнений.

А его удаление из столицы даже было удобно для тех, кто опасался популярности энергичного генерала.

Со стороны союзников тоже не было возражений.

Итальянцы приветствовали назначение генерала, к которому они относились благосклонно.

Более удивительно отношение французов и англичан; ведь и те и другие располагали необходимой информацией и могли составить представление о личности Кемаля.

Их сведения, поставляемые разведслужбами, становились всё более и более конкретными и вызывающими беспокойство.

Судите сами!

8 октября 1918 года французская разведка составила биографическую справку о генерале: «Блестяще проявил себя при

Дарданеллах; был назначен в Сирию и на Кавказ; известно его неприязненное отношение к немцам».

Через несколько недель французы получат возможность непосредственно познакомиться с пашой: в салоне «Пера Паласа» корреспондент газеты «Тан» встречает «мужчину с несколько асимметричным взглядом и каракулевой папахой на голове».

Турок мрачен и молчалив, но взгляд его таков, что корреспондент не может избавиться от ощущения, что перед ним «или безумец, или гений».

Наконец, 15 апреля в донесении французских спецслужб называют Кемаля, «участника сражений при Дарданеллах, завоевавшего огромный авторитет», одним из руководителей наряду с полковником Кязымом, шурином и адъютантом Энвер-паши, организации «Мессаи» («Усилие»).

Затем автор донесения поясняет: «Юнионисты создали организацию, пропагандирующую доктрины большевиков, адаптированные к исламу.

Эта организация обращается к национальным чувствам турок, пытаясь поднять их против иностранцев.

Затягивание принятия решений Парижской мирной конференцией благоприятствовало подготовке сопротивления.

Эта организация намерена вернуть к власти „Единение и прогресс“, единственную подлинно национальную турецкую партию».

В организацию привлекаются «представители низших слоев населения, но и турецкая молодежь с готовностью вступает в ее ряды».

Союз большевизма и ислама — это мечта левых юнионистов и высшая угроза для оккупантов.

Если донесение от 15 апреля 1919 года подлинное — известно, что Кемаль поддерживал связь с «Караколом», вступающим в контакты с большевиками, — это значит, что французы не возражали против назначения генерала, считающегося одним из лидеров опасного движения.

Существует другое свидетельство, также неопубликованное, позволяющее даже предполагать связи между Кемалем и французами.

За десять дней до отъезда Кемаля Эмин-бей отпускает прислугу на один день: в его квартире должна произойти тайная встреча его старого друга Кемаля и французского офицера.

Дверь им откроет Кораль, внучка Эмина, и спустя семьдесят лет она всё еще помнит, какое впечатление произвел на нее мужчина со светлыми волосами, в черной накидке — Кемаль.

— Он не был высоким, — вспоминала она, — но производил

впечатление сильной личности.

Вероятно, мы никогда не узнаем, кто был французский собеседник Кемаля.

Так же загадочно и поведение англичан: они тоже были, по всей вероятности, хорошо информированы.

Их разведка поместила Кемаля в список неблагонадежных, за которыми следует установить слежку.

Амстронг, автор биографии паши, работавший тогда в Стамбуле, написал, что англичане планировали депортировать Кемаля на Мальту.

Тем не менее, удивительно, что они никак не реагировали на его назначение.

Что это?

Чья-то ошибка, желание удалить его из Стамбула или недостаточное доверие политиков разведслужбам?

Одним словом, военный комиссариат не воспрепятствовал его назначению в Самсун.

В своих мемуарах Эндрю Райан, помощник политического советника английского военного коменданта, находящийся на этом посту с 1899 года, признался: «Имя Мустафы Кемаля было мне неизвестно, когда дамат Ферит сообщил мне о проекте инспекции в Анатолии в апреле 1919 года».

Британский дипломат добавил: «Инстинктивно я стал сомневаться в проекте, изложенном Феритом.

Но он обнадежил меня, сообщив, что обедал с Мустафой Кемалем и получил все необходимые заверения в его лояльности, заверения офицера и джентльмена.

Я думаю, что Ферит был совершенно искренен».

А вот сам Кемаль не считал это лучшим вариантом для себя, и, если верить Хусейну Рауфу, то еще «в начале марта Кемаль-паша не был до конца уверен» в анатолийском варианте.

Кязым Карабекир накануне отъезда в Восточную Анатолию зашел к заболевшему Кемалю.

По его словам, он предложил Кемалю сформировать национальное правительство в Восточной Анатолии и агитировал его присоединиться к нему.

— Это идея, — якобы ответил больной без особого энтузиазма, — я приеду, когда выздоровлю,

Но хорошо известно и то, что Кемаль активно действовал в оккупированном Стамбуле.

Его квартиру посещали многие султанские чиновники и военачальники самого высокого ранга.

Они вели бесконечные беседы и споры, в которых

обсуждались способы сопротивления оккупантам.

Получив информацию о первых очагах сопротивления и оценив обстановку, Кемаль и его окружение приняли, как станет ясно позже, историческое решение — перебираться в Анатолию.

За два месяца работы на мирной конференции в Париже сложилась весьма странная атмосфера.

Она исполняла роль то ли трибунала, призванного судить Османскую империю за преступления против цивилизации, то ли посредника на торгах держав-победительниц.

При этом участники конференции даже не собирались выслушивать османскую делегацию.

Не было должного согласия и между победителями.

Требования греков, арабов, армян и других служили лишь предлогом для урегулирования разногласий между четырьмя великими державами.

Было принято единственное решение.

Армения, Сирия, Месопотамия и арабские области отделялись от Турции по причине «исторической неспособности турок управлять этими территориями и населением и жестокой расправы с армянами».

Умело используя искусство обольщения, греческий премьер Венизелос продемонстрировал завидный аппетит, замахнувшись на Фракию, острова у Анатолийского побережья, Кипр, провинции Измира, Айдына, Аданы и Трабзона и детуркизацию Стамбула.

Две армянские делегации, одна — из молодой республики Армения, а другая — от диаспоры, требовали создания великой Армении от Средиземного до Каспийского моря.

Более того, 28 мая 1919 года по случаю первой годовщины независимости парламент и правительство Первой республики объявили о присоединении к ней Турецкой Армении.

Фейсал потребовал отправить международную комиссию в Сирию, чтобы выяснить желание населения.

Он был убежден, что сирийцы потребуют присоединения к его арабскому королевству.

И уст американского президента Вильсона лились антиколониальные, проникнутые глубоким гуманизмом заявления, за которыми скрывалась исключительно материальная озабоченность.

После окончания боевых действий в Анатолию, на Кавказ, в Сирию и Ливан устремились многочисленные религиозные и светские американские миссии, располагающие значительными финансовыми возможностями.

Никто не оспаривает полезность их работы среди населения,

изгнанного с родной земли или подвергшегося жестокой расправе, как, например, армяне.

Но одновременно это позволило американцам соткать эффективную, но малозаметную сеть на Среднем Востоке.

Для чего?

Во время мировой войны они оценили стратегическую роль нефти и решили занять ответственные позиции на Среднем Востоке.

По отношению к Турции, с которой Вашингтон официально не состоял в войне, американцы заняли умеренную позицию, больше патерналистскую, чем репрессивную.

Полковник Хаус, главный советник Вильсона, даже склонялся в пользу американского мандата на Турцию.

Вильсон сдержанно отнесся к идее своего помощника, но считал разумным отправить в Сирию международную миссию, чего добивался Фейсал.

Как бедуин, он был уверен, что население подтвердит свои симпатии к Соединенным Штатам.

Лондон и Париж не хотели подобной миссии.

С середины марта итальянская делегация буквально осаждает конференцию, требуя Южный Тироль, Фиумс и юг Анатолии.

Чтобы нагляднее подтвердить свои претензии на Анатолию, Рим отправил военные корабли к Измиру.

5 мая итальянцы перешли к более решительным действиям и высадились на побережье Южной Анатолии.

К этому времени итальянская делегация в Париже отчаялась добиться успеха после антиитальянского коммюнике американского президента и решила покинуть конференцию.

Вильсон, узнав о высадке итальянцев, предложил конференции отправить в Измир американские корабли, так как «поведение создало угрозу для мира даже во время мирной конференции».

Ллойд Джордж, который хотел превратить Грецию в своего привилегированного партнера на Ближнем Востоке, соглашался с премьером Греции Венизелосом, предложившим отправить туда флот союзников.

Клемансо его поддержал.

По предложению Ллойда Джорджа было решено отправить две-три дивизии.

— Нужно ли предупреждать итальянцев? — спросил Клемансо.

— Я не считаю это целесообразным, — ответил Ллойд Джордж.

Закончив совещение, три мудреца сообщили Венизелосу о

том, что утром 14 мая флот союзников встанет на якорь у Измира и греческие войска высадятся вслед за французским подразделением.

С момента перемирия греки не жалели усилий, чтобы подготовить подобное решение.

Демонстрации, помощь, кампании в прессе — всё использовалось для того, чтобы удивить, а затем и шокировать союзников.

И вот теперь они получили желаемое.

С декабря 1918 года начальник Генерального штаба французского флота отмечал, что «многовековая ненависть греков к туркам не знает в настоящее время никаких границ» и «греческая пресса ищет любой повод, чтобы создать инцидент, который повлек бы за собой оккупацию».

Турки не остались равнодушными перед подобным натиском.

В ответ на брошюры, изданные греками, они публикуют большое количество мемуаров, телеграмм и научных трудов, оспаривают панэллинскую статистику.

Противопоставляя ей свою, они отказываются признать себя виновными в негуманности, заявляя, что «Османская империя была вынуждена вступить в войну против либеральных наций под давлением интриг иностранной дипломатии, имеющей виды на Ближний Восток, а также стала жертвой как ошибок, так и преступлений правящей верхушки».

С другой стороны, сторонники юнионистов готовятся к вооруженному сопротивлению.

Еще в середине марта 1919 года в Измире состоялся конгресс, объединивший примерно три сотни военных, местных чиновников и политиков-юнионистов, чтобы подтвердить, что «если, к несчастью, Измир оккупируют греки, то турки, послушные воле Аллаха, не покорятся и вспыхнет кровопролитие».

Участники конгресса создали «Общество отказа от аннексии».

На следующий день после конгресса французский консул Измира сообщил о том, что турки покидают город, создают партизанские отряды и раздают оружие, подготавливаясь к высадке греческой армии.

В то время начал активную работу один из лидеров будущего сопротивления Махмуд Джеляль.

Депутат, один из руководителей «Единения и прогресса» в Бурсе, а затем в Измире, Джеляль стоит особняком в галерее создателей современной Турции.

Он ни военный, ни государственный чиновник и не получил

высшего образования.

Бывший ученик французского коллежа Успения в Бурсе, служил в Сельскохозяйственном банке, а затем в Немецком восточном банке.

Как бы ни были скромны его должности в банке, они принесли ему знание финансовых и экономических проблем, что было редкостью среди турецких руководителей.

Перемирие застает его в Измире, где он становится одним из местных руководителей партии «Ренессанс» — кто утверждал об отсутствии каких-либо связей между «Единением и прогрессом» и партией «Ренессанс»?

Будущий последний премьер-министр Ататюрка и третий президент Турецкой Республики объяснит, что он слышал об отважном генерале по имени Кемаль и решил примкнуть к лагерю тех, кто «предпочитает родину унизительному миру».

Активный член «Общества отказа от аннексии», он осуждал всех, кто хотел защищать Измир с помощью выступлений и брошюр.

10 мая он выступил перед ста пятьюдесятью делегатами со всех концов Западной Анатолии, собравшимися в зале кинотеатра «Националь», и заявляет:

— Следует ясно понимать, что ни лекции, ни статьи не смогут защитить Измир, а только сила!

Он предложил создавать партизанские отряды.

Покинув Измир, он отправился в район Айдына и стал организатором партизанского движения.

В них он привлекал зейбеков, кочевников, традиционно располагающихся в регионе Измира и органически ненавидящих любую центральную власть.

Англичане, французы и американцы готовились к высадке.

12 мая они информировали об этом итальянцев.

Премьер-министру Италии Орландо объяснили, что в последнее время возросли волнения среди населения региона и для наведения порядка будет проведена интервенция, которая «нисколько не решает судьбу Измира в мирном соглашении».

Итальянец даже не пытался протестовать или делать вид, что он крайне удивлен.

Да и чему удивляться, если Рим узнал об этом десять дней назад и любезно поделился информацией с османским правительством.

3 мая адъютант Кемаля прибыл с этой новостью в Шишли.

Генерал не удивился.

— Месяц назад, — сказал он, — я сообщил о подобной возможности военному министру, а совсем недавно я беседовал с

человеком, очень близким к великому визирю.

Кемаль глубоко затянулся и, после того как огромное синее облако душистого дыма рассеялось, взглянул на почтительно взиравшего на него адъютанта.

— Эта окукупация будет началом новой эпохи…

В конце апреля 1919 года Кемаль обедал в Стамбуле с великим визирем, с которым он недавно познакомился сь в «Восточном круге», клубе «на британский манер», в Пера.

Конечно, Кемаль прекрасно понимал, что не симпатизировавший ему Ферит-паша пригласил его на обед не просто так.

Но то, что он услышал, превзошло все его ожидания.

Ему, собиравшемуся ехать в Анатолию частным порядокм, предлагали место инспектора расквартированной там Девятой армии!

Это казалось невероятным и, тем не менее, было правдой.

— С чего вы собираетесь начать вашу работу в регионе Самсуна? — спросил в конце обеда великий визир.

— Я считаю, — сказал Кемаль, — что серьезность ситуации в Самсуне была несколько преувеличена в донесениях англичан. Но выбрать оптимальные меры можно только после изучения ситуации на месте. Вы можете оставаться спокойным…

— А каковы территориальные границы вашей инспекции? — спросил Ферит.

— Пока я и сам не знаю, — пожал плечами генерал.

Джевад-паша, начальник Генерального штаба, присоединившийся к собеседникам, поспешил на помощь Кемалю.

— Регион не так важен, — заявил он. — Генерал будет командовать армией, находящейся там. Впрочем, что касается армии, то от нее мало что осталось…

Затем добавил, что в распоряжение Кемаля переходят 3-й и 9-й армейских корпуса, состоящие соответственно из двух и четырех дивизий под командованием Карабекира.

Более того, ему обязаны были подчиняться гражданские и военные власти вилайетов Самсуна, Трабзона, Эрзурума, Сиваса и Вана.

И, наконец, военные власти вилайетов Диярбакыра, Битлиса, Хлата, Анкары и Кастамону тоже будут находиться в его подчинении.

Таким образом, Кемаль становился властителем трети Анатолии.

Глава XX

Был ли Кемаль доволен, если, конечно, к нему подходит это слово?

Наверное, был и с большим энтузиазмом принялся за формирование своей команды, в которую включил двух врачей.

Он не очень хорошо себя чувствовал в последнее время.

Сказывались нервные перегрузки, увлечение спиртным и ночной образ жизни здоровья тоже не добавляли.

Вместе с ним в Анатолию ехал назначенный командиром Третьего корпуса в Сивасе полковник Рефет.

В помощники он взял воевавшего с ним на Дарданеллах и в Сирии полковника Кязыма и приятеля по военной школе подполковника Арифа.

Что же касается Рауфа, то он уже вышел в отставку и собирался принять участие в борьбе за Независимость в качестве гражданского лица.

Кемаль тщательно готовился к своей миссии.

С Джевадом, начальником Генерального штаба, он согласовал особый телеграфный шифр, подобрал двадцать офицеров для своего штаба и избавился от полковника Исмета.

Как он узнал, Исмет признался своему другу Карабекиру в том, что разуверился во всем и что ему лучше стать простым крестьянином.

— У меня нет денег, чтобы купить землю, и я не отдам ни свое оружие, ни мой мундир, — ответил ему Карабекир, которого только что назначили командующим 15-м армейским корпусом, одним из лучших в османской армии ьи который не было никаких причин для отчаяния, какое испытывал Исмет.

Кемаль попытался подбодрить Исмета и просил его оставаться в боевой готовности.

— Ты мне поможешь, — сказал он ему, — когда начнется настоящая работа!

Перед самым отъездом Кемаль имел долгую беседу с Февзи, назначенным инспектором Первой армии, и начальником генерального штаба Джеватом.

Генералы в один голос заявили о своей готовности сделать все возможное, чтобы оружие и снаряжение не попало в руки Союзников и шло партизанам.

Джеват дал ему личного шифровальщика, а Февзи сообщил, что уже организовал поставку оружия в Анатолию со стамбульских складов.

Если верить Юнусу Нади, сидевшему в тюрьме в одной

камере с Фетхи, то Кемаль сказал своему старому приятелю:

— Я отправляюсь в Анатолию, получив должность военного инспектора, наделенного широкими полномочиями. Я думаю, что нашел наиболее подходящий повод, чтобы поехать в Анатолию. Правительство и дворец совершенно пренебрегают мною…

Как видно из этих слов, в них все же больше досады и обиды на «правительство и дворец», нежели радости от полученной возможности развернуться по-настоящему.

Более того, подобная командировка напоминала собою обыкновенную ссылку, в которую Кемаля отправлял Энвер при первой возможности.

Что бы та не говорили о высокой миссии, Кемаль ехал в Анатолию для исполнения полицейских функций по усмирению бунтующего населения.

И то, что выбор пал на него, во многом объяснялось тем, что никто из высокопоставленных генералов не пожелал менять относительно спокойный по сравнению с Анатолией Стамбул на напряженную жизнь по ту сторону Босфора.

И как знать, что выбрал бы тогда Кемаль: место помощника военного министра, если ему его, конечно, предложили, или поездку в неспокойную Анатолию.

Тем более, что сама по себе поездка в Анатаолию даже с такими полномочиями отнюдь не означала того, что мятежного генерала там ждали с распростертыми объятиями.

Правда, чуть позже Фетхи говорил Нади:

— Кемаль сказал, что не вернется сюда, пока не урегулирует проблемы, и он абсолютно уверен, что сможет их урегулировать. Он проанализировал все возможности и нашел пути решения всех проблем. Он уже решил, что откажется от всех своих званий и должностей, чтобы встать во главе национального революционного движения, которое он создаст. Он хочет подчинить своему влиянию государства Антанты, Блистательную Порту, дворец и Стамбул. Он будет использовать всё возможное, чтобы избежать расчленения страны…

Из всего сказанного Фетхи содается впечатление, что Кемаль ехал в Анатолию с уже готовым планом.

Особенно удивляют его слова о том, что Кемаль уже «нашел пути решения всех проблем».

Подобные заявления были свойственно скорее взрывному и непредсказуемому Энверу, нежели Кемалю.

Надо полагать, что Нади в своих опубликованных в 1955 году мемуарах просто пел Ататюрку диферамбы, которого в те годы превозносила вся нация.

А вот сам Али Фетхи в своих «Мемуарах», опубликованных

только в 1980 году, не сказал ни слова о каком-либо плане, разработанном Кемалем перед отъездом в Анатолию.

Как вспоминал Фетхи, 14 мая Кемаль посетил его в тюрьме.

— Не грусти! — сказал он, — Мы не собираемся оставаться в подобной ситуации и бросать родину в таком положении. Много раз в своей истории наша нация с успехом преодолевала подобные кризисы…

Так что не было никаких планов, ни тем более «решения всех проблем».

Было желание разобраться в обстановке и, по возможности, «не остаться в подобной ситуации».

Благо, что силы для этого у Кемаля были. А как он ими умел распоряжаться, мы уже видели.

Перед отъездом из Стамбула Кемаля принял султан.

Четырнадцать лет спустя президент Турецкой Республики графически изобразил знаменательную встречу.

Он начертил прямоугольник, изображающий салон, где проходила встреча, вверху нарисовал красный круг — это место, где сидел Вахидеддин; из окна султану открывался вид на гавань, где стоял флот союзников, угрожая его дворцу.

Перед красным кругом Кемаль поставит красную точку, а рядом с ней напишет «moi»(«я»).

Султан начал свою беседу с того, что показал Кемалю книгу истории страны, которую он только что завершил.

— Генерал, — сказал он, — вы уже многое сделали для страны. Ваши подвиги включены в эту книгу…

Кемаль почтительно поклонился.

— Но, — с некоторой торжественностью продолжал султан, — забудьте об этом! То, что предстоит вам сделать теперь, намного важнее, поскольку вы можете спасти страну!

Идея была ясна.

С то же долей торжественности Кемаль ответил:

— Я благодарен вам за вашу благосклонность и ваше доверие. Я заверяю вас, что успешно справлюсь с поручением!

Хотел того султан или нет, но он произнес пророческие слова, и не случайно его сторонники в один голос утверждали позже, что именно Вахидеддин благословил Мустафу Кемаля на спасение нации.

— Я, — ответил ему Кемаль, — взываю к всемогущей и высокой душе нашего великого Пророка за помощью и поддержкой, которые нам необходимы для того, чтобы обеспечить нашей стране счастливое будущее, полное процветания…

Кемаль покидал султана в радостном настроении.

Наконец-то пробил его час, и позже он скажет, что «сам Бог дал ему возможность и он дал обет не щадить своих сил до тех пор, пока не увидит свою нацию независимой, а родину освобожденной».

Несмотря на все основания стать безнадежным пессимистом, а многие его из-за постоянно хмурого вида таковым и считали, он им все же не стал и даже в самые тяжелые дни был преисполнен веры в будущее.

И не случайно на своем портрете, подаренном им молодому журналисту Рюшену Эшрефу весной 1919 года, он написал:

«Несмотря ни на что, мы идем к светлой заре/

Сила, питающая во мне эту уверенность, проистекает не только из моей беспредельной любви к дорогой отчизне и нации, но также из того, что среди сегодняшнего мрака и безнравственности я вижу молодежь, которая с чистой любовью к родине стремится искать правду и излучать свет…»

На прощанье Вахидеддин подарил Кемалю золотые часы со своей монограммой.

Больше они не увидятся никогда.

В решающую минуту Кемаль забудет о своей дружбе, и Вахидеддин станет последним османским султаном…

15 мая 1919 года армада английских, французских и американских кораблей бросила якорь в Измире и на берег высадилось более двенадцати тысяч греческих солдат, с несказанной радостью встреченные греческим населением, высадился в Измире.

Английские, французские и американские корабли прикрывали два греческих кирасира.

Английский командующий флотилией передал властям Измира две ноты: первая информировала их о том, что форты города оккупированы в соответствии с седьмой статьей перемирия.

Вторая сообщала, что проведение операции союзники доверили греческой армии.

Союзники предполагали простую полицейскую операцию под контролем своего флота.

Она стала на самом деле настоящим крестовым походом греческих войск, встреченных с ликованием греческим населением.

В середине дня, когда греки проходили мимо турецких казарм, раздался выстрел.

Сфорца и другие представители власти, неприязненно относящиеся к грекам, обвиняют в этом греческого провокатора,

но турки приписывают его турецкому журналисту Хасану Ташину:

«Турки не мертвы, они живы… и они не отдадут этот город грекам».

Выстрел послужил сигналом к перестрелке, а затем и кровавой бойне.

Триста убитых турок, по подсчетам одного из французских офицеров.

Греческий огонь захлестнул Измир; выйдя за пределы Измира, греческие войска продолжали убийства, поджоги, грабежи и насилие.

Целый день в городе звонили колокола, священники осеняли крестом и целовали сошедших на берег солдат, а христианское население города на коленях приветствовало освободителей.

Несмотря на приказ военного коменданта города не оказывать сопротивления, кто-то убил греческого знаменосца, и греки сразу же открыли огонь по мусульманам.

А потом началось то, что и должно было начаться: массовые погромы и зверские убийства.

Мусульмане не остались в долгу, и Измир сразу же превратился в кровоточащую рану.

Греки ввели военное положение, но мусульмане не думали смиряться, и знамя турецкого национализма поднималось все выше по всей округе.

И именно отсюда греческая армия начала свое продвижение вглубь Анатолии, продолжая зверствовать на всем пути.

Но в планы Англии пока не входили широкомасштабные действия, и уверенная в том, что игра мускулами произвела должное впечатление на турок, она остановила греков на так называемой линии Милна.

Только в середине июля союзники, слишком поздно осознавшие свою ошибку, создали Международную комиссию по расследованию событий, связанных с оккупацией Измира и его окрестностей греками.

Заключения комиссии, рассмотренные шесть месяцев спустя после этих событий, полностью осуждали и саму интервенцию, и поведение греческих войск.

Премьер-министр Греции Венизелос оказался тогда наибольшим реалистом, заявив, что «хотя оккупация Смирны не устанавливает, с юридической точки зрения, новое право в пользу Греции, в действительности создала новую ситуацию, которую нельзя игнорировать».

Но это будет позже, а пока Союзники справили в Париже греческий мандат на Измир и заставили высадившихся в Западной Анатолии итальянцев уйти южнее.

Правительство Италии попыталось протестовать, но на его возмущение никто не обратил ни малейшего внимания.

Ведь греческая армия, по образному выражению одного из турецких офицеров, была только перчаткой, за которой скрывался английский кулак!

В Стамбуле сообщение об оккупации Измира греками вызвало всеобщее уныние.

Был объявлен национальный траур на восемь дней.

На улицах женщины носили на платьях кусочек черной ткани со словами: «Измир — в нашем сердце».

Многие торговцы закрыли свои лавки, а войска были переведены на казарменное положение.

В знак протеста правительство подало в отставку.

Вскоре начались волнения среди населения.

Множатся митинги протеста; делегация студентов, принятая Дефрансом, заявила, что в стране начнется всеобщее восстание населения, которое предпочитает скорее умереть, чем «дать себя задушить, подобно овцам, маленькой нацией, чье отношение к нам давно известно».

Все политические партии от консерваторов до социалистов протестуют против союзников.

Наследный принц Абдул-Меджид обратился к президенту Французской Республики, умоляя не трогать территориальную целостность страны.

Об оккупации Измира Кемаль узнал в резиденции великого везиря, и, как позже рассказывал он сам, в ответ на отчаянное восклицание последнего:

— Что же нам делать? Ситуация самая критическая! — спокойно ответил:

— Быть твердыми и решительными! Сделайте все, что можете, здесь, а потом присоединяйтесь ко мне!

Последний визит Кемаль нанес полковнику Кара Васыфу, лидеру «Каракола», который станет представителем «анатолийцев» в Стамбуле.

Когда на следующий день Кемаль садился в машину, которая должна была отвезти его в порт, к нему подошел

Рауф.

«Он, — вспоминал позже сам Кемаль, — узнал из достоверного источника, что пароход, на котором я собирался ехать, подвергнется преследованию и что меня, может быть, потопят в Черном море, если еще раньше не арестуют в Стамбуле.

Я предпочел быть утопленным, нежели оставаться в

Стамбуле, и уехал».

Еще через час Кемаль со своими спутниками поднялся на борт уходившего в Самсун старенького пароходика «Бандырма».

Но прежде, чем пароход поднял якорь, генерала и его спутников обыскали.

— Болваны! — презрительно поморщился Кемаль, с нескрываемой брезгливостью наблюдая за рыскавшими по судну ищейками. — До них так и не дошло, что мы везем не контрабанду и оружие, а веру и решимость! Но они никогда не поймут этого, поскольку в трюмах невозможно спрятать ни стремление к независимости, ни желание сражаться!

Стоявший рядом Рефет невесело улыбнулся и, заметив вопросительный взгляд Кемаля, спросил:

— А если все-таки взорвут? Может быть, отложим поездку?

На какое-то мгновение Кемаль задумался, а потом покачал головой.

Да и какой смысл?

Если его хотят убить, то рано или поздно убьют, независимо от того, отправится он в Анатолию на «Бандырме» или пойдет туда пешком.

В своей знаменитой речи 1927 года, известной под названием «Нутук», Кемаль, вспоминая события с мая 1919 года до создания республики, так описал свое состояние во время отъезда из Стамбула:

«Было важно, чтобы вся нация поднялась против тех, кто был готов угрожать независимости Турции.

Бесспорно, нельзя было немедленно выступать с нашими требованиями в той обстановке. Напротив, было необходимо действовать поэтапно…

С самого начала я предвидел окончательный результат.

Но мы не должны были сразу раскрывать наши настроения и намерения.

Если бы мы это сделали, нас сочли бы мечтателями…»

Самые преданные сторонники Кемаля находят в этих словах убедительное доказательство его поразительного предвидения, его способности предвосхищать события: он сразу всё понял, всё предвидел, всё рассчитал.

Другие отмечают удачный подбор слов: каждое слово тщательно подобрано, каждая фраза составлена осторожно, чтобы создать должное впечатление — предвосхищение проекта и его детальную подготовку — без какого-либо риска обмана: «С самого начала я предвидел окончательный результат…»

Но что тогда называл Кемаль окончательным результатом?

Когда тяжело перевалившийся с бока на бок на свежей

черноморской волне пароход дал прощальный гудок и взял курс в открытое море, Кемаль еще долго стоял на корме и задумчиво смотрел на таявшую в туманной дымке столицу.

Ему было грустно.

Он надеялся обрести в столице власть и влияние, и в какой уже раз Стамбул не принял его, и при желании он и сейчас мог смотреть на свою куда более важную в общем-то только для него командировку как на очередную ссылку.

На борту «Бандырмы» находились Кемаль, его штаб и полковник Рефет, назначенный командующим 3-м корпусом.

Спутников ожидает различная судьба.

Полковники Рефет и Ариф отделятся от Кемаля,

Ариф будет повешен в 1926 году за участие в заговоре в Измире, майор Хюсрев останется с Кемалем и станет депутатом и послом, военный врач Рефик станет премьер-министром, когда президентом будет Исмет Инёню.

Другие сделают успешную карьеру в армии.

Кемаль не увидит Стамбула в течение восьми лет — до 1927 года.

Мог ли он предположить столь длительную разлуку со Стамбулом, плывя на «Бандырме» по Босфору к Черному морю?

Как любой генерал, Кемаль испытывал беспокойство, предшествующее сражению.

Но он покидал Стамбул счастливым и с легким сердцем.

Счастливым, потому что должность инспектора 9-й армии предоставляла ему полномочия, какими он еще никогда не был наделен; по иронии истории, он обязан подобной ситуацией своим противникам — либералам, бросившим в тюрьму его лучших друзей.

С легким сердцем, потому что удалялся от места, враждебного ему, где он был несчастным.

Космополитизм Стамбула, особенно обострившийся во время оккупации, удручал Кемаля.

Тяготившей его обстановке в Стамбуле он предпочитал военный лагерь и действие.

Однако Кемалю не стоило сожалеть о своем пребывании в течение шести месяцев на берегах Босфора.

Там он расстался с напрасными иллюзиями и повзрослел.

Исчезновение Энвера не решило всех его проблем.

Кемаль приобрел опыт политика и отказался от прежнего утверждения, что «политика разлагает армию».

Он понял, что политики и военные должны действовать вместе и, более того, что честолюбивый османский офицер едва ли может отказаться от политики.

Голосование за доверие Тевфик-паше, частые встречи с Али Фетхи, опыт издания «Минбер», встречи с Вахидеддином открыли Кемалю глаза на правила и тайны политической игры.

Кемаль глубоко затянулся.

Ветер гнал над головой тяжелые тучи, волнение становилось все сильнее, а горизонт затягивался мутной пеленой.

— Ничего, — покачал головой Кемаль, — я еще вернусь….

Книга третья
ЗЕМЛЯ ЭРТОГРУЛА

Я решил, во что бы то ни стало,
спасти свое отечество.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Глава I

Пароход тащился медленно, останавливаясь почти в каждом порту.

Море штормило, и всю дорогу Кемаль и его люди мучились от морской болезни.

В Синопе местный правитель пригласил погостить у него, но Кемаль, сославшись на нездоровье, отказался.

Он и на самом деле чувствовал себя неважно.

19 мая «Бандырма» бросила якорь в порту Самсуна, и Кемаль вступил на древнюю землю Анатолии.

Яркое весеннее солнце слепило глаза, шумело все еще неспокойное море.

Кемаль с интересом всматривался вдаль, где за поросшими соснами холмами лежала неведомая ему земля.

Где-то там много лет назад вождь небольшого племени Эртогрул помог сельджукскому султану в сражении с византийцами.

Получив от благодарного султана земельный надел, он сумел не только расширить его, но и, как гласила легенда, стать основателем Османской династии.

По губам Кемаля пробежала тонкая улыбка.

Что ж, теперь его очередь создавать новое государство!

И именно здесь, в Анатолии, где издавна складывалось основное ядро турецкой нации.

Выслушав приветственные речи, Кемаль отправился в местную гостиницу, и за ним двинулось несколько человек.

Кемаль усмехнулся.

Англичане!

Видно, так и не поверили ни в какие его инспекции.

Но зачем тогда выпустили?

Впрочем, это их заботы, а ему надо быть трижды осторожным.

Кемаль отправился в гостиницу, которая оказалась бедной и неуютной.

На повидавшем виды столе он увидел яркий английский календарь.

Кемаль достал из планшета красный карандаш и обвел в нем сегодняшнюю дату.

Затем подошел к окну и закурил сигарету.

Во дворе разгружали привезенную для штаба мебель, все было буднично, и никому даже в голову не приходило, что именно с этого весеннего дня в истории страны начинался новый отсчет времени.

Как видно, не всегда новое рождалось под звук фанфар и торжественное песнопение.

В какой уже раз за утро больно кольнула почка.

Кемаль поморщился.

Говоря откровенно, вместо Анатолии ему надо было отправиться в Карлсбад пить воды и гулять по горам.

Но об этом можно было только мечтать.

Однажды он уже уехал в Сирию и надолго сошел с политической сцены.

Впрочем, теперь, прошлое представлялось ему совсем в ином свете.

И по большому счету ему надо было благодарить отправившего его в ссылку чиновника.

Революции имели отвратительную привычку пожирать собственных детей.

Не стала исключением в этом ряду и младотурецкая, и ее лидеры дорого заплатили за свое участие в ней.

Он закурил новую сигарету и вздохнул.

Как бы ему не опоздать и на этот раз.

Союзники вели себя нагло и даже не думали соблюдать пункты Мудросского перемирия.

Уже 3 1918 года ноября английские войска оккупировали район Мосула.

10 ноября французские и английские военные корабли вошли в Новороссийск, англичане после девяти месяцев турецкой оккупации, в середине ноября они заняли Батум, потребовав от турецкого командования очищения к середине января русского Закавказья до границ 1914 года

В марте 1919 года англичане высадились в Самсуне и оккупировали Урфу.

27 ноября в Стамбул приехал со своим штабом командующий английской Черноморской армией, Джордж Мильн, назначенный по решению союзников командующим союзными армиями в Турции.

В том же ноябре первые оккупационные отряды и военные корабли Антанты и США прибыли в Стамбул, в проливы Босфор и Дарданеллы, появились в портах Средиземного и Чёрного морей.

Десятки тысяч интервентов с многочисленной военной техникой расположились на территории Турции.

Возникли зоны оккупации — французы установили контроль над Киликией, Мерсином, Аданой и Искендеруном, итальянцы обосновались в Антакье.

В апреле итальянский отряд оказался в Конье, в мае греки заняли Измир.

Верховным комиссаром был назначен британский адмирал Кальторп.

Султан Вахидеддин считал, что у Турции нет иного выхода, кроме сотрудничества с победителями, они сменявшие друг друга великие визири поддерживали тесные отношения с верховным комиссаром по всем вопросам, касавшимся управления остатками развалившейся империи.

То же самое происходило на местах — местные власти предпочитали сохранять мирные отношения с появившимися в их местности иностранными отрядами.

21 декабря 1918 года Вахидеддин под давлением оккупантов распустил парламент.

Все эти события стали побудительным мотивом к возникновению первых организаций сопротивления турецкого населения.

Чаще всего выступавших под названиями региональных обществ Защиты прав и антиоккупационных комитетов.

Руководителями таких организаций были представители торговцев, помещиков, гражданской и военной бюрократии, крестьянства и ремесленников.

С апреля в Эрзуруме находился герой Кавказа Кязым Карабекир, который был не прочь возглавить национальное движение, и 18 тысяч аскеров служили хорошим подспорьем его желанию.

Не уступал в честолюбии Карабекиру и Али Фуад, который уже начал объединять под своим началом разрозненные вооруженные отряды.

Да, в Стамбуле и Смышленый, и Али безоговорочно признавали его лидерство, но то было в Стамбуле, а вот как они поведут себя в Восточной Анатолии, где они чувствовали себя полными хозяевами, ему оставалось только догадываться.

Конечно, он обладал данной ему султаном властью, но он хорошо знал, как можно было тянуть с выполнением лоюбого приказа.

И все же было бы, наверное, несправедливо, если бы судьба и на этот раз оставила его ни с чем.

Да, оба его приятеля обладали многими достоинствами, и все же меч Эртогрула был слишком тяжел для них.

Не было у них ни широты взглядов, ни, что самое главное, той самой дерзости, рождавшейся в человеке от грандиозности поставленных им задач.

Дальше освобождения страны они не заглядывали, в то время как для него борьба с внешним врагом была отнюдь не целью, а только средством.

Целью было возведение на руинах Османской империи республики.

Мощной, свободной и независимой!

На меньшее не стоило и замахиваться.

И, по его глубочайшему убеждению, во всей стране был сейчас только один человек, способный эту республику построить: он сам!

Что для этого нужно?

Только одно!

Власть!

И не просто власть, а власть абсолютная, дававшая возможность поступать так, как он считал нужным.

Как получить ее?

Да очень просто!

Завоевать военный и политический авторитет в Анатолии, победить греков, а затем сбросить султана и заставить Запад не только считаться с созданной им новой Турцией, но и признать ее равной себе!

Кемаль усмехнулся.

Да, что там говорить, планы энверовские!

Но другого пути у него не было.

Но все это стратегия, а пока ему нужно было решать тактические задачи: как можно быстрее объединить боровшиеся с оккупантами разрозненные отряды и завоевать так необходимый ему для лидерства авторитет.

Конечно, сделать это было сложно, но все данные для этого у Кемаля были.

Положение осложнялось тем, что все это время ему придется вести двойную игру, с одной стороны изображая из себя верного адъютанта султана, а с другой — организатора массового сопротивления интервентам по всей Анатолии.

«Ситуация, — докладывал Кемаль военному министру, — оказалась гораздо хуже той, какую он ожидал увидеть.

Недовольство среди населения всё возрастало».

Он умолчал только о том, что, вместо того, чтобы подавлять его, он делал все возможное для того, чтобы оно набирало силу.

— Я, — говорил он позже, — разослал всем командирам и руководителям гражданских организаций циркуляр о том, что нужно по всей стране создавать национальные организации…

К его великой радости, оно ширилось само по себе, по мере того, как греками занимали новые территории.

И если называть вещи своими именами, то со дня высадки греческих войск в Измире Западная Анатолия находилась в

состоянии войны.

Более того, в ней уже появилась организация, именуемая Кува-и-Миллие («Национальные силы»).

Пока это были слабо организованные партизанские отряды.

Большого ущерба нанести грекам они не могли, но именно они первыми стали бороться с интервентами.

Жестокая интервенция греческих войск превратила Измир и Айдын в города-мученики.

В Стамбуле и Анатолии эти города стали боготворить.

Выпускали открытки, изображающие женщин и детей, бегущих из горящего Измира к анатолийскому крестьянину, гордо поставившему ногу на труп поверженного грека.

Писатели и поэты не находили подходящих слов, чтобы как можно ярче описать несчастных жертв оккупированных городов.

Печальная новость, как известие о смерти,
Внезапно мы побледнели,
Я вижу слезы, дрожащие в глазах у всех,
Все в трауре по Измиру —
Измир, прекрасный Измир, не покидай нас!

Так выразил всеобщее чувство печали один из турецких поэтов.

Бурлила и Вочточная Анатолия.

К счастью для Кемаля и его сторонников, на территориях, промежуточных между востоком и западом, отмечалось нарастание влияния националистов.

В Анкаре, Конье, Эскишехире, Ушаке всё чаще игнорировались приказы из столицы, но говорить об организованном национальном сопротивлении было еще нельзя.

Но к радости Кемаля примешивалось и некоторое недовольство.

Все дело было в том, что многими отрядами руководили иттихадисты.

Бегство её лидеров за границу и самороспуск партии не означало ее исчезновение как политической силы, весомо представленной в политической элите империи.

Помните, как в фильме «Семнадцать мгновений весны» американский разведчик постоянно напоминал генералу Вольфу, что тот или иной офицер был в СС.

— У нас все были в СС, — в конце концов, сказал ему Вольф, — и чем быстрей вы об этом забудите, тем будет лучше и для нас, и для вас…

То же самое можно было сказать и об офицерском составе

бывшей Османской империи:

— Они все были иттихадистами…

Я уже не говорю о советских офицерах, которые все были коммунистами.

Все правильно, именно так и создавалась круговая порука…

Конечно, Кемаль был недоволен сложившейся ситуаций, но выхода у него не было, и он поддерживал тесные связи с бывшими членами партии.

А что ему было еще делать, если именно военный корпус бывшей империи обеспечивал хорошо обученными кадрами формировавшееся сопротивление интервентам.

Многие из них тайно отправлялись в Эгейский район и возглавляли партизанские отряды из интеллигентов, молодёжи, оставшихся в армии солдат и крестьян.

Благо, что еще во время мировой войны понимавшие неизбежность краха империи и иностранной оккупации младотурки стали готовиться к партизанской войне.

Ихтиаддистами были многие соратники в его борьбе против интервентов и временные попутчики.

И именно с ними, хотел того Кемаль, или нет, ему надлежало доделать то, что уже начали делать лучшие представители народа.

Кемаль активно включился в работу, опираясь на полученный им мандат.

Работы хватало!

С утра до вечера он встречался и переговаривался по телеграфу с командирами воинских частей, мэрами, гражданскими чиновниками и лидерами повстанцев.

И для каждого из них он находил подходящие моменту слова.

Да и как иначе?

Нация в опасности, и они должны ее спасать!

Впрочем, уговаривать никого не пришлось.

В Анатолии в едином порыве на борьбу с захватчиками поднималась та самая турецкая нация, о судьбе которой он столько передумал за эти годы.

Французский военный комендант Дефранс оказался провидцем.

«События в Измире, — писал он через неделю после высадкигреков в Измире, — высадка итальянцев, сенсационные и противоречивые новости, публикуемые по поводу решений или намерений конференции, вызвали движение националистов, охватывающее всю страну».

Но, что бы там не говорил сам Кемаль о нации, до сих пор это понятие было для него куда более абстрактным, нежели реальным.

Да и где он мог видеть эту самую нацию?

В Стамбуле, где почти никто не говорил по-турецки?

В космополитичных Салониках, с их смешением языков?

Конечно, и на фронтах, и в министерствах он встречал настоящих патриотов, но все это было нечто другое по сравнению с тем, что ему представилось в Анатолии.

«В течение месяца, — писал он, — я объехал почти всю Анатолию и везде — во всех казах и вилайетах, вплоть до самой границы.

Я ознакомился с общественным мнением, делами, целями и чаяниями нации, с настроением и деятельностью командиров и чиновников всех рангов.

В результате я убедился, что вся наша нация сохраняет бдительность и что она вооружена верой и горячим стремлением обеспечить независимость турецкого государства.

В бытность свою в Стамбуле я даже не представлял себе, что нация обладает такой силой и что несчастья могут в столь короткий срок и до такой степени пробудить ее».

Бросаемые им зерна падали на благодатную почву.

«Под его знамена, — писал о том периоде Ллоойд-Джордж, — толпами стекались добровольцы, вдохновленные его решимостью до последней капли крови сопротивляться расчленению страны…

Кемаль вновь разбудил прежнюю гордость в правящей касте, чья военная доблесть некогда помогла разгромить арабов и Византийскую империю, довела победоносные армии до самого сердца Европы».

Турки и на самом деле были настроены решительно, поскольку отступать им было уже некуда.

Именно поэтому военные действия отличались особой жестокостью с обеих сторон.

1 июня турки уничтожили греческий обоз, направлявшийся из Пергама в Дикили.

Было убито 38 греческих солдат, над телами которых надругались.

Такая же участь постигла солдат поста на реке Кайку и ещё 2-х блокпостов.

3 июня турки атаковали город Пергаму, занятый 29 мая 1-й батальоном 8-го полка Крита под командованием майора Сирмелиса.

Критяне спаслись благодаря вмешательству банды черкеса Хамида Чауша, оказывавшего помощь греческому населению ещё

с турецкой резни 1915 года.

Черкесы провели батальон критян по горной тропе в Менемен.

И, надо заметить, им несказанно повезло, поскольку в округе действовало около 5 тысяч человек турецких иррегулярных чет.

Через неделю части полковника Церулиса отбили Пергам у турок.

«Перед городом, писал в своём докладе от 7 июня генерал Константин Нидер, — были найдены тела солдат 1/8 батальона, ужасно изуродованные, с выколотыми глазами, отрезанными языками и ушами.

У некоторых убитых были вырезаны внутренности и обвязаны вокруг шеи.

Офицеры и рядовые были брошены в ров нагими и подкованными, как кони».

Не либеральничали и греки.

Вечером 16 июня 1919 года греческие солдаты напали и убили османского главу города Менемен Кемаль-бея и шестерых полицейских, сопровождавших его.

Это убийство породило волну новых атак, направленных против мирного населения Менемена.

Нападения и убийства совершались греками с Крита при поддержке немногочисленного местного греческого населения.

Они убили и замучили около тясячси турок, их преступления получили широкую огласку, и этим делом занималась межсоюзническая комиссия, состоявшей из четырёх генералов союзных держав.

При этом, как выяснила комиссия, жертв со стороны греков, как мирных жителей, так и военных не было.

Комиссия признала виновными в кровопролитии греков.

К счастью турок, греческие солдаты не знали об участи своих сослуживцев, убитых в Пергаме, иначе последствия могли быть куда хуже.

Современный английский историк Дуглас Дакин в своём труде «Объединение Греции» именует Малоазийский поход греческой армии «Четвёртой Освободительной войной Греции».

Однако Дакин признаёт, что греческие войска, в ответ на вызовы кемалистов отвечали зверствами против мусульманского населения.

Британский адмирал Сомерсет Калторп в письме в Лондон лорду Керзону сообщал, что, по его мнению, «греки ответственны за всю эту историю».

«Только полное отсутствие организованности, — писал он, — помешало им добиться большего успеха.

Возможно также, что нежданное присутствие свидетелей с британской стороны несколько охладило их пыл».

И, конечно, подобное поведение окуупантов служило лучшей агитацией.

Тем не менее, сомневавшихся хватало.

И когда один из них, образованный и умный человек, спросил Кемаля, есть ли него необходимые для борьбы средства, тот ответил:

— Нет…

— Что же вы в таком случае будете делать? — последовал новый вопрос.

— У нас будут деньги и оружие, и наша нация добьется независимости! — ответил Кемаль с такой твердостью в голосе, что его собеседник не задал больше ни одного вопроса.

Убедившись в размахе освободительного движения в Анатолии, Кемаль не мог не понимать и того, что «освободительная борьба в стране должна развиваться под „священным“ знаменем падишаха во главе с самим султаном».

Иначе его просто не поймут.

Да и как иначе, если священнослужитили все, как один, не только благословляли борьбу против захватчиков, но и принимали в ней самое деятельное участие?

Очень осторожно Кемаль вместе с ближайшими соратниками приступил к координации национального сопротивления интервентам.

Он установил связи с остатками воинских частей и потребовал от них не выполнять условия перемирия и разослал уведомления о необходимости организации митингов протеста.

С тех самых дней и до своего последнего вздоха Кемаль сохранит великое уважение и любовь к своей нации.

«Нет таких сил и средств, которые бы запугали и остановили нас, турок, на пути борьбы за национальное дело.

Наша национальная борьба — дело нашей жизни».

«Ни одна нация в мире не переживала таких трудностей, с какими нам, туркам, пришлось столкнуться в борьбе за нашу свободу и независимость».

«Мы, турки, являемся народом, желающим существовать и иметь достоинство и честь».

«Мы, Турция, идем вперед, избавившись от вялости и инертности. Идем, вооруженные безграничной верой и решимостью.

Мы будем без устали идти к нашей священной цели, которая служит нам надеждой, светлым маяком жизни, и мы с божьей

помощью непременно добьемся успеха.

Мы, Турция, никому не позволим вмешиваться в нашу деятельность по части самостоятельной разработки норм правосудия, являющейся неотъемлемым правом каждого независимого государства».

Вот только несколько цитат Кемаля, но все они пронизаны любовью и уважением к своему народу.

И верой в него.

Очень скоро Кемаль столкнулся с так называемой «партизанской вольницей», через которую проходили практически все крупные военачальники.

Именно тогда в полный голос заговорили об одном из лидеров национальной борьбы черкесе Этхеме.

Он происходил из адыгского мусульманского рода, представители которого в 1860-е годы бежали с российского Кавказа в Османскую империю.

Этхем был младшим из пяти сыновей Али-бея.

Два его старших брата, Ильяс и Нури, погибли в стычке с бандитами.

Два других брата, Решит и Тевфик поступили в военную академию и стали офицерами.

Решит участвовал в нескольких войнах и будет избран депутатом нижней палаты первого турецкого парламента.

Этхем убежал из дома в возрасте четырнадцати лет и поступил в кавалерийское училище в Бакыркёе, где готовили младших офицеров.

Во время Балканских войн он воевал против болгарских войск, он проявил себя храбрым солдатом, был ранен, награждён медалью и отмечен денежной премией.

После вступления Османской империи в Первую мировую войну Этхем служил в контрразведке, в так называемой Особой организации, и принимал участие в секретных операциях на территории Ирана, Афганистана и Ирака.

Во время одного из таких рейдов получил ранение.

После начала оккупации Турции войсками Антанты Этхем 15 мая 1919 года основал в районе Измира ую мобильную боевую группу.

Его «летучий кавалерийский отряд» состоял исключительно из черкесов и абазов.

Группа быстро увеличивалась, и уже очень скоро партизанские отряды Эдхема наводили ужас на захватчиков.

Если называть вещи своими именами, то именно Эдхем первым поднял знамя национально-освободительного движения в

Турции.

Это обстоятельство признавали все, кроме самого Кемаля.

На ниве партизанской войны Эдхем проявил себя как выдающийся военачальник.

«В то время, как Мустафа Кемаль строил заговоры против султана и халифа, — писал автор биографии Ататюрка Х. Армстронг, — чтобы стать единоличным правителем и удовлетворить свои диктаторские притязания, другой человек делал все возможное, чтобы спасти Турцию».

Конечно, это было не совсем так, но доля истины в этом утверждении была.

— Я, — говорил по этому поводу сам Кемаль, — уже давно был уверен, что дни Османского государства сочтены. Естественно, у меня в голове не было такой жалкой и бессмысленной мысли, как стать премьер-министром в Османском государстве. И я спокойно следил за естественно сменяющими друг друга стадиями революции и не думал ни о чем, кроме завтрашних мер…

Был ли он искренен?

Если мы вспомним его беседы с султаном о замене человека, который гробил армию, на настоящего военного, то придем к выводу, что Кемаль вряд ли бы отказался от поста военного министра.

Что же касается Этхема, то наряду с военным талантом, он обладал непомерными амбициями.

Осознавая свою, действительно, выдающуюся роль в освободительной борьбе, он не желал никому подчиняться.

Под стать ему были и его братья, смелые, решительные и свободолюбивые.

Дисциплина для них была понятием относительным.

Они могли арестовать гражданских чиновников, симпатизирующих национальному движению, если они по каким-то причинам не нравились им.

Посчитав, что им недостаточно платят, они могли в любой момент дезертировать.

Благодаря их усилиям, национальные силы стали обвинять в грабеже, поскольку они практиковали обязательные поборы, даже если платить можно было постепенно, в рассрочку.

Хватало в Анатолии и других «вожачков», рангом поменьше.

Среди них встречались очень яркие личности.

Такие, как разбойник с благородным сердцем Али Йорук и не имеющий ни стыда, ни совести Мехмет-кузнец, дезертир, столь же отважный, сколь и жестокий.

В Западной Анатолии не было никакого общего

командования, а партизаны даже и не думал о какой-нибудь совместной борьбе.

И привыкший к железной армейской дисциплине Кемаль будет вынужден в течение почти двух лет терпеть их эскапады.

— Не надо забывать той простой истины, — говорил Кемаль, — что настоящая дисциплина и серьезное выполнение долга, требующие безграничного послушания, возможны только в регулярной армии.

Положение в известной степени осложнялось еще и тем, что среди близких соратников Кемаля было много крупных сановников султанского режима, имевших черкесское происхождение.

Таким был Рауф Орбай, принявший самое участие в организации сопротивления в Анатолии с М. Кемалем.

Именно он по пути из Стамбула в Анатолию в мае 1919 года вступил в контакт с черкесами северо-западной Анатолии и призвал их к содействию.

Сюда же можно причислить и такую известную в те годы фигуру, как Бекир Сами-бей, профессиональный военный и дипломат.

Несколько неожиданная для союзников деятельность Кемаля уже очень скоро стала вызывать множество вопросов.

Еще бы не вызвать!

— Нам важно доказать державам Антанты, с каждым днем усиливавшим свои бесчинства, что наша турецкая нация имеет право на существование и сможет защитить от агрессии свою честь и независимость…

— Каждое из государств Антанты преследует цель получить максимальную выгоду от всей Турции…

— Запад и все народы, которых мы называем врагами, считают, что Турция и турки ни на что неспособны и, исходя из этого, позволяют себе любые вольности в направленных против нас враждебных актах всякого рода…

— Державы Антанты без всякого стеснения предлагают нам заключить договоры, на которые могут пойти лишь страна и нация, лишенные жизни и сознания…

— Все знают, к каким грязным тайным интригам прибегают англичане, чтобы уничтожить турецкую нацию…

— Державы Антанты поняли, что смертный приговор, который они вынесли Турции, или собирались вынести, совершенно неуместен, и воочию убедились в ценности и значении наших национальных сил…

— Державы Антанты относятся к нам, туркам, как к

существам низшего порядка…

Именно это говорил на своих встречах с военачальниками, чиновниками и простыми крестьянами призванный успокоить Анатолию посланец султана.

Понятно, что подобные крамольные речи никак не вязались с его по сути дела карательной миссией.

Союзники очень надеялись на то, что Кемаль-паша начнет с репрессий и репрессиями закончит, а тут…

Первыми спохватились англичане,

Особое беспокойство у них вызывали телеграммы, отправленные Кемалем командиру 15 корпуса Карабекиру и Фуату.

15-й корпус представлял собой серьезную силу, так как Карабекиру удалось полностью сохранить оружие и снаряжение.

Хватало у него и опытных офицеров.

Али Фуад командовал стоявшим в Анкаре 20-й корпусом армии, представляющей западную точку анатолийского редута.

Подозрение англичан усилились, и они потребовали от военного министра объяснить им, «какими полномочиями наделены Кемаль и офицеры его штаба».

Тот успокоил их.

Да и что особенного в том, что инспектор 9-й армии вступает в контакт со своими подчиненными?

А беспокоились англичане не зря.

В своих телеграммах Карабекиру и Али Фуаду Кемаль призывал их «как следует координировать наши действия».

Телеграммы и железные дороги…

Именно они стали в те дни грозным и эффективным оружием Кемаля.

В свое время султан Абдул-Хамид уделял особое внимание телеграфу как важнейшему средству контроля над территорией.

Кемаль виртуозно возродил это наследие Абдул-Хамида.

Обстановка в Самсуне накалялась.

Британские войска, прибывшие сюда в марте, получили новое подкрепление.

Угроза со стороны англичан и греков возрастала.

Не было спокойно и в столице.

В пятницу, 23 мая, массовый митинг протеста прошел на главной площади турецкой части Стамбула, окруженной мечетью султана Ахмета и Святой Софией, в нескольких сотнях метров от дворца Топкапы, Блистательной Порты и военного министерства, свидетелей былой мощи и процветания империи.

На каждом минарете развивались на ветру черные полотнища.

По всему Стамбулу были слышны голоса перекликавшихся муэдзинов.

По мнению союзников, 200 тысяч собрались на митинг.

Никаких происшествий не было, но атмосфера была напряженной.

— Нет убийцам мусульман! Не принесем в жертву два миллиона турок двумстам тысячам христиан! Мы требуем правосудия! Турки свободны! — скандировала толпа.

Один за другим на трибуну поднимались известные люди.

Гневно обличает оккупантов знаменитый поэт Мехмет Эмин, прославившийся стихотворением «Я — турок».

Но наибольший успех снискала Халиде Эдип, журналистка, педагог, основатель первого женского клуба в Турецком центре, медсестра во время войны и добрая знакомая Талаата и Джемаля.

Одетая во все черное, в черной вуали, она говорила звеневшим от волнения голсоом::

— Мы не забудем наше достоинство, наши права и наши обычаи — наше самое ценное наследие в течение семи веков! Поклянемся на пороге этих минаретов, что оплакивают семь веков истории! Мы не предадим нашего знамени и чести наших предков!

Толпа была потрясена, а ее ученицы, одетые традиционные одежды, долго рукоплескали своей учительнице.

Одна из них вспоминала:

— Ее выступление было потрясающим.

Англичане быстро отреагировали на эту волну патриотизма.

Пяти дней им оказалось достаточно, чтобы полностью изменить свое отношение и заявить, что они сторонники целостности Османской империи и поддерживают султана в Стамбуле.

Оккупация Измира?

Это решение было принято «под давлением Жоржа Клемансо», и никто не может их упрекнуть в официальном заявлении, поддерживающем расчленение империи

— Мы, — заявил еще в январе 1918 года Ллойд Джордж, -

не воюем с Турцией, чтобы отобрать у нее столицу, земли Малой Азии и Фракии, которые заселены этническими турками. Мы не выступаем против поддержки Турецкой империи в пределах средоточия турецкого этноса и его столицы Константинополя…

Пользуясь отсутствием инициативы со стороны французов, представители Лондона создали в столице и Фракии «Общество друзей Великобритании».

А затем добились того, что в него вошли многие знатные

персоны, среди которых выделялся Али Кемаль, новый министр внутренних дел и ярый антиюнионист.

В короткое время в столице было создано 17 филиалов общества, благоадря деятельности которого в Стамбуле заговорили о британском протекторате.

Дело дошло до того, что газета «Алемдар» напечатала статью «Мы хотим англичан», и под петицией, одобряющей британский протекторат, за считанные часы было собрано сорок тысяч подписей.

Дабы избежать нежелательных осложнений, англичане 28 мая отправили шестьдесят семь руководителей юнионистов в Мудрос и на Мальту.

Ссылка бывших политиков на Мальту взбудоражила общественное мнение, и англичане были сами не рады предпринятым им мерам.

Но до организованного выступления дело так и не дошло.

Пока не дошло…

Глава II

Из-за уязвимости со стороны британского флота в Самсуне оставаться было опасно.

Утром 25 мая Кемаль и его штаб в стареньком «мерседес-бенце», делающем в час не более 15 километров, отправились в Хавзу.

Это небольшое селение было затерянно на плоскогорье среди бескрайних полей подсолнечника

Во многих встречавшихся по пути селениях Кемаль устраивал импровизированные митинги.

Не жалея красноречия, он с великой страстью говорил о том, что только они смогут спасти свою родину и именно поэтому надо записываться в отряды «национальных сил».

Да, у них пока нет ничего, кроме любви к родине и желания сделать ее свободной.

Но и это уже было не так мало!

— Только энергия и воля нации спасет страну! — убеждал он. — И я заверяю вас, что не покину Анатолию до тех пор, пока страна не станет свободной! Но если вы хотите, чтобы на вашей земле было создано греческое государство, то продолжайте сидеть в своих домах, и уже очень скоро вас выгонят из них точно так же, как наших соотечественников выгнали из них в Западной Анатолии!

И к своей великой радости, все чаще Кемаль видел на лицах слушавших его людей не только сочувствие, но и куда более важное для него сейчас понимание, все чаще к нему подходили бывшие офицеры и просили использовать их так, как он считал нужным.

Лед отчуждения таял на глазах, и покоренные его страстной верой в будущее их родины крестьяне записывались в партизанские отряды.

Но были в окружении Кемаля и такие, кто постоянно жаловался на отсуствиие денег, а, значит, и невозможность, бороться.

— Я, — говорил им Кемаль, — не разделяю теории тех, кто утверждает, что армия и ее сила полностью зависят от финансовых источников. «Деньги есть — создадим армию. Денег больше не будет — армию надо распустить». Так ставить вопрос нельзя. Есть деньги или их нет — армия существует и должна существовать и в дальнейшем…

Его уверенность действовала, постепенно вчерашние скептики проникались осознанием того, что сражаться надо даже

в самых безнадежных ситуациях, ибо дорогу мог осилить только идущий по ней…

Справедливости ради надо заметить, что эта самая уверенность зиждилась не на пустом месте, и основой новой армии стали остатки имперской армии, которые были разбросаны по всей Анатолии.

И все они пока еще подчинялись Кемалю.

И все же, отдавая дань Кемалю и его сторонникам, нельзя не сказать и о том, что наилучшими агитаторами были все же не они, а пришедшие на их землю с мечом в руках оккупанты.

Именно они, отнимая и убивая, заставляли смертельно уставших от войны людей снова браться за оружие.

Но… не все шло так гладко, как хотелось бы, и причиной тому были многочисленные агенты султана, убеждавшие крестьян в том, что этот воинственный генерал хочет втянуть их в новую войну.

Да и сами проживавшие на неоккупированных территориях крестьяне не горели особым желанием воевать.

Оно и понятно!

Основная тяжесть пронесшихся над Турцией войн легла на них, обильно поливших своей кровью пески Африки и берега Дарданелл.

И именно отсюда шла та настороженность, с какой они выслушивали пламенные призывы свалившегося им на голову генерала.

Кемаля их сдержанность не смущала, и все с тем же упорством он продолжал свои пламенные и в то же время в высшей степени откровенные речи.

— В условиях, — говорил он, — когда страна терпит бедствия, угнетение и находится под угрозой расчленения, только общенациональная священная сила может освободить родину, спасти независимость страны и нации…

И такие громкие слова, как «священная сила», «освободить родину», «спасти независимость» оказывали свое действие.

Тем более, что произносил их национальный герой и посланец султана…

В первую же пятницу своего пребывания в Хавзе Кемаль посетил религиозную службу в мечети города и, к своей несказанной радости, услышал заявление местного чиновника о том, что население готово участвовать в спасении Измира.

К этому времени греки уже продвинулись на сто километров к северу от Измира.

Впрочем, и самим анатолийцам надлежало позаботиться о собственной безопасности, так как в ближайшие дни британские войска собирались высадиться на побережье Черного моря.

Кемаль приказал Карабекиру организовать надлежащую оборону.

Затем он встретился с… английским капитаном Хёрстом.

Востоковед Хёрст был сотрудником консульства в Леванте, а заодно числился в службе контроля и разведки в регионе Самсуна,

Свое появление в Хавзе Кемаль объяснил тем, что «воды из местного источника полезны» для его больных почек.

О том, что накануне он обратился ко всем гражданским властям в регионе с просьбой доложить ему о подготовке национального сопротивления, Кемаль умолчал.

Тем не менее, Хорст насторожился.

Митрополит Самсуна и епископ Хавзы сообщали ему о подготовке сопротивления.

После своего переезда в Марсифон он сам увидел, в какой панике пребывало местное христианское население.

Правда, в американской миссии его успокоили, сказав, что население не станет поддерживать военных, большинство которых были членами «Единения и прогресса».

Хёрст остался в Мерсифоне неделю и все это время с тревогой наблюдал за работой телеграфа, который был перегружен сообщениями, отправляемыми и получаемыми Кемалем.

После того, как он покинул Мерсифон, на него и его спутников напали лазы.

Хёрст даже не сомневался в том, что их нападение было спровоцировано Кемалем.

О чем он и сообщил в Стамбул 13 июня.

Впрочем, ничего нового капитан не поведал.

Еще за неделю до этого, генерал Калторп предупреждал Лондон.

«Тревожные новости, — сообщал он, — поступают из региона Самсуна.

Создается впечатление, что некоторые личности, настроенные враждебно, стремятся расшатать общественный порядок и спровоцировать беспорядки.

Считается, что важную роль в этом движении играет Кемаль-паша».

Генерал не ошибался.

— По высокому велению своего национального сознания, — заявил своим сторонникам Кемаль, — 16 мая 1919 года я покинул

Стамбул, дав обед не щадить своих сил до тех пор, пока не увижу мою нацию независимой, а родину — освобожденной…

И теперь Кемаль выполнял данную им клятву.

Даже не будучи полностью уверенным в том, что именно Кемаль играл первую скрипку в разгоравшейся борьбе за Независимость, Калтроп вместе с генералом Милном потребовали от османского правительства отозвать Кемаля из Анатолии.

Военный министр попросил его немедленно вернуться.

Однако тот «имел честь объяснить министру невозможность своего возвращения из-за отсутствия угля и бензина…».

А заодно попросил указать ему мотив его вызова в Стамбул.

Пока Кемаль оставался в Хавзе, англичане оккупировалми юго-восток Анатолии, угрожали побережью Черного моря и направили двадцать тысяч солдат на Кавказ.

Французы захватили Киликию, итальянцы — Анталью, а греки — Западную Анатолию.

Готовые в любой момент выступить армяне и курды с нетерпением ждали решений мирной конференции в Париже.

Атмосфера была напряжена до предела.

Один из самых молодых соратников Кемаля, капитан Хюсрев, в своем письме Карабекиру предложил «адаптировать принципы большевиков и установить с ними отношения при условии сохранения существующих законов и традиций турок».

В чем заключались «принципы большевиков»?

Надо полагать, в беспощадно подавлении всяческого сопротивления.

Карабекир, имевший опыт общения с большевиками на Кавказе и не забывший враждебные отношения между Турцией и северным соседом, не спешил с ответом.

Если против «принципов» он не возражал, то к отношениям с большевиками относился настороженно.

А когда все-таки он ответил Хюсреву, то разочаровал молодого офицера своим прохладным отношением к большевикам и их идеям.

Во всей этой истории, если так оно и было на самом деле, непонятно другое: почему Хюсрев обратился к Карабекиру через голову Кемаля?

Другое дело, что он мог это сделать с подачи самого Кемаля, желавшего таким образом прозондировать почву для своей дальнейшей политике.

С каждым днем деятельность Кемаля принимала все более широкий размах, и вскоре в Лондон полетела отчаянная шифровка резидента английских спецслужб в Самсуне.

«Доподлинно известно, — сообщал он, — что назначенный инспектором Девятой армии Мустафа Кемаль-паша занимается в Анатолии организацией борьбы против греков!

Движение принимает все большие размеры, и если не будут приняты необходимые меры, то остановить его будет весьма сложно!»

В Лондоне не удивились.

Восток, как известно, дело тонкое, и кто знает, с какой на самом деле целью султан послал этого смутьяна в Анатолию: наводить порядок или, наоборот, нарушать его!

А вот меры приняли, и попавший под давление Союзников военный министр теперь уже потребовал от Кемаля «вернуться в Стамбул».

Кемаль снова не подчинился министру, но и не отказался возвращаться.

«Я, — снова запросил он, — прошу указать мне мотив моего вызова в Стамбул».

Понимал, откуда дует ветер, и в Стамбул не спешил.

Да и не доехал бы он ни до какого Стамбула: рыцарей плаща и кинжала у Интеллидженс сервис хватало во все времена.

А вот задуматься, задумался…

Судя по всему, ему недолго оставалось пребывать инспектором армии и султанским адъютантом, и уже очень скоро он мог оказаться в весьма незавидном положении генерала без армии и политика без партии.

А раз так, надо эту партию создать!

Не политическую, конечно, нет.

После ставшего притчей во языцах «Единения и прогресса» об этом говорить было еще слишком рано.

А вот о создании общенационального Общества защиты прав Анатолии и Румелии подумать самое время.

Именно эта организация и должна стать тем самым рычагом, с помощью которого он сможет объединить и поднять на борьбу всю Анатолию.

И ему надо было спешить.

Англичане не собирались мириться с деятельностью мятежного генерала, и военный министр уже не просил, а требовал его возвращения в Стамбул.

Но куда там!

Кемаль даже не читал сыпавшиеся на него, словно из рога изобилия, телеграммы и вместо столицы отправился вместе с Рефетом в Амасью, небольшой и почти полностью мусульманский городок, где намеревался провести совещание с Рауфом и Али Фуадом.

Почему именно в Амасью?

Да только по той простой причине, что там стояла Пятая дивизия, и он мог чувствовать себя в относительной безопасности.

17 июня Кемаль и его соратники прибыли в Амасью — древнюю резиденцию первых османских султанов.

Город являлся активным центром торговли, а в честь его религиозных школ его стали называть «Оксфорд Анатолии».

В тот же день Кемаль вышел на балкон мэрии.

— Султан и его правительство, — обратился к собравшимся, — оказались в плену у союзников. Страна — на краю пропасти. Мы с вами должны найти решение, чтобы положить конец этому трагическому положению. Жители Амасьи, мы должны сбросить оковы, смыть позор, мы будем защищать нашу родину до последнего камня!

Кемаль знал, на каких струнах турецкой души ему играть.

Да и кто мог отказаться освободить томившегося во вражеском плену любимого султана и правительство, сражаться, защищая родину?

Конечно, его поддержали!

19 июня в Амасью прибыли Рауф и Фуад.

Рауф вернулся из Западной Анатолии, где встречался с военными командирами и отрядами, сражающимися с греками, выяснял их возможности, снаряжение, их боевой дух.

В тот же день Кемаль призвал командующего 1-го корпусом армии в Эдирне полковника Кафера Тайяра присоединиться к движению сопротивления анатолийцев.

Как совсем еще недавно в Шишли, Кемаль вместе с Рауфом и Фуадом принялись за работу.

«Мы начали обсуждать проблемы страны и обсуждать возможность общения с большевиками», — телеграфировали они Карабекиру.

Не веривший в бескорыстную помощь Москвы генерал отнесся к их затее скептически.

Однако сам Кемаль не разделял опасений Карабекира.

И ничего странного в том, что не переносивший коммунистические идеи Кемаль шел на сотрудничество с большевиками, не было.

Ленина он не читал, но о необходимости компромиссов знал хорошо.

К этому времени он и сам сотрудничал с людьми весьма сомнительной репутации.

И чего в этом отношении стоил тот же Хромой Осман из Гиресуна, державший в страхе не только армян и греков, но и своих братьев мусульман.

А братья Решит, Тевфик и Этхем!

Свободолюбивые, гордые и смелые, они имели свои виды на борьбу за Независимость и не собирались уступать никому.

Да, очень скоро их дороги разойдутся, и для многих из них сближение с Кемалем закончится трагически, но пока еще им было по пути, и он сквозь пальцы смотрел на их далеко не всегда благочестивые деяния.

Главное — добиться своей цели, а потом он сумеет разобраться со всеми непокорными.

Да и чего бояться?

Ведь мусульмане России жили при режиме большевиков.

«Наше сближение, — успокаивал он в ответной телеграмме Карабекира, — произойдет отнюдь не на идейной почве, а в переговоры следует вступить как можно скорее, чтобы получить материальную помощь.

А если они ее и получат, то при единственном условии: не разрешать Красной армии войти в Анатолию».

Выражал сомнения по поводу такой дружбы с Москвой и Али Фуад.

Против своего обыкновения, Кемаль спорить не стал, но от идеи сотрудничества с Москвой не отказался.

Как покажет история, именно это сотрудничество и стало одним из решаюших факторов победы в Освободительной войне турецкого народа.

Ведущим отчаянную борьбу с Западом Советам было далеко не безразлично, кто будет править Турцией, и перед националистами открывалось широкое поле деятельности.

21 июня Кемаль привлек к работе командующего 3-м корпусом армии полковника Рефета, с которым в свое время много раз встречался в Шишли,

Два дня продолжалось «совещание четырех», и, обсудив военные проблемы, Кемаль перешел к политике.

— Если правительство неспособно защищать территорию и мусульманское население, — заявил он соратникам, — эту задачу должна решать другая властная структура. Для ее создания я предлагаю созвать в Сивасе конгресс, объединяющий все движения национального сопротивления…

— Насколько я понимаю, — настороженно взглянул на него Рефет, — то на конгрессе в Сивасе должно быть сформировано «правительство в изгнании»?

— Да, — ответил Кемаль, — я считаю, что необходимо создать правительство, способное защитить свободу и независимость нации, и конгресс сможет это сделать после тщательного анализа и обсуждения всех деталей…

При этих словах такого решительного до этой минуты Рефета словно подменили.

Он наотрез отказались бороться против султана, и Кемалю не оставалось ничего другого, как сменить тактику.

— Да кто же тебя заставляет бороться с султаном? — с трудом сдерживая гнев, удивленно спросил он. — Наоборот, мы будем всячески помогать ему! Султан находится в руках врагов, и мы будем бороться против тех, кто мешает ему выполнять свои обязанности!

Что там говорить, это был блестящий тактический ход!

Бороться за свержение султана с помощью самого же султана!

Впрочем, во все еще верившей в политическую непорочность своего владыки стране ничего иного ему и не оставалось.

— Мы все должны понять, — продолжал Кемаль, — что исходным положением, принятым и действующим в цивилизованных государствах, где управление осуществляется на основе суверенитета нации, является не что иное, как принцип принятия на себя управления государственными делами политической группой. Именно она в наибольшей степени будет выражать общие стремления нации и способна с наибольшим авторитетом и правомочием осуществить связанные с ними необходимые меры, и возложения ею ответственности за это на плечи самого главного лидера. В сущности, правительство, не сумевшее приобрести эти качества, не в состоянии выполнить свои обязанности…

Сложно сказать, убедил ли Кемаль Рефета, но больше возражать тот не стал.

Однако в своем пространном интервью газете «Акшам» в 1924 году он описал встречу трех единомышленников в Амасье как заговор, в котором преобладали персональные амбиции участников.

— Здесь, — говорил позже Кемаль, — я должен отметить и разъяснить еще один очень важный момент. Нация и армия еще не получили известия об измене султана-халифа. Более того, в силу укоренившихся в течении долгих дет традиций, они были верны трону и тому, кто его занимал. И вследствие этого, отыскивая средства к спасению, они, прежде всего, были озабочены сохранностью халифата и султаната больше, чем собственной безопасностью. Они еще не могли принять идею спасения страны без султаната и халифата. Горе тому, кто посмел

бы высказать тогда противоположное мнение! Он тут же стал бы изменником и отщепенцем без бога и родины…

Но в то же самое время он был уверен в том, что его мечта будет реализована и султанат, и халифат станут достоянием истории…

Встреча старых друзей ознаменовалась появлением документа, вошедшего в историю, как Амасийский протокол.

Протокол содержал две фундаментальные идеи.

Первая идея глобальная: нация хочет спасти свою независимость и сохранить целостность родины.

А вторая идея, более радикальная: центральное правительство неспособно осуществить это национальное желание, поэтому необходимо создать в Анатолии национальное правительство, свободное от любого влияния и не зависимое от какого бы то ни было контроля.

22 июня 1919 года Амасийский протокол был отправлен по телеграфу в Эрзурум, Эдирне, Конью, Стамбул, в штабы главных корпусов армии и некоторым политикам персонально: Иззет-паше, Кара Васыфу и Халиде Эдип

Циркуляр гласил, что независимость страны находится под угрозой, а также объявлял созыв депутатов на Сивасский конгресс.

Проект Кемаля, Рауфа и Фуада был предельно ясен: чтобы спасти родину, необходимо создать свободное национальное правительство в Анатолии, так как законное правительство сотрудничает с врагами.

Был ли этот призыв из Амасьи революционным?

Нет, скорее, патриотическим, поскольку действия султана не подвергали критике и не осуждали.

В протоколе отсутствовали яростные нападки, подобно тем, с какими нападали младотурки в 1908 году на султана — палача конституции.

Враг — это правительство, сотрудничающее с «Либеральной Антантой», осудившей юнионистов и бросившей их в тюрьму…

Дело было сделано, Али Фуад поспешил в Анкару, а Кемаль и Рауф отправились в Эрзурум, чтобы участвовать по настоятельному совету Карабекира в конгрессе восточных провинций Анатолии.

Кемаль был доволен.

Но к его радости примешивалась и грусть.

На примере Рефета он видел, насколько еще жива в людях вера в «хорошего владыку» и «плохих министров».

А это означало титаническую работу для него и его

соратников, которых у него было не так много.

Да, ему придется обмантывать всех пошедших за ним людей, но это была, в его понимании, святая ложь.

Стоило ему только заикнуться о борьбе против султана, и от него отвернутся все.

Значит, надо бороться за свержение султана с помощью самого же султана!

Впрочем, во все еще верившей в политическую непорочность своего владыки стране ничего иного ему и не оставалось…

То же самое касалось и религии.

Это тоже была тактика.

— С самого начала, — говорил Кемаль, — я предвидел окончательный результат. Но мы не должны были сразу раскрывать наши настроения и намерения. Если бы мы это сделали, нас сочли бы мечтателями…

И предателями, добавили бы мы.

Особенно если учесть то, что Кемаль был не только посланцем султана, но и верховного владыки мусульман всего мира — халифа.

Кемаль прекрасно понимал, что с верующими надо говорить на их языке.

В противном случае он оттолкнул бы от себя практически все население Анатолии.

Читал же он в самые тяжелые минуты на фронте солдатам Коран.

И теперь он говорил с ними так, как от него того ждали:

— Даст Бог, все пойдет согласно желанию.

— Главное — Господь всегда с нами!

— Вознесем молитву к Всевышнему, чтобы Он ниспослал нам успех во всех наших начинаниях.

— Нация, сильная божественной помощью и национальными идеалами, достигнет своей цели.

— Наследие пророка Мухаммеда является силой, связывающей народы ислама. Это — сила, которая собирает мусульман вокруг знамени веры и единого Аллаха.

— Наше государство нужно сверху донизу переделать, и Бог поможет нам.

— Слава Аллаху, национальное движение в нашей стране очень развилось, расширилось и окрепло.

— Молим Бога, чтобы ниспослал нам полный успех.

— Будущее на небесах…

— Уверен, что Бог сделает так, что все трудности будут разрешены.

— Тысячу раз слава Богу, что наш сильный духом,

мужественный турецкий народ не бросил на произвол судьбы свою многовековую историю и свое достояние.

— Турецкое государство, государство мусульманской Турции, будет государством наиболее счастливым в мире, оно станет источником двойного счастья.

— Друзья, Аллах един и велик…

— Слава Богу, наша нация одарена столь сильным и неустрашимым духом, что она никогда не откажется от своего права на существование и ни перед кем не склонит свою голову.

— Мы умоляем всесильного и милосердного Бога проявить свои высшие предопределения, чтобы обеспечить благополучие нашей благородной турецкой нации.

— С божьей помощью, между правительством и народом установилось полное согласие во взглядах, обоюдная искренность и идеальная гармония, которая, как я уверен, ничем не будут нарушаться.

— Если будет угодно Богу, мы сумеем общими и согласованными усилиями обеспечить счастье и благополучие нашей родины и нации…

— Всевышний, считающий, что одной из его обязанностей является попечение о созданных им людях, посылает им избранных из их среды эмиссаров, пока они не достигнут нужной степени развития…

Вот далеко не все цитаты Кемаля из его речей о всемогуществе Бога и его помощи движению.

Конечно, его слушали и поддерживали.

Более того, многие начинали видеть в нем того самого избранного Богом «эмиссара», способного избавить страну от врагов и спасти ту самую нацию, о которой потсоянно упоминял в своих речах блестящий адъютант халифа.

Чего и добивался Кемаль.

Понимали ли слушавшие его люди, что такое нация?

Вряд ли.

Но то, что страну могут спасти только они и только общими усилиями и, главное, с Божьей помощью, несомненно…

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы только лил елей на чувства верующих.

И в его речах уже звучали отзвуки его будущих идей.

— Необходимо сделать так, — говорил он, — чтобы наша священная религия ислама, принадлежностью к которой мы гордимся, не была больше средством политики, каким она являлась в течение многих веков…

Конечно, эта фраза терялась среди прочих пышных фраз.

Но она была произнесена…

Встреча в Амасье показала и еще одно, и, возможно, самое главное: ту огромную дистанцию, которая разделяла Кемаля и его соратников.

Теперь уже совершенно ясно, что, в отличие от них, Кемаль был человеком иного измерения, и в то самое время, когда они не видели света в тоннеле, он смотрел за горизонт.

А потому и говорил уже в то смутное время, когда главным для всех было выжить:

— Цель, к которой стремится национальная организация Турции, заключается не в чем ином, как только в спасении нашей родины от расчленения и нашего народа от рабства. Если Богу будет угодно, национальная организация в скором времени достигнет этой цели, и таким образом ею будет выполнена взятая ею на себя патриотическая миссия. Но закончится ли на этом ее миссия? По моему мнению, после этого на ней будет лежать выполнение другого патриотического и национального долга первостепенной важности, а именно: произведя реформы внутри страны, доказать фактами, что мы можем сыграть роль активного члена среди цивилизованных народов…

Читая эти строки, нельзя не придти к выводу, что именно то одиночество, которое всегда царит на вершинах, и приведет Кемаля к неизбежному расставанию с друзьями.

Да, все они были смелые и в большинстве своем порядочные люди.

Но для того, что намеревался совершить Кемаль, этого было мало…

Глава III

Тем временем подозрительность союзников в отношении Кемаля перешла в уверенность.

Ни французы, ни англичане уже не сомневались в том, что главным организатором все ширившейся борьбы за независимость являлся именно он.

Многочисленные английские офицеры, внедренные в Анатолию, информировали военного коменданта почти ежедневно о возмущении населения оккупацией Измира; в Фракии, Западной и Центральной Анатолии нарастает движение сопротивления, чаще всего организуемое юнионистами.

Министр внутренних дел Али Кемаль в доверительных беседах с англичанами признал, что юнионисты, их сторонники и военные все резче критиковали правительство.

По его словам, больше всех в этом неблагородном деле преуспел генерал Кемаль, который в буквальном смысле оккупировал телеграф.

Но каждый раз, когда он предлагал правительству обвинить Кемаля во вмешательстве в управление телеграфной службой и перевести его в Конью, военный министр и начальник Генерального штаба выступали против этого и переубеждали большинство кабинета министров.

Калторп многократно обращался к османскому правительству, требуя отозвать Кемаля и инспектора войск в Конье Кючюк Джемаля, и всякий раз наталкивался на отказ.

Но это вовсе не означало того, что Кемаля оставили в покое.

Отнюдь!

Военный министр чуть ли не каждый день теребил его, требуя вернуться.

Кемаль не подчинялся, и тогда в дело вмешался великий везирь.

Правда, Ферит-паша и сам оказался в те дни в сложном положении.

А все дело было в том, что его выгнали с мирной конференции в Париже.

Ферит-паша произнес исключительно неудачную речь, больше похожую на речь победителя.

— Я никогда не слышал ничего более тупого, — прокомментировал выступление великого визиря Вильсон,

Другое дело, что его в известной степени спровоцировали, поскольку на конференции национальные чувства унижали, как только могли.

— Не было ни одного случая в Европе, Азии или в Африке, — заявил один из выступающих, — когда установление турецкого правления не привело бы к упадку материального благосостояния и снижению культурного уровня, Как не было ни одного случая, когда устранение турецкого правления не привело бы к улучшению материального благосостояния и расцвету культуры. Турки не сделали ничего, кроме как разрушали то, что завоевали и нигде не смогли продемонстрировать свою способность развивать в мирное время то, что они завоевали…

Ферит-паша не сдержался, и через десять дней Клемансо объявил османскую делегацию как «нежелательную».

После изгнания османской делегации с Парижской конференции, постоянного давления со стороны британского военного коменданта и вмешательства греческого и армянского патриархов, правительству и велиткому визирю было необходимо утвердить свой авторитет.

Как?

Да, очень просто!

Надо вызвать Кючука Джемаля и Кемаля в Стамбул.

И великий везирь, считавший себя ответственным за назначение Кемаля в Анатолию, на пути из Марселя в Стамбул вызвал их.

Он заявил французскому военному коменданту Дефрансу, что хочет напомнить паше об обещании, которое тот дал перед отъездом: бороться с юнионистами и верно служить султану и правительству.

Кючюк Джемаль подчинился приказу.

Кемаль, для которого наступил момент истины, отказался.

Отговариваться нехваткой бензина было уже глупо, а возвращаться в Стамбул, где его в лучшем случае ждало новое забвение, у него не было никакого желания.

Он даже не сомневался в том, что его вызов в Стамбул происходил с подачи его «доброго знакомого».

Вот только останется ли он таким добрым по отношению к нему сейчас, когда так и не усмиренная им Анатолия полыхала в огне?

Кемаль грустно усмехнулся.

Вопрос был риторическим.

Да, пока он еще просил, но уже очень скоро его «старый друг» начнет приказывать, и тогда все: прощай звания и титулы, а значит, и реальная власть!

А снимать генеральский мундир Кемалю не хотелось.

Он слишком хорошо знал, какое магическое действие оказывали на людей генеральские погоны, и желал пользоваться ими как можно дольше.

Одно дело слушать адъютанта султана, доверенное лицо правительства и инспектора целой армии, и совсем другое — подчиняться мало кому известному гражданскому лицу.

И уже понимая, что его дни на официальном посту сочтены, он поспешил распространить приказ среди подчиненных ему командиров всячески поощрять создание отрядов «национальных сил» и ни под каким видом не сдавать Союзникам оружие и боеприпасы.

«Вы, — писал он, — должны быть в любой момент готовы отразить попытку интервентов продвинуться вглубь страны.

Именно армия должна стать проводником национальной воли и гарантировать безопасность халифата».

Но… решать было надо, и после мучительных размышлений Кемаль отправил 8 июля прошение военному министру об отставке.

«Как простой рыцарь, — писал он, — сражающийся за свою нацию, я решил преодолеть все преграды вплоть до победы во имя нашей высшей цели…»

Не обошел молчанием он и правительство.

«Военный министр и его военные инспекторы, — писал он в своем письме, — проводят шовинистическую политику, противоречащую нашей.

Совет министров своими увертками и колебаниями только вдохновляет эти пагубные интриги».

Через несколько дней он узнал об отставке военного министра и министра внутренних дел, приложивших руки к его назначению.

Эти отставки лишний раз показали ему, насколько серьезно к нему относились в столице.

Кемаль отправился в Эрзурум, где начинал свою работу конгресс Общества защиты национальных прав Восточной Анатолии, обеспокоенной намерением Союзников создать в ней армянское и греческое государства.

Оставалось только добраться туда.

Дороги кишели бандитами, и любая поездка могла оказаться путешествием на тот свет.

В лежавшем в развалинах Эрзинджане его ждала телеграмма от султана.

Вахидеддин по-прежнему был полон веры в своего верного фахри явера и убедительно просил его… съездить отдохнуть!

Кемаль усмехнулся.

Можно было бы выдумать что-нибудь и поумней.

Эрзурум находится на востоке горного хребта, на высоте более двух тысяч метров.

В этой части Анатолии не было ни одной железной дороги, и хотя было проложено несколько автомобильных дорог, покрытых щебнем, путешествие превращалось в тяжелое испытание.

Условия жизни здесь были тяжелыми.

На плоскогорье и в горах зима была настолько же суровой, насколько изнурительно палящим было солнце летом.

Зимой, после обильных снегопадов, сообщение практически с внешним миром здесь гпрерывалось и экономическая жизнь замирала.

Экономика здесь находилась в зачаточном состоянии, а с начала мировоиї войны жизнь в этом районе и вовсе стала невыносимой.

Наступления и отступления русской и турецкой армий, жестокое уничтожение и депортация армянского населения, возвращение армян с русскими войсками, бесчинства дезертиров и эпидемии гриппа опустошали регион.

За пять лет население сократилось в десять раз.

Нищета царила повсюду, а города Трабзон, Орду, Эрзурум, Ван и Сивас лежали в руинах.

В сельской местности, где расплодились волки, крестьяне покидали свои деревни.

«Общая атмосфера вилайета Трабзона, — писал английский офицер летом 1919 года, — выражает упадок, нищету, голод и страх».

В традиционно непокорном приказам Стамбула регионе царил хаос.

В вилайете Трабзона, например, было всего 1200 жандармов на 2100 городов и деревень; еще следует отметить, что жандармы получали настолько мизерную зарплату, что были практически вынуждены грабить население.

Именно на этой опустошенной войной земле сошлись в смертельной схватке национальные интересы армян, греков и турок, не говоря уже о курдах и лазах.

Во многом именно благодаря этому исключительно бедственному положению, Восточная Анатолия летом 1919 года стала центром национального сопротивления турок.

В Эрзуруме, за крепостными стенами, защищающими город, Кемаль находился в безопасности, а небольшая горстка христиан, уцелевших в Эрзуруме, не представляла никакой опасности.

Вокруг Эрзурума тоже не наблюдалось никакой угрозы.

На севере полковник Рефет приостановил передвижение

британских войск.

По мнению многих исследователей, Рефет являл собой «одну из наиболее привлекательных и противоречивых фигур движения сопротивления».

Энергичный и изобретательный, он всегда оставался загадкой для англичан.

Одни из них были уверены, что «Рефет никогда не поддерживал Кемаля», другие, несмотря на то, Рефет критиковал Кемаля, упрекал его за отставку и осуждал его поведение по отношению к Стамбулу, считали его «главным соратником Кемаля».

Экзальтированный и истеричный, Рефет имел по меньшей мере одно достоинство: он эффективно защищал доверенный ему регион.

А так как на западе и юге враг был далеко, то конгресс в Эрзуруме мог работать в относительно спокойной обстановке.

В десяти милях от Эрзурума Кемаля вместе со своим штабом и созданным им из потерявших родителей мусульманских детей отрядом «Детской армии» встретил Карабекир.

Когда они въехали в город, Кемаль невольно вспомнил царившую на улицах Салоник эйфорию после победы революции.

Карабекир постарался на славу, и не очень-то пока еще известных в Восточной Анатолии Кемаля и Рауфа встречали как героев.

На следующий день страна отмечала годовщину вступления султана на трон, и Кемаль послал своему «доброму знакомому» поздравительную телеграмму с уверениями в своей преданности.

Тем не менее, активность Кемаля вызвала беспокойство султана и его правительства.

14 июля 1919 года в эрзурумской газете Альбайрак было опубликовано сообщение о том, что «его превосходительство Мустафа Кемаль-паша подал в отставку» с османской военной службы и что «сколь счастливо видеть во главе национального сопротивления такого уважаемого командира».

«Военное министерство, — описывал сам Кемаль эпопею со своей отставкой, — приказывало мне:

— Возвращайтесь в Стамбул!

— Оставайтесь где-нибудь в Анатолии до благоприятной погоды, но не вмешивайтесь в дела! — вначале телеграфировал султан.

Затем оба слали такие распоряжения:

— Вы непременно должны вернуться!

— Не могу приехать, — отвечал я.

И, наконец, в ночь с 8 на 9 июля 1919 года во время моего телеграфного разговора с дворцом внезапно занавес упал и спектакль, длившийся месяц, с 8 июня по 8 июля, закончился.

С этого момента Стамбул положил конец моей официальной миссии.

Сам я тогда же ночью с 8 на 9 июля в 10.50. отправил телеграмму военному министру, а в 11.00. — такую же телеграмму султану, где сообщал о своей отставке и отказе от военной миссии.

Я сам известил об этом армию и народ.

С этого времени я продолжал выполнять свой долг, как мне его подсказывала совесть, будучи свободным от всех официальных обязанностей и полномочий, охраняемый любовью, самоотверженностью и бесстрашием народа, черпая силы и вдохновение в этом бесконечно стимулирующем источнике творчества».

Кемаль все написал правильно.

Не указал он только одного: скольких переживаний стоила ему отставка.

Первый удар бывшему генералу нанес еще вчера раболепствовавший перед ним начальник его штаба:

— Мой паша, — заявил он, — вы вышли в отставку. Больше я не смогу выполнять ваши приказы. Кому я должен передать свои документы?

Кемаль побледнел.

Рауф, бывший свидетелем этой мучительной сцены, потом рассказывал:

— Как не был генерал готов к такому повороту событий, почувствовал он себя весьма неуютно. Я знаю Кемаля с 1909 года, но никогда не видел его настолько морально подавленным, как после этого разговора…

Оно и понятно!

Генеральский мундир служил не только символом власти, но и своеобразной охранной грамотой.

Сняв его, он испытывал те же самые ощущения, какие должен был испытывать человек, всю свою жизнь носивший оружие и в одночасье лишившийся его.

— Я, — продолжал начальник штаба Кемаля, — должен отбыть за новым назначением!

Когда полковник вышел, Кемаль в отчаянии воскликнул:

— Рауф, ты видел? Ты видел цену мундиру и должности?

Рауф видел и в тот же день отправил во все вилайеты телеграмму поддержки действиям Кемаля.

«Я, — писал он в них, — буду служить интересам нации, как

простой гражданин…

Я торжественно подтверждаю мое решение сражаться до конца рядом с Кемаль-пашой до тех пор, пока мы не добьемся независимости и свободы нашей земли и нашей нации, а также неприкосновенности султаната и халифата».

Впрочем, оставался еще Карабекир, командовавший мощным армейским корпусом.

До сих пор Карабекир всегда был на стороне Кемаля.

Но как поведет он себя сейчас, когда его назначили вместо него инспектором Третьей армии?

И что бы там ни говорил сам Карабекир о своей преданности ему, сейчас у него была блестящая возможность избавиться от своего главного конкурента в борьбе за национальное лидерство.

Когда Кемалю доложили о прибытии командира Пятнадцатого корпуса, он с тревогой взглянул на Рауфа.

— Вот и все! — едва слышно произнес он.

Боялся он по большому счету не за себя, а за дело.

И если Карабекир отажется подчиняться ему, положение националистов в Восточной Анатолии очень сложнится.

К счастью для Кемаля и его товарищей, Карабекир и не думал подчиняться идущим на поводу у Союзников стамбульским чиновникам и прямо с порога протянул ему руку.

— Я пришел, — с некоторой торжественностью произнес Карабекир, — выразить вам свое уважение от имени всех офицеров, находящихся под моим командованием. Вы остаетесь нашим уважаемым командиром, каким и были до этого дня! В вашем распоряжении машина, эскадрон кавалерии и мы все!

Кемаль бросил быстрый взгляд на Рауфа и, облегченно вздохнув, крепко пожал руку генералу.

Какой потрясающий сюрприз для Кемаля!

Гроза прошла мимо, и он снова был в безопасности.

И все же поведение Карабекира поразило его.

Любой честолюбец сделал бы на его месте все возможное, чтобы освободиться от своего единственного конкурента на роль национального лидера, а он… либо и на самом деле безоговорочно принял его лидерство, либо при всей своей самоуверенности был очень плохим политиком.

Что, кстати, постоянно отмечали в своих донесениях английские агенты.

И, наверное, именно поэтому он с первых же дней войны за Независимость выступал за коллегиальное руководство национальным движением, в то время как сам Кемаль видел во главе его только одного лидера: самого себя.

— История, — как-то сказал он Рауфу, — убедительно

доказала, что успех крупного дела требует лидера неограниченных способностей и власти!

И весьма примечательно в этом отношении написанное им в эти дни письмо матери.

«Не надо ни о чем тревожиться, — просил он ее, — нация верит мне, и я останусь с нею до победы.

Если бы я даже очень захотел, меня все равно не отпустили бы из Анатолии!

И что бы тебе ни говорили, знай, что я сделаю все лучше османского правительства…

И не стоит опасаться англичан, они постоянно заигрывают со мной и стараются привлечь меня на свою сторону.

Но как только будет избран новый парламент и к власти придет законное правительство, я сразу же приеду в Стамбул».

Что там говорить, послание многозначительное!

И писал он его так, словно новый парламент уже приступил к работе, а он уже был признанным всей нацией лидером.

Глава IV

Заручившись поддержкой военных, Кемаль для поддержания своего авторитета нуждался теперь в какой-нибудь политической должности.

В противном случае он превращался в частное лицо, с которым никто из серьезных людей не будет иметь дела.

— Как только я пришел к убеждению, — говорил он, — что долг патриота требует, чтобы я работал на благо нации и совместно с ней до тех пор, пока ее не минуют горестные дни, которые она в данный момент переживает, я подал в отставку и ушел с военной службы. Я считал, что исполнение служебных обязанностей и мое воинское звание препятствуют мне быть в должной степени активным…

Все так.

Только вот считали точно также другие?

Да, генерал, адъютант, герой!

Но все в прошлом…

И эту самую должность он получил из рук созданной я в марте 1919 года Ассоциации защиты национальных прав Эрзурума, которая предложила ему пост президента.

Таких ассоциацией во Фракии и Анатолии было уже несколько.

Руководителями этих ассоциаций были видные местные юнионисты и близкие к ним люди.

Ассоциация Эрзерума была самой крупной из них.

Она выпускала свою газету, проводила объединенные с другими муниципальными ассоциациями заседания и вела подготовку конгресса для всех восточных провинций вместе с ассоциацией Трабзона.

На следующий день после прибытия в Эрзурум Кемаль выразил свое почтение ассоциации, посетив ее в форме адъютанта султана.

Что там говорить, это было событие!

Личный представитель султана, герой Дарданелл, освободивший от русских войск Муш и Битлис, посетил скромную провинциальную ассоциацию и не только выразил одобрение ее деятельности, но и согласился возглавить ее!

Видные юнионисты Эрзурума были тронуты подобным вниманием.

Отставка Кемаля не разочаровала их, более того, им в известной степени льстило то, что увенчанный наградами и окруженный почетом генерал стал одним из них.

Возвышало Кемаля в их глазах и то, что он предпочел честь званиям и безбедной жизни за счет султанской казны.

Ведь теперь Кемаль был вынужден заботиться о своем благополучии сам, и далеко не каждый решился бы сменить блестящий мундир султанского адъютаната на штатский костюм частного лица.

23 июля 1919 года около шестидесяти мужчин собрались в саду старинной армянской школы.

Несколько убеленных сединой бород и тюрбанов оживляли общий мрачный ансамбль светских костюмов и военных мундиров.

В ожидании прибытия Кемаля и Карабекира делегаты конгресса слушали игру военного оркестра.

Половину делегатов составляли жители Эрзурума.

Обращало на себя внимание отсутствие представителей Вана и Битлиса.

На самом деле конгресс восточных провинций был конгрессом вилайетов Эрзурум, Трабзон и Сивас, представленных 51 делегатом из 56 присутствующих.

Не считая Кемаля и Рауфа, половина делегатов была представлена гражданскими лицами, офицерами в отставке, религиозными и государственными деятелями.

Остальные были врачами, адвокатами, журналистами, коммерсантами; что касается простого народа, то его представляли только четверо крестьян.

В десять тридцать прибыли три машины с офицерами.

Кемаль в форме адъютанта султана вышел первым.

После традиционного жертвоприношения барана конгресс приступил к работе.

Поблагодарив делегатов за оказанное ему доверие, Кемаль объявил Конгресс обществ защиты прав восточных вилайетов открытым.

Когда закончились овации, Кеаль поднялся на трибуну.

Он тщательно подготовил свою речь, учитывая состав аудитории.

— Я, — заявил он, — уверен, что среди честных турецких граждан нет ни одного человека, который не отдавал бы себе отчета в невероятно тяжелом положении нашей родины, и который относился бы к этому спокойно…

Затем Кемаль ознакомил собрание с агрессивными действиями союзников, нарушавшими условия перемирия, и с оккупацией союзническими армиями разных районов турецкой территории.

— Но, продолжал он, — история никогда не откажет турецкой нации в праве на существование и что приговор, вынесенный ей союзниками, конечно, останется мертвой буквой. Последнее слово в деле спасения священных прав нашего отечества будет принадлежать силе. Порукой же нашего успеха в этом деле является тот героический дух, который одушевляет наше национальное движение, распространяющееся, подобно электрическим волнам, по всей стране…

Более подробно Кемаль остановился на самом важном для восточных провинций вопросе, — взаимоотношениях с армянами.

— Нам, — говорил Кемаль, — надлежит обсудить вопрос о том, как предотвратить расчленение Восточной Анатолии и воспрепятствовать созданию на ее территории греческого и армянского государств…

Он обвинил армян в расправе с мусульманами в городах Восточной Анатолии и в стремлении создать свое собственное государство.

Драматизируя ситуацию и преувеличивая происходящее, а зачастую и подтасовывая факты, Кемаль добился желаемого эффекта.

В рассказе о вернувшейся из Парижа османской делегации, он обратил внимание на то, что великого визиря попросту выгнали из Парижа.

Упомянул он и о том, как Ферид-паша дал в газеты ложный отчет, скрыв унижение, которому делегация подверглась в Париже.

— Но, — заявил Кемаль, — подлинные известия проникли в Турцию, и попытка Ферида исказить истину лишь усилила в стране недоверие к великому визирю. И у нас больше нет иллюзии в отношении великого визиря и его правительства, окруженных врагами и вынужденных танцевать под их дудку. Но нет худа без добра, и теперь Анатолийские национальные организации лишний раз убедились в том, что всем нам надо рассчитывать только на народные силы…

Затем он заявил о том, что столица находится под контролем иностранцев и поэтому национальное сопротивление следует организовать в Анатолии, раздались дружные аплодисменты.

Завершил свое выступление Кемаль призывом:

— Да защитит Аллах родину, султана и халифа!

Выступление Кемаля покорило аудиторию, и только один инцендент нарушил царившуее на конгрессе единодушие.

Когда Кемаль взошел на трибуну, два делегата из Трабзона потребовали, чтобы он адъютанскую форму, дабы «не оказывать давления на делегатов».

Кемаль не стал ничего объяснять и согласился с требованием делегатов.

На первом же заседании Кемаль почти единогласно был выбран председателем.

За два дня до закрытия конгресса Кемаль встретился с английским подполковником Роулинсоном, который был направлен в Восточную Анатолию, чтобы следить за выполнение условий перемирия.

В то время Кемаль много встречался с врагами своей страны, за исключением греков, и противниками националистов.

А почему нет?

По опыту он уже хорошо усвоил, что сегодняшние враги завтра могут стать друзьями.

Роулинсон начал разговор о взаимоотношениях с большевиками.

Англичане были уверены, что все азербайджанцы, ассирийцы и дагестанцы, присутствующие на конгрессе в Эрзуруме, являлись «агентами большевиков».

Несмотря на все заверения Кемаля в том, что никакой связи у национального движения с большевиками не существует, англичанин ему не поверил.

В конце беседы Роулинсон заговорил на больную для Кемаля тему: об Энвере.

Вынесенный ему смертный приговор, а также требование Турции об экстрадиции его из Германии не затронули Энвера.

Веймарская республика приняла Энвера и его друзей.

Вместе с Талаатом, Джемалем и другими видными юнионистами Энвер много разъезжал, располагая значительными финансовыми средствами и полной свободой.

Более того, все они очень надеялись на то, что смогут проявить себя в новой Германии.

Весной 1919 года турецкие студенты создали движение «Куртулуш» («Спасение»), в национальном движении они увидели «появление солнца и предвестник освобождения от империализма».

Энвер же нашел свое «солнце» в Берлине, и этим солцем для него стал сидевший вместе с Талаатом в тюрьме Карл Радек.

Будущий секретарь Коминтерна обсуждал с ним союз между исламом и большевиками, помощь турецким националистам, поездку в Москву и даже встречу с Лениным.

Счастливый от мысли снова вершить историю, Энвер написал Джемалю, что «готов стать социалистом при условии адаптации его к религиозным доктринам, определяющим внутреннюю жизнь

мусульманских стран».

Выслушав Роулинсона, Кемаль спокойно ответило:

— Энвер мне писал, но я отказался от какого бы то ни было сотрудничества с ним, а если бы он приехал в Эрзурум, я бы его арестовал…

И не сложно себе представить те чувства, какие испытывал Кемалем при чтении письма Энвера с изложением его нового мусульмано-социалистического увлечения.

Через две недели после донесения Роулинсона высокопоставленный сотрудник министерства иностранных дел записал: «Недавно мне описали Кемаля как турецкого Ленина, но отличающегося большим практицизмом, и похожим на Энвера по способности заражать энтузиазмом свои войска, но гораздо более умным».

Прагматизм, обаяние, незаурядный ум — вот оружие Кемаля, «простого рыцаря».

Несмотря на враждебное отношение к Энверу, дядю Энвера — Халиля, бежавшего из стамбульской тюрьмы, куда он был брошен союзниками по обвинению в жестокой расправе с армянами и военнопленными, Кемаль не тронул.

Участник военных операций на Кавказе в годы Первой мировой войны, Халиль-паша хорошо знал Кавказ и своего прежнего сослуживца Карабекира.

Именно тот рекомендовал Кемалю использовать этого генерала в качестве неофициального представителя анкарской власти в Баку.

Сам Кемаль считал Халиля такой же посредственностью, как и многие другие «жалкие типы» Эрзурума.

Но он хорошо знал азербайджанцев, и Кемаль соглоасился.

— Ваша главная задача, — инструктировал он его, — объяснить правительству Азербайджана нашу позицию, чтобы предотвратить оккупацию Азербайджана Россией…

Конечно, эта была неразрешимая задача, поскольку и Кемаль, и Карабекир были убеждены, что «Россия не может существовать без Баку», так как «нефть, мазут были жизненно необходимы для промышленности и флота России».

Именно поэтому Кемаль попросил Халиля вступить в контакт с большевиками:

— В 1918 году, — сказал он, — вы руководили операциями нашей армии на Кавказе и познакомились с большевиками. Поэтому вы можете оказать нам неоценимую услугу. Вы поможете нам выяснить ситуацию на востоке и наладить контакты с большевиками…

В сентябре 1919 года Халиль-паша отправился в Баку вместе с

доктором Фуадом Сабитом с одним из лидеров «Каракола» Бахой Саитом.

Они создали в Баку турецкую коммунистическую ячейку и при первом же удобном случае демонстрировали большевикам свои коммунистические настроения.

И, как мы увидим дальше, Халиль — паша оправдает надежды Кемаля…

Эрзерумский конгресс завершился 6 августа.

Он еще раз подтвердил то, что главной задачей является защита родины и ее национальных интересов и о то, что ни о каком протекторате и привилегиях для «христианских элементов» не могло быть и речи.

Конгресс подтвердил превосходство нации, вставшей на защиту родины с помощью «национальных сил», и «национального конгресса», призванного преодолеть недееспособность османского правительства.

Главным результатом работы Конгресса явилось создание «Представительного комитета» во главе с Кемалем, который получил полномочия создать, в случае необходимости, временное правительство.

По сути дела Представительный комитет и был первым временным правительством новой Турции.

В своей заключительной речи, эмоциональной зовущей к борьбе, Кемаль пожелал долгой жизни нации, родине и государству.

Не забыл он отметить и историческую важность закончившегося конгресса.

Кемалю понадобилось два дня, чтобы напечатать в виде брошюры обращение, принятое конгрессом в Эрзуруме.

Все принципиальные решения конгресса были распространены во всех деревнях Восточной Анатолии от Эрзурума до Мерсифона, на запад от Амасьи.

Конечно, до полного единства было далеко.

Так, делегаты Трабзона, предложили заменить армию милицией, что вызвало гнев Карабекира.

Другие хотели отдать приоритет армии, и только ей.

Кемаль не хотел ни того, ни другого.

Он понимал, что родина не может быть спасена только армией или только гражданскими лицами из Ассоциации защиты прав, для этого необходимо объединить всё население, и, в первую очередь крестьян.

Солдаты и крестьяне, производящие хлеб и продовольствие для снабжения армии, — вот два самых главных слагаемых

победы национального движения.

Кемаль направил в деревни офицеров, которые говорили крестьянам:

— Продавайте ваше имущество, покупайте оружие, в любом случае при союзниках вы потеряете всё…

Крестьяне, уставшие от непрерывных войн и грабежей, не всегда с энтузиазмом встречали посланцев Кемаля.

Родина, нация — эти пока еще отвелченные понятия были слишком далеки от их повседневных забот. крестьян.

Мир крестьян — это мифический султан, это Аллах и Пророк, это греки, армяне, курды, а также жандармы и землевладельцы.

Это повседневный тяжелый труд, урожай, засуха, дожди и налоги.

Нужно было мобилизовать крестьян, не вызвав беспокойства крупных землевладельцев, которые могли лишить Кемаля той финансовой поддержки, в которой он нуждался.

Именно они определяли политику в восточных провинциях.

После нескольких своих выступлений, Кемаль понял, что ему следует беседовать с кретстьянами, используя более привычные для них понятия.

— Аллах, — говорил он, сотворил на земле столько благ и столько прекрасных вещей для того, чтобы люди пользовались и наслаждались ими. А дабы они получили как можно больше этих благ и даров природы, Аллах наделил человека разумом. И именно этот разум должен указать вам тот единственный путь, который приведет вас к достойной жизни…

Подобные речи действовали, и Кемаль чувствовал, как растет внимание к нему его неграмотной аудитории.

«Не я должен, — писал он всего два года назад в дневнике, — уподобляться людям, это они должны стать такими, как я».

Но, увы, до этого времени было еще далеко, и пока еще Кемаль был вынужден подстраиваться под людей, какими бы темными они не были.

Как это было ни печально для Кемаля, его агитация вызвала бурное недовольство многих землевладельцев.

«Землевладельцы, — писал английский капитан Слайд в конце июля, — считают, что единственное решение — немедленно отозвать главарей националистов.

Если это будет сделано, то они смогут контролировать крестьян и приостановить движение.

Но в настоящее время они не решаются ничего предпринимать, так как опасаются за собственную безопасность».

Французские спецслужбы в донесении от 10 августа 1919 года по поводу развития националистического движения

отмечали, что «обязанность оказывать финансовую поддержку снижает патриотический пыл состоятельных граждан».

Не вызывал у Кемаля особого восторга и состав Комитета, избранного конгрессом.

Наряду с Рауфом и бывшим мэром Бейрута, Бекиром Сами, в состав комитета вошли четыре «региональных» депутата, ничем не обязанных Кемалю, и еще два влиятельных человека.

Один из них был шейхом крупного братства Накшбенди, другой — главой курдского племени.

Восемь лет спустя Кемаль назовет их «жалкими типами, лишенными какого бы то ни было политического или военного опыта и каких-либо способностей в этих областях».

Но тогда, в Эрзуруме, ему было не до оскорблений.

Более того, порою Кемаль заискивал перед ними, поскольку не мог обойтись без курдов, с которыми активно работали англичане, обещая им независимый Курдистан.

Нуждался он и в руководителях братств и других сект, столпов народной религии, которые могли повести за собой народ как против официальной религии Стамбула или, так и за ее поддержку.

И все же Кемаль был доволен.

Первый и очень важный шаг к единению всех патриотических сил был им сделан, и, благодаря этому шагу, он обрел политическое равновесие.

Коненчо, в своих мечтах он шел дальше.

Несмотря на всю свою важность, Конгресс восточных провинций был всего лишь необходимым этапом для инициации национального движения, для подчинения его своему влиянию.

Главной же его целью был созыв Национального конгресс в Сивасе, от которого Кемаль «ожидал многого».

И был прав, посольку для спасения родины одной Восточной Анатолии было мало.

Амбиции Кемаля состояли в том, чтобы, как образно сформулировал турецкий историк Зафер Тюная, «заставить все существующие ручейки течь в одно озеро».

Для этого необходимо было созвать Национальный конгресс и опровергнуть мнение французского командующего войсками союзников Франше д'Эсперея о том, что национальные движения в Восточной и Западной Анатолии связаны, но преследуют разные цели.

В Стамбуле пристально наблюдали за тем, что происходило в Эрзуруме.

В ответ на обвинение правительства в предательстве,

Стамбул назвал участников конгресса грабителями и юнионистами.

«Микробы „Единения и прогресса“ намного опаснее бацилл ужасного туберкулеза», — писала газета «Алемдар» («Знаменосец»), цитируя оскорбительное высказывание великого визиря.

Великий визирь, решивший искоренить «Единение и прогресс», был уверен, что Кемаль представляет светскую власть юнионизма, возродившегося в результате событий в Измире.

Активное участие юнионистов в рядах националистов заставило его утверждать об идентичности «Единения и прогресса» и национального движения.

Ферит-паша выступал как верный защитник султана-халифа и империи от национал-юнионизма и был готов даже встретиться с Кемалем в Анатолии, чтобы наставить его на путь истинный.

Однако под давлением военных комендантов союзников Ферит-паша отказался от этой затеи.

Не прошло и его предложение союзникам усилить в Анатолии войска.

Ответственный за поддержание порядка в Анатолии: британский военный комендант писал, что «трудно себе представить турецкого солдата, не симпатизировавшего национальному движению».

Такого же мнения были и французы.

Французский полковник Мужен, прикрепленный к Генеральному штабу османской армии, был еще более конкретен.

— Вся турецкая армия на территории Анатолии, — заявил он, — на стороне Кемаля!

Таким образом, не только Кемаль, но и союзники считали, что османское правительство не владеет ситуацией.

Что же касается султана, то Вахитеддин в бессильной ярости срывал зло на всех попадавших ему под руку.

Он низвергал целые потоки брани, на какие только способен человек, под которым шатался трон, и требовал любой ценой остановить Кемаля.

Министр внутренних дел разослал губернаторам Анатолии циркуляр, в котором доверительно сообщал, что «Мустафа Кемаль великий полководец, но он недостаточно компетентен в текущей политике, а посему не следует исполнять его приказаний!».

Но даже сейчас Кемаль оставался лояльным по отношению к султану и продолжал клеймить не его самого, а окружавших его предателей нации.

Да и как он мог бороться с ним, если тот Рефет и многие

другие командиры оставались его ярыми сторонниками?

И не только они.

Бросить вызов султану именно сейчас означало не только внести раскол в национальное движение, но и взбудоражить миллионы все еще почитавших своего халифа мусульман.

Но Кемаль не отчаивался, придет время, и он найдет способ разобраться со своим «добрым другом».

Теперь же все его надежды были связаны с Сивасом, откуда он и намеревался начать свою победную поступь по древней анатолийской земле.

Глава V

Но одно дело мечтать о созыве такого конгресса, и другое дело созвать его.

А все дело было в том, что со дня высадки греческих войск в Измире, Западная Анатолия находилась в состоянии войны.

Греческие войска продолжали прибывать: в начале июля их насчитывалось 35 тысяч, а в конце лета — уже свыше 75 тысяч, что в полтора раза превосходило численность регулярной турецкой армии.

Бои были ожесточенными.

Турки пытались приостановить наступление греков, но их слабые, разрозненные выступления не были так организованы, как на востоке Анатолии.

Регулярная армия, насчитывающая около трех тысяч солдат в двух дивизиях бывшего армейского корпуса Измира, была не в состоянии противостоять грекам.

Тем не менее, 29 августа Кемаль покинул Эрзурум и направился в Сивас.

Вопреки всем ожиданиям, путешествие оказалось спокойным.

Всего один раз при подходе к ущелью жандармы посоветовали вернуться назад, чтобы не попасть в руки курдских мародеров.

Кемаль прекрасно понимал, что перед ним стояла трудная задача, поскольку Западная Анатолия разительно отличалась от Восточной.

Главным отличием было то, что ее жители были намерены сражаться только против греческой оккупации, расчленения родины и «заключения» султана-халифа.

Эти требования были далеки от обращения Эрзурумского конгресса и от проекта создания временного правительства в Анатолии.

Если что и роднило эти два региона, так это все та же самая страсть к партизанщине.

Отряды сопротивления, или «банды», как их называли союзники и правительство, состояли в основном из крестьян, бежавших от наступавших греков.

И во главе каждой из них стоял местный Этхем, со своими амбициями и нежелание никому подчиняться.

Вечером 2 сентября Кемаль прибыл в Сивас.

Его въезд в город был триумфальным, и героя Дарданеллов встречали целые толпы восторженных людей.

Кемаль в сером костюме охотника, придававшем ему вид австрийского аристократа, приветственно махал рукой.

Сивас, древняя столица Малой Армении, производил унылое впечатление.

«Какое опустошение!» — писал французский дипломат Жорж Пико.

Он же отмечал, что «в окрестностях города, в долинах можно еще было обнаружить поля с костями армян», жертв массовой резни 1915 года.

3 сентября 1919 султанское правительство приняло решение об аресте Кемаля.

По сути дела оно только то, что отныне Кемалю придется бороться с оружием в руках не только против оккупантов, но и против собственного правительства.

По той простой причине, что сдаваться на милость Фарита-паши он не собирался.

Он боялся другого: того, что столь серьезный шаг правительства может оттолкнуть от него его сторонников.

Ведь не могли же они не понимать, что Ферит-паша никогда бы не осмелился арестовать героя Дарданеллов и «друга» султана без ведома самого Вахетеддина?

А раз так…

Надо еще больше говорить о том, что ни правительство, ни сам султан не вольны принимать собственные решения и находятся в окружении врагов.

И, коненчо же, его отставка и приказ об аресте спровоцирован этими самыми врагами…

Конгресс Общества прав Анатолии и Румелии начал свою работу 4 сентября.

Конгресс проводили в здании школы, украсив его знаменами и коврами местного производства.

Семь дней работы конгресса стали решающими для турецких националистов и для Кемаля, одержавшего блестящую победу по целому ряду позиций.

Прибывший из Стамбула отец Али Фуада, Исмаил Фазыл-паша, предложил избирать президента конгресса по очереди.

Кемаль потребовал, чтобы президент конгресса был избран тайным голосованием.

Ему удалось убедить аудиторию и стать президентом с всего тремя голосами против.

Конгресс, который претендовал быть национальным, на самом деле не представлял всю страну.

Фракия, Конья, Адана, южное побережье и северные районы

Западной Анатолии не были представлены на нем.

Большие расстояния, оккупационные войска и бандиты на дорогах охладили пыл многих делегатов.

Конгресс взял за основу решения Эрзурумского конгресса, заменяя, когда было необходимо, выражение «восточные провинции» «Анатолией и Румелией».

Но если в Эрзеруме речь шла преимущественно об отпоре попыткам создать армянское и греческое государства на территории Восточной Анатолии, то в Сивасе обсуждались общетурецкие проблемы борьбы против империалистов Антанты.

Поэтому Сивасский конгресс не ограничился подтверждением эрзерумских решений, а принял развернутую программу национальных требований.

Независимость страны, сохранение за Турцией всех земель в пределах линии перемирия, вывод оккупационных войск, право Турции на самостоятельное развитие без иностранного вмешательства, отмена всяких ограничений, нарушающих суверенитет нации, — вот основные пункты этой программы.

Дата 7 сентября 1919 года, когда были приняты эти решения, стала исторической.

Впервые турецкая политическая организация отождествляла себя территориально с Анатолией и Румелией, с регионами, где турки составляли большинство населения.

— Когда я говорю о национальной политике, — объяснял позже Кемаль, — то вкладываю в нее следующий смысл: трудиться в пределах своих собственных границ, оберегая свое существование и опираясь, прежде всего, на свои собственные силы, во имя подлинного счастья и процветания нации и страны. С божьей помощью и под покровительством нашего великого пророка мы докажем миру, что наша нация полна единства…

Это означало окончательный разрыв Кемаля с общей концепцией Османской империи, хотя в течение всего 1919 года он часто пользовался терминами «османское государство» и «османская идея».

По всей видимости, уже в то время его принцип национализма получил свой законченный вид.

Сивасский конгресс избрал новый Представительный комитет во главе с Кемалем.

По сути дела этот комитет явился анатолийским правительством, и именно в Сивасе Кемаль выработал основы того самого знаменитого «Национального обета», из-за которого был разогнан последний османский парламент.

Этому комитету фактически подчинилась вся Анатолия, за исключением районов, оккупированных иностранцами.

Некоторые считали, что конгресс нельзя назвать успешным, поскольку он не был достаточно представительным, и упрекали Кемаля в мании величия и преследовании личных интересов.

Но Кемаль гнул свою линию и в своей заключительной речи заявил о том, что он представляет всю турецкую нацию.

В это же время горячо обсуждалась и решалась другая не менее важная проблема — пути выхода из враждебной изоляции и политические способы прорыва вооружённой блокады Антанты.

На Сивасском конгрессе возникли споры вокруг принципа об американском мандате, предложенном некоторыми делегатами.

Среди них были такие весьма влиятельные патриоты, как писательница и пламенный трибун националистов Халиде Эдип, лидер «Каракола» Кара Васыф и многие другие стамбульские политики, однозначно считавшие, что только с помощью этого мандата можно будет избавиться от «других мерзавцев и в дальнейшем иметь дело только с американцами».

К явному неудовольствию Кемаля, им вторил и близкий к нему Али Фуад, призвавший конгресс «единодушно высказаться за американскую помощь».

Однако сам Кемаль думал иначе.

— Наша страна, — говорил он, — нуждается в помощи извне, но ни о каком мандате не может быть и речи. Признать протекторат другой державы будет равносильно добровольному отказу от всех человеческих достоинств, признанию собственной слабости. Да и как можно просить иностранного покровительства, не попав при этом в унизительное положение?

Да и не верил он ни в какую бескорыстную помощь Америки.

Для поддержки сторонники мандата пригласили в Сивас американского журналиста Луи Брауна, близкого к дипломатическим кругам американцев в Стамбуле.

Чтобы отразить эту атаку, Кемалю было недостаточно использовать прежнюю тактику защиты, необходимо было контратаковать, чтобы исключить этот соблазнительный вариант: независимость Турции не может обеспечиваться в Вашингтоне.

Кемаль встретился с Брауном и заявил, что журналист приехал по собственной инициативе и… не верит в американский мандат над Турцией.

Но этого было недостаточно, так как на защиту мандата выступили такие авторитетные личности, как Исмаил Фазыл, Бекир Сами и Рефет.

— Мы, — заявил Кара Васыф, — нуждаемся в помощи, а наше финансовое положение не обеспечит подлинной независимости! Да и что мы можем сделать без армии и без денег? Американские

самолеты летают в небе, а мы всё еще используем телеги. И я не смоневаюсь в том, что американское решение принесет наименьшее зло…

В какое-то мгновение Кемаль почувствовал, что проигрывает партию.

Выступления в поддержку американского мандата шли непрерывным потоком.

Чтобы хоть как-то исправить положение, Кемаль использовал испытанный метод парламентариев и взял перерыв.

Он длился всего десять минут, но этого оказалось достаточно, чтобы позволить Кемалю овладеть собой.

Он не стал выступать открыто против мандата, так как боялся потерпеть поражение, и умело обошел препятствие с помощью вице-президента конгресса, Рауфа.

Он предложил не спешить с решением вопроса и пригласить в Турцию комиссию от американского сената.

— Эта комиссия, — заявил он, — изучит ситуацию на месте, а затем ничто и никто нам не помешает закличать договор…

Кемаль поддержал предложение о комиссии, и довольные таким «соломоновым» решением сторонники мандата закончили дебаты.

Все двадцать пять сторонников мандата убеждены в том, что победили.

На самом деле они проиграли, поскольку больше о мандате не заговорят.

Более того, обращение с мандатом «к одной великой державе» даже не было включено в заключительную декларацию конгресса.

Что думал по этому поводу сам Кемаль?

— Не может быть и речи, — говорил он, — о нашем согласии на объявление Турции мандатной или протекторатной территорией…

Помимо вопроса об американском мандате, Кемаль столкнулся и с другой серьезной проблемой.

Большинство делегатов были в прошлом членами «Единения и прогресса», и он заставил делегатов поклясться в том, что они не будут возрождать комитет.

Отмежевался он и от «Каракола».

Все еще оставаясь в глазах европейского общественного мнения обыкновенным мятежником, он не желал иметь ничего общего с этой одиозной полуподпольной организацией.

Положение осложнялось еще и тем, что многие видные политики и общественные деятели поддерживали ненавидевшую

младотурок «Свободу и согласие» и на дух не переносили сторонников Кемаля, что тоже не добавляло согласия в не очень стройных рядах националистов.

Отношения Кемаля с правительством тоже оставляли желать много лучшего.

Ему не нравилось постоянное заигрывание нового кабинета с Союзниками и его намерение окончательно отмежеваться от бывших членов «Единения и прогресса» и жестоко разобраться с остававшимися на свободе его лидерами.

Кемаль никогда не был своим в этой партии, но начавшаяся «охота на ведьм» могла сильно ослабить и без того хрупкое единство среди националистов, поскольку большинство из них являлись бывшими членами комитета.

Да и что ему было делать с бывшим морским министром младотурок Рауфом, который подписал Мудросское перемирие?

Расстрелять?

А близкий к Энверу Карабекир?

Как быть с ним?

Бросить в тюрьму, а потом сослать на Мальту?

Так это было проще сказать, чем сделать!

Прекрасно понимая, что в его непротсых отношениях с иттихадистами ему нельзя перегибать палку, Кемаль вел себя весьма осторожно.

Именно поэтому обычно резкий в своих суждениях Кемаль в своих речах обвинял во всем случившимся с Османской империей не всю партию «Иттихад ве Терраки», а ее лидеров.

«В принципе, — писал он в 1919 году военному министру стамбульского правительства, — мы не считаем правильным проявлять по отношению к партии „Единение и прогресс“ полную враждебность, которая раздувается немусульманскими элементами и державами Антанты с политической целью».

Да и не до разборок с «бывшими» было ему в то время.

У него и без них было чем заняться.

Ведь мало было просто объединить националистов, необходимо было еще добиться их полной поддержки местными властями и населением.

А сделать это было далеко не так просто.

После падения султанского режима местные князьки не испытывали ни малейшего желания снова идти к кому-то в подчинение, и сотрудничавшие с Союзниками политики с их помощью пытались расколоть ряды националистов.

Не было единства даже среди отдельных групп, и родственники примкнувших к националистам черкесов продолжали посещать султанский дворец.

Да и являвшиеся головной болью во все времена курдские племена тоже были разделены по своим мелким интересам.

Не оживляли безрадостной картины религиозные деятели и игравшие заметную роль в обществе дервишские ордена, которые были настроены к националистам по-разному.

Одни считали их безбожниками, другие относились к ним с пониманием, надеясь на то, что именно они смогут уменьшить оказываемое на них давление со стороны официальных религиозных деятелей.

В добавление ко ксему всей стране прокатилась волна возмущения действиями националистов, которые силой взымали контрибуцию с населения и то и дело переходили тонкую грань между контрибуциями и самым обыкновенным разбоем.

И стоило только Кемалю покинуть Сивас, как местный религиозный шейх Реджеп от имени местной знати дал телеграмму в Стамбул, в которой с возмущением сообщал, что Кемаль грабит местное население.

А крайне недовольные поборами жители небольшого городка Адапазары прошли по улицам города с громкими криками:

— Мы не желаем видеть на троне султана Мустафу Кемаля!

Недовольны националистами были и жившие на азиатском берегу Мраморного моря черкесы, и султанская агентура постоянно провоцировала выступления против сторонников Кемаля по всей стране.

И Кемаль не либеральничал!

Жестокость, с какой он подавлял любые проявления недовольства проводимой им политикой, давала свои плоды.

И именно в это время проявилась еще одна черта его характера: беспощадность ко всем тем, кто стоял у него на пути.

Но как бы там не было, оба конгресса сыграли значительную роль в сплочении нации и выдвижении самого Кемаля.

Прежде всего, после завершения работы конгрессов исчезли все его страхи относительно потери генеральского мундира.

— Незабываемое впечатление, — говорил Кемаль, — произвели на меня те доверие и радушие, с которым ко мне отнеслись после моего ухода из армии…

Конгрессы для него они были важны еще и тем, что на них он впервые по-настоящему окунулся в политическую кухню.

И остался очень недоволен представившимся ему неприглядным зрелищем.

Несмотря на общие лозунги, никакого единства среди депутатов не было и в помине, и зачастую приходилось подчиняться не разумности, а большинству.

Да, это была уже не армия, и приказами сделать было уже ничего нельзя.

К тому же депутаты очень любили говорить сами и не умели, а чаще всего и не желали слушать других.

В своем стремлении заложить основу новой власти и занять в ней достойное своих дарований место Кемаль уже с первых шагов не останавливался ни перед чем.

Только благодаря такой политике, ему удалось возглавить Представительный комитет и ввести в него предложенных им же самим депутатов.

Но игра стоила свеч, и он получил в свои руки такие функции государственной власти, как руководство «национальными силами», взимание налогов и назначение чиновников.

Что думало по этому поводу правительство?

Неужели смирилось с новоявленным владыкой Анатолии и осталось безучастным зрителем?

Нет, конечно!

В Стамбуле не только внимательно следили за работой конгресса, но даже попытались разом покончить со всеми его участниками вместе с самим Кемалем.

Понимая всю шаткость своего положения, великий визирь сначала требовал, а потом умолял Союзников отправить войска в Анатолию и покончить с Кемалем.

Однако те отказались.

Почему?

Думается, что только по той простой причине, что никто из них не хотел снова воевать.

Да и не верили они друг другу.

Ведь именно в то время в Стамбуле появились слухи о том, что османское и британское правительства заключили секретный договор.

Согласно ему, Турция, лишившаяся Курдистана, добившегося независимости, оказалась под английским мандатом, Стамбул остался турецкой столицей, а британцы обещали помочь османскому правительству одержать победу над националистами, сохранить Измир и укрепить влияние халифата.

Как очень скоро выяснилось, источником слухов о «договоре» оказался немецкий журналист, информированный в Берлине одним из соратников Талаата.

Что же касается самого договора, то он являл яркий пример дезинформации, регулярно питающей разногласия между Парижем и Лондоном.

Да, в такой договор никто не верил, и, тем не менее,

Англичане потратили немало усилий, чтобы доказать, что их политика не имеет ничего общего с этим «договором».

А вот секретная нота, подписанная 9 октября военным министром Уинстоном Черчиллем, существовала.

Сложно сказать, почему, но Черчилль рассматривал национальное движение как патриотическую организацию, противостоящую правительству, но готовую сотрудничать с султаном и даже в какой-то степени с Великобританией.

По этой причине военный министр рекомендовал вести предельно осторожную политику.

— Мы, — говорил он, — можем превратиться во врагов патриотических сил Турции, а наше неправильное поведение будет стоить миллионы британским налогоплательщикам и вызовет в будущем неограниченные финансовые расходы…

Таким образом, Черчилль выступал за радикальное изменение британской политики, к великому разочарованию и неудовольствию министерства иностранных дел.

И не случайно многие английские дипломаты посчитали это победой «Единения и прогресса».

В середине октября Робек и военные власти получили следующий приказ: «Вы не должны использовать войска для поддержания гражданской администрации вдоль анатолийской железной дороги; все ваши подразделения должны быть выведены, если им угрожает открытая враждебность националистов, что могло бы повлечь многочисленные военные операции и иметь последствия в Персии, Палестине и других местах».

Все это означало только одно: Кемаль и националисты убедили союзников в том, что их нельзя игнорировать.

И тогда великий визирь решил разделаться с «анатолийскими самозванцами».

Губернатор Сиваса получил приказ арестовать Кемаля и Рауфа и распустить этот «незаконный конгресс».

Если верить Рауфу, то правительство даже планировало убить его.

По его словам, арестованные им молодые парни, которых направили убить его, признались в этом.

Неудача этих неоднократных попыток заставила Стамбул спланировать другую операцию, доверив ее полковнику, назначенному губернатором, Али Галипу.

Приложили к этому делу и англичане.

Покончить с Кемалем должен был преданый режиму Али Галип, пытавшийся арестовать Кемаля еще во время конгресса в Эрзуруме.

Его резиденция находилась в Малатье, в трехстах километрах к югу от Сиваса.

В его распоряжении было несколько десятков курдов, враждебно настроенных к националистам, и английский майор Ноэль, специалист по курдам.

Понятно, что Али Галип не мог представлять серьезной угрозы для героя Дарданелл.

Кемаль направил всего один полк, обративший курдов в бегство.

Победа была легка, но Кемаль умело превратил ее в настоящее крупное сражение, чтобы в очередной раз обвинить правительство в заговоре против патриотов, в сотрудничестве с англичанами и отметить пагубную роль англичан в Курдистане.

Провал этой затеи и изгнание великого везиря с Парижской конференции позволили Кемалю перейти в еще более решительное наступление и уже к концу сентября установить контроль над гражданской администрацией на большей части неоккупированной Анатолии.

В своем стремлении как можно скорее покончить с центральным правительством некоторые горячие головы требовали немедленного похода на столицу.

Однако Кемаль не поддержал их.

Подобное выступление могло привести в ход такие силы, с которыми у него пока еще не было возможности бороться.

Он не без основания опасался опьяненных сладким воздухом свободы командиров партизанских отрядов, способных в любой момент выйти из-под его подчинения, как это и случилось несколько позже.

Да и зачем ему была совершенно ненужная трата сил!

Имея доказательства участия великого везиря в подстрекательстве курдов, он собирался сбросить Дамада Ферит-пашу и без похода на Стамбул, благо, что события в Малатье вызвали волну протеста по всей Анатолии.

В беседе со своим старым приятелем еще по Салоникам Абдулкерим-пашой Кемаль обмолвился о том, что если Дамад Ферит-паша не будет отправлен в отставку и не будут назначены новые выборы в парламент, то «нация увидит себя вынужденной обратиться к необходимым действиям, и этому уже нельзя будет ничем помешать».

В Сивасе Кемаль продемонстрировал большие амбиции, искусство убеждать, блестящую логику, тактическое превосходство над людьми и событиями, властолюбие.

Представительный комитет прекратил почтовую и

телеграфную связь между Анатолией и Стамбулом и потребовал от султана замены кабинета Ферида-паши правительством, пользующимся доверием нации.

Против самого султана кемалисты в тот период открыто не выступали.

По всей Анатолии прокатилась волна митингов и собраний, разрозненные партизанские отряды в Северо-Западной Анатолии объединились в более крупные части и приняли общее наименование «национальные силы».

Многочисленные резолюции требовали немедленного похода на Стамбул.

Кемаль, сам опасавшийся бурного антисултанского движения, предупредил султана, что если он не даст отставки Фериду, то «нация увидит себя вынужденной обратиться к необходимым действиям, и этому уже нельзя будет ничем помешать».

Другой важной победой стремившегося еще больше укрепить свою власть в движении Кемаля в Сивасе явилось искусное формирование националистического движения.

В известной степени решил он и вопрос с юнионистами.

Кемаль не мог отказаться от их поддержки, но не хотел и возрождения «Единения и прогресса».

— Клянусь Аллахом, — заявил он на одном из заседаний, — я не борюсь за возрождение «Единения и прогресса» и за интересы другой партии…

Пообещали придерживаться этой линии и другие бывшие.

Кемаль воспользуется их клятвой и в нужное время напомнит о клятве в Сивасе и жестоко накажет юнионистов, стремящихся возродить партию.

Вслед за юнионистами Кемаль решил вопрос с «Караколом».

Его лидер, Кара Васыф, разослал по всем армейским корпусам циркуляр, информирующий о военных и политических задачах своего движения.

Кемаль сделал ему серьезное предупреждение: никакая секретная организация не должна существовать вне оккупированных территорий, только Общество по защите прав должно представлять интересы националистов.

Когда же Васыф отказался подчиниться, то Кемаль заявил, что в этом случае «Каракол» должен исчезнуть.

«Каракол» не исчез сразу, и все это время Кемаль внимательно следил за его деятельностью.

По предложению Кемаля конгресс назначил также командующего силами национального сопротивления на западе

Анатолии.

Али Фуад, друг Кемаля, должен был объединить все нерегулярные отряды.

Наконец Кемаль подготовил настоящую западню для султана.

7 сентября после бурных продолжительных дебатов конгресс подготовил и утвердил длинную телеграмму, адресованную султану.

Начатая в льстивом тоне, она заканчивалась поистине революционно.

«Мы, — говорилось в ней, — надеемся, что Ваше Императорское Величество, как глава независимого государства и славный потомок императорской семьи, которая уже в течение шестисот лет разделяет с подданными радости и беды, ниспосланные нашей нации, в этот торжественный момент, когда решается вопрос жизни или смерти османской нации, примет во внимание национальное движение и защитит и спасет страну от любого мятежа и внутреннего раздробления.

Мы берем на себя смелость представить Вашему Императорскому Величеству формальное заверение в том, что национальное движение, зародившееся в этом регионе, не имеет абсолютно ничего общего с неблагородными интересами политических партий…»

Это высокопарное послание султану было коварным подарком.

Обращаясь непосредственно к султану и отодвигая на второй план правительство, делегаты Сиваса вели себя как верные подданные, возмущенные предательством министров.

Но, возлагая на султана высшую ответственность за защиту национальной независимости, они его ставили к стенке.

Заключительная часть послания не вызывала никакого сомнения.

«Мы, — заявляли депутаты, — предоставляем Вашему Величеству оценить тяжелые последствия в случае отказа от наших требований.

Вся ответственность падает на нынешний кабинет министров и на Ваше Величество.

Стремясь продемонстрировать всему миру величие турецкой нации, мы будем тогда искать спасения собственными силами».

Конгресс в Сивасе явился символом стремления защитить свою национальную независимость, символом движения, способного выступить единым фронтом, с лидерами которого можно было вести серьезные переговоры.

Отныне движение Кемаля в обстановке борьбы за

политическое влияние диктовало свои условия.

«Движение, — писал в Париж французский военный комендант Дефранс, — хочет установить „нечто вроде Османской республики“, причем организаторы движения скрывают эту цель, учитывая авторитет султана и консервативное влияние религиозной власти.

В наших интересах вступить в контакт с руководителями национального движения…»

Вслед за французским коллегой Робек, преемник английского военного коменданта Калторпа, сообщал в Лондон, что партия националистов «должна рассматриваться как наследница „Единения и прогресса“ и что она стремительно приближается к провозглашению независимой республики в Анатолии».

Робек, будучи реалистом, добавлял, что только войска смогут заставить националистов принять решение Парижской мирной конференции.

В последний день работы конгресса делегаты создали Комитет представителей, решив, что число членов комитета может варьировать от девяти до шестнадцати.

Англичане и французы предполагали, что комитет будет состоять из пяти членов.

Но главным было то, что Кемаль сосредоточил в своих руках реальную власть.

С 13 сентября, несмотря на призывы Карабекира к осторожности, Кемаль стал подписывать все тексты, отправляемые Обществом по защите прав, «от имени Комитета представителей».

Некоторые считали, что конгресс нельзя назвать успешным: он был недостаточно представительным; упрекали Кемаля в мании величия и преследовании личных интересов; разве треть делегатов не были друзьями или соратниками Кемаля?

Но Кемаль не сдавался: конгресс в Сивасе, заявил он в речи на открытии, представляет всю турецкую нацию.

Кемаль окружил себя как советниками, так и соратниками, стремящимися распространять его влияние.

К числу первых относились главные военные командиры стратегически важных соединений — Кязым Карабекир, Али Фуад, Рефет, Джевад и командующие корпусами армии Эдирне, Коньи и Диярбакыра.

Это главные военные советники Кемаля и его естественные партнеры.

Второй круг состоял из близких к Кемалю соратников комитета.

Состоящий из десяти человек, этот личный совет Кемаля

включал в основном офицеров или отставников, как, Хусейн Рауф, и адъютантов, сопровождавших его с момента отъезда из Стамбула.

Кроме того, в этом совете состояло несколько высокопоставленных региональных чиновников, таких как Бекир Сами, Мазхар Мюфит, бывший губернатор Битлиса, и Хаккы Бехич, бывший префект.

Особое место в совете занимал младотурок с момента рождения этого движения Альфред-Ахтем Рюстем.

Пятидесятилетний Рюстем — поляк по происхождению, Альфред Билинский, но иностранные корни не помешали ему сделать карьеру дипломата.

Его дед был османским послом в Вашингтоне, он сам был женат на американке, и, когда Рауф представил Кемалю Рюстема, тот быстро понял, что этот человек может оказаться очень полезным.

Несмотря на обвинения в коррупции.

Главной задачей Рюстема было убедить американцев в преимуществах движения националистов.

Пребывание Кемаля в Сивасе было отмечено и еще одним важным событием.

Понимая всю важность для объединения страны печатного слова, Кемаль учредил в Сивасе официальную газету националистов «Национальная воля».

— Наилучший способ мобилизации общественного мнения, — говорил он, — создать свою газету…

Если же этот принцип давал возможность чуждым духу государства элементам стать на путь бандитизма в печати, то, считал Кемаль, понадобятся не только воспитательные меры, но и карающая рука власти.

— Человек, берущий в руки перо, — говорил он по этому поводу, — морально обязан руководствоваться не столько всякого рода юридическими ограничениями, сколько научными и политическими убеждениями, а превыше всего общими интересами граждан и страны, не зависящими от политических взглядов и воззрений отдельных лиц…

Да, между Сивасом и окончательной победой лежал долгий и трудный путь, но Кемаль готов преодолеть любые трудности.

Что касается характера начавшегося кемалистского движения, то надо, наверное, согласиться с известным турецким историком Эмре Конгару.

В нем он видел две части революции — войну за Независимость и реформы Ататюрка.

«На этапе войны за независимость, — писал он, — кемалистская революция в своей основе — не социальная и экономическая революция, а революция политическая и идеологическая, хотя по своим итогам она была направлена на социальную и экономическую революцию».

Меньше чем за четыре месяца бывший генерал сделал многое, без единого военного сражения добился необходимых побед.

Отныне он убежден, что для людей, одержимых идеей, возможны любые победы.

— Наша цель, — говорил он, — законна, наша вера в успех непоколебима. Поэтому, сколько бы ни было у нас внутренних и внешних врагов, каков бы ни был размах их действий, решительная и окончательная победа останется за теми, кто борется за законную цель…

Не забыл Кемадь и о большевиках.

Он долго говорил на эту тему с Карабекиром, и они решили в конце сентябре отправить года Кемаль и Карабекир отправили в Баку Халиль-пашу, доктора Фуада Сабита и одного из лидеров «Каракола» Баха Саита.

Задание у них было куда как интересное: создание турецкой коммунистической ячейки.

Таким образом, Кемаль желал продемонстрировать большевикам свои коммунистические настроения и заинтересвоать их.

Глава VI

20 сентября 1919 года султан обратился к своим подданным, утверждая, что единству нации ничто не угрожает.

Он выразил также пожелание, чтобы как можно скорее были проведены выборы депутатов.

Выступление султана удовлетворило многих, в том числе и в Сивасе.

Однако Кемаль не доверял руке, протянутой султаном, и весьма настороженно отнесся к предложению, сделанному Али Фуаду, объединить лидеров-националистов с «высокопоставленными чиновниками».

Затем бывший товарищ Кемаля, ставший офицером Генерального штаба, позвонил ему и предложил объединить «нацию и правительство».

Их диалог длился с одиннадцати вечера до семи тридцати утра.

В своей знаменитой речи «Нутук» Кемаля так скажет по поводу этой беседы:

— Было бы глубоким заблуждением считать нас большевистским движением или отчаянной затеей юнионистов, поддерживаемой их деньгами. Поэтому я ответил, что выход только один — создать новый кабинет министров, выражающий волю нации. Нация не вполне уверена, что его величество халиф отдает себе отчет в том, чего желает вся Анатолия…

В следующие дни Кемаль развернул настоящую кампанию, привлекая Хёрста и Роулинсона, чтобы убедить союзников отказаться от расчленения Турции.

Было ли это возможно?

Судя по всему, Кемаль в то время не знал о существовании Соглашения Сайкса — Пико от 16 мая 1916 года.

Это было тайное соглашение между правительствами Великобритании, Франции, Российской империи и позднее Италии, в котором были разграничены сферы интересов на Ближнем Востоке на период после Первой мировой войны.

Иными словами это был план раздела владений Порты и установления сфер влияния победителей и контроля в этих ближневосточных областях и зонах после предполагаемого поражения Османской империи в ходе Первой мировой войны.

В отличие от европейских союзников и США, Россия не претендовала на нефтяные концессии в арабских землях бывшей Османской империи, поскольку у России уже имелись обширные нефтепромыслы в Баку, Грозном и Майкопе.

Главной задачей Российской Империи было получить выход к черноморским Поливам и обезопасить себя от удара с южного направления.

Секретное соглашение между Францией и Великобританией преследовало нефтяные интересы этих держав, уже располагавших сведениями о запасах ближневосточной нефти.

Италия, лишь незадолго до этого заявившая о себе на мировой арене, преследовала в основном территориальные интересы.

Еще 10 апреля 1915 года было заключено тайное англо-франко-русское соглашение, включавшее передачу черноморских Проливов под контроль России.

В октябре того же года, британский МИД обратился к Франции с предложением направить в Лондон переговорщиков для разграничения зон влияния на Ближнем Востоке.

Для переговоров в Лондон был направлен бывший генеральный консул Франции в Бейруте Франсуа Жорж-Пико, с английской стороны переговоры были поручены Марку Сайксу, советнику лорда Китченера по Ближнему Востоку.

Сайкс и Пико договорились по всем вопросам раздела зон влияния, кроме Палестины, в которой требовалось учесть российские интересы.

В марте 1916 года переговорщики отправились в Россию для согласования плана раздела Малой Азии.

В дополнение к притязаниям на проливы и Константинополь, утвержденным соглашением от 1915 года, царское правительство потребовало от Франции и Британии признать за Россией право на аннексию турецких территорий, оккупированных русской армией в ходе войны: Эрзурума, Трабзона, Вана и Битлиса.

По соглашению Великобритания получала территорию, соответствующую современным Иордании, Ираку, и районы вокруг городов Хайфа и Акко.

Франция получала юго-восточную часть Турции, северный Ирак, Сирию и Ливан.

Россия должна была получить Босфор и Дарданеллы, Константинополь, Западную Армению и часть Северного Курдистана (район Хаккяри).

Оставшаяся территория между Средиземным морем и рекой Иордан должна была находиться под международным контролем.

Каждая из держав имела право определить государственные границы в своей зоне влияния.

Италия, потребовав учёта своих интересов, получила в августе 1917 года по соглашению в Сен-Жан де Марьен зону влияния в Юго-Западной Анатолии, а также часть Западной и

Центральной Анатолии.

Однако присоединение Италии к соглашению Сайкса — Пико, по настоянию Великобритании, должно было быть ратифицировано Россией.

Заручившись поддержкой России, к маю 1916 года союзники сумели достичь договоренности по послевоенному разделу Османской империи, сохранив эти планы втайне от арабских лидеров шерифа Хусейна и его сыновей.

Соглашение Сайкса — Пико означало отказ от обещаний создания национального арабского государства на территории Великой Сирии, предоставленных арабам через Томаса Эдварда Лоуренса в обмен на поддержку британских войск в борьбе с Османской империей.

После войны Франция была вынуждена отказаться от обещанного ей Мосульского вилайета и от участия в управлении Палестиной, что было закреплено на конференции в Сан-Ремо.

Вряд ли аппетиты западных держав уменьшились, а вот приход к власти в России большевиков ситуация изменилась кардинально.

В ноябре 1917 года большевистское правительство выступило против секретных договоров.

Текст соглашения был опубликован, а сам договор охарактеризован как «империалистический сговор» за спиной народов, проявление политики аннексий, контрибуций и т. д.

Это был конфуз для союзных держав.

Выяснилось, что Антанта не собиралась выполнять обещаний арабам по созданию арабского государства вопреки соглашению с шерифом Мекки Хусейном.

Британия и Франция стали отрицать, что такое соглашение вообще было.

И лишь позже, когда дело дошло до получения мандата Лиги наций на управление территориями бывшей империи, союзники признали, что соглашение все-таки было заключено.

К тому времени ситуация изменилась принципиально.

Если царское правительство претендовало на территории, в том числе Западной Армении, то большевистское правительство категорически отвергало этот «империалистический раздел мира».

Оно считало главным путем развития человечества отказ от войны, аннексий и контрибуций через конечную победу социалистической революции.

Таким образом, большевики пытались реализовывать троцкистскую идею мировой революции.

Турция представлялась «мостом революции на Восток», а

вождь турецкой революции Мустафа Кемаль — важным союзником по реализации этой программы.

Большевики не просто отказывались от раздела Турции.

Был разрушен Кавказский фронт, демобилизована армия, а добровольческие отряды армян остались лицом к лицу с турецкой армией.

Да, Россия выбыла из войны и перестала быть участником соглашения держав Антанты.

Но остальные страны, хотя и отрицали существование Соглашения, от раздела Османской империи не отказались.

21 сентября Али Фуад встретился в окрестностях Эскишехира с сотрудником командующего войсками по поддержанию порядка на железной дороге, генерала Солли Флада, майором Берт-Маршаллом.

Он рассказал майору о национальном движении.

— Большинство населения, — говорил он, — поддерживает национальное движение и выступает против правительства…

— Почему вы в этом уверены? — удивился англичанин.

— Хотя бы потому, что пять тысяч человек покинули Эскишехир, — ответил Фуад.

Берт-Маршалл не поверил и отметил в своем докладе, что сторонники Фуада представляют «самые низшие социальные слои» и ведут себя «как большевики», заставляя крестьян присоединяться к ним.

22 сентября Кемаль устроил пышный прием специальному посланнику президента Вильсона, генералу Харборду.

Генерал возглавлял американскую военную миссию, направленная правительством США в Армению и на Ближний Восток в августе 1919 в связи с намерением США получить мандат на Армению.

Перед миссией была поставлена задача «обследовать и сообщить о политическом, военном, географическом, административном, экономическом положении и других условиях в районах, которые могут представлять интерес для Америки…»

Миссия посетила Турцию, Армению, Тифлис, Баку и Батум.

Он прибыл в Сивас в сопровождении сорока пяти помощников, фотографа и кинооператора.

На берегу реки возле каменного моста, построенного римлянами, были раскинуты небольшие шатры, окружающие павильон, убранный коврами.

Военные командиры выразили свое почтение Харборду.

Подавали чай, кофе и печенье, алкоголя не было.

Перед турками стояла важная задача: убедить американца в

том, что восточные провинции — турецкие, что Анатолию нельзя расчленять и что анатолийское движение носит чисто националистический характер.

Беседа Кемаля с Харбордом длилась два с половиной часа.

— Что вы будете делать, — спросил Харборд, — если потерпите поражение?

Ответ был типично кемалевским:

— Поражение невозможно: если мы не добьемся успеха, то наша нация погибнет!

Через два дня после встречи Кемаль направил Харборду письмо.

Им руководило желание оставить письменное свидетельство своих заверений, предназначенное не только для Харборда, но и для американских парламентариев.

В нем Кемаль доказывал, что их движение не имеет ничего общего с большевизмом.

«Эта доктрина, — писал он, — не имеет никакого шанса в нашей стране, учитывая нашу религию; наши традиции и наше социальное устройство воспрепятствуют ее распространению у нас.

В Турции нет ни капиталистов, ни миллионов рабочих.

У нас более нет серьезных проблем в сельском хозяйстве.

С точки зрения социальной жизни наши религиозные принципы избавляют нас от принятия большевизма.

Турецкая нация даже готова бороться с ним в случае необходимости».

Конечно, Кемаль, несколько преувеличивал, но сделал это настолько тонко, что произвел сильное впечатление на Харборда.

— Он легко формулирует свои мысли, — заметил тот. — Он, как личность, доминирует над своим окружением. На меня произвел впечатление искренний патриотизм Кемаля и его соратников. Он — настоящий лидер…

После Сиваса и Эрзурума, где Карабекир устроил ему пышный прием, Харборд отправился в Армению, затем в Азербайджан и Грузию.

16 октября он представил свой отчет американскому сенату.

Результаты деятельности Харборда миссии были изложены в докладе «Условия Ближнего Востока», представленном президенту США в октябре 1919 года.

В докладе выдвигалась идея получения США «единого мандата» на Армению, Закавказье, Анатолию, Киликию, Константинополь с проливами и сопредельные территории Малой Азии.

Без всех этих территорий, отмечалось в докладе, принятие

США мандата на Армению не имело смысла, т. к. расходы будут неприемлемы, а закон и порядок не будут обеспечены.

«При всех реформах, проводимых Турцией, — говорилось в докладе, — не было случая ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке, чтобы господство Турции не приводило бы к снижению процветания нации данной страны…»

Харборд полагал, что «Армянский вопрос не может быть разрешен без разрешения следующих вопросов: 1. Как поступить с Турцией? 2. Что собирается делать Россия?»

В докладе указывалось, что «русская Армения» (Восточная Армения) проголосовала бы за предоставление мандата именно России, если бы «эта держава восстановилась».

Миссия предлагала ввести на подмандатную территорию американские войска — до создания сильной местной власти и жандармерии.

Число войск, необходимых мандатной державе, определялось до 200 тыс. человек, а на 1919 — в пределах 2 дивизий (59 тыс. человек).

Общий вывод доклада сводился к тому, что США являются именно тем государством, которое может принять мандат.

Но все это будет потом, а пока на вопрос Кемаля, что он сам думает о мандате на Армению, генерал только развел руками.

— Я только в начале пути, — сказал он. — Могу сказать только одно: вопрос это непростой, и его решение зависит не столько от политики, сколько от стоимости всего этого предприятия…

Это Кемаль знал и без американца.

Да и не забивал он себе голову подобными «непростыми» вопросами.

Главным для него было выяснить отношение американцев к его движению.

Однако Харборд и здесь ограничился общими фразами.

Да и что мог знать простой генерал о той высокой политике, которая вершилась за стенами Белого дома?

Как только американец уехал, Кемаль забыл о нем.

У него и без него забот хватало.

Обеспокоенный усилением националистов великий везирь снова попросил Союзников направить в Анатолию две тысячи солдат, и те снова отказали.

— Такая незначительная сила, — объяснил адмирал Калтроп, — не сможет контролировать ситуацию, а посылка значительной военной силы только спровоцирует еще большую активность и без того возбужденного населения.

Прекрасно понимая, что без подавления националистов емиу не удержаться у власти, Ферит-паша подал в отставку.

Дабы не нагнетать и без того взрывоопасную обстановку, султан охотно принял ее 4 октября и назначил великим визирем Али Ризу-пашу.

Во время Балканских войн тот был главнокомандующим европейскими армиями Османской империи, но боевые действия кончились прежде, чем он приступил к своим обязанностям.

Али Риза не был в почёте у партии «Единение и прогресс», а потому во время Первой мировой войны политической карьеры не сделал.

Довольный Кемаль принимал первые поздравления.

И ему было чему радоваться!

Всего за четыре месяца он сумел создать и возглавить свое собственное правительство, сбросить неугодного ему премьера и стать общепризнанным национальным лидером.

О своем отношении к смене великого везиря Кемаль сообщил нации в своем циркуляре.

«Господа, — писал он, — циркуляром со 2 на 3 октября я сообщил всей нации о том, что правительство Ферит Паши пало и что Али Рызе-паше поручено сформировать новый кабинет.

Копию этого циркуляра я переслал новому великому визирю с пометкой „для сведения“.

2 октября мы попытались связаться с главой нового правительства.

На заседании совета министров, состоявшемся на следующий день, великий везирь заявил о своей готовности вступить в переговоры с Представительным Комитетом.

В циркуляре, о котором я говорил выше, имелось, между прочим, следующие пункты:

1. Если новое правительство проявит уважение к национальным организациям и к целям, намеченным и сформированным на Ерзурумском и Сивасском конгрессах, то национальные силы будут поддерживать его.

2. До тех пор, пока национальное собрание не соберется и не начнет осуществлять реальный контроль над делами страны, новое правительство не должно брать на себя никаких обязательств относительно судеб нации.

3. Делегаты, которые будут посланы на мирную конференцию, должны быть выбраны из среди знающих компетентных лиц, действительно разбирающихся в национальных чаяниях и пользующихся доверием.

Указав в циркуляре, что новому кабинету будет предложено принять вышеуказанные обязательства, я выражал пожелание,

чтобы в срочном порядке (до 12 часов следующего дня) мне было сообщено о всякого рода других соображениях, если они имеются.

В телеграмме от 3 октября, адресованной Али Рыза Паше, я писал:

„Народ до сих пор испытывал огорчение от акций, нарушавших конституцию и противоречивших национальным интересам.

Именно поэтому он бесповоротно решил заставить признать свои законные права и добиться того, чтобы его судьбу решали способные и компетентные лица.

И нация начала движение к счастью.

Национальные силы, подчинившиеся определенной организации, приобрели такое значение, что могут полностью выражать действительную волю нации.

Нация не хотела бы, чтобы Великий везирь и его коллеги, пользующиеся высочайшим доверием повелителя, были поставлены в затруднительное положение.

Наоборот, она вполне искренне готова предоставить им свою поддержку.

Однако присутствие в новом правительстве министров, сотрудничавших с Даматом Ферит Пашой, вынуждает нас принять меры к выяснению того, насколько взгляды этого правительства соответствуют национальным интересам.

Будет ошибкой не стремиться завоевать полного доверия нации, пытаться остановить людей, творивших добро, и ограничиваться полумерами.

Вследствие этого мы хотим получить от вас четкий недвусмысленный ответ: устраивают вас или нет подобные принципы?

При этом мы указали те три основные пункта, которые содержались в циркуляре.

Кроме того, я добавил, что после достижения согласия во взглядах по основным пунктам, мы, чтобы положить конец создавшемуся ненормальному положению, выскажемся еще и по некоторым второстепенным вопросам.

Нам сообщили, что Али Рыза Паша должен в этот день отправиться во дворец для принесения присяги, ответ нам дадут завтра“».

С этого момента Кемаль стал действовать еще более решительно и вел себя как законная власть.

— Необходимо взять власть в свои руки, — заявил он. — Мы разошлем приказы губернаторам и установим контроль над гражданской администрацией неоккупированной части Анатолии…

Несмотря на призывы некоторых соратников к более сдержанным мерам, Кемаль последовал примеру младотурок.

Стремясь отобрать власть у официальной администрации, он прекратил связь со столицей и предупредил органы гражданской и военной власти о том, что они должны уважать национальные интересы.

Кемаль без колебаний смещал высокопоставленных чиновников, лояльных существующему режиму.

Через Комитет представителей он заявил, что останется у власти до тех пор, пока не будет сформировано правительство, пользующееся национальным доверием.

Более того, Кемаль распорядился напечатать бумажные деньги по курсу, составляющему половину официального, а также марку для официальной корреспонденции с печатью «генеральной администрации Анатолии».

Новое правительство, сформированное Али Рызой, качественно отличалось по составу от старого.

За исключением Саида-Моллы, активного члена Ассоциации друзей Великобритании, занявшего незначительный пост, все министры, причем многие из них военные, известны как симпатизирующие «Единению и прогрессу» и националистам.

Тон прессы Стамбула тоже изменился, и даже антиюнионистские газеты публиковали статьи, поддерживающие национальное движение.

Наследный принц Абдул-Меджид в интервью от 6 октября после критики ушедшего в отставку правительства высказался за немедленную организацию выборов, чтобы позволить сформировать кабинет, «сплоченный и наделенный опытом».

Новое правительство приняло требование, кемалистов о созыве оттоманского парламента, а кемалисты восстановили связь со Стамбулом.

Именно выборы стали в то время навязчивой идеей, охватившей всех, идеей удивительной и наивной.

Люди почему-то хотели верить в то, что выборы кабинета министров, даже если все они будут националистами, смогут изменить отношение к Турции на мирной конференции в Париже.

Такова была точка зрения правительства, программу которого Али Рыза изложил английскому военному коменданту Робеку.

— Выборы, — сказал он, — могут показать всем — в Стамбуле, Анатолии и на Парижской мирной конференции, — что правительство владеет ситуацией и является цивилизованным партнером, достойным доверия великих держав…

При этом Али Рыза не упустил возможности заявить, что

правительство рассматривает «преступления во время войны, депортацию, массовую резню армян как пятно на чести Турции, которое необходимо смыть».

«Выборы, — вторил своему премьеру министр внутренних дел в циркуляре от 16 октября, — проведенные в точном соответствии с законодательством, продемонстрируют всему цивилизованному миру реальную волю нации».

Да, все это было так, но когда Кемаль потребовал от нового великиго везиря организации выборов и признания национального движения, великий везирь дал ему понять, что не намерен уступать ни крупицы законной власти.

А ведь Кемаль не только требовал выборов, но и представил ему свой список друзей-военных, для которых требовал ответственных постов, а также настаивал на суде над Ферит-пашой, Али Кемалем и всеми антинационалистами.

Чтобы «окончательно оговорить детали соглашения между правительством и националистами», Кемаль в сопровождении Рауфа и Бекира Сами встретился в Амасье со специальным представителем правительства Салих-пашой, морским министром и опытным политиком.

Переговоры в Амасье проходили с 20 по 22 октября.

Прежде чем прибыть в Амасью, Кемаль опросил командующих армейскими корпусами и узнал их мнение о внешней политике, администрации внутри страны и организации армии.

Поступок, типичный для Кемаля, так как подобная консультация — не проявление какой-либо слабости, а постоянное стремление найти оптимальное решение.

Наиболее интересные ответы получены Кемалем от Карабекира и командующего 13-м корпусом армии в Диярбакыре. Карабекир энергично защищал армию:

— Армия должна остаться главной опорой, а ее численность не должна уменьшаться, так как полезно для общества, чтобы каждый год армия получала новое пополнение из молодых…

Командующий 13-м армейским корпусом тоже защищал корпоративные интересы и считал, что следует усилить армию и обеспечить продвижение офицеров по службе.

Правда, при этом он высказал весьма не понравившуюся Кемалю идею, предложив отставить армянам небольшую территорию, «изменив немного наши восточные границы, учитывая необходимость создания Армении».

По понятным причинам это предложение не получило поддержки.

Соглашение, подписанное Кемалем и специальным посланником Стамбула, явно удовлетворяло националистов.

Были приняты их позиции по определению национальных границ, о положении национальных меньшинств, по статусу Комитета представителей.

В конфиденциальном приложении Салих-паша согласился поддержать функционеров-националистов, увеличить ресурсы национальных сил на западе и ограничить активность Ассоциации друзей Великобритании, а также и «других обществ и газет, оплачиваемых из-за рубежа».

Кемаль согласился с тем, что Комитет представителей не станет вмешиваться в выборы, разве что будет «деликатно» устранять юнионистов и военных, скомпрометировавших себя во время мировой войны.

Короче, обе стороны были удовлетворены, в результате правительство признало законность национального движения Кемаля, а Кемаль признал законность Блистательной Порты.

На самом деле Амасийский протокол содержал немало двусмысленностей.

Ряд положений зависит от третьей стороны — парламента или императорского правительства.

В частности, вопрос о месте заседания нового парламента.

Салих согласен с Кемалем, что, так как Стамбул находится под контролем союзников, парламенту лучше работать в Анатолии, «как это сделали французы в Бордо в 1870–1871 годах и немцы совсем недавно в Веймаре».

Но он выражал только личное мнение.

Двусмысленности соглашения отражают отношения Стамбула и Сиваса.

Все члены правительства, за исключением военного министра Кючюк Джемаля, старше пятидесяти, и все они прежде всего верные подданные Короны, и хотя они и националисты, но не хотят быть оппозиционным правительством.

Сам Кемаль стал приходить к мысли, что между открытой враждебностью Ферит-паши и протянутой рукой, но в перчатке, Али Рыза небольшая разница, так что он пока выиграл совсем немного.

Надо полагать, что Кемаль уже не строил никаких иллюзий по поводу нового правительства, но виду не подавал.

Да и зачем?

Надо демонстрировать уверенность.

В начале предвыборной кампании он дал интервью главному редактору консервативной газеты «Тасвири-эфкяр» («Толкователь

событий»).

Ему был задан двадцать один вопрос, подготовленный начальником Генерального штаба, и Кемаль дал на них двадцать один ответ, которые по своей беспринципности и амбициям достойны опытного политика.

— Почему национальное движение?

— По причине несправедливого отношения к людям.

— Когда зародилось национальное движение?

— На следующий день после заключения перемирия, причем практически по всей стране в одно и то же время.

— В каких вилайетах движение сегодня активно?

— Нет ни одного района в Анатолии и Румелии, где не было бы движения.

— Кто являются лидерами?

— Сыновья, избранные нацией, кто сражался за независимость и неприкосновенность родины.

— Какова главная цель движения!

— Уважение единства родины и национальной независимости.

— Как можно добиться этого?

— Благодаря национальным силам, которые спасут и укрепят национальный суверенитет. (Кемаль ссылается на резолюции и мандаты конгресса.)

— Что вы думаете о выборах!

— Они должны обеспечить свободу нации и проходить без какого-либо вмешательства. Кандидаты должны признать принципы национального движения.

— Можно ли провести свободные выборы в Анатолии!

— Да…

— Каково ваше мнение о пропорциональном представительстве?

— Выборы должны проходить в соответствии с существующим законом. Только национальная организация может занимать определенную позицию по этому вопросу.

— А что думаете вы по поводу границ Армении, планируемых в Европе?

Кемаль воздерживается от ответа.

— Какими могут быть границы Армении?

— Националисты не могут уступить Армении ни пяди территории родины, находящейся внутри границ, установленных перемирием от 30 октября 1918 года.

— Беседовали ли вы с генералом Харбордом?

Кемаль промолчал.

— Подтверждаете ли вы слухи о том, что члены «Единения и

прогресса» фигурируют в составе национальных сил?

— Ни один юнионист не является членом национальной организации. «Единение и прогресс» принадлежит истории. Если только ошибки центрального правительства или европейских держав не реанимируют его, народ не думает об этом и не возродит его…

— Возможно ли, что «Единение и прогресс» оказывает влияние на национальные силы?

— Только народ и его возвышенный идеал оказывают влияние.

— Что станет с национальными силами после выборов?

— Их судьба будет решена конгрессом, который объединит национальных представителей в условиях свободы и безопасности для исполнения законодательных функций и контроля исполнительной власти.

— Каковы возможные границы государства?

— Границы независимой Турции останутся теми, какими были в день заключения перемирия 30 октября 1918 года.

— Не могли бы вы кратко ознакомить нас с вашей биографией?

Кемаль смог, не забыв отметить свои «разногласия с главнокомандующим Энвером по поводу проведения военных операций».

— А что после перемирия?

— После перемирия вернулся в Стамбул. Затем, как известно, был назначен в Восточную Анатолию военным инспектором 3-й армии. 8 июля 1919 года подал в отставку.

— Говорят, что вы хотите стать кандидатом. Правда ли это, и если да, то где вы будете баллотироваться?

— Я — не кандидат. Но если народ меня изберет где-либо, я с гордостью приму парламентский мандат.

— Есть ли среди ваших друзей кандидаты?

— Мои друзья ведут себя так же, как я.

— Находятся ли в вашем городе представители великих держав Антанты? Вступали ли вы с ними в контакт? Какие взаимоотношения сложились у вас с ними? Что думают они по поводу национальных сил!

— Представителей здесь нет. Но во время личных встреч с политиками или военными практически всех великих держав Европы и США, бывших здесь проездом, они признали и оценили легальный характер нашего движения и национальной организации.

— Когда Васыф-бей, назначенный вашим представителем в Стамбуле, прибудет в столицу и с какими поручениями?

Кемаль не ответил.

Читая это интервью, нетрудно заметить, что Кемаль временами лукавил, особенно когда говорил о роли юнионистов или заявлял о возможности организовать свободные выборы в Анатолии.

Особенно поражают слова Кемаля о свободных выборах осенью 1919 года.

Мы уже прекрасно знаем, как проходят выборы даже в самых цивилизованных странах и сколько н них грязи и лжи.

А вот как могли проходить свободные выборы в Анатолии, лишенной традиции выборов, где 90 процентов населения было неграмотным, в условиях иностранной оккупации, знал только один Кемаль.

Как писал английский капитан Хадкинсон, выборы на самом деле были «позорными», «грубой шуткой», с урнами, плетенными из тонких прутьев, в условиях давления на малые народы и немусульман.

Сам военный министр, «ассоциированный член» Комитета прёдставителей, сообщил Кемалю, что немусульмане не голосовали, что члены политических партий заняли «сдержанную и выжидательную» позицию и что ходят слухи о многочисленных нарушениях.

Кемаля спорить не стал.

Он просто заявил, что было бы ошибкой считать, будто члены политических партий не голосовали, просто они не добились никакого успеха.

По другим пунктам заявления министра он хранит молчание.

И в самом деле, за исключением евреев, немусульманская часть населения не голосовала, а сторонники «Либеральной Антанты» отказались принимать участие в выборах.

В Стамбуле число голосовавших составило только 12 процентов.

Правительсво оказалось в слодном положении, поскольку ему было необходимо доказать союзникам обещеннаое им качество этих выборов.

Чтобы улучшить впечатление, Блистательная Порта решила отправить в Анатолию миссию, которой поручено проверить нарушения на выборах.

Кемаль возражал, но великий визирь все же направил в Сивас начальника Генерального штаба знаменитого генерала Февзи.

Кемаль хорошо знал генерала, с которым воевал на Дарданеллах и в группе армий «Йылдырым».

19 ноября Февзи прибыл в Сивас.

Кемаль сразу же заговорил о вреде его миссии, которая создавала впечатление, будто между Стамбулом и националистами нет согласия.

Что касается выборов, то они, по словам Кемаля, проводились в соответствии с законом.

При этом он признал, что «невежество населения вынудило их назначать членов избирательной коллегии и что по его требованию были привлечены ходжи, чтобы способствовать избранию кандидатов, соответствующих интересам страны и нации».

Сложно сказать, до чего договорились Кемаль с Февзи, но после возвращения в Стамбул он выразил удовлетворение всем увиденным в Анатолии.

Выборы избирательной коллегии завершились в начале ноября.

Выборы в парламент принесли Кемалю новый успех, и большинство мест в нем получили националисты.

Но Кемаль не обольщался, поскольку среди них были как его сторонникик, так и те, для кого национализм был только средством к укреплению власти султана-халифа.

Положение осложнялось еще и тем, что большинтсво депутатов не собирались оставаться в Анатолии, как того хотел Кемаль.

— Палата депутатов, — говорил он, — не должна собираться в Стамбуле, оккупированном англичанами, где она она не сможет добиться цели, преследуемой нацией…

Но как только он заговорил о своем желании видеть законодательное собрание в Анатолии, как наткнулся на глухую стену непонимания.

Ни у кого из вновь избранных в парламент не было желания менять роскошную столицу на глухую провинцию.

Карабекир, Али Фуад и особенно Рауф были за Стамбул.

29 ноября, в последний день работы собрания, Кемаль должен был сделать выбор между собственными амбициями и реальностью.

И он уступил.

— Я, — заявил он близким друзьям, — понял, что большинство депутатов соберутся в Стамбуле. У нас нет возможности заставить их собраться вне столицы…

Положение Кемаля стало шатким.

Он даже не сомневался в том, что султан и Блистательная Порта сумеют «поработать» с депутатами и направить их деятельность в нужное им русло.

Выборы могли стать началом его конца, объединение в

Амасьи — заблуждением, а победа националистов на выборах — пирровой победой.

Об этом он подробно говорил на совещании военачальников, которых он собрал 16 ноября в Сивасе.

Но единственное, чего он смог добиться, так только того, что Комитет представителей остался в Анатолии «по причине недостаточной безопасности в Стамбуле».

Кроме того, он решил сформировать группу националистов в составе палаты депутатов, которая представляла «не делегацию, а политическую группу, способную защищать его позиции».

Период с момента окончания выборов в начале ноября 1919 года до сессии османского парламента 12 января 1920 года был весьма любопытным.

В столице процветали политические интриги и всевозможные сплетни.

Возвращение принца Сабахеддина, почти постоянно находившегося в изгнании, было символичным.

Ферит-паша жаждал вернуться к власти.

Он вступил в переговоры с курдами и пообещал им независимый Курдистан при условии, что они разгромят националистов Сиваса.

И это обещание сразу же обострило и без того неспокойную обстановку.

На западе, в районе Коньи, центра консерватизма, несколько вооруженных отрядов выступили против националистов, которых обвиняли в том, что они «нападали на дома, принадлежащие образованным, состоятельным и уважаемым людям».

Англичане спровоцировали мятежи в Бозкыре и Конье, и Рефет поспешил усмирять их.

На северо-западе Анатолии, в районе Бурсы и Баликесира, против националистов выступил чекрес Ахмет Анзавур, бывший жандармский полковник царской России.

Глава VII

23 и 24 ноября 1919 года в Дели произошло важное событие для всего мусульманского мира.

Именно там собралось более трехсот делегатов, среди которых был и Неру, на конференцию по проблемам халифата.

Индийские мусульмане выразили серьезную озабоченность судьбой султана-халифа Стамбула.

— Когда правительство приходит в упадок, — говорил один из делегатова, — как долго сохранятся его слава и влияние? Марокко пало, Персия тоже, теперь мы посмотрим, как долго будет сопротивляться Турция.

Конференция в Дели решила, что священный долг всех индийских мусульман — «отказаться от поддержки» английского правительства, если халифату угрожает несправедливый турецкий мирный договор.

Конференция объявила бойкот европейским товарам и избрала президентом индуса, чья слава начала только зарождаться, — Махатмы Ганди.

Но самое интересное заключалаось в том, что для всех этих людей, преклонявшихся перед халифом, Кемаль-паша, сведения о котором были опубликованы прессой националистов в Бомбее, стал настоящим героем.

То же самое происходило в Северной Африке, Сирии, Египте и Ираке, где также были весьма озабочены судьбой султана-халифа, уготованной ему союзниками.

Эта преданность халифу стала для Кемаля важным козырем, и он умело пользовался им, угрожая союзникам губительными последствиями праведного возмущения «двух великих континентов».

— Это, — отмечал Дефранс, — явный намек на панисламистское движение, которое Кемаль и его сторонники угрожают спровоцировать в Азии и Африке…

Были и другие доказательства подрывной деятельнсти Кепмаля в этом направлении.

По меньшей мере, трижды в ноябре 1919-го и марте 1920 года французы и англичане перехватывали корреспонденцию в духе воинствующего ислама.

«Я, — сообщал в письме влиятельному чиновнику в регионе Алеппо Кемаль, — переписывался с командующим арабской армией и, если позволит Всевышний, вскоре отправлюсь к моим братьям-сирийцам».

Он подписывался как «командующий войсками,

защищающими мусульманскую религию».

Другое письмо с его страстным призывом к священной войне и к «Священному союзу всех мусульман» было распространено в Палестине.

На этот раз Кемаль подписался как «представитель Великого воина за веру Кемаль-паша» и призвал мусульман создавать национальные партии, чтобы лучше подготовиться к восстанию.

Анализируя все эти факты, французы и англичане были уверены в том, что Кемаль проводил панисламистскую политику с целью создания Исламского союза.

А если это не так, то зачем собирать в Сивасе осенью 1919 года представителей Сирии, Месопотамии, Индии, курдов, арабов и азербайджанцев?

Аналитик из английской комендатуры, майор Райан, специально изучал «менталитет национального движения» на основе публикаций журнала националистов «К Измиру».

А изучив, отметил, что участившиеся статьи, посвященные мусульманам Индии, сирийскому конгрессу, египтянам и персам, привели его к выводу, что Кемаль стремился объединить всех мусульман вокруг халифа Стамбула.

На самом деле вся эта деятельность была, скорее, бряцанием оружия, поскольку Кемаль никогда не был панисламистом в том смысле, в каком им был Абдул-Хамид.

На открытии Великого национального собрания в Анкаре Кемаль в приватной беседе высказался по поводу панисламизма:

— Мы не защищали панисламизм, который пугает иностранцев. Но мы нуждаемся в моральной и материальной поддержке мусульман. Кстати, исламские страны поддерживают нас…

Если же он и был панисламистом, то панисламистом показным, так как нуждался в помощи ходжей, которые, как он сам признался Февзи-паше, помогли ему выиграть выборы.

Мог ли он публично критиковать тех, кто заявил, что «арабы Сирии, Египта, мусульмане Кавказа, Индии, Афганистана — все они объединились вокруг Кемаля, чтобы спасти ислам»?

Да, конечно, нет.

Более того, он всячески поддерживал всех этих людей на словах, прекрасно понимая, что никакого панисламисткого выступления в те времена просто не могло быть.

Но в то же время он прекрасно видел, как это самое бряцание оружием действует на его врагов и продолжал пользоваться им.

Что же касается развития национально-исламистского движения в Индии, Египте, Тунисе или Сирии, то даже если Кемаль не имел к этому отношения, его могло только порадовать

его, так как серьезно беспокоило англичан и французов.

Прагматизм и трезвость взгляда всегда были присущи Кемалю.

После Октябрьской революции и окончания Первой мировой войны Восток, от Марокко до Китая, сотрясала лихорадка национализма, исламизма и большевизма.

Спецслужбы, а затем министерские канцелярии открывали для себя новые имена — Ганди, генерала Реза Пехлеви, того Мустафу Кемаля.

В этой битве Кемаль и Турция оказались на переднем фланге перед лицом традиционных колониальных держав.

Его противостояние Стамбулу и союзникам не было продиктовано заурядными амбициями.

С одной стороны, не нужно забывать о прошлом и традициях: султан, давая интервью Ассошиэйтед Пресс, приветствовал введение «сухого закона» в США, подчеркивая, что речь идет о мерах, какие приняты «в течение веков» в мусульманских странах.

В Анатолии уже ощущалось дыхание нового века.

«Сегодня среди наших интеллектуалов, — отмечал анонимный автор в статье „Наш менталитет и противоречия в современную эпоху“ в официальной газете националистов „Национальная воля“, — имеющих то или иное влияние на судьбу нашей страны, нет ни одного, кто не думал бы о необходимости модернизации.

Нет среди них и таких, кто ради поставленного на карту спасения и будущего страны, не старался бы доказать ее неизбежность, основываясь на тех принципах, которые доминируют в нашу эпоху».

Под современным менталитетом автор понимал «способность основываться на принципах, созданных знаниями, наукой и общим прогрессом, и энергично двигаться к будущему, изменяя и реформируя традиции и фундаментальные основы, несовместимые с этими принципами».

И по сей день неизвестно, был автором этих строк сам Кемаль, но то, что он собирался строить новую Турцию, изменяя и реформируя традиции и фундаментальные основы, не вызывает ни малейшего сомнения.

Поскольку именно они проходили красной нитью через все его выступления на эту тему.

Осенью 1919 года продолжился кризис в Киликии, сыгравший важную роль в развитии борьбы за Независимость.

Многие историки и сегодня утверждают, что именно оттуда Кемаль начал национально-освободительную борьбу.

Являвшаяся воротами Анатолии в арабскую Сирию и богатая паолезными ископаемыми Киликия всегда была лаком куском для любых захватчиков.

В Киликии жило много арабов и армян, но основную часть населения составляли турки, и не случано Дефранс писал, что «Киликия — уже турецкая».

После занятия Киликии английскими войсками, а затем утверждения там французской администрации местная власть полностью осталась в руках бывших турецких правителей, многие из которых в своей идеологии руководствовались принципами младотурок.

Временный губернатор Аданы Назым-бей и его чиновники организовали в городах и селах, входящих в этот вилайет, боевые группы, примыкающие к комитету «Единение и прогресс».

Известный младотурецкий деятель Нехат-паша поощрял создание «исламских союзов», направленных против христианского населения.

Это делалось под видом защиты мусульман.

Но способы этой «защиты», как отмечал Готро, резюмировались в двух словах — провокация и клевета.

Со всеми вытекающими отсюда кровавыми последствиями.

В начале июня 1919 года английский генерал Эндрю, прибыв в Мараш, пригласил к себе всех влиятельных иттихадистов города и потребовал от них распустить свои тайные организации.

Последние дали обещания, но после его отъезда продолжали свою деятельность.

Обстановка в Киликии еще более обострилась осенью 1919 года, когда английские войска в Киликии и «восточных территориях» — Айнтабе, Урфе и Биреджике были заменены французскими.

С момента заключения перемирия французы открыто поддерживали армян, а в начале ноября 1919 года они расширили свою зону оккупации до Мараша, Урфы и Антепа.

Особенно турок возмутило то, что во французских войсках находилось много армян.

Кемаль был возмущен расширявшейся французской оккупацией, которую он называл «бесчеловечным акт».

Несмотря на свои пока еще слабые силы, националисты решили послать в Киликию человека, который возьмет на себя организацию в ней сопротивления оккупантам.

Кемалю рекомендовали бывшего адъютанта Энвера, Сулеймана Асафа Эмруллахзаде, смелого до безрассудности и не знавшего пощады к врагам.

Асаф вызывал у Кемаля естественное недоверие, и тогда тот

предложил ему испытать его.

Кемаль не нашел ничего лучшего, как предложить тому взять голой рукой горящую лампу.

Асаф взял и завоевал доверие Кемаля, давшего ему за проявленные качества при организации восстания в Мараше новое имя — Кылыч Али (Али-меч).

Именно так звали национального героя Османской империи Кылыча Али-пашу.

В сражении против Священной Лиги при Лепанто, которое состоялось 7 октября 1571 года, этот бывший корсар сумел захватить флагман Мальтийского Ордена.

На пути в Стамбул он продолжал собирать разрозненные корабли и к столице прибыл с 87 судами.

В столице он преподнёс в дар султану штандарт Мальтийского ордена, захваченный на флагмане, за что был награждён титулом «Кылыч» (меч) и должностью адмирала османского флота.

Со временем Кылыч Али стал одним из самых доверенных лиц Кемаля.

Хорошо зная о том, что турки в Киликии составляли меньшинство, а все мусульмане, вместе взятые, — большинство, националисты начали разжигать вражду между мусульманским и армянским населением, выступая с призывами преследовать армян.

В октябре — ноябре 1919 года Кемаль призвал объединиться под знаменем ислама.

Так, в воззвании от 9 октября 1919 года, обращенном к сирийцам, он призывал единоверцев «оставить в стороне распри и со всей силой выступить против тех предательских групп, которые хотят разделить нашу страну».

«О, народ Ислама! — говорилось в одном из таких воззваний. — Турецкая интеллигенция была вынуждена вызвать к жизни огромное и замечательное национальное движение, основав партию по защите Анатолии и Румелии.

Готовясь нанести первый удар по грекам Измира, она также собирается дать отпор армянским погромщикам Анти-Тавра.

О, месяцами лишенные покоя и счастья наши кровные братья, граждане, будьте уверены, что очень скоро эти черные испытания пройдут, и луна снова засветит на славном горизонте Тавра.

О, мир Ислама! О, мусульманские турки! Проснитесь, пока вам слышен голос эзана, пока наша родина не наполнилась звуками церковных колоколов!»

— Вы пожалеете, если не внемлете мне, — предупреждал сам

Кемаль.

В такой напряженной обстановке 29 октября 1919 года первый французский контингент заменил в Мараше уходящие английские войска.

В его составе были одна рота 412-го пехотного полка под командованием капитана Фуке, первый батальон армянского легиона и кавалерийский взвод сенегальцев.

Через месяц назначенный французским администратором Марашского санджака капитан Андрэ, в сопровождении жандармского отряда (125 турок и черкесов, 25 армян, халдеев, ассирийцев) прибыл в Мараш.

Обстановка в Мараше, где проживало 40 тысяч турок и 20 тясяч армян, была накалена до предела.

От имени Представительного комитета обществ защиты прав М. Кемаль 12 ноября 1919 года выразил протест против французской оккупации.

Та оставила его без внимания, и кемалисты начали энергичные боевые действия в Киликии.

«Начиная с 19 ноября, — писал полковник Бремон, — когда Кемаль от имени обществ защиты прав Аданы, Мерсина, Джебель-Берекета и Сиса выразил протест против французской оккупации Айнтаба и Марата, стало очевидным, что мы находимся непосредственно в конфликте с Мустафой Кемалем».

Для организации восстания против французов была направлена в Мараш группа офицеров во главе с Кылыч Али, «товарищем и другом Мустафа Кемаль-паши».

Почему кемалистское руководство, игнорируя англо-греческую опасность, решило начать национальную войну именно с южного фронта?

Непосредственный участник событий полковник Бремон в своих воспоминаниях указывал на две вероятные причины.

Прежде всего, он отмечал ту ненависть, которую еще недавно в воевавших вместе с немцами против французов турецкие офицеры испытывали к последним.

Сыграло свою роль и слабость французского оккупационного корпуса в Киликии по сравнению с многочисленной и хорошо снабженной боеприпасами греческой армии.

Имея в своем распоряжении всего две дивизии, Кемаль даже при всем желании не мог выступить против греческих войск, насчитывающих на Измирском фронте 120 тысяч человек.

Некоторые исследователи, которые считали, что Кемаль, решив, что Киликия несравненно слабее танками и самолетами, нежели греческая зона, стремился достичь успеха против

французов, что было ему необходимо для укрепления своего авторитета.

Что, надо заметить, осуждала турецкая пресса, считая этот шаг Кемаля «дипломатическим поражением».

«Мы должны признать, — писал в газете „Пейями-Сабах“ бывший министр внутренних дел Али Кемаль-бей, — что было крупной ошибкой для руководителей национальной армии идти на Киликию, в то время, когда оставались нерешенными вопрос Измира и другие проблемы».

«Против кого выступит Кемаль? — вопрошал один из исследователей событий в Киликии в опубликованной им статье. — Против греков в Смирне? Против французов в Киликии?

Дебаты в Бурбонском дворце раскрывают ему нашу нерешительность; по сравнению с греческой армией, насчитывающей 100 тыс. человек, наши войска малочисленны…

Нашим постам недостает продовольствия, боеприпасов, снаряжения, а Фейсал интригует в Дамаске.

Мустафа Кемаль принимает решение. Он займется греками позже, в настоящий же момент он будет сочетать свои действия против нас с выступлениями сторонников Фейсала».

Советский тюрколог А. Д. Желтяков считал, что Кемаль нанес первый удар по интервентам в Киликии по причине географического положения Мараша и больших запасов пшеницы в городе.

Возможно, это так, но были и другие факторы.

Выступление против хорошо вооруженной англичанами греческой армии в этот период могло кончиться для кемалистов плачевно во всех отношениях.

Другое дело относительно слабые французские военные силы в Киликии.

Сыграло свою роль и возвращение осенью 1919 года армян в свои родные места в Киликии.

И Кемаль очень опасался того, что они, увеличившись численно, будут бороться за армянскую автономию в Киликии.

В самом городе уже несколько месяцев, как развернули энергичную пантуранистскую деятельность бывшие младотурецкие деятели во главе с лидером марашских иттихадистов доктором Мустафой.

Мустафа не скрывал, что их подпольные приготовления к восстанию равным образом направлены против армянского населения города.

В конце ноября он отправился в Эльбистан для встреч с

находяшимися там кемалистскими деятелями.

Одновременно он связался по проводу с пребывавшим в Сивасе М. Кемалем.

Получив соответствующие указания относительно передачи вооружения и боеприпасов силам националистов этого района, он возвратился в Мараш.

К этому времени в городе было создано «Общество защиты прав Мараша», разработавшее программу борьбы против французов.

Оно стало распространять антифранцузские и антиармянские прокламации и выпускать рукописную газету.

В каждом районе создавались вооруженные отряды.

К подготовительным работам была привлечена и местная жандармерия.

Все эти мероприятия по подготовке к восстанию, как в самом городе, так и в окрестных деревнях, вдохновлялись кемалистами извне, через газету «Adanaya dogru».

«Средь бела дня, — пишет непосредственный очевидец происходившего, предводитель францисканских отцов в Мараше бельгиец Матерн Мюре, — кемалистские руководители, вкупе с местными властями, раздавали оружие и боеприпасы мусульманскому населению города и его окрестностей, посылали пулеметы, готовили огневые точки в нишах стен и, наконец, строили баррикады…»

Атмосфера накалялась.

Добавлял напряжения и Кылыч Али со своим отрядом, который наводил ужас как на амрян, так и на французов.

Понимая, что уже очень скоро начнутся боевые действия, марашские армяне попросили французскую администрацию усилить местный гарнизон.

Однако те и не подумали этого делать.

4 декабря 1919 года один из сотрудников Представительного комитета вручил Кемалю визитную карточку.

На ней было написано: «Представитель французского правительства в Сирии и Армении Жорж-Пико».

— Я, — заявил Кемаль, — не могу принять лицо, которое прибыло в качестве армянского представителя Франции…

На следующий день Пико сам явился в здание Представительного комитета и сообщил, что выступает как представитель армянского правительства, существующего в Ереване, и что он «никакой связи и отношений не имеет с тем государством, которое намереваются создать за пределами власти Ереванского правительства».

Только после такого уточнения полномочий Кемаль согласился принять его.

Надо заметить, что он совсем не удивился появлению в Сивасе французского дипломата.

Более того, он ждал его.

А все дело было в заинтересованности французских финансовых кругов в турецких делах и их туркофильском настроении.

Именно поэтому в отличие от своей союзницы Англии Франция не была заинтересована в расчленении Турции и ликвидации ее государственной самостоятельности.

Французский капитал накануне мировой войны занимал доминирующее положение в экономике Османской империи.

«Политика Франции по отношению к Турции, — писал бывший турецкий посол в Берлине Мухтар-паша, — была обусловлена вожделениями ее банкиров».

На долю Франции приходилось 60 % Оттоманского долга, в то время, как у Англии было всего 14 %.

В отличие от Англии Франция в случае уничтожения турецкой государственности лишалась всех своих финансовых и экономических привилегий.

«Расчленение Турции, — отмечал член Палаты депутатов Э. Берние, — равносильно ликвидации французского влияния на Ближнем Востоке».

С точки зрения экономических интересов французских капиталистов значительный интерес представляла Киликия.

Этот богатый край сулил большие перспективы для развития ряда отраслей французской промышленности.

В политике французских правящих кругов по отношению к Турции важную роль играл и религиозный фактор.

Владея колониями с преобладающим мусульманским населением, христианская Франция очень часто выступала не с защитой христиан Востока, как это пытаются представить апологеты французского империализма, а в поддержку турецкого султана — халифа всех мусульман.

— Франция, — говорил по этому поводу премьер-министр А. Бриан с трибуны Национального собрания, — мусульманское государство, и она должна вернуться к своей старой традиционной политике по отношению к Турции…

Сыграло свою роль и то, что Англия после окончания мировой войны сразу же же дала знать сопернице, что не намерена соблюдать дух и букву заключенных в годы войны тайных договоров.

Дело дошло до того, что даже обещанные Парижу территории

Англия не уступала без борьбы.

Именно поэтому французская дипломатия, несмотря на сильное противодействие Англии, предприняла ряд шагов, направленных на проведение самостоятельной линии в турецком вопросе.

Именно поэтому еще 28 октября 1919 года, сразу после эвакуации английских войск из Киликии глава французской администрации полковник Бремон прислал Кемалю телеграмму «с целью установления с ним контакта».

В посланном ему через день ответе Кемаль изложил свои условия турок: не оккупировать Урфу, Айнтаб и Мараш и сделать заявление о том, что оккупация Киликии является временной.

Вскоре находившийся в Кайсери Али Фуад-паша получил от Представительного комитета телеграмму, в которой говорилось, что верховный комиссар Франции в Сирии и Киликии Жорж-Пико через Бекира Сами изъявил желание установить контакт с Представительным комитетом.

«Просьба, — говорилось в телеграмме, — облегчить его путешествие и при возможности узнать о целях его поездки и сообщить об этом в Представительный комитет до его приезда».

Прибыв в Кайсери 6 декабря 1919 года, Жорж-Пико встретился с Али Фуад-пашой и «имел с ним откровенные беседы».

Пико заявил, что скоро во Франции произойдет смена кабинета, в результате которой премьер-министром станет Аристид Бриан и что «все изменится».

— Как политика Бриана, так и политика французской нации, — говорил он, — заключается в том, чтобы на Среднем Востоке, на той части, где имеется турецкое большинство, возникло бы сильное и независимое турецкое государство…

Далее французский дипломат заверил Али Фуада, что Франция примет все возможные меры для достижения этой цели.

Одновременно Пико выражал надежду, что кровопролитные столкновения в Киликии будут прекращены.

— Будущая политика независимой Турции и Франции, — заявил он, — не должна быть поставлена под угрозу из-за подобных движений…

Из высказываний французского дипломата нетрудно сделать вывод, что они отражали стремление французских руководящих кругов достичь соглашения с единственной реальной властью в Турции — кемалистским Представительным комитетом.

Удостоверившись, что его примут, Пико на автомашине отправился в Сивас.

Таким образом, Кемаль заранее получил сведения о

намерениях французского представителя и встретил последнего «в полной готовности».

В случае успеха, который кемалисты, знавшие о царивших в Париже настроениях, считали вполне вероятным, можно было бы достичь соглашения с Францией и, отделив ее от союзных держав, еще более углубить англо-французские противоречия.

Помимо всего прочего, националистам нужна была любая военная и дипломатическая победа для воодушевления народа и привлечения его на свою сторону.

При этом должна была быть выполнена одна из самых основных задач, выдвинутых Эрзерумским и Сивасским конгрессами, по противодействию созданию независимой Армении.

Выступая на словах в пользу добровольного и свободного самоопределения всех наций, кемалисты решительно выступали против свободного волеизъявления угнетенных народов Османской империи — арабов, армян, курдов и др.

Лорд Кинросс, автор известной монографии об Ататюрке, отмечал, что Кемаль особенно резко нападал на великого визиря Дамад Ферид-пашу из-за того, что тот согласился с принципом армянской автономии.

Беседы между Кемалем и Пико продолжались два дня.

Если верить автору биографии Ататюрка А. Жевахову, читавшему дневник Пико, то его его беседа, которую Кемаль вел с французом, являла собой смесь лести и угроз.

— Мы, — говорил Кемаль, — решили в случае необходимости прибегнуть к экстремальным мерам. С нами тесно работают арабы Сирии, Ирака и Месопотамии. Существует национальная военная организация, и мы не можем гарантировать ее неучастия в происходящшем в Киликии в силу недовольства среди населения…

Конечно, это была угроза на пансисламистком уровне.

А затем…

— Угроза, — продолжал Кемаль, — не производит на нас никакого эффекта, генерал Франше д'Эсперей ничего не добился. Вы, месье Жорж Пико, добились всего, так как прибыли как друг, и мы ясно почувствовали, какой интерес вы питаете к нам…

В своих воспоминаниях Али Фуад передает интересные подробности об этой встрече.

В начале переговоров Пико сказал Кемалю, что скоро во французском правительстве произойдут изменения, кабинет возглавит Бриан и «новое правительство будет полностью поддерживать турецкую национальную политику».

Подробности о встречах и беседах до нас не дошли, однако французский историк Гонто-Бирон отмечает, что «все основные вопросы, интересовавшие Францию и Турцию, обсуждались, и были приняты решения».

«После долгих споров между Кемалем и Пико, — вторит ему Али Фуад, — было достигнуто абсолютное согласие в турецком, арабском и армянском вопросах».

Наиболее подробно обсуждался вопрос о границах Киликии.

Кемаль заявил, что Турция признает только границы, установленные Мудросским перемирием, и не будет признавать те положения о Киликии, которые были установлены специальной статьей османскими делегатами под диктовку английского адмирала Кальторпа.

— Если османские правительства, всецело зависимые от Англии, не протестовали против оккупации Киликии, — заявил Кемаль, — националисты напротив — никогда не переставали протестовать против этого. Мы готовы уступить лишь Джезире, Ирак и Сирию, но никогда не откажемся от Киликии — части своего тела…

«Во время бесед в Сивасе, — писал французский журналист Э. Бернье, — господину Пико были указаны те серьезные затруднения, на которые мы могли натолкнуться при желании следовать своей бывшей политике».

Другой вопрос, вызвавший бурные споры на переговорах, был вопрос о национальных меньшинствах Турции.

Кемаль защищал принятые на Эрзерумском конгрессе решения, в то время как Жорж-Пико требовал новых дополнительных гарантий безопасности национальных меньшинств, мотивируя это требование обязательствами, взятыми на себя Францией.

Однако, проявив дипломатическое умение, Кемаль ввел в заблуждение французского дипломата, создав у него впечатление о наличии «турецких национальных армий».

Поверив в существование этих призрачных армий, Пико попросил Кемаля «немедленно дать указание этим армиям остановить свое продвижение в Киликии».

Кемаль отверг эту просьбу с таким видом, что даже его соратники поверили в наличие таких армий и высказали свое удивление по поводу скрытности Кемаля.

В результате бесед Кемаля с Пико был выработан проект соглашения, по которому Франция:

1) возвращала Киликию Турции, которая признавала право Франции в вопросах местного самоуправления и протекции меньшинств;

2) гарантировала неделимость Турции в противовес Англии, Греции и Италии.

Резюмируя беседы Мустафы Кемаля с Жорж-Пико, следует отметить, что хотя французский дипломат не был уполномочен своим правительством для ведения официальных переговоров, эта встреча имела положительные результаты для кемалистов и отрицательные — для христианского населения Киликии.

Большая часть французских историков, рассматривая поездку Пико в Сивас исключительно с точки зрения обеспечения французских интересов в Турции, дает положительную оценку этой поездке и с сожалением отмечает, что соглашение не состоялось.

«Проект соглашения, — пишет Ж. Кайзер, — гарантировал Франции значительные права в Киликии и некоторых областях Анатолии и устанавливал мир на границах Киликии».

«Совершенно очевидно, — пишет Жан Пишон, — что если бы переговоры Жорж-Пико закончились успешно, мы бы не пожертвовали бессмысленно нашими солдатами и нашими деньгами в Киликии».

Только Пьер Редан отмечает отрицательные последствия этой встречи.

«Поездка Жорж-Пико в Сивас к Мустафе Кемалю, — отмечал он, — подняла цену последнему».

Положительную оценку результатам встречи Жорж-Пико с Кемалем дают и многие турецкие историки.

Оно и понятно!

Кемаль добился немыслимого.

Одна из самых влиятельных западных стран, по сути дела, отказывалась от своей «доли» в османском наследстве и предлагала ему свое пока еще негласное сотрудничество.

«Встреча М. Кемаль — Жорж-Пико, — пишет Кюркчюоглу, — явилась политическим успехом турецкого националистического движения, умножившим к нему уважение.

Кемалисты поняли также и то, что французы в Киликии слабы».

С. Сониел подчеркивает важность фактического признания власти кемалистов такой державой, как Франция.

«Их встреча, — пишет автор, — подняла моральный дух и увеличила престиж националистов, которые рассматривали в этом неофициальное признание их движения французским правительством.

У них создалось впечатление, что французы не только слабы и уязвимы в Киликии, но и из-за своих противоречий с

англичанами легко могут отвернуться от Антанты, если им обещать экономические концессии».

Так оно все уже очень скоро и будет, поскольку дело было не только в противоречиях, но и в том наглом поведении Англии, каким она отличалась после окончания войны.

Понятно, что поездка Жорж-Пико вызвала недовольство в руководящих английских кругах, как сепаратный шаг, противопоставленный непосредственно английской политике.

«Этот акт, — писал английский агент лорду Керзону, — проливает свет на то сообщение, что французская политика на Ближнем Востоке в настоящее время направлена против британского влияния и интересов».

А английский верховный комиссар в Стамбуле Робек отмечал, что многие французы, в том числе и те, которые занимали официальные посты, симпатизировали движению националистов и желали, чтобы турецкий вопрос был разрешен успешно, «на той основе, которая составляет главный пункт программы националистов, т. е. сохранения неделимости Турции».

Англия оказала сильное давление на Францию, и когда французы и англичане встретились в Лондоне накануне Рождества 1919 года, глава французской делегации Вертело, кадровый дипломат, директор политического департамента министерства иностранных дел, позволил себе шокирующее заявление:

— Завоевание турками Константинополя ознаменовало конец Средневековья; их изгнание ознаменует новый период. Что же касается так называемого национального движения, то это самый обыкновенный блеф, и после первых же военных столкновений все станет на свои места…

Сложно сказать, от чьего имени говорил Вертело, но сюзники подтвердили, что Турция сократится до части Анатолии, потеряв Стамбул, проливы Босфор и Дарданеллы, Фракию, Курдистан, власть над Измиром, Восточную Анатолию до Эрзурума и свою армию.

В Лондоне Франция не решилась на открытое выступление против Англии в силу своей зависимости от нее в европейских делах.

«В этот период, — писал по этому поводу Жак Кайзер, — вся французская внешняя политика натолкнулась на мучительную дилемму: дать свободу действий Англии на Востоке в надежде заполучить ее поддержку на Рейне или противодействовать Англии на Востоке и таким образом остаться с глазу на глаз с

Германией.

Судя по всему, Франция предпочла пойти навстречу английским требованиям на Востоке, дабы иметь возможность получить поддержку английских союзников на Рейне».

И, конечно, она решила выжидать, поскольку прекрасо понимала, что решить еще не значить сделать…

И все-таки Кемаль выиграл!

Да, в Лондоне приняли жесткие решения, но ни Лондон, ни Париж даже не заикнулись при этом о создании Великой Армении.

А еще через десять дней правительство Великобритании заявило Парижу, что больше не хочет… изгнания турок из Стамбула.

А это была уже победа!

Пока еще никем не признанный Кемаль не только говорил на равных с представителем одной из стран-победительниц, но и был услышан в Европе.

Другое дело, что в данном случае Англия и Франция боролись больше между собой, нежели с Кемалем.

И тем не менее…

Кемаль согласился на сотрудничество с Францией при условии, что «наша независимость будет защищена по отношению к другим нациям».

Одновременно он одобрил временное прекращение всяких военных действий в Киликии.

Кемаль был удовлетворен переговорами в Сивасе.

Тем не менее, уже 27 декабря в Мараше началось антифранцузское восстание.

Справедливости ради надо заметить, что Кемаль не смог бы предотвратить его даже при всем желении.

Поскольку обстановка в Мараше накалилась до предела.

Сигналом к выступлению турецкого населения города послужило появление в Мараше организованной националистами в Эльбистане группы четников.

Этот отряд, состоящий из ста всадников, ворвался в город и, устремившись к цитадели, водрузил там турецкий флаг и одно из своих религиозных знамен-текке.

Отряд исчез прежде, чем французы смогли сориентироваться и что-либо предпринять.

Турецкое население города — беднота, ремесленники, в основном низшие слои направили свой гнев в первую очередь против сотрудничавших с французами высшего мусульманского духовенства и богачей.

Разъяренная толпа избила восьмидесятилетнего имама Дайизадэ, который во время молитвы в Большой мечети Мараша призывал мусульман подчиниться французским оккупационным войскам.

Именно благодаря таким имамам, выступление 27 декабря 1919 года в значительной степени было направлено против сотрудничавшей с французами мусульманской верхушки.

В то же время многие очевидцы утверждали, что «давление было извне» и возникло оно, благодаря усилиям кемалистов.

Турецкие чиновники ждали инструкции из Константинополя, чтобы сориентироваться, и лишь некоторые из них питали открытую симпатию к кемалистам.

Что же касается оккупационных властей, то они не спешили что-то предпринимать.

— Терялись ценные дни, — писал французский историк дю Веу. — Тем временем Мустафа Кемаль перенес свой главный штаб в Ангору и объявил «открытую охоту на армян», наводнил район своими всадниками, угрожал сиротскому дому в Аруние, тремя сотнями чете отрезал в Пазарджике новую дорогу, ведущую в Айнтаб.

Однако сам Кемаль так не думал.

— Существенным моментом плана, — объяснял он создавшееся положение, — который наши враги пытались применить по отношению к нам, было желание наглядно показать всему миру, что внутри страны совершенно отсутствовала безопасность, что христиане служили объектом постоянных нападений и что все это было делом национальных сил Турции. Движимые этой тайной и вероломной целью, они, как мы это видели, принялись за организацию банд, направляя их главным образом против христиан, с тем, чтобы совершенные бандами злодеяния можно было приписать национальным силам…

Как можно видеть из этого мнонолога: было бы действие, а объяснение ему всегда найдется…

Глава VIII

Кемаль решил обосноваться в Эскишехире, важном железнодорожном узле, всего в трехстах километрах от Стамбула:

— Это общее правило, — говорил он, — что те, чья задача руководить и обеспечить высшее командование во время войны, должны быть рядом с наиболее важными участками операций, там, где опасность наиболее велика…

В Эскишехире он посетил могилу основателя ордена дервишей Бекташи Наджи Бекташа.

Орден отличался своеобразным отношением к догмам ислама и пользовался большим влиянием среди населения.

Покоренный обхождением лидера националистов челеби ордена Джемаллеттин обещал ему свою поддержку.

Очень скоро Кемаль убедился в том, что присутствие в Эскишехире значительного контингента англичан и активность антинационалистов в Западной Анатолии осложняют его работу.

Он решил сделать своей резиденцией Анкару.

Как только стали известны имена депутатов от Анатолии, Кемаль приказал им собраться в Анкаре.

Там тоже сохранялась власть султана, а оккупационные войска были представлены небольшими группами англичан и французов.

Впрочем, власть султана была скорее номинальной, и временный губернатор давно действовал по своему усмотрению.

18 декабря 1919 года Кемаль вместе с членами комитета отправился в Анкару.

Дорога в Анкару была в ужасном состоянии.

Шёл снег, автомобили застревали, выходили из строя.

Приходилось идти пешком до ближайшего селения, звать на помощь.

27 декабря у деревни Гёльбаши группу Кемаля встретили Али Фуад-паша и временный губернатор Анкары Яхья Галиб-бей.

Затем процессия направилась к железнодорожной станции.

Там в присутствии англичан и французов состоялась торжественная встреча прибывших, которой руководил церемонией муфтий Анкары МехметРифат-эфенди.

О прибытии комитета жители Анкары знали заранее.

Из жителей Анкары, в те времена «запущенного полуразрушенного анатолийского городка», мало кто знал о программе кемалистов, о решениях Сивасского конгресса.

Зато анкарцы хорошо знали другое: Кемаль и его спутники

были людьми, боровшимися с оккупантами.

И это было главным!

Именно поэтому на узкие улочки Анкары вышло почти все ее население.

Отдельную группу составляли религиозные деятели во главе с муфтием города.

С вокзала Кемаль и его спутники направились к центру города, к главной городской святыне — мечете основателя близкого к Бекташи дервишского ордена Хаджи Байрама.

После совершенной в ней молитвы процессия отправилась в город, и на всем пути Кемаля приветствовали всадники, дервиши и жители города.

Один из свидетелей этой встречи Кемаля вспоминал позже, что «в его голубых глазах сверкал огонь непреклонной воли и веры».

Другой молодой человек также подтверждает магическую силу его голубых глаз.

— Меня, — рассказывал он, — охватила дрожь от его необычайно пронзительного взгляда. Этот стройный, высокий мужчина с настолько серьезным взглядом, что приводит в замешательство, казался сверхчеловеком, как будто похищающим вас, отделяя душу от тела. В этот вечер мы только и говорили о Мустафе Кемаль-паше.

Кемаль был доволен приемом.

Несмотря на сильный мороз, на главной площади собралась огромная толпа, и Кемаль долго говорил о целях национального движения и тактике на ближайшее время.

— Мы, — заявил он, — должны тщательно контролировать каждый шаг правительства и, если нужно, корректировать его!

В том, что Кемаль будет делать и то и другое, Али Фуад не сомневался.

Закончил он свое выступление стихами любимого им Намыка Кемаля.

— Враг нацелил свой нож в грудь отчизны, — с пафосом прочитал он с юности запавшие в память строки, — и не видно того, кто спасет нашу бедную мать!

Сделав небольшую паузу, Кемаль поправился.

— Пусть враг целит свой нож в грудь отчизны, — с еще большим пафосом произнес он, — есть у нас тот, кто спасет нашу бедную мать!

В его голосе звучала страстная уверенность в своем и на самом деле высоком предназначении, и многим очень хотелось поверить в то, что этот голубоглазый человек с медальным лицом и на самом деле «спасет их бедную мать».

В тот же день было оглашено заявление о том, что местом пребывания Представительного Комитета становится Анкара.

Кемаль поселился в здании сельскохозяйственной школе за пределами Анкары.

Когда Али Фуад, командующий армейским корпусом Анкары, спросил Кемаля, нравится ли ему его резиденция, тот ответил:

— Потрясающе. Я счастлив. Я совсем не устал. Увидев всех встречавших меня, я совершенно забыл об усталости!

Он устроил свое жилище вдали от города не случайно.

Слишком уж неприглядное зрелище представляла собой в те глухие времена Анкара.

Некогда процветавший на продаже шерсти ангорских коз городок прозябал в нищете.

Деревянные домишки, кофейни, чайные, убогие магазины, узкие грязные улицы — все это наводило тоску.

Через несколько дней школа превратилась в штаб-квартиру с телеграфом, занимающим целый этаж.

Кемаль окружен преданными соратниками, сопровождавшими его со Стамбула.

С некоторых пор среди них особенно выделялся молодой суровый офицер Реджеп.

После приезда Кемаля в Анкару в ней сложилось троевластие: власть оккупационных войск, власть губернатора, формально подчиненного султану, и власть Представительного комитета.

Но господство оккупантов доживало в Анкаре последние дни, власти султана здесь фактически никто не признавал.

У губернатора и султанского военачальника Али Фуада-паши не было войск.

Не лучше дело обстояло и у Представительного комитета, который в то время опирался больше на идеи борьбы против оккупантов, нежели на реальные возможности.

У кемалистов почти не было ни средств, ни военной силы.

В начале января 1920 года Кемаля посетил полковник Генерального штаба султанской армии Исмет-бей.

Старого знакомого Кемаля прислали обсудить с ним взаимоотношения с султанским правительством.

Сложно сказать, о чем думал в то время сам Исмет, но во время встреч с Кемалем он обсуждал перспективы развития борьбы против оккупантов.

Что вряд ли бы понравилось ему начальству.

Более того, перед возвращением в столицу Исмет-бей обещал Мустафе Кемалю отправлять в Анкару необходимую информацию

о положении дел в Стамбуле.

Прибыв в Анкару, Кемаль продолжал издвавать свою газету, только теперь она называлась «Национаьный суверенитет».

Кемаль придавал печати огромное значение, считая ее «коллективным голосом нации».

— Печать, — говорил он, просвещает и направляет нацию, дает ей необходимую идейную пищу, способствует ее общему движению по пути к счастью. Она сама по себе и сила, и школа, и вождь…

В апреле Кемаль создал пресс-агентство «Anadolu Ajansi».

С этого времени агентство «Хавас-Рейтер» утратило свою монополию.

Отныне депеши анатолийского агентства стали поступать не только в бюро информации ислама, но и в комендатуры и канцелярии.

И теперь, выступая на том или ином митинге, Кемаль говорил принимавшим в нем участие, что наилучшим доказательством их присоединения к националистам будет подписка на «Национальный суверенитет».

Прекрасно понимая влияние информации, даже в стране, неграмотной на 90 процентов, он рассылал многочисленные телеграммы.

В них он требовал контролировать почтовую службу и препятствовать распространению правительственной и иностранной прессы, враждебно настроенной к националистам.

В мае Кемаль ввел цензуру, в чем ранее националисты так упрекали англичан, когда те ввели цензуру в Стамбуле.

Потепенно в Анкару стали пребывать депутаты-националисты, и Кемаль выступал перед каждой группой, а иногда и перед отдельными лицами с напутственной речью.

— К Турции, — говорил он, — должны быть применены принципы Вильсона. Блистательная Порта предала нацию, необходимо объединить и организовать национальное движение.

Идея была одна: фракция депутатов-кемалистов должна была выступить в парламенте с Национальным Обетом

Сам Кемаль, избранный в Эрзуруме, отказался от мандата и остался в Анатолии.

Последними уехали в Стамбул Рауф и Сами.

Из видных националистов с Кемалем остался только Али Фуад.

В какой уже раз он снова оказался в политическом вакууме.

Кемаль отправлял депутатов в Стамбул с тяжелым сердцем.

Он хорошо знал, как там умели обхаживать нужных людей.

Это ведь на нужды страны у правительства не было денег, а на подкуп нужных лиц оно их всегда находило.

— В стране, управляемой парламентом, — говорил по этому поводу сам Кемаль, — наибольшая опасность заключается в том, что некоторые депутаты могут быть куплены и завербованы за счет и во имя иностранных интересов…

Вполне возможно, что именно по этой причине и султан, и британский верховный комиссар очень надеялись на то, что с открытием парламента национально-освободительное движение пойдёт на убыль.

Османский парламент начал работу 12 января 1920 года в составе семидесяти пяти депутатов.

Мехмет VI был болен, и Кемаль направил ему пожелание со скорейшим выздоровлением.

Первые же дни работы парламента подтвердили опасения Кемаля, которого удивительно быстро стали забывать находившегося за тысячу километров от него депутаты.

Когда тот решил выставить свою кандидатуру на пост главы парламента, Рауф, подбирая слова, чтобы не задеть его самолюбия, сообщил ему, что «создается впечатление, что в настоящий момент голоса разделятся».

Только один депутат предложил кандидатуру Кемаля, и в гордом одиночестве проголосовал за него.

Не была создана и фракция кемалистов.

Да, на открытии парламента Рауф выступил с пламенной речью, восхваляя движение по защите нации, «организованное верными сынами родины и неизвестными смельчаками, движение, спонтанно хлынувшее из сердца народа для защиты чести нации», но он ни слова не сказал о создании партии.

Военные коменданты союзников потребовали отставки военного министра и начальника Генерального штаба, виновных, по их мнению, в нарушениях условия перемирия.

Правительство согласилось.

Кемаль потребовал отклонить ноту военных комендантов, но после того как друзья из Стамбула заверили его в скорой отставке правительства, он уступил.

Однако никакой отставки не произошло.

Более того, правительство, к великому неудовольствию Кемаля, заручилось доверием парламента.

Не было выполнено и решение Представительного комитета о предъявлении союзниам требования вывести оккупационные войска из Киликии, Юго-Западной Анатолии, Измира, Айдына и Фракии.

В своей известной «Речи» Кемаль должным образом оценил этих людей, назвав трусами, пресмыкавшимися перед султаном и иностранцами.

Оообосновавшиеся во дворце Фындыклы на берегу Босфора депутаты не торопилась выполнять взятые в Анкаре обязательства.

Но Кемаль не отступал.

26 января 1920 года Представительный комитет в довольно жесткой форме потребовал от своих депутатов немедленно выполнить взятые ими в Анкаре обязательства.

Подчиняясь ему, депутаты-националисты 28 января сформировали свою фракцию и приняли проект «Национального Обета», в основе которого лежали решения Сивасского конгресса.

Это была программа борьбы за независимость, определявшая территориальные границы и особенности

устройства будущего турецкого государства, населенного «османским мусульманским большинством, объединенным религией, расой и идеей»

В те же дни Кемаль впервые заговорил о союзе с большевиками.

И причины тому были.

Зимой 1920 года националисты находились в сложном положении.

Настолько сложно, что в начале февраля Кемаль был вынужден обратиться к войсковым командирам с посланием.

Он писал по-солдатски прямо и без обиняков заявил, что союзники «пытаются взять нас в окружение».

«Чтобы противостоять этому, — писал он, — мы должны либо договориться с правительством Стамбула, либо вступить в контакт с большевиками с целью координации военных операций и получения новых ресурсов».

Знакомая история, не правда ли.

И как тут не вспомнить заявление Ильича о том, что нравственно все, что идет на благо революции.

Нужны революции деньги?

Коба с Камо идут грабить банки и пароходы.

Не дает больше денег Савва Морозов?

Красин едет в Ниццу с пистолетом в кармане.

Так что Кемаль не выдумал ничего нового, когда надо было вырваться из изоляции, в которой он оказался.

Большевики?

Да хоть сам дьявол, лишь бы помог!

Но для того, чтобы сделать это, Кемаль должен был обладать

политической властью, поскольку речь шла об отношениях между государствами.

И вряд ли большевики стали бы помогать частному лицу, пусть и настолько известному.

Да и кем он был в глазах любого правительства?

Полководцем без армии и попитиком без партии.

Более того, Кемаль был обязан заинтересовать большевиков в сотрудничестве с ним…

— Как отдельная личность, — говорил он, — так и вся нация тщетно будет требовать к себе внимания до тех пор, пока ею не будут даны реальные доказательства ее мощи и способностей. Тем, которые в этом отношении себя не проявляют, не уделяется внимания…

Конечно, националистам приходилось нелегко.

И все же они не только самоотверженно сражались, нои одерживали победы.

Самой значимой стала их победа под Марашем.

Мы уже рассказывали о том, что события в Киликии начались с недовольства турок в декабре 1919 года, когда в составе оккупационных войск Франции появилось около 500 армянских добровольцев.

Кемаль обещал Пико приостановку боевых действий, но слова своего не сдержал, и первые дни 1920 года турки атаковали французские войска в окрестностях Мараша.

«Паша, — писал возмущенный Жорж Пико в рапорте, — не хочет делать ничего без гарантии с нашей стороны отступления армянских войск и прекращения притеснений.

Я возмущен этой попыткой шантажа.

Однако Кемаль объясняет, что он не хотел оказывать на нас давления.

Нам необходимо выполнить его требования не потому, что если мы откажемся, то армия националистов выступит против нас, а потому, что в этом случае они больше не смогут контролировать население, которое поднялось бы само по себе под влиянием бесчинств, жертвой которых оно стало».

Что и говорить, объяснение, достойное Маккиавели…

Тем временем пополнивший свои отряды новыми бойцами Кылыч Али буквально затерзал противника своими отчаянными набегами,

22 января турки предъявили французскому командованию ультиматум, требуя сдачи всех боеприпасов, оружия и средств передвижения.

Одновременно они потребовали, чтобы французские солдаты сдались, а офицеры покинули город.

Ультиматум был отклонен, и бои продолжались.

7 февраля на подступах к Марашу появилась большая колонна под командованием полковника Нормана в составе трех пехотных батальонов алжирцев, четырех кавалерийских эскадронов и двух батарей.

8 февраля турки были выбиты со своих позиций в северной части города, и в тот же день произошло соединение частей Нормана с силами генерала Керета.

Турецкие чете и регулярные кемалистские отряды, не выдержав орудийного огня, отступили.

А вот затем случилось непредвиденное.

Генерал Керет по неведомым и по сей день причинам отдал приказ об эвакуации французских войск из Мараша.

Сам Керет не писал мемуаров и публично не высказывался относительно того, что заставило его отдать приказ об отступлении.

Однако он признался аббату Мюре, что «был вынужден повиноваться» данному ему приказу.

Кто этот приказ отдал?

Ответить на этот вопрос невозможно, поскольку Фома кивал на Ерему, Ерема на Фому.

Если верить другому участнику «марашской драмы» полковнику Норману, то он вывел войска «из-за отсутствия продовольствия, средств передвижения, а также густого снега, покрывшего весь край».

Но как бы там не было, 10 февраля 1920 года французы покинули город.

Отступление превратилось в драму: преследуемые врагом, терзаемые снежными буранами и морозом, французы потеряли тысячу двести человек.

Думается, что на самом деле все намного проще, и увели войска их непосредственные командиры, не пожелавшие гибнуть из-за разборок совершенно безразличных им турок и армян.

И ничего тут удивительного и уж тем более странного нет.

Пройдет всего двадцать лет, и Франция позорно капитулирует перед немцами, имея 43 вооруженнцых по последнему слову техники дивизии и неприступную линию обороны Мажино против всего 39 немецких дивизий.

А тут Киликия…

Успехи кемалистов в Киликии и в Стамбуле встревожили интервентов, и большинство дипломатов, собравшихся в Лондоне

в середине февраля 1920 года, решили отомстить туркам сразу и за Килики, и за успехи в парламенте.

Все делегаты конференции проголосовали за вооружённый захват Стамбула с введением военного положения.

Когда об этом узнали военные коменданты османской столицы, они сразу же предупредили свои правительства о том, что турки отреагируют на это решение должным образом и тогда возможно все: оречение султана, переезд парламента в Анатолию, новые жестокие расправы с христианами, согласованные действия националистов, большевиков и арабов…

Вывод?

Только один: подготовиться к военной оккупации Стамбула должным образом контролировать его войсками.

Собравшиеся в Лондоне, в конце концов, приняли промежуточное решение: войска союзников ограничатся захватом военного министерства и префектуры полиции и не станут контролировать гражданскую администрацию и распускать парламент.

18–20 февраля в Анатолии высадились хорошо оснащённые греческие войска, 23 февраля к Стамбулу подошла английская средиземноморская эскадра.

А вот затем случилось непредвиденное.

В ночь на 27 февраля националисты совершили налет на склад оружия в Акбаше, пригороде Стамбула.

Перебив охрану, они и захватили 8 тысяч винтовок, 40 пулеметов и 20 тысяч ящиков боеприпасов, предназначенных для белогвардейцев Врангеля.

Создается впечатление, что в тех условиях на подобную дерзость могли пойти либо фанатики, либо умолишенные.

Вернее всего, это была самая обыкновенная провокация со стороны английских спецслужб.

Как того и следовало ожидать, это нападение вызвало ярость англичан, направивших свой гнев против правительства и французов, ответственных за охрану склада.

По здравому размышлению англичане решили, что нужно вести совершенно иную политику, чем прежде, и от кнута, надо переходить к приянику.

Не забыли в Лондоне и недавние встречи Пико с Кемалем.

И хотя они не встретили одобрения во французских правящих кругах, Англия решила сделать крутой поворот для окончательного разрешения вопроса о разделе турецкой территории.

10 марта английские власти начали аресты в Стамбуле депутатов-националистов.

Из Анкары срочно были эвакуированы английский и французский гарнизоны.

Железнодорожная связь с Анкарой была прервана.

В ночь с 15 на 16 марта 1920 года в Стамбуле высадилась английская морская пехота, которая заняла правительственные здания, казармы, почту, телеграф и военные склады.

Операция проходила быстро, англичане не встретили серьезного сопротивления.

В ходе операции было убито всего пять турецких военных и один англичанин

В десять часов утра М. Райан официально заявил великому визирю, а его французский коллега — султану об оккупации Стамбула.

Почти сразу же везде появились афиш с заявлением англичан о том, что Стамбул остается турецким, но без беспорядков и кровавых расправ.

Но при этом подчеркивалось, что турок, пойманный с оружием в руках будет казнен.

В сопровождении нескольких депутатов Рауф отправился к султану, но тот даже не стал их слушать.

— Они, — отмахнулся Вахидеддин, — готовы на всё. Будьте внимательны к тому, что вы говорите в парламенте. Завтра, если они захотят, они будут в Анкаре. Запомните, Рауф-бей, нация — это стадо, которое нуждается в пастухе. А пустухом являюсь я…

С первого дня оккупации в Стамбуле и его окрестностях было введено военное положение.

18 марта была приостановлена деятельность палаты депутатов, были арестованы и сосланы на Мальту многие депутаты и видные политические деятели, поддерживавшиеосв ободительное движение.

Главной жертвой оказался Рауф.

Он, герой Балканских войн, отказался бежать в Анатолию, как ему предлагал Кемаль.

Рауф приехал в парламент и сразу же заявил:

— Я не хочу, чтобы парламент самораспустился; пусть его распустят!

Через несколько минут в зале заседаний появились английские солдаты.

Рауф потребовал вмешательства парламентской охраны, но она бездействовала.

Чтобы избежать кровопролития, Рауф и Кара Васыф сдались англичанам.

В своих «Воспоминаниях» Кемаль критически отнесся к поведению Рауфа в эти мартовские дни 1920 года, посчитав, что

Хусейн Рауф и Кара Васыф проявили недопустимую мягкотелость, позволив депортировать себя на Мальту.

О событиях в столице Кемаль узнал на анкарском телеграфе, куда он пришел для очередной связи со Стамбулом.

Столичный чиновник успел сообщить о перевороте, затем сообщение было прервано, и в наступившей тишине люди завороженно смотрели на продолжавшую выходить из аппарата пустую ленту.

— Что происходит в Стамбуле? — нарушил молчание один из служащих.

— В Стамбуле происходит то, — насмешливо взглянул на него Кемаль, — что и должно было произойти…

Был ли он огорчен таким развитием событий?

Вряд ли!

Скорее доволен, разрыв с центральной властью был неизбежен, и теперь, когда все политики будут вынуждены вернуться в Анкару, она снова становилась центром притяжения.

— Насильственная оккупация Стамбула державами Антанты, — заявил он своему окружению, — положила предел семисотлетнему существованию Оттоманской империи. Таким образом, турецкая нация вынуждена сегодня защищать свою способность к цивилизации, свое право на жизнь и независимость, на свое будущее. И мы не можем допускать того, чтобы кучка безумцев, не имеющих ни моральной, ни культурной связи с родиной и народом, оставалась на страже независимости и достоинства народа и государства…

Все правильно, и не зря говорят, что не было бы счастья, если бы не помогло несчастье.

Новый вызов нации западными державами явился для Кемаля непредвиденной удачей, и он знал, что ему делать!

— Оккупация Стамбула англичанами, — заявил он на очередном митинге, — агрессивный акт в отношении палаты депутатов, являющийся покушением на честь и независимость родины, — все это создало потребность в чрезвычайном меджлисе, который имел бы под своей властью и контролем все силы государства и нации…

Затем Кемаль обратился с гневным протестом к военным комендантам и к зарубежным парламентам.

Он потребовал от националистов уважать христиан, но приказал арестовать двадцать французских и английских военных, оставшихся в Анатолии.

Обращаясь ко всем, он объявил о начале борьбы за освобождение столицы халифата и за национальную

независимость:

— Аллах, — говорит он, — на нашей стороне в этой священной войне за независимость страны…

25 марта 1920 года правительство Рызы-паши ушло в отставку.

Великим визирем султан снова назначил главного врага освободительного движения Кемаля Дамада Ферида-пашу.

5 апрелся тот сформировал новое султанское правительство.

Борьба шла на всех фронтах, в том числе, и на идеологическом.

Несмотря на бедственное положение с бумагой, 6 апреля Кемаль создал пресс-агентство «Anadolu Ajansi».

Идея организации пресс-агентства принадлежала Юнусу Нади, бывшему директору одного из наиболее авторитетных органов прессы Стамбула «Новый день», и Халиде Эдип.

Именно Нади, чья газета была запрещена англичанами, и Халиде Эдип, «Жанна д'Арк» националистского движения, решили создать агентство информации и пропаганды для Турции и заграницы.

По предложение Эдип, его назвали «Агентство Анатолии».

Таким образом, агентство «Хавас-Рейтер» утратило свою монополию.

Отныне депеши анатолийского агентства начали поступать не только в бюро информации ислама, но и в комендатуры и канцелярии.

В мае националисты ввели цензуру, то есть, сделали то, в чем раньше упрекали англичан, которые ввели цензуру в Стамбуле.

— Средством устранения недостатков, — произнес при этом Кемаль весьма странную фразу, — порожденных свободой печати, является сама же свобода печати…

Тем временем, опираясь на реакционные организации «Свобода и согласие», «Общество друзей Англии», общество офицеров «Нигяхбан», «Лигу возрождения ислама», «Комитет спасения халифата», великий везирь ужесточил борьбу с национально-освободительнымдвижением.

Таким образом, Союзники добились своего и окончательно превратили султанскую власть в безвластный марионеточный режим, верхушка которого, за исключением самого падишаха, менялась ими без всяких колебаний и консультаций.

Теперь оставалось только одно — покончить с Кемалем.

10 апреля шейх-уль-ислам Дюр-Ризаде Абдуллах огласил фетву, в которой националистические силы были объявлены

неверующими.

А это, говорилось в фетве, обязывает верующих убивать их.

В ответ на это муфтий Анкары Рифат-эфенди огласил свою фетву, в которой объявлялось, что халиф оказался

заключённым у неверных, что обязанность подданных — спасти его и его паству, что фетва, выпущенная по воле вражеских государств, лишена законности.

Его поддержали сотни муфтиев и других религиозных деятелей.

— Среди стамбульского населения, — говорил Кемаль, — производятся аресты сотен людей, не совершивших никакого преступления. Самый обычный разговор, в котором выражается точка зрения, не совпадающая с точкой зрения держав Антанты, рассматривается как преступление и преследуется со средневековой жестокостью…

В ответ военный суд в Стамбуле заочно приговорил его к смертной казни.

Так началась теперь уже открытая война между Анатолией и Стамбулом, власть которого националисты не признавали теперь и формально.

Еще в феврале возобновили свои нападения на националистови сторонники султана.

В соответствии с призывами из Стамбула произошли антианкарские восстания черкесов и абхазов в северо-западнойАнатолии под руководством одного из их лидеров — Анзавура.

11 апреля османская палата Представителей была официально распущена султаном.

Для турецких граждан был учреждён специальный военный трибунал.

Правительственные учреждения, типографии, редакции газет и журналов были поставлены под строгий надзор оккупационных властей, а «порядок и спокойствие» поддерживались союзной полицией и жандармерией.

Кемаль запретил исполнять приказы Стамбула и сделал историческое заявление о том, что оккупация Стамбула положила конец существованию османского государства.

Теперь он дал волю своему красноречию и обрушился на союзников и османское правительство с уничжительной критикой.

— Стамбул захвачен вражескими войсками и находится под угрозой обстрела со стороны вражеского флота. Полиция и жандармерия оккупантов вмешиваются во все. Печать

контролируется союзниками, права и свобода наших граждан ущемляются. Все прибывающие в город и выбывающие из него подвергаются иностранцами обыску и проверке. Стамбул оказался в полном смысле этого слова в руках противника; наш суверенитет ни формально, ни фактически не существует…

— Стамбул оккупирован державами Антанты, в частности, английскими сухопутными войсками, и блокирован их военно-морскими силами, а войска безопасности также находятся в распоряжении иностранцев и дезорганизованы.

— Наши враги — державы Антанты — отравили мировое общественное мнение и восстановили его против нас, снова возведя ужасные обвинения на нашу разрушенную страну и угнетенную нацию…

— Всем известны действия держав, направленных к тому, чтобы задушить национальную независимость и подготовить почву для расчленения нашей страны.

— Рабское поведение и неспособность центрального правительства всем также известны. Доверить судьбу нации подобному правительству означало бы, не дай бог, примириться с гибелью…

— Все официальные учреждения Стамбула, в том числе и палата депутатов — символ нашей независимости — в официальном порядке насильственно заняты войсками Антанты. Арестовано большое количество патриотов, действовавших в соответствии с национальными чаяниями. Этот удар, нанесенный суверенитету и политической свободе оттоманской нации, направлен не только против османцев, решившихся во что бы то ни стало защищать свою жизнь и свое существование, а в гораздо большей степени против таких принципов, признанных священными всем человечеством и цивилизацией XX века, как чувство свободы, национальности и родины…

— В Стамбуле сложились условия, непосредственно угрожаюшие самому существованию нашего государства. Во-первых, была разогнана палата депутатов и, следовательно, ликвидирована законодательная власть. Во-вторых, исполнительная власть была поставлена в положение политического рабства. Транспорт и связь взяты под иностранный контроль, правительственный аппарат, призванный защищать граждан, либо просто ликвидирован, либо поставлен под полный контроль агрессоров…

— Державы Антанты обращаются с нами, как обращаются только с первобытными племенами, они пытались запугать нас, как детей, бессмысленными и смешными угрозами.

— Державы Антанты рассчитывают поработить беззащитный

турецкий народ, подчинив его иностранному управлению и присоединив различные важные части Турции к колониям держав-победительниц…

— Державы Антанты считают нас, турок, нацией, неспособной существовать как самостоятельное государство. Исходя из этого заблуждения, они хотели расчленить наше государство и поработить нашу нацию…

Вот далеко не полный перечень цитат из тех речей Кемаля, которые он произносил в те тяжелые для страны дни.

Кемаль прекрасно понимал, что одни лишь митинги и демонстрации сами по себе никогда не смогут обеспечить выполнение великих задач.

— Они спасительны, — гооврил он, — тогда, когда опираются на силу, непосредственно исходящую из сердца нации…

Не достаточно для победы было даже самых пламенных и правильных речей.

Нужны были дела.

И они появились, исходящие, как говорил Кемаль, из «самого средца нации».

В ответ на насильственный роспуск парламента в Стамбуле Представительный комитет принял историческое и судьбоносное для Турции решение — созвать в Анкаре, штаб-квартире национального сопротивления, новый парламент, включив в него представителей последнего стамбульского парламента.

Именно это политической задаче Кемаль придавал первостепенное значение.

— Для меня, — возразил он Юнусу Нади, когда тот заявил, что «главной проблемой Анкары является отсутствие армии», — Национальное собрание — это не теория, а реальность, самая важная из всех: сначала Национальное собрание, потом армия. Вся нация станет армией, а Национальное собрание — ее уполномоченным. Для армии нужны сотни тысяч людей, миллионы. Два или три человека не могут принять необходимые решения. Это может сделать только нация. Наша историческая миссия — созвать Национальное собрание. Нужно исполнить наш долг, и я принял необходимые меры для созыва собрания…

Так рассуждать мог только настоящий политик, политик не по должности, а по призванию…

Свою программу сам Кемаль определял так:

— Нам, — говорил он, — необходимо самым тщательным образом подготовиться в трех направлениях. Для этого, во-первых, сама нация, как основной фактор в этом деле, должна быть исполнена непоколебимой решимости добиться свободного и независимого существования, решимости, проникающей умы и

души всех ее сынов. Чем сильнее будет в народе это стремление, чем крепче будет вера в его осуществление, тем больше будут возможности покончить с неприятелем. Во-вторых, нужно чтобы Собрание, представляющее нацию, обладало волей к осуществлению национальных стремлений и к проведению в жизнь соответствующих мероприятий. С этой целью мы будем располагать большими, чем неприятель, средствами, коль скоро Собрание проявит в деле осуществления национальных стремлений наибольшую солидарность и единство. Наконец наша армия, состоящая из вооруженных сынов нации, стоящих лицом к лицу перед врагом, является третьим фактором, определяющим нашу победу…

Да «армии, состоящей из вооруженных сынов нации» было еще далеко.

А вот воззвания и решения, принятые Представительным комитетом всоздавшейся ситуации, означали то, что в Анкаре приступило к работе первое Временное правительство революционной Турции.

Давно уже снявший генеральский мундир Кемаль носил в те дни гражданский костюм свободного покроя, напоминая собою скорее отправившегося поохотиться джентльмена, нежели политика.

Но конечно, ему было не до охоты!

Работал он сутками, поражая своей энергией и выносливостью.

Совещания, переписка, встречи, посетители…

— Весь мир, заявил он, — должен знать, что турецкий народ, Великое национальное собрание Турции и его правительство не потерпят, чтобы с нами обращались, как со слугами. Мы тверды и непоколебимы в своем требовании признать наше право на существование, на свободу и независимость наравне со всеми цивилизованными нациями и правительствами. Все расчеты союзников будут опрокинуты твердой волей, проявленной национальными силами при поддержке всего населения. Наша нация не получила ни от кого ни помощи, ни советов, была веками отстранена от управления государством и испытывала самые тяжелые бедствия, какие только могут случиться с нацией. Но именно сейчас она управляет страной самым цивилизованным и гуманным образом, соблюдая все свободы…

Чтобы поддерживать себя в тонусе, он выпивал за сутки огромное количество крепчайшего кофе и выкуривал множество сигарет.

Позже будут много говорить о его чрезмерном увлечении спиртным в эти напряженные дни, но на самом деле это не так.

Конечно, он позволял себе время от времени взбодриться своей любимой ракы, но не более того. У него просто не было для этого времени.

Глава VIII

Как и ожидал Кемаль, очень скоро оккупированный Стамбул стали покидать все те, кто был не согласен с политикой султанского правительства.

Военные, журналисты и чиновники группами и по одному, минуя вражеские заставы, потянулись в Анкару.

Это было закономерно.

Турки оказались узниками в своей столице, пленниками, обреченными на унижение и ненависть англичан, греков и османских армян.

Школьники избивались своими товарищами-греками за то, что отказывались кричать «Да здравствует Венизелос!»

Женщин оскорбляли, срывая полог, отделяющий их в передней части трамвая, а мужчин били по лицу за то, что они не уступили дорогу иностранному офицеру.

«Стамбул, — писал турецкий дипломат того времени, управделами МИД Турции в 1930-х гг. Эсат Пакер, — стонал под сапогом оккупантов.

Люди избегали выходить на улицу.

Дома именитых граждан были конфискованы.

На каждом шагу штрафовали граждан.

В те черные дни мусульманское население Стамбула больше всего страдало от безобразий, творимых стамбульскими греками.

Всячески притесняли мусульманское население также армяне, служившие офицерами и солдатами связи в оккупационных войсках».

Надо думать, что такого рода действия греков и армян несли не спонтанный характер.

Ведь менее чем за год до этих событий мировые державы обеспечили вступление в Измир греческой армии.

И как писал один из очевидцев, «греческие войска тут же на набережной начали массовое избиение турок и продолжали его на глазах офицеров и экипажа союзного флота».

Да, это было плохо, но работало на Кемаля, поскольку росло недовольство в стране.

И, конечно, Кемаль этим умело пользовался.

— Никто, — говорил он, — не сможет предотвратить и остановить проявления народного возмущения и гнева, которые неизбежны в результате таких факторов, как угроза жизни и всевозможные притеснения в связи с оккупацией страны, покушение на независимость и существование нации. В подобном случае бессильным окажется и командир, и гражданский

чиновник, и даже любое правительство. В результате беззаконий, совершаемых державами Антанты, а также слабости и апатии центрального правительства наша нация сама сознала необходимость доказать, что она существует и активно выступит на защиту своей чести и своей независимости против тех агрессивных действий, которые грозят их уничтожить…

К великой радости Кемаля, с каждым днем поток беженцев из Стамбула увеличивался.

Особенно Кемаля обрадовало прибытие старого друга Исмета, который будет играть важную роль в окружении Кемаля.

— Я рад твоему приезду, Исмет! — приветствовал его Кемаль.

И радовался он не зря.

Именно их почти двадцатилетний союз заложил основы новой Турции.

И именно Исмет, с подачи автора их биографий Айдемира, станет «вторым человеком» в Турции после самого Кемаля.

Прекрасный организатор, он занимался всеми мелочами, которые, по выражению одного из приближенных Кемаля, «вызывали у него головную боль».

Но истинным памятником Исмету станет экономика Турции, которую он с помощью жесткой государственной политики удержит на плаву.

Да, этатизм станет одним из принципов кемализма, но претворит его в жизнь Исмет Иненю.

Несмотря на огульную критику, экномические кризисы и подковерную возню в окружении Ататюрка.

Надо полагать, был рад встречи со своим бывшим командиром и сам Исмет, хотя захолустная Анкара не шла ни в какое сравнение с белстящим Стамбулом.

В городе свирепствовали малярия, болотная лихорадка и брюшной тиф.

Не много домов было пригодно для обитания, и не было ни одного отеля «европейского типа».

В большинстве зданий отсутствовал водопровод.

Вместо ресторанов — скромные кофейни с шаткими столами и поломанными стульями.

Магазины можно было пересчитать по пальцам на одной руке.

До конца 1929 года в Анкаре был всего один старый, изношенный автомобиль, находящийся в распоряжении Кемаля.

Но главным для многих приехавших из Стамбула были не рестораны и бытовые удобства, а то, что они соединились с людьми, готовыми бороться и против оккупантов, и против продавшегося им султана.

Тонко чувствоваший ситуацию Кемаль готовил их к дальнейшим событиям.

— Целость родины и независимость нации, — говорил он, — в опасности. Наше центральное правительство находится под исключительным контролем и влиянием держав Антанты и не в состоянии выполнять лежащих на нем ответственных обязанностей. Из этого можно сделать вывод, что наша нация не существует. Но именно сама нация своей волей и твердостью спасет независимость. Абсолютно необходимо создать национальный орган, стоящий вне всякого влияния и контроля со стороны, и выявить, таким образом, действительное состояние нации и заставить слушать ее голос и признавать ее права…

Подготовка к выборам в новый парламент проходила в сложных условиях.

Многие районы страны были оккупированы, во некоторых избирательных округах выборы не могли быть проведены из-за постоянных боевых действий.

Делегаты от них либо назначались местными властями, либо избирались на расширенных заседаниях муниципалитетов.

Дело осложнялось еще и тем, что некоторые вилайеты отказались признать законность выборов и не прислали своих делегатов в Анкару.

«Особенностью этих выборов в Анатолии, писал один из исследователей создания Великого Национального Собрания о первых в него выборах, — было отсутствие положения о выдвижении кандидатов в депутаты, некоторые кандидаты сами объявляли себя таковыми, другие оказались избранными, не будучи кандидатами, и отправляться в Анкару не собирались».

Именно в эти дни с подачи агентов султана антикемалистские восстания вспыхивали во многих районах Анатолии.

В Болу и Дюздже восстали черкесские и абазинские поселенцы.

Единственной активной силой в борьбе против этих сил оказались в то время партизанские части черкеса Эдхема.

Значительную помощь кемалистам оказывало также ещё одно партизанское соединение — «Зелёная армия», полувоенная, полуполитическая организация, испытывавшая сильное влияние социалистических и коммунистических групп, возникших в эти годы в Турции.

Как таковая, она появилась на юге России и состояла из крестьян, отказавшихся вступить в ряды Белой армии и скрывавшихся в лесах.

Именно отсюда и шло ее название, которое очень

понравилось Карабекиру.

«Я предлагаю, — писал он Кемалю, — назвать это объединение „Зеленой армией“.

Известно, что „Зеленая армия“ в России нанесла серьезные потери тылам Деникина.

Кроме того, зеленый цвет производит на наших людей сильное впечатление.

Слово „красный“ может вызвать отрицательную реакцию как внутри, так и за пределами страны.

А зеленая армия!

Что это?

Никто не знает, но почитает этот цвет».

Однако сам Кемаль давал несколько иное объяснение появлению «Зеленой армии».

— После открытия Великого национального собрания, — рассказывал он, — в Анкаре было создано общество, названное «Зеленой армией». Я очень хорошо знал его основателей, близких мне людей, но эта организация превысила первоначальные полномочия проекта по созданию национальной силы и поставила затем более широкие цели…

Какие именно?

Можно только догадываться.

Кемаль догадывался и именно поэтому считал это общество опасным, а потому ненужным.

Судите сами…

«„Зеленая армия“, — говорилось в ее сотканной из идей большевизма и ислама, — организация, созданная на благо людей…

Она состоит из послушного большинства, работающего на доминирующее меньшинство…»

Тем не менее, она привлекла таких известных интеллектуалов и видных политических деятелей, как Хаккы Бекиша, министра финансов правительства Анкары, Юнуса Нади и Халиде Эдип.

Халиде Эдип объясняла успех «Зеленой армии» тем, что интеллектуалы осознали, что Запад, который их восхищал и формировал, хочет гибели их страны.

«Зеленая армия» показалась им наилучшим убежищем от их собственных противоречий.

Отношения между кемалистами и основной в то время

боевой силой — партизанами — носили характер эпизодических контактов и отдельных переговоров по поводу проведения военных операций.

Понятно, что привыкший к армейской дисциплине Кемаль

терпел их, и рано или поздно он должен был положить конец партизанской вольнице.

Сказать, что ему было тяжело в те дни, значит, не сказать ничего!

Оккупанты, повстанцы, не желавшие подчиняться партизаны, отсутствие денег, агенты султана и постоянные провокации, — все это несказанно осложняло подготовку и проведение выборов.

И все-таки они были проведены.

В пятницу 23 апреля Кемаль вместе с депутатами меджлиса отправился в мечеть Хаджи.

После молитв процессия во главе с держащим в руках Коран священником (другой держал над головой волос из бороды Пророка) под громкие крики «Аллах велик!» двинулась к зданию бывшего клуба «Единения и прогресса».

Перед еще толком не отремонтированным зданием снова были прочитаны молитвы и принесена жертва.

Затем депутаты направились на своё первое заседание Великого Национального Собрания Турции.

В его составе наряду с вновь избранными депутатами (312 человек) были и депутаты, бежавшие в Анкару из Стамбула (78 человек).

Первое заседание открыл старейший депутат Шереф-бей.

После соблюдения мусульманского протокола старейшина депутатского корпуса объявил:

— Я открываю Великое национальное собрание, заявляя всему миру, что работа, необходимая для полной независимости, внутренней и внешней, начинается здесь…

Мустафа Кемаль выступил вторым.

— Наш первый меджлис, — заявил он, — который навсегда останется в истории Турции и вечно будет предметом восхищения потомков, объявил, что нация сама будет вершительницей свой судьбы. Меджлис сформулировал в качестве основы развития страны принцип национального суверенитета и заложил фундамент сильной народной власти…

Затем он напомнил, что Национальное собрание состоит из депутатов османского парламента, которые смогли покинуть Стамбул, и депутатов, избранных во время оккупации столицы.

Особо Кемаль подчеркнул то, что новое собрание является легальным.

Закончив свою речь, Кемаль предложил всем отправиться на молитву в честь султана.

Надо ли говорить, с каким энтузиазмом было принято это преддожение.

На следующий день Национальное собрание приступило к работе, и депутаты принесли присягу на верность «Национальному Обету».

Затем они избрали президиум ВНСТ и его председателя, которым стал Мустафа Кемаль.

Выразив благодарность за оказанное ему высокое доверие, Кемаль сказал:

— Турецкая нация, которая вопреки всем превратностям судьбы сумела создать государства Чингиза, Сельджука и Османа, которые оставили яркий след во всемирной истории. И вот теперь она создала государство, отвечающее своему имени и своему содержанию. Она взяла власть в свои способные руки со всей решительностью, которой она обладает и которую она выказала перед лицом бедствий. Нация взяла в свои руки управление своей судьбой и доверила представительство своего суверенитета не одному человеку, а Высокому собранию, составленному из представителей всех его сынов. Этим Высоким собранием является наше собрание — Великое национальное собрание Турции. Правительство этого суверенитета называется правительством Великого национального собрания. Вне этого правительства не существует, не может существовать никакая другая форма ни суверенитета, ни правительства…

Когда Кемаль произносил эти слова, в его голосе звенел металл, а его речь, сочетающая народный турецкий язык с более рафинированным языком османской элиты, была лишена какой-либо риторики.

С этой минуты Трибуна Национального собрания стала символом физического и духовного присутствия Кемаля в центре своей страны.

Его видели на ней осторожным и настойчивым, мягким и жестким, уверенным и спокойным.

Но никогда никто не видел его на трибуне заискивающим и растерянным.

А как он говорил!

— Заставьте его замолчать, — взмолился один из самых непримиримых депутатов на очередном заседании, — или он, в конце концов, убедит меня!

Иногда Кемаль говорил часами, и никто этого не замечал, настолько все были поглощены его речами, которые никого не оставляли равнодушными.

Да что там часы!

— Ваши блестящие ораторы в Бурбонском дворце, — как-то заметил один из длепутатов французскому послу, — выступают

не более одного-двух часов, тогда как наш гази может говорить четыре дня подряд!

В ту субботу Кемаль говорил в течение четырех часов.

Он проанализировал события, происшедшие с момента перемирия, и рассказал о своей работе от декларации Амасьи до созыва Национального собрания в Анкаре.

Его резкая, но в то же самое время выдержанная речь, украшенная несколькими правоверными и лояльными фразами, могла ввести в заблуждение любого пессемиста.

Да и как не ввести, если Кемаль заявил:

— Национальное собрание спасет падишаха, халифа и Османское государство, продемонстрировав всему миру, что османская династия всё еще жива. С нами Аллах!

Можно ли удивляться, что речь Кемаля вызовет аплодисменты и крики «Да будет так!»?

Затем Кемаль выступил при закрытых дверях.

На этот раз он не стал тратить время на сообщение всем известных фактов и ограничился перечислением основных принципов своего действия.

— Наша задача, — сказал он, — добиться освобождения народа внутри национальных границ. Мы не хотели пантуранистской политики, чтобы не столкнуться с внешними трудностями. Мы не защищали и панисламизм, пугающий иностранцев. Но нам необходима моральная и материальная поддержка мусульман. Впрочем, нас поддерживают исламские государства. У большевиков свои идеи. Я не знаю их точно. Мы считаем, что справедливо использовать любую поддержку при условии невмешательства в наши дела. Так как Стамбул оккупирован англичанами, установление контактов с падишахом ничего не дает…

Буквально через пять минут Кемаль начал новое выступление, на этот раз на открытом заседании.

— Именно сейчас, — заявил он, — Национальное собрание должно сформировать правительство, а президент Национального собрания должен быть также главой правительства…

Взглянув на притихших консерваторов, Кемаль «успокоил» их.

— Султан, — сказал он, — наш верховный правитель, халиф и глава исламского сообщества, поэтому мы не можем допустить, чтобы халифат был отделен от султаната. По той же причине бесполезно и невозможно назначать представителя падишаха в Анатолии…

Кемаль все рассчитал правильно.

Судя по длившимся несколько минут овациям, ему поверили.

— Только теперь Национальное собрание, — не моргнув глазом, заявил он, когда овации смолкли, — созвано, чтобы спасти султана-халифа. Я буду работать на благо народа и страны, не преследуя никаких личных интересов. Пусть Аллах даст жизнь и здоровье нашему падишаху и удалит от императорского трона все опасности, чтобы сделать его свободным!

Когда закончились аплодисменты, Кемаль еще раз порадовал депутатов, предложил направить султану телеграмму.

«Мы, — говорилось в ней, — все собраны вокруг Вашего трона, — к которому мы сейчас привязаны более чем когда-либо!»

25 апреля Кемаль поднимался на трибуну четыре раза.

Его старания не пропали даром, и в тот же день было сформировано временное правительство, объявившее себя единственной законной властью в стране.

В первом его постановлении сообщалось, что все приказы султана и его правительства не подлежат исполнению.

И теперь Кемаль высказал все, что он на самом деле думал об османском правительстве:

— Можно ли требовать от благоразумных, рассудительных и патриотически настроенных людей, чтобы они были сторонними зрителями дурацких, невежественных и жалких поступков правительства, стремившегося заглушить возглас недовольства нации «Долой оккупацию!», состоявшего из бесчувственных и тупых людей, скотов и предателей?

А затем произошло то, что во многом предопределило дальнейшее развитие событий.

В состав правительства вошли Бекир Сами — министр иностранных дел, Хакки Бехиш — министр финансов, Исмаил Фазыл, отец Али Фуада, — министр труда, Февзи — министр обороны и Исмет — начальник Генерального штаба.

Особое место в этой команде занимал министр юстиции, Джелалледин Ариф.

Бывший главный судья Стамбула и лучший конституционалист Турции был последним президентом османского парламента и прибыл в Анкару с четкой идеей и завышенными амбициями.

— Национальное собрание, — заявил он, — не что иное, как продолжение распущенного парламента Стамбула!

А затем потребовал поста президента.

После долгих и тяжелых переговоров Кемалю пришлось уступить Арифу пост вице-президента, поскольку при голосовании тот набрал всего на один голос меньше, чем сам

Кемаль.

С этого дня Ариф будет вести почти все заседания, за исключением самых важных дебатов.

Таким образом, Кемаль оставил своих ближайших друзей «за бортом» политической власти,

Столько сделавшие для движения Карабекир, Али Фуад и Рефет не только остались при своих интересах, но еще и оказались в подчинении у пришельцев, что сразу же вызвало у них глухое раздражение.

Иного и не могло быть!

И кому, как не им, сражавшимся за свободу нации с первого дня, восседать в правительстве и руководить страной?

Особую неприязнь вызывал у них Февзи, который называл националистов «бандитами» и присоединился к ним только после открытия собрания.

Однако Кемаль думал, прежде всего, о деле.

Как показывает история, в больших национальных движениях необходимо наличие вождя с большими способностями и непоколебимой волей является обязательным условием успеха.

В Анатолии такой вождь был.

Сам Кемаль.

Если в какой-либо стране происходит изменение правительственного режима, то такое изменение имеет конечно свои причины.

Но разве те, кто провел это изменение, в состоянии убедить своих противников, которые ничего не хотят и не могут понять?

— Государь, — говорил сам Кемаль, — должен обеспечить себе силу, на которую опирается государство и нация…

Но, в первую очередь, на эту силу должен был опираться сам государь.

Что это была за сила?

Прежде всего, те люди, которые разделяли взгляды вождя.

Кемаль прекрасно понимал это, а потому и говорил:

— Всякое важное начинание прогрессивного характера, в зависимости от обстоятельств, обычно сопряжено с теми или иными затруднениями. В таких случаях необходимо быть на высоте положения в деле выбора средств и мероприятий, могущих свести затруднения до минимума…

И своего окружения, добавили бы мы.

А это было, возможно, самым сложным.

Мало быть иметь образование и желание.

Нужен был еще и талант.

— Мысль о том, чтобы каждое дело поручалось людям с

организаторскими способностями, — говорил по этому поводу Кемаль, — высокими личными качествами, хорошим образованием, является привлекательным и своевременным. Однако не только в нашем обществе, но даже в наиболее развитых обществах мира нет возможностей обеспечить каждую структуру, каждое рабочее место такими людьми…

Да, у Кемаля были друзья по учебе, службе и совместной борьбе.

Но, к счастью для страны, главным для Кемаля было не хождение по стамбульским кафе в молодости, а духовное единение с людьми, на которых он опирался в своей титанической работе по созданию нового общества.

— Видеть меня, — говорил Кемаль, — это не значит видеть мое лицо. Если вы понимаете мои чувства и мысли, это значит, что вы видите меня. Этого достаточно…

Иными словами, недостаточно было сидеть за одной партой с Кемалем, главное было понимать его.

И как это было ни печально для его друзей, но они остались по своему развитию далеко позади самого Кемаля.

— Некоторые из моих спутников, — объяснял свое неизбежное расхождение с друзьями сам Кемаль, — вступивших вместе со мною в национальную борьбу, переходили в оппозицию по мере того, как развитие национальной жизни, приведшее нас вплоть до объявления республики и установления республиканских законов, опережало развитие их интеллектуальных сил и переходило границы их морального уровня…

Хорошо зная сильные и слабые стороны своих друзей Кемаль не мог не видеть, что и Февзи, и Исмет были на две головы того же Али Фуада и Рауфа.

И все же главным было то, что никто из них не желал никакой республики и оставался сторонником султаната и халифата.

Назначая на высшие военные должности «пришельцев», он тем самым как бы создавал два противовеса.

И Февзи, и Исмет прекрасно понимали, что обрели в лице «старой гвардии» злейших врагов и Кемалю в случае их нелояльности к нему ничего не стоит перетасовать колоду.

Первые же дни работы меджелиса показали, что ни о каком единстве депутатов не могло быть и речи.

Слишком уж разношерстная публика собралась в нем.

Да и какое могло быть единство между молодыми офицерами, ходжами, вождями племен в разноцветных тюрбанах,

молодыми буржуа, покинувшими европейские университеты, и представителями религиозной элиты?

Пропасть разделяла консерваторов и радикалов, не желающих останавливаться на «освобождении» султана-халифа и выступающих за создание в Анатолии нового общества.

Дабы обезопасить себя и иметь опору в меджелисе, Кемаль создал из своих сторонников парламентскую «Группу обществ защиты прав Анатолии и Румелии».

Депутаты, не принимавшие идею республики и обвинявшие его в стремлении к личной диктатуре, создали свою «Вторую группу».

В нее вошли приверженцы иттихадистов и сторонники султанско-халифатского правления.

Её численность составляла примерно 120 депутатов, в то время как группа Кемаля насчитывала до 200 депутатов.

Положение осложнялось еще и тем, что ни у кого из депутатов не было политического опыта, и они компенсировали его личными амбициями и собственным пониманием ситуации.

Именно поэтому горячие дискуссии часто перерастали в откровенную ругань.

Возбуждение происходящим, недостаток опыта, опасность, нависшая над Анкарой, — всё это разжигало рвение и пыл депутатов.

Горячие дискуссии чаще всего заканчивались грандиознымси скандалами.

Тем не менее, французская журналистка Берта Жорж-Голи под впечатлением от движения националистов и его лидеров написала о том, что «парламент Анкары достаточно близок к английскому парламенту».

Как она могла не увидеть соперничество между молодыми офицерами, ходжами, вождями племен в разноцветных тюрбанах, молодыми буржуа, покинувшими европейские университеты, и представителями религиозной элиты, остается только догадываться.

Пропасть разделяла консерваторов и радикалов, не желающих останавливаться на «освобождении» султана-халифа и выступающих за создание в Анатолии общества, отличного от навязанного Стамбулом.

Кемаль был вынужден лавировать между теми и другими.

И он лавировал.

В своем лавировании Кемаль шел на любые хитрости, и, когда ему было выгодно, говорил о том, что «национальное собрание состоит не только из турок, черкесов, курдов и лазов».

— Это, — на голубом глазу заявил он, — чистосердечный союз всех мусульман…

Однако депутаты не только скандалили и спорили, но и работали.

Они приняли ряд законов, в том числе закон о налогах.

Одним взмахом пера депутаты в четыре раза увеличели налог на скот.

Подобное решение не лишено смелости, посольку оно озлобило крестьян, и без того уже жестоко пострадавших.

Однако гражданские чиновники и военные, составляющие половину Национального собрания, не задумывались над этим.

Да и не было у них выхода.

Еще в Сивасе Кемаль спросил свое окружение:

— Сколько у нас денег?

После чего были проанализированы все возможные источники доходов: десятина, налог на коз, подоходный налог, банковские ссуды, внутренний заём и заём, полученный у США и добровольные пожертвования.

Вывод был простой: денег было мало, и еще меньше было возможностей для их получения.

Так что при изыскании средств Национальное собрание должно было действовать решительно.

— Мы, — говорил по этому поводу Кемаль, — должны быть солдатам и смело принимать непопулярные решения…

И он принимал их.

Положение осложнялось еще и тем, что весной 1920 года антикемалистские восстания вспыхивали то в одном, то в другом районе Анатолии.

В дни создания нового меджлиса, район восстаний приблизился к Анкаре: в Болу и Дюздже восстали черкесские и абазинские поселенцы — сторонники султанской власти, соединившиеся вскоре с армией халифата, действовавшей в Адапазары и Гейве.

Ферит-паша, стремясь оправдать выданные ему англичанами авансы и навести порядок в Анатолии, в апреле 1920 года создал специальные отряды, названные «Армией халифата».

Она состояла преимущественно из черкесов, грузин, албанцев и арабов.

А если учесть то, что среди населения Северо-Западной Анатолии черкесы и албанцы, с их преданностью султану-халифу, занимали занчительное место, армия халифа представляла большую силу.

Хорошо оплачиваемые, производящие впечатление своей черной формой, эти защитники порядка выступили конце апреля.

Момент выбран удачно: бывший жандарм Анзавур, наемник англичан, несмотря на свои пушки, пулеметы и на святую троицу — «веру в душе, Коран на устах и приказ султана на руках», был потеснен черкесом Этхемом.

Армия халифата шла ему на помощь.

Ее поддерживали крестьяне, которые радостно встречали защитников законной власти, чтобы с их помощью изгнать сторонников «предателя» Кемаля.

Так началась гражданская война.

В ответ на обвинения шейх-уль-ислама 153 анатолийских муфтия, по просьбе Кемаля, с такой же убедительной силой и теми же цитатами из Корана дали религиозное обоснование войне за Независимость.

Великий визирь объявлен предателем родины.

Однако напыщенных заявлений и цитат Корана недостаточно.

Надо было сражаться.

Единственной активной силой в борьбе против этих сил оказались в то время партизанские части под командованием черкеса Эдхема

В описываемое время значительную помощь кемалистам оказывала и Зелёная армия.

Националисты располагали ограниченными военными ресурсами, и все же своими решительными действиями Рефет, Этхем-черкес и Ариф смогли приостановить продвижение лоялистов.

Главной головной болью Кемаля стало отсутствие у националистов своей армии, способной решать не только кавказские проблемы, но и остановить и разгромить армию халифата и оккупантов в Западной Анатолии и Фракии и освободить Стамбул.

Отношения между кемалистами и основной тогда боевой силой — партизанами — носили характер эпизодических контактов, отдельных переговоров по поводу проведения военных операций против сторонников султана и Антанты.

И задача перед Кемалем стояла непростая: ему предстояло добиться подчинения местечковых командиров, которые чаще всего не желали подчиняться никому.

В своем стремлении как можно сильнее укрепить свое положение и заткнуть рот недовольным Кемаль в конце апреля 1920 года провел через меджлис закон «О высшей измене».

Отныне каждого, кто осмелился выразить сомнение в законности Великого национального собрания, ждала смертная казнь.

Как того и следовало ожидать, султанский режим ответил семью заочными смертными приговорами, вынесенными Кемалю и другим деятелям национально-освободительногодвижения, среди которых были Али Фуад, Халиде Эдип и ее муж Аднан.

Узнав об этом, Кемаль только презрительно усмехнулся и принялся за составление первого анкарского правительства.

Все эти дни Халиде Эдип внимательно наблюдала за Кемалем и ее, как она потом заявила, коробило от его лицемерия.

Впервые, признавалась общественная деятельница, она увидела истинное лицо Кемаля, который оказался самым настоящим циником.

Да и чем, как не цинизмом, еще было можно объяснить его игру на чувствах глубоко верующих в своего халифа людей.

И все же в искренность этого заявления верится с трудом, поскольку остается совершенно непонятным, почему самая выдающаяся турецкая женщина тех лет решила, что Кемаль «играл на чувствах верующих».

Да, Кемаль ненавидел султана уже тогда и, тем не менее, был вынужден в течение нескольких лет скрывать свои истинные чувства к «своему доброму другу».

Но если даже Халиде Эдип и удалось каким-то сверхъестественным способом вырвать у него подобное признание, то ничего особенно удивительного и уж тем более странного в его поведении не было,

В своем стремлении к чистоте она забывала одну простую и не такую уж сложную для понимания вещь: Кемаль был политиком и слово «циник» к нему не подходило, как уже не подходили и те общепринятые нормы морали, какими жили простые смертные.

На тех вершинах, на которые он пытался прорваться, царили иные законы, и подходить к ним с мерками обычных людей было бессмысленно.

И как здесь не вспомнить того же Наполеона, лившего в юности слезы над «Страданиями молодого Вертера» и, в конце концов, заявившего в одной из бесед с Талейраном, что нет в мире такой подлости, на какую он оказался бы не способен.

Как и любой политик, Кемаль мыслил уже не нравственными категориями, а целесообразностью и пользой для себя и страны.

Да и что ему еще оставалось?

Объявить в мусульманской стране о своем страстном желании как можно быстрее отделаться от халифа и, повернув против себя миллионы верующих, лишиться заодно и поддержки извне?

Потому и говорил:

— Право управлять дано нам Аллахом. Оно зиждется на силе и могуществе…

Именно эта целесообразность заставила его устроить пышную встречу бежавшему из Стамбула Февзи, хотя поначалу он собирался отправить его туда, «откуда он прибыл».

Более того, он потребовал от Февзи передать депутатам наилучшие пожелания от томившегося среди окружавших его врагов султана.

Что тот и сделал после того, как отгремели приветственные овации.

Конечно, это был самый обыкновенный подлог, тем не менее, он сыграл свою роль.

— После оккупации Стамбула, — говорил в меджелисе Кемаль, — перед нами с одной стороны — Антанта, не признающая никаких обязательств, никаких законов, руководствующаяся в своих действиях только своими интересами, не считающаяся ни с какими человеческими и юридическими нормами. С другой — зависимое, находящееся в плену правительство, не располагающее никакими средствами, чтобы защитить права родины, добиться выполнения условий перемирия и дать отпор иностранной агрессии. Безжалостный гнет с одной стороны и рабское бессилие с другой — вот перед чем оказалась наша страдающая, беспомощная и беззащитная турецкая нация…

В те же дни Национальное собрание опубликовало декларацию, в которой народу, или, как теперь предпочитали говорить кемалисты, нации объяснялись задачи меджелиса.

«Великое национальное собрание работает, — говорилось в ней, — чтобы освободить халифа, нашего падишаха, чтобы предотвратить расчленение Анатолии и присоединить нашу столицу к родине.

Мы, ваши представители, клянемся именем Аллаха и пророка Мухаммеда, что предположение о нашем „выступлении против халифа и падишаха“ — всего лишь ложь, направленная на уничтожение сил, защищающих страну, мусульманами, находящимися в заблуждении, и на захват страны, оставляя ее без лидера и защитника.

Да проклянет Аллах предателей, помогающих врагу!

Сострадание и благополучие всем, кто работает на освобождение халифа, нашего падишаха, народа и страны.

Все, чего мы хотим, это только спасти нашу страну от судьбы Индии и Египта!»

В эти же дни в подписанном многими религиозными деятелями Анатолии послании муфтия Анкары Рыфата Кемаль

еще раз напомнил верующим о том, что халиф является пленником неверных и что дело чести веры — спасти его.

«Это событие, — вторила ему официальная газета националистов „Национальный суверенитет“, — служит наиболее убедительным доказательством способности нашего народа выживать.

Наша история очень богата чудесами такого рода.

Наш народ пережил много потрясений и каждый раз выбирался из них.

Народ, еще вчера считавший себя обреченным на исчезновение, сегодня поднимается.

Наш народ создал мощную империю на священной земле Анатолии под эгидой детей Эртогрула.

Он всегда был преданным защитником ислама».

Как видно, националисты не гнушались обращаться к тому самому исламу и османской истории, которые очень скоро похоронят.

Лицемерно, скажите вы?

И будете правы.

Умно, скажу я, и тоже буду прав…

В первые дни работы меджелиса произошло и еще одно важно событие, оказавшее решающее значение на весь ход дальнейших событий.

Кемаль заговорил о своем намерении установить отношения с большевиками и попросить у них так необходимой им помощи.

Теперь он имел на это полное право: к Москве обращалось не частное лицо, а председатель Великого Национального собрания Турции.

И ничего другого ему не оставалось.

Ему нужно было оружие, а его ему могла дать только Москва.

«Мы, — говорилось в 7-м параграфе принятой в Эрзуруме Декларации, — с удовлетворением примем техническую, промышленную, экономическую помощь от любого государства, которое не питает враждебных намерений в отношении нашей страны».

О военной помощи не сказано ни слова, но, конечно же, она подразумевалась.

Турецкий автор А. Мюдеррисоглу считает, что тогда что речь шла либо о США, либо о Советской России.

Более того, сам Кемаль, по его мнению, поначалу склонялся к американской помощи.

Но по зрелому размышлению просить ее у Вашингтона не стал.

США воевали на стороне Антанты, и трудно было представить, что они будут поставлять в Турцию оружие, предназначенное для использования против её союзников.

Если это было так на самом деле, то выглядит это наивно, поскольку говорить о какой-то порядочности со стороны Америки было бы в высшей степени странно.

Поскольку Америка и порядочность вещи несовместимые.

Можно подумать, что Кемаль не знал о том, что во время мировой войны Вашингтон поставлял оружие и боеприпасы, как Германии, так и Антанте.

И американские торгаши вполне могли пойти на любую выгодную им сделку.

Особенно, если учесть то, что усиление Кемаля означало бы ослабление Европы, чего всегда и добивался Вашингтон.

Впрочем, кто знает, возможно, Кемаль и говорил об этом во время своих встреч с американцами.

«С точки зрения новой концепции национального будущего, — рассуждал по этому поводу выдающийся британский разведчик Лоуренс Аравийский, — Турции были важны земли Анатолии, от Мраморного моря с Сицилией до Диярбакыра, Эрзурума, Вана, Азербайджана и дальше — до Каспийского моря.

А тот, кто владеет Смирной, будет влиять на положение в регионе в целом.

Мустафа Кемаль пытался договориться с Италией, затем — с Францией и Англией, однако обнаружил, что в первом случае договоренности мало что дают, во втором — за них придется заплатить слишком высокую цену, в третьем — партнеры настаивали на абсолютной легитимности всех действий.

Сейчас он блокирован греками со стороны Эгейского моря и поставлен перед выбором: либо сдаться на милость греческой армии, либо заключить договор о дружбе с Россией.

Турции не страшны были ни атаки греческой армии, ни блокада союзников — нужно лишь договориться с Россией на восточном фланге».

Можно согласиться со всем, сказанным Лоуренсом, кроме одного: того, что Турции были не страшны атаки греческой армии.

Если бы это было так, то зачем просить помощь у России и выступать в роли просителя.

И Лоуренс противоречил сам себе, когда говорил о том, что Кемаль должен выбирать между капитуляцией перед греками и союзом с Россией.

Да и какая могла быть капитуляция, если Турции не страшны были атаки греческой армии?

Конечно, решение обратиться к Москве было продуманным решением.

Как мы помним, еще в сентябре 1919 года Кемаль и Карабекир отправили в Баку Халиль-пашу и доктора Фуада Сабита.

Фуад Сабит, Халиль-паша и Баха Саит, один из лидеров «Каракола», создали в Баку турецкую коммунистическую ячейку, искренне желая продемонстрировать большевикам свои коммунистические настроения.

И Кемаль хорошо знал об их делах, просматривая отчеты Халиль-паши и Фуада Сабита.

Понимал ли Кемаль, что своим сближением с Россией он бросал вызов Истории, которая насчитывала целых тринадцать войн между Османской империей и Россией?

А какая разница, понимал, или нет?

Его в то время больше волновало настоящее и будущее.

Для кемалистов военная и финансовая помощь со стороны большевиков, а также согласование военной стратегии с Москвой представлялись важным, если не определяющим, фактором победы над греческой интервенцией, поддерживавшейся странами Антанты, особенно Англией.

Кемаль никогда не был сторонником марксизма, не читал он и Ленина.

А вот то, какую пользу он может извлечь из антиимпериалистической природы большевистского государства, он понял быстро.

Потому и говорил:

— Быть большевиком — это одно, а вступить в соглашение с большевистской Россией — совершенно другое…

Так прагматизм победил идеологию, явив собой ярчайший пример политического оппортунизма.

Именно поэтому он в то же самые дни вел переговоры об экономическом соглашении с Италией с прибывшим в Анкару другом его хорошего знакомого Сфорцы, Фаго.

В то же самое время он заигрывал и с французами, подписывая с де Кексом, генеральный секретарь французской комендатуры Бейрута, перемирие на 20 дней для обмена военнопленными и эвакуации войск из отдельных районов Киликии.

Можно, конечно, говорить о лицемерии.

Но… политика удел циников, и выживает в ней только тот, кто гибче, хитрей и прагматичней.

На определенных, конечно, этапах.

Кемаль как раз и находился на таком этапе.

И вопрос перед ним стоял серьезный: будет ли существовать в послевоенном мире Турция.

И ради этого существования он был готов на все.

Начал Кемаль с того, что познакомил депутатов с призывом Москвы к «мусульманам России и Азии».

Выслушав его, депутаты долго аплодировали.

Да и как не аплодировать, если призыв утверждал, что «договор союзников о расчленении Турции и создании Армении на территории Турции обречены на провал».

Но в то же самое время они говорили и о том, что призыв к мусульманам мог быть самой обыкновенной пропагандой.

Да и что собой представляет большевизм на самом деле, из них никто не знал.

Кемаль уговаривал депутатов, как мог.

— Для нас Восток, — говорил он, — это точка опоры против политики Запада, стремящегося нас уничтожить. Но это сближение нас пугает. Кавказ враждебен нам — они признают Армению. Если на Кавказе вступят в соглашение с большевиками раньше нас, что будем делать мы? В интересах нашей страны и нашего народа как можно скорее заключить соглашение с большевиками…

И уговорил.

Глава IX

Прежде чем продолжить рассказ об отношениях Анкары и Москвы, надо напомнить о том, какая обстановка сложилась вокруг Закавказья весной 1920 года, где пересеклись интересы Запада, закавказских республик, кемалистов и большевиков.

После Февральской буржуазно-демократической революции 22 марта 1917 года Временным правительством был создан особый Закавказский Комитет.

Он просуществовал до середины ноября 1917 года.

28 ноября в результате консолидации политических партий при поддержке широкой общественности демократическим путем образовались Закавказская республика и Закавказский комиссариат.

В феврале 1918 года его упразднили и избрали Закавказский сейм, провозгласивший Закавказскую демократическую федеративную республику.

Однако в мае 1918 года это политическое объединение распалось.

26 мая Грузия была объявлена независимой республикой.

К этому времени относится также образование Армянской и Азербайджанской самостоятельных, но никем не признанных республик.

По большому счету западным странам было наплевать как на народы Азербайджана, Грузии и Армении, так и на их независимость.

Но…

Беспокойство великих держав и, прежде всего, Англии, было вызвано опасностью распространения большевизма на Среднем и Ближнем Востоке, в Персии и подконтрольной ей Индии.

Именно поэтому британский верховный комиссар на Кавказе Оливер Уордроп в своей телеграмме лорду Керзону от 19 сентября 1919 года настаивал на признании независимости Азербайджана и Грузии.

В конце ноября в Париже состоялась беседа Д. Ллойда-Джорджа с заместителем госсекретаря США Полком.

— Единая большевистская Россия, — говорил английский премьер, — превратится в большую опасность для Европы. Поэтому нам следует как можно скорей признать независимость Грузии, Азербайджана, Украины, Бессарабии, Прибалтики, Финляндии и, возможно, Сибири…

В результате последовала телеграмма британского МИДа премьер-министру Азербайджана Н. Усуббекову в декабре 1919

года.

«Правительство Англии, — говорилось в ней, — защищает независимость Азербайджана и относится к Азербайджану с большим уважением».

В начале января 1920 года Верховный комиссар О. Уордроп предлагал срочно укрепить позиции закавказских республик и Горской Республики, признав их независимость.

«Если Англия не активизируется, — писал он, — то Кавказские республики будут вынуждены договориться с большевиками».

Усиление большевистской угрозы на Кавказе подвигло страны Антанты серьезно обдумать ситуацию и сделать решительные шаги.

Все понимали, что появление Красной Армии в регионе означает проникновение большевизма на Ближний и Средний Восток, в Иран и Переднюю Азию.

Из-за скорости развития событий вопрос о признании Азербайджана и Грузии стал неотложным.

— Большевики, — говорил на Парижской конференции премьер-министр Англии, — продвигаются вдоль Каспия. Если они разобьют Деникина и захватят Каспийское море, то весьма вероятно их объединение с начавшимся в Турции национальным движением во главе с Кемалем. В таком случае кавказские государства останутся в безвыходном положении…

В результате всех этих заявлений 11 января Верховный совет союзников признал независимость Грузии и Азербайджана.

19 января 1920 года Высший Совет союзных сил Антанты признал Республику Армения с условием, что границы ее будут уточнены в дальнейшем.

26 апреля 1920 года в городе Сан-Ремо закончила свою работу конференция Верховного совета держав Антанты и присоединившихся к ним государств.

Конференция определила распределение мандатов класса «А» Лиги Наций по управлению территорий бывшей Османской империи на Ближнем Востоке.

Великобритания получила мандат на Палестину и Ирак, а Франция — на Сирию, включая современный Ливан.

Верховный совет Союзников обсудил вопрос о мандате для Армении, а также вопрос об установлении границ армянского государства.

Верховный совет обещал помощь Армении в политических, военных и финансовых вопросах.

Главы стран Союзных держав пришли к соглашению о том, что армянские провинции Эрзерум, Ван, Битлис и Трапезунд,

который обеспечивал выход к Чёрному морю, являются неотъемлемой частью Армении.

Затем Высший Совет союзных сил на конференции в Сан-Ремо обратился к президенту США, которые тремя днями раньше признали независимость Армении, с просьбой принять мандат на Армению и арбитражным решением определить границу Турции и Армении.

Таким образом, как им казалось, они блокировали распространение большевизма дальше на Восток и создали своего рода санитарный кордон между Советской Россией и Турцией

Судя по тому, что они просили США взять мандат на Армению и определять ее границы с Турцией, они просто избавились от той головной боли, которая ожидала их в случае взваливания на свои плечи решение этого вопроса.

Конечно, закавказские республики были обрадованы их признанием и, несмотря на все стоявшие перед ними трудности, были полны решимости строить свои государства.

А вот большевики думали иначе.

Если называть вещи своими именами, то они мечтали о создании новой, на этот раз советской империи, и именно поэтому Ленин не хотел отделения от России «национальных окраин».

Более того, он считал, что именно федерализм поможет сохранить государственное единство, столь необходимое для реализации коммунистического проекта.

Отсюда шло и знаменитое право на отделение, которое Ленин и большевики торжественно обещали «нацменьшинствам».

Они понимали его, как некую формальность, которая окажет грандиозное пропагандистское воздействие на «окраины».

Кроме того, большевики считали, что право на отделение станет их мощным пропагандистским оружием в борьбе с британским колониализмом.

Реальной же независимости никто никому давать не хотел.

Большевики рассуждали примерно так — пусть кто хочет, тот и отделяется, тем более, что процесс отделения идет уже и без нас — полным ходом.

Мы потом все вернем назад, главное — выставить себя защитниками «угнетенных» наций.

Разогнав Учредительное собрание, укрепив свою политическую власть в центре, а также заключив 3 марта 1918 года сепаратный мирный договор с Германией, Ленин поставил в повестку дня план аннексии закавказских республик.

— Только благодаря тому, — говорил Ленин в политическом

отчете Центрального Комитета на VII экстренном съезде РКП (б) 7 марта 1918 года, — что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно ни броситься одна на другую, ни соединиться против нас, — только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию…

Цинично, зато откровенно…

Что же касается Кемаля, то перед ним стоял всего один, но жизненно важный вопрос: оружие и все то, что было нужно для войны.

Без него все остальное теряло смысл.

Дать его ему могли только большевики, и именно этим будет определяться вся его политика отношения с Советской Россией.

— Государства Согласия, — говорил в феврале 1920 года в меджелисе Кемаль, — имеют план прервать непосредственную связь между большевиками и турками, используя кавказские народы. Они признали независимость Азербайджана, Армении, Грузии, возможно Северного Кавказа, а теперь, чтобы победить в войне с большевиками, они, таким образом, их поощряют и поддерживают. Если они этого добьются и превратят народы Кавказа в барьер против нас, если Турция окажется окруженной, все возможности нашей страны сопротивляться будут подорваны в корне. Проект превращения Кавказа в китайскую стену — это проект уничтожения Турции. Необходимо принять все меры к тому, чтобы разрушить барьер…

Именно поэтому лидеры турецкого национального движения рассматривали признание независимости Азербайджана на Парижской мирной конференции, как попытку Антанты помешать объединению Турции и Советской России.

Сложно сказать, когда Кемаль узнал о решениях конференции в Сан-Ремо, но уже 26 апреля 1920 года Казым Карабекир-паша получил приказ Великого Национального Собрания Турции действовать совместно с большевиками.

А теперь, зная политический расклад «перед боем», давайте посмотрим, как развивались события дальше.

26 апреля 1920 года Кемаль написал письмо Ленину с предложением Великого Национального Собрания Турции

установить дипломатические отношения и с просьбой о помощи.

За оружие и деньги Кемаль брал на себя военные операции против империалистической Армении и обязывался заставить Азербайджанскую Республику войти в круг Советских государств.

Некоторые историки увидели в этом письме согласие Кемаля на оккупацию Советами Азербайджана, которая началась на следующий день.

Но это было не так.

Москва и без «согласия» Кемаля захватила бы Азербайджан, поскольку нуждалась в нефти, и еще декабре 1919 года создала экспедиционный корпус для операции по овладению Баку.

А после того, как Союзники признали в январе 1920 года независимость Азербайджана, большевики поняли, что тянуть дальше нельзя.

Потому и отказывали на все просьбы Баку признать его независимость.

17 марта 1920 года Ленин телеграфировал Реввоенсовету Кавказского фронта: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо».

И взяли.

Вторжение советских войск в Азербайджан производилось по стандартному большевистскому сценарию: местный ревком поднимал настоящее или «виртуальное» восстание рабочих и обращался за помощью к Красной Армии.

28 апреля войска XI Красной Армии вошли в Баку и объявили Азербайджан советским.

Вложили свою лепту в советизацию Азербайджана и кемалисты.

— При нашем влиятельном содействии и помощи, — говорил по этому поводу сам Кемаль, — советские армии легко прошли Северный Кавказ и вступили в Азербайджан. Азербайджанцы встретили прибывшие войска с полным спокойствием. Советские армии приняли необходимые военно-стратегические меры на границах Армении и Грузии и вместе с этим приступили к установлению непосредственной связи с нами…

Так оно и было, и кемалисты оказали некоторое, хотя и весьма ограниченное, содействие восстановлению советской власти в Баку.

Судя по-всему, именно тогда Халиль-паша получил обещание от большевиков дать кемалистам оружие.

После эвакуации в ноябре 1918 года турецких войск из Азербайджана там осталось довольно много турецких офицеров, которые стали поддерживать кемалистов.

Подпольный Кавказский Крайком установил с ними контакт,

и они сыграли положительную роль в выступлениях против мусаватистов.

Не сидел без дела и эмиссар Кемаля в Баку Халиль-паша.

«Моей главной задачей, — писал он в своих мемуарах, — было добиться к весне 1920 года приближения советского влияния к турецким границам».

Вполне возможно, что именно он и положил начало большой политической игры между большевиками и кемалистами.

Как отмечает турецкий автор Омер Коджаман, турецкие националистические лидеры и офицеры сыграли важную роль посредников в манипулировании настроениями мусульман Азербайджана.

В апреле турецкие националисты совместно с коммунистами организовали митинги в Баку, стараясь заполучить поддержку населения азербайджанской столицы.

В апреле Халиль-паша доносил командующему кемалистскими вооруженными силами генералу Карабекиру, что в Азербайджане «солдаты намерены очистить Карабах от армян», и что народ и солдаты с нетерпением ждут пересечения границ турецкой армией, чтобы «достичь этой цели в короткий период времени».

В ответном послании от 28 апреля Карабекир отметил, что «целью всех турок является объединение тюркских братьев» и потребовал «не ослаблять военной компании против Карабаха».

Халилю поручалось довести до азербайджанских кругов, что кампания против армян должна вестись «со всей жестокостью и наводить ужас».

«Азербайджанское правительство, — писала 4 мая выходившая в Батуми газета „Ислам гурджистани“, — азербайджанская Красная армия приступают к действиям для того, чтобы двинуться на Армению и, разгромив ее, соединиться с османскими турками в Анатолии…»

Принимали «турецкие товарищи» участие и в подготовке вооруженного восстания против законного правительства.

И, наверное, далеко неслучайно Орджоникидзе в своем докладе Ленину писал: «Весьма активную роль в пользу революции в Баку сыграли турецкие аскеры и офицеры, отряд которых пресек правительству возможность бежать из Баку».

Иными словами, эмиссары Кемаля не только тесно сотрудничали с большевиками, но и завоевали у них к тому времени определенное доверие.

Конечно, Азербайджан был бы оккупирован и без них, но именно они своей работой убедили большевиков в серьезности намерений Кемаля.

Так что в Москве ко времени написания Кемалем письма Ленину были не только наслышаны, но и видели практические дела его сподвижников.

Более того они уже вошли в довольно тесные контакты с командирами кемалистких войск, с которыми им еще придется воевать бок о бок.

Особенно если учесть, что уже в Баку началась братание красноамрейцев и турецких солдат…

Однако большевики не собирались останавливаться на достигнутом, и теперь перед ними стояла не менее важная задача по советизации Армении.

Помните слова Кемаля о том, что «советские армии приняли необходимые военно-стратегические меры и приступили к установлению непосредственной связи с нами»?

Теперь оставалось только обеспечить необходимый для доставки оружия и военных грузов коридор из России в Турцию.

Морем это было сделать нельзя из-за блокирования союзниками портов, а Армения отказывалась пропускать эти самые грузы через свою территорию.

Это коридор мог обеспечить только захват Карабаха, Нахичевани и Зангезура.

Именно поэтому 29 апреля сначала Ревком Азербайджана, а потом и комадование 11 армии потребовало очистить от армянских войск земли Карабаха и Зангезура и отойти к границам.

«Невыполнение этого требования, — говорилось в ультиматуме, — будет расценено как объявление войны Советской России».

Затем, согласно большевистскому сценарию, в начале мая в Армении началось большевистское восстание.

«Так называемое „майское восстание“, — писал по этому поводу последний премьер-министр Республики Армении с 25 ноября по 2 декабря 1920 года С. Врацян, — кучки кремлевских марионеток (Саркис Мусаэлян, Авис Нуриджанян, Арташес Мелконян) было явно инспирировано извне».

10 мая 1920 Ревком объявил Армению советской республикой и запросил военной помощи у Москвы.

«Армянский народ, — заявил в этой связи один из видных деятелей Компартии Армении Геворк Атарбеков, — это мещанское понятие.

Для нас не существует понятие „нация“.

Для нас существует класс.

Мы стремимся к победе пролетариата и мировой революции.

Если во время этих великих социальных потрясений должен погибнуть армянский народ, пусть погибает.

В России мы уничтожили 15 миллионов человек.

Если понадобится, уничтожим еще 15 миллионов, лишь бы победила мировая революция».

Но на этот раз не сработало.

«Майское» восстание было подавлено, а советские войска в силу разных причин не смогли оказать помощь восставшим коммунистам.

А вот почему местным коммунистам на помощь не пришла 11 армия остается загадкой.

Советские историки объясняют это тем, что войска были заняты подавлением в Гандже контрреволюционного мятежа мусаватистов и началом войны с Польшей.

Но если вспомнить, что в 11 армии было семь стрелковых и четыре кавалерийских дивизий и ни одну из них не перебросили на Запад, то такое объяснение выглядит странным.

После подавления мятежа власть перешла к Бюро АРФ Дашнакцутюн.

Дашнаки проповедовали антимарксистскую, антибольшевистскую, но никак не антироссийскую идеологию.

Более того, некоторые армянские лидеры настаивали на установлении взаимопонимания с Совнаркомом.

Армения осторожно пыталась заручиться признанием.

Объявившее о нейтралитете в бушевавшей в России гражданской войне правительство Еревана давало понять, что Армения будет надежным партнером и союзником для всякой России в той степени, в коей Россия будет уважать независимость Армении.

Армянские эмиссары отправились в Москву, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Мурманск, Омск и Иркутск.

Делегацию в Москву возглавлял заместитель председателя парламента Левон Шант.

Ему было поручено добиться признания независимости Армении, включая Карабах, согласия на присоединение турецкой части Армении к Армении и невмешательства во внутренние дела Армении.

Говоря откровенно, это была странная делегация на еще более странных переговорах.

Да и как можно было уговорить большевиков признать ту самую Армению, которую они только что пытались захватить силой?

Да, на этот раз не получилось, но это вовсе не означало того,

что второй попытки советизировать Армению не будет.

Что тогда?

Объяснение только одно.

С помощью переговоров дашнаки пытались выиграть время.

Надо полагать, они уже видели новую сделанную на Западе карту Закавказья, на которой их страна получала Турецкую Армению и выход к Черному морю.

И рассуждали они так: пока идут переговоры Москва не предпримет новой атаки, а там Запад поможет.

Наивно?

Возможно.

Но ничего другого им не оставалось.

28 мая на встрече с делегацией нарком по иностранным делам Чичерин подтвердил стремление к дружественным взаимоотношениям.

При этом он заметил, что Советское правительство решило поддержать турок в их освободительной борьбе против европейских колониалистических держав.

— Советская Россия, — продолжал Чичерин, — желает уладить армяно-турецкие разногласия, и эта задача упростится, если Армения обещает не вмешиваться в действия Кемаля против держав Антанты…

Шант ответил, что он не уполномочен обсуждать армяно-турецкие отношения.

Тогда Чичерин напомнил, сколько раз европейцы обманывали армян.

— Необходимо, — говорил он, — избавиться от губительного посредничества Европы в решении армянского вопроса и дать ему справедливое решение при содействии советских властей…

Однако Шант снова повторил, что подобные вопросы не в его компетенции.

В эти же дни в Москве появился и так славно поработавший для большевиков в Баку Халиль-паша.

— Теперь союзники, а, главное, англичане, — заявил он еще в Баку корреспонденту РОСТА Халиль-паша, — командуют в Стамбуле. Вся Азиатская Турция поделена между победителями. Греция получила все побережье в окрестностях Измира, Франция захватила Сирию. В последнее время население Малой Азии, которое превышает 10 миллионов, стало определенно склоняться в сторону советского строя. Положение осложняется тем, что новое правительство ощущает недостаток в оружии и боевых припасах…

Намек был понят, и 15 мая Политбюро обсудило вопрос «О

Халиль-паше», а на следующий день состоялась его встреча с Г. Чичериным.

«Мы, — докладывал Ленину Чичерин, — не должны увлечься слишком широкими перспективами и начать авантюры, превышая свои силы.

Но с этой оговоркой я должен сказать, что сближение с Турецким Национальным Центром (имеется в виду Великое Национальное Собрание Турции) может вести к громадному усилению нашей политики на Востоке.

Для коммунизма нет почвы, но большевизм чрезвычайно популярен, ненависть против западного капитала и собственных угнетателей громадна.

Халиль, выяснив наше отношение, хочет вернуться в Сивас и потом снова приехать к нам. Он просит, чтобы мы послали вместе с ним наших представителей, а также армянских товарищей ввиду сложных отношений с Арменией.

Он не только допускает, но усиленно просит, чтобы мы создали у них наше постоянное представительство, типографии, библиотеки, издательство книг и журналов.

Они просят, чтобы в этом представительстве были и мусульмане, и вполне русские товарищи.

Свободу пропаганды мы будем иметь полнейшую.

Возможно введение там Советской Республики, но это будут не наши Советы, и лишь постепенно можно будет популяризировать коммунизм в деревне.

В военном отношении Халиль просит амуниции и денег.

Они вполне признают самоопределение всех национальностей и готовы на отделения и на автономии.

Программа Халил паша — „доктрина Монро“ для Азии, борьба всех азиатских народов против европейского империализма.

Он признает Советскую Россию единственным другом азиатских народов и понимает, что без нас они погибнут.

В Персии он готов помогать нашей работе посылкой турецких партизан, причем борьба будет и против Шаха и феодалов, за аграрную революцию, не касающуюся пока еще городской буржуазии.

Его агенты будут поддерживать нашу политику и в Афганистане и в Индии.

Таким образом, центр тяжести нашей ближневосточной политики перенесется в Турцию.

Необходимость непосредственного контакта с Турцией ведет к тому, что мы должны будем использовать железные дороги Армении, а для этого мы должны заключить договор с Арменией.

Надо будет пригрозить Грузии, чтобы она не дала английскому отряду захватить пункты, необходимые для нашего контакта с Турцией.

Оружие можно будет посылать под фирмой Азербайджана.

В ближайшие дни вся практическая военная сторона должна быть выяснена нашими военными с Халилем».

Иными словами, разговоры об оружии для кемалистов начались еще до установления прямых контактов между Анкарой и Москвой.

Не вызывает сомнения и то, что Кемаль в рассказах дяди Энвера представал этаким борцом с мировым злом, готовым на все ради торжества марксизма-ленинизма.

Тем временем Кемаль, к огромному неудовольствию большевиков, вел переговоры с Францией, у которой имелись весьма веские причины для этого.

Стремление Франции к миру было обусловлено тем обстоятельством, что в тот период французские войска встретили серьезное противодействие в оккупированной ими Сирии, население которой, едва освободившись от турецкого господства, не желало подпасть под новое иго.

Необходимость примирения с кемалистами диктовалась и их военными успехами в Киликии.

Все дело было в том, что с падением Мараша боевые действия не прекратились.

Оставив Мараш, французы не собирались покидать Киликию, и в мае 1920 года началась первая в истории франко-турецкая война.

В районе Урфы полевой командир Али Саип-бей собрал под своим командованием около трёх тысяч человек.

В феврале 1920 года он предъявил французскому гарнизону Урфы ультиматум, и в апреле 1920 года французский гарнизон был эвакуирован.

В апреле 1920 года против французов и армян восстал Антеп.

Однако французы, подтянув свежие войска из Сирии, осадили город, и стали уничтожать его артиллерийским огнём.

В ходе 11-месячной осады было разрушено несколько десятков тысяч зданий и погибло более 6 тысяч человек.

В основном это были мирные жители.

Однако французы, подтянув свежие войска из Сирии, осадили город, и стали уничтожать его артиллерийским огнём.

В начале мая националисты установили контроль над проходами в горах Тавра.

В результате французский гарнизон был отрезан от

железнодорожной станции Позанты, к северу от «Киликийских ворот».

Когда две попытки снять блокаду провалились, гарнизон попытался прорваться сквозь горы на юг, но попал в засаду, организованную турецкими партизанами.

И французам не оставалось ничего другого, как наладить контакты с руководящими анкарскими кругами.

С этой целью из Стамбула в Анкару прибыли два высокопоставленных французских чиновника.

Переговоры, где в качестве посредника выступал бывший депутат от Вана Гейдар-бей, не дали, однако, ощутимых результатов.

К этому времени французские войска находились в Киликии в исключительно трудном положении.

Сыграло свою роль и то, что проект договора, выработанный в Сан-Ремо, не был принят султанским правительством.

Убедившись, что даже зависимое от Антанты султанское правительство не соглашается подписать договор с союзными державами, французская дипломатия сделала новую попытку договориться с анкарским правительством.

Получив согласие своего правительства на ведение переговоров, генерал Гуро направил к Кемалю генерального секретаря верховного комиссариата в Бейруте Робера Де Кэ.

Делегация была встречена турками сдержанно.

Встретившись с Кемалем, Робер де Кэ заявил, что он уполномочен вести переговоры только относительно Мараша и Айнтаба.

— А я, — ответил Кемаль, — согласен обсудить вопрос о Киликии в совокупности…

Переговры шли трудно, тем не менее, стороны смогли договориться и подписать перемирие.

Его условия предусматривали прекращение враждебных действий на 20 дней, начиная с 30 мая; отвод гарнизонов Сиса и Позанты за железнодорожную линию Мерсин — Адана, эвакуация города Айнтаба и отвод находящихся там постов к французскому лагерю.

При этом кемалисты дали гарантию, что в городе не будет произведено ни одного нападения на армянский квартал.

В особый парараф был вынесен обмен военнопленными и политическими заключенными, которое должно пройти согласно формальностям, определенным французскими и турецкими военными властями.

Выше было сказано о причинах, заставивших французов договориться с кемалистами.

О своих целях Кемаль говорил следующее:

— Прежде всего, я хотел спокойно провести реорганизацию национальных сил, находящихся в Аданской зоне и на Аданском фронте. Кроме того, я имел в виду и политические выгоды, что конечно, в тогдашних условиях было для нас чрезвычайно важно. Дело в том, что Великое национальное собрание и его правительство не были признаны державами Антанты, наоборот, по вопросам, касающимся будущего страны и нации, эти державы сносились с правительством Дамада Ферида-паши в Стамбуле. В этой связи тот факт, что французы, обходя стамбульское правительство, вступают с нами в переговоры и заключают с нами соглашение, являлся для нас в то время крупным политическим достижением. Эти переговоры оставили у меня впечатление, что французы готовы эвакуировать Аданскую область…

Перемирие от 30 мая действительно было значительным успехом турок, в то время как французская сторона не получила ощутимых результатов.

Она даже потерпела моральное поражение, что, в конечном счете, привело ее к новым военным неудачам в Киликии.

Глава французской администрации в Киликии полковник Бремон также признавал, что перемирие «вызвало разочарование» и привело к тому, что те турки, которые раньше верили во франко-турецкую дружбу, теперь вынуждены были отвернуться от французов и примкнуть к кемалистам.

Он отмечал и то, что обещания Кемаля о прекращении враждебных действий не были выполнены.

Понятно, что после ухода французов армяне уже не могли оставаться на своих родных местах, вынуждены были отступать вместе с ними.

Франко-кемалистское перемирие вызвало в парламенте Франции бурные дебаты о целесообразности дальнейшего пребывания французских войск в Киликии.

В общественном мнении Франции шла острая борьба в вопросе определения политики по отношению к побежденной в войне союзнице Германии — Турции.

Одни считали, что Франция должна использовать победу для наказания Турции, для восстановления попранных прав малых народов Османской империи, для защиты всех христиан Востока.

Другие находили, что Франция не должна забывать о своих вековых традиционных связях с Османской империей и должна использовать эти связи для сохранения своих экономических и других привилегий в Турции.

В правительственных кругах имелись серьезные разногласия в турецком вопросе.

Военная партия во главе с маршалом Фошем требовала принятия более строгих мер для спасения престижа Франции.

Правительство Мильерана вынуждено было считаться с позицией правых.

Глава X

Из-за того, что Северный Кавказ и Причерноморье находились под властью белогвардейцев и Антанты, турецкие офицеры связи Ибрагим и Хулуси доставили письмо Кемаля в Москву только 1 июня.

Там оно вызвало огромный восторг.

Да и как не вызвать, если у большевиков появился союзник, собиравшийся воевать против Антанты за всех угнетенных, да еще и под красным знаменем!

«Мы, — писал Кемаль, — принимаем на себя обязательство соединить всю нашу работу и все наши военные операции с российскими большевиками, имеющими целью борьбу с империалистическими правительствами и освобождение всех угнетенных».

В тот же день министр иностранных дел Г. Чичерин сообщил о его содержании председателю СНК Ленину.

Тот выразил свою радость по этому поводу и приказал подготовить соответствующий ответ.

— Конечно, — говорил Ленин, — Мустафа Кемаль-паша — не социалист, но, очевидно, хороший организатор, талантливый командующий, он возглавил буржуазную революцию. Кемаль — прогрессивный человек и умный глава государства. Он понял смысл нашей социалистической революции и ведет себя благосклонно по отношению к социалистической России. Нужно ему помочь, вернее, помочь турецкому народу…

Как принял это послание сам Чичерин?

Надо полагать, прохладно.

Еще в марте 1920 года он направил письмо в Политбюро.

«Ислам, — писал Чичерин, — его традиции и идеология так же враждебны нам в международной области, и „к панисламизму“ мы должны относиться как к враждебной силе, с которой возможны такие же временные сделки, как с какой-нибудь эстонской или польской буржуазией, и не больше.

Мы не можем рассчитывать на длительный союз с силою, по существу нам враждебною, и мы себя можем компрометировать попытками таких союзов… и принципиально придадим силы реакционной идеологии».

Поэтому «мы должны с большей осторожностью, чем прежде, взвешивать каждый свой шаг, когда мы имеем дело с мусульманским миром, и в частности, панисламизмом».

Письмо Чичерина приняли к сведению и сообщили Сталину для выработки конкретных директив.

На самом деле российско-кемалистские отношения с самого начала не были столь тесными, «дружественными и братскими», как и по сей день пишут о них малосведущие в этом вопросе люди.

Но тогда письмо Кемаля вызвала в Москве самую настоящую эйфорию.

И причин для нее хватало.

На Западе с социалистической революцией ничего не получилось, и теперь все свои надежды большевики связывали с мусульманским Востоком.

Ленин и Троцкий были охвачены параноидальной идеей поднять против Англии не только мусульман, но и всю Азию.

«Международная обстановка, — писал в секретном докладе от 5 августа 1919 года Троцкий, — складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии».

И союз с Кемалем открывал перед большевиками, продолжавших бредить мировой революцией, новые горизонты.

Большевики надеялись, что в будущем Ататюрк провозгласит Турцию Советской Социалистической Республикой и присоединит все то, что ему удастся сохранить от огромной Османской империи к социалистическому лагерю.

Более того, большевики видели в кемалистах, и не без основания, «прогрессивный и демократический элемент в мусульманстве».

По этой причине они считали «дружественную политику по отношению к кемалистам чрезвычайно важной» для себя.

Они полагали, что «вовлечение турецких националистов в поток демократических движений на Востоке чрезвычайно усиливает их положение» и «сильно продвигает вперед наше разрешение восточных вопросов».

Кроме того, в правительственных кругах России считали, что поражение кемалистов гибель может повести к временному, но чрезвычайно сильному «развитию самого реакционного панисламизма и фанатизма» с заострением как против революции, так и против самих большевиков.

«Объявление священной воины, — писал Чичерин в своей записке в Политбюро, — с султаном во главе против нас в случае победы этих реакционных элементов над кемалистами может подвергнуть и Баку, (уже советский) и вообще наше положение на юго-востоке новым серьезным испытаниям».

В своей речи на XIV съезде партии в 1925 году он выразился еще откровенней:

— Если бы мы не поддержали национального движения в

Турции, Англия была бы у ворот Кавказа, а поэтому российское правительство в интересах элементарной безопасности не могло не поддержать национального движения в Турции. Именно поэтому наше тогдашнее сближение с национальной Турцией было и для последней и для нас актом самосохранения…

Именно поэтому большевикам было далеко не безразлично, что происходит на их южных границах и кто на этих самых границах будет их соседом.

Как понятно и то, что ни в каких соседях они не нуждались и уже тогда мечтали захвате Армении, Грузии и Азербайджана.

Именно поэтому вся их болтовня о праве наций на самоопределение так и осталась болтовней.

Как только это самое право затронуло их интересы, они тут же забыли о нем.

И если называть вещи своими именами, то под прикрытием лозунга о самоопределении наций большевики строили новую империю.

Конечно, никто не мог знать, чем закончиться борьба Кемаля.

Но, помогая ему, большевики могли, по крайней мере, надеяться на то, что, в случае успеха, они получат на своих южных границах лояльное государство.

В то время, как расчлененная Турция и создание независимых закавказских государств под американскими и английскими мандатами грозили большевикам тяжелыми последствиями.

В этом смысле Кемаль нашел в Ленине понятливого партнера, который мгновенно сообразил, что с Кемалем лучше дружить.

Понимали ли в Кремле, что Кемаль был ситуативным союзником?

Как и в случае с Кемалем, так и хочеться ответить: а какая разница?

Да и как можно было ответить на этот вопрос после захвата большевиками власти, в который не верил никто, включая самого Ленина?

И не случайно он сам как-то заметил:

— Если Октябрьский переворот и авантюра, то это авантюра мирового масштаба…

И если проповедуемый Ильичем наполеоновский принцип о том, что сначала надо ввязаться в драку, а рассуждать потом, сработал раз, то почему бы ему не сработать еще?

Зато в Москве хорошо знали то, что стратегическое партнерство России и Турции было одним из столпов безопасности двух государств.

Ведь кемалисты боролись с Антантой, а, значит, с врагами

Советской Республики.

Да и Кавказ опять же…

Поначалу горцы приняли советскую власть, обещавшую им все, что только можно было обещать.

Но, убедившись в том, что все россказни о праве наций на самоопределение не имеют ничего общего с истинной политикой большевиков, каквказцы все чаще стали оказывать военное сопротивление Красной армии и поглядывать в сторону Турции.

А наиболее агрессивные из них в своем послании Энверу просили его «спасти Кавказ».

И оставлять этот бикфордов шнур в руках Кемаля большевики не имели никакого желания.

Более того, они хотели держать его в собственных руках.

Конечно, в Москве прекрасно понимали и то, что помощь Кемалю обойдется стране в копеечку, но безопасность южных границ и возможность дальнкейшего продвиженя коммунистических идей на Восток стоили дорогого…

Но большевики были бы плохими политиками, если бы не начали задумываться о судьбе Закавказья и дальнейшем продвижении своих идей на Восток до начала сотрудничества с Кемалем.

Именно поэтому в то же самое время они стали налаживать отношения с Энвером.

С тем самым Энвером, которого горцы просили спасти Кавказ.

К тому времени он уже был признан военным преступником и приговерн военным трибуналом Стамбула к смертной казни.

Закрыли глаза большевики и на одно из самых страшных злодеяний, совершенных этим человеком.

Как известно, турецкая армия во главе с Энвером потерпела сокрушительное поражение в битве с русской армией при Сарыкамыше на рубеже 1914 и 1915 годов.

Тогда было убито более 60 тысяч турок.

Сарыкамыш входил исторически в Великую Армению, и во время войны там жили армяне.

После разгрома Энвер-паша объявил об измене армян на войне, заявив, что именно из-за них были такие потери.

В итоге в апреле начались массовые высылки, депортации, аресты и убийства армян.

По разным оценкам, за все время геноцида (за два года) было убито полтора миллиона людей.

«На самом деле события были поводом, — считает историк Каххор Расулиён. — Власти хотели очистить территорию страны

от армян.

Они думали, как покорить их или убрать с их истинной родины.

С другой стороны, это было жестокой религиозной войной».

Но большевиков такие мелочи не волновали.

Помните Ленина?

«Иной мерзавец тем и полезен, что он мерзавец…»

После подписания Мудросского перемирия в 1918 году Энвер вместе другими инициаторами резни армян Талаатом-пашой и Джемалем-пашой бежал в Германию на немецкой подводной лодке, где жил под псевдонимом Али-бей.

Там он встретился со своими старыми товарищами по оружию, в том числе с фон Сектом, возглавившим республиканский рейхсвер — вооруженные силы веймаровской Германии.

А когда Лига Наций потребовала выдачи виновников армянского геноцида, немцы замяли дело.

В Берлине Энвер сошелся с одним из самых омерзительных большевистских деятелей, Карлом Радеком, который сидел вместе с Талаатом в берлинской тюрьме.

Тот внушил ему, что именно большевики способны помочь ему в борьбе за «Великий Туран».

Ведь у них общий главный враг — Британская империя.

Энвер быстро понял, что «борьба с империализмом и колониализмом» может вернуть его в большую политику и «проникся социализмом».

Вскоре Радек с помощью Энвера был освобожден.

В 1919 году он создал в Берлине «Мусульманское революционное общество» и выдвинул план объединения мусульманских народов под лозунгом «борьбы за освобождение».

После этой встречи с коминтерновцем Энвер-паша решил использовать контакты между немецкими военными и российскими большевиками с целью организовать в Средней Азии борьбу против Великобритании.

В тот период большевистские лидеры, раздувая пожар мировой революции, были не прочь привлечь на свою сторону самых разношерстных деятелей с Востока.

Они рассудили, что бывший военный министр, сохранивший огромное влияние среди турецкого офицерства, будет им полезен.

20 и 23 апреля Политбюро обсудило обращение Энвер-паши на предмет издания в Москве двух газет на турецком языке и решило оказать ему и его единомышленникам материальную помощь.

Но газеты были только предлогом.

Истинную цель привлечения Энвера на свою сторону Чичерин объяснил в своем письме в ЦК.

«Для нас, — писал он, — очень важно поддерживать кого-либо, не принадлежащего к господствующей группировке кемалистов, чтобы иметь возможность оказывать больше давления на последних.

Нам Энвер уже оказал большие услуги при наших сношениях с кемалистами.

Это чрезвычайно тонкий политик, очень хорошо разбирающийся в положении и понимающий, что мы ему нужны…»

Покровители Энвера из германского генштаба тоже разглядели в сотрудничестве своей давней креатуры с Советами возможность сохранить позиции Германии на Востоке, а в перспективе и укрепить их.

В отчете Чичерина есть весьма загадочная фараза о том, что Энвер уже «оказал большие услуги при наших сношениях с кемалистами».

Особенно если учесть, что этот отчет был написан еще до получения письма Кемаля, которое, как принято считать, было доставлено в Москву только 1 июня.

И если верить Чичерину, то, по всей видимости, речь шла о работе все того же Халиля-паши в Баку, где у Энвера были сильные позиции.

Почувствовав большие дела, Энвер установил контакты с египетской партией «Ватан», встречался с беженцами из Сирии и Индии.

Летом двадцатого года Радек с согласия Ленина пригласил Энвера в Москву.

Конечно, большевики приглашали Энвера в Москву не для издания каких-то там газет.

Они делали на него определенную ставку в своих отношениях с Кемалем.

Иными словами, они ставили на двух лошадей.

А вот какой из них было суждено придти к финишу, должно было показать время и… их поведение…

Впрочем, одним Энвером большевики не ограничивались и начали готовить замену Кемалю сразу же после оккупации Азербайджана.

Как известно, до апреля 1920 года Азербайджаном правила партия «Мусават».

После того, как ее сменила азербайджанская Коммунистическая партия, большевистские стратеги «мировой революции» очень надеялись на то, что именно она возглавит

федерализацию тюркского мира

В перспективе планировалось создать советскую тюркскую федерацию с включением в ее состав кемалистской Турции, Азербайджана и, возможно, других тюркских государственных образований Средней Азии и даже части Ирана, но на основе большевистской идеологии и неизбежного тюркского национализма.

Именно азербайджанские коммунисты, а не Кемаль должны были идти в авангарде развития тюркизма.

Именно поэтому в то время возглавлявший Наркомнац Сталин и начал сразу же после советизации Азербайджана готовить азербайджанских коммунистов на роль возможных дублеров Ататюрка.

Что было бы с самим Кемалем?

Надо полагать то же самое, что и с премьер-министром Азербайджана Насибом Усуббековым.

Еще до оккупации Азербайджана директива из Москвы командованию 11 армии указывала на недопустимость для наиболее видных руководителей республики живыми выбраться из Азербайджана.

При этом было четко прописано, что они не должны удалиться дальше Кюрдамира.

Директива выполнялась неуклонно, и Усуббеков был убит в Кюрдамире неизвестными лицами в мае 1920 года.

То же самое будет происходить и в Армении, и в Грузии.

3 июня Народный комиссариат иностранных дел направил письмо турецкому правительству, в котором сообщал о намерении Москвы начать сотрудничество с Анкарой и приглашал турецкую делегацию прибыть в Москву для ведения переговоров.

«Советское правительство, — говорилось в нем, — протягивает руку дружбы всем народам мира, оставаясь неизменно верным своему принципу признания за каждым народом права на самоопределение.

Советское правительство с живейшим интересом следит за героической борьбой, которую ведёт турецкий народ за свою независимость и суверенитет, и в эти дни, тяжёлые для Турции, оно счастливо заложить прочный фундамент дружбы, которая должна объединить турецкий и русский народы».

В этом же послании Чичерин выдвинул предложение «в любой момент по приглашению заинтересованных сторон быть посредником в деле мирного установления границы между Турцией, с одной стороны, Арменией, Азербайджаном — с

другой».

Понятно, что большевики не собирались признавать независимость Армении.

Не знали большевики, чем закончится и предстоящий визит турецкой делегации, которая вряд ли будет в восторге от признания Москвой Армении.

А раз так, значит, надо было находить любые зацепки для затягивания переговоров.

Благо, что предлогов хватало.

4 июня Нарком по иностранным делам Советской России Чичерин направил телеграмму в Ереван.

«Согласно достоверным сведениям, — писал он, — в Карсе и в других районах Армении арестованы сотни коммунистов.

Правительство Армении допускает самосуд и тайно расстреливает коммунистов. В частности, расстрелян тов. Микоян.

Советское правительство с большим возмущением узнало о произволе, который чинится в отношении деятелей коммунистического движения».

Расстрелы, конечно, были, но на сотни счет не шел, а «расстрелянный» дашнаками товарищ Микоян умер в своей постели 50 лет спустя.

В это же время в Москве делегация Наркоминдела Азербайджана пыталась воспрепятствовать заключению договора между Арменией и Советской Россией, которым Карабах, Зангезур и Нахичевань признавались частью Армении.

Вместе с тем, армянские и азербайджанские коммунисты, в том числе «растрелянный» Анастас Микоян, направили советскому руководству протесты в том, что «дашнаки отправили в Москву делегацию для переговоров и в то же время беспощадно уничтожают коммунистов».

Обстановка на переговорах накалилась…

В конце июня Чичерин предупредил Шанта о том, что если в Армении будут продолжаться преследования большевиков, Россия прекратит переговоры.

Чичерин также сообщил армянским переговорщикам, что переговоры будут продолжены в Ереване.

С российской стороны их будет вести полномочный представитель ЦК Борис Легран.

Шант только покачал головой.

Он уже начинал понимать, что такое переговоры с большевиками…

Глава XI

Лето двадцатого года выдалось для кемалистов жарким.

Под давлением республиканцев Сенат США отказался от мандата на Армению.

Но при этом президент Вудро Вильсон согласился действовать в качестве арбитра по определению границ между Турцией и Республикой Армении.

Узнав о том, что султанское правительство согласилось на это, Великое Национальное собрание Турции сочло это унизительным и неприемлемым для Турции и 7 июня аннулировало все официальные акты, совершённые султанским правительством без одобрения ВНСТ, начиная с 16 марта 1920 года, то есть со дня оккупации Стамбула.

9 июня кемалисты объявили мобилизацию в восточных вилайетах.

Восточная армия под командованием генерал-лейтенанта Карабекира была выдвинута через северные районы Ирана в направлении Нахичевани.

Обстановка была накалена до предела, и, хотя пока дело ограничивалось отдельными боями, полномасштабная война могла раразиться в люй момент.

В середине июня вспыхнул крупный мятеж в Йозгате на востоке от Анкары.

Йозгат находился во власти влиятельной семьи феодалов Чапаноглу, которая контролировала не только этот регион, но и значительную часть Анатолийского плоскогорья.

Никакую другую власть они признавать не собирались.

Кемаль поднял брошенную ему перчатку.

Для ликвидации контрреволюционных выступлений правительство ВНСТ мобилизовало часть сил, участвовавших в боях с греческими войсками.

Из партизанских отрядов были созданы летучие отряды и кавалерийская дивизия.

На усмирение мятежников в Йозгате Кемаль послал Этхема-черкеса.

Этхем прибыл в Анкару с отрядом из четырех тысяч человек.

Восторженная толпа на улицах приветствовала бравого вояку.

Кемаль удостоил Этхема высшей чести, предоставив в его распоряжение свою машину, единственную в Анкаре.

Конечно, он делал хорошую мину при плохой игре, поскольку видел в Этхеме, которого встречали как спасителя, соперника.

Перед Кемалем стояла довольно сложная задача использовать

Этхема и не дать ему политической роли, на которую он мог бы рассчитывать в силу своих военных успехов.

— Я подавлю мятеж за пять дней! — заявил Этхем, выслушав приказ Кемаля.

И подавил с присущей ему энергией и жестокостью.

Когда черкес проезжал через Анкару после «освобождения» Йозгата, за ним следовал внушительный караван с награбленным добром и скотом, захваченным в качестве трофея.

Его снова встречали как героя.

Однако у самого Кемаля и его офицеров было другое мнение, поскольку от этого героя несло самым обыкновенным бандитизмом.

Исмет, Февзи и сам Кемаль прекрасно понимали, что невозможно выиграть войну с помощью партизанских отрядов и полным отсутствием дисциплины.

Но когда Исмет напомнил Этхему о том, что Национальное собрание приняло закон о подчинении всех добровольческих сил военному министерству, тот только презрительно усмехнулся.

Многозначительно взглянув в окно где его ожидали увешанные с головы до ног оружием охранники, он, не прощаясь, вышел.

И все же поставить все больше наглевшего Этхема на место Кемаль не решился.

Пока не решился…

Как известно из истории, самой страшной войной считается гражданская война.

Не стала исключением и Турция, и неслучайно некоторые из соратников Кемаля носили с собою яд.

Оно и понятно, попади они в руки султана, с них живых сняли бы кожу.

Да и сам Кемаль находился в постоянной опасности: слишком уж много желавших заслужить вечное царствие, а заодно и крупную сумму кинулось на его поиски после того, как сам султан в своем фикире поставил Кемаля вне закона и призвал правоверных убить его.

Впрочем, его гибели желал не только султан, но и англичане.

Вскоре в Анкаре по обвинению в подготовке покушения на него был арестован индийский мусульманин Мустафа Сагхир.

На следствии он признался, что работал на английские спецслужбы, за что и был благополучно повешен.

«Враги, кругом враги, — писал в своем дневнике один из наиболее близких к Кемалю офицеров, — их кольцо неумолимо сжимается, и каждая ночь может оказаться его последней ночью

на земле.

Кемаль все время работает, и только когда за окном начинает сереть тоскливый рассвет, он, наконец, забывается коротким тревожным сном…»

Возможно, так оно и было на самом деле, но уже тогда Кемаля охранял не только его верный пес.

Рядом с ним постоянно находились лазы из отряда того самого Хромого Османа, перед которым трепетало население его родного Гиресуна.

Кемаль не случайно взял себе в охрану именно их.

Жестокие и воинственные, они в то же время отличались неимоверной преданностью и готовы были защищать своего хозяина до последней капли крови.

Не либеральничали и националисты.

В ответ на зверства оккупационных и султанских отрядов, Кемаль жестоко расправлялся со всеми, кто вставал у него на пути.

Он арестовывал союзных офицеров и сажал их в тюрьмы, как сажали в концлагеря депутатов последнего парламента, взрывал поезда с итальянскими войсками.

В то же время они атаковали оборонительные укрепления англичан на Измитском полуострове.

Против партизан выступили корабли английского флота.

Силы были неравны, и партизаны были вынуждены отойти от Измитского залива.

В борьбе против французских оккупантов крупных успехов добились партизаны Южной Анатолии.

Еще в конце января они, разгромив французскую дивизию, освободили Марат и Урфу.

Девять месяцев продолжалась героическая оборона Антепа.

Только за май его защитники отбили восемнадцать атак французских войск.

В городах Тарсус, Адана, Позанты, Сис, Османие, Мерсин также шла ожесточенная борьба против оккупантов.

Султанская агентура постоянно провоцировала выступления против сторонников Кемаля по всей стране.

Кемаль не либеральничал!

И именно в это время проявилась еще одна черта его характера: беспощадность ко всем тем, кто стоял у него на пути.

Несмотря на все громкие заявления османского правительства, армия халифата оказалась колоссом на глиняных ногах, и к концу июня она была распущена.

После чего, изгнав англичан из Измита, националисты вышли

к Мраморному морю.

В Анатолии продолжала литься турецкая кровь, однако Англия с каждым днем все больше убеждалась в том, что стамбульское правительство не способно справиться с Кемалем.

Англичане были не только серьезно озабочены, но и напуганы происходящим.

Националисты были замечены в районе Дарданелл и особенно в районе Измита, менее чем в ста километрах от Стамбула.

Три самолета националистов бомбят город, и войска Кемаля под командованием Али Фуада находятся в «300 метрах от заграждения из колючей проволоки вокруг правительственного лагеря».

Шиле, находящийся в пятидесяти километрах от столицы, был окружен.

12 июня Робек и Милн пригласили французских коллег на английский адмиральский крейсер.

Они быстро они пришли к неутешительному для них выводу о том, что за три месяца националисты собрали «сильную армию» во Фракии и на Черном море и «могут направить силы на Константинополь».

Робек и Милн заявили о том, что надо срочно переломить ситуацию.

Французы промолчали, делая вид, что не знают, как это сделать.

Спасителем оказался Венизелос.

Премьер-министр Греции заявил, что его войска готовы действовать, и уточнил, что не потребует никакой компенсации.

Англичане были довольны: наступление греков могло помочь решить и отсрочки, предоставленной союзниками Османской империи, чтобы принять проект мирного договора, который они передали Блистательной Порте.

Поскольку этот самый договор больше напоминал обыкновенный грабеж, и навязать его можно было только силой.

22 июня джин был выпущен из бутылки, и греки двинулись вглубь страны.

Одна группировка греческих войск, полностью экипированная Британией, повела наступление из Измира вглубь Анатолии.

Другая группировка вступила в Восточную Фракию и захватила Эдирне.

В результате наступательных операций греков значительная часть Западной Анатолии и Восточная Фракия оказались в руках оккупантов.

Кемаль в те дни работал целыми сутками.

Даже в самых безнадежных ситуциях он проявлял п поразительное самообладание.

Спокойствие Кемаля отражалось на его окружении.

Халиде Эдип позже писала о его «необычайной энергии», от которой страдало его окружение.

В то же самое время Кемаль не превратился ни в мистика, ни в аскета.

Он оставался всё таким же, любил самые разные удовольствия, употреблял спиртное, но легко контролировал себя.

С каждым днем ситуация становилась всё более сложной.

За восемнадцать дней греческие войска прошли четыреста километров вплоть до Эскишехира, что в двухстах километрах от Анкары.

Впечатлял и итог наступления впечатлял: 4500 пленных, сотни пушек и репутация «дьявольских солдат».

Испуганные депутаты набросились на Кемаля.

Их интересовал один вопрос: что произойдет, если греки захватят Анкару?

Кемаль пытался успокоить их.

— Почему не удалось противостоять греческому наступлению? — говорил он. — Я объясню вам. Наши силы были малочисленны и слабы. До создания нашего правительства никто не мог устоять против греков. Кроме того, часть наших сил брошена на усмирение внутренних мятежей. Но мы не можем в настоящее время объявить мобилизацию. Наш народ устал от войн, длящихся годами. Нельзя превращать народ в армию. Необходимо убедить тех, у кого есть оружие, развернуть партизанскую войну. А чтобы не делить войска, отправленные на фронт, следует сформировать отряды от трех до пяти тысяч человек, чтобы подавлять внутренние мятежи…

И это были не просто слова.

С марта национальные силы претерпели значительные изменения, и неорганизованные отряды и банды при поддержке малочисленных войск превратились в организованные мобильные отряды, снабженные оружием и боеприпасами.

Депутаты успокоились.

Но ненадолго.

С новой силой паника вспыхнула после падения Бурсы, которое больно ударило по авторитетау Кемаля.

«Бурса, — не без патетики писала официальная газета националистов „Национальная воля“, — наша вторая Мекка…

А теперь она в руках предателей, распятая, словно мессия,

израненная и страдающая.

Бурса не была достаточно укреплена, она не была вооружена».

И это уже даже не камень, а увесистый былыжник в огород Кемаля и его генералов.

Когда после двух недель пребывания на на фронте, депутаты набросились на него с новыми обвинениями.

Они критиковали армию и ее командиров, предлагали судить командиров, сбежавших перед наступлением врага.

— Депутаты оппозиции, — вспоминал позже Кемаль, — сильно развивали пропаганду, утверждая, что армия деморализована и неспособна к военным действиям и что всякие расчеты на победу при подобных мрачных обстоятельствах окончатся катастрофой. Правда, обратное действие такой пропаганды являлось для нас выгодным. Оно вводило в заблуждение неприятеля по поводу действительных целей наших военных операций, которые я тщательно скрывал, но все же эта враждебная пропаганда начала неблагоприятно действовать даже на лиц вполне убежденных в правильности нашей точки зрения и наиболее близких, вызывая в них известную неуверенность…

В конце концов, депутаты договорились до того, что надо организовать добровольные отряды из депутатов и также отправлять на фронт больше офицеров.

Возмутило их и то, что в столь грозное время, когда каждый человек был на счету, у офицеров имелись ординарцы.

Кемаль снова и снова поднимался на трибуну.

К возмущению депутатов он и не думал оправдываться.

— Да, — говорил он, — это я приказал оставить Бурсу. С точки зрения военного, важно не цепляться за какое-то место, а добиться результата. Важнее не Бурса, а освобождение страны…

Более того, он сам начал критиковать депутатов.

— Возьмите себя в руки! — призывал он. — В столь тяжелое время нельзя быть такими сентиментальными!

Это действовало, и не случайно Халиде Эдип так описывала отношения между Кемалем и парламентариями: «Кемаль мог пользоваться Национальным собранием по своему усмотрению».

На самом деле это было не совсем так, и крови депутаты попртили Кемалю немало крови, затевая бесконечные дискуссии и споры по каждому поводу.

— Создавать новые подразделения, — продолжал наступать Кемаль, — состоящие только из офицеров? Это не имеет никакого смысла и не существует ни в одной стране мира, возможно, за исключением большевиков. Обучение офицеров — процесс, и было бы несправедливо позволить их уничтожать…

А вот с ординарцами, заявил он, надо, действительно кончать.

— Пусть офицеры платят своим ординарцам, — предложил он. — Если же они не хотят доверять им свои семьи, пусть делают всё, чтобы отправить на фронт снаряжение для ординарцев…

И они отправляли…

Положение осложнялось и ситуацией на восточных границах.

19 июня Армения направила пограничные войска в Ольтинский округ, который формально не принадлежал Турции, но находился под фактическим контролем мусульманских полевых командиров (в основном курдских) и подразделений турецкой армии, остающихся здесь в нарушение условий Мудросского перемирия.

К 22 июня армяне взяли под свой контроль большую часть территории округа, включая города Ольты и Пеняк.

С точки зрения турецких националистов, речь шла о вторжении армянских войск на территорию Турции.

От полномасштабного военного конфликта стороны удерживала позиция руководства Советской России, считавшего войну Турции против Армении нежелательной и выразившего готовность к посредничеству.

Коридор, по которому большевистская помощь должна была предоставляться кемалистам, проходил по армянским территориям Карабаха, Нахиджевана и Зангезура, которые находились под армянским контролем, пресекая, таким образом, продвижение большевистских сил через этот коридор.

В июне 1920 года советские и кемалисткие войска вышли на границы Нахичевани, и турки предложили командующему 11-ой армией Левандовскому совместными усилиями захватить Нахичевань и Зангезур.

Ожидая распоряжений из Москвы, тот попросил подождать.

2 июля шедшая из Еревана на Нахичевань группировка армянских войск под командованием генерала Багдасарова натолкнулась на 9-тысячный корпус турецкой армии под командованием Джавид-бея, осуществивший марш-бросок в районы Нахичевани, Джульфы и Ордубада.

Как мы уже отмечали, с началом пограничных столкновений, в которых принимали участие с обеих сторон части регулярных войск, кемалистское правительство Турции и Армения фактически находились в состоянии войны.

7 июля кемалистское правительство направило ноту армянскому правительству, в которой, ссылаясь на Брест-Литовский и Батумский договоры, потребовало вывести войска с

турецкой территории за пределы границы, установленной данными договорами.

Не получив ответа, турки решили воевать.

8 июля Серго Орджоникидзе получил телеграмму от Сталина с требованием прекратить лавировать в армяно-азербайджанском конфликте по спорным территориям и определенно поддержать Азербайджан с Турцией.

В конце телеграммы было сообщено, что это решение согласовано с Лениным.

Для налаживания взаимодействия представители Баязетской дивизии 7 июля прибыли в полевой штаб 20-й дивизии Красной армии.

Они предложили выдвинуть войсковые соединения на линию Нахичевань-Ордубад.

Поставив перед правительством Армении вопрос о присутствии своих войск в Нахичеване и Зангезуре и не дождавшись ответа, Москва решила начать военные действия в целях установления советской власти в Нахичеване.

Частям Красной армии предписывалось беспощадно уничтожать дашнакские войска, не останавливаясь перед переходом государственной границы Армении.

Таким образом, наступление армянских войск на Нахичевань было блокировано, с одной стороны, наступательными операциями Красной армии, с другой — массированной атакой турецких войск.

Практически весь июнь и июль прошел в постоянных боях между армянскими войсками генерала Дро и советскими и кемалистскими войсками.

27 июля части 11 Красной армии и отряды кемалистов вошли в Нахичевань, где была провозглашена Нахичеванская Советская Социалистическая Республика.

«1 августа, — писал по этому поводу Кемаль, — Красная Армия русского большевистского правительства и армия Великого Национального Собрания соединились в Нахичевани.

Прибывшие туда наши войска были приняты Красной Армией с особой торжественностью и почетом».

Однако на этом боевые действия не закончились.

В августе 1920 года турецкие войска начали наступление в направлении Кохба, Сарикамыша и Олты.

В то же время 11 армия, расположившись на отрезке Горис — Нахичевань запросила у Москвы разрешения двинуться на Ереван.

Армения вынуждена воевать одновременно против турок и русских, которые действовали совместно.

Бюро АРФ Дашнакцутюн издало призыв.

«Товарищи, — говорится в нем, — враг вновь стучится в наши двери.

В районе Сарикамыша свершается кровопролитие.

Турецкие паши поставили себе целью утопить Армению в крови и стереть трудовой армянский народ с лица земли.

Каждый из нас обязан в любое время быть в распоряжении партии и незамедлительно выполнять данные ему поручения.

Товарищи, все за дело, все на фронт».

К народу со специальным призывом обратился премьер-министр Амазасп Оганджанян, напоминая о героических днях Сардарапата 1918-го года.

— Враг, — говорил он, — будет повержен лишь тогда, если мы все как один поднимемся, готовые на смерть…

Призыв не помог, поскольку войска кемалистов и Красной армии были намного сильней и многочисленней.

Не имея возможности воевать одновременно и с кемалистами, и с коммунистами, правительство Армении обратилось к Москве с предложением о перемирии.

К великому разочарованию турок, вместо того, чтобы добивать Армению, на что очень надеялись кемалисты, большевики 10 августа 1920 года заключили с Ереваном перемирие.

Договор закрепил пребывание советских войск на временной основе в спорных территориях — Зангезуре, Карабахе и Нахичеване (под контролем армянских войск остались Шахтахты и весь Шарур).

В тот же день во французском городке Севре между султанским правительством Турции и победившими в мировой войне союзными государствами был подписан мирный договор, который лишил Турцию практически всего.

Определил он и новые границы Армении, к которой должны были отойти значительные территории Турецкой Армении.

Глава XII

Конечно, Кемаль прекрасно понимал то, что Москва имела свои виды на все Закавказье и договориться с большевиками будет сложно.

И все же он очень наделся на то, что ему это удастся.

18 июля 1920 года в Москву прибыла посланная Кемалем делегация, в составе которой вошли министр иностранных дел Бекир Сами и министр экономики Юсуф Кемаль.

Для сохранения инкогнито и безопасности члены делегации переодеты в форму сотрудников Миссии Красного креста.

Целью переговоров являлась подготовка общего договора о дружбе и взаимопомощи.

Переговоры со стороны Советской России вели нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, его заместитель Л. Карахан и другие члены делегации, со стороны Турции — руководитель делегации Бекир Сами, Юсуф Кемаль бей и другие.

Для подготовки проекта договора, а также обсуждения других интересующих стороны вопросов были образованы две комиссии — политическая и военная.

В военной комиссии турецкая сторона представила требование о предоставлении Турции в короткий срок значительного количества оружия (винтовки, артиллерийские орудия, пулеметы, самолеты, автомашины, средства полевой связи, снаряды, патроны, обмундирование), а также 5 тыс. пудов нефти ежегодно и т. д.

24 июля 1920 года комиссар иностранных дел Бекир Сами и Юсуф Кемаль встретились с народным комиссаром иностранных дел Г. В. Чичериным и его заместителем Л. М. Караханом.

Как того и следовало ожидать, после недолгих формальностей соглашение о сотрудничестве было парафировано.

В разделах, предусматривавших помощь, речь шла о двух её видах: а) вооружением, боеприпасами, материалами и деньгами, б) в случае необходимости — путём совместных военных действий.

Денежная помощь согласована была в сумме 10 млн. золотых рублей.

А вот потом переговоры зашли в тупик.

Первое облачко между турками и большевиками пробежало 13 августа, когда эмиссары Кемаля выразили свое неудовольствие тем, что 10 августа между Арменией и РСФСР был подписан

договор о прекращении огня.

Бекир Сами настаивал на необходимости немедленного военного похода против Армении.

Однако, к огромному удивлению турцкой делегации, Чичерин вынес на обсуждение вопрос о передаче армянам турецких вилайетов Ван, Муш, Битлис.

Турецкая делегация выразила решительный протест, заявив, что подобная политика ничем не отличается от намерений Антанты расчленить Турцию.

Не договорившись с Г. Чичериным, Бекир Сами попросил организовать ему встречу с председателем СНК РСФСР В. И. Лениным.

14 августа турецкая делегация встретилась с В. Лениным.

Лидер большевиков признал ошибочность заключенного с Арменией договора.

— Мы, — сказал он, — поняли, что подписав этот договор, допустили ошибку, постараемся исправить свою оплошность. Если мы не исправим, вы исправите…

Особенно странной выглядит последняя фраза Ленина.

«Если мы не исправим, вы исправите…»

Что это, если не призыв продолжать войну с Арменией?

Да и все его поведение выглядит неискренним, каковым оно, впрочем, было всегда.

И далеко не случайно хорошо знвший Ленина Г. В. Плеханов говорил о том, что с «господином Ульяновым надо договариваиться по любмоу повросу в присутствии нотариуса».

Можно подумать, что инициатором перемирия с Арменией являлся не он.

И, конечно, он играл.

«Да, сожалею, да, не надо было подписывать…»

Но что это меняло?

Наступления, на которое так надеялись турки, не последовало.

Затем Ленин сообщил турецким делегатам о скорой советизации Армении и Грузии.

Надо полагать, что после столь многообещающего замечания Ленина, турки шли на очередную встречу с Чичереным 24 августа с великой надеждой на скорейшее подписание договора и продолжение войны с Арменией.

Особенно, если учесть то, что 17 августа представители Наркомата иностранных дел Е. Адамов и А. Сабанин по итогам недельных переговоров с турецкой делегацией, в качестве первого шага подготовили проект русско-турецкого договора из 8 пунктов.

Но не тут-то было…

Едва поздоровавшись, Чичерин снова заговорил о передачи Вана, Муша и Битлиса армянам.

Только теперь это был самый настоящий ультиматум, который поставил отношения между Советской Россией и Турцией на грань разрыва.

В переговорах был объявлен перерыв, и Юсуф Кемаль отправился с предложениями Чичерина в Анкару.

Возникает естественный вопрос о том, зачем это было надо большевикам.

Ведь лучшего повода для разрыва отношений большевики вряд ли смогли бы найти даже при всем желании.

Или им было неизвестно, что турецкое национальное движение возникло против попыток создания Великой Армении и Понтийского греческого королевства.

— Наша страна — говорил Кемаль, — находится между двух опасностей — греческой опасностью и армянской опасностью. Национальное движение возникло в целях спасения нашей любимой родины и нашей нации от опасности расчленения и принесения в жертву намерениям греков и армян…

Ни для кого не было секретом и то, что принятый в январе двадцатого года Национальный обет, обобщая постановления Эрзерумского и Сиваского конгрессов, был по своей сути клятвой турок сохранить свою территорию и не допустить на ней создания никаких независимых республик.

«Мы, — говорилось в одном из параграфе резолюции конгресса в Сиваасе, — постановляем всеми своими силами до последней капли крови защищать совместно свою родину от всяких вторжений и в особенности от поползновений создать на ее территории греческое или армянское государство».

«Да упасет нас Аллах от того, — говорилось в другом параграфе, — чтобы нам под давлением иностранных государств не пришлось уступить хотя бы пядь нашей родины, так как это означало бы приближение ее раздела».

«Кемаль, — писал по этому поводу французский историк Поль дю Веу, — призывал турок к национальной священной войне для спасения родины от греков и армян».

Надо полагать, что Чичерин знал о настроениях турок и, тем не менее, ударил их по самому больному месту.

Складывается такое впечатление, что большевики вдруг опомнились и решили сделать все возможеное, дабы не подписывать договор.

Что могло быть на самом деле?

Как полагают некоторые историки, некоторую смуту в переговоры внес и якобы враждебно относившийся к ним Бекир Сами.

В своих докладах Кемалю он, якобы, дезориентировал турецкое правительство, предвзято освещал ход переговоров в Москве, что затрудняло подписание договора.

Остается только узнать, каким образом он это делал, если прямой связи с Анкарой у него не было?

И почему, если Сами был врагом Кемаля, он не согласился на предложения Москвы?

Не могло не вызвать изумления для хоть сколько-нибудь знавших большевиков и их столь трогательная забота о дашнакской буржуазной Армении.

Тех самых большевиков, которые в Бресте отдали треть своей территории побежденной Германии.

Тогда зачем?

Надо полагать, только затем, чтобы потом получить все эти территории самим после советизации Армении, о которой Ленин говорил турецким делегатам.

Вполне возможно, что он сказал это для того, чтобы успокоить их возможностью свободной поставки оружия через Армению в Турцию.

Одно дело получить эти земли сейчас, и совсем другое потребовать их у Турции после советизации Армении.

И они, надо полагать, Чичерин не очень удивился, когда турки отказались встречаться с Шантом для обсуждения предложенного Москвой договора, построенного на «принципе этнографической границы, основанной на национальных взаимоотношениях, существовавших до великой войны», и предлагавшего «произвести взаимное переселение для того, чтобы создать с обеих сторон однородную этнографическую территорию».

Бекир Сами не только отказался, но и продолжал наставивать настаивать на границах, определённых Брест-Литовским договором, и требовал признания «Национального обета».

Как отмечают некоторые историки, сыграло свою роль и заключенное Кемалем перемирие с Францией, которое не только понравилось Москве, но и вызвало у нее известное недоверие.

Возможно, большевики рассчитывали и на то, что после грабительского Севрского договора Кемаль под прессом союзников станет сговорчивей.

Нельзя исключать и того, что отказ подписывать договор по большому счету был пробным шаром.

Что-что, а подписать договор большевики всегда могли, а вот

проверить на слабость Анкару велел сам большевистский Бог.

Вдруг дрогнет?

И, конечно, в Москве очень надеялись на то, что окончательно рвать отношения с Москвой Кемаль не будет.

Не вызывает сомнений и то, что Чичерин предъявлял свой ультиматум туркам после согласования с Лениным.

И не надо видеть в действиях Москвы какого-то изощренного иезуитства, поскольку шла большая политическая игра, в которой каждый из ее участников старался извлечь для себя как можно больше выгоды.

Чтобы подсластить пилюлю, большевики отвалили Халилю-паше золота на сто тысяч лир.

С неимоверными трудностями именитый курьер доставил его в Нахичевань, и только 8 сентября золото прибыло в Эрзурум.

200 килограммов было отдано в распоряжение Восточной армии Карабекира, остальное золото было отправлено в Анкару.

Тогда же было положено начало и военному сотрудничеству.

В ходе переговоров было также достигнуто соглашение, которое предусматривало предоставление помощи Великому национальному собранию Турции оружием, боеприпасами и золотом, а в случае необходимости — совместными военными действиями.

В распоряжение Г. К. Орджоникидзе были немедленно направлены для последующей передачи туркам 6 тыс. винтовок, свыше 5 млн. патронов и 17 600 снарядов.

Денежная помощь была согласована в сумме 5 млн. золотых рублей.

Очему большевики все-таки дали деньги и оружие, несмотря на отказ выполнять их ультиматум?

Да потому, что очень боялись того, что не имевшие ни армии, ни оружия турки будут побеждены греками со всеми печальными для них вытекающими из этого поражения последствиями.

Пошли на кое-какие уступки большевики и в вопросах с Арменией, когда Бекир Сами попросил хотя бы устного согласия Советской России на занятие турками Сарыкамыша и Шахтахты.

После продолжительного совещания с членом Военно-революционного Совета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе вопроса о целесообразности занятия турками Шахтахты и Сарыкамыша, Г. В. Чичерин сообщил Бекиру Сами, что советское правительство не будет возражать, при условии, что турки не продвинутся далее этой линии.

Конечно, турки были недовольны решением по Армении и предпочли бы продолжать военные действия до победного конца.

К тому же они уже начинали понимать, что за улыбками и обещаниями большевиков на первом месте стояли их собственные интересы.

Не сомневались они и в том, что ради этих самых интересов большевики пойут на все.

Да, это было так, но в данном случае большевики ничем не отличались от тех же самых турок и, перефразирую знаменитую фразу Ильфа и Петрова, можно было бы сказать, что обиды здесь не уместны.

С самого начала шла лицемерная игра, в которой кому-то должно достаться больше, а кому-то меньше.

И, наверное, именно поэтому Э. Хемингуэй писал о том, что «Кемаль и советское правительство подходят друг к другу, как перчатка к руке».

Надо полагать, что турки были бы недовольны еще больше, если бы узнали, что в середине августа большевики с распростертыми объятиями приняли прибывшего в Москву с немецким паспортом на имя Али-бея Энвера-пашу.

Энвер приехал в Москву вместе с Джемалем-пашой и был представлен Караханом Ленину.

О чем они говорили, можно только догадываться.

Но точно известно, что в своих московских беседах Энвер не скрывал, что если ангорское правительство Мустафы Кемаль-паши сделает что-то не так, например, передаст Измир грекам, то он готов «свой меч, кинжал, пистолет, имя и руководство движением направить против этого правительства».

В свою очередь, большевики рассчитывали на то, что

они с помощью Энвера покончат с Кемалем, если союзникам удастся использовать его движение против Москвы.

И именно в этом заключалась главная ценность Энвер-паши для российской внешней политики.

Российская дипломатия была намерена использовать Турцию в лице Энвер-паши и младотурков против Антанты.

Лидеры большевиков думали, что смогут ловко маневрировать между зеленым знаменем Осмнской империи и красным знаменем кемалистской Турции.

Раздувая пожар мировой революции, они были не прочь привлечь на свою сторону самых разношерстных деятелей с Востока.

То, что у одного из них, были руки по локоть в армянской крови, их не смущало.

Они рассудили, что бывший военный министр, сохранивший влияние среди офицерства, будет им полезен.

О чем и свидетельствали телеграммы Ф. Дзержинского Ленину и члену РВС Западного фронта И. Смилге от 11 августа 1920 года.

Заинтересованы в Энвере были и немцы.

Его высокие покровители из германского генштаба быстро увидели в сотрудничестве своей давней креатуры с Советами возможность сохранить позиции Германии на Востоке, а в перспективе и укрепить их.

Главной целью Берлина было восстановление с помощью большевиков границ 1914 года.

Генерал Ханс фон Зект — один из влиятельных германских военачальников — через Энвер-пашу прислал заманчивое предложение большевистскому правительству России.

«Если русские помогут немцам восстановить границы 1914 года, — говорилось в нем, — то Германия неофициально передаст большевикам вооружение и поднимет в интересах русских антипольское восстание».

«Энвер говорит, — писал по этому поводу Чичерин Ленину, — что Антанта уже теперь обещает Германии границу 1914 года за помощь полякам против нас.

Это нам кажется дипломатическим враньем.

Относительно приобретения вооружения от Германии мы уже начали переговоры безо всякой компенсации, но Энвер утверждает, будто бы согласие правительство ничего не значит, если Зект не даст согласия.

По-моему, мы не можем содействовать простому возвращению под германскую власть польских местностей.

Мы также ведь не собираемся завоевывать Польшу.

Мы можем сделать одно.

В случае европейской конференции мы можем дипломатическими средствами содействовать устройству плебисцита в спорных местностях бывших восточных частей Германии.

Энвер ждет ответа».

Кроме того, Энвер-паша сообщил Г. Чичерину, что национально-революционные партии всех мусульманских стран, в том числе Египта, Туниса, Алжира обладают единым центром в Берлине, и они хотят заключить договор с Советской Россией о взаимопомощи, чтобы поддержать политику большевиков на Востоке.

«Они, — писал Чичерин в служебной записке Ленину 16 августа 1920 года, — хотят получать от нас помощь деньгами и другими способами, например, устроить в Москве школу для будущих террористов и т. п.

Я указал ему, что наш общий принцип — поддержка национально-революционных движений, но что конкретно форма и объект помощи должны быть рассмотрены отдельно в каждом особом случае.

Энвер, поэтому, вызовет сюда трех или четырех представителей этих партий».

В Москве Энвер создал «Общество единства революции с исламом», с помощью которого большевики намеревались создать проблемы для британцев в Индии.

Что же касается Джемаля, то, конечно, он был для Москвы фигурой гораздо меньшего масштаба, нежели Энвер.

Тем не менее, большевики обсуждали и с ним «принципы альянса между большевистским правительством России и Турцией, получение помощи от России и решение по вопросам создания значительных трудностей для Англии, подготавливая мятежи в Персии и Индии».

Как сообщил спустя неделю сам Джемаль, Москва готова подписать договор о союзе после того, как «будет урегулирован армянский вопрос».

— Дорогой мой, — убеждал Радек Джемаля, — если вы решите армянскую проблему, качество и важность нашей помощи вам увеличится в сто раз. Пожертвуйте небольшой территорией для Армении, это жертвоприношение на очень короткий срок…

Искушеный в политике Джемаль улыбнулся.

Кому-кому, а ему было слишко хорошо известно, что означает в политике «жертвоприношение на очень короткий срок».

По большому счету ни его, ни Энвера не надо было уговаривать «что-то отдать» и «чем-то поступиться».

Они отдали бы всю Армению, лишь бы только получить возможность снова вернуться в большую политику.

Глава XIII

И все же большевики очень сильно заблуждались, когда полагали, что на Кемаля можно будет давить с помощью Севрского договора.

Когда Кемаль прочитал условия Севрского договора, он только качал головой.

Слов у него не было!

Он прекрасно понимал, что державы Антанты, воспользовавшись успехами греков, навязали султану этот договор с целью официально закрепить по итогам мировой войны раздел союзницы побежденной Германии — Турции.

Понимал и то, что рано или поздно нечто подобное должно было произойти.

По условиям договора, вся Восточная Фракия (за исключением Стамбула и прилегающих к нему районов) отторгалась от Турции в пользу Греции.

Под власть Греции передавался также Измир с прилегающими районами, хотя номинально вся эта область оставалась под суверенитетом Турции.

Зона Проливов передавалась в управление особой международной комиссии по Проливам, сами Проливы демилитаризовались, и устанавливалась неограниченная свобода прохода для всех военныхи торговых судов без различия флага, как в мирное, так и в военное время.

Османская империя больше не существовала.

На ее руинах победители выкроили «опереточную» империю между Стамбулом и Сивасом, Черным морем и Кайсери.

Пятнадцать тысяч военных и жандармов, а также личная охрана султана должны были обеспечивать порядок на территории этого прямоугольника.

Был продлен режим унизительных капитуляций, а иностранным экспертам было поручено контролировать османские финансы.

Столицей новой империи оставался Стамбул, но союзники имели право отнять его в случае нелояльного выполнения турками мирного договора.

Севрский договор определил новые границы Армении, и значительные территории Турецкой Армении должны были отойти к Республике Армения.

С подписанием Севрского мира начала официально действовать арбитражная комиссия США

Так, идея единой и независимой Армении летом 1920

приобрела политическую реальность.

Отдельные части договора касались сфер влияния, капитуляций, защиты национальных меньшинств, гражданства, санкций.

Турция подлежала разоружению, восстанавливала отменённый младотурками капитуляционный режим и финансовый контроль со стороны держав Антанты.

Грабительский характер носили те части договора, в которых трактовались экономические, финансовые и военные вопросы.

Для финансового контроля создавалась особая союзная комиссия, которая распоряжалась как доходами, так и расходами Турции.

Численность армии и жандармерии ограничивалась 50 700 человек.

Войска находились под контролем союзной военной комиссии.

Этот договор сформировал впоследствии в умонастроении турецких националистов так называемый «севрский синдром».

Более того, он в известной степени стал частью национальной идеологии, в итоге он придал на долгие годы этой идеологии ожесточённость в отношениях к меньшинствам в стране, к проблемам сепаратизма, целостности Турции.

По меткому замечанию известного советского историка А. Ф. Миллера, «если бы договор был реализован, Турция как государство должна была бы перестать существовать».

Как того и следовало ожидать, «самый великий правитель в мире», как часто именовали султана, и его правительство признали смертельный для страны приговор.

Из всех министров, сенаторов и генералов только один человек набрался мужества не проголосовать за проект столь унизительного договора в Севре.

Однако в отличие от большевиков, полагавших, что Севрский договор вызовет среди националистов уныние и разброд, Кемаль был уверен в том, что очередное унижение страны вызовет в Турции новый подъем освободительного движения.

Так оно и случилось.

Великое национальное собрание не только отказалось признавать Севрский договор, но и аннулировало его и объявило всех членов «Коронного совета» предателями нации.

На следующий день ситуцию прокомментировал в своем интервью министр юстиции.

— Наше правительство будет протестовать против наступления греков? — поинтересовался журналист.

— Наше правительство официально вынесло смертный приговор Мустафе Кемалю. Мы объявили его предателем родины и халифата. Почему же мы теперь должны протестовать против этого наступления, которое пришло нам на помощь?

— Встретит ли это наступление достойное сопротивление? — последовал новый вопрос.

— Нет, — покачал головой министр, — в армии Мустафы Кемаля отсутствуют должная дисциплина и организация, она состоит из рецидивистов и разбойников. Я уверен, что греческая армия через несколько недель окажется у стен Анкары…

Тем не менее, в день подписания договора почти все стамбульские газеты появились в черных рамках в знак траура.

«Алемдар» оплакивал «многовековую славу, историю, чистую как жемчужина, которая хранит жертвы бесчисленных поколений…»

Прочитав это интервью, Кемаль усмехнулся.

Насчет чего-чего, а слабой дисциплины министр был прав.

Что же касается всего остального…

Для Кемаля не было секретом, что сами победители не особенно радовались подписанным договором.

Дело дошло даже до того, что ставший министром иностранных дел Италии, его хороший знакомый, граф Сфорца, предлагал Турции «дружеское сотрудничество, экономическое и моральное, предоставляя ей полный суверенитет».

Да и чему было радоваться?

Чтобы соблюдать условия договора, требовалось не менее двадцати дивизий.

А это означало войну.

Но никто не хотел воевать.

Париж отказался отправлять колониальные войска в Малую Азию, чтобы не ставить под угрозу будущее африканских колоний.

Если верить президенту Франции Пуанкаре, церемония подписания договора была похожа на похороны.

«Договор, — писал он, — был подписан в помещении фарфорового завода в Севре… сам по себе столь же хрупкий…

Не стоит его трогать, противоречивые цели Греции и Италии едва ли не испортили всё в последний момент.

Несколько раз церемонию его подписания были вынуждены откладывать.

Наконец она состоялась в атмосфере усталости и отсутствия энтузиазма, что заставило некоторых внимательных наблюдателей говорить о меланхолии, словно она иллюстрировала значительную утрату влияния Франции на

Востоке».

Единственным человеком, кто удовлетворенно потирал руки, был премьер-министр Греции Венизелос, с готовностью принявший роль жандарма, доверенную ему Лондоном и Парижем.

Но его радость мало кого тронула.

Практически все подписавшие Севрский договор стороны были уверены, что добром вся эта «миротворческая» эпопея не кончится.

Настоящим провидцем оказался генерал Вильсон, который еще до наступления греческой армии записал в своем дневнике: «Нам необходима помощь греков, но всё это закончится войной с Турцией и Россией и нашим вынужденным уходом из Константинополя».

И как тут не вспомнить маршала Фоша, который, ознакомившись с грабительскими условиями Версальского договора, скептически заметил:

— Это не мир, а перемирие на двадцать лет…

Так оно и оказалось, поскольку никогда нельзя загонять жертву в угол, за которым всегда стоит решимость либо умереть, либо победить…

Ко времени его подписания большая часть бывшей Османской империи была оккупирована странами-побе-дительницами.

Что же касается положения на границах с Арменией, то Кемаль родолжал ждать известий из Москвы.

А вот Карабекир был в ярости:

— В то время, — возмущался он, — когда Антанта нападает на нас с Запада, — гремел он, — большевики провоцируют население Армении, Курдистана, Лазистана и Восточной Фракии отделиться от нас, вероятно для того, чтобы захватить их. Поэтому надо как можно быстрей оккупировать область Александрополя, а если возможно, всю Армению, чтобы наши представители в Москве были посланцами победоносной армии…

Более того, Карабекир потребовал всеобщей мобилизации.

Однако Кемаль не пошел на нее.

Да и что бы она дала?

А разрываться на два фронта было губительно, поскольку после подписания Севрского мирного договора греческая армия, активно поддерживаемая Англией, продолжила своё продвижение к центру Анатолии.

29 августа она захватила Ушак, после чего несколько замедлила свое продвижение, что было вызвано ослаблением по разным причинам поддержки англичан.

Что касается мусульманского мира, то «Анкара сделалась в

глазах мусульман второй Меккой».

Дальние и близкие мусульманские соседи Турции увидели в ней центр борьбы против общего врага, направляли в адрес анкарских властей денежные пожертвования.

В своем желании расправиться с Кемалем союзники не отступали ни перед чем, опускаясь, порою, до самой настоящей низости.

Такова были история с письмом от 15 августа, якобы полученным Кемалем осенью девятнадцатого года от матери.

Его передал ему греческий коммерсант Мильтиади.

«Дорогой сын! — читал Кемаль. — Давно ты не присылал мне письма и не сообщал новости о себе…»

Конечно, Кемалю было сложно общаться с матерью, самой правоверной мусульманкой, признававшей незыблемые ценности.

И все же он писал ей: «Ты прекрасно понимаешь, что я знаю, что делаю. Если бы я не был уверен в окончательной победе, я бы ничего не предпринял. С уважением целую твои руки…»

Рассказав о себе и сестре Макбуле, мать продолжала: «Если не наведут порядок в Анатолии, ситуация в Стамбуле станет катастрофической. Вне всякого сомнения, анатолийцы скоро признают силу и убеждения правительства…»

Кемаль в ярости смял бумагу.

— Я уверен, — заявил он министру внутренних дел, -

что это письмо фальшивое…

В тот же день Мильтиади предстал перед Трибуналом независимости, только что созданным для суда над предателями.

Как это не покажется странным, но его оправдали.

Вполне возможно, что негоцианта использовали втемную.

Агентов спецслужб в Измире в те времена хватало.

Не совсем понятно, для чего была вся эта инсценировка.

Для того, чтобы заставить Кемаля смириться с наведением султаном порядка в Анатолии?

Так это было даже не наивно…

4 сентября Национальное собрание приступило к выборам министра внутренних дел.

Кандидат Кемаля, Рефет, был побежден Назымом, одним из лидеров «Зеленой армии», поддержанной только что созданной «Народной группой», состоящей из сотни людей, «склонных к радикальным идеям».

В чем они заключались, не сказал бы и сам Назым, поскольку это была какая-то горючая смесь из идей большевизма, левых юнионистов, прогрессистов разных мастей и всех противников

Кемаля.

Кемаль решил остаться хозяином положения и потребовал от Этхема-черкеса добился отставки Назыма.

Через несколько дней он предоставил социальную программу, искусно перефразированный проект, подготовленный «Народной группой».

18 сентября Кемаль предложил Национальному собранию проект конституции.

Успехи греков и потеря священной для турок Бурсы вызвали в Анкаре бурю протестов, и члены меджлиса обвинили Кемаля в чрезмерном увлечении политикой.

Да и кому, как не ему, возмущались они, следовало возглавить армию, а не произносить речи в собрании?

Но Кемаль на фронт не спешил.

Без хорошо вооруженной регулярной армии даже самый великий полководец не смог бы остановить и уж тем более победить прекрасно экипированных греков.

К тому же, первое же поражение могло поставить крест на его дальнейшей политической карьере.

Вооружить его армию могла только Советская Россия, от которой он уже получил оружие и деньги.

Но из-за обострения обстановки в Закавказье, где вот-вот могла начаться война с возглавляемой дашнаками Арменией, подписание договора с большевиками затягивалось.

Усилили свою подрывную деятельность и агенты султана.

Но Кемаль не собирался сидеть, сложив руки.

Он и его соратники старались всеми силами умножить боеспособность армии.

С этой целью Кемаль повысил налоги и пошлины, строил и реконструировал дороги и железнодорожные пути.

В особых случаях он привлекал к военным работам население.

Конечно, нашлись критиканы, которые сразу же заговорили о самом настоящем правовом беспределе.

Но Кемаль знал, что делал.

— Некоторые господа, — заявил он по этому поводу в меджелисе, — говорили примерно следующее: «Главнокомандующий налагает на нацию принудительные работы, а это запрещено законом». Это правда, но, по-моему, опасность и целесообразность все это оправдывает. Если нужды армии требуют введения принудительных работ, то мы таковые налагаем на население. Это самый справедливый закон. Формальные же правовые рамки заставляют меня сомневаться, следует ли осуществлять мероприятия, которые я сочту

необходимым применить для того, чтобы предотвратить поражение армии…

Если верить некоторым источникам, Кемаль сделал заманчивые предложения белогвардейцам Врангеля, которых насчитывалось в Турции примерно 75 тысяч.

Он повысил оклады офицеров и увеличил мобилизацию в армию.

А сделать это было не так просто.

Даже призваные в армию старались как можно быстрее вернуться домой, заявляя о том, что султан отменил принудительную милицейскую службу.

Дезертиров хватало,

В связи с этим осенью 1920 года Великое национальное собрание издало закон об учреждении чрезвычайных трибуналов, так называемых «судов независимости».

Эти самые суды имели право выносить смертные приговоры дезертирам.

Однако до них дело доходило крайне редко, и куда чаще дезертиров наказывали палками.

10 сентября Кемаль, к своему великому удивлению, получил письмо от Энвера, находившегося в Баку, где закончил свою работу I съезд народов Востока.

Кемаль был удовлетворен собранием в Баку.

Да и как не радоваться, если Зиновьев на весь мир заявил:

— Будущее Турции принадлежит ей. Мы готовы помочь всем революционерам, кто выступает против английского правительства…

Съезд служил своего рода реабилитацией национализма, который оказывался допустимым, когда сочетался с классовой борьбой.

Советские коммунисты решили поддерживать националистов, если они будут вести борьбу с буржуазным империализмом.

На деле это означало: младотуркам с их пантюркизмом — нет, а вот кемалистам, которые боролись против английских капиталистов, — да.

17 сентября Президиум Совета народов Востока принял секретное решение о «наступлении в союзе с националистическими турецкими войсками на Армению под флагом свержения дашнаков, угнетающих свой народ, и с целью соединения с революционной Турцией».

«Я, — писал Энвер, — очень доволен восточным съездом.

В будущем он даст очень хорошие результаты. До наступления зимы, возможно, начнется операция против

Армении.

Однако, по моему мнению, вы должны были начать эту операцию до сегодняшнего дня и не давать армянам возможности усилиться.

Дай Бог, Азербайджан соберется силами и перейдет в наступление до перехода в наступление грузин, армян и иранцев.

Во всяком случае, даже если Красная Армия этого не пожелает, вы должны перейти в наступление и достичь границы 1877 г.»

Более того, «старый друг» выразил готовность направить на фронты Анатолии две дивизии, сформированные из азербайджанских тюрок.

Зачем большевикам был нужен в Баку одиозный Энвер, если там были и кемалисты?

Да, наверное, все затем же!

Предупредить Кемаля и помочь Энверу наладить контакты со своими сторонниками.

Да, большинство делегатов встретили его появление в Баку негативно, но на съезде хватало и тех, кто, как говрят в Одессе, «имел», о чем поговорить с бывшим владыкой Османской империей.

Чтобы иметь возможность хоть как-то манипулировать Кемалем, большевики словно предупреждали его не совершать опрометчивых поступков.

Да и сам Энвер рассчитывал после неизбежного, с его точки зрения, крушения Кемаля переправиться в Турцию, чтобы возглавить Анатолийскую армию и разбить греков.

Он даже не сомневался в том, что все еще оставался популярным среди военных и сможет вернуться в турецкую политику триумфатором.

И Кемаль прекрасно понимал, зачем держат его «друга» в Москве.

Откажись он от сотрудничества с Москвой, и Энвера выпустили бы либо в Турцию, либо на Кавказ, где у него было множество сторонников.

Кемаль все понял, как надо и запомнил.

И когда ему будет надо напомнить большевикам, что он тоже умеет темнить, он сделает это с присущим ему блеском.

Для решения «армянских» задач в сентябре Москва выделила националистам 60 тысяч винтовок, 180 миллионов патронов, 108 малокалиберных и 12 крупнокалиберных орудий.

У националистов не на чем было перевозить военные грузы, и Москва передала правительству Анкары два военных корабля — «Живой» и «Жуткий».

А в начале октября Анкара радушно принимала первую дипломатическую миссию России — 24 человека и грузовой автомобиль с оборудованием для радиотелефонной связи.

Начало сотрудничества с Москвой казалось многообещающим.

Что же касается войны, то напоминать о ней Кемалю было не надо.

Ее идея давно уже витала в анкарском воздухе.

Кавказский фронт оставался для кемалистов приоритетным, так как они не отказались от мысли присоединения Азербайджана к Турции и стремились реализовать эту идею посредством войны с Арменией.

Сам Кемаль в своих мемуарах писал о заранее принятом решении наступать на Армению еще в июне 1920 года, хотя и возлагал всю вину за развязывание войны на армянскую сторону.

Для этой цели турецкие эмиссары стремились организовать восстание проживающих в Республике Армении мусульман против правительства.

«Стремление мусаватистского Азербайджана и иттихадской Турции, докладывал армянский дипломат в Азербайджане 27 августа 1920 года, — следующее: создать единое турецкое государство от Костантинополя до Баку — отнюдь не исчезло: цели Советского Азербайджана и „революционной и красной Анатолии“ одни и те же».

Кязим Карабекир до начала наступления на Армению рассчитывал на помощь Азербайджана в открытии второго фронта.

Так что по большому счету в своем письме Энвер не сказал Кемалю ничего нового, поскольку он и без него готовился к войне.

Для устранения «кавказского препятствия» Мустафа Кемаль объявил о мобилизации.

Одной из целей развязанной против Армении войны была попытка присоединения Азербайджана к Турции.

За несколько дней до ее начала, 14 сентября, Мустафа Кемаль писал Али Фуаду: «Начать против армян благоприятную войну и не отказаться от мысли присоединения Азербайджана к Турции».

То, что кемалисты не скрывали своих «братских чувств» в отношении Советского Азербайджана, видно и из следующих слов Кемаля Ататюрка.

— В этой священной борьбе, — говорил он, — наша нация горда служением делу освобождения ислама и благосостояния

угнетенного мира. Наша нация счастлива слышать, что эта правда подтверждается представителем братского Азербайджана. Народы Румелии и Анатолии знают, что сердца братьев-азери бьются вместе с их сердцами. Они не желают, чтобы тюрки-азери вновь попали в плен и были лишены своих прав. Скорбь тюрков-азери — наша скорбь, а их радость есть наша радость. Мы будем рады, если их пожелания будут исполнены, и они будут жить свободно и независимо…

В одном из сетябрьских сообщений советских дипломатов из Анкары говорилось, что в последнее время в Анкаре часто происходят заседания ВНСТ, на которых присутствуют представители Константинопольского правительства.

«Работа собрания, — докладывал дипломат, — ведется в панисламистском духе.

Замечаются стремления занять Батуми и Баку.

В национальном собрании были представители Дагестана, высказывавшиеся за присоединение Дагестана к Турции.

В Дагестан и Баку кемалистами отправляются агенты».

В отношении Армении и армян Кемаль не скрывал своих агрессивных намерений и, не желая уступать «ни пяди земли армянам», Мустафа Кемаль рассматривал армяно-турецкую войну 1920 года как средство для «уничтожения армянской армии и армянского государства».

«Многие турки, — докладывал в Москву советский дипломат И. Абилов, аккредитованный в Турции, — до сих пор не отказались от своих агрессивных намерений и возлагают надежды на присоединение Азербайджана к Турции.

К примеру, во время маленького приема, который я дал недавно, министр почты и телеграфа в заключении своей пантюркистской речи изъявил желание в ближайшем будущем видеть в турецком парламенте депутатов из Азербайджана».

Сыграло свою роль в развязывании войны и то, что большевистское руководство всячески старалось «подыграть» большевикам-мусульманам Азербайджана, дабы обезопасить себя в вопросе поставок бакинской нефти, столь необходимых в период гражданской войны.

Помните Ленина?

«Что не сделали мы, доделаете вы…»

И доделали…

Получив военную помощь от Москвы, а вместе с ней и башлагословение на войну, Кемаль приказал армии и Особой Организации «физически уничтожить Армению».

8 сентября в Анкаре состоялось заседание Высшего военного

совета при участии генерала Кязым Карабекира, который предложил начать общее наступление на Армению.

Для согласования вопроса с Грузией, в Тифлис выехал член правительства Юсуф Кемаль-бей, приславший оттуда телеграмму: «Дорога открыта».

14 сентября Кемаль писал Али Фуаду: «С армянами начать благоприятную войну с тем, чтобы присоединить Азербайджан к Турции».

В тот же день в Ереван прибыла советская делегация во главе с Борисом Леграном, который на следующий день предъявил армянскому правительству требования:

Отказаться от Севрского договора.

Разрешить советским войскам пройти через Армению для соединения с частями Мустафы Кемаля.

Пограничные споры с соседями решать при посредничестве Советской России.

Армяне отказалась признать первый пункт, по остальным же пунктам дала своё согласие и составила проект договора, по которому Советская Россия признавала независимость Армении и вхождение в её состав Зангезура.

Борис Легран условия принял, однако договор так и не был подписан.

До сих пор идут споры о том, кто же все-таки начал войну: дашнаки, или Кемаль, поскольку причины имелись у всех.

Ясно только одно: избежать войны было невозможно по определению.

Добиться исполнения условий Севрского мирного договора Армения могла лишь победой в очередной войне.

Сложно сказать, начала бы она войну без надежды на тут помощь, которой ей обещали США и Англия.

В армянских и турецких источниках указываются различные даты начала армяно-турецкой войны.

Причина расхождений состоит в том, что Турция официально войну Армении не объявляла, а Армения объявила войну лишь 24 сентября.

К тому же стороны, как сказано выше, находились в состоянии войны фактически с июня 1920 года, когда между ними начались пограничные конфликты.

Сами армяне считают, что в сентябре 1920 года войска кемалистов под командованием Кязима Карабекира начали вооруженную агрессию против Республики Армения.

На тот период Армения располагала армией, численность которой не достигала и 30 тысяч человек.

Ей противостояла турецкая армия численностью 50 тысяч человек под командованием Кязым-паши Карабекира.

Помимо регулярных войск, Карабекир мог рассчитывать на многочисленные нерегулярные вооружённые формирования, также готовые воевать против армян.

Что касается армянской армии, которую считали наиболее обученной и дисциплинированной в Закавказье, она была морально и физически измотана в результате участия в не прекращавшихся с 1915 года войн.

В первой половине сентября турецкие силы заняли Ольты и Пеняк.

В этот же период армянские войска взяли под свой контроль участок территории Сурмалинского уезда в районе Кульпа.

20 сентября начались широкомасштабные военные действия.

22 сентября армянские войска атаковали позиции турецких войск в районе селения Бардус.

Натолкнувшись на ожесточённое сопротивление турецких войск, через два дня армянские войска были вынуждены отойти к городу Сарыкамыш.

Турецкие войска 28 сентября перешли в контрнаступление и, обладая значительным превосходством сил на главных направлениях наступления, сумели занять Сарыкамыш, Кагызман, Мерденек и вышли к Игдыру.

Наступающие турецкие войска опустошали занятые районы и уничтожали мирное армянское население, не успевшее или не захотевшее спасаться бегством.

Не оставались в долгу и армяне.

Через несколько дней турецкое наступление было приостановлено, и вплоть до 28 октября бои велись примерно на этой же линии.

В середине октября в Анкару прибыл Юсуф Кемаль с ультиматумом от Чичерина.

На Кемаля он не произвел никакого впечатления.

Да и какое еще могло быть впечатление, когда до полной победы на Апрменией оставалось несколько шагов.

13 октября армянские войска предприняли попытку контрнаступления со стороны Карса, которая не имела успеха.

В начале октября Армения обратилась к правительствам Великобритании, Франции, Италии и других союзных держав с просьбой о дипломатическом давлении на Турцию.

Но не последовало не только никакого давления, но и ответа.

28 октября турецкие войска возобновили общее наступление, взяли под свой контроль южную часть Ардаганского округа и 30 октября овладели Карсом.

После падения Карса отступление армянской армии приняло беспорядочный характер, и пятью днями позже турецкие войска подошли к реке Арпачай, угрожая Александрополю.

3 ноября правительство Армении предложило турецкой стороне перемирие.

Командующий турецкой Восточной армией генерал Кязым-паша Карабекир потребовал от армянского командования сдать Александрополь, передать под турецкий контроль железные дороги и мосты в этом районе и отвести армянские части на расстояние 15 км к востоку от реки Ахурян.

Командование армянских войск выполнило эти условия.

7 ноября турецкие войска заняли Александрополь, и генерал Карабекир предъявил армянскому командованию ещё более жёсткие требования, равносильные требованию капитуляции: разоружиться и и отвести свои войска на восток.

Парламент Республики Армения отверг эти требования и принял решение обратиться к Советской России с просьбой о посредничестве.

Глава XIV

К той самой России, которая в этот же день, 7 ноября, открыла в Анкаре посольство РСФСР.

Со стороны это казалось нелепым, поскольку одно непризанное никем в мире правительство признавало точно такое же непризнанное никем другое правительство.

Однако никто не смеялся…

После обмена послами Кемаль стал желанным гостем в советском представительстве в Анкаре, где часто отдыхал в специально отведенной ему комнате.

И в этой связи весьма интересно ознакомиться со сделанными первыми работниками советского представительства живыми зарисовками, поскольку они дают прекрасное понимание того, какое тяжелое наследство досталось Кемалю после гибели Османской империи.

О симпатии к России уже говорилось, а вот сама жизнь в Анатолии произвела на них такое тягостное впечатление.

И когда читаешь их послания, то создается впечатление, что они прибыли в Анатолию по крайней мере из Голландии, а не из голодавшей и разрушенной России.

— В экономике, — писали дипломаты в своих отчетах в Москву, — по-прежнему процветали свободная торговля, ростовщичество и спекуляция.

Шахты, рудники и прочие созданные западными промышленниками предприятия стояли без движения.

В глубине Анатолии картина была еще безрадостнее.

Повсюду обнищавшее и обремененное большими податями крестьянство и полная безграмотность.

Местные помещики являлись практически полноправными хозяевами целых районов.

По всей стране пышным цветом цвели взяточничество и коррупция.

Реформа армии ограничилась снятием погон и орденов, а в остальном оставалась все та же неприглядная картина мордобития, слепого подчинения и палочной дисциплины.

Жандармов ненавидели все, но особенно армия, по сравнению с которой они находились в куда лучшем положении.

Лейтмотив освободительного движения был повсюду один: «Борьба за освобождение любимого султана, находящегося в плену у англичан!»

— Конечно, — говорил первым советским дипломатам сам Кемаль, — мы понимаем, что монархический принцип правления

в будущем неприемлем. Однако, принимая во внимание врожденную любовь к султану, мы опасаемся подорвать свою силу новыми контрреволюционными выступлениями в случае объявления ему открытой войны. Именно поэтому мы ограничиваемся собиранием изобличающих его предательство национальных интересов фактов…

Когда один из дипломатов заметил, что «война за освобождение султана» может обернуться против него самого и что невозможно вести народную войну под ложными лозунгами, Кемаль ответил:

— По мере возможности мы через доверенных и подготовленных для этого людей готовим и просвещаем население. Хотя делать это очень тяжело! Война, большие расходы, постоянное повышение налогов и без того не обещают нам легкой жизни, и поэтому мы не можем сейчас рисковать и вносить раскол среди верящих в своего халифа мусульман!

И в этой связи интересны не ответы Кемаля, а сами вопросы, демонстрировавшие полное незнание страны советскими дипломатами.

А отсюда и та в значительной степени инфантильная характеристика, данная лидеру национального движения первым секретарем Полномочного представительства РСФСР в Турции Умпал-Ангорским.

«Мустафа Кемаль, — писал он в своей служебной записке в Наркоминдел, — весьма оригинальная фигура на фоне своеобразной восточной переходной эпохи монархического сатрапизма и буржуазного демократизма.

Он полностью представляет турецкий государственный строй со всеми его пороками.

Личность Мустафы Кемаля, безусловно, выдающаяся в Турции по своему уму, энергии, силе воли, способности убедить (внушением кажущейся искренности даже недоверчиво относящихся к нему лиц).

Главным его движущим импульсом является большое честолюбие.

Для достижения намеченной цели в ход пускается все, и он идет к ней, не считаясь ни с чем.

В своей политике он являет себя полностью беспринципной личностью, использующей систематические провокации среди туземных общественных течений и группировок.

В беседе с нами он с гордостью заметил, что при посредстве своих доверенных лиц руководит работой самых разнообразных слоев общества.

А когда его спросили, как он относится к весьма влиятельной

в меджлисе „Зеленой армии“, представляющей самое радикальное его течение, он рассмеялся.

— В свое время, — заявил он, — я поддерживал эту фракцию как баланс против крайне правого крыла, но когда они захотели повести самостоятельную игру, я быстро расстроил всю их организацию!»

Возможно, так оно и было, и все же Кемаль не изобрел в этом отношении ничего нового и правил так, как правили десятки правителей.

Конечно, в чем-то они были правы, и, несмотря на заявления самого Кемаля о народном характере установленного им в Анкаре режима, даже при всем желании в нем уже нельзя было не заметить его жестокой иерархии.

Одним из первых о ней заговорил девятнадцатилетний Назым Хикмет, ужаснувшийся увиденному в будущей столице, где в это время уже начиналось преследование неофициальных коммунистов.

Разочаровавшись установленным на его родине «народным режимом», поэт не нашел ничего лучшего, как бежать в другое «царство истинной свободы» — Советскую Россию.

«Анкара, — писал в одном из своих писем Карабекиру директор прессы анкарского правительства Мухеттин, — являет собою самый настоящий ад, где нет даже намека на мораль.

Я убежден, что успехи борьбы в Анатолии должны сопровождаться социальными изменениями.

И мы приехали в Анкару с намерением проводить в жизнь именно эту идею.

Но после проведенного там года мы ясно увидели, что, по сути дела, анкарские правители ничем не отличаются от стамбульских!

Правительство народа и нации существует только на бумаге.

На самом же деле народ Анатолии не поддерживает ведущуюся там борьбу и постоянно выступает против нее!»

И доля истины в этом крике души, конечно, была.

Правительство Кемаля имело точно такое же отдаленное отношение к народу, какое имело к нему любое из существовавших в мире правительств.

А если уж быть совсем откровенным, то нельзя не сказать и о том, что насаждаемый Кемалем новый порядок был намного жестче султанского.

Другое дело, явился ли он таким уж откровением для привыкшего к авторитарной власти народа.

Что же касается самого Кемаля, то уже с первого дня

нахождения у власти он явил себя зрелым мастером политической игры.

Покидая Анкару только в самых экстренных случаях, он постоянно давил на меджлис, подчиняя его своей воле.

Не обладая пока еще достаточно сильной базой, он был вынужден действовать и убеждениями, и ловкостью, и большая часть его работы приходилась на приватные встречи с нужными людьми.

Очень часто эти встречи затягивались до утра и сопровождались обильными возлияниями.

В это время он уже жил в выстроенной для него в Чанкайя вилле в викторианском стиле с арабесками на потолке, декоративными жаровнями и бильярдной.

Вилла была окружена прекрасным фруктовым садом с фонтаном, и с двух ее террас открывался великолепный вид на окрестности.

Стены одной из комнат Кемаль украсил киренаикскими фотографиями и снимками матери.

Позже к ним добавились фотографии Исмета, Февзи, Кязыма Озальпа, но больше подобной чести не удостоился никто.

В одной из комнат стояло пианино, и, к великому удовольствию Кемаля, Фикрие часто играла его любимые мелодии.

И конечно, она привнесла в его дом некоторый уют, украсив стены турецкими и персидскими коврами, с развешенным на них оружием, среди которого выделялась подаренная Кемалю одним из арабских шейхов дорогая шашка.

И стоило только Кемалю появиться в своем уютном жилище, Фикрие ловила каждое его слово и спешила исполнить любое желание своего господина.

Когда ему нездоровилось, она ходила за ним как за ребенком.

Она не только вела хозяйство и ухаживала за Кемалем, но и исполняла обязанности его личного секретаря.

Всегда по-европейски одетая, красивая и стройная, она была предана Кемалю душой и телом, и в его доме веяло уютом и теплом.

Но главное для него заключалось даже не в созданном для него комфорте, а в той атмосфере, какую она создавала в доме.

Фикрие ничего не требовала от него и, будучи незаменимой, оставалась в то же самое время совершенно незаметной.

Мягкая и деликатная, она была создана для семейной жизни, однако ни Зюбейде-ханым, ни сестра Кемаля Макбуле и слышать не хотели о ней как о будущей снохе и невестке.

И если мать Кемаля еще выносила Фикрие, то сестра и не

думала скрывать свою неприязнь к ней.

Здесь же, в Чанкая, поселились и его друзья детства и ближайшие сподвижники.

Они часто приходили к Кемалю, пили вино и обсуждали текущие вопросы.

После этих застолий сразу же стали ходить всевозможные слухи о диких скандалах и не совсем этичном поведении самого Кемаля.

Но все они были сильно преувеличены!

Никаких скандалов в Чанкайя не было и в помине, и всегда широко открытый для гостей дом Кемаля ничем не напоминал собою то самое гнездо хищной птицы, о котором так проникновенно писал в те дни поэт Фарук Нафиз.

На вилле собиралась элита новой Турции, и никому даже в голову не приходило пикироваться со всегда так радушно встречавшим своих гостей хозяином, уже ставшим к тому времени безоговорочным лидером движения.

Тем временем события на турецко-армянском фронте продолжались.

Как было запланировано по сценарию, 29 ноября армянские большевики по согласованию с ЦК РКП (б) подняли в Караван-сарае восстание и создали Революционный комитет Армении.

В тот же день Ревком провозгласил Армянскую ССР и обратился за помощью к Совнаркому РСФСР.

В Армению из Азербайджанской ССР были направлены части 11-й армии РККА, которая 2 декабря заняла Эривань.

30 ноября советский полпред Борис Легран ультимативно потребовал вхождения Армении в советскую сферу.

Когда армяне обратились к обещавшим оказывать им всяческую поддержку союзникам, за всю Антанту им ответил находившийся в Тифлисе представитель Англии Стокс:

— Армении не остается ничего кроме как выбрать из двух зол меньшее: мир с Советской Россией…

США обещанной помощи Армении так и не оказали.

И как тут не вспомнить доброго английского дядюшку Ллойд Джорджа.

— Если армяне, — с прямотой римлянина заявил он на заседании 20 апреля в Сан-Ремо, — не в состоянии защищать свои собственные границы, то от подобного народа нет никакой пользы и ни одно из союзных правительств не будет готово помочь им хоть одним батальоном…

В ночь с 2 на 3 декабря в Александрополе делегация правительства Республики Армения подписала мирный договор с

делегацией Великого национального собрания Турции, по которому территория Республики Армения ограничивалась районом Эривани и озера Севан.

Территория бывшей Карсской области, Александропольского и Сурмалинского уездов Эриванской губернии передавалась Турции.

Армения была обязана «отменить обязательную воинскую повинность и иметь армию численностью до 1500 штыков, 20 пулемётов и 8 легких орудий».

Турция приобретала право свободного транзита и ведения военных операций на территории Армении, контроль над её железными дорогами и иными путями сообщения.

Армения также обязалась отозвать из Европы и Америки свои дипломатические делегации.

При этом особо подчеркивалось, что офицеры армянской армии и члены партии Дашнакцутюн не должны подвергаться никаким репрессиям.

Карабах и Нахичевань находились под мандатом Турции до окончательного решения их статуса.

10 декабря в лучших большевистских традициях Совет народных комиссаров Армянской ССР заявил о непризнании Александропольского мирного договора и предложил начать новые переговоры, но турки отказались рассматривать этот вопрос.

В этой обстановке СНК РСФСР предложил Великому национальному собранию Турции продолжить переговоры о заключении мирного договора.

Так крепла «дружба» между Москвой и Анкарой.

Что не помешало Ленину заявить на VIII Всероссийском съезде Советов в конце декабря 1920 года:

— Наверху в Турции стоят кадеты, октябристы, националисты, которые готовы продать нас Антанте…

Единственным государством, которое отреагировало, стала Греция, активизировавшая боевые действия против кемалистов на западе Малой Азии.

Предал ли Запад Армению?

Вряд ли, поскольку предать можно друга.

Он ее просто использовал.

Запад никогда не волновала судьба Армении, и на первом месте стояли его собственные интересы.

Прогнозируя уже в скором будущем «широкое панмусульманское и пантуранское движение», Керзон намеревался «вбить клин между мусульманами Турции и

мусульманами других восточных стран».

— И таким клином, — откровенно заявил он, — была бы христианская община в форме нового армянского государства…

Но когда этому самому «клину» стало плохо, Запад просто-напросто огтвернулся от него.

Единственное, на что он оказались способным, так это на обнародование 22 ноября 1920 года арбитражного решения президента США Вудро Вильсона.

Оно предусматривало определение границ независимой Армении в пределах более 170 тыс. кв. км, включая территории Русской Армении (в том числе Нагорного Карабаха, Зангезура, Нахичевани) и четырех вилайетов Турецкой Армении — Вана, Битлиса, Эрзерума и Трапезунда.

Армении предоставлялся выход к Черному морю.

— Бедный Вильсон, — с нескрываемой насмешкой заметил по этому поводу Кемаль, — так и не понял того, что границы защищаются только с помощью штыков, силы и чести!

Что же касается «армянского гамбита», то он был разыгран как по нотам, и его в конченом счете тонкому замыслу мог бы позавидовать сам Капабланка.

И в самом деле!

В буржуазную Армению входит турецкая армия, та заключает мир, отдает Турции часть территории, после чего «по зову трудящихся масс» являются большевики и завоевывают Армению.

Каждый при этом получал свое: Кемаль важные территории и коридор для оружия и военных грузов, а Москва очередную советскую республику.

16 декабря 1920 года в Москву на подписание договора отправилась турецкая делегация во главе с министром экономики Юсуфом Кемалем.

Вмсте с денлегацией в Москву ехал и новый посол Турции в Советской России Али Фуад.

Как видно, общение с Энвером не прошло для Кемаля даром, и он, ссылал старого друга пусть и в почетную, но, все же, ссылку.

Был ли доволен своим новым назначением сам Али Фуад?

Нет, о чем и сам говорил будущему полпреду в Анкаре С. Аралову.

Да и что ему, боевому генералу, было делать в Москве в самый разгар борьбы за свободу страны?

Его место было в Анатолии, где он мог снискать новую славу и авторитет.

И все же по большому счету в новом назначении Али Фуада главную роль сыграла отнюдь не его дружба с Этхемом.

Отправляя своего старого приятеля в дипломатическую ссылку, Кемаль избегал куда более крупной ссоры с ним, поскольку желал видеть в командовании Западным фронтом Исмета и Февзи.

Да, Али Фуад был старым другом, но Кемаль не мог не видеть того, что, как военный, он уступал «пришельцам».

И как тут не вспомнить Пушкина с его «не род, а ум поставлю в воеводы…»

Глава XV

Как считают многие аналитики, Октябрьский переворот в России уберег Турцию от исполнения договорённостей стран Антанты 1915 года о разделе Турции, передаче Проливов России.

Хотя вряд ли бы это случилось даже в том случае, если бы Россия не вышла из войны и осталась бы в числе победителей.

И я нисколько не сомневаюсь в том, что Запад нашел бы сотни причин и отговорок для того, чтобы лишить Россию принадлежащей ей доли.

Слишком уж большой вес на Востоке и в Средиземноморье приобретала Россия, обосновавшись на Босфоре.

И как тут не вспомнить слова Наполеона о том, что миром владеет тот, кто владеет Константинополем.

Времена, конечно, изменились, но в то время значение Проливов было еще велико для многих стран мира.

Но…

Было то, что было.

— Победа новой Турции над интервентами, — признавал сам Ататюрк, — была бы сопряжена с несравненно большими жертвами или даже совсем невозможна, если бы не поддержка России. Она помогла Турции и морально и материально…

«После того, как русская революция свергла прежний режим, — писал торговый комиссар США в Стамбуле Э. Г. Мирс, — ни на одну страну не повлияло это в такой степени, как на Турцию…

Мы являемся свидетелями сенсационного возрождения Турции…

Не будь коллапса царской России и взаимной вражды между союзниками и Советской Россией, кемалистское движение в любом виде оказалось бы не более, чем пустяшной игрой».

Но то же самое могла бы сказать и Москва в отношении возглавившего национальное движение Кемаля.

И не будь его, большевики вряд ли бы получили на своих южных границах все то, что получили.

Оккупация турецких территорий и их делёж происходили одновременно с продолжением Антантой широкой интервенции в Южную Россию, Крым и на Кавказ.

Штаб оккупантов в Стамбуле координировал свою охоту сразу «за двумя зайцами», если можно назвать зайцами российских коммунистов и турецких националистов.

Расположившееся в Стамбуле командование британских сил в Турции и на Чёрном море координировало действия Белого

движения в регионе.

Врангель, который сменил Деникина на посту главнокомандующего Вооруженных сил Юга России, чтобы занять этот пост, был доставлен из Стамбула в Севастополь всё теми же англичанами на борту их эсминца «Император Индии».

И споры турецких историков относительно того, когда на самом деле зародились турецко-советские отношения, сразу же по прибытии М. Кемаля в Анатолию в мае 1919 года или позже, когда анкарское руководство послало известную телеграмму В. И. Ленину в апреле 1920 года, по большому счету не имеют никакого знечения.

Главное было в том, что они зародились и развивались.

Большую роль сыграло и то, что в руководстве обеих сторон идея о готовности к сотрудничеству была воспринята и поиски способов её реализации в запутанной обстановке того времени продолжались.

Сложно сказать, верили ли на самом деле большевики в искренность Кемаля и возможность коммунистического завоевания Турции.

Вполне возможно, что куда больше они верили Ленину.

Ведь это именно он устроил тот самый Октябрьский переворот, который позже назовут революцией, в который не верил в большевистской партии никто!

Да и сам Ленин, надо полагать, был далек от наивных вопросов «верить — не верить».

Сказал же он однажды, что главное ввязаться в драку, а там…

Конечно, Кемаль прекрасно понимал, что, «прорубив окно» большевистскую Россию, он приобрел опасных друзей.

Он нисколько не сомневался в том, что в своем стремлении проводить свои бредовые идеи они постараются оказывать на них определенное давление.

И не ошибся…

Еще в конце июля турецкие конники и красноармейцы встретились на азербайджанской территории близ Нахичевани, и началось братание.

10 августа 1920 года Армения признала «временную оккупацию» Карабаха, Зангезура и Нахичевани Красной армией.

В ответ на приветствие русских турки ответили высокопарно:

— Красное солнце начинает подниматься в своем великолепии и величии, озаряя ручьи и покрытые туманом горы Анатолии!

О том, какие надежды большевики возлагали на Энвера, мы уже говорили.

Другим объектом большевиков стал Карабекир его с натянутыми отношениями с Анкарой из-за ее постоянного заигрывания с султанским правительством

Карабекир стоял против всяческих соглашений с Союзниками, о которых уже начинали поговаривать в Анкаре в случае провала Московской конференции.

По его твердому убеждению, Россия являла собою «бездонный человеческий резервуар» и бороться с нею было бессмысленно.

— Будет величайшим несчастьем для Турции и безусловно невыгодным для России, заявил он в беседах с представителем, — если они не поймут друг друга…

Тот все понял, как надо, и настоятельно просил удовлетворить просьбу генерала и выделить ему 30 тысяч пудов мазута, 10 тысяч пудов керосина, 5 тысяч пудов бензина и подарить… один классный вагон!

Положение Кемаля осложнялось еще и тем, что к этому времени в Турции появилось достаточно симпатизировавших Советской России людей.

И на то были свои причины.

Из всех воевавших с Османской империей стран только она отказалась от всех притязаний царской России и обнародовала тайные документы о разделе Турции Западом.

Сыграл свою роль и лозунг о самоопределении наций.

Он так и остался лозунгом, но многие кавказчкие народы повелись на него.

А когда прозрели, то было уже поздно.

Так и не сумев раздуть пожар мировой революции на Западе, большевики делали все возможное для распространения своего влияния на Востоке, а посему нехватки в коммунистической пропаганде в Анкаре не было.

Особенно она усилилась после согласия Москвы на установление дипломатических отношений и оказание необходимой туркам воленной и экномической помощи.

Именно тогда родилась мода на красный цвет, и первыми здесь оказались военные.

Судя по звездам, красным бантам на шапках и галстукам красного цвета, можно было подумать, что националисты сами стали большевиками.

И трижды был прав английский тюрколог Манго, когда писал о том, что большевики оказались опасными друзьями для М. Кемаля, а получение московского золота и оружия поощрило «появление сочувствующих коммунизму в дезорганизованных рядах турецких националистов».

— Есть ли у нас какая-либо другая надежда, кроме России? — вопрошал один из пробольшевистски настроенных депутатов и сам же отвечал? — Нет!

Положение и на самом деле казалось катастрофическим.

Временное перемирие с Францией, было нарушено из-за событий, связанных с эксплуатацией шахт Зонгулдака, принадлежащих французской компании.

В Киликии снова шла война.

За два дня несколько тысяч турок бежали из Аданы, а осада города Антеп, где турки героически сопротивлялись французским войскам, затянулась на месяцы.

Короткий, но яростный мятеж консерваторов в Конье напомнил о том, что сторонники османского правительства хотя и потеряли всякую надежду на победу, но могут еще причинять вред.

Неспокойно было на границах с Арменией, а греческие войска снова перешли в наступление.

Оставались только лояльно настроенные по отношению к Анкаре итальянцы и большевики.

И далеко не случайно один из командиров карабекировского корпуса заявил на встрече с секретариатом Полномочного представительства РСФСР:

— Мы только немножко красные, но мы хотим быть красными!

Но самым печальным во всей этой истории для Кемаля было то, что таких желавших «покраснеть» было достаточно, и некоторые из них уже открыто высказывались за принятие коммунистических идей.

— Нам совершенно непонятно, чего мы ждем? — вопрошал видный националист Дамар из Аданы. — И почему бы нам не провозгласить коммунизм и не вдохнуть в наш народ новые идеи и энтузиазм? Ведь у нас нет ни собственности, ни богатства!

Опасавшийся подобных настроений Кемаль говорил на закрытых заседаниях меджлиса:

— Намерение большевиков дружить с Турцией есть не что иное, как всего только лозунг, с помощью которого они собираются произвести впечатление на Запад и исламский мир! Но в то же самое время они сделают все возможное, чтобы как можно сильнее привязать к себе Турцию! И по сути дела, и у англичан, и у большевиков одна задача: так или иначе, завоевать Турцию. Только первые стараются сделать это с помощью оружия, а вторые — с помощью идей…

Но все было напрасно, и очень скоро дело дошло до того, что

красный цвет стал самым модным, и многие прикалывали к своим шапкам красные банты и щеголяли в красных галстуках.

Особенно подверженными влиянию большевиков оказались черкесы.

Обещание Ленина дать свободу всем национальностям царской империи произвело на них впечатление, и самым горячим его сторонником стал их лидер Этхем.

По его собственным уверениям, он был одним из тех, кому Москва доверяла больше других.

Оно и понятно!

Ведь за ним стояли прекрасно вооруженные отряды, и с его помощью Москва очень надеялась оказывать известное давление на Кемаля.

В своем желании покраснеть не отставала от Этхема и «Зеленая армия», чья программа представляла собою ядовитую смесь из воинствующего ислама и социализма.

Он же финансировал в Эскишехире пробольшевистскую газету «Новый мир».

Однако сам Кемаль не спешил перекрашиваться.

— Когда мы принимали решение освободить Турцию и нацию от оккупации держав Антанты и завоевать независимость, — говорил он в меджелисе, — мы исходили из собственных соображений и опирались на собственные силы. Мы ни у кого не брали уроков и взялись за дело отнюдь не потому, что поддались чьим-то обманчивым обещаниям. Наша точка зрения и наши принципы общеизвестны, и это не большевистские принципы. Наши друзья считают, что нам следует стать большевиками. Но у нас свои традиции и свои принципы, которых мы придерживаемся. Мы поддерживаем связь с большевистской Россией. Да, большевики оказали нам материальную и моральную помощь. Но мы не нуждаемся ни в чьих поучениях. До сегодняшнего дня мы не думали, и тем более не предпринимали ничего, чтобы применить большевистские принципы к нашей нации…

Интересны слова Кемля «до сегодняшнего дня»…

Что это?

Обещание применять большевистские принципы, или очередной блеф?

Да и как их использовать?

— У большевиков свои идеи, — предельно откровенно говорил Кемаль. — Я не знаю их точно. Мы считаем, что справедливо использовать любую поддержку при условии невмешательства в наши дела…

Да и блефовать Кемалю было сложно, поскольку по

сравнению с турками, которые нуждались во всем, у большевиков появились запасы оружия, брошенного армиями Деникина и Врангеля.

Саму же советскую идею он оценивал так:

— Объединить различные нации под одним общим названием, предоставить этим различным группам национальностей одни и те же права, подчинить их одним и тем же условиям существования и создать таким образом могущественное государство, — это блестящая и привлекательная политическая идея. Но она обманчива…

И, добавили бы мы, неосуществима…

Тем не менее, он продолжал играть роль человека, сочувствующего идеям марксизма.

«В тот день, — писал он в одном из своих посланий в Москву, — когда сознание преступности колониальной политики проникнет в сердца трудящихся масс мира, власть буржуазии кончится…»

И доигрался….

Настал день, и Москва весьма прозрачно намекнула на то, что поставка туркам золота, пушек, пулеметов и винтовок может быть увеличена после создания в Турции коммунистической партии.

По ее глубочайшему убеждению, создание компартии вело к дальнейшему сближению с Советской Россией и позволило оказать неоценимую помощь анкарскому правительству в деле «просвещения народных масс».

Кемаль не очень удивился, он уже давно ожидал такого преддожения своих «товарищей» из Москвы.

«Наши товарищи, — писал по этому поводу Кемаль Али Фуаду, — только что создали „Народную группу“ в Национальном собрании.

Нам не хотелось бы иметь политические группы вне правительства.

Создание коммунистической партии в стране абсолютно противоречит нашим интересам.

Это повлечет полное подчинение России. Образование подпольной компартии должно стать невозможным.

Пока ситуация на Западе и Востоке остается неопределенной, следует остерегаться революций; как я написал товарищу Мустафе Субхи, ничего нельзя предпринимать без согласия правительства.

Конечно, мы не будем открыто выступать против коммунизма и большевизма…»

«Мы, — вторил ему официоз националистов „Национальный уверенитет“, — могли бы грубо заблуждаться в революционных принципах, если бы попытались применить в Турции методы России.

Большевистская революция не является образцом для всех коммунистических движений…

Слепая имитация плоха в любом случае, но особенно когда это касается революции».

Прекрасно понимая, что в покое его с подобными просьбами не оставят, Кемаль пошел навстречу большевикам.

«Решили, — писал он по этому поводу Али Фуаду, — что наиболее разумным и простым шагом было позволить создать турецкую компартию внутри страны с помощью надежных друзей».

Сказано — сделано!

Нади, Бехиш и некоторые другие «сомневающиеся» оказались окружены такими видными «коммунистами», как Исмет, Джеляль, Фуад, Рефет и, по некоторым сведениям, сам Кемаль!

А что ему еще оставалось?

Экономическая и военная помощь стоила еще одной политической интриги, и по его прямому указанию министерство внутренних дел зарегистрировало Турецкую коммунистическую партию, в которую вошли такие видные «коммунисты», как Исмет, Февзи, Али Фуад, Рефет и другие наиболее близкие к Кемалю люди.

В состав новой партии вошла «Зеленая армия», и Кемаль сразу попросил «товарища по партии» Этхема перевести «Новый мир» в Анкару.

Редакция отправилась по указанному ей адресу, а месяц спустя ее главный редактор был арестован и отправлен в ссылку.

В Москве в искренность Кемаля не поверили.

«Зная, что рано или поздно ему придется выдерживать борьбу с Турецкой коммунистической партией, — докладывали в столицу работавшие в Анкаре дипломаты, — и, желая сразу же приручить ее и из нарастающего стройного движения устроить путаницу, Мустафа Кемаль пустился на провокацию.

По своей старой практике борьбы провокационными методами с народниками и другими социалистическими течениями, он поручил своим ближайшим друзьям, нарастающей турецкой буржуазии и бюрократии состряпать вторую партию для поддержки правительства и борьбы с левыми течениями на платформе Третьего коммунистического интернационала.

Вот из каких слоев состоят эти, с позволения сказать,

революционеры по характеристике турецких товарищей-коммунистов: Мустафа Кемаль-паша, как известно всем и каждому, колеблющийся политик и эгоист…

Аюп Сабри, торговец строевым лесом…

Хаккы Бехид, бывший министр внутренних дел, торговец и спекулянт строевым лесом…

Друг Кемаля, Хаджи Шюкрю, известный своей лживостью и беспутством…»

Что было делать в такой ситуации московским товарищам «коммунистов» Исмета и Февзи?

Только одно: благословить на поездку в Турцию лидера «истинной» Турецкой коммунистической партии Мустафы Супхи.

Мы уже рассказывали о том, что еще в 1914 году Субхи бежал в Россию.

В начале мировой войны его арестовали и отправили в ссылку на Урал.

Там в 1915 году он вступил в большевисткую партию и вел пропагандистскую работу среди турецких пленных.

После Октябрьского переворота Субхи работал в партийных организациях Москвы, Казани, Крыма и Ташкента.

Во время гражданской войны Субхи воевал комиссаром турецкой роты Красной Армии и участвовал в I-ом Конгрессе III Интернационала как делегат от Турции.

В мае 1920 года он переехал в Баку для организации пересылки марксистской литературы в Турцию.

10 сентября 1920 года на Первом общем съезде турецких коммунистов коммунистические группы Турции объединились и основали Коммунистическую партию Турции.

Мустафа Субхи был избран её председателем, а Этхем Нежат — генеральным секретарем.

После съезда Мустафа Субхи и его товарищи отправились в Анатолию, чтобы подготовить почву и условия для революции в Турции.

Но…

В ночь на 29 января 1921 года Мустафа Субхи, его жена и 12 ближайших соратников утонули в море вблизи Трабзона.

Виновников этого убийства, если это было убийство, не нашли.

Хотя…

Кому это выгодно?

Именно с этого вопроса римляне начинали расследования.

И не надо было обладать семью пядами во лбу, чтобы понять, кому было выгодно исчезновение Субхи.

Если он на самом деле не утонул.

А если утонул, то куда делся экипаж перевозившого их судна?

Тем не менее…

Одни предполагали, что это сделали жандармы, другие, что лодочники, подкупленные юнионистами.

Существует версия и о том, что Субхи и его товарищи были зарезаны капитаном и командой перевозившего их судна, и их убийство вошло в историю под названием «Бойня пятнадцати».

Почему тогда не допросили капитана, а стали гадать на кофейной гуще?

Поговаривали и о том, что эту акцию провели бывшие сотрудники «Особой организации» из правого крыла «Единения и прогресса».

Одним словом, если звезды зажигаются, то это кому-то очень надо…

Имел ли отношение к убийству Супхи и его товарищей Кемаль?

На этот вопрос не ответит никто.

И хотя сам Кемаль всегда стремился избавляться от мешавших ему людей без крови, в его распоряжении всегда имелись люди, готовые исполнить любой его приказ.

— Мы, — скажет он в 1923 году журналистам о преследовании в стране коммунистов, — арестовали несколько человек, применив пусть и строгие, но вполне законные меры, что, конечно, не понравилось русским!

Большевистский отряд не заметил (или сделал вид, что не заметил) потери бойца, и смерть одного из наиболее выдающихся соратников большевиков в Турции не испортила их теплых отношений с Кемалем.

Москва продолжала хранить молчание, как она хранила его, когда за несколько дней до гибели Субхи Кемаль нанес удар по анатолийским коммунистам и арестовал их лидеров.

Более того, большевики больше даже не заикались о создании коммунистической партии в Турции.

Молчали и кемалисты, делая вид, что Субхи стал жертвой несчастного случая.

На этом все разговоры о коммунизме в Турции были похороненны раз и навсегда.

Иначе и быть не могло.

— Новая Турция, — говорил Кемаль, — народ новой Турции, не имеет никаких оснований думать о чем-либо другом, как только о собственном существовании, собственном благополучии. Турция не может ничего дать другим…

Сильное государство было нужно Кемалю для того, чтобы сделать достойной жизнь турок.

Большевики не оставили своих бредовых планов о завоевании всего мира, и мощное государство им было нужно, прежде всего, именно для этой цели.

И слова Сталина о том, что «жить стало лучше, жить стало веселей» выглядели циничной насмешкой над забитым и запуганным им народом.

Именно поэтому примерить непримиримое было возможно только в тех экстремальных для обеих сторон условиях, при которых они и пошли на брак по расчету

Впрочем, история любит повторения, и как только лидер современной Турции Эрдоган оказался в немилости у западных стран, он мгновенно протянул руку Москве.

Иными словами, снова брак по расчету…

Что лучше, по расчету или по любви?

Как показывает жизнь, лучше все же по расчету, по той простой причине, что и любовь рано или поздно уходит…

И все же свою главную задачу Кемаль видел не в борьбе с коммунистами и дезертирами, а в наведении дисциплины среди партизанских отрядов.

Наиболее напряженные отношения сложились у Кемаля с лидером черкесов Этхемом, его братом Тевфиком и некоторыми другими «вольными стрелками».

Отношения Кемаля с «вольными стрелками» продолжали ухудшаться, и когда один из них, Демирджи Эфе, отказался войти со своими отрядами в регулярную армию, он был сразу же арестован.

А вот с черкесами все было куда сложнее.

В отличие от Эфе Этхем был куда более значимой фигурой и имел немало сторонников в меджлисе, где заседал его брат Решит.

В сложившейся ситуации, когда националисты оказались в железных клещах, мобильные силы, как теперь называются отряды черкеса, обладают достаточными преимуществами, чтобы заставить Кемаля и Исмета подавить гнев.

С первых же дней появления Кемаля в Анатолии между ними и Анкарой существовало недоверие, перешедшее во враждебность.

Да и как иначе, если строгий и организованный Исмет повторял при каждом удобном случае:

— Воевать должна регулярная армия, нет никаких иных решений на будущее. Мы обязаны иметь регулярную армию!

Слушая полковника, братья только пожимали плечами.

Они блестяще проявили себя на полях сражений, он завоевали авторитет и не собирались уступать свою власть.

Когда уставший что-то объяснять Исмет приказал в конце ноября ограничить военные действия, один из братьев Этхема, Тевфик, ответил ему в телеграмме: «Глупые и невозможные для исполнения приказы».

Привыкнув к безнаказанности, он превратился в самого настоящего средневекового барона и распоряжался Кютахьей и близлежащими районами по своему усмотрению.

Не намеренный терпеть самоуправство Кемаль решил положить конец своеволию и беспорядкам на Западном фронте.

Он вызвал к себе Тевфика.

В ответ Тевфик цинично заявил, что если он и приедет в Анкару, то только для того, чтобы повесить всех тех, кто осмеливается приказывать ему.

С трудом сдержавший себя Кемаль повторил приглашение.

Тевфик приехал в сопровождении целого отряда вооруженной до зубов охраны, готовой по первому же знаку своего вожака броситься на его защиту.

Разговаривали они недолго.

Да и о чем было говорить, если Тевфик заявил о своей исключительности и нежелании выполнять чьи бы то ни было приказы.

Затем как бы невзначай взглянул в окно, за которым разгуливали его обвешанные с ног до головы оружием головорезы.

А когда ему показалось, что Кемаль готов броситься на него, он не выдержал напряжения и молниеносным движением выхватил пистолет.

Дабы разрядить обстановку и не получить шальную пулю, Кемаль в последний раз предложил ему обсудить все вопросы.

Тевфик отказался и покинул комнату.

Исмет недоуменно воскликнул:

— Кто же руководит страной, мы или все эти вооруженные до зубов и смотрящие на всех сверху вниз люди?

Кемаль спокойно ответил:

— Конечно мы! Потому что у нас есть голова на плечах!

И дело было не только в голове.

Кемаль прекрасно понимал, что «дисциплина является первоосновой всякого развития и укрепления армии».

Да и как можно было воевать с людьми, которые в любой момент могли не выполнить приказ?

Тем не менее, он еще раз встретился с Этхемом и предложил

ему стать военным атташе в Москве.

Черкес отказался.

Окончательный разрыв произошел в начале декабря на вокзале Эскишехира, куда Кемаль вызвал Этхема якобы на переговоры.

Прибыв туда из Анкары вместе Исметом, Решитом, братом Этхема и депутатом Национального собрания, и еще несколькими важными персонами, Кемаль спросил:

— А где же Этхем?

— В настоящий момент, — ответил Решит, — он со своими отрядами…

Этхем, предчувствуя ловушку, не поехал на встречу.

Взбешенный Кемаль заявил:

— До сих пор мы встречались с вами как старые друзья, чтобы откровенно обсуждать наши проблемы. С этого момента наша дружба умерла. Перед вами председатель правительства и Великого национального собрания Турции!

Понимая, что время безнаказанности кончилось, Решат смущенно пожал плечами.

На закрытом заседании 29 и 30 декабря Кемаль обвинил Этхема и его братьев в неповиновении правительству и Национальному собранию.

Затем он сумел убедить депутатов в том, что сможет урегулировать вопрос без кровопролития.

Депутатаы согласились.

Что же касается «Зелёной армии», то Кемалю удалось добиться в конце двадцатого года её самороспуска.

Это в значительной степени облегчило анкарскому правительству задачу подчинения боевых партизанских групп и реорганизации их в регулярныечасти.

К началу 1921года в регулярной армии насчитывалось уже 90 тысяч человек.

И теперь Кемаль имел полное право сказать:

— Я сделал все возможное для воссоздания и укрепления нашей турецкой армии…

Глава XVI

6 января 1921 года греки предприняли новое наступление.

В тот же день не решившийся испытывать судьбу дальше Этхем подписал с греками соглашение о прекращении огня и перешел в их лагерь вместе с тремястами соратниками.

Окончательно он исчез 10 января.

В этот же день в окрестностях Эскишехира примерно пятнадцать тысяч греков столкнулись с восемью тысячами турок под командованием Исмета в местности под названием Инёню.

Турки одержали победу, которая была далеко не шедевром стратегии, но явилась глотком свежего воздуха, столь необходимого молодой регулярной армии.

«Важная победа националистов», ликовала газета «Исламские новости», и Анкара праздновала свою первую большую победу в течение нескольких дней.

Город утопал в турецких флагах, пели ходжи и гремели военные оркестры.

За Инёню Исмет получил звезды генерала и регулярную армию.

24 января 1921 года Кемаль приговорил Этхема к смертной казни.

Так бесславно завершилась эпопея Этхема.

И к великому сожалению тех романтиков, которые все еще желали видеть в нем предводителя народной борьбы, Кемаль покончил с партизанщиной и начал строительство новой армии.

Вряд ли ему было известно выражение Ленина о том, что всякая революция только тогда чего-нибудь стоит, когда может себя защищать.

Но в том, что это было действительно так, он не сомневался.

Этхем оставался в Анатолии до 1922 года.

Он позволит грекам использовать его былую славу и повсюду заявлял, что Кемаль «хотел продолжать войну, преследуя собственные амбиции, а он сам был не в состоянии сопротивляться ни минуты греческой контратаке».

Но это уже был глас вопиющего в пустыне…

Говоря откровенно, никакого ожесточенного сражения под Иненю не было.

Тем не менее, Кемаль выжал из своей первой победы все возможное и постарался убедить нацию в том, что она способна решать любые задачи.

И далеко не случайно сразу же после победы меджлис принял

новую конституцию в виде «Закона об основных организациях» и объявил единственным представителем нации Великое национальное собрание Турции.

Конституция закрепила частную собственность, неприкосновенность личности и капитала как священный закон новой Турции.

По настоянию Кемаля о султане в ней не было сказано ни слова, и он как бы само собою исключался из управления государством.

Избранный президентом собрания и главою правительства Кемаль, посадив в кресло премьер-министра анкарского правительства преданного ему Февзи, сделал очередной шаг к абсолютной власти.

Одним из первых актов новой власти стала отмена всех договоров, распоряжений и обязательств султанского правительства, подписанных им после 16 марта 1920 года.

И все же ни о каком политическом единстве пока не могло быть и речи.

В течение всего года после создания меджелиса, под маской единодушного патриотизма, Великое национальное собрание разваливалось из-за политического соперничества.

Кязым Карабекир был озабочен «опасностью эволюции султаната и халифата в республику».

Кемаль его успокоил:

— Султан останется, также как и халиф, во главе Турции. Что же касается вопроса о правах правителя в сравнении с правами народа в национальном государстве, то пока мы еще не приняли окончательного решения…

Однако его продолали критиковать за недопустимую «концентрацию власти в одних руках».

Дело кончилось тем, что религиозный деятель из Эрзурума создал «Общество по защите прав и святых мест».

Создание этого духовного общества, симпатизирующего султану, было встречено Кемалем с обеспокоенностью.

Его реакция была мгновенной, и уже через месяц Кемаль создал весной 1921 года «Общество по защите прав Анатолии и Румелии».

После того как анатолийские большевики и Этхем были выведены из игры Кемаль занялся установлением порядка.

В те праздничные для националистов дни украшенная флагами Анкара представляла собой яркий контраст со столицей.

Жизнь в Стамбуле ухудшалась с каждым днем, а прибытие в город ста пятидесяти тысяч русских, ставших жертвами

поражения Врангеля, сделала ее еще более тяжелой.

И теперь многие с сожалением вспоминали даже о времени, когда у власти были юнионисты.

Правительство теряло одну позицию за другной, и вместо Ферит-паши военные коменданты союзников в назначили великим визирем старого Тевфик-пашу.

Вслед за ним на политической сцене появился и старый знакомый Кемаля Иззет-паша, ставший военным министром

Робек и Дефранс уговорили его вместе с другним министром Салихом-пашой поехать к Кемалю и убедить его присоединиться к ним для борьбы с большевиками.

Они встретились с Кемалем Биледжике.

— Я, — холодно сказал он, — президент Великого национального собрания Турции и его правительства, — заявил он не ожидавшему ничего подобного генералу, — и мне хотелось бы знать, с кем я имею честь говорить?

Изумленные чиновники не знали, что отвечать.

Затем пришедший в себя Иззет заговорил о большевистской угрозе и необходимости установить мир со Стамбулом.

Кемаль оборвал его:

— Англичане вас обманывают. Вы наивны, и во всем, что вы мне сказали, я не нахожу никакого конкретного предложения. Что же касается правительства Стамбула, то оно для нас не существует!

Помолчав, он повернулся к хранившему молчание Салиху.

— А вы, паша, — произнес он, — ответственны за исчезновение османского парламента, так как мы поверили тому, что вы говорили нам в Амасье…

Униженные посланцы Стамбула молчали.

Да и о чем говорить, если их миссия провалилась, даже, по сути дела, не начавшись?

Тем не менее, они отправились в Анкару вместе с Кемалем, который хотел показать им реальную ситуацию.

И лучше бы этого не делали!

Буквально на следующий день агентство «Национальный суверенитет» выступило с убившим министров заявлением.

«Прибывшая делегация, — заявило оно, — состоит из патриотов, находившихся под давлением и тиранией англичан, не дававших им ступить на священную землю Анатолии.

Они использовали в качестве предлога переговоры с правительством Анкары и покинули Стамбул, чтобы сотрудничать с нами на благо и процветание нашей родины.

Они официально заявили, что присоединяются к анатолийскому движению».

Согласно официальному коммюнике Иззет добавил:

— Мы прибыли, чтобы защищать с нашим народом священную землю и сражаться с нашими общими врагами!

Конечно, это была ложь, и позже автор этого коммюнике, скажет, что Иззет и Салих «хотели вернуться в Стамбул».

Но тогда эта ложь сыграла.

Министры султанского правительства бежали из столицы и объединились с анатолийскими братьями.

Более того, эти «братья» присутствовали в меджелисе 20 января при голосовании за основной закон — конституцию.

Отныне у националистов есть своя конституция!

В течение шести месяцев Кемаль и его сторонники сражались против правых и левых экстремистов.

Первым Кемаль навязал принцип национального суверенитета и отсутствие какого-либо упоминания о султане-халифе.

Единственную уступку, сделанная им, касалась «религиозных убеждений» должны будут учитываться в работе парламентариев в той же степени, что и юридические принципы.

Кемаль был готов убрать султана, но еще не решался трогать халифа.

С левыми экстремистами Кемаль обошелся не лучше.

Он лично вмешался, чтобы исключить пропорциональное представительство, так как «оно увеличило бы число депутатов», что осложнило бы работу Национального собрания.

В самом деле, военные училища не специализировались в конституционном праве.

Итак, конституция, принятая Национальным собранием, всего через девять месяцев после его появления, свидетельствовала об известной зрелости режима националистов.

В те дни Кемаль устроил и свою личную жизнь, и в его доме появилась уже знакомая нам родственница его отчима. двадцатилетняя Фикрие.

Это была очень красивая девшука с огромными глазами и вьющимися волосами.

Сказать, что она любила Кемаля, значит, не сказать ничего.

Она была восточной женщиной в лучшем понимании этого выражения и посвятила свою, увы, недолгую жизнь, служению Кемалю…

В начале февраля начался очередной этап в переговорах с Москвой, куда на подписание договора отправилась делегация во главе с министром экномики Юсуфом Кемалем.

И начался он, надо заметить, вовремя.

25 января 1921 года Верховный совет Антанты пригласил на открывавшуюся 21 февраля в Лондоне конференцию делегации от законного султанского правительства и от анкарского Великого национального собрания Турции.

«Первый шаг сделан» — такими заголовками отреагировала на это событие пресса националистов, имея в виду признание Западом кемалистского правительства.

Что и подтвердил Кемаль в своем интервью 29 января уполномоченному Совета пропаганды и действия народов Востока Е. Эшбе.

— Турция, — говорил Кемаль, — играет большое значение в жизни народов Востока. Что же касается вашего вопроса о III Интернационале, то его идеи не могут не приветствоваться всяким искренним революционером. К сожалению, некоторые положения программы Интернационала не применимы в Турции. В Турции национальные чувства появились недавно, и поэтому они особенно сильны. Народ поставил своей целью защиту своей независимости в национальных границах. В случае претензий соседей хотя бы на пядь нашей земли будет взрыв народного негодования. Наши сношения с Совроссией в высшей степени искренни и естественны. Мы искренне желаем, чтобы этот союз был построен на таких началах, чтобы возможность разрыва была исключена. Через несколько дней в Москве состоится конференция наших делегатов, которая и закрепит этот прочный и неразрывный союз, сторонниками которого явились как мы, так и Москва. Эту идею мы стараемся привить народу. К сожалению, нас смущают некоторые политические шаги Москвы. Мы победили Армению. Теперь Москва, указывая, что Армения стала коммунистической, пытается препятствовать осуществлению договора. Но 21 февраля в Лондоне собирается конференция Антанты, на которой будет пересмотрен и смягчен Севрский договор. В вопросе о сношениях с союзниками нами достигнуто полное соглашение с Москвой…

Интересное интервью.

С одной стороны «полное соглашение» с Москвой, а с другой — взрыв негодования в случае, надо полагать, претензий на турецкую территорию советской Армении.

А если отбросить всю тайную суть этих иносказаний, то Кемаль предупреждал большевиков о нежелательных для них результатах переговоров в Лондоне в случае давления на него.

И, конечно, большевики очень опасались того, что Антанта с помощью ряда серьезных уступок может перетащить Турцию на свою сторону.

Особенно если учесть то, что Франция могла заинтересовать

кемалистов большими складами уже по сути дела ненужного ей в Киликии оружия.

18 февраля 1921 году турецкая делегация во главе с министром экномики Юсуфом Кемалем прибыла в Москву, а на следующий день новый посол Турции в Советской России Али Фуад вручил Чичерину верительную грамоту.

26 февраля 1921 года председатель советской делегации Г. В. Чичерин на пленарном заседании русско-турецкой конференции в Москве подчеркнул в своей речи значение дружественных отношений между Советской Россией и странами Востока.

— Дружба народов Востока, — говорил он, — является для нас основным условием нашей международной жизни и точно так же дружба с нами должна быть положена Турцией в основу ее политического положения. Эта дружба должна найти свое выражение в формальном и окончательном договоре, объединяющем наши народы…

В ответной речи Юсуф Кемаль признал общность интересов Турции и Советской России и необходимость сотрудничества между ними.

— Перед представителями новой России, — заявил он, — говорю со всей присущей турку искренностью: верьте в нас…

Большевики слушали, но не верили.

А все дело было в Бекире Сами, возглавлявшим турецкую делегацию на открывшейся 21 февраля в конференции по пересмотру Севрского договора в Лондоне.

В Лондоне Беки Сами вел тайные переговоры с Францией и Италией, закончившиеся подписанием франко-турецкого итало-турецкого согнлашений.

Но больше всего, большевиков возмутили секретные переговоры Бекира Сами с Ллойд-Джорджем, который заявил о готовности Англии передать под протекторат Турции все Закавказье, включая и бакинские нефтяные промыслы.

И, если верить некоторым источникам, Бекир Сами согласился и предлагал Ллойд-Джорджу включить Турцию в антисоветский фронт.

Премьер рассчитывал посредством такого предложения сорвать турецко-советские переговоры, натравить Турцию на Россию, Армению, Грузию, Азербайджан и лишить ее советской помощи.

Сведения об этих секретных беседах просочились в печать, и Г. В. Чичерин был весьма категоричен на начавшихся переговорах с турками.

— Я позволю себе спросить, — сказал он, — кого представляет Бекир Сами-бей, Константинополь, или Ангору? И в этом последнем случае, не имеет ли место изменение ориентации, о чем, — если это так, — Турция заранее должна была уведомить нас в соответствии с нашими прошлогодними решениями…

Турецкая делегация, действуя по инструкции из Анкары, отвечала, что там понимают провокационный характер английских маневров.

Делегация заверяла в искренности стремлений кемалистского правительства заключить договор с Советской Россией.

Глава XVII

Несмотря на все трения и проволочки, 16 марта 1921 года произошло то, чего так боялись на Западе, и Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией был подписан.

Каждая сторона обязывалась в принципе «не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою другая из договаривающихся сторон».

Советское правительство соглашалось «не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием».

Советское правительство аннулировало навязанные Турции царским правительством долги, отказалось от режима капитуляций и отменило все старые договоры с царской Россией.

Были урегулированы и все пограничные вопросы.

Что касается неофициальной части договора, то в ней говорилось о том, что Советская Россия согласилась предоставить Турции 10 млн. золотых рублей.

Речь шла не только о помощи в золоте, турецкие авторы называют и оборудование мастерских по производству оружия, шорную и ткацкую.

Но что особенно важно, Москва помогала оружием и боеприпасами.

Их складирование осуществлялось в портах Новороссийска и Туапсе, а центром отправки этих грузов в Анатолию был выбран порт Туапсе, куда был направлен турецкий представитель с консульскими полномочиями.

Затем представители Анкары появились в Батуми и Новороссийске.

Не прекращалась отправка в Турцию с различными оказиями денежной части.

Но даже после подписания договора не все шло так гладко, как того хотелось бы Москве.

Карабекир настолько медленно выводил свои войска с армянской территории, что Москва даже начала обвинять его в «двурушничестве».

Вот почему «Новый день» Нади, одновременно справедливо и нет, написал: «Конференция в Лондоне не только не урегулировала восточный вопрос, а еще более его запутала».

Действительно, конференция и договор с Москвой «запутали» восточный вопрос, но этот туман был на пользу Кемалю.

И все же самым главным достижением Кемаля было его превращение теперь уже для всего мира в знаковую политическую фигуру на Ближнем Востоке.

В те же дни в Москве велись турецко-афганские переговоры, приведшие к подписанию договора.

Договор оформил союзные отношения двух восточных государств, отстаивавших свою национальную независимость.

Он содержал признание Турцией полной независимости Афганистана, обязательства о взаимной помощи в случае нападения на одну из сторон какого-либо империалистического государства, предусматривал оказание Турцией помощи Афганистану в обучении национальных кадров, обмен посольствами.

Срок действия договора не оговорен.

Этот год вообще стал знаменательным с точки зрения развития международных отношений.

— В течение 1921 года, — отмечал сам Кемаль, — были завязаны официальные и неофициальные отношения с различными державами. В частности, благоприятно развивались русско-турецкие отношения. Что касается отношений с другими державами, то помимо Франции мы вступили в сношения с итальянцами и англичанами…

Результатом «дружбы» Анкары с Москвой стала очередная совместная операция по «советизации» Грузии.

Как известно, большевики намеревались завоевать Грузию сразу же после оккупации Азербайджана.

Однако после того, как большевистское восстание в Грузии было подавлено и осложнилось положение на польском фронте, советские войска были отведены от границ Грузии.

Мир с Грузией был также необходим большевикам для того, чтобы наладить отношения с Англией и прорвать международную изоляцию Советской России.

В связи со всем этим 7 мая 1920 в Москве был заключен мирный договор между РСФСР и Грузинской демократической республикой.

По его условиям Советская Россия признавала независимость Грузии и обещала не вмешиваться в её внутренние дела, а Грузия, в частности, легализовала положение коммунистической партии.

Стороны обменялись дипломатическими представителями.

Советским полпредом в Грузии стал С. М. Киров.

Вместе с Орджоникидзе он вел кампанию за «советизацию» Грузии.

«Положение в самой Грузии таково, — писал Ленину и

Сталину Орджоникидзе, — что без особого труда мы с ней покончим: восстания в Борчалинском уезде, Абхазии, Аджарии, Душетском уезде будут проведены. Еще раз довожу это до вашего сведения и прошу указаний».

6 февраля была создана группа войск Тифлисского направления под командованием М. Д. Великанова.

Ленин был против вооруженного вмешательства и надеялся договориться с грузинами мирным путем.

И тогда Киров и Орджоникидзе пошли на самый обыкновенный обман.

12 февраля Орджоникидзе сообщил в Москву, что минувшей ночью в Борчалинском и Ахалкалакском уездах Грузии местные коммунисты подняли восстание и с помощью 11 армии заняли Гори, Душети и весь Борчалинский уезд.

И Ленину не осталось ничего другого, как 15 февраля Ленин отдать распоряжение штабу Кавказского фронта:

«Мы, — говорилось в нем, — ожидаем энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед занятием Тифлиса».

16 февраля 1921 Ревком Грузии во главе с председателем Ф. Махарадзе провозгласил «Грузинскую советскую республику» и обратился с просьбой о военной помощи к правительству РСФСР.

В тот же день советские войска перешли южную границу Грузии.

Теперь на сцене должны были появиться злодеи-турки, как это уже было в Азербайджане и Армении.

И они появились в лице Кязыма Карабекира и его армии, дислцированной в Западной Армении.

23 февраля он объявил Грузии ультиматум, потребовав оставить города Ардахан и Артвин.

Оказавшись под огнём с двух сторон, грузинское правительство было вынуждено уступить, и турки вошли в Грузию, заняв приграничные районы и оказавшись вблизи остававшегося в руках грузин Батуми, к которому приближалась 18-я кавалерийская дивизия Красной Армии.

25 февраля 11-я Красная Армия провела военный парад в Тбилиси.

Создалась возможность военного столкновения.

В надежде использовать это обстоятельство грузины 7 марта достигли устного соглашения с Карабекиром, по которому турецкие войска могли войти в город, сохранив контроль над гражданской администрацией за грузинскими властями.

8 марта турки под командованием Кязым-бея заняли оборонительные позиции вокруг города, что привело к кризису в их отношениях с Советской Россией.

Нарком иностранных дел Чичерин передал турецкому представителю в Москве ноту протеста.

Тот ответил двумя нотами, в которых говорилось, что турецкая армия лишь обеспечивает безопасность местного мусульманского населения, которой угрожает советская военная операция.

8 марта грузинский ревком предложил грузинскими меньшевиками создать коалиционное правительство, однако социал-демократы отказались.

Но когда 16 марта турецкие власти заявили об аннексии Батуми, грузинское руководство было вынуждено сделать выбор.

Надежд на Запад у них не было по той причине, что 16 марта между Великобританией и РСФСР было подписано торговое соглашение, по которому британцы обещали воздерживаться от любой антисоветской деятельности на всей территории бывшей Российской империи.

Грузинские лидеры предпочитали турецкой оккупации власть большевиков, и чтобы предотвратить окончательную утрату Грузией Батуми, пошли на переговоры с ревкомом.

В тот же день в Москве был подписан договор о дружбе между Советской Россией и Великим национальным собранием Турции, во главе которого стоял Кемаль Ататюрк.

По этому договору Ардахан и Артвин переходили к туркам.

В отношении Батумского района Турция «повела себя реалистично», отказавшись от него в пользу Грузии.

Надо полагать, что это решение было принято Кемалем, который решил, что оружие стоит Батуми, заранее.

Так, еще 3 января 1921 года исполнявший обязанности народного комиссара иностранных дел Турции А. Мухтар заявил депутатам ВНСТ:

— Порт Батум имеет особое положение. Батум является единственным окном, через которое могут дышать кавказские республики и живущий там миллион людей различных национальностей. Поэтому я считаю возможным проявить самоотверженность и «поступиться национальными интересами…»

При этом он забыл добавить, что Батум был не только окном для свободного дыхания, но самым удобным местом для доставки оружия и военных грузов из России.

За всеми этими заявлениями четко просматривается безотказно действоваший в Закавказье и других регионах страны план большевиков по их захвату.

Востание Ревкома — просьбы народных масс спасти их — удивительно совевременно появлявшиеся в нужном месте в

Закавказье злодеи-турки (в Киеве — сичевики) — появление спасительницы Красной армии — предложение из двух зол выбирать меньшее и, наконец, советизация.

Большевики получали республики, а злодеи турки вместе с большевистским золотом и оружием — спорные территории завоеванных с их помощью заквказских республик.

А для того, чтобы глупцы из Закавказских республик верили в искренность Москвы, она вручала якобы ноты протеста турецкому представителю в Москве.

Надарив Турции закавказских территорий, после Второй мировой войны большевики «опомнились» и предъявили Турции территориальные претензии относительно армянских и грузинских территорий, отошедших к ней в 1921 году.

Увидев, что на этот раз им ничего не светит, они отказались от этих претензий.

Таким образом, в марте 1921 года из четырех заинтересованных в переделе Закавказье сторон две получили то, что хотели.

Москва обрела в сферу своих интересов три республики, спокойствие на южных границах, «друга» Кемаля и мечту о Турецкой советской республики с дальнейшим продвижением своих идей на Восток.

Как отмечал Л. Троцкий, «многообещающее сближение мусульманских и немусульманских народов, скованных общими цепями великобританского и вообще чужеземного владычества, превращает растущую армию колониального восстания в могущественный резерв мирового пролетариата».

И в Москве прекрасно понимали, что никто лучше Турции не подходил под роль «моста» между Россией и Востоком.

Анкара добилась развала грозившей ей изоляцией «китайской стены», получила Карс, Ардаган и некоторые грузинские территории.

И, главное, тот самый коридор, по которому теперь совершенно беспрепятственно была возможна поставка оружия и боеприпасов.

Кемаль гроссмейстерски просчитал возможность оказания помощи туркам по сопротивлению западным странам со стороны России.

Величие Ататюрка в том и состоит, что за счет своего таланта стратега и тактика он прекрасно играл на противоречиях мировых держав, нередко предпринимая единственно возможные ходы.

Проигравшими оказались лишившиеся независимости закавказские республики и, в известной степени, западные государства.

Буржуазная, а главное, независимая Армения была обречена.

Как напишет позже бывший премьер-министр этой республики Александр Хатисян, союзники «ушли так же, как и пришли, позволив нам пасть в наиболее сложный момент».

Что же касается Ленина…

По большому счету он мало чем отличался от Ататюрка.

Тот строил национальное государство, а Ленин пытался заложить основы советской империи.

И если мы начнем рассуждать, был ли он прав, завоевывая бывшие российские территории, то неизбежно зайдем в тупик.

Судите сами.

Да, Ленин обрек народ Азербайджана на рабское существование, но, если бы он не взял Баку в двадцатом году, то, что бы делал Советский Союз в сорок первом?

Ведь бакинская нефть покрывала почти восемьдесят процентов всех нефтепродуктов, производящихся в СССР.

Поэтому Гитлер так и рвался в Закавказье, поскольку именно на нефтяных промыслах Баку решалась судьба войны.

Конечно, никто не задумывался в двадцатом году о том, что произойдет двадцать лет спустя.

Как никто из большевиков не задумывался о том, что, создавая новую советскую империю, они, по образному сравнению одного из меньшевиков, закладывали мину страшного разрушительного действия, которая сработала в 1991 году.

Но все дело в том, что любой политик на месте Ленина повел бы себя точно также, какой бы ориенатции он не придерживался.

Да, мы можем критиковать Ленина, провзгласившего на бумаге право любого народа на самоопределение и очень быстро забывшего об этом самом праве.

Поскольку нефть, отсутствие которой с 1918 года сразу же сказалось на советской экономике и состоянии армии, была дороже любых обещаний.

Да и чего они по большому счету стоят, эти обещания политиков.

Да еще на таких крутых поворотах Историии.

Но в то же самое время мы должны быть трижды благодарны тому же Ленину за то, что он завоевал Баку, без нефти которого вряд ли была возможна победа в Великой Отечественной войне.

Но, если бы не было Баку, могут возразить некоторые читатели, большевики разработали бы другие месторождения,

благо, что их в нашей огромной стране хватало.

Возможно, это и так, но никакой гарантии, что так бы оно и было, дать не может никто.

Все это я говорю к тому, что не все при тщательном анализе выглядит так однозначно, каким оно кажется на первый взгляд.

Почему Запад столь безучастно наблюдал за советизацией закавказских республик?

Неужели ему был не нужен столь важный с точки зрения экономики и геополитики регион?

Вернее всего, их пассивность объяснялась тем, что к этому времени под контроль англичан перешла Палестина и ближневосточные нефтеносные районы, а Франция получила другие арабские зоны.

Сыграло свою роль и то, что воевать не хотелось ни Франции, ни Англии.

Как мы помним, Франция в силу экономических причин вообще не желала раздела Турции, а Англия привыкла загребать жар чужими руками.

Что же касается Америки, то она не только не хотела воевать, но и вкладывать огромные деньги в столь нестабильный и проблемный регион.

Именно поэтому она отказалась от мандата на Америку.

Потом будет множество спекуляций на тему като кого и как предал в Закавказьюе.

Но никакого предательства не было.

Была обычная политическая игра, в которой были выигравшие и проигравшие.

Хотя…

«Конечно, — писал о циничной ленинской лживости профессор С. Г. Пушкарев, — политика — это профессия, в которой трудно сохранять моральную чистоту.

Многие политические деятели давали обещания, которых потом не исполняли, или прямо обманывали народ, но не было такого разностороннего и искусного мастера политического обмана, каким был Ленин.

Все лозунги, провозглашенные им в 1917 году, все его обещания по основным вопросам внутренней и внешней политики представляли собой преднамеренный обман — в полном согласии с его моралью».

И как тут не вспомнить декрет «О турецкой Армении», в котором Совет Народных Комиссаров поддерживал «право армян оккупированной Россией „Турецкой Армении“ на свободное самоопределение, вплоть до полной независимости…»

Но чем в таком случае были лучше Америка и Англия, натравившие заведомо слабую Армению на Труцию и бросившие ее в самую тяжелую минуту?

Так что все складывалось так, как складывалось.

В пользу Кемаля…

Что же касается Лондонской конференции, то 9 марта Бекир Сами достиг с французской стороной договорённости о прекращении боевых действий и эвакуации французских войск из южной Турции за пределы линии фронта, имевшей место на момент перемирия в 1918 году.

Взамен французы получали экономические привилегии в южной и восточной Турции.

Однако Мустафа Кемаль не стал выносить этот договор на ратификацию Собранием, решив дождаться более выгодной ситуации на фронтах.

Ознакомившись с отчетом министра иностранных дел, парламентарии посчитали, что заключенные им соглашения с Францией и Италией предусматривали значительные преимущества для иностранного капитала и создавали угрозу экономической и политической независимости Турции.

После чего обвинили Бекира Сами в предательстве.

Сами был отправлен в отставку и предстал перед судом Трибунала независимости.

Однако редко кого прощавший Кемаль пощадил его.

— Да, — говорил он судьям, — Бекир Сами повел себя не должным образом, но он столько сделал для нации, что заслуживает снисхождения…

Более того, очень скоро Кемаль отправил бывшего премьера в неофициальную миссию для переговоров с Римом и Парижем.

Что не может не наводить на определенные размышления по поводу того, какие Бекир Сами на самом деле имел указания от Кемаля…

Подписав договор с Москвой, Кемаль продолжил строительство армии.

К этому времени он окончательно укротил всех строптивых и приказал провести чистку партизанских отрядов и включить их в состав регулярной армии.

Наиболее анархически настроенные попытались качать права, но Исмет очень быстро привел их в чувство, частично истребив, частично включив в регулярную армию.

Время от времени Кемаль вступал в схватки с депутатами.

Иногда он терпеливо объяснял, что и зачем, но чаще всего

срывался.

И после очередной битвы с ничего не понимавшими в военном деле депутатами с горечью заметил:

— Демократия — вещь хорошая, но только до известных пределов. И как все эти люди не могут понять, что я и сам знаю, как надо делать. А они должны делать то, что я от них требую…

И хотя «все эти люди» то и дело обвиняли его в диктаторских замашках, понять его можно.

Наделенный талантами больше, чем все его окружение, вместе взятое, он то и дело становился заложником малосведущих в военном деле людей.

Мало того, что его критиковали, его, прошедшего ад мировой войны, начинали учить…

Весной 1921 года Кемпаль затеял большую игру, до конца понятную только ему.

На этот раз с наследником престола Абдулом-Меджидом, сыном султана Абдула-Азиза, кузена правящего султана.

Любитель поэзии и музыки, художник-любитель, принц был просвещенным человеком.

Он осуждал юнионистов и считал Энвера «посредственным политиком, проявляющим дерзость бандита».

— Мы, — признавал он, — все поддерживали этих молодых людей (юнионистов), которые казались нам искренними…

Не боялся он говорить и о слабости и ограниченности султана Решата, предшественника Вахидеддина.

В отличие от султана и его окружения, он открыто проявлял симпатии к движению националистов.

Более того, с весны 1919 года он пытался убедить султана отказаться рассматривать Кемаля как мятежника.

Отношения между Вахидеддином и Абдул-Меджидом накалились до предела.

За наследником следили турецкая и английская полиции.

В конце лета 1920 года в его жилищах был проведен обыск, а сам принц и его семья находились в течение тридцати восьми дней под наблюдением.

Почему?

Говорили, что Абдул-Меджид написал султану, требуя, чтобы тот отрекся от престола и «передал трон империи в более надежные руки в этот ответственный исторический момент».

Принц тайно принимал подполковника, прибывшего из Анатолии с тремя письмами; одно из них было подписано Мустафой Кемалем.

Отвечал ли Кемаль Абдул-Меджиду, или сам написал принцу, не знает никто.

Если верить окружению Абдул-Меджида, то Кемаль писал ему: «Приезжайте, приняты все меры для Вашего приезда в Анатолию. Достаточно, чтобы Вы приняли решение».

Зачем он был нужен Кемалю в Анатолии?

Да только для того, чолыб показать всему миру, что даже члены царской фамилии признавали его движение.

А там, кто знает…

Вполне возможно, что Кемаль подумывал и о замене своего «старого доброго знакомомго» на куда более лояльного к нему наследника престола.

Абдул-Меджид был счастлив, но уже через два отказался от путешествия в Анкару.

Дабы «не ставить под угрозу положение султана и его семьи».

В феврале 1921 года французские спецслужбы «перехватили» послание, в котором Кемаль якобы предлагал Абдул-Меджиду султанат.

Если верить военному коменданту Пелле, наследник якобы снова ответил отказом.

А вот его сын Омер Фарук, женившийся на Сабихе, дочери Вахидеддина, которую когда-то «сватали» Мустафе Кемалю, бежал-таки в Анатолию в апреле 1921 года.

«Мое положение принца османской крови, — написал он в прощальном письме жене, — заставляет меня считать своим долгом отправиться в Анатолию, чтобы служить как османский солдат».

В Инеболу толпы людей встретили молодого человека с восторгом, полагая, что это Абдул-Меджид.

Конечно, он доволен.

Но радость его преждевременна.

Кемалю он не нужен.

«Ваш патриотический долг, — написал он, — вернуться в Стамбул…»

Не нужен почему?

Да потому, что не имел никакой реальной власти.

К тому же, не наследник…

После победы при Сакарье Кемаль навсегда прервал свою таинственную связь с наследником, длившуюся два года.

24 декабря 1921 года на закрытом заседании Национального собрания он познакомил депутатов с письмом принца Абдул-Меджида.

Понятно, что сделал он это в собственных целях.

— Товарищи, — сказал он, — принц Абдул-Меджид уже прислал несколько писем, адресованных лично мне и полных двусмысленностей. Я ответил ему, что я ничего не значу, что он

не добьется ничего, пытаясь установить отношения со мной, что он должен признать Национальное собрание, состоящее из представителей нашей нации, и устанавливать отношения именно с ним. Сегодня пришло письмо, адресованное непосредственно председателю Великого национального собрания…

Переждав дискуссию между сторонниками наследника и теми, кто упрекал его в том, что он до сих пор в Стамбуле, Кемаль снова взял слово.

— Ваше Высокое собрание, — заявил он, — может воспользоваться этим письмом для того, чтобы вся нация узнала, что это письмо адресовано Великому национальному собранию, являющемуся ее единственным представителем…

Вот так вот.

Не больше и не меньше.

С легкой руки Кемаля именно наследник престола Абдул-Меджид теперь должен был стать отражением законности Великого национального собрания.

Национальное собрание отвечать на письмо наследника не стало.

Через десять дней после конференции греки снова перешли в наступление и продвинулись на сто километров за четыре дня.

Как стало видно, они не зря утверждали в Лондоне, что располагают достаточными военными и материальными возможностями, чтобы «умиротворить Анатолию».

На десятый день их семидесятипятитысячная армия снова подошли к Инёню.

Командующий Западным фронтом Исмет доложил Кемалю:

— У них в три раза больше артиллерии и пехоты. Но наша кавалерия сильна. Лошади не нуждаются ни в технике, ни в снарядах, а наши сабли стоят недорого…

26 марта генерал Папоулас начал новое наступление.

И снова на его пути встал Исмет у того же самого селения Иненю, где он не так давно одержал свою первую победу.

Лучшее вооружение греков сказалось, и им удалось потеснить турецкие войска и захватить важную высоту Метристепе.

Исмет сделал все возможное, чтобы вернуть ее, но его отчаянная контратака не удалась, и Кемаль направил ему на помощь батальон охраны меджлиса, кавказский полк из Сиваса и несколько взятых у Рефета частей.

Униженный Рефет тут же потребовал отставки, однако разъяренный его полным непониманием обстановки Кемаль в

настолько жесткой форме приказал ему оставаться на своем месте, что тот даже не подумал возражать.

Но обиду затаил!

Ему еще много раз придется обижаться на Кемаля, но справедливости ради надо все же заметить, что как военачальник он был на несколько голов ниже Исмета, который сумел и на этот раз с честью выйти из тяжелейшего положения.

Три дня длилось второе сражение под Иненю, и 1 апреля Исмет доложил Кемалю:

— Враг отступил, оставив на поле боя тысячи трупов!

Кемаль не без пафоса писал ему в ответной телеграмме: «Мало найдется полководцев, которым приходилось решать такие задачи, как Вам под Иненю. И наша нация преисполнена самых искренних чувств по отношению к спасшему ее военачальнику и его товарищам по оружию, честно исполняющим свой долг под Вашим блестящим руководством! И сейчас Вы победили не только наших врагов, но и несчастную судьбу нашей нации».

11 апреля уже сам Рефет доложил Кемалю об освобождении Афьонкарахисара, и тот радостно воскликнул:

— Наша армия снова становится великой!

Исмет снова стал героем.

Вслед за ним на первый план выдвинулся Февзи.

Серьезный и энергичный, он после принятия конституции он становится председателем Совета министров, а весной — военным министром.

Так рядом с Кемалем появились два норвых надежных соратника, а два старых — Бекир Сами и Ахтем Рустем ушли.

Каждый из них имел свое место в кемалистской системе.

Несмотря на все их заслуги, Бекир Сами и Ахтем Рюстем не получили ни «теплого местечка», ни благодарности.

Кемаль был не из тех, кто воздавал должное успешным соратникам.

Что это — эгоизм или высочайшая несправедливость?

Кемаль поставил главную цель — спасти свою страну, и те, кто пошел за ним на эту авантюру, должны понимать, что они всего лишь исполнители этой миссии.

Если они не добиваются успеха, как Али Фуад, их необходимо заменить, невзирая ни на какие дружеские связи.

Если же добиваются успеха, окончательная цель приближается, и это всё.

Как сценарист и режиссер, Кемаль расставлял персонажей, руководствуясь единственным критерием: они должны вносить лепту в продвижение к цели, они должны служить и быть полезными.

Вторая победа под Иненю была торжественно отмечена по всей стране.

Сам султан молился за убиеных и дал деньги для их семей.

Наследный принц Абдул Меджид настолько проникся симпатией к националистам, что отправил своего сына в Анкару.

Однако Кемаль попросил его не делать этого.

«В интересах нации, — писал он принцу, — Вашему сыну лучше вернуться в Стамбул, поскольку еще не пришло то время, когда она может использовать с пользой для себя представителей великой династии».

Отказ принять у себя наследного принца вызвал заметное недовольство у преданных трону депутатов, но Кемаль сумел успокоить их, объяснив свой отказ опасением за жизнь столь драгоценной для страны личности.

Успехи под Иненю придали Кемалю еще больший вес, и к нему зачастили представители Союзников.

В июне в Анкару якобы с частным визитом прибыл бывший председатель комитета по иностранным делам Национального собрания Франции Анри Франклен-Буйон.

На самом же деле он приехал в качестве представителя министра иностранных дел Франции Аристида Бриана, и главной темой их бесед были все те же пресловутые капитуляции, в сохранении которых так нуждалась вложившая больше всех в Османскую империю Франция.

Однако Кемаль придерживался на этот счет совсем другого мнения, и после длительного торга Франклен-Буйон отправился в Париж для «более детального рассмотрения этого вопроса».

Франклин-Бульон безрезультатно отбыл в Париж, но в качестве жеста «доброй» воли 8 июня 1921 года французские войска оставили Караденiз Эрегли, а 18 июня — Зонгулдак.

Не договорился Кемаль и с англичанами, и когда генерал Гарингтон предложил ему встретиться на борту британского крейсера «Аякс», он был категоричен.

«Я, — писал он, — приветствую ваше решение встретиться со мною, вил он, но такая встреча возможна только при условии, что на ней пойдет речь о предоставлении Турции полной независимости и вывода всех оккупационных войск.

Если же вы намерены обмениваться мнениями по всем этим вопросам, то для такой беседы вполне будет достаточно моего представителя…»

Несмотря на резкий тон послания, англичане увидели в нем желание к сотрудничеству и выпустили арестованных 16 марта

националистов с Мальты.

В Анкару прибыли главный идеолог националистов Зия Гёкальп, старый приятель Кемаля Али Фетхи, Рауф, лидер «Каракола» Кара Васыф, генерал Якуп Шевки и еще несколько видных политиков.

Кемаль был доволен: в своей борьбе с депутатами он нуждался в преданных ему людях.

И для того, чтобы еще больше влиять на меджлис, он создал в нем свою фракцию, названную им Группой защиты национальных прав, составившую парламентское большинство.

На самом же деле он принимал то или иное решение в узком кругу и только потом проводил его через меджлис.

Создание Группы защиты явилось весьма симптоматичным признаком, поскольку из национальной организации Общество защиты национальных прав Анатолии и Румелии превращалось в политическую.

А это означало только то, что теперь Кемаль мог исключать из своих рядов всех тех, в чьей лояльности у него возникало хотя бы малейшее сомнение, самым что ни на есть законным образом!

Оппозиция создала свою собственную Вторую группу, а поскольку ее лидеры представляли восточные районы страны, эрзурумское Общество защиты национальных прав стало называться Обществом защиты национальных прав и святого наследства, под которым подразумевались султанат, халифат и шариат.

И именно они явились инициаторами отставки премьер-министра Февзи из-за утверждения несбалансированного бюджета.

Тем не менее, Кемаль в результате сложных политических интриг добился его переизбрания на этот пост в новом кабинете министров, в котором Али Фетхи стал министром внутренних дел.

На место «съеденного» депутатами за уступки в Париже министра иностранных дел Бекира Сами Кемаль поставил преданного ему Юсуфа Кемаля.

В эти же дни он выступил с большой речью на съезде учителей в Анкаре.

— Новое поколение, — заявил он, — должно проникнуться чувством порядка и дисциплины. Наша новая культура должна быть свободна от всех чужеземных идей и иметь свой собственный характер!

Но, увы, пока ему было не до культуры!

Король Константин заявил на весь мир о своей решимости

сломить сопротивление «анатолийских банд, стремящихся к ниспровержению порядка, установленного Севрским договором», и Лондон благословил его на будущие подвиги.

И теперь уже стотысячная греческая армия двинулась вглубь Анатолии.

9 июня греческий броненосец «Халкида» обстрелял порт Инеболу, Греция начала оказывать поддержку османским грекам.

Через три дня король Константин высадился в Измире в сопровождении премьер-министра Гунариса, военного министра Теотокиса, нескольких генералов и трех принцев.

— Солдаты! — обратился он к армии. — Голос родины снова позвал меня возглавить вас. На этой священной земле вы сражаетесь за греческий идеал. Вперед!

И солдаты пошли.

Греки взяли Ушак и, занимая один город за другим, продвигались к Анкаре.

Инегёль, Енишехир, Афьон, Карахисар, Кютахья, — все это этапы победного шествия греческой армии.

Находившйися с Генеральным штабом в Эскишехире Исмет был мрачнее тучи.

Он в четыре раза увеличил численность армии на фронте, привлек новые подразделения и дивизии, создал мобильные отряды, предназначенные для нападения на греков.

Но оборона на линии Афьон — Кютахья — Эскишехир распалась.

Турецкая армия потеряла огромное количество убитыми и ранеными, дороги были забиты тысячами беженцев, и кольцо окружения сжималось все теснее.

Ллойд-Джордж радостно заявил:

— После одержанных Грецией блестящих побед она уже не может довольствоваться Севрским договором и должна получить удовлетворение в более широких масштабах!

Под натиском греков левое крыло армии отступило, и Эскишехир оказался в клещах.

Кемаль спешно прибыл в Генштаб и долго беседовал с с Исметом

Внимательно выслушав его, он сказал:

— Если враг будет преследовать нас без остановок, он удалится от своих баз и будет вынужден занимать новые позиции…

18 июля командование Западного фронта получило его приказ: отступить на восток от Сакарьи, чтобы армия смогла восстановить силы и переформироваться.

Конечно, положение было тяжелое, и, тем не менее, Кемаль,

по словам Халиде Эдип хранил олимпийское хладнокровие.

Как того и следовало ожидать, в Анкаре падение Эскишехира вызвало настоящий шок.

Национальное собрание пыталось найти виновных и пути выхода из подобной безрадостной ситуации.

Только теперь меджелись ратифицировал договор с Москвой, словно этого достаточно, чтобы устранить греческую угрозу.

В эти дни активизировал свою деятельность и Энвер.

Узнав о событиях в Анатолии, он решил, что пробил его звездный час.

Забыв свое обещание о невмешательстве, заключенном с Али Фуадом, 16 июля он написал Кемалю из Москвы: «Мы намерены вернуться в страну, как только почувствуем, что бесполезно и опасно оставаться за рубежом, по той причине, что угроза нависла над страной и мусульманским миром, который мы пытаемся спасти!»

И Кемаль не мог отмахнуться от этой по сути дела угрозы.

В регионе Трабзона несколько тысяч сторонников Энвера готовились к походу на Анкару.

Испуганные и озлобленные депутаты дали волю своему гневу и потребовали немедленного наказания всех военачальников, ответственных за поражения турецкой армии.

Досталось и Кемалю!

Никто не понимал, почему он, боевой и прославленный генерал, вместо того чтобы отправиться на фронт и возглавить армию, сидит в Анкаре и произносит бесконечные речи.

Да и какие там могли быть объяснения, когда тихая Анкара превратилась в прифронтовой город и всем им угрожала смертельная опасность!

23 июля на закрытом заседании председатель Совета министров Февзи-паша заявил с трибуны парламента:

— Друзья, мы переживаем исторические дни. Наши солдаты героически сопротивляются наступлению греческой армии, значительно более многочисленной. Мы несем тяжелейшие потери. Но нашей задачей остается победа. Мы будем продолжать войну на участках, стратегически более важных. На этой неделе наше правительство покинет Анкару и переедет в Кайсери…

После него на трибуну взошел депутат из Эрзурума и заявил о своем желании присоединиться к армии.

Под возгласы одобрения большинство Национального собрания отказывается покинуть Анкару.

Намечался и отъезд членов правительства и некоторых

депутатов и их семей.

Атмосфера все больше накалялась.

Депутаты снова заговорили об отправке Кемаля на фронт.

4 августа Кемаль поднялся на трибуну Национального собрания.

Принимая во внимание последние события и письмо Энвера, он заявил:

— С соглоасен возгнлавить армию, — заявил он, — но только при условии, что буду наделе чрезвычайными полномочиями! Авторитет и влияние главнокомандующего в армии должны быть очень велики, для того, что бы он пользовался большим весом в глазах неприятеля…

Депутаты, в чьем ведении, согласно конституции, находилась армия, замерли.

Подобной дерзости они не ожидали даже от известного своей непредсказуемостью Кемаля.

Впрочем, депутаты были не только изумлены, но и озадачены, поскольку прекрасно понимали: в случае чего эта самая полнота может обернуться против них самих, как это и было, по сути дела, задумано.

Кто-кто, а Кемаль всегда найдет применение полученным им чрезвычайным полномочиям.

Как и всегда, голоса разделились.

И все-таки Кемаль получил требуемое, поскольку большинство депутатов видели в чрезвычайных полномочиях последнюю надежду на спасение.

Однако некоторые, в основном это были сторонники Энвера, заговорили о диктатуре.

Но их уже никто не слушал, поскольку слишком был велик страх перед оккупацией Анкары.

5 августа Национальное собрание приняло закон, назначающий Кемаля на три месяца Верховным главнокомандующим.

— Я, — в тот же день заявил Кемаль на всю страну, — принимаю верховное командование по единодушному требованию уважаемых депутатов Великого национального собрания!

Конечно, получая чрезвычайные полномочия, Кемаль хотел держать оппозиционных депутатов в узде.

Не забывал он и об Энвере, готовым примчаться в Анатолию, как когда-то он примчался из Берлина в Стамбул.

Тогда ему удалось спасти революцию, и история могла повториться…

А чтобы сразу же отбить охоту к дальнейшей критике армии,

он заявил:

— Без сомнения, — заявил он, — неприятель изыскивает возможности для использования в своих интересах пессимистических речей, которые произносятся в нашем Собрании то одним, то другим из его членов…

И депутаты приняли его призыв к лояльности и поддержке как должное…

Получив практически неограниченную власть, Кемаль сразу же потерял интерес ко всем этим брызжущим слюной и орущим людям.

Да и что ему было бояться их теперь, если даже при всем своем желании они уже не могли избавиться от него в его отсутствие.

В его подчинении была вся армия, а, значит, как говорил когда Чан Кайши, и власть.

Начальником Генерального штаба он назначил премьер-министра Февзи, а Исмет стал гланокомандующим Западной армии.

Таким образом на всех ключевых постах Кемаль Кемаль имел своих людей, и никакие энверы ему теперь были не страшны…

В последующие дни Кемаль заставил работать всех.

Он и сам все эти дни и ночи работал не покладая рук.

Постоянное нервное напряжение сказывалось, иногда его прорывало, и тогда доставалось всем: и Рефету с его космополитизмом, и Адану с его старомодностью, и Бекиру Сами, возомнившему себя полководцем, и многим другим.

Его характеристики были остры, беспощадны и точны.

Иногда он издевался над моралью, и тогда слушавшим его начинало казаться, что в эти минуты с ними говорит не так хорошо знакомый им Мустафа Кемаль, а слетевший с небес демон.

И услышь речи Кемаля великий мятежник Ницше, он с радостью заметил бы, что наконец-то увидел воспетого им гиперборейца, чье появление он предсказывал только в конце XX века!

Зачастую Кемаль работал до утра, и когда его измученные генералы засыпали за столом, он, как ни в чем не бывало, продолжал трудиться.

Он вообще обладал весьма интересной и странной особенностью менять свой внешний вид буквально на глазах.

Иногда он казался настолько больным, что окружавшие его люди только диву давались, как этот измученный человек с мешками под воспаленными глазами мог еще работать.

Но они приходили в изумление, когда всего через каких-то полчаса Кемаль на их глазах превращался в цветущего человека.

А ведь чувствовал он себя в то время неважно, его постоянно беспокоили почки и заполученная на фронтах малярия, и доктор настоятельно советовал ему не пить вино и больше отдыхать.

И если бы не Фикрие, ходившая за ним как за ребенком, кто знает, чем бы все эти его недомогания кончились.

Несмотря на увеличившуюся советскую помощь, вооружение и экипировка турецких войск не шли сравнение с таковыми в греческой армии.

И Кемаль был вынужден пойти на крайние и весьма непопулярные меры.

Пообещав нации, что «враг будет задушен», он издал жестокий приказ о реквизиции у населения одежды, оружия и всего того, что было необходимо армии.

Правительство приняло ряд жёстких мер по укреплению дисциплины и мобилизации всех имевшихся у населения средств для обеспечения армии продовольствием, транспортом, обмундированием. Реквизиции проводились под лозунгом: «Отдадим фронту 40 % всего, что имеем!»

Не обошлось, конечно, и без возмущений, поскольку у многих отбирали последнее, и все же основная масса крестьян отнеслась к его требованиям с пониманием.

«Каждая семья, — писал в своей книге „Турция сегодня“ известный французский журналист Стефан Ронар, — посылала белье, каждая лавка отвозила в армию материю для шитья формы, кожу для обуви и экипировку, гвозди, одеяла, топоры, ремни, подпруги, упряжки.

Везли солому, зерно, муку, соль, сахар, рис, масло, сухие фрукты, сальные свечи.

Отдавали телеги, лошадей, мулов, верблюдов…»

Отвечавший за снабжение армии Рефет с неимоверным трудом воплотил в жизнь десять постановлений Кемаля о реквизиции армия, и армия была более или менее обеспечена всем необходимым.

Дело дошло до того, что за несколько дней исчезли решетки на окнах и в садах: все они пошли на изготовление штыков.

Кемаль был доволен сделаным.

Но как опытный военный, он не мог не понимать, что все же этого было мало, и перед решающим сражением за Анкару греческая армия превосходила турецкую и по количеству солдат, и по вооружению.

18 августа Кемаль прибыл в Эскишехир, где находился

Генеральный штаб.

Свою первую беседу со штабными офицерами в своем вагоне он начал с удивившего всех вопроса:

— Вы играете в покер?

Так и не дождавшись ответа, он пояснил:

— Война — это игра в покер. Тот, кто держит на руках самую сильную карту, не думает о том, что у его противника может быть четыре туза или «флеш-рояль». Желая блефовать, он может удивиться, что другой игрок соглашается повысить ставку. Вот как я представляю сегодня состояние наших врагов…

Все дни сражения сломавший ребро после падения с лошади Кемаль провел в старом кресле в вагоне в небольшой деревушке Алагёзе.

Солдаты увидели в этом плохое предзнаменование.

Но сам Кемаль был спокоен.

— Это, — заявил он, — знак Аллаха: как я сломал ребро, так и сопротивление врага будет сломлено…

Однако ни Исмет, ни его люди не разделяли оптимизма своего командира.

Конечно, Кемаль делал хорошую мину при плохой игре.

Да и чему было радоваться?

Армия была плохо обучена и вооружена, командиры неопытны, и вдобавок ко всему его войска занимали плохие позиции.

И единственное, в чем он имел преимущество, так это в кавалерии.

Конечно, Кемаль пытался вдохновить своих аскеров, которых он познакомил со своим взглядом на ведение боевых действий.

— Чему нас учили до сих пор? — спрашивал он и отвечал: — Тому, что в случае прорыва фронтовых линий необходимо отступать на то расстояние, которое нужно для ликвидации прорыва. Я счел целесообразным познакомить вас со своей точкой зрения относительно методов защиты. Я считаю, что линии фронта, которая должна защищаться, не существует, что объектом обороны является некая территориальная площадь и что этой площадью является вся страна. Поэтому ни одна пядь земли нашей родины не может быть отдана неприятелю, если на ней не будет пролита кровь сограждан. Каждая воинская единица, большая или маленькая, может быть выбита из своих позиций. Но каждая единица, мелкая или крупная, должна перед лицом неприятеля восстановить свой фронт там, где она может удержаться и продолжать борьбу. Воинские единицы, замечающие, что соседние войсковые группы вынуждены отступать, не должны связывать с ними свою судьбу. Они должны

отстаивать свои позиции до конца. Благодаря такой постановке вопроса, каждый из бойцов наших отрядов пойдет, если это будет необходимо, на самопожертвование…

Пор сути дела Кемаль повторял то, что несколько лет назад он приказывал во время ураганных атак англичан на Дарданеллах: не наступать, а умереть…

Но по-другому и не могло быть, и каждый боец должен был проникнуться осознанием того, что он защищал не какую-то там высоту, а пядь своей родной земли.

И как тут не вспомнить знаменитый сталинский приказ № 227, гласивший: «Ни шагу назад!»

И надо отдать Кемалю должное: сам он никогда не прятался за спинами других и имел полное право говорить:

— Я готов пожертвовать жизнью ради успеха дела…

И, зная то, как он воевал, надо полагать, это были не пустые слова.

Жестоко?

Да, жестоко.

Но у войны свои законы, и бессмысленно подходить к ним с позиций мирной жизни…

Вместе с Кемалем находилась и Халиде Эдип, которая уже после ссоры с ним описала все то, чему она была свидетельницей в те напряженные дни.

Позже она рассказала о частой смене его настроения, удивительной силе духа и в то же время о нередких приступах отчаяния.

23 августа сражение на Сакарье началось.

А чтобы лучше понять то, с чем престояло столкнуться Кемалю и его армии, надо посмотреть на статистику.

Турецкая армия насчитывала 40 тыс. винтовок, греческая — 88 тыс. в турецкой армии было 700 пулеметов, у греков — 7 тыс., у турок было 177 пышек, у герков — 800, у греков было 20 самолетов, у турок — только два.

Если к столь огромному превосходству в живой силе и технике добавить уверенность греков в том, что турки потеряли армию у Эскишехира и не способны больше сражаться, то станет понятным, какое тяжелейшее испытание ожидало турецкую армию и самого Кемаля.

Не мудруствуя лукаво, греки решили переправиться через Сакарью, ударить по левому флангу турок и прорваться в образовавшуюся брешь к Анкаре.

Первые дни завязавшегося сражения принесли Кемалю сплошные разочарования.

Под натиском греков левый фланг турецкой армии стал отступать, отойдя за неделю на десять километров.

Греки захватили многие господствовавшие над местностью высоты, и взбешенный Кемаль пригрозил собственноручно расстрелять командиров Пятой дивизии, если они не сумеют закрепиться на новых позициях.

Однако греки продолжали развивать успех, и вскоре дело дошло до того, что Кемаль приказал готовить линию обороны в пригороде Анкары!

«Сейчас, — писал он в своем приказе, — мы защищаем не линию фронта, а всю страну!»

Наблюдая за поведеним Кемаля, его окружение начало верить в то, что у него есть в запасе какой-то секрет, звестный только Мехмету Арифу, полковнику, недавно введенному в военный совет Верховного главнокомандующего.

Окружение Кемаля не могло понять, зачем он приблизил к себе этого тщедушного полковника, которого отстранил от командования дивизией.

Кемаль только улыбался в ответ.

Дружбе, связывающей его с Арифом, уже более двадцати лет.

Кемаль знал о его преданности и прощал ему все его странности, как, например, длинные кинжалы, которые он носил на поясе, или ручного медвежонка, всюду его сопровождавшего.

Как выяснилось, никакого секрета не было.

Просто он продолжал верить.

— Безнадежных ситуаций не бывает, — скажет он позже. — Бывают лишь люди без надежды. Я никогда не терял надежду…

Отчаивался?

Да, было.

Но надежду не терял…

2 сентября греки завладели господствующей над местностью горой Чал, и ее потеря угнетающе подействовала на Кемаля.

Лишь благодаря неимоверному напряжению воли он продолжал руководить сражением.

В лагере греческой армии больше не сомневались ни в чем, и военный министр Греции назначил английскому военному атташе встречу в Анкаре на 5 сентября.

Когда Халиде Эдип спросила его, что делать, если турки будут вынуждены покинуть Анкару, он усмехнулся и, к ее удивлению, совершенно спокойно ответил:

— Счастливого пути, господа, я похлопаю вас по спине, когда освобожу всю Анатолию.

«День за днем, — писал позже Якуб Кадри Караосманоглу, —

ночь за ночью Кемаль демонстрирует всё ту же улыбку и то же спокойствие.

Он даже позволяет себе давать уроки стратегии интеллектуалам, прибывшим из Анкары, проявляя терпение преподавателя первого года обучения в военном училище».

Сколько чашек крепчайшего кофе он выпил и сколько сигарет выкурил за эти дни, не знал никто.

Знали, что очень много.

Кемаль серьезно задумался над тем, стоит ли продолжать сопротивление или отступить.

По сути дела он думал о том, сдать ли грекам Анкару.

Падение Анкары, в свою очередь, могло означать конец его борьбы за независимость.

Собрать новую армию и вооружить ее за считанные недели не смог бы даже он.

Тяжелые это были размышления.

А затем случилось чудо.

Ему позвонил с передовой Февзи и сообщил…

Поначалу Кемаль подумал, что ослышался и попросил повторить сказанное.

А когда Февзи повторил, он устало улыбнулся и сказал присутствующим:

— Во и все, греки истощены и собираются отступать. Мы победили…

Так оно и было, и несущая огромные потери греческая армия дрогнула.

На следующий день греки на самом деле стали оставлять свои позиции.

У них не осталось больше ни снарядов, ни сил, чтобы продолжать наступление, у турок не было ни сил, ни снарядов, чтобы перейти в контрнаступление.

Обе стороны отдали все силы этому сражению.

Чтобы создать иллюзию продолжения наступления, греческая армия обстреляла вокзал Анкары и бросила дивизию в атаку.

Но это было последнее, на что они оказались способны.

9 сентября Кемаль в преддверии наступления переехал вместе с Генштабом на западный правый фланг турецкой армии.

«Он счастлив, как ребенок», — вспоминала позже Халиде Эдип.

На следующий день Кемаль перешел в наступление, бросая в бой свою любимую кавалерию.

Турки вернули Чал и провели несколько успешных контратак.

Но за три недели беспрерывных тяжелейших боев они были настолько измотаны, что даже не щадивший ни себя, ни других

Кемаль дал приказ преследовать противника только через несколько дней.

К этому времени на западном берегу Сакарьи не осталось уже ни одного греческого солдата, и особенно в те дни отличилась турецкая кавалерия.

Легкая и мобильная, она наводила ужас на в беспорядке отступавшего врага.

После двадцати двух дней и ночей изматывающих боев 13 сентября греки отступили на запад от Сакарьи.

Обе стороны потеряли 40 тысяч человек, что соответствовало пятой части общего числа участников этого кровопролитного противостояния.

Длившаяся 21 день «офицерская битва» была выиграна, страна снова праздновала победу, и в мечетях молились за четыре тысячи погибших за веру воинов.

Почему Кемаль назвал ее «офицерской»?

Да только потому, что в сражении на Сакарье он потерял большую часть своих молодых офицеров.

Несмотря на блестящий успех, война была еще далеко не кончена, и греки снова закрепились на своих исходных позициях в Эскишехире и Афьонкарахисаре.

Правда, в наступление они больше не ходили.

Тем не менее, Кемаль отдал приказ о всеобщей мобилизации.

Да и что ему еще оставалось делать?

Никто не собирался за него выбивать греков из Анатолии и заканчивать войну.

В эти же дни Кемалю было присвоено звание маршала и Гази.

Как же случилось так, что более слабая турецкая армия смогла разбить превосходивших ее по многим показателям греков?

Что обусловило ее успех турецкой армии?

Улучшения финансового положения Анкары было недостаточно для объяснения повышения боеспособности армии.

Да, в известной степени помогло полученное от большевкиов золото.

Помогли оружие и боеприпасы, захваченные у армян и начинающие поступать из Москвы, и в спешном порядке изготавливаемые в Эскишехире на старом железообрабатывающем заводе.

Но остальное находится в весьма плачевном состоянии: нет обмундирования, обуви для солдат, не хватает транспорта и артиллерии.

Решающим фактором, вне сомнения, был высочайший моральный дух войск, готовых стоять насмерть.

— Наших солдат, — говорил поэтому поводу Кемаль, — я считаю выше всяких похвал. Собственно, другими и нельзя представить себе сынов нашей турецкой нации. Их самоотверженность и геройство ни с чем не сравнимы. Нация, имеющих таких сынов и такую армию, конечно, всегда сможет защитить свои права и свою независимость. Думать, что такую нацию можно лишить независимости, — значит тешить себя иллюзиями…

Огромную роль в победе сыграла, конечно же, и жертвенность населения.

— Мы, — говорили люди, — готовы выполнить любое задание и идти на необходимые жертвы!

И не случайно Исмет-паша после победы сказал:

— Это турецкие женщины выиграли битву на Сакарье, обеспечив армию провизией и обмундированием под огнем врага…

Так оно и было.

По инициативе Ассоциации турецких женщин в Стамбуле женщины Анатолии организовали доставку солдатам продовольствия и боеприпасов.

Известны военные подвиги женщин Незахат, прозванной турецкой Жанной д'Арк, Махбуле и Рахмие, возглавивших партизанские отряды.

Анатолийские женщины по праву фигурировали в числе славных победителей.

Солдаты, женщины, крестьяне, отдававшие свои продовольственные запасы и соль, свои телеги и скот, свою одежду и обувь, — все они победили на Сакарье.

Взаимопомощь всегда была древней традицией турецкого народа.

На берегах Сакарьи братская взаимопомощь была одним из важнейших факторов, обеспечивших победу.

Все так, и дело не в том, какие такнки идут в бой, а в том, кто сидит в этих танках.

Помните, у Симонова:

— Этот человек целый день отстреливался, — говорил один из немецких офицеров про героя повести «Парень из нашего города», — и мы взяли его только после того, как он потерял сознание. И после этого он смеет утверждать, что он француз…

Наверное, именно той жен причине ни один немец не повторил подвиг Александра Матросова и Николая Гастелло.

Все правильно, и побеждает, в первую очередь, сильный духом.

Если бы это было не так, мы никогда бы не победили под

Москвой…

Интересно и то, что в это самое вермя Энвер находился в Батуми, поближе к границам с Турцией, чтобы оттуда начать вторжение в Анатолию «в случае поражения Кемаля на западном фронте».

Там Энвер провел съезд созданной им так называемой «Народной советской партии».

Он заявляет, что готов стать «авангардом социалистической революции на Востоке, итогом которой будет образование Советской Турции».

Но после победы на Сакарии, которая стала триумфом турецких националистов, шансов у Энвера на то, чтобы по-настоящему заявить о себе в турецкой (и международной тоже) политике не осталось.

Энвер переехал в Тифлис, где проводил время в уютных кофейнях за разговорами и чтением газет.

Однажды в центре Тифлиса ему повстречался Серго Орджоникидзе.

Историки утверждают, что именно Серго посоветовал Энверу отказаться от попыток свергнуть Мустафу Кемаля и заняться «подъемом революционного движения» в Туркестане.

Речь шла о возможности использовать нарастающее басмаческое движение для создания независимого «Единого Тюркского государства», куда вошли бы Бухара, Хива и Туркестан (Советский и Китайский).

В перспективе к данному государству планировалось присоединить и Турцию.

Так Энвер оказался в Средней Азии.

Кемаль вернулся в Анкару победителем, и все воприняли это как должное.

Национальное собрание произвело его в маршалы и присудило почетное звание Гази, какое давалось великим победителям и мусульманам, побеждавшим неверных.

Многие офицеры получили повышение в звании и награды.

— Турецкие солдаты, — говорила с трибуны меджелиса Мюфид Ферит, — вы в очередной раз поднялись, словно солнце на небе Независимости. Еще раз вы принесли нашим опечаленным сердцам священную веру и наполнили светлой радостью наши глаза, полные слез. Весь мир был против вас. Но вы благодаря вашему мужеству, вашей мощи и уверенности в правоте своего дела оказались сильнее всего мира. Да здравствует турецкий солдат! Солдат-победитель, священный герой, да

благословит тебя Аллах!

Победа на Сакарье стала поворотным пунктом не только в жизни самого Кемаля, но и возглавляемого им движения.

Возможно, что турецкое национальное государство возникло бы даже в том случае, если грекам удалось взять Анкару.

Но для самого Кемаля подобное развитие событий означало бы политический крах, и он вряд ли стал бы тем самым признанным лидером нации, каким он, в конце концов, стал.

И он даже не сомневался в том, что после победы он сможет усилить влияние на людей, их умонастроения и на события.

После услышанных во всем мире залпов на Сакарье он превращался, возможно, в самую крупную фигуру на Ближнем Востоке, а и без того не очень-то прочный союз западных государств дал еще большую трещину.

Италия не только эвакуировала свои войска, но и начала приторговывать оружием.

— Я, — говорил Аристид Бриан во время боев на Сакарье, — не могу пока сказать, какую политику следует проводить по отношению к кемалистам для установления мира…

После победы он смог, и 20 сентября Франклин-Бульон вновь прибыл в Анкару в сопровождении двух французских офицеров.

Не все шло гладко на переговорах.

Буйон не жалел ни золота, ни лести, чтобы добиться от турок желаемых уступок.

Он хотел разрыва кемалистской Турции с Советской Россией, дружба с которой, по его словам, была несовместима с новым франко-турецким соглашением.

Советовал он Турции также усилить агитацию против Англии в Ираке, уверяя, что осложнения в этой стране могут сделать англичан более уступчивыми.

И на этот раз Франклен-Буйон столкнулся с решительной позицией Анкары в вопросах иностранных зон влияния, создании смешанной жандармерии в Киликии и особенно режима капитуляций.

Во время одной из встреч Франклен-Буйон спросил у Юсуфа Кемаля:

— Неужели турки думают, что они смогут отменить все капитуляции?

— Великое национальное собрание, — ответил тот, — никогда не позволит туркам сложить оружие до тех пор, пока капитуляции не будут упразднены.

Когда Кемаль сказал, что ратификация Соглашения может вызвать трудности в Великом национальном собрании Турции, так как новая линия границы оставляла на французской стороне

район Искендеруна, населённый преимущественно турками.

В ответ Франклин-Бульон пообещал, что французская сторона продаст Турции по заводской цене ненужное ей вооружение, и что оно будет оставлено французскими частями при выводе, так что турецким войскам при передислокации в эти районы не придётся перебрасывать запасы с греческого фронта.

Разногласия возникли и в вопросе национальных меньшинств, однако и здесь, как отмечает Сониел, кризис вскоре пришел к концу, так как Франклен-Буйон, получив инструкции из Парижа, согласился со статьями Национального пакта.

Стороны сумели договориться, и 20 октября в два часа ночи франко-турецкое Соглашение было подписано.

Французы не хотели использовать слово «договор», так как по договорённости с британцами они не имели права заключать сепаратного мира.

Конечно, французы были довольны.

Особенно если учесть, что французское правительство в переговорах с представителями Анкары при рассмотрении вопроса о Киликии всегда исходило из своих интересов в Сирии, стремясь скорее покончить с «дорогостоящей экспедицией» в Киликии, чтобы создать, надежные границы для Сирии.

Кемаль согласился на передачу Франции концессии на отрезок Багдадской железной дороги между Бозанти и Нусейбином, равно как и на различные ветки, построенные в Аданском вилайете, назначенной французским правительством группе со всеми правами, привилегиями и выгодами, в частности, касающимися эксплуатации и перевозок.

Кроме того, турецкое правительство было готово «рассмотреть с величайшей благосклонностью другие заявки, которые могли бы быть сделаны французскими группами на горные, железнодорожные, портовые и речные концессии при условии, что упомянутые заявки будут соответствовать взаимным интересам Турции и Франции».

Что получал Кемаль?

Тоже довольно много.

О международном признании его правительства ведущей европейской страной мы уже говорили.

Статья о немедленном прекращении военных действий и статьи об уходе французских войск по сути дела возвещали о военной победе турок.

Армяне, вернувшиеся в Киликию вместе с французскими войсками, предпочли вместе с ними и уйти.

21 декабря 1921 года турецкие войска вступили в Адану, 25 декабря — в Газиантеп.

Важную роль играло и то, что с точки зрения добычи оружия и боеприпасов кемалисты уже не были связаны только с русскими, а могли получать подобную помощь также с юга.

И последующие события показали, что отвоевание у французов Киликии имело существенное значение для побед, одержанных кемалистскими войсками в течение 1922 года.

Имело Анкарское Соглашение и секретные статьи.

Согласно последним, Франция должна была продать Турции оружие и боеприпасы на общую сумму 200 миллионов франков, в том числе 10 тыс. комплектов обмундирования, 8 тыс. маузеров, 5 тыс. лошадей, 12 самолетов, а также пушки типа «Creusot».

Вызывает сомнение слово «продать».

Да и чем, интересно, Кемаль, мог заплатить Парижу такие огромные деньги?

Значит, и здесь были какие-то тайные мотивы.

Все это говорит о том, что Кемаль становился выдающимся политиком, готовым ради процветания своей страны на все.

Изучая историю, начинаешь приходить к мысли, что жертвы, лишения, ложь и интриги оправданы только тогда, когда они направлены на благо той страны, которой служит тот или иной политик.

И почти всегда бессмысленно там, где люди лгут и жертвуют, как правило, другими, во имя личных амбиций.

Хотя порою найти грань между двумя этими понятиями весьма сложно, и только время рано или поздно все ставит на свои места.

Другое дело, что, к великому сожалению, чаще всего, это бывает все же скорее поздно, нежели рано…

Как того и следовало ожидать, Анкарское соглашение вызвало бурю всеобщего негодования, и слово «предательство» было на устах у всех.

— Предательство! — кричали французские правые, заклеймив этот «грубый и обидный выпад» против национальной славы.

— Предательство! — вторила им турецкая оппозиция, имея в виду, что Искендерун находится вне национальных границ.

— Предательство! — утверждали Лондон и Москва.

Лорд Керзон, министр иностранных дел Англии, обсуждая «сепаратный мир», пришел к выводу, что он «наносит урон авторитету Франции».

Насторожил Анкарский договор и большевиков.

Постоянно занятый Сталин сразу же нашел время для встречи

с Али Фуадом и долго беседовал с ним.

— А какой все же истинный смысл этого франко-турецкого соглашения, — в конце беседы задал он тот единственный вопрос, ради которого и устроил эту встречу, — которое так обеспокоило всех нас?

— Подлинное значение соглашения с Францией, — не моргнув глазом, ответил Али Фуад, — это заинтересованность в том, чтобы разделить наших двух могущественных врагов…

Сталин невольно усмехнулся.

Этот турок бил его же собственным оружием, имя которому было лицемерие.

Ведь он сам семь месяцев назад на вопрос турецкого посла, в чем цель коммерческого договора, подписанного Москвой и Лондоном, ничтоже сумняшеся, ответил:

— Расколоть капиталистический фронт между Францией, США и Великобританией…

Насладившись реакцией советского вождя, Фуад добавил:

— Мы знаем, что французы продолжают враждебно относиться к вам, но, зная, что они не могут ничего предпринять против вас при нашем посредничестве, они не делают никаких предложений на эту тему…

Сталин поморщился.

Давно уже никто не осмеливался насмехаться над ним, как делал этот турок.

Конечно, он прекрасно понимал, что соглашение с Францией являлось и предупреждением большевикам.

Ему было хорошо известно, что Али Фуад целыми днями обивал пороги министерства иностранных дел, и всякий раз Чичерин на все его просьбы о помощи отвечал:

— Нам самим сечас тяжело, подождите немного!

Вот они и подождали.

Более того, Сталин нисколько не сомневался в том, что Али Фуад заговорит о деньгах и сейчас.

Так оно и случилось.

— Вы, — попыхивая трубкой, ответил он, выслушав требования посла, — просите слишком много денег, а наше положение не позволяет нам полностью удовлетворить ваши запросы…

Али Фуад продолжил игру и напомнил о подписанном соглашении с Москвой и борьбе Анкары против империалистов.

— Да, все так! — согласился Сталин. — И я очень хочу помочь вам, но как убедить некоторых моих товарищей?

И снова по губам Али Фуада пробежала тонкая усмешка.

— Конечно, — сказал Сталин, заметивший ироничную

улыбку посла, — я поговорю с министрами, и, возможно, мы поможем вам…

— Я так и доложу в Анкару! — холодно кивнул Али Фуад.

Покончив с помощью, Сталин заговорил об Энвере.

— Энвер-паша, — сказал он, — наш друг, он пользуется уважением в мусульманском мире…

При этих словах Сталина Али Фуад едва заметно улыбнулся.

Он оценил месть советского вождя за «истинное содержание Анкарского договора».

В то же время он не сомневался, что уже очень скоро большевики познают истинную цену дружбы Энвера.

И он не ошибся…

Как не ошибался и в том, что признание анкарского правительства Францией было большим успехом для кемалистов.

И то, что все заинтересованные в Турции страны были недовольны, лишний раз говорило о той пользе, которую вынесла Анкара из этого соглашения.

Когда за послом закрылась дверь, Сталин вздохнул.

Вполневозможно, что именно тогда доброжелательные отношения между Анкарой и Москвой, если они когда-либо и были, закончились.

Верил ли в них сам Сталин?

Сложно сказать, поскольку доброжелательными они были только с виду.

На самом деле каждая сторона преследовала свои собственные интересы, и лучшим подтвержденеим этому служило нахождение «нашего друга» Энвера в Москве.

Но политика вещь непресказуемая.

19 марта 1945 года Молотов, пригласив в МИД турецкого посла Селима Сарпера, официально заявил ему, что Советское правительство денонсирует договор 1925 года со всеми относящимися к нему протоколами и актами как утративший свое значение.

Анкара ответила готовностью и предложила советской стороне представить свой вариант основных положений будущего договора.

7 июня того же года нарком иностранных дел СССР заявил послу о необходимости исправления Московского договора 1921 года, который Молотов назвал несправедливым для «обиженного в территориальном вопросе» Советского Союза.

С советской точки зрения новая граница СССР и Турции должна соответствовать границе Российской и Османской империй по состоянию на 1878 год.

При этом бывшая Карсская область, юг Батумской области, а

также Сурмалинский уезд бывшей Эриванской губернии был назван «незаконно отторгнутыми территориями».

Советская сторона подняла этот вопрос на шестом заседании Потсдамской конференции 22 июля 1945 года.

Да и не нужна была Сталину никакая вера, поскольку теперь он должен был сделать все возможное для того, чтобы помешать сближению правительства кемалистов с его врагами.

Вполне возможно, что в ту минуту он вспомнила слова Ленина о том, что у власти в Турции стоят «октябристы и предатели», готовые в любой момент нанести удар в спину.

А если даже и вспомнил?

Положение обязывало продолжать оказывать помощь этим самым «октябристам», поскольку договор с Францией был серьезным предупреждением…

Если в Москве и на Западе Анкарское соглашение назвали «предательством», то во всем мусульманском мире и колониальных владениях Франции оно было встречено с великим энтузиазмом.

«Наконец-то, — отмечал парижский еженедельник „Новая Европа“, — имя Франции приобретает новый блеск не только на Ближнем Востоке, но и во всех тех мусульманских странах, где, несмотря на ошибки и неудачи Турции, постоянно царит авторитет халифата…

Мы можем надеяться на то, чтобы снова занять в глазах мусульманского мира то законное место, которое, увы, было потеряно за несколько лет до войны отчасти из-за германских интриг, отчасти же по причине нашей собственной беспечности».

Стамбульская и анкарская печать встретила договор с огромным удовлетворением и явным восторгом.

Подавляющая часть газет разных направлений оценила франко-турецкий договор как большую политическую победу анкарского правительства.

«Этот успех, — писала стамбульская влиятельная газета „Tevhidi efkâr“, — поистине достоин считаться совершенной дипломатической победой, которая еще более важна, чем, та, что мы одержали над эллинами на берегах Сакарии три-четыре недели тому назад».

Известный журналист Юнус Нади в передовой статье газеты «Ени гюн» («Новый день») от 29 ноября 1921 года подчеркивал то обстоятельство, что турецко-французское соглашение вызвало переполох в английских руководящих кругах и подтвердило тем самым, что Турция поступила правильно, заключив соглашение с Францией.

«Франция, — делал он вывод, — в настоящее время освобождает занятые ею наши земли и, таким образом, помогает нам поднять силу нашей сопротивляемости».

Особенно турецкая пресса обсуждала 6-ю статью договора относительно прав национальных меньшинств.

Еслди называть вещи своими именами, то громкие рассуждения турецких журналистов и политических комментаторов по этому вопросу являли собой самое настоящее предупреждением всем проживающим в стране инонациональным элементам.

Их официально предупреждали, что ни о каких уступках им не может быть и речи.

«Вопроса прав меньшинств не существует», — писала газета «Вакит» («Время»).

«В Анатолии существует только одна нация — турецкая нация», — вторил ей официоз кемалистов «Хакимиети миллие» от 8 ноября 1921 года.

А газета «Илери» («Вперед») от 11 ноября разъясняла своим читателям, почему никакая уступка не может быть сделана национальным меньшинствам.

«Анкарский договор сам, — заявила она, — сам по себе является огромной заслугой в обеспечении интересов христианских меньшинств на Востоке».

Таким образом, по мнению анкарского официоза, кемалистскому правительству больше нечего было делать в вопросе прав национальных меньшинств, так как оно свое отношение высказало в самом тексте договора.

Это мнение газета подкрепила «новыми» моментами.

«Мы, — писала газета в номере от 28 ноября, — склонны уважать права национальных и религиозных меньшинств нашей страны и забыть те преступления, которые были совершены в ходе всеобщей войны и нынешних военных действий в Анатолии.

Турки не являются мстительной нацией».

Так призывалось забыть не насилия, совершенные над армянами, греками, сирийцами-христианами, халдеями и другими народами в период первой мировой войны и на заре кемалистского движения, забыть не массовые депортации, погромы и геноцид, а «преступления» этих народов.

Мустафа Кемаль, который вначале сам вел переговоры с Франклен-Буйоном, важнейшее значение Анкарского договора видел в том, что «национальные стремления Турции впервые признавались и оформлялись в договоре, заключенном с западной державой».

Более того, как отмечал он в своем воззвании, адресованном

мусульманам Кавказа, «начиная с тех времен, когда турецкое могущество было сломлено у ворот Вены, это был первый мир, условия которого продиктованы Турцией».

Другим достижением, как отмечал он, было то, что «чрезвычайно важные районы нашей родины освобождались от оккупации, ни в какой мере не жертвуя нашей политической, экономической, военной или какой-либо иной независимостью».

Эта оценка почти без изменений повторена в официальной истории Турции «Tarih», а в вышедшей в 1963 году биографии Ататюрка подчеркивается, что «Анкарское соглашение было величайшей победой, которую одержал Гази Мустафа Кемаль в политической сфере».

Основываясь на общей оценке М. Кемаля, турецкие политические деятели приложили все усилия, чтобы представить статью 6-ю договора, посвященную национальным меньшинствам, как великодушный шаг кемалистов.

Бывший иттихадист, член Великого национального собрания Ахмет Рустем-бей выступил со статьей «Мир на Востоке и франко-турецкое соглашение» в издающемся в Париже журнале «Orient et Occident».

«Статья 6, — писал он, — имеет своей целью сказать, что немусульманские общины империи уже наделены политическим и гражданским равенством, задача, которую Антанта с таким упорством пытается разрешить.

Значит, весь вопрос заключается в утверждении их прав на той основе, которая оговорена для меньшинств других стран».

Короче говоря, автор повторял старую песню о равенстве проживающих в Османской империи народов, равенстве, которое исключало «дополнительное» обеспечение каких-либо гарантий их безопасности.

«Проблема гарантии прав меньшинств Анатолии меньше всего заботит нас», — как бы резюмировал этот вопрос бывший член оттоманского парламента Эбузиадэ Велиф-бей в газете «Tevhidi efkâr» от 24 февраля 1922 года.

Анкарские круги воспользовались заключением франко-турецкого соглашения, а также ранее подписанных договоров — Александропольского и Карского для того, чтобы вообще исключить армянский вопрос из дальнейшего обсуждения с державами Антанты.

Англия?

Да, конечно, была недовольна, потому и назвала Анкарский договор «бесчестным».

Но что значил подобный приговор со стороны государства, которое обогощалась, грабя всех подряд, и всегда старалось

таскать каштаны из огня чужими руками….

Кемаль хорошо знал цену Англии, что видно из приведенных ниже его нескольких цитат.

«Английская дипломатия все время делает вид, что не понимает нашего миролюбия».

«Англичане всячески старались ввести в заблуждение весь Курдистан и отторгнуть его от турок и других единоверцев».

«Англичане потребовали устранить с постов военного министра Джемаль-пашу и начальника Генерального штаба Джеват-пашу.

Это — решительная попытка уничтожить независимость турецкого государства.

Поэтому любая реакция нации на эту попытку считается борьбой за сохранение независимости».

Но те же самые англичане, по его словам, «в конце концов, поняли, что сила находится в руках турецкой нации».

Глава XXVIII

Вряд ли Сталин надеялся на честный ответ, когда спрашивал Али Фуада об «истинной цели» соглашения с Францией.

И, конечно, он насторожился.

Франция оставалась злейшим врагом Советской России, и Москва очень опасалась ее сближения с Кемалем.

На чем, как поговаривали, тот довольно тонко играл, всячески подогревая подобные слухи.

По странному стечению обстоятельств Анкарский договор был подписан именно в тот момент, когда Москва затягивала с очередным траншем.

Однако Сталин увидел в этом не «стечение», а политику и направил в Анкару официально представлявшего Украину Михаила Фрунзе.

Но нашла коса на камень…

Достаточно искушенный в политике Кемаль повел себя поначалу настолько сдержанно, что Фрунзе сразу же отбил телеграмму Троцкому.

«Успешность переговоров с правительством Анатолии, — писал он, — стоит в прямой связи от размеров той реальной помощи, которую мы в состоянии сейчас же оказать правительству Кемаль-паши.

Я считаю практически целесообразным послать вместе со мной или в скором времени после моего отъезда известное количество военного имущества и снаряжения неосновных образцов, которое мы безо всякого ущерба для снабжения нашей армии могли бы направить турецкому командованию.

Такого рода реальное подкрепление дипломатических уверений в нашем дружеском расположении к правительству Ангорской Турции должно дать самые благоприятные результаты, и самый из них первый и важный — удержание Турции в пределах нашей ориентации».

И странное дело, стоило только Фрунзе рядом конкретных и практических дел доказать, что «Россия остается верной своим обязательствам», как отношение к его делегации мгновенно изменилось и ей были предоставлены все документы договора с Францией.

«Удержание Турции в пределах советской ориентации» стоило России 100 тысяч винтовок, столько же ящиков патронов, 3,5 тысячи пулеметов, 550 тысяч снарядов и огромного количества другого военного снаряжения.

Но игра стоила свеч, и получившая чувствительную пощечину

Москва не торговалась.

Как поговаривали, Фрунзе не только подписывал соглашения, но принимал участие в разработке осенней операции по разгрому греческих войск, и не случайно его сопровождали командармы Александр Андерс и Петр Каратыгин.

Да и бывший начальник оперативного отдела Наркомата по военным и морским делам и член Реввоенсовета ряда армий Семен Аралов, назначенный полномочным представителем СССР в Турции, был тоже далеко не потомственным дипломатом.

Несмотря на действенную помощь большевиков, им не удалось удержать Кемаля от контактов с Западом.

И дело здесь было уже не только в неприятии им доктрины коммунизма и полном отсутствии иллюзий по отношению к ее носителям.

Сама жизнь уже вовлеченной в сферу капиталистических отношений страны и ее прошлое заставляли его строить новые отношения с Западом.

Однако Кемаль поспешил заверить Москву в том, что ни один из этих контактов не будет направлен против нее.

В доказательство своих слов он подписал в октябре 1921 года Карсское соглашение с республиками Закавказья и официальным представителем России.

Таким образом, Москва полностью обезопасила свои южные границы.

Наладилась обстановка и на востоке Центральной Анатолии, где жестокий и амбициозный Нуреттин-паша по всем статьям разбирался с потребовавшими автономии курдами из племени кочгири.

Жестокость, с какой он подавил восстание, вызвала возмущение некоторых депутатов, а один из них был вынужден заявить о том, что подобная кровожадность недопустима даже для «африканского дикаря».

Депутаты решили создать специальную комиссию, а самого Нуреттина отдать под суд.

Но благодаря стараниям Кемаля, дело до трибунала не дошло.

Да и какой там мог быть еще суд, если сам Кемаль уже тогда твердо придерживался выдвинутого им самим же лозунга о том, что власть должна быть сильной, а нация — единой.

Принципиальный враг политического сепаратизма и идейных разногласий, он не допускал и мысли о каких-то там национальных автономиях, а уж тем более о суверенитетах.

Единый народ — единая Турция!

И только так!

Пользуясь ситуацией, он проводил в жизнь и другую свою идею о том, что нация должна быть гомогенной.

Как только греческие военные корабли принялись обстреливать турецкие порты, проживавшие в них греки были депортированы.

Суд независимости вынес более пятисот смертных приговоров участникам мгновенно активизировавших свою деятельность греческих и армянских партизанских отрядов.

К середине 1922 года на этих территориях почти не осталось армян, а окончательное выселение греков было делом времени.

Те попытались поднять на борьбу с Кемалем черкесов, однако эта затея провалилась, а собравшийся по инициативе греков черкесский конгресс в Измире не произвел на националистов никакого впечатления.

Да и чего было опасаться Кемалю, если большинство черкесов, среди которых было много офицеров бывшей османской армии, оставались на его стороне.

Конечно, противники Кемаля постарались обвинить его во всех смертных грехах, но все было напрасно, и Кемаль блестяще использовал приезд известного французского писателя Клода Фаррера.

Он тепло встретил знаменитого представителя великой нации, «сотворившей революцию и пролившей свою кровь за дарованную всему миру свободу и независимость».

Со свойственным ему красноречием постарался убедить писателя в том, что причиной страданий греков, армян и самих турок являются те самые люди, которые пытаются с помощью греческой армии покончить с независимостью Турции и ее святым стремлением к свободе.

— Война с греками, — заявил он, — есть не что иное, как своеобразное продолжение борьбы французского народа против иностранной интервенции времен революции! Многие западные политики отказывают туркам в их желании стать цивилизованной страной и только «благородная» Франция понимает это стремление!

Намек был куда как понятен, и уже на следующий день Фаррер заявил на весь мир о желании Кемаля жить в дружбе со всеми цивилизованными народами.

И он был далеко не единственным представителем западных стран, говоривших об этом.

Одерживаемые Кемалем военные и дипломатические победы привлекали к его личности повышенное внимание, и в Анкаре постоянно появлялись иностранные корреспонденты.

И почти все они были покорены не только его запоминавшейся внешностью, но и поведением.

А он умел нравиться, когда хотел.

Куда больше похожий со своими голубыми глазами и светлыми волосами на тевтона, нежели на турка, он производил неизгладимое впечатление на всех общавшихся с ним людей.

В ходе обмена пленными в конце октября 1921 года англичанами был освобожден Хусейн Рауф вместе с сорока другими турками, находящимися в тюрьме на Мальте.

11 ноября он прибыл в Анкару после двухлетнего отсутствия.

Рефет, Али Фетхи, освобожденный несколькими неделями ранее, Февзи, Аднан, Халиде Эдип и особенно Мустафа Кемаль радостно встретили старого друга и соратника.

Рауф с изумлением слушал своих друзей, настолько неправоподобными казались их рассказы.

Поразили его и теперь уже непримиримые отношения противоречия между Кемалем и некоторыми депутатами.

Когда его кандидатура на пост министра труда поучила 86 голосов против, Рауф был настолько расстроен, что потребовал повторного голосования.

Только тогда до него по-настоящему дошло, что оппозиция это не модное слово, а жестокая реальность.

В противовес Первой группе Кемаля она называлась «Второй группой» и представляла почти треть депутатов.

Они требовали соглашения с союзниками, передачи власти султану и сохранения халифата.

Пестрая по составу — закоренелые консерваторы, сторонники Энвера и радикалы — она с удивительным единодушием нападала на Кемаля.

Опьяненные победой при Сакарье, оппозиционеры не могут понять, почему армия до сих пор не перешла в наступление.

— Оставьте военные дела тем, кто в этом разбирается! — со свойственной ему резкостью отвечал им Кемаль, добившийся продления чрезвычайных полномочий.

Хусейн Авни, адвокат, полный коварства, полковник Кара Васыф, один из немногочисленных военных во «Второй группе», преподаватель Зия Хюршит и другие оппозиционеры выступали, по словам Халиде Эдип, за «экстрадемократическую» политическую систему.

На самом деле это означало только то, что, всячески выставляя Кемаля диктатором, старались скрыть свои собственные амбиции.

Борьба в Национальном собрании обострялась с каждым

днем.

Тому было несколько причин.

Отсутствие военных событий с момента победы при Сакарье, понимание того, что политическая система никогда больше не будет такой, как прежде, авторитарное поведение Кемаля и сведение личных счетов политиками….

Именно они превратили Национальное собрание в самое настоящее поле боя.

24 ноября Вторая группа предложила проект закона об ответственности Совета министров, согласно которому Национальное собрание наделено только временной властью, переданной ей султаном.

Если же называть вещи своими именами, то это был совершенно недопустимый пересмотр принятой конституции.

В течение целой недели, несмотря на усталость, Кемаль вел многочисленные совещания в своем кабинете в Национальном собрании.

1 декабря он вышел на трибуну меджелиса.

— Товарищи, — говорил он, — правительство Национального собрания существует, оно законно. Это знает вся нация, а также весь мир! Наше правительство ни демократическое, ни социалистическое. Оно не похоже ни на одно из правительств, описанных в книгах. Это правительство национального суверенитета, национальной воли! Если следовало бы дать определение нашему правительству на основе социологических и научных критериев, можно было бы сказать, что это правительство народа. Панисламизм, вот о чем я думаю. Наш народ и правительство, его представляющее, мы хотим, чтобы все наши единоверцы на всей планете были счастливы, но мы не практикуем пантуранизма. Я был бы счастлив, если бы с помощью этого исследования мог открыть вам истину. Эта истина, какую знает народ, потому что он встал на путь, ведущий к сияющему солнцу. Нация придет к солнцу, и никакая сила не сможет помешать ей сделать это…

Последние слова Кемаля потонули в буре оваций.

После столь яростного наступления на оппозицию ни о каком проекте Второй группы не могло быть и речи.

В тот же день в Стамбуле на обложке журнала «Улыбающееся лицо» был представлен рисунок мужчину с саблей на поясе, окруженного шестью молодыми женщинами, одетыми по-европейски.

«Мустафа Кемаль-паша, — гласила подпись, — победоносный главнокомандующий, и его шесть возлюбленных».

На первых страницах журнала были представлены еще шесть рисунков: Греция — на коленях, закрыв лицо руками, Персия сосредоточенно глядит себе под ноги, Албания уцепилась за его пояс, Россия опирается на его правое плечо, Азербайджан опустил глаза под взглядом паши, и Афганистан у его левой руки.

Так оно и было.

Почти.

И хотя французы покинули Киликию в первые дни 1922 года, а восстание греческого населения Черноморского бассейна было подавлено с необычайной жестокостью, греческие войска всё еще занимали Западную Анатолию.

Кемаль готовил наступление весной.

Жизнь в Анкаре налаживалась.

Блестящие дипломатические приемы, вечера и посещение советского посольства, — вот чем была занята в свободное от работы время политическая элита Турции.

16 февраля 1922 года Кемаль провел пресс-конференцию, которая длилась пять с половиной часов, с прессой Стамбула.

На встрече присутствовала Халиде Эдип с мужем Аднаном, назначенным представителем Анкары в Стамбуле вместо Рефета.

Кемаль говорил обо всем откровенно и жестко: о мире, выборах, будущем Стамбула, Народной партии, политической жизни, об ответственности тех, кто вовлек Турцию в мировую войну, об экономическом развитии, о кочевничестве, об организации административного аппарата.

Кемаль блестяще справился со своей задачей и даже сумел покорить аудиторию, четко отвечая на все вопросы.

Более того, он рискнул достаточно осторожно представить журналистам свои проекты, которые он сделает достоянием общественности гораздо позже.

Среди них были перенос столицы в Анкару, который «станет самым красивым городом мира»; отмена халифата, «символа исламского мира, а не турецкого» и светский характер общества.

В то же самое время Кемаль особо подчеркнул, что это не будет атеистическое общество.

— Наша нация набожная, — объяснял он, — ее религия — ислам; и мы никогда не пойдем на отвержение религии, как это делают коммунисты…

Пообещал он и избрание женщин в Национальное собрание.

Отвергая коммунизм, Кемаль, тем не менее, часто посещал советское посольство.

С послом Араловым, который очень быстро стал одной из самых знаменитых личностей в Анкаре, он наладил хорошие

отношения.

Как-то январским вечером Кемаль прибыл в посольство в сопровождении музыкантов и певцов и спел несколько песен.

Однако, несмотря на всеобщее веселье, «глаза его были полны грусти».

Так, во всяком случае, докладывал в своем отчете в Москву один из инофрматоров.

И причины для грусти у Кемаля были.

Вторая группа не смирилась с поражением и продолжала свою подрывную деятельность против диктаторства Кемаля.

И тот же Анкарский договор с Францией вызвал со стороны депутатов целую бурю возмущения из-за Александретты.

Только после долгих и жарких дебатов Кемалю удалось убедить меджлис, что даже без Александретты заключенный им договор давал многое.

Франция уступала националистам по бросовой цене оружие и обмундирование, и теперь они могли не только использовать его на Западном фронте, но и перевести туда сосредоточенные на юге войска.

Вместе с французами покидали Киликию и армяне.

Что же касается Александретты, то он и не собирался отдавать ее французам и обещал в свое время разобраться и с этим важным для страны портом.

Другим камнем преткновения в его отношениях с депутатами стали полученные им от меджлиса чрезвычайные полномочия, которые тот то и дело пытался у него отобрать.

Но не тут-то было!

Кемаль не горел желанием расставаться со своей охранной грамотой.

— Готовящаяся воевать армия, — повторял он, — не может остаться без своего командира! И именно поэтому я не собираюсь слагать с себя данные мне полномочия!

Депутаты смирились, но разговоров о желании Кемаля узурпировать власть не прекратили, и когда выступавший на открытии очередной сессии Кемаль вдруг заявил о том, что настоящим хозяином страны является крестьянин, в зале раздался откровенный смех.

Постоянно подливали масла в огонь и критиковавшие его военную политику Карабекир, Рауф и Рефет.

Оставшись у разбитого корыта, они ненавидели прыгнувшего через их головы Исмета и не желали с ним работать.

Объяснять им что-либо было бесполезно.

Да и какой генерал мог поверить тому, что его соперник

лучше разбирается в тактике и лучше воюет?

Завистливые и самолюбивые, они ревниво следили друг за другом и не прощали ни успехов, ни тем более ошибок.

Кемаль был вынужден терпеть их выходки, поскольку даже он не мог разбрасываться подобными командирами перед началом военных действий и вносить напряжение в свои ряды.

Все правильно!

Терпение и выдержка, а когда придет время, он сумеет обломать всех возомнивших о себе.

Тем временем депутаты цеплялись за любую мелочь и в любой ошибке Кемаля видели злой умысле.

Более того, они очень надеялись на то, что к ним присоединяться «униженные», как они всячески старались подчеркнуть, Кемалем Рефет и Рауф.

Первый был очень недоволен тем, что на посту министра национальной обороны его сменил Февзи.

Второй, отправленный в отставку с поста министра труда Рауф, тоже стал задаваться вопросом о том, на самом ли деле Кемалю нужна единоличная власть.

Кемаль считал, что нужна.

Да и что значили все эти обвинения в его адрес?

Ведь было уже сказано: «Судите по делам их!»

А они были его в пользу.

И в военном деле, и в политике, и в экономике.

Да и не в этом было по большому счету дело.

Вся разница между ним и оппозицией была в том, что она пыталась тащить страну назад, в прошлое, с ее султанами и халифами, а он пытался конструировать будущее страны.

— Полная независимость не существует без экономической независимости! — говорил он.

А какую независимость могли дать Турции люди, готовые вместе со своим любимым султаном идти на поклон к тем самым западным странам, которые своими капитуляциями довели ее до нищеты?

Была и еще одна причина, разделявшая Кемаля и оппозицию.

Она могла только критиковать и не умела ничего делать, посольку в ней не было по-нстоящему одаренных людей.

Именно поэтому Кемаль ничего не ожидал от этих депутатов, постоянно критикующих его идеи и поведение.

Что он мог противопоставить им?

Пока только выдержку и убеждения.

Поэтому на все призывы продолжать войну он отвечал, что в настоящий момент внутренний фронт, формируемый нацией, намного важнее внешнего фронта.

Но все было напрасно.

Несмотря на все его усилия, оппозиция не желала смириться с утратой своей власти.

Скандалы следовали один за другим.

Встретился министр иностранных дел, Юсуф Кемаль, отправленный с поручением в Париж и Лондон, с султаном в Стамбуле?

Тогда почему сам Кемаль не сообщил об этом Национальному собранию?

И почему он вообще разрешил Юсуфу встречаться с султаном?

Сообщить, что «Великое национальное собрание признает халифат и хочет, в свою очередь, чтобы халифат признал Великое национальное собрание?»

Когда же депутаты узнали о том, что Вахидеддин заявил, что готов принять «одного из представителей нации, управлением которой он гордится», они потребовали объяснений.

Что же касается признания Национального собрания, то Вахидеддин сказал, что «надо подождать».

— На нашей земле греки, — пояснил он, — и только после того, как они покинут Анатолию, можно будет вернуться к этому вопросу; необходимо быть осмотрительным. Это мне посоветовал генерал Пелье…

Хусейн Авни и другие оппозиционеры устроили самый настоящий скандал.

Однако после обсуждения результатов встречи с Вахидеддином 156 депутатов проголосовали за доверие правительству при восьми против и двадцати семи воздержавшихся.

Но когдав в начале мая 1922 года правительство потребовало нового обновления закона о полноте власти главнокомандующего, Национальное собрание отказалось его поддержать.

Полковник Кара Васыф, бывший представитель анатолийцев в Стамбуле, спросил министра обороны:

— Каковы наши военные планы?

— Изгнать врага из страны, — ответил ему Кязым, товарищ по военному училищу.

— Я не верю! — воскликнул Кара Васыф. — Вы вводите нас в заблуждение. Армия не способна перейти в наступление, так как не имеет для этого никаких возможностей. Вы хотите нас обмануть с этим законом!

Его поддержали другие депутаты, не понимавшие, чего хочет Кемаль.

И в самом деле, зачем нужны чрезвычайные полномочия, если армия стоит на месте?

Вывод только один: лишить Национальное собрание его полномочий.

Узнав об отказе, плохо чувствовавший себя в те дни Кемаль через голову меджелиса сообщил в конфиденциальных посланиях военачальникам, что ничего не изменилось.

Если называть вещи своими именами, то он нарушил закон.

Плохо?

Наверное.

Но ведь было уже однажды сказано, что если законы мешают революционной необходимости, то…

Кемаль не зря внимательно изучал историю Великой французской революции и был согласен с якобинцами.

Но в то же самое время он был против Зии Кёкальпа, предсказавшего для Турции латиноамериканскую модель, где власть переходит из рук одного генерала в руки другому.

Именно поэтому он и попросил Национальное собрание собраться на закрытое заседание.

— Я, — заявил он, — был вынужден выполнять функции главнокомандующего, чтобы не подвергать родину опасности, которую представляет отказ снова утвердить закон о полноте власти…

В следующее же мгновение его голос потонул в реве возмущенных оппозиционеров.

Более того, некоторые из них выхватили пистолеты и холодное оружие.

Но Кемаля напугать было сложно.

— Национальное собрание, — презрительно заметил он, — это не сельская кофейня…

В наступившей мертвой тишине началось голосование.

Кемаль снова победил.

177 голосов «за», 11 — «против» и 15 — «воздержавшихся».

Как поговаривали злые языки, люди Кемаля основательно «поработали» с теми, кто совсем еще недавно голосовал против него.

Да, Кемаль снова победил.

Но особой радости он не испытывал.

Да и какая могла быть радость, если люди так легко забывали ту роль, которую он играл с начала борьбы за независимость?

И продолжал играть.

Как быстро они забыли свой страх тех дней, когда греческие

армии рвались к Анкаре.

А теперь хотели обойтись без армии?

Что это наивность, или обыкновенная тупость?

Да какая в принципе разница, что, главное, что они мешали ему идти вперед по дороге, усыпанной далеко не розами?

— Некоторые члены «Второй группы», — откровенно сказал он Халиде Эдип по этому поводу, — заслуживают, чтобы их линчевала толпа из-за той опасности, какую представляет их безответственность…

Но в то же время он понимал, что пока он вынужден работать именно с этим составом меджелиса, ему надо сделать все возможное, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

Если Национальное собрание опасалось его диктатуры, надо его успокоить.

И Кемаль не стал возражать против проекта закона, отбирающего у него право назначать министров и ставящего на голосование пост председателя Совета министров.

Более того, он уговарил Рауфа баллотироваться на этот пост.

Оно и понятно!

Рауф больше нравится оппозиции, рассчитывающей, что бывший морской офицер, герой, будет честным и спокойным главой правительства, умеренных взглядов, чтобы нравиться консерваторам, и достаточно энергичным, чтобы удовлетворить армию.

Рауф хотел возглавить Совет министров, но опасался вмешательства Кемаля:

— Брат мой, — сказал ему Кемаль, — я даю тебе слово, что соглашусь с тем, чтобы председатель Совета министров формировал правительство, и я уверяю тебя, что не буду вмешиваться…

Через несколько дней Рауф стал председателем Совета министров.

В своем стремлении успокоить оппозицию Кемаль пошел еще дальше и оставил пост президента «Первой группы», который он доверил Али Фуаду.

Через несколько дней Кемаль отправился в гости к Рефету, где его ждали Али Фуад и Хусейн Рауф.

Кемаль вспомнил прошлое, поворил о политическом будущем страны и об отношениях в Национальном собрании.

Неожиданно для всех он вдруг заявил:

— Я знаю, как победить оппозицию, но сейчас это делать неразумно, потому, что позже у нас не будет надобности делать это…

Друзья попросили его объясниться подробнее и не

поддаваться эмициям.

Кемаль улыбнулся.

— Я услышал вас, — сказал он. — Завтра я представлю Национальному собранию мои идеи о будущем страны…

Они расстались перед самым рассветом, а через несколько часов гази прибыл в Национальное собрание в форме маршала.

— Очень скоро, — заявил он депутатам, — мы вернем Измир, Бурсу, Стамбул и Фракия!

Не ожидавшие ничего подобного парламентарии долго аплодировали ему.

А затем…

— Но для этого, — продолжал Кемаль, когда овации стихли, — я должен снова занять то место, которое вы доверили мне, когда мы начали защиту нашей священной цели…

Иными словами, ему должны вручить все те же ярезвычайные полномочия.

Сложно сказать, о чем думали в этот момент депутаты.

Но всего через несколько минут они снова наделили Кемаля всей полнотой власти, как военной, так и политической.

Только теперь на неограниченный срок!

Глава XIX

После избрания Рауфа премьер-министром, Февзи остался начальником Генерального штаба и членом правительства.

Военное министерство Кемаль доверил своему старому приятелю Кязыму Озальпу.

Чем страшно обидел Карабекира.

С каждым днем тот все подозрительней смотрел в сторону Кемаля, а затем вдруг потребовал создать сенат!

В июле оппозиции депутаты снова принялись обвинять его в нежелании как можно быстрее закончить войну.

Ему снова пришлось убеждать их в том, что армия еще не готова и что о степени ее готовности могут судить только сведущие в этом люди.

Конечно, его бесили эти глупейшие требования.

Он и сам был бы рад как можно скорее выбить греков из Анатолии, но у него не было той волшебной палочки, с помощью которой можно было в мгновение ока создать мощную армию.

— Нам, — говорил он по этому поводу, — нужны винтовки, снаряды, пушки и пулеметы, — заявил он, — а когда у нас будет все это, то мне понадобится все то же самое…

А его принуждали с измотанными войсками выступать против мощной военной силы.

И кто?

Те, кто никогда в жизни не слышал леденящего душу воя снарядов и не знал, как пахнет кровь.

Но Кемаль не только дискутировал, все это время он продолжал кропотливую работу по созданию новой армии.

Дела шли успешно, и уже в июне Кемаль в беседе с известным французским писателем Клодом Фаррером, заявил:

— Эта война продлится совсем не долго, потому, что у меня есть армия…

На руку Кемалю сыграла и смена Папоуласа на плохо знавшего обстановку нового главнокомандующего греческой армией.

И никто не знал, что еще месяца назад он решил начать наступление.

Куда больше депутатов его в те дни волновали Союзники.

На них уже нельзя было прикрикнуть и надавить, и он очень боялся, что Англия заставит Грецию выступить задолго до того, как его армия станет полностью боеспособной.

В глубине души он все-таки надеялся, что под давлением

Союзников Англия прекратит военные действия и пойдет на подписание устраивавшего его мирного договора.

В конце июля он пригласил на ужин Али Фетхи.

— Я, — сказал он, — решил начать наступление. Для полного успеха необходимо избежать военного вмешательства англичан, хотя бы до середины сентября. Займись этим. А чтобы Лондон ничего не заподозрил, поезжай в Ангиию через Рим и Париж…

На первой же встрече с премьер-министром Франции Али Фетхи бросил пробный камень.

— Мы, — заявил он, — способны выиграть войну, но нам хотелось бы избежать кровопролития!

И тот, как показалось эмиссару Кемаля, принял его слова к сведению.

Пока Али Фетхи добирался до английской столицы, Кемаль встретился генералом Тауншендом.

После турецкого плена тот стал депутатом и выступал против политики Ллойд Джорджа на Ближнем Востоке.

После беседы с Кемалем Тауншенд направил отчет в министерство иностранных дел.

Английские дипломаты ломают голову над тайным смыслом заявления Кемаля.

И в самом деле, что это значит?

«Если на этот раз я не добьюсь мира, то привлеку широкое антибританское движение, готовое ему помочь в Египте и Индии».

А что стоит за сообщением генерала о коммерческой активности французов, итальянцев и американцев в Анатолии?

15 августа 1922 года Али Фетхи прибыл в Лондон

— Лорд Керзон не сможет вас принять до начала сентября, — заявили ему в министерстве иностранных дел.

В тот же день Али Фетхи сообщил в Анкару: «Наши цели могут быть достигнуты только военным путем».

Получив телеграмму Али Фетхи, Кемаль отправился в Акшехир, где находился Генеральный штаб.

Он встретился с Исметом, Февзи, Кязымом и другими военачальниками.

Они уточнили все детали, и войска получили приказ приготовиться к наступлению.

В это время у Кемаля боявилась новая, а вернее, старая головная боль.

Энвер!

Сумев убедить большевиков в том, что он способен поднять восстание в Туркестане против английского господства и

заполучив мандат ВЦИКа, он отправился в Бухару.

Оказавшись в Средней Азии, он надежде собрать под свое знамя весь Туркестан и во исполнение своей мечты, возглавил большой отряд басмачей.

Провозгласив стать наместником Мухаммеда на грешной земле сначала Средней, а потом и всей Азии, он намеревался покончить с советской властью на Востоке в два месяца.

Его успехи побудили короля Афганистана дать ему войска.

Энвер взял под контроль большую часть старинного бухарского эмирата и, отказываясь вступать в переговоры с посланцами Москвы, требовал, чтобы войска большевиков покинули Туркестан в течение пятнадцати дней, так как собирался «создать Великое мусульманское государство Центральной Азии».

Новости прибывали медленно из далекого Туркестана, но они вселяли надежду в сторонников Энвера в Анатолии и усиливали убеждения противников и даже многих сторонников Кемаля в том, что будущее Турции — в Азии.

Да и не потеряли они еще надежду на замену Кемаля на Энвера.

Но Кемаль напрасно беспокоился.

Высокомерное безрассудство Энвера оттолкнуло от него некоторых союзников, а Красная армия бросила против него около десяти тысяч бойцов.

На самом деле, когда Кемаль дал приказ о наступлении, Энвер был уже мертв.

Его труп, оставленный красноармейцами, был подобран и похоронен с почестями толпой его сторонников.

Так ушел из жизни тот, кто хотел создать новую турецкую империю.

Судьба забрала Энвера в тот момент, когда Кемаль был готов победоносно завершить войну за независимость.

Кемаль узнал о гибели Энвера только в декабре, когда английский журналист в Москве сообщил по телеграфу о «последнем подвиге Энвера-паши».

19 августа 1922 года в резиденции Чанкая состоялся прием, на который Кемаль пригласил многих видных людей Турции.

К великому удивлению многочислбенных гостей, самого хозяина на приёме не оказалось.

Как потом выяснилось, Кемаль в это время был уже далеко от Анкары.

Он выехал на фронт, где готовилось общее турецкое наступление.

Приём же был объявлен, чтобы усыпить бдительность вражеской агентуры в Анкаре.

С согласия Кемаля в Состав кемалистской армии была принята известная писательница Халиде Эдипю.

Кемаль расположил Генеральный штаб на «высоком холме», на склоне горы, выжженной солнцем.

На расстоянии шести километров находились первые траншеи греков.

В греческом лагере всё спокойно; система защиты греков образует подкову, открытую на запад.

Девять дивизий, около 150 тысяч бойцов, защищены системой траншей, надежность которых была недавно проверена английскими военными советниками.

Накануне наступления Кемаль вместе с Исметом и Февзи проверил те участки, через которые был намечен прорыв.

— Армия, — сказал он, — которая сражается только за удержание своих позиций, обречена на поражение. Такая армия, вынужденная бездействовать, прикованная к своим позициям и имеющая в перспективе лишь поражение, не сможет, в конечном счете, отстоять даже эти позиции…

А раз так…

26 августа в 5.30 утра тишину взорвала турецкая артиллерия, разбудив совершенно изумленных греков.

Через четыре часа, когда в атаку пошли пехота и турецкая кавалерия, греческая армия всё еще не могла понять, что произошло.

События развивались стремительно.

Греки отступили ко второй линии обороны, которая тоже считалась неприступной.

Битва при Думлупынаре завершилась 30 августа: пять греческих дивизий попали в окружение, глубокой ночью некоторые несчастные пытались бежать и укрыться на горных пастбищах.

Но стоило только турецкой пехоте пойти на штурм господствующей высоты около горы Коджатепе, как пришедшие в себя греки принялись оказывать упорнейшее сопротивление.

Ожесточенные бои продолжались до вечера, но турки так и не смогли прорвать греческую оборону.

Кемаль нервничал и злился, и после того, как Пятьдесят седьмая дивизия не выполнила его приказ и не завладела важной высотой Чигильтепе, он в жесткой форме потребовал от ее командира полковника Решата взять ее в течение получаса.

Решат обещал, а час спустя Кемаль прочитал адресованную

ему записку.

«Я не сдержал данное вам слово, — писал полковник, — и поэтому ухожу из жизни…»

— Я, — говорил позже Кемаль, — никогда не одобрял поступок Решата и всегда считал подобное поведение недопустимым. Но я не могу не сказать о той высочайшей ответственности, с какой наши офицеры и солдаты подходили к исполнению своего долга!

Только на следующий день турки сумели прорвать оборону и захватили важную высоту Эркментепе, а кавалеристы Фахреттина пронеслись по греческому тылу словно смерч, сея панику и смерть.

И все же о победе говорить было рано, греки продолжали защищать небольшой городишко Думлупынар.

Через него проходила дорога на Измир, по которой они намеревались в случае неудачи отводить свои войска.

Завязалась отчаянная битва, и 30 августа в решающем сражении турки нанесли греческой армии сокрушительное поражение.

Они уничтожили почти половину ее солдат и захватили в плен главный штаб.

«Греки, — описывал встречу со своими врагами Исмет, — выглядели изможденными, с бледными и трясущимися губами.

Я предложил им чаю, но они не могли даже держать чашки в руках!

Я заметил, что они сражались, как и подобает настоящим солдатам, но счастье было на нашей стороне!

Затем я представил их появившемуся в штабе Ататюрку…»

Кемаль повел себя как истинный джентльмен.

Он предложил кофе и сигареты и попытался хоть как-то успокоить своих недавних противников, но те оставались безутешными.

В тот же день Исмет издал приказ, в котором назвал битву при Думлупынаре «битвой главнокомандующих», многие командиры были награждены.

Исмет и командующий Первой армией Нуреттин получили звание генерал-майоров.

Однако последний отказался на пути в Измир видеть рядом с собою Вторую армию, и недовольный таким поведением Кемаль в довольно жесткой форме указал командующему на его место.

Да, он не часто появлялся во главе армии, но, тем не менее, все должны были знать, кто в ней настоящий хозяин.

И по сей день историки приводят разные причины, по которым греческая армия, которая превосходила турецкую по

всем показателям и была двое больше, потерпела столь сокрушительное поражение.

Но лучше самого Кемаля этого не сделал никто.

— В истории, говорил он по этому поводу, — были примеры того, как армии честно, героически защищали целую страну против превосходных сил противника, пять за пядью, до последнего куска земли, и вообще защищали себя, несмотря ни на что. Турецкая армия — армия этой закваски. Не было примеров в истории и такого, чтобы какой-либо фронт не был прорван или не мог быть прорван…

1 сентября Кемаль отдал свой самый знаменитый приказ.

«Солдаты, — писал он в своем обращении к армии, — ваша главная цель — Средиземное море!

Вперед!»

И солдаты быстро продвигались к этой цели, продолжая гнать перед собой беспорядочно отступавшую греческую армию.

В плен попал сам генерал Трикупис.

3 сентября в Ушаке с ним встретился Кемаль.

Он вел себя в высшей степени по-джентльменски.

Пожав руки противникам, он предложил кофе и сигареты.

Исмет и Февзи пожать руки своим врагам отказались.

Трикупис не скрывал своего отчаяния.

— Успокойтесь, — с некоторой иронией сказал ему Кемаль. — История знает немало великих военачальников, оказавшихся в плену…

Однако Трикупис безутешен.

— Я, — вдруг заявил он, — должен покончить с собой!

Кемаль подавил усмешку.

Он хорошо знал: те, кто хотел покончить с собой, делали это молча.

— Эти господа устали, — обратился он к Исмету. — Позаботьтесь о том, чтобы они смогли отдохнуть. Вы, — снова протянул он руку Трикупису, — наши гости, и, если у вакс есть просьбы…

— Сообщите мойе жене, где я, — попросил смущенный такой любезностью Кемаля, о кровожадности которого в греческой армии ходили легенды, Трикупис, — она сейчас находится в Стамбуле…

— Да, конечно, — улыбнулся тот и отдал приказание дать в Стамбул телеграмму.

Не сумев оказать достойного сопротивления на полях сражений, греки срывали зло на мирных жителях, оставляя за

собой вместо цветущих городов пепелища и безжалостно уничтожая мусульман.

Неприятно пораженные той легкостью, с какой Кемаль одерживал одну победу за другой, Союзники заговорили о перемирии, но тот только пожал плечами.

Да и какое могло быть перемирие с полностью разбитой армией!

Он продолжил свое победоносное наступление, и в эти дни в полном блеске проявила себя турецкая кавалерия, совершившая рейд в район Измира.

Легкая и подвижная, она появлялась в самых неожиданных местах и не знала пощады.

10 сентября была освобождена Бурса, и уже на следующий день войска Кемаля двинулись в направлении Проливов, где гарнизоны Союзников к этому времени были основательно укреплены прибывшими туда из Стамбула английскими, французскими и итальянскими солдатами.

11 сентября турецкие войска заняли Гемлик и Муданью, полностью окружив находившуюся там греческую дивизию.

И вот тут-то началась уже самая настоящая паника.

Не верившие уже ни в какие уговоры и не подчинявшиеся приказам греческие солдаты в полнейшем беспорядке бросились в Измир, где их ожидали транспортные суда Союзников.

Гражданское правление в Измире перешло в руки турок, и 9 сентября турецкая армия, сломив последнее сопротивление греческих войск, вошла в Измир.

Не сумевшие попасть на уходившие корабли солдаты спасались, кто как мог.

В ход были пущены лодки, катера и даже плоты. Но турецкая кавалерия преследовала их, и прямо на пляжах шла ожесточенная рубка.

Вопреки ожиданиям греков, английские военные суда и не подумали вступаться за них и остались стоять на рейде Измира с зачехленными пушками.

Вот как описывал трагические эпизоды войны Эрнест Хемингуэй, работавший в то время военным корреспондентом газеты «Торонто дейли стар»:

«В степной местности отступает колонна войск греческой армии.

Внезапно появляется турецкая конница, она лавой идёт в атаку.

Греческие солдаты в опереточных юбках (видимо это была гвардейская часть) дают по ним залп, а затем бегут в сторону предгорий.

Патронов больше нет!

Греческое правительство после сдачи Эски Шехира, ушло в отставку.

Почти одновременно был отдан приказ войскам об оставлении всего малоазиатского плацдарма.

8 сентября в порту Смирны бросили якорь три греческих корабля.

В их задачу входило не спасение местного населения, а эвакуация греческих солдат и высших государственных чиновников Смирны.

В тот же день на палубу стоявшего на рейде английского судна взошел Аристидис Стергиадис, министр Ионии, назначенный в 1919 году Э. Венизелосом наместником Смирны.

Стергиадис намеренно оставил греческое население Смирны на произвол его страшной судьбы.

Как это не покажется кощунственным, но в беседе с будущим премьер министром Ёргосом Папандреу он заявил:

— Пусть лучше останутся здесь жители Смирны, и их перережет Кемаль, чем они отправятся в Афины и перевернут там все верх дном!

Те же источники утверждают, что Стеригиадис систематически препятствовал организации греками Смирны сопротивления туркам, а впоследствии эвакуации из города».

На следующий день в освобожденный город вступил Кемаль.

Стоял прекрасный солнечный день, и последние километры Кемаль проделал в открытой машине.

На протяжении всего пути его приветствовали стоявшие по обе стороны дороги огромные толпы благодарных жителей.

В одной деревне многочисленная толпа окружила машину Кемаля.

Затем из толпы вышел какой-то мужчина.

Достав из кармана открытку, он сличил изображение на ней с подлинником и повернулся к застывшей толпе.

— Друзья, — торжественно произнес он, — это на самом деле Мустафа Кемаль!

Целых полчаса люди не отпускали своего героя, они со слезами на глазах они благодарили его за все, что он сделал для них.

У ворот города Кемаля встретил эскадрон кавалерии с шашками наголо.

Он вышел из машины и, окруженный кавалеристами, медленно двинулся по улице, заполненной ликующими жителями.

Кемаль пожимал протянутые к нему руки и впервые за многие месяцы улыбался.

О чем он думал в этот счастливый для себя миг?

О том, что уже исполнил то самое высокое назначение, о котором когда-то заявил в школе, или о том, что ему еще только предстоит по-настоящему оправдывать свои слова?

Кто знает…

Кемалю подготовили резиденцию на севере залива, в комфортабельном пригороде Каршияка, называемом нетурецким населением Корделио, в честь легендарного Ричарда Львиное Сердце, останавливавшегося там.

Интересное совпадение…

В сопровождении кавалеристов с блестящими на солнце клинками и торжествующей толпы он дошел до красивого здания, утопавшего в зелени.

Перед настежь раскрытыми дверями был расстелен греческий флаг, по которому, по замыслу встречавших Кемаля людей, он был должен пройти.

Король Константин, входя в этот дом, растоптал турецкий флаг, и теперь подобного ожидали от несколько удивленного увиденным Кемаля.

— Флаг, — к неописуемому удивлению присутствующих, сказал он, — это гордость и честь нации. Его нельзя швырять на землю и топтать. Уберите…

Да, он и сейчас явил себя не только блестящим полководцем, но и знавшим меру человеком.

Но… его не поняли.

После тех зверств, какие творили греки в окукупированном городе, от него ждали мести, а он…

А он заговорил так, что слушавшие его люди забыли о том неприятном осадке, какой оставил у них приках Кемаля убрать греческий флаг.

— Вопрос о расчленении нашей родины, — говорил он, — был предрешен. Было решено создать «Армению» в наших восточных вилайетах. Другую Армению, под названием «Киликия», предполагалось создать в Адане, Козане и сопредельных областях. К Греции предполагали присоединить районы Смирны и Айдына, а также территорию Фракии до ворот нашей столицы. На нашем побережье Черного моря предполагается создать королевство «Понт». Остальные земли, наконец, должны были быть поставлены либо под иностранную военную оккупацию, либо под протекторат. При решении этого вопроса державы Антанты совершенно не считались с

принципами гуманности и человеческой цивилизации и еще меньше с правами национальностей на самоопределение. Нацию, которая в течение 650 лет оставалась независимой, пытаются превратить в слугу и в раба, это ту нацию, которая в свое время донесла знамя справедливости и храбрости до границ Индии, до сердца Африки и до западных пределов Венгрии. Они пытались положить конец истории нашей нации и похоронить ее на вечные времена. Все эти преступные действия возбудили гнев божий и переполнили чашу терпения нации. Их результатом стал сегодняшний день, а наша великая нация снова доказала свою непобедимость…

Когда отгремели овации, Кемаль направился в кабинет.

Он с великим удовольствием выпил бокал ракы и закурил сигарету.

Война за Независимость была выиграна…

Глава XXX

Кемаль не только не стал унижать греческий флаг, но и предупредил, что каждый турецкий солдат, причинивший вред гражданскому населению, будет расстрелян.

Похоже, возрождались времена Сулеймана Великолепного, когда за растоптанное поле с пшеницей в зоне мира казнили.

По свидетельству американского консула Джорджа Хортона, день 9 сентября прошел относительно спокойно.

Но после того, как на следующий день греческая жандармерия передала свои функции туркам, начались грабежи и убийства.

«С 11 часов вечера 10 сентября, — писал в своем репортаже из Измира корреспондент „Нью-Йорк Таймс“, — я не увидел более ни одного уцелевшего греческого или армянского дома.

Двери были выломаны, окна выбиты, женщины — изнасилованы, мужчины и дети — наколоты на штыки, обезглавлены, задушены, разорваны на части, точно ветхая одежка.

Турецкие офицеры направляли действия своих солдат, волочивших награбленное добро.

Трупы — обезглавленные или целые — валяются на улицах, от них исходит невыносимый смрад». Количество убитых в разных источниках варьировалось от 60 до 260 тысяч.

Оставшиеся христиане были вынуждены покинуть Смирну.

Но это оказалось еще сложнее, нежели выжить в нем, поскольку экипажи стоящих на рейде кораблей Великих держав и не думали никому помогать и хладнокровно наблюдали за всем происходящим.

Самыми бессердечными оказались французы.

Когда беженцы, подгоняемые штыками турок, бросались в воду и пытались доплыть до европейских кораблей, французы ружейными прикладами отгоняли их от своих бортов.

Они лили им на головы кипяток и даже отрубали руки тем, кому удавалось подтянуться и ухватиться за перила!

Конечно, при желании можно было бы остановить кровавую вакханалию.

Но такого желания не было, и новый военный комендант Измира Нуреттин не только не спешил наводить порядок, но и всячески поощрял беспорядки и поджоги.

В считанные часы красивейший город превратился в дымящиеся руины, среди которых валялись горы трупов.

«Чтобы отпраздновать свой триумф, — писал Черчиль в своих

воспоминаниях, — Кемаль превратил Смирну в пепел и перерезал христиан».

Возможно, так оно и было, но и греки не отличались особым человеколюбием, и повсюду можно было видеть распятых на деревьях мусульманских женщин.

Над руинами стоял отвратительный запах горелого человеческого мяса, и в городе были слышны выстрелы и крики.

С непроницаемым лицом стоял на балконе Кемаль и смотрел на дымившиеся руины.

Багровое зарево пожара отражалось в темной воде залива, и создавалось впечатление, что горит не только воздух, но и вода.

Кемаль повернулся к стоявшим позади него офицерам.

— Там, — махнул он рукой в сторону дымящегося города, — сгорает старая эпоха! И этот огонь — символ очищения. Отныне Турция принадлежит только туркам…

И все почтительно склонили головы в знак согласия с непобедимым Гази.

Кемаль бросил взгляд на начальника штаба.

— Сообщите в Анкару, — приказал он, — что армия приветствует нацию с берегов Средиземного моря…

Окончательное поражение в войне сказалось на политической жизни Греции.

В греческой армии, эвакуированной на острова Эгейского моря, вспыхнуло восстание.

Руководителями движения стали полковники Николаос Пластирас, Стилианос Гонатас и адмирал Димитрис Фока.

Триумвират военных сразу перешёл к действиям и погрузив войска на корабли двинули их к Аттике.

Несколько военных аэропланов разбросали воззвания к народу от революционной армии над Афинами, Салониками, Ламией и Ларисой.

Восставшая армия 13 сентября высадилась в Лаврио и на следующий день беспрепятственно вошла в Афины.

Король Константин I поначалу пытавшийся противостоять восставшей экспедиционной армии, что привело бы страну к гражданской войне, был вынужден отречься от престола, и убыл в Италию, где через год скончался в Палермо.

Правительство ушло в отставку.

Королём был объявлен Георгиос II.

Было сформировано новое правительство во главе с Сотирисом Крокида, но фактически власть находилась в руках Н. Пластира, руководителя движения военных.

Был создан повстанческий комитет, в который к дополнению

к существовавшему триумвирату, вошли полковник Лука Сакелларопулу и адмирал Александр Хадзикириаку.

Чтобы не допустить турецкую армию в Западную Фракию, для её обороны в Эврос был направлен генерал Ф. Пангалос.

Вся страна отмечала великое событие в своей новой истории, и депутаты с превеликим удовольствием сменили лежавшую на столе президиума меджлиса с 1920 года черную траурную скатерть на зеленую.

10 сентября адъютант вручил Кемалю послание от султанского правительства, которое… поздравляло его «с одной из самых величайших побед в истории Оттоманской империи!»

Тот недоуменно пожал плечами.

Как видно, в Стамбуле так ничего и не поняли.

Да и какая там еще могла быть «Оттоманская империя», когда речь давно уже шла о совершенно другой Турции!

Но куда больше его позабавило сообщение о том, что султан решил отпраздновать победу турецкого оружия в мечети вместе с… английским маршалом Пломмером, исполнявшим обязанности губернатора Мальты, куда еще совсем недавно англичане ссылали опальных кемалистов.

И из всей этой истории Кемаля порадовало только то, что стоявшие в почетном карауле офицеры, повернувшись к монарху спиной, громко прокричали:

— Да здравствует Мустафа Кемаль-паша!

Вместе с ними этот возглас снова и снова повторяла ставшая полностью турецкой Анатолия.

Однако сам Кемаль был далек от той эйфории, в какой пребывала страна.

Да и о какой эйфории могла идти речь, если Восточная Фракия, Стамбул и Проливы все еще оставались в руках оккупантов, а в Европейской Турции находилось 50 тысяч греческих солдат?

Что бы там ни говорили, но Клаузевиц был прав, и война кончалась только тогда, когда от армии противника оставалось одно воспоминание, и он решил идти ва-банк.

Все правильно!

Сейчас или никогда, и нельзя давать ни Союзникам, ни разбитой в пух и прах Греции ни минуты передышки.

И когда британский консул замучил его своими настойчивыми требованиями обеспечить безопасность подданным ее величества в Измире, Кемаль разыграл благородное негодование.

В довольно жесткой форме заявил, что ему странно слышать

подобные требования до заключения мира.

— А разве Британия, — воскликнул изумленный консул, — находится с Турцией в состоянии войны?

— Можно подумать, — пожал плечами Кемаль, — для вас это новость!

Освободив Анатолию, Кемаль намеревался переправить армию на европейский берег, чтобы закончить освобождение всей страны, включая Проливы, Стамбул и Восточную Фракию.

Озадаченный консул поспешил откланяться и сообщил в Лондон о твердом намерении Кемаля продолжать боевые действия и войти в «нейтральную зону».

Однако английское командование воспротивилось этому, пригрозив продолжением военных действий.

С умолявшим его остановить продвижение турецких войск генералом Пелле Кемаль был еще откровеннее.

— Я, — заявил он, — не знаю на территории Турции никаких «нейтральных зон», и наши победоносные войска продолжат свое шествие!

Конечно, он блефовал и, как только весьма обеспокоенный генерал уехал, с грустью в голосе произнес:

— Наши победоносные армии… А ведь я даже не знаю, где они сейчас и сколько понадобится времени, чтобы собрать их!

Но блефовать он не прекратил и, постоянно пугая Союзников, продолжал передвижения войск в направлении Чанаккале.

Конечно, это была только видимая активность, и ни о каких провокациях с его стороны не могло быть и речи.

— Несмотря на нашу силу, — не уставал повторять Кемаль, — мы продолжаем проводить весьма взвешенную и умеренную политику и стараемся изолировать Британию. И хотя наши войска продвигаются к Стамбулу и Чанаккале, я предпочел бы мирное решение…

Пока озадаченные сложившейся на Проливах ситуацией Союзники раздумывали над тем, что им теперь делать, Кемаль решил сменить помещение для своего штаба, поскольку от трупов в заливе шел отвратительный запах.

10 сентября 1922 года стал знаменательным днем в жизни Кемаля.

В этот день, каким-то немыслимым образом прорвавшись через преграду его адъютантов, в его кабинет вбежала молодая женщина в черном пальто и сиреневой шляпе с вуалью.

— Меня, — представилась она, — зовут Латифе, я — старшая дочь Муаммера Ушакизаде. Я пообещала, что поцелую вашу руку!

И, не дав Кемалю опомниться, она исполнила свое обещание.

Не привыкший к такой экстравагантности, Кемаль только покачал головой.

Латифе и на самом деле была экстарвагнтной девушкой, и уже юных лет не соответствовала общепринятым нормам.

Ее отец Муаммар Бей был хлопковым магнатом и одним из богатейших жителей Измира.

Именно у него появился первый в городе автомобиль, а дети отправились учиться на Запад.

В двадцать четыре года Латифе стала обладательницей дипломов из Парижа и Лондона и свободно говорила на пяти языках.

Одетая в элегантный европейский костюм, стройная, с оливковой кожей и большими темными глазами, она производила впечатление.

Невысокая брюнетка, она восполняла недостаток физической красоты подкупающим шармом европейских манер.

Владея французским и таинственными секретами «общества», она заняла бы достойное место в любом салоне Парижа или Лондона.

Она никогда не скрывала своего желания удачно выдти замуж.

— Я, — отвечала она офицерам, предлагавшим ей руку и сердце, — выйду замуж только за самого главного мужчину в стране!

— Но тогда вам придется выдти замуж за султана! — воскликнул один из них.

— Значит, — ответила Латифе, — я выйду замуж за него!

После Первой мировой войны, когда державы-победительницы делили Турцию, а греки заняли Измир, Муаммар Бей бежал с семьей в Швейцарию.

Однако Латифе вскоре вернулась, чтобы ухаживать за тяжело больной бабушкой.

От каждого жителя Измира она слышала одно и то же имя: Мустафа Кемаль.

За неимением султана, Латифе реишла покорить Кемаля.

И как только войска Кемаля отбили город у греков. Латифе совершила поступок, на который не отважилась бы ни одна другая женщина.

Сама явилась к Кемалю.

И вот теперь она стояла в одном шаге от своей мечты.

Она с увлечением рассказала Кемалю о своей огромной радости в связи с победой при Сакарье, о своем стремлении вернуться в Измир, о своих злоключениях с греческими властями, которые приняли ее за шпионку националистов.

Затем она призналась, что носит на груди его портрет, вырезанный из французского журнала.

— Я, — заявила Латифе в конце беседы, — хочу пригласить вас с вашим штабом в наш дом…

Кемаль принял предлдожение.

Да и как не принять, если Латифе произвела на него огромное впечатление.

Именно такая женщина — уверенная в себе, независимая и образованная — была нужна ему сейчас, когда он собирался реформировать Турцию.

Надо полагать, что уже тогда он думал о Латифе не как о спутнице жизни, а как о выставочной жене, с помощью которой он собирался проводить свою политику в отношении женщин.

Переезд в Гёзтеп происходил в обстановке ужасного беспорядка, вызванного пожаром.

Пожар возник одновременно в нескольких местах.

Водопровод был перекрыт, дул сильный ветер, и бороться с огнем было невозможно.

За три дня и три ночи город исчез в огне пожаров.

Сгорело 20 тысяч домов, уцелел только турецкий квартал.

Тысячи горожан, спасаясь от огня, бежали на набережную.

Давка была невообразимая.

Многие из тех, кто кидался в море, надеясь найти спасение на кораблях союзников, утонули.

Говорили, что американские и английские моряки включали граммофоны, чтобы не слышать крики несчастных, молящих о помощи.

Вскоре после переезда Кемаль устроил пышный прием, и на нем блистали только два человека: хозяйка дома и он сам.

Они являли собою прекрасно смотревшуюся пару.

Она в черном платье и он в белом кавказском костюме, она с мило улыбавшимся лицом и он со своим словно выбитым на металле чеканным профилем.

Она — сама жизнь и он, проливший ради этой жизни реки крови…

Пожелав как можно чаще видеть Латифе, Кемаль сделал ее своим секретарем, и, прекрасно знавшая английский и французский, она разбирала его с каждым днем увеличивавшуюся корреспонденцию.

Латифе была не только женственна, но и честолюбива и настолько поразила его своими способностями, что он в шутку стал называть ее своей «начальницей штаба».

Когда у них выдавалось свободное время, Кемаль с

удовольствием беседовал с ней на самые различные темы.

И Латифе, которой все больше и больше нравился Кемаль, делала все возможное, чтобы завоевать его сердце.

Но уже тогда в ее поведении проскальзывало до времени скрытое желание управлять своим будущим спутником жизни и его весьма изменчивым настроением.

На одном из приемов в доме Латифе Кемаль неожиданно для всех появился в русской рубахе, пел песни своей родной Македонии и много танцевал.

— Его движения были энергичны и полны достоинства, — вспоминал позже Фалих Рыфкы. — Он избегал ненужных жестов, и что самое странное, в его танце ясно виделось слияние западных и восточных манер…

Но еще больше журналиста поразили услышанные им в тот вечер речи Кемаля.

— Это, — восторгался он, — были речи решительно настроенного воина, расчетливого политика и гуманиста!

Когда все ушли, Кемаль с Латифе вышли на балкон.

Пожар продолжался.

Если верить Исмету Бозлагу, написавшему книгу о любви Кемаля и Латифе, тот сказал:

— В день прибытия я сказал Рушену Эшрефу, что буду очень сожалеть, если мы нанесем ущерб этому прекрасному городу, освобождая его. А сегодня он горит на моих глазах…

Латифе постаралась его успокоить.

— Да что значит этот пожар, — сказала она, глядя ему в глаза, — когда вам удалось осуществить свою мечту, и, благодаря вам, турецкий флаг раскрылся, словно цветок, на вершине крепости!

Она помолчала и произнесла те самые слова, которые Кемаль так надеялся услышать от нее:

— Я готова быть вашей рабыней до конца дней…

Любой западный мужчина на его месте обязательно бы ответил:

— Не рабыней, а госпожой…

Однако Кемаль был восточным мужчиной и ограничился тем, что обнял Латифе, и та доверчиво прижалась к нему.

Кемаль на самом деле в те дни казался влюбленным.

В белом костюме или кавказской рубашке он каждый вечер принимал друзей в «Белом доме» Гёзтепа.

На одной из вечеринок с Хусейном Рауфом и Али Фуадом Кемаль неожиданно сказал:

— После войны мы приобретем небольшой участок на эгейском побережье с виноградником, курами и заживем как

петухи!

Друзья с изумлением переглянулись.

Это говорил тот самый Кемаль, который несколько дней назад отвергал советы Халиде Эдип отдохнуть и обещал бороться с оппозицией после поражения греков…

Можно подумать, что он не знал о том, что в стране все сохранялось двоевластие, а сообщения из Анкары приходили одно тревожней другого.

Там все громче и громче звучали голоса оппозиции.

Оно и понятно!

Ведь теперь, когда общая цель была почти достигнута, каждый из депутатов отстаивал свои собственные интересы.

И самое печальное заключалось в том, что никто из них даже и не помышлял о республике и собирался отдать все свои силы за сохранение так милого их сердцу султаната-халифата.

Помимо всего прочего, оппозиция и некоторые члены правительства стали все чаще выражать свое недовольство тем, что политикой занималось не предназначенное для этого правительство, а главнокомандующий.

И теперь все они требовали немедленного похода на Стамбул….

Но уже на следующий день они увидели прежнего Кемаля, сдержанного и жесткого.

Они не ошиблись, и Кемалю на самом деле было не до романтики.

И если с покинувшими Анатолию греками и выведшими свои немногочисленные войска из нейтральной зоны французами и итальянцами проблем не было, то англичане, вопреки указаниям из Лондона, остались в Чанаккале.

И теперь турецкие войска столкнулись лицом к лицу с английскими частями на границе нейтральной зоны, созданной англичанами у Дараденлл, чтобы отделить турок от греков.

В воздухе снова запахло порохом.

Черчилль, убежденный, что турки готовы начать наступление 30 сентября, потребовал от своих представителей в Стамбуле предъявить туркам ультиматум.

И можно только догадываться, какие чувства испытывал Кемаль, когда прочитал составленное Черчиллем коммюнике.

«Английское правительство, — говорилось в нем, — не допустит утраты Союзниками всех результатов победы над Турцией в мировой войне, не позволит кемалистам занять зону Проливов и применит против этого всю необходимую силу».

Бряцание английского оружия не испугало Кемаля.

Ему слишком хорошо были известны противоречия между западными странами, чтобы поверить в возможность новой войны.

Предпринятая Лондоном игра мускулами казалась ему попыткой не столько запугать его, сколько проверить на слабость.

Тонко чувствовавший ситуацию Кемаль решил сам мспытать нервы англичан.

Свой рискованный эксперимент он доверил отряду кавалерии.

Но все кончилось благополучно, и когда ворвавшиеся в нейтральную зону турецкие кавалеристы наткнулись на патруль английских гусар, те, вместо того чтобы открыть по ним огонь, затеяли… обмен подарками.

Теперь Кемаль точно знал, что ни о каких военных действиях не может быть и речи и наступил самый удобный момент добиться не только вывода всех греческих войск из Восточной Фракии, но и вообще всех иностранцев с турецких территорий.

И он оказался прав!

Конечно, англичане не хотели воевать, и их главной целью по-прежнему оставалось предложенное Кемалю Пуанкаре, Керзоном и Сфорцой перемирие.

— Знаете, — сказал по этому поводу Кемаль своему окружению, — в чем была истинная слабость прежних правителей? Мы никогда не добьемся независимости страны и родины, следуя советам, источник которых надо искать за границей и которые преследуют цель убедить нас в том, что нельзя добиться торжества нашего дела с помощью армии, войны и настойчивости. Такого рода случаи в истории неизвестны. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что те, которые будут поступать вопреки этому, очутятся лицом к лицу перед роковыми событиями. В общем, благодаря действиям лиц, которыми владели подобные неправильные концепции. Турция с каждым веком, с каждым днем и часом шла по нисходящей линии и вырождалась. Если бы этот регресс происходил лишь в материальной области, это не имело бы никакого значения. К несчастью, регресс наблюдался и в моральной области. Несомненно, это был основной фактор, приведший нашу великую страну и великий народ к гибели…

Пройдет еще несколько лет, и одной из основных стрел кемализма станет тот самый революционный дух нации, с помощью которого Кемаль был намерен сокрушить всех своих врагов.

И сокрушал…

Уладить конфликт Кемаля с англичанами взялся известный туркам по переговорам 1921 года французский дипломат Франклен-Буйон.

Когда он прибыл в Измир, довольный Кемаль на радостях даже обнял своего «старого друга».

Ободренный таким началом француз, ссылаясь на полномочия от всех держав Антанты, заверил Кемаля, что Турция получит Восточную Фракию без боя.

Более того, он обещал поддержку на предстоящей в Муданье мирной конференции.

Кемаль согласился на перемирие и приостановил движение войск.

И сделал он это вопреки мнению всех гражданских и военных депутатов, призывавших к немедленному походу на Стамбул.

Говоря откровенно, никакого движения не было, и войска стояли на границе нейтральной зоны.

И все дело было в том, у кого первого дрогнут нервы.

Кемаль выстоял.

В тот же день в отправленной Пуанкаре телеграмме Кемаль сообщил, что, «полагаясь на заверения, которые г-н Франклен-Буйон дал в согласии с представителями Антанты», он приказал остановить военные операции в направлении Константинополя и Чанаккале.

Переговоры он предложил провести в небольшом порту на побережье Мраморного моря Муданье.

Не желая раньше времени напрягать Союзников, Кемаль обошел молчанием вопрос о выводе оккупационных войск из зоны Стамбула и Проливов.

Но на немедленном возвращении Турции Восточной Фракии настоял.

По вполне понятным причинам его телеграмма вызвала и в Париже, и в Лондоне вздох облегчения.

Доволен был и сам Кемаль.

Он не только добился вывода из Турции оккупационных войск, но и развязывал себе руки для занятий внутренними делами.

Конечно, Латифе была расстроена его отъездом.

Как это ни удивительно, но они пока так и не переступили ту черту, которая отделят подругу от любовницы.

Латифе отказалась стать его любовницей.

В свою очередь, Кемаль поклялся, что не женится до тех пор, пока не добьется своей главной цели.

— Ждите меня здесь! — сказал он и, улыбнувшись, добавил: — Это приказ!

На том они и расстались.

Глава XXX

В Анкаре Кемаля встретили с превеликими почестями.

Правительство, депутаты, жители Анкары, ее гости, журналисты, дипломаты — все пришли выразить свое восхищение непобедимым Гази!

На улицах были сооружены многочисленные арки с написанными на них приветствиями и лозунгами.

Здесь же проводились народные гулянья, выступления борцов и различные игры.

В мечетях шли молебствия в честь победоносного турецкого оружия.

Повсюду слышались поздравительные речи, и, слушая некоторых ораторов, Кемаль с трудом сдерживал улыбку.

Да, сегодня они прославляли его, но куда больше он обрадовал бы их, сложив свою голову где-нибудь под Эскишехиром или в Измире.

И неслучайно один из лидеров не думавшей складывать оружие оппозиции заявил:

— Мы избавились от греков и точно так же избавимся и от Кемаля!

Но что делать, политика была грязной игрой, и игравшим в нее часто приходилось улыбаться, сжимая в кармане рукоятку пистолета.

Целый день Кемаль принимал многочисленные поздравления, но по-настоящему расслабился только вечером в окружении самых близких ему людей.

Много было выпито в тот вечер вина, но то, что сделали эти люди, стоило того.

Потому и горел свет всю ночь на вилле в Чанкайя. А когда гости разошлись и Кемаль остался один, он еще долго сидел за накрытым столом и курил.

Многое вспомнил он в эту памятную для него ночь и почему-то чаще всего видел себя на палубе уносившего его в Сирию парохода.

Да, много воды и крови утекло с того времени, многое изменилось в мире, и, конечно, изменился он сам.

И теперь в этой комнате сидел совсем другой человек, лишенный романтизма и сентиментальности.

Интересно, что бы сказала Корина, увидев его?

Да и был бы он сейчас интересен ей так, как был интересен в незабываемые дни их близости?

Ведь тогда она видела в нем рыцаря без страха и упрека.

Остался ли он таким сейчас?

Кемаль грустно усмехнулся.

Ему даже не хотелось отвечать на этот вопрос.

Слишком многое разделяло того приходившего с широко раскрытой душой в дом прекрасной вдовы молоденького офицера от сидевшего сейчас на вилле беспощадного и трезвого политика.

Кемаль в последний раз глубоко затянулся, затушил сигарету и отправился в спальню.

Фикрие не спала и с призывной улыбкой смотрела на своего знаменитого на весь мир возлюбленного.

В ее блестевшем в свете свечей взоре было столько любви и нежности, что Кемаль невольно вздохнул.

Будет ли вот так же ненавязчиво и преданно любить его та, другая, с которой он намеревался связать свою судьбу?

Конечно, он понимал, какой трагедией будет для Фикрие их разрыв, но место в его спальне было только для одной.

И этой одной была Латифе…

Вскоре после возвращения в Анкару Кемаль выступил в меджлисе с подробным рассказом об одержанной победе.

И вот тут-то произошло нечто неожиданное.

Из всех принимавших участие в войне за Независимость высших военных он выделил только Февзи, Исмета и Кязыма Озальпа, словно не было ни Рефета, ни Али Фуада, ни того же Карабекира, столько сделавшего для Восточной Анатолии.

Возможно, они не обладали блеском Февзи и основательностью Исмета, и все же не тот был сегодня день, чтобы забывать своих ближайших друзей.

Да, они не пожелали служить под началом Исмета, но разве они мало сделали для победы?

Разве не они днями и ночами старались приблизить ее?

Да и как было можно славить бывшего сторонника Энвера и забывать про тех, кому он стольким обязан?

Как выяснилось, можно, и сделавшему свой выбор Кемалю не хотелось возвышать людей, которые должны были сойти с дистанции.

А в том, что ему было уже не по пути со своими бывшими соратниками, он не сомневался.

Никто из них даже и не думал ни о какой республике и уж тем более о тех крутых переменах в стране, какие он намеревался проводить.

Да и трудно работать с людьми, с которыми ты сидел за одной партой.

А посему ему были нужны совсем другие попутчики, и он

начал готовить свое новое политическое и военное окружение из людей, не только разделявших его убеждения, но и безоговорочно преданных ему.

И такие уже были, особенно из молодых генералов, выдвинутых им во время войны.

И все-таки самое главное заключалось в том, что выдвинутые им на высшие должности люди превосходили по своим способностям его друзей.

А Кемаль был не из тех, кто мог доверить армию человеку, потолком которого было командование эскадроном.

Как это сделал убравший Фрунзе Сталин с Ворошиловым.

Тот же Исмет был в высшей степени ответственным человеком, прекрасно справлявшимся со всеми возложенными на него обязанностями.

За ним стоял Февзи, один вид которого производил неизгладимое впечатление на всякого, кто видел его в первый раз.

Высокого роста, с длинными черными усами, густыми бровями и темными вдумчивыми глазами, он, казалось, постоянно думал о чем-то очень важном.

Он прекрасно излагал свои мысли, быстро оценивал обстановку и, несмотря на религиозность, являл собою олицетворение настоящего солдата.

Под стать ему был и военный министр Кязым Озальп, человек с приветливым лицом и большими серыми, всегда широко открытыми глазами.

Серьезный и вдумчивый, он, несмотря на постоянную улыбку, умел работать основательно и быстро.

Все эти люди были близки к нему, но все же находились на совершенно другой от него дистанции, нежели сидевшие с ним за одной партой Али Фуад и Али Фетхи.

Но даже при всем своем желании он не мог вот так в одночасье распрощаться со своими старыми друзьями.

Все они были заслуженными и известными в стране людьми, и он оставил их на политической сцене, надеясь уже в ближайшем будущем окончательно отделаться от них.

В результате обойденные Кемалем генералы образовали «генеральскую оппозицию» во главе с Рауфом.

3 октября 1922 года в городе Муданья, на берегу Мраморного моря, по инициативе Союзников начались переговоры по заключению перемирия.

Турцию представлял командующий Западным фронтом Исмет-паша, Антанту — верховные комиссары Англии, Франции и

Италии в Стамбуле.

Этой чести он был удостоен не потому, что имел опыт подобных переговоров с болгарами в 1913 году.

Кемаль доверил ему эту миссию, так как был уверен, что Исмет будет точно следовать его указаниям.

Еще до начала переговоров Кемаль заявил, что Восточная Фракия вплоть до реки Марица должна принадлежать Турции, а греки должны эвакуироваться оттуда в течение тридцати дней после заключения перемирия.

Переговоры превратились в дуэль между двумя генералми: Харингтоном и Исметом.

Никто не хотел уступать, и тогда Исмет заявил, что: турки готовы начать наступление.

На этот раз Кемаль не блефовал.

— Мы, — заявил он в меджелисе, — хотим жить в мире, но если понадобиться, мы будем сражаться!

Парламент поддержал его.

Кемаль приказал двум своим лучшим полкам идти на английские позиции.

В воздухе снова запахло порохом, и весь мир устремил напряженный взгляд на Анкару.

7 октября Монтелли и Шарпи согласились с требованиями турок.

Харингтон покинул стол переговоров и; вернувшись через два дня, предложил новый ваирант: союзники временно оккупируют Фракию, а турки покинут свои позиции на Дарданеллах и полуострове Измит.

Исмет не согласился.

Переговоры зашли в тупик, и Лондон снова пригрозил открыть огонь.

А в это время Кемаль сражался с депутатами, требовавшими начать боевые действия.

9 октября он получил телеграмму от Франклена-Буйона.

«Франция, — сообщал тот, — поддержит требования турок на предстоящей мирной конференции».

На следующий день он приказал Исмету подписать договор о перемирии.

Его решение вызвало новые скандалы в меджелисе.

Некоторые депутаты договорились до того, что обвинили Кемаля в том, что он украл у них победу.

Но тот стоял на своем.

— Миссия нашей армии завершена, — сказал он. — . Теперь необходимо урегулировать проблемы дипломатическим путем…

11 октября 1922 года в 6 часов утра перемирие было

подписано.

Но до полной победы было еще далеко, так как Стамбул остался оккупированным…

11 октября 1922 года акт Муданийского перемирия был подписан.

«Достигнутая победа, — телеграфировал в связи с этим великий везир Кемалю, — уничтожила всякий конфликт и раздвоенность между Стамбулом и Анкарой и обеспечила национальное единство».

Кемаль только покачал головой, удивляясь наивности великого визиря.

Никакого «единства» со Стамбулом у него не могло быть по определению…

16 октября Кемаль приехал в Бурсу.

Население устроило ему торжественную встречу.

В зале «Востока», большого кинотеатра Бурсы, собрались семьсот сирот, прибывшие из Стамбула, их окружают взволнованные преподаватели и преподавательницы, все в черном.

На сцене военные командиры: Февзи, Исмет, Кязым Карабекир, приехавший с другого конца Анатолии, все они в парадной форме.

Только Кемаль был облачен в охотничий костюм.

Кемаль подошел к огромному турецкому флагу.

Все участники взволнованны, женщины плакали.

— Мы, — сказал Кемаль, — выиграли великую битву, тяжелую и сложную. Но это победа ничего не будет значить, если вы не придете на помощь, чтобы выиграть сражение за образование. Сеять просвещение — это благороднейшая и важнейшая обязанность правительства. Наша программа просвещения ставит своей первой целью обучить абсолютно всех крестьян чтению и письму, познакомить их с основами географии, истории, религии и этики, достаточными для того, чтобы иметь общее представление о своей стране, народе и об остальном мире, научить их, наконец, четырем действиям арифметики…

Присутствующие были несколько озадачены таким поворотом, полагая, что Кемаль будет рассказывать о сражениях.

А тот пошел еще дальше и, обращаясь к мужчинам, произнес:

— Наша задача превратить турецкую женщину в партнера и друга мужчины в социальной, экономической, научной сферах. Если наши женщины не будут принимать активного участия в жизни общества, если мы не изменим радикально наши обычаи, мы никогда не добьемся подлинного развития. Мы останемся

навсегда позади, неспособные общаться на равных с цивилизацией Запада. Оставайтесь самими собой, но сумейте взять у Запада то, что необходимо для жизни цивилизованных людей. Пусть в вашу жизнь войдут наука и новые идеи; в противном случае Запад поглотит нас…

После Кемаля выступили генералы и интеллектуалы из его окружения.

А затем…

Сидящие на сцене и в зале смешались, Стамбул и Анатолия соединились, преподаватели, учащиеся, военные, рядовые и герои войны слились в шумную, беспорядочную толпу, и только ходжи, начав читать молитву, восстановили тишину.

Так было положен конец одной войны и положено начало другой.

За образование и культуру.

На смену пушкам должны были придти интегралы и музы…

Через несколько дней после своего возвращения в Анкару Кемаль заявил в меджелисе:

— Наша страна лежит в руинах, но нам не привыкать к трудностям и мы обязаны построить новую современную Турцию…

Все так.

Как строить новую страну со старой политической ситсемой?

Да очень просто: отменить старую!

Что, кстати, советовал и Макиавелли.

Иными словами, надо было покончить с султанатом и халифатом.

И чем быстрей, тем лучше.

Сложно?

Конечно!

Особенно если учесть то, что оппозиционная Вторая группа, добившись избрания в июле 1922 года своего сторонника Рауф-бея главой правительства, намеревалась распустить ВНСТ и передать власть в Стамбул её «законному» обладателю — падишаху.

— Я, — заявил Рауф, — предан султану и халифу душой и сердцем! Без него Турция придет к катастрофе!

Принятый ВНСТ по инициативе Кемаля и его группы 20 января 1921 года Закон «Об основных организациях» гласил о том, что «верховная власть принадлежит нации», исполнительная власть и законодательная инициатива исходят от ВНСТ, а Турецкое государство управляется Великим Национальным Собранием.

Ему принадлежат такие права, как формирование правительства, «проведение в жизнь постановлений, касающихся религии, опубликование всех законов и их изменение и отмена, заключение мира и договоров, объявление родины в состоянии обороны» и т. д.

О султане-халифе в нем не говорилось ни слова.

Опасаясь развала национального фронта в самый разгар войны с интервентами, кемалисты не стали тогда спешить ликвидировать султанат и объявить страну республикой

Формально закон «Об основных организациях» не отменял, а лишь «дополнял» конституцию Мидхата 1876 с поправками 1909 года, но на деле он не оставлял монарху никакого места в управлении страной.

Это было существенным достижением кемалистов, закон оставался пока единственным основным законом новой Турции, альтернативой Османской конституции и играл важную роль в становлениионовойТурции.

Но в то же самое время конституционный закон 1921 года неопределил чётко форм управления страны.

И теперь Кемалю надлежало это сделать.

— Что бы построить новое государство, — говорил он, — о деяниях прежнего надо забыть. Это государство должно быть уничтожено. Нужно создать новое турецкое государство. Султаната и халифата не должно быть. Все социально-экономические вопросы можно разрешить только в демократической Турции…

Начинать Кемаль решил с султаната.

Главным действующим лицом в последнем акте драмы «Конец султана» Кемаль сделал Рефета.

В первом анкарском правительстве тот получил пост министра внутренних дел.

В 1920 году он руководил подавлением восстания в Конье, а в ноябре 1920 года был назначен командующим Юго-Западным фронтом.

С августа 1921 он занимал пост военного министра.

Рефет не поддерживал выдвинутый Кемалем радикальный план преобразования государства и общества.

Наряду с другими героями Освободительной войны чувствовал себя незаслуженно обойденным в распределении политических полномочий, что сблизило его с лидерами «генеральской оппозиции».

Более того, он вошел во «Вторую группу» — оппозиционную фракцию ВНСТ, объединившую депутатов, недовольных растущим

влиянием Кемаля.

Он не раз заявлял о своем желании служить на благо нации, вот пусть и послужит ей в качестве представителя анкарского правительства в Стамбуле и командующего турецкими вооруженными силами во Фракии.

Этим выстрелом он убивал двух зайцев.

Доверяя Рефету эту далеко не благодарную для него миссию, он как бы лишний раз напоминал о своем безграничном доверии известному лидеру национального движения и в то же время отрывал его от оппозиции, не желавшей и слышать ни о каком упразднении султаната.

Как и предполагал Кемаль, Рефета встретили в столице с большим почетом.

На всем пути от дебаркадера на берегу Босфора до мечети султана Мехмета Завоевателя на противоположном конце города Рефета встречала восторженная толпа.

Представитель султана, великого визиря и министры — все прибыли с поздравлениями.

— Спасение цитадели халифата, — тщательно подбирая слова, сказал тот в своей первой речи, — было одной из наших важнейших задач, и именно поэтому я прошу передать свои глубокие религиозные чувства и почтение высшему духовенству халифата…

22 октября Рефет выступил в университете.

— Нация, — заявил он, — спасена не одним человеком, а идеей о национальном суверенитете, а султанат — это вся нация, добавляет он. Нам нужна не монархия, не республика, а правительство, отстаивающее национальный суверенитет, и халифат, освобожденный от властных полномочий…

Так ненавязчиво он представил идею Кемаля.

Конечно, идея убрать султана, сохранив халифат, не нова.

В ходе войны за независимость дипломаты и спецслужбы неоднократно сообщали о будущей реализации этого проекта.

«Для турок, — отмечал Фрунзе, прибывший в Анатолию в начале 1922 года, — султан не более важен, чем прошлогодний снег.

Это касается не нынешнего султана Мехмета VI, а самой идеи султаната.

За три года страна научилась жить без него и убедилась, что в его отсутствие мир не рухнул».

Но в последние шесть месяцев слухи о близком конце правления султана разрастались.

В конце сентября представитель Анкары в Стамбуле заявил французскому военному коменданту генералу Пелле о

предстоящем смещении Вахидеддина и замене его правителем, избранным Национальным собранием.

Через три недели спецслужбы информировали Пелле о том, что Кемаль советовался с рядом губернаторов о будущем способе управления страной и что губернатор Зонгулдака, например, предложил разделить султанат и халифат.

На встрече с султаном Рефет потребовал распустить давно уже напоминавшее собою скорее привидение, нежели дееспособный орган правительство и признать Великое национальное собрание.

Отнюдь не обрадованный обещанием оставить в неприкосновенности халифат султан отказался, и в тот же день великий везир обратился к Анкаре с предложением устроить встречу и обсудить все разногласия.

Но куда там!

Кемаль даже не удостоил его ответом.

Да и что отвечать?

Что, если не получилось по-хорошему, надо сделать по-плохому?

Они и так это увидят.

Столь вызывающее поведение Рефета не понравилось оппозиции, и ее представители заявили о том, что эмиссар Кемаля не имеет права делать заявления от их имени.

Но… было уже поздно.

Почва была подготовлена, не хватало только повода.

Но Кемаль умел ждать, и он дождался.

25 октября Вахидеддин принял французского военного коменданта и пожаловался ему на недопустимые претензии «молодых людей из Анкары».

Он говорил о «влиянии большевиков» на депутатов Национального собрания, критиковал их концепцию национального суверенитета, которая не соответствовала ни социальному положению, ни традициям турецкого народа, ни религиозным законам.

— Я, — заявил султан, — никогда не смирюсь с ролью римского папы. Халиф должен стоять на страже закона!

Говоря о приглашении Лондона, направленное Стамбулу и Анкаре, султан попросил генерала сделать так, чтобы на мирную конференцию в Лозанну ехала только одна делегация, возглавляемая представителем дворца.

Пелле пожал плечами, султан принял это за знак согласия, и 29 октября великий визирь предложил Кемалю отправить на мирную конференцию общую делегацию, состоящую из представителей Стамбула и Анкары.

Тем же Вечером Кемаль пригласил к себе Февзи и Фетхи.

Отдав дань приличию, Кемаль заявил:

— Час настал. Сначала мы разделим султанат и халифат, а затем упраздним султанат, доказав, что верховная власть нации принадлежит Великому национальному собранию…

Выдержав паузу, он взглянул на Фетхи.

— Позаботься о том, чтобы Совет министров поддержал это единогласно!

Фетхи кивнул.

На следующий день пришла очередь удивляться Рауфу, который намеревался возглавить турецкую делегацию в Лозанне в сопровождении министра иностранных дел Юсуфа Кемаля.

Однако Кемаль решил отправить в Лозанну Исмета.

Конечно, он был недоволен.

30 октября 1922 года на заседании ВНСТ группа верных Кемалю депутатов внесла законопроект, гласивший о том, что с 16 марта 1920 года «султанат навеки отошел в область истории».

Он же содержал предложение о привлечении к судебной ответственности членов султанского правительства за государственную измену и о ликвидации султаната.

Это предложение обсуждалось одновременно на заседаниях трёх комиссий — конституционной, юридической и шариатской.

Реакционные депутаты, особенно представители духовенства, выступили против ликвидации султаната, утверждая, что отделение светской власти от духовной является покушением на основы религии.

Кемаль опроверг эти утверждения клерикалов, однако на объединённом заседании трёх комиссий под председательством ходжи Мюфрид-эфенди реакционеры одержали победу: большинством голосов законопроект об отделении султаната от халифата был отвергнут.

Оппозиция встала на дыбы, и куда больше новой гражданской войны ее пугала усиление власти Кемаля.

И даже самые близкие друзья были не в восторге от задуманного им.

В чем и не было ничего удивительного: все они были выходцами из почтенных семей и с младых ногтей воспитывались в духе почитания султана.

Тот же Рауф не раз заявлял о своей преданности султану, осыпавшему его отца своими милостями.

— Кому опасен Мехмет VI? — надрывались противники Кемаля. — Неужели им, только что сокрушившим мощную греческую армию? Нет, это уж слишком! А раз так, пусть себе

живет и здравствует!

В конце концов, утомленный этим бесконечным пустословием Кемаль прекратил уговоры, понимая, что все сказанное им так и останется гласом вопиющего в пустыне.

С этими людьми надо было говорить по-другому.

И как только очередной оратор снова принялся переливать из пустого в порожнее, Кемаль с решительным видом поднялся со своего места.

— Хватит! — оборвал он депутата. — Долго и многословно говорят только в том случае, когда необходимо разъяснить истину тем, кто ее не понимает. Вы болтаете уже два с половиной часа, а я так и не услышал ни одного умного слова. Вопрос стоит очень просто: султанат должен быть отменен. И я жду от вас решения. Но прежде, чем вы примете его, я хочу вам всем напомнить о том, что именно вы противитесь сейчас воле требующей отмены султаната нации, и это может очень плохо для вас кончиться. Суверенитет и власть не передаются в результате академической дискуссии. Они приобретаются только с помощью силы, а когда надо, и насилия. Именно так сыновья Османа в свое время добились этой самой власти над всей турецкой нацией и удерживали ее в течение шести столетий. Но сегодня эта нация поднялась против узурпаторов и желает взять эту власть себе. И чем быстрее вы поймете это, тем лучше в первую очередь для вас. В противном случае нация не остановится ни перед чем, султанат будет отменен в любом случае, но только при этом полетит несколько голов ее врагов!

Как это чаще всего и бывало, угроза подействовала куда лучше уговоров, и в напряженной тишине раздался голос особенно рьяно защищавшего султанат депутата.

— Мы, — робко пояснил он, — рассматривали этот вопрос совершенно в ином свете, и теперь у нас нет никаких возражений!

Некоторые депутаты предложили поименное голосование.

— Зачем? — удивился Кемаль. — Я уверен, что Высокое национальное собрание единогласно примет принципы, направленные на сохранение независимости нации и страны навсегда…

Кто-то из депутатов снова высказался за голосование.

— Принято единогласно! — повторил Кемаль, хотя один из депутатов все-таки осмелился высказаться против.

1 ноября 1922 года в 18 часов 30 минут султанат был упразднен…

Мгновенно позабывший обо всех оказанных монархом благодеяниях Рауф тут же предложил считать день упразднения султаната… национальным праздником.

Кемаль усмехнулся.

Вот и все!

Он снова победил!

И все же справедливости ради надо сказать и о том, что, по странному стечению обстоятельств, все проходы в меджлисе в этот день были забиты вооруженной с головы до ног охраной Кемаля, а сам он взошел на трибуну с расстегнутой кобурой.

Так, во всяком случае, об этом говорят некоторые авторы.

И если это и на самом деле так, то ничего удивительного в этом не было.

Как несовместны гений и злодейство, так, наверное, невозможны и политические игры по правилам.

Да и кто их писал, эти правила!

Глава XXXI

1 ноября 1922 года ВНСТ приняло закон об отделении султаната от халифата, о ликвидации султаната с передачей ВНСТ всей полноты власти в стране, а также об избрании нового халифа из представителей Османской династии.

Вечером 3 ноября Кемаль пригласил в Чакая ближайших соратников.

Вопрос был один: как отреагируют турки и иностранцы, особенно мусульмане, на отмену султаната.

Исмет и Февзи были уверены в том, что никакой реакции и выступлений не будет.

Но Вахидеддин отказался от отречения и пока еще оставался султаном-халифом.

Али Фетхи заявил, что правительство великого визиря Тевфик-паши уйдет в отставку, а Вахидеддин покинет страну.

— Вернее всего, — говорил он, султан найдет убежище в Англии. Я не знаю, как поведут себя англичане, но смею предположить, что они не смогут пренебречь политическим весом халифа, учитывая многомиллионное мусульманское население их колоний. И они сделают все возможное, дабы не волновать эти милилоны…

Кемаль задумчиво курил.

Если его «старый друг» не захочет расставаться с дворцом, то они окажутся в щекотливой ситуации.

Им придется судить «предателя» Вахидеддина и в то же самое вермя убеждать мусульманский мир, что они осуждают султана, а не халифа.

5 ноября Тевфик-паша и возглавляемое им правительство ушло в отставку.

Рефет опечатал кабинеты и тут же заявил, что население столицы теперь подчиняется Национальному собранию.

Затем он объявляет властям союзников, что министерства в Стамбуле превращаются в отделы, подчиняющиеся Анкаре.

И, наконец, потребовал вывода войск союзников из зоны Стамбула.

Манифестация националистов жестоко подавлена британской полицией, при этом один турок убит.

На следующий день при выходе из здания, где заседали сторонники Вахидеддина, публицист Али Кемаль был похищен кемалистами и препровожден в Измит.

Али Кемаль, решительный противник националистов, понимал, какой опасности он подвергает себя, но отказался

покинуть страну.

когда же он узнает, что его переправляют в Анкару по распоряжению Кемаля, он успокаивается.

Его главной целью всегда было спасение родины, и разве можно упрекнуть его в том, что он предпочитал иные средства, чем националисты?

Да, это он писал: «Что может быть общего между анатолийцем и Мустафой Кемалем, героем Мировой войны, привыкшим к роскоши и удовольствиям в посольствах и „Пера Паласе“ и не хранящим никаких других воспоминаний о Салониках, кроме как об удовольствиях и разврате?»

Но не будут же его за это судить!

Не будут.

По той простой причине, что Али Кемаль никогда не приедет в Анкару.

Его растерзает в Измите, когда он будет выходить от Нуреддина-паши, толпа, среди которой были полицейские и военные в штатском.

9 ноября на вокзале Сиркеджи впечатляющая толпа провожала в Лозанну турецкую делегацию, возглавляемую Исмет-пашой.

В тот же день военные коменданты и генералы союзных войск обсуждали возможность объявления осадного положения.

Английский военный комендант Румбольд сумел навязать решение об осадном положении и добился его одобрения Лондоном и Парижем.

Но никакого осадного положения, на счастье союзников, они так и не ввели.

Да и зачем, если тот самый султан, которого они собирались оберегать, решил-таки покинуть османскую столицу.

Дождливым вечером все того же 9 ноября генерал Харингтон встретился с султаном в одном из укромных уголков императорского сада.

Султан взял с собой Коран и три тысячи турецких фунтов.

Вахидеддин вместе с сыном Эртогрулом сел в машину.

Его ближайшее окружение устроилось в другой.

Под мелким дождем машины проследовали по улицам, охраняемым британскими солдатами, и прибыли на берег Босфора

На улице было пустынно, и никто так и не увидел, как покидал столицу бывший владыка некогда могущественной империи.

Через несколько минут машины прибыли в порт, и султана

проводили на палубу стоявшего под парами английского крейсера.

И хотя Мехмета VI встретили с подобающими его сану почестями, было в проявленных к нему знаках уважения что-то жалкое.

Через несколько минут крейсер взял курс на Сан-Ремо.

Мехмет VI долго стоял на палубе, глядя на удаляющийся турецкий берег.

Теперь он не прятался от дождя, и было непонятно, текли ли по его лицу дождевые струи или это были слезы.

Так грустно и прозаично закончилось шестисотлетнее правление турецких султанов, и на смену им уже шел другой владыка…

17 ноября Рефет отправил в Анкару следующую телеграмму: «Этой ночью Вахидеддин исчез из дворца. Я направил во дворец начальника полиции и командующего войсками Стамбула, чтобы уточнить ситуацию. Имею честь передать Вам также письмо и заявление генерала Харингтона».

«Мы официально заявляем, — сообщал Харингтон, — что Его Императорское Величество по причине опасностей, угрожающих в настоящее время его жизни и свободе, попросил британской защиты как халиф всех мусульман; одновременно

Его Императорское Величество решил покинуть Константинополь.

Его желание исполнено этим утром…»

Прочитав телеграммы, Кемаль усмехнулся.

Все хорошо, что хорошо кончается…

Но самым интересным в этой истории было то, что после бегства Вахидеддина анатолийские крестьяне считали, что теперь султаном стал Мустафа Кемаль.

Именно так поступили бы заговорщики в восемнадцатом веке.

Но султанский трон Кемалю был не нужен.

Более того, позже он даже говорил о том, что отказался от титула султана, не уточняя, кто ему его предлагал.

— Политика оттоманского государства, — говорил по этому поводу Кемаль, — была не национальной, а личной. Она не имела ни ясности, ни устойчивости. Султаны считали себя представителями какой-то мифической силы и гордились этим, а их корыстолюбивое окружение, набрасывая на это религиозный покров, старалось обмануть, одурачить всю нацию. Они не производили такой подготовки, какую требовали масштабы задуманных ими войн, они больше действовали под влиянием

чувств и амбиций. Поэтому, дойдя до Вены, они оказались вынужденными потом отступать. Османские правители и их ближайшее окружение, чтобы жить в помпезности и роскоши, не только иссушали все источники богатства страны и нации, но и наделали множество внешних долгов, жертвуя любыми интересами нации, попирая достоинство и честь страны. Эти долги были настолько велики, что государство не могло даже выплачивать проценты по этим долгам и в глазах всего мира считалась «банкротом». Весьма грустно сознавать, что во главе турецкой нации могла хотя бы на один момент стоять такая личность как султан Вахидеддин. Он оказался настолько низок, что мог допустить мысль, будто его жизни и свободе, какие бы к тому ни были причины, могла угрожать опасность, если бы он находился среди своей нации. Счастье для нации, что она изгнала эту низкую личность с наследственного трона и таким образом положила конец ряду совершенных им мерзостей. Этот акт турецкого народа заслуживает всяческой похвалы…

Звучит впечатляюще.

А вот что касается «акта турецкого нарорда»…

Но Кемаль сознательно выдавал желаемое за действительное, поскольку, таким образом, возлагал ответственность за упразднение султаната на тех самых людей, которые даже не помышляли об этом.

Чего он хотел?

Об этом он в иносказательной форме поведал полковнику Мужену.

— Для нас примером, — сказал он, — служит Великая французская революция, хотя мы и отстаем на полтора века…

Мужен понимающе покачал головой.

Он хорошо знал историю и то, что французская революция, упразднив королевскую власть, создала республику…

Через день после отъезда Вахидеддина ВНСТ формально лишило его сана халифа, указав в соответствующей фетве, что «он перешёл на сторону противника, сражавшегося с защитниками веры, посеял семена братоубийственной резни, отдался под защиту иностранной державы и дезертировал из столицы халифата, укрывшись на борту английского корабля».

Пост халифа через третье лицо предложили кузену Вахидеддина, наследному принцу Абдул-Меджиду, сыну султана Абдула-Азиза от его первой жены и одновременно старшему из всех оставшихся в живых представителей Османов по мужской линии.

Он принял этот титул, и 19 ноября 1922 года Кемаль-паша

телеграммой известил его об избрании халифом.

Новый халиф ограничился только одним требованием: он не будет судить Вахидеддина.

В то же время он не стал оспаривать права Национального собрания избирать нового халифа для всего мусульманского сообщества, хотя некоторые депутаты выступили против этого.

Во дворце Топкапы было устроено пышное торжество по этому поводу, и новый халиф выступил с обращением к мусульманам всего мира с просьбой признать его лидерство.

Кемаль прочитал его послание с такой странной улыбкой на губах, словно слушал рассуждения о будущем приговоренного к смерти.

Отложив полсание в сторону, он покачал он головой: пусть поговорит, недолго ему осталось.

Очень скоро он покончит с халифатом, и никто не осмелится противоречить ему.

Весьма симпатизировавший националистам халиф был настроен весьма миролюбиво и даже попросил разрешения у Кемаля явиться на пятничную молитву в одеянии Мехмета II.

Но Кемаль решил показать ему, кто есть кто, и. решительно отказал.

Отослать вместе с султанатом «в область истории» и халифат Кемаль не решился.

И не только из-за сильных мусульманских традиций в народе.

Он прекрасно знал, какие баталии ждут его в Лозанне, и желал иметь на своей стороне такую мощную силу, как триста миллионов мусульман, обожавших своего халифа.

В отличие от Энвера, он мало верил в ее действенность и, тем не менее, предпочитал иметь ее на своей стороне.

Сохранение халифата было кратковременной уступкой феодально-клерикальнымкругам, принадлежавшим в меджлисе ко «Второй группе защиты прав» и сохранявшим немалое влияние в стране.

Её поддерживала и так называемая «генеральская оппозиция» во главе с Рауф-беем.

Надо учитывать также, что в Стамбуле возобновила свою деятельность организация «Единение и прогресс».

Реакционные стамбульские газеты, которыми руководили младотурки, вели активную пропаганду в пользу халифа.

Нет сомнения, что пока был жив и активно действовал Энвер, иттихадисты готовы были заменить М. Кемаля на Энвера.

Они были еще сильны и хорошо организованы, связаны с членами организованной летом 1921 года Второй группы.

Не прекращал свою тайную деятельность и уже упомянутый

Каракол.

Затем Кемаль разобрался с Рефетом.

В своем страстном почитании халифа тот подарил ему прекрасного арабского скакуна и буквально рассыпался в уверениях в своей преданности, за что и был сразу же заменен мужем Халиде Эдип и вице-спикером парламента доктором Аднаном.

И хотя он оставался командующим вооруженными силами во Фракии и продолжал появляться за столом Кемаля, к высшей власти он не будет допущен уже никогда.

Победа над греками в сентябре 1922 года укрепила позиции Кемаля.

Но он продолжал конфликтовать с иттихадистами по таким вопросам, как отказ Кемаля и других военачальников оставить свои политические посты после ликвидации военной угрозы, поспешность с подписанием Муданийского перемирия, несмотря на то, что не освобождены Фракия и Стамбул, намерение Кемаля объявить республику и желание Кемаля сделать столицей Турции Анкару.

Разошлись их мнения и относительно главы турецкой делегации в Лозанне.

По мнению оппозиционных депутатов анкарского парламента, объединенную делегацию должен был возглавить бывший морской министр младотурецкого правительства Рауф-бей.

Кемаль предложил председателем турецкой делегации назначить своего боевого соратника, командующего Западным фронтом Исмета-пашу.

Сразу началась яростная полемика.

Возмутился и желавший возглавить делегацию Карабекир.

Не желая терять времени, Кемаль пошел обходным путем.

Кемалю удалось уломать упрямого генерала, и тот, скрепя сердце, дал свое согласие.

Затем он пригласил к себе Юсуфа Кемаля и сообщил ему, что как никто другой понимает его желание уйти в отставку и рекомендовать на освобождавшийся пост Исмета.

Еще минуту назад не помышлявший ни о какой отставке министр и не подумал возмущаться, и поворчавшее собрание утвердило Исмета в обоих ипостасях.

Да и как не утвердить, если Исмет назначался с «благословения» таких видных в стране людей, как Карабекир и Юсуф Кемаль?

Кемаль был доволен, поскольку не сомневался в том, что, в

отличие от Бекира Сами, Исмет будет исполнять его волю.

В Лозанне ему предстояло иметь дело с весьма пестрой и в то же время воинствующей армией политиков, и он был обязан победить ее.

Что-что, а база у него была.

Прошедшие годы закалили его, дали бесценный опыт политической борьбы, и он был готов к любой схватке, какими бы недозволенными приемами она ни велась.

Да и не было в политике никаких недозволенных приемов, были только цели и попутчики, временно становившиеся друзьями, — и ничего больше.

Ликвидация султаната 1 ноября 1922 года обеспокоила не только консерваторов в меджлисе, но и многих других.

Особенно сильно это беспокойство было в Стамбуле, где значительную часть населения составляли государственные служащие султанского режима.

Они опасались, что такое решение нанесет ущерб их материальному положению.

Нападки на Кемаля усилились.

В своем стремлении отделаться от Кемаля 2 декабря 1922 года три депутата «Второй группы» предложили внести изменения в Положение о выборах и лишить права быть избранным в депутаты тех, кто не принадлежал по рождению к населению, живущему в пределах нынешней Турции.

А так как сам Кемаль родился в уже не входивших в состав новой Турции Салониках и не проживал пять лет на одном месте, он автоматически лишался права быть депутатом.

И некоторые доброхоты сразу же посоветовали ему «уйти в отставку в собственных интересах и в интересах страны».

Но не тут-то было, и Кемаль дал достойный отпор провокаторам.

— Да, — гневно блестя глазами, восклицал он, — я родился в принадлежащих теперь Греции Салониках, но, видит Бог, в этом нет моей вины. И в то время, когда предавшие интересы страны люди оставили мой родной город, я сражался на Дарданеллах, на Кавказе и в Африке. Я мог бы понять желание моих зарубежных врагов изолировать меня от политической жизни страны, но я не мог даже представить, что с подобным предложением выступят депутаты собрания! И я хочу спросить этих господ: кто дал им право лишать меня моих гражданских прав? С этой трибуны я обращаюсь с этим вопросом к высокому собранию, к населению избирательных округов, ко всей нации и требую ответа!

Ответа Кемаль так и не получил, и предложенный

оппозицией проект не прошел даже предварительного чтения.

Он получил множество телеграмм с мест с просьбой проявлять «больше решительности» по отношению к меджлису.

Оно и понятно!

Ведь сидевшие там люди замахнулись на честь и славу Турции, ее непобедимого Гази!

В одной из центральных газет появилась статья известного журналиста Юнуса Нади, который критично отзывался о нежелании некоторых депутатов видеть свет в конце тоннеля.

Как бы, между прочим, он предупреждал их о том, что нация «не потерпит предательства» и не остановится ни перед чем.

Но оппозиция не утихала, и особенно усердствовала Вторая группа.

Пожелавшие поставить во главе меджлиса халифа клерикалы основательно мутили и без того мутную воду.

Поднимал голову так до конца и недобитый «Единение и прогресс», который не только возобновил свою деятельность в Стамбуле, но и получил на муниципальных выборах большинство голосов.

Не прекращал свою тайную деятельность и уже упомянутый Каракол.

Кемалю приходилось трудно, и неслучайно журналист Якуп Кадри в порыве откровения писал: «Если бы Кемаль не опирался на верившую в него армию, он не только не мог бы влиять на Собрание, но и вообще вряд ли бы остался в живых.

И то, что за ним словно тень повсюду следовала его вооруженная с ног до головы и готовая на все охрана, являлось лучшим подтверждением этого».

Как того и следовало ожидать, перемирие и упразднение султаната открыли ящик Пандоры.

Навязывая перемирие, отправляя Исмет-пашу на конференцию в Лозанну, добиваясь отмены султаната, Кемаль заставлял принимать решения по его собственному выбору.

В ходе войны депутаты мирились с его жестокостью, и надменностью, посокльку были объединены общей для всех задачей — победить.

Но стоило только ситуации измениться, как оппозиция сменила тон и беспощадно критиковала Кемаля.

И он терпел нападки людей, которые не сделали для старны и сотой доли всего содеянного им.

Как терпел и нового халифа, который неожиданно для всех уже через неделю после своего избрания стал провлять необычайную активность.

По всей видимости, халиф решил играть важную

политическую роль и быстро завоевывал необходимый для этого авторитет.

Его выезды на религиозные церемонии каждую пятницу в экипаже с четверкой белых лошадей производили должное впечатление.

В свободное от молитв время он принимал иностранных дипломатов, встречался с Кязымом Карабекиром, Рауфом и Рефетом.

С последним у него устанавились настолько доверительные отношения, что Кемаль был вынужден заменить Рефета.

Дело дошло до того, что некоторые депутаты требовали организовать политические контакты между Национальным собранием и халифом, признавая, таким образом, его властные полномочия.

Чрезмерная активность нового халифа раздражала Кемаля.

Он часто повторял, что национальный суверенитет не делится на части и принадлежит только нации.

А вот о том, что Турция уже не нуждается в халифе, Кемаль пока молчал, понимая, что общественное сознание еще не созрело для подобных перемен.

Оппозиция в Анкаре безжалостно критиковала плохую работу Исмета в Лозанне.

Да и какой из Исмета дипломат?

Так, недоразумение.

Другое дело отвергнутый Кемалем Рауф с его героическим прошлым и знанием английского языка!

Кто был в этом виноват?

Только Кемаль и его авторитарная политика.

А навязанное Кемалем перимирие?

Настоящий позор.

И если бы не упрямство Кепаля, Стамбул давно бы уже был совобдным.

Вот к чему приводит узурпация власти!

Кемаля открыто обвиняли в диктаторстве и критиковали за его пренебрежительное, а порой и презиртельное отношение к оппозиции.

Досталось и армии.

При каждом удобном случае депутаты осуждали поведение ряда офицеров в Измире и то, как происходило продвижение ряда военных по службе.

Кемаль прекрасно понимал, что, несмотря на все его заслуги, спокойной жизни у него не будет.

Что ему оставалось?

Создать свою партию, а затем распустить непокорный

парламент и набрать в него более покладистых депутатов.

Своих депутатов.

Поскольку от этого зависела не только судьба самого Кемаля, но и будущее страны.

Начал Кемаль с партии…

6 декабря 1922 года Кемаль собрал журналистов представителей «Национального суверенитета» и двух других газет.

— Я, — сказал он, — прошу вас опубликовать обращение ко всем патриотам, деятелям науки и искусства и призвать их разработать программу на демократической основе. Претворять эту программу в жизнь будет Народная партия…

Кемаля снова не поняли.

Более того, пытались отговорить.

По мнению окружения Кемаля, ему надлежало придерживаться нейтралитета, а не ввязываться в борьбу интересов и идей.

Да и какая могла быть партия, когда еще не был подписал мирный договор и было необходимо любой ценой сохранять единство страны.

До них так и не дошло то, что Кемаль задумал создать партию, которая объединит все социальные слои общества и будет опираться на анатолийский народ.

Это должна быть поистине народная партия, которая поможет Кемалю осуществить задуманное.

Опираясь на народ, Кемаль сможет добиться политической легитимности, в чем ему отказывает оппозиция; в таком случае оппозиция обречена на уход с политической сцены.

Кемаль не запрещает оппозицию, она просто станет бесполезной.

В декабре 1922 года в Анкару пришла сенсационная весть о гибели Энвера в Средней Азии.

Некоторое время победители не могли идентифицировать труп.

По свидетельствам эмигрантов, Энвер был погребен на кладбище Хазрати Султан, что в 3 каронах от долины Алуча.

Итогом авантюры Энвера явилось не только крушение джадидизма и поражение младотурецкого движения, но и дискредитация эмиристского басмачества.

После Энвера басмачество резко пошло на убыль. Часть джадидов и басмачей отказалась от военного сопротивления и пошла на сотрудничество с большевиками.

Конечно, его гибель огорчила многих бывших, хорошо помнивших своего лидера и в глубине души все еще надеявшихся на то, что рано или поздно, но именно он возглавит оппозицию в ее борьбе с Кемалем.

Что чувствовал сам Кемаль, услышав о гибели своего злого гения?

Наверное, все-таки облегчение, поскольку прекрасно понимал, что лучшего знамени для оппозиции, чем Энвер, не было.

Слишком многие депутаты, включая и ближайших сподвижников Кемаля, оставались в глубине души младотурками и мечтали о старых порядках.

И не случайно в последнее время ему приходилось вести все более ожесточенные дискуссии с депутатами, снова возжелавшими видеть все мусульманские и тюркские народы в едином государственном объединении.

И надо ли говорить, как воспрянули бы духом все эти люди, явись к ним строитель «Великого Турана».

Гибель Энвера в сыпучих печках не удивила Кемаля, хорошо знавшего отчаянную натуру своего извечного противника.

По большому счету этот авантюрист, и таковым его считали многие знавшие Энвера люди, и должен был закончить именно так, как он закончил ее.

Можно по-разному относиться к этому по-своему выдающемуся человеку, но надо помнить о том, что он пришел в этот мир таким, каким был.

Какой бы не была младотурецкая революция, но она была шагом вперед.

И в этом несложно убедиться, взглянув на то, что пытались осуществить Энвер и кампания за десять лет своего нахождения у власти.

Прежде всего, надо сказать о том, что именно млаотруки первыми змахнулись на власть султана.

Согласно конституции, восстановленной младотурками, султан больше не управлял, а лишь царствовал.

Впервые в истории Османской империи власть покинула императорский дворец и Блистательную Порту и находилась в руках новых людей.

Четыре года мировой войны подорвали экономику страны, сельское хозяйство.

Инфляция развивалась головокружительными темпами.

Тем не менее, Первая мировая война на самом деле стала для нового правительства подлинной священной войной за развитие экономики.

8 сентября 1914 года правительство объявило об упразднении в одностороннем порядке капитуляций, ставших в течение длительного времени знаком упадка империи, ее подчинения интересам иностранных держав.

Государство начало финансировать экономику: был реорганизован Сельскохозяйственный банк, создан Кредитный банк, который должен был стать центральным банком, предполагалось создание целой сети национальных банков.

В это же время от притеснения малых народов и иностранцев выиграли турецкие предприниматели.

В 1914 году их было немного, всего 269 промышленных предприятий, зарегистрированных к тому моменту.

Необходимость снабжать продовольствием армию, а также население и союзников поддерживала их активность.

Развитие турецких предприятий способствовало поднятию экономики Анатолии.

В 1917 году коммерсант из Анкары основал компанию по продаже продовольственных продуктов, которое быстро развивалось, благодаря деловым связям со Стамбулом.

Лишившись импорта, столица с населением около 750 тысяч человек и притоком немецких и австрийских покупателей стала рынком сбыта для анатолийцев.

В Анатолии и на побережье Эгейского моря появилось немало землевладельцев, коммерсантов, владельцев небольших промышленных предприятий, банкиров, сумевших благодаря войне добиться определенного успеха, экономического и социального.

Национализм, модернизация и подъем жизненного уровня в Анатолии — именно такими были главные лозунги экономической политики, проводимой юнионистами.

Впервые в истории Османской империи власть в Стамбуле стала защищать турецкий национализм под влиянием тюрок-мусульман, прибывших из России.

Был создан Турецкий центр для развития турецкого языка и совершенствования экономического, социального и научного просвещения турецкого народа.

Панисламизм исчез вместе с Абдул-Хамидом, а шедший за ним паносманизм просуществовал недолго.

Прекрасные декларации парижского заседания 1902 года рухнули перед ростом национализма.

Македонцы, армяне, греки, арабы, турки — никто больше не верил в существование Османских соединенных штатов, о которых мечтали в дни революции 1908 года.

Накануне 1914 года комитет «Единение и прогресс» решил

запретить нетурецким нациям право на создание националистических организаций.

На смену отжившим свое идеологиям пришла амбициозная идея объединения всех тюрок от Балкан до «оазиса Шелкового пути».

«Родина турок — не Турция, и даже не Туркестан, а огромная и бесконечная земля: Туран!»

Именно это знаменитое высказывание Зии Гёкальпа стало девизом младотурок.

Пантюркизм, то есть идея о создании тюркской нации от Балкан до Маньчжурии, и пантуранизм, как более извращенная идея, стали официальной политикой Стамбула.

Лидеры «Единения и прогресса» в отличие от своих предшественников, игнорировавших национализм и его силу, решили взять реванш и создать новую Турецкую империю.

Более того, юнионисты нанесли первый удар по гордиеву узлу, связывающему Османскую империю с исламом.

Младотурки реализовали важные реформы: контроль религиозных судей министерством юстиции, приравнивание к государственным служащим мусульманских богословов-законоведов (улемов), управление религиозными школами министерством образования, секуляризация брачных контрактов, разрешение на развод в определенных случаях, открытие лицеев и университета для девушек.

Младотурки не побоялись начать свои реформы с Анатолии.

Разве религиозные обряды в Анатолии не сохранили свою естественность, простоту и внимание к повседневной жизни, отражающие пасторские традиции предков, пришедших из Центральной Азии?

А женщины в сельских местностях Анатолии не участвуют в общественной жизни, как это было у турок до исламизации? Фактически, и та и другая тема — не что иное, как выражение желания младотурок преобразовать Анатолию.

Анатолия становится парадигмой того, что младотурки хотели бы создать.

Султаны пренебрегали ею и с XVII века не посещали ее и не направляли туда своих наследников приобрести начальный опыт управления.

Младотурки, среди которых ни один из лидеров не был родом из Стамбула, превратили ее в свой Иерусалим.

«Настоящий турок, — писал немецкий журналист Штюрмер в 1917 году, — бедный и примитивный, вдруг становится фаворитом».

Младотурки намеревались сделать Анатолию исключительно

турецкой, поселив там иммигрировавших мусульман, изгнанных с бывших территорий Османской империи в Европе.

Они считали, что необходимо создать в империи наиболее благоприятные условия для турецких коммерсантов, землевладельцев и банкиров.

Кроме того, «тогда как греки и армяне занимают места служащих в конторах и часто поднимаются по службе до руководящих постов, турки прозябают на самых скромных должностях и наиболее часто занимаются лишь физическим трудом», что, по мнению младотурок, необходимо прекратить.

Понятно, что от лорзунгов до их реализации лежит дистанция огромного размера, и к концу Первой мировой войны национализм, модернизация и анатолизация принесли примерно столько же вреда, сколько и пользы.

Но надо учитывать и то, что подобные идеи выдвигались в Турции впервые.

Следовало учитывать нехватку времени и денег, военные поражения, оппозицию влиятельных политиков и элитаризм проводимой политики.

Так, Турецкий центр насчитывал всего две тысячи членов из числа интеллигенции и студентов.

Тем не менее, эта политика вызвала необратимый психологический шок.

«Эти изменения ментальности турок, — писал по этому поводу немецкий журналист Штюрмер, — явившиеся результатом борьбы за существование, способствовали довольно благоприятному развитию Турции после войны.

Они излечили ее от чрезмерного роста шовинизма, разумно сведенного до единственной области, способной успешно развиваться, а именно до в основном турецкой Анатолии.

Но, с другой стороны, будут необходимы еще железная воля и беспощадная решительность в этом плохо управляемом государстве, чтобы искоренить ложные и вредные идеи сегодняшнего правительства».

Сложно сказать, читал ли книгу Штюрмера Кемаль, но зато достоверно известно то, что его главными сторонниками во время войны за Независимость станут именно те, кто больше всех выиграл от политики младотурок.

В тридцатом году он выскажет мнение о периоде правления младотурок и о войне:

— Мой долг поблагодарить всех тех, кто удержал меня в стороне от этой неудачи, но всё же следует напомнить, что сделали они это бессознательно…

И ему было за что благодарить «всех тех» во главе с Энвером,

поскольку именно они подготовили фундамент, без которого он не смог бы предпринять свои реформы и безболезненно воспользоваться печальным опытом лидеров «Единения и прогресса».

И без этого самого фундатамента вряд ли было бы возможно создание той самой Турецкой Республики, за которую так бился сам Кемаль.

Таким образом, Кемаль, как это ни парадоксально звучит, явился продолжателем дела Энвера и его сторонников.

Каким бы авантюристом не был Энвер, но именно он был одним из тех, кто первым пробил брешь в начинавшем оседать под непомерной тяжестью фундаменте Османской империи.

Он был человеком определенных исторических условий, и было бы наивно упрекать его в том, что он, пантюркист до мозга костей, не воспылал любовью к чуждой ему республиканской форме правления.

Никому не дано прыгнуть выше себя, и Энвер не стал исключением.

Хотя кто знает…

А если представить, что Германия победила и Энвер создал свой Великий Туран?

Фантастика?

Возможно.

Но пришла же к власти в России самая слабая и малочисленная партия.

Да и кто сказал, что Великий Туран утопия?

История уже не раз показывала, как вчерашняя утопия становилась реальностью.

И. как мы увидим дальше, не забыли о нем и в современной Турции.

Другое дело, что если для самого Энвера все было уже кончено, то для Кемаля по большому счету все еще только начиналось.

И именно ему было суждено доделать то, что было начато новыми османами и младотурками.

А это означало, прежде всего, новые схватки и с оппозицией, и с друзьями…

Что же касается самого Энвера…

«Как таковой, — писал историк из Таджикистана Камолидин Абдуллаев в своей статье „Энвер-паша в Балджувоне. Смерть `летучего голландца Востока`“, — Энвер снискал большой почет части своих соотечественников и жителей Средней Азии.

Для многих тюрков он остается национальным героем,

который всколыхнул Турцию и сыграл выдающуюся роль в Средней Азии.

Сегодняшний турецкий историк сравнивает его с Сельджуком Кылычом Арсланом, который победил крестоносцев.

Для таких людей Энвер стоит рядом с Дели Дюмри — эпическим героем тюрков.

И наконец, религиозная мифология рисует Энвера Гази — святым мучеником, погибшим в неравной войне с неверными.

Именно так он оценивался частью населения Таджикистана, где общая могила Энвера и Давлатмандбия была превращена в мазар (мавзолей), куда на протяжении 74 лет приходили паломники для поклонения.

Для нескольких поколений эмигрантов он явился знаковой фигурой, спасательным кругом, ухватившись за который можно уйти от того, чтобы считать себя побежденными, а свою жизнь — потраченной зря».

Прах Энвера пролежал в таджикской земле ровно 74 года.

По договоренности с таджикским правительством, летом 1996 года местные археологи в присутствии представителей Турции вскрыли могилу Энвера.

В захоронении были найдены останки двух трупов.

В челюсти одного их них были обнаружены две зубные железные коронки.

На этом основании и по ряду других признаков труп был идентифицирован как Энвер-паша.

4 августа 1996 года, ровно через 72 года после его вступления на российскую землю и 74 года после памятного боя в Оби Дара, прах Энвера был перевезен из Таджикистана в Турцию.

В Стамбуле на мемориальном холме Хуррият-е Эбедие возвышается 12-метровый монумент в память героев младотурецкой революции 1908 года.

У его подножия, рядом с могилой Талат-паши, покоятся останки Энвера.

И, как мы еще увидим, не забыли потомки и его идею Великого Турана…

Чтобы убедить страну в том, что она вступает в новую эру, Кемаль в январе 1923 года отправился в предвыборную поездку по стране.

С намерением ознакомить общественность со своими взглядами он направился в Эскишехир.

— История, — говорил он в своей первой же речи, — знает изменников отечества, которые находили способы проникновения даже в Национальное собрание. Вот почему нация должна

особенно тщательно выбирать своих представителей. Люди, занимающиеся законодательством, должны выработать в себе особые, исключительные качества. Прежде всего, надо, чтобы лица, которые разрабатывают, предлагают и устанавливают законы, отлично знали все страсти и чувства человеческие, умели влиять на них, но сами умели бы, больше чем кто-либо иной, в полном смысле слова отрешиться, избавиться от этих страстей. Людям, не обладающим такими качествами, не должно быть дано право и полномочий устанавливать законы для человеческого общества…

После выступления ему принесли телеграмму о смерти матери.

Последнее время семидесятилетняя Зюбейде-ханым чувствовала себя очень плохо.

Тем не менее, она отправилась в Измир, чтобы познакомиться с Латифе.

— Я знаю, — вздохнул Кемаль, прочитав телеграмму, — что мама умерла этой ночью. Я видел сон, будто мы вдвоем прогуливаемся в поле, и вдруг налетел ураган и унес ее…

Но даже сейчас Кемаль остался верен себе.

Он попросил Салиха похоронить мать со всеми почестями, которых она заслуживала, а сам продолжил поездку по Анатолии.

Из Эскишехира Кемаль отправился сначала в Измит, а потом в Бурсу.

Эта поездка, по сути дела, стала первым общением Кемаля с той самой нацией, от имени которой он столько раз выступал.

Теперь, когда с единством в его и без того не очень стройных рядах было покончено, ему надо было не только готовить ее к задуманным им переменам, но и заручиться ее согласием на них.

О чем он говорил?

Да все о том же!

О мешающей ему и нации оппозиции, о роли просвещения и необходимости… изучать ислам так, как изучают религию в цивилизованном обществе.

Что для этого надо?

Только одно: новые выборы!

— Теперешний режим, — объяснял он, — возникший в результате наших тяжелых испытаний, наиболее отвечает задачам управления турецкой нацией и представляет собой, с точки зрения конституционного права, наиболее разумную форму. Консолидируя этот административный режим и проявляя во время выборов необходимую бдительность, мы создадим административный механизм, способный дать наиболее благоприятные результаты в области национального возрождения

и развития Турции как в настоящем, так и в будущем…

Что подразумевал Кемаль под «необходимой бдительностью» во время выборов?

То, что и всегда подразумевает любая власть: зеленую улицу для своих кандидатов и шлагбаум для неугодных.

Правда, на словах это звучало по-другому.

— Выберите таких людей из вашей среды, — призывал он, — которые больше всего любят нацию и страну, выберете тех, уму, проницательности и совести которых вы больше всего доверяете. Только в этом случае меджлис будет обладать силой для выполнения ваших желаний, обеспечения достойного вас благополучия…

Если же депутаты не пойдут на них, предупреждал Кемаль, то у нации найдется свое собственное решение, ибо закон революции был выше всех существовавших законов.

Как видно, не зря он так внимательно изучал историю Великой французской революции и подобно всем рвавшимся к абсолютной власти тоже предпочитал мешавшим ему законам революционную необходимость.

И как тут не вспомнить родную историю.

19 декабря 1917 года Ленин с хмурым лицом слушал доклад управляющего делами Совнаркома, прожженного циника Владимира Бонч-Бруевича.

Управляющий докладывал о царящей панике среди партийцев, о нарастающем недовольстве народа режимом и о возможности заговоров и покушений.

— Неужели ж у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, — недовольно спросил Ленин, выслушав Бруевича, — который привел бы в порядок контрреволюцию?

И на другой день Фукье-Тенвиля октябрьской революции не заставил себя ждать.

20-го декабря в Смольном на расширенном заседании совнаркома появился высокий человек, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нем как на вешалке.

Это был Феликс Дзержинский.

В его изможденном лице, лихорадочно-блестящих глазах, заостренных чертах чувствовался фанатик.

Он говорил трудно, неправильным русским языком с сильным польским акцентом и неверными ударениями.

— Революции, — заявил он, — всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное. И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы. Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу. У нас не должно быть долгих разговоров. Сейчас идет борьба не на

жизнь, а на смерть, и я требую одного — организации революционной расправы!

К радости Ленина, «октябрьский» Фукье-Тенвиль был найден.

Слова не расходились у него с делом, и по количеству погибших от коммунистического террора он превзошел и якобинцев, и испанскую инквизицию.

Одним словом, ничто не ново под луной…

Выступая «от имени нации», Кемаль играл беспроигрышную партию, и увлеченным его страстными речами людям даже в голову не могло прийти, что на самом деле скрывалось за его фразами.

Да и что задумываться!

Великий Гази не мог ошибаться, и если в собрании сидели враги нации, значит, их надо было гнать оттуда.

— Развитие великих идей, — говорил он, — приведших все главные нации мира к освобождению от рабства и к суверенитету, не дает пощады тем, кто ищет спасения в прогнивших формах правления и связывает свои надежды с обветшалыми установлениями…

Доставалось от него и клерикалам.

— Разве можно, — вопрошал он, — считать цивилизованной нацией скопище людей, которое позволило взять себя на буксир кучке шейхов, деде, сеидов, челеби, баба и эмиров, которое доверило свою судьбу и жизнь хиромантам, волшебникам, метателям жребия и продавцам амулетов?

Но в то же самое время, зная о силе традиционного ислама, он и не спешил перегибать палку.

— Мы вовсе не намерены, — не уставал повторять он, — отрывать ислам от нашей культуры, это невозможно да и ни к чему. Мы не коммунисты, чтобы одним разом покончить с религией. Да, правительство придерживается материалистических взглядов, но это вовсе не означает, что каждый должен думать так, как правительство. И не надо бояться никакого халифата. Ведь это мы с вами разгромили армии халифа, и не нам бояться жалкой тени все еще остающейся в стране династии. Настанет день, и мы отошлем эту самую тень туда, где ей и надлежит быть…

Кемаль умело оперировал понятиями, и у слушавших его людей создавалось впечатление, что, помимо него, у религии нет лучшего друга.

Конечно, говорил он, медресе принадлежат прошлому и в новой жизни не нужны.

Да и арабский язык обновленной нации тоже ни к чему, и давно уже пора писать божественные книги на турецком языке.

А ислам надо изучать вместе с другими науками.

Так, как это давно уже делается во всем цивилизованном мире.

— Наш Пророк, — говорил он, — внушал людям истины религии, и ее основные законы охватывают все правила, соответствующие природе, разуму и логике. Сейчас мы находимся в доме, где Пророк устраивал собрания верующих. Мечети построены не для того, чтобы смотреть друг на друга, дремать, а затем вставать и уходить. В мечетях надо обсуждать, что мы должны делать для народовластия и независимости. Здесь надо изучать общественное мнение нации. Народная партия — партия политическая, она создана для руководства властью от имени народа и для народа. Народная партия не придерживается никаких классовых позиций, Народная партия будет представлять народ и явится школой, давшей народу политическое воспитание. Необходимо иметь уверенность в том, что достигнутые народом завоевания сохранятся. Пока я не свободен от таких опасений и никому из вас не советую быть беззаботным. У нас, как и везде, может возникнуть сила против нового движения. Необходимо быть настороже!

Да, продолжал он, многие не советуют создавать ему партию и предлагают в его же собственных интересах уйти в отставку, как с честью выполнившему свой долг перед родиной.

И он, конечно, последует этим советам, но только после того, как убедится, что созданному ими ничто больше не грозит и страна сможет развиваться сама.

Конечно, задуманное им обновление общества не нравится реакционерам, а посему надо быть готовыми к жесточайшей схватке с ними.

— Только орошенные кровью революции чего-то стоят! — как бы предупреждал он. — Но мы уже пролили достаточно ее на полях сражений с врагами отечества и в гражданской войне. Так давайте же надеяться на то, что на этот раз мы обойдемся без кровопролития, поскольку главной задачей нашего просвещенного народа является просветление и воспитание всех мешающих нашей революции. Конечно, мы хотели бы провести культурную революцию только с помощью убеждения, но, если этого окажется недостаточно, мы прибегнем к принуждению!

Что ж, все правильно, и, если выражаться проще, лозунг был куда как прост: кто не с нами, тот против нас.

В его речах постоянно звучали призывы к борьбе с окружавшим невежеством.

— Мы должны, — не уставал повторять он, — заставить понять каждого, что только с помощью знаний нация сможет

процветать. И эти знания надо распространять по всей стране любыми доступными методами!

Так Кемаль впервые откровенно высказывался о намеченной им культурной революции, которую он намеревался проводить вопреки всем традициям и привычкам.

Во всех случаях он действовал по одной и той же схеме.

Встречался с местными властями и чиновниками, подвергая их тщательным расспросам.

И, как правило, снимал тех, кто был плохо осведомлен о подчиненном ему ведомстве.

Бедные чиновники, они никогда не видели не только султана, но и своих министров.

Для населения сюрприз был столь же велик.

Сколько поколений турок славили султана, которого никогда не видели?

И вдруг сам спаситель нации не только приехал к ним, но и говорил с ними.

Причем ведет себя очень скромно и даже отказался сесть в приготовленное для него позолоченное кресло.

Затем, слушая молодого человека, сравнивающего его с Бисмарком и Наполеоном, Кемаль несоглсно покачал головой.

— Наполеон, — говорил он, — человек, ищущий приключений и власти. Я никогда таковым не буду!

Выступая перед толпой, Кемаль всегда задавал один и тот же вопрос:

— Что вы хотите знать? Задавайте вопросы, и я попытаюсь на них ответить.

Этот прием казался простым, но очень эффективным: между Кемалем и населением устанавливался диалог, причем гази производил одинаково сильное впечатление на любую аудиторию: молодежь, женщин, ремесленников, крестьян, коммерсантов, преподавателей…

— Наше правительство, — объяснял он, — это правительство народа. Это правительство Национального собрания. Новая Турция стоит на позициях национального суверенитета. Национальное собрание не принадлежит халифу, Национальное собрание принадлежит только нации. Халиф должен быть достаточно сильным, чтобы защищать мусульманские страны, а Турция с ее восьмимиллионным населением не имеет достаточно средств, чтобы обеспечить это. Следует признать, что народ, не использующий технику, оказывается в стороне от прогресса. Наша задача превратить турецкую женщину в партнера и друга мужчины в социальной, экономической, научной сферах. Если в

стране нет армии образованных людей, то даже самых блестящих побед на полях сражений недостаточно; только армия образованных людей принесет стране радикальные результаты…

Поездка Кемаля по Анатолии стала впечатляющей демонстрацией его идей.

Не важно, если они не все принадлежали Кемалю, если многие из них высказывались ранее.

В январе — марте 1923 года Мустафа Кемаль первым представил стройную совокупность идей, базирующуюся на национальном суверенитете, экономической независимости, развитии просвещения, приоритете науки и техники, социальном равенстве мужчин и женщин.

Так был заложен фундамент кемалистской революции.

— Цель реформ, которые мы реализуем, — заявил Кемаль, — это превращение народа Турецкой Республики в современное общество как по форме, так и по содержанию. Такова основная задача наших реформ. Те, кто не воспринимает эту реальность, будут уничтожены…

Объяснение, надо заметить, весьма доходчивое…

В Бурсе Кемаль простился с Фикрие уезжавшей в берлинскую клинику лечить легкие.

На самом деле Кемаль именно таким образом удалял ее от себя в преддверии появления в его доме новой женщины.

Печальное это было прощание.

Верой и правдой служившая ему женщина не сказала ему ни единого слова упрека, но в ее глазах плескалась такая боль, что никогда не отличавшийся особой сентиментальностью Кемаль вздохнул свободно только после того, как поезд скрылся в степи.

По рассказам охраны, в первую свою проведенную в одиночестве ночь Кемаль чувствовал себя весьма неуютно.

Конечно, ему не хватало Фикрие.

Он настолько привык к ней, что не замечал ее присутствия.

Но теперь, когда ее не стало, он чувствовал пустоту.

Она не задумываясь отдала бы за него жизнь, а он поступил с нею так, словно она была его злейшим врагом из Второй группы.

В ту ночь он долго не мог уснуть.

Как когда-то в Сирии, он долго лежал, глядя в темноту, и курил сигарету за сигаретой, и только когда за окнами забрезжил серый рассвет, он забылся тяжелым беспокойным сном.

Он проснулся после полудня, когда в прозрачном октябрьском небе уже ярко сияло стоявшее в зените солнце.

Но ясный день не улучшил его настроения, и он долго сидел за столом с хмурым лицом и пил кофе.

В конце января Кемаль приехал в Измир.

Его встретила Латифе.

В течение месяца она ухаживала за матерью Кемаля.

Надо полагать, что она очень надеялась на то, что мать оценит ее достоинства и посоветует сунны жениться на ней.

Была ли Зюбейде покорена вкусами Латифе и ее властным характером, не скажет уже никто.

Впрочем, Кемаль уже сделал свой выбор и без матери.

Еще в Бурсе он на вопрос хозяйки отеля, мадам Бротт, не собирается ли он жениться в Измире, ответил:

— Да, я женюсь. Дата моей женитьбы зависит of графика моей поездки…

Затем Кемаль отправился на могилу матери, где произнес надгробную речь в присутствии Кязыма Карабекира и Февзи и большой толпы.

Кемаль и здесь остался политиком и, если верить всему, что он говорил, то его мать была самой настоящей жертвой султанского режима, выплакавшей свои глаза из-за вечной боязни за него, брошенного султанскими палачами сначала в тюрьму, а затем отправленного в ссылку.

— Она, — вдохновенно говорил он, — практически ослепла от слез, а я не смог спасти ее из Стамбула. И вот мы встретились: ее тело мертво, но ее душа жива. Разумеется, я тяжело переживаю утрату. Но тем не менее, кое-что смягчает мою боль и успокаивает меня. Да, режим, уничтоживший мою мать и родину, исчез навсегда. Моя мать покоится в этой земле, но национальная свобода не погибнет никогда. И на этом святом для меня месте я клянусь в том, что отдам свою жизнь, если этого потребует родина…

Так самая обычная женщина превратилась в исторический символ.

29 января 1923 года около десяти человек собрались на свадьбу Кемаля и Латифе в доме тестя, несказанно обрадованного свалившимся на него счастьем.

Кади, религиозный судья, проводящий церемонию бракосочетания, спросил, какой выкуп готов заплатить Кемаль за невесту.

— Десять серебряных дирхемов! — назвал тот весьма скромную сумму.

— Недорого ты платишь за невесту! — воскликнул Кязым Карабекир.

После благословения, произнесенного кади, Кемаль

пригласил своих свидетелей, Февзи и Кязыма, остаться на ужин:

— Я, сказал он, — хочу оценить таланты молодой жены.

— Но разве этот вечер не предназначен для развлечений? — удивился Февзи.

— Жена военного проводит вечер после свадьбы на кухне, — пожал плечами Кемаль.

Что там говорить, завидная перспектива для женщины, изучавшей право и читавшей Гегеля…

Кемаль равнодушно махнул рукой.

Даже сейчас Кемаль, судя по всему, думал не о первой брачной ночи, а о том, как приблизить те благословенные времена, когда свадьбы будут справляться так, как это принято делать во всем цивилизованном мире.

Да и не муфтия он желал бы видеть у себя за столом в столь торжественный день, а мэра города.

И Кемаль не был бы Кемалем, если бы и здесь не пошел против течения и, к великому негодованию священника, разрешил невесте присутствовать на церемонии с открытым лицом.

Ззаодно он еще раз больно стегнул по самолюбию пришедшего на свадьбу Карабекира, предложив ему. поработать председателем экономического конгресса в Измире.

Высоко оценивая свои заслуги перед родиной, Карабекир не терял надежды на то, что займет достойное место и будет определять политику страны.

А вместо этого его посылали на какое-то совершенно ненужное ему экономическое сборище.

И все же возмущаться он не посмел.

Судя по ее поведению, сама Латифе проводить время на кухне не собиралась.

Более того, она с первого же дня совместной жизни стала делать Кемалю замечания.

Как-то вечером Кемаль вместе с Латифе отправился в гости к его старому другу Эмин-паше, коменданту крепости Измира.

В просторном салоне, выходящем в сад, жена Эмина предложила гостям шампанское.

Кемаль с бокалом в руке уселся на диван перед окном, выходящим в сад и на улицу.

Время от времени он поглядывал в окно, где собрились узнавшие об его приезде люди и, в знак приветствия поднимал бокал с вином.

— Не показывай свой бокал, — недовольно заметила Латифе, — тебя видят с улицы!

Кемаль сделал вид, что ничего не слышал и продолжал пить вино на виду у всей улицы.

После того, как в течние вечера Латифе сделал ему еще несколько замечаний, жена коменданта заметила после ухода гостей:

— Этот брак долго не продлится…

Так оно и будет, но пока Кемаль и Латифе не расставались, и она пока еще снисходительно выслушивал ее нравоучения.

Все дело было в том, что образованная и прекрасно воспитанная Латифе олицетворяла для него все то, что хотел бы видеть Кемаль в турецких женщинах.

Сложно сказать, насколько это соответствовало истине, но по свидетельству многих авторов, Латифе была достойна внимания и уважения не только за свою красоту, но, прежде всего, за свой ум и отношение к окружающим.

Зато у всех тех, кто был свидетелем ее отношений с мужем, сложилось совершенно иное мнение.

Но пока до этого было еще далеко.

— Я, — говорил Кемаль, — хочу, чтобы турецкая женщина походила на американок…

Сложно сказать, где Кемаль видел американских женщин, и походила ли на американку Латифе, но один из его друзей, видя ту эйфорию, в которой пребывал Кемаль после свадьбы, отозвался о его женитьбе так:

— Он женился на идеале!

Если бы он только знал, как он ошибался…

Этот самый «идеал» Кемаль взял с собой на Измирский Экономический конгресс.

Открыл конгресс сам Кемаль.

— Я не буду вам рассказывать о положении дел в стране, — сказал Кемаль делегатам, — вы его сами прекрасно знаете. Но я хочу обратить ваше внимание вот на что: память о нашей отсталости должна способствовать сплочению всех тех, чьи интересы совпадают. И мы в любом случае должны покончить с капитуляциями, тормозящими развитие нашей страны и толкающими ее назад. Они явились результатом полного непонимания султанами того, что причиной упадка Османской империи стала, прежде всего, слабая экономика. Те, кто собирается удержаться у власти только с помощью меча, обречены, и история любой страны пишется в первую очередь не мечом, а плугом…

Экономический конгресс стал своеобразным символом того, что Турция становится на путь экономического развития и

модернизации.

Кемаль придавал ему такой же статут, как и конгрессам Эрзурума и Сиваса: не может быть политической независимости без экономической независимости страны.

Для конкретной работы Кемаль привлек таких советников, как Джеляль, бывший сотрудник Немецкого банка, иминистр экономики, Махмуд Эссат, получивший университетское образование в Швейцарии и Венгрии.

Да, первыми заклеймили позором капитуляции юнионисты, они же и отменили их, призвав соотечественников к подлинной экономической войне.

Кемаля нисколько не задевало их первенство.

Да и не до этого!

Страна в руинах, и он с нетерпением ожидает, чтобы правительство наметило пути восстановления и развития экономики.

Среди 1135 делегатов, сгруппированных в четыре секции (коммерсанты и банкиры, аграрии, рабочие и ремесленники, промышленные предприниматели), наиболее организованными и внимательными были коммерсанты и мусульмане Стамбула.

Кемаль покинул Измир 18 февраля, оставив руководство конгрессом Кязыму Карабекиру.

Конгресс завершил работу через две недели, приняв окончательную декларацию — Экономический пакт в либерально-националистическом духе.

Конгресс отказался распределять землю крестьянам, а также от участия профсоюзов в защите интересов предприятий.

Национальный союз удовлетворен результатами.

А для Кемаля главной заботой была экономическая независимость страны и задача «как сделать, чтобы мой народ ел досыта», как «развивать национальную торговлю, строить заводы, разрабатывать полезные ископаемые».

С этой целью он хочет «помочь анатолийским коммерсантам, способствовать их процветанию».

Либерализм не очень беспокоит его, поскольку у него не было альтернативы.

Самым важным было заставить турок понять и показать иностранцам, что новая Турция всерьез занимается подъемом экономики.

Глава XXXII

Начатые 20 ноября переговоры в Лозанне по заключению мирного договора Турции с державами Антанты проходили тяжело.

Представители западных держав, потерпев военное поражение, теперь пытались «мирно» добиться многого из того, ради чего они начали интервенцию в Турцию.

Тем не менее, от конференции Кемаль ждал многого.

Именно там, в Лозанне, по образному выражению самого Кемаля, Турции предстояло разобраться в «запутанной и малоприятной куче счетов и добиться нужных стране решений».

Для чего, по его словам, надо было проявить чудеса дипломатии.

На что он рассчитывал?

Да все на ту же грызню между западными странами, и, отправляя Исмета, он приказал ему уступать одним, давить на вторых и обещать третьим.

Есть противоречия между Англией и Францией?

Прекрасно!

Надо еще более углубить их и сыграть на них!

Засматривается Болгария на греческую территорию?

Пусть засматривается!

Надо подыграть ей!

И конечно, Исмет обязан добиться отмены гробивших страну капитуляций, затянуть решение по Мосулу и найти наиболее приемлемое для Турции решение по Проливам и еще целому ряду важных для нее вопросов.

Нельзя было забывать и о Советах и пугать Союзников дальнейшим сближением с ними!

Именно Советская Россия должна стать той самой дубиной, которой можно в любое время грозить Западу.

В обсуждении вопроса о режиме Черноморских проливов участвовали представленные единой делегацией РСФСР, Украинская ССР, Грузинская ССР и Болгария.

Уже в начале переговоров стало ясно, что союзники не отказались от стремления экономически и политически закабалить Турцию.

Турки настаивали на отмене режима капитуляций, финансового контроля и политических привилегий иностранных концессионеров.

Французы же, на долю которых приходилось около двух третей Оттоманского долга и значительная часть всех остальных

иностранных капиталовложений в Турции, видели в требованиях кемалистов угрозу своим экономическим интересам.

Англичане более всего были озабочены территориальными уступками Турции, прежде всего Мосула, а также статусом Проливов.

Советская позиция по Проливам была изложена В. И. Лениным в интервью 27 октября 1922 года английскому корреспонденту.

Он заявил, что программа Советского правительства относительно Проливов содержит в себе удовлетворение национальных стремлений Турции, закрытие Проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время и полную свободу торгового мореплавания.

Турецкая делегация не поддержала советских предложений.

Исмет-паша согласился с проектом Керзона, возразив лишь против включения Мраморного моря в проектируемую демилитаризованную зону.

От выработки окончательного проекта конвенции советская делегация была отстранена, по этому поводу ею были высказаны энергичные протесты.

Таким образом, выработанная представителями Антанты и Турции конвенция о режиме Проливов нарушала жизненные интересы черноморских стран, в том числе интересы самой Турции.

И все-таки Исмет оправдал его надежды.

Он изворачивался, как мог, и, как только речь заходила о невыгодных Турции предложениях, проявлял такую твердолобость, что Керзон потерял всю свою аристократическую выдержку и то и дело раздраженно стучал тростью о стену.

Но все было напрасно.

Исмет проявил себя настоящим мастером демарша, искусства профессиональных дипломатов

Он жестко отстаивал необходимость признания Анкары как единственного законного представителя Турции

В то же время задачами Великобритании были, во-первых, недопущение усиления в Турции французского влияния, ее сотрудничества с советской тогда Россией и вообще изоляция на международной арене

Именно ее представитель, министр иностранных дел лорд Керзон, был модератором конференции

И однажды перед очередным, явно антитурецким полемическим выступлением Керзона, Исмет Иненю снял свой слуховой аппарат (тогда микрофоны были слабыми и слышимость усиливали с помощью слуховых аппаратов, а не

динамиков как ныне).

Сделав вид, что не слышит британского министра, он затем слово в слово повторил свою прежнюю непреклонную позицию

«Худощавый, начинающий седеть, — описывал Исмета Генеральный секретарь конференции в Лозанне Рене Массильи, — он выглядел старше своего возраста лет на десять; тонкие черты лица, орлиный нос, глаза всегда настороже, скромный, но не застенчивый, всегда спокойный, очень вежливый, не реагирующий на громы и молнии величественного лорда Керзона, сохраняющий самообладание и снова повторяющий слово в слово бесстрастным голосом аргументы, которые западные делегаты считали уже отвергнутыми; при этом он был скорее скуп на слова, немного глуховат, что позволяло ему, в зависимости от обстоятельств, не всё услышать или заупрямиться дольше допустимого и вывести собеседников из себя, он изматывал противников, брал их „измором“.

Руководствуясь точными инструкциями Мустафы Кемаля, он сумел, таким образом, при всех бесчисленных трудностях следовать точно по заданному пути».

Уже очень скоро переговоры превратились в настоящее испытание нервов и выдержки западных дипломатов.

В конце концов, потерявший терпение Керзон решил сорвать переговоры.

Устроив на очередном заседании истерику, он от имени Англии, Франции и Италии в ультимативной форме потребовал от Турции подписать выработанный ими проект договора, угрожая в противном случае уехать из Лозанны.

Однако на Исмета угроза не произвела ни малейшего впечатления, и он покинул Лозанну.

20 февраля Кемаль вместе с женой, начальником Генерального штаба Февзи и приехавшим из Лозанны Исметом вернулся в Анкару.

Судя по всему, их ждала далеко не самая теплая встреча в меджлисе, и всю дорогу они провели в обсуждении предстоящей политической борьбы.

Кемаль не строил никаких иллюзий в отношении оппозиции и прекрасно понимал, что все интриги вокруг Мосула и Исмета были только предлогом, и не будь их, у его противников нашлись бы другие поводы.

И далеко не случайно на вопрос иностранного журналиста о том, что же он будет делать, когда внешний враг будет разбит, Кемаль с какой-то двусмысленной улыбкой ответил:

— Теперь, развлечения ради, мы начнем нападать друг на

друга!

И он не ошибся.

На него нападали!

А когда он заявил, что действительными хозяевами Турции являются крестьяне, в зале раздался откровенный смех.

Поскольку всем было хорошо известно, в какой нищете жили сейчас эти самые «хозяева Турции».

Кемаль даже не с презрением, а с сожалением смотрел на этих смеявшихся над его словами людей, которые так по большому счету ничего и не поняли.

Да и кому были бы нужны Национальное собрание, реформы, война за Независимость, если бы не было того самого турецкого народа, большую часть которого представляли крестьяне.

А он сам?

Разве он искал каких-то выгод для себя?

Никогда!

Он отдавал всего себя служению любимой им нации и имел полное право говорить:

— Мои амбиции велики, но они не сводятся к материальным амбициям, таким как получение более высоких постов и денег…

Но это вовсе не означало того, что крестьяне, являясь подлинными хозяевами Турции, должны править страной в буквальном смысле.

Да и не их это дело.

Именно поэтому он всегда считал, что обязанность руководителей состоит в том, чтобы указывать своим нациям путь к радостной и счастливой жизни.

И Кемаль прекрасно понимал, что недовольство народа вовсе не означало того, что правительство и он сам ничего не делали для улучшения жизни.

Делали!

И делали много.

Конечно, этого было недостаточно.

Но…

— Вся Турция, — говорил по этому поводу Кемаль, — превращена в развалины. Повсюду ухают совы. У нации нет средств, нет достояния, ничего у нее нет. Вся нация находится в ужасающей нищете и бедности. Вот в каком положении оставило нацию правительство старого Османского режима…

Это было на самом деле так, и положение пока не спасали даже те титанические усилия, которые предпринимала новая власть для подъема экномики.

Кемаль прекрасно понимал, что в таких условиях массы могут быть увлекаемы в любом направлении, хорошем или

дурном, под воздействием любого лица.

— Я, — убеждал он депутатов, — выступаю за мечты народа, и цель моей жизни заключается в том, чтобы воплощать эти мечты в жизнь. Но мы не можем допустить сейчас того, чтобы решения принимались под влиянием таких обстоятельств, как толки населения. Я считал и считаю проводимую мною линию правильной даже тогда, когда существовала необходимость быстро и жестко проводить мои решения в жизнь. Это вовсе не означает того, что мы все и всегда делали правильно. Более того, с того момента как мы взяли власть, мы боремся с ошибками. Но точно также верно и то, что все, что мы делаем, мы делаем для страны…

Кемаль не сказал еще и того, что молодая экономика задыхалась от нехватки квалифицированных кадров: инженеров, техников и управленцев.

Без тех самых кадров, которые, как известно, решают все…

По-другому и быть не могло.

И все же, несмотря на все красноречие Кемаля, это был разговор глухого с немыми.

И если с патриотизмом, во всяком случае, в их понимании, у депутатов все было в порядке, то в большой политике они разбирались плохо.

Над разумом чаще всего преобладали эмоции, многие были подвержены ксенофобии и не отличались ни хорошим образованием, ни необходимой для политиков широтой взглядов.

Как и все дилетанты, они считали себя всеведущими и отличались крайней завистливостью и подозрительностью.

Иной раз, устав от бесконечных и, что самое печальное, бессмысленных уговоров, Кемаль удивлялся своему долготерпению.

И, как знать, не подумывал ли он, покидая в очередной раз меджелис после бесплодных дебатов, о том, что только абсолютная власть позволит ему безболезненно совершить задуманное…

Не все просто складывалось и с Латифе.

Попав в более чем провинциальную Анкару, она была неприятно поражена своей новой обстановкой.

И в самом деле?

Как смириться с этой дырой после Парижа, где женщины свободно гуляют по улицам и могут исполнять Моцарта, Шуберта и Бетховена.

Но куда больше ее поразило отношение к ее мужу.

Она думала явиться этакой царицей бала в «лежавший у ног

Кемаля» город, а попала в какую-то общежитие с его бесконечными склоками и скандалами.

Поражал ее и сам Кемаль, которому в те сложные для него дни было явно не до молодой жены.

Не желание идти освобождать Стамбул и бегство Исмета из Женевы увеличили количество противников Кемаля.

Нужно ли снова приступать к переговорам или следует готовиться к войне?

— Новый год, — говорил Кемаль, — может быть годом мира или войны. Нам надо быть готовыми ко второму варианту…

Вот что волновало тогда Кемаля, и он целыми днями пропадал в Совете министров и Национальном собрании, где между депутатами шли самые настоящие бои.

Разговоры о политике продолжались и дома, за обеденным столом и очень часто до утра.

К негодованию Латифе, они сопровождались неумеренным, на ее взгляд, потреблением вина.

И Кемаль был в этом деле одним из первых.

Когда первое удивление прошло, Латифе приступила к обязанностям хозяйки.

Ковры, изящные безделушки, новые занавески и букеты цветов преобразили холостяцкую резиденцию Кемаля в Чанкая.

Более того, новая хозяйка Чанкая решила установить свои порядки для слуг и адъютантов.

Кемаль одобрял желание супруги присутствовать на открытии парламентской сессии и на дипломатических раутах.

Но категорически был против того, чтобы прислуга в Чанкая щеголяла в белых перчатках!

Попыталась она и как-то упорядочить распорядок дня самого Кемаля.

Кемалю это не понравилось, и очень скоро разногласия перешли в ссоры.

Неприятно поразило Кемаля и та истеричность, с какой его жена отстаивала свои взгляды и права.

Иногда было достаточно только косого, на взгляд Латифе, взгляда, чтобы устроить скандал.

Но пока Кемаль терпел.

Как терпел оппозицию, султана и халифа.

У него были свои взгляды на жену, которая должна была служить наглядным примером европейской женщины при его общении с людьми.

Касалось ли это простого народа, или его генералов.

Сложно сказать, задавался ли он сам вопросом, насколько его хватит, но наблюдавшее за их отношениями с удивлением и

интересом его окружение считало, что ненадолго…

Как того и следовало ожидать, оппозиционные депутаты посчитали демарш Исмета за провал конференции в Лозанне.

И сразу же заговорили о том, нужно ли снова приступать к переговорам или следует готовиться к войне?

Непрерывно заседали Совет министров и Национальное собрание, дебаты были продолжительные и шумные.

— Новый год может быть годом мира или войны, — заявил Кемаль и добавил: — Нужно быть готовыми ко второму варианту…

Обстановка в Анкаре все более накалялась.

Оппозиция готовила коммюнике, уточняющее условия, при которых Анкара возобновит переговоры в Лозанне, и депутаты уверены, что правительство пытается их обмануть.

Национальное собрание бурлило, и Исмет, привыкший к дипломатическим тонкостям, поражен тем, что он видел и слышал с момента своего возвращения.

Али Фуад, возглавляющий работу Национального собрания, с трудом справлялся, а избрание на пост вице-президента Хюсейна Авни, одного из руководителей Второй группы, еще более накалило атмосферу.

Депутаты больше не обсуждали вопросы спокойно, они нападают, обвиняя друг друга, сжав кулаки.

Недовольно было и правительство, поскольку подчиненный ему министр иностранных дел получал инструкции не от него, а от главнокомандующего и президента меджлиса.

Но особенно депутаты были недовольны позицией Кемаля по Мосулу, судьба которого должна была решиться на переговорах с Британией.

И Кемалю снова пришлось с утра до вечера убеждать их в том, что он не собирается отдавать Мосул, а специально откладывает решение по нему.

— Надо только немного подождать, — говорил он, — пока наша страна не окрепнет! Только и всего!

Однако решительно настроенная оппозиция встречала в штыки все его объяснения, напряжение нарастало.

На закрытом заседании 6 марта Кемаль дал волю своей ярости.

— Неужели так трудно понять, — кричал он, — что без определенных уступок Западу Турция никогда не получит более или менее приемлемых условий мира и обречена на тяжелую борьбу с мощными западными государствами?

И именно эти уступки разбивали и без того нестройные ряды

Союзников, пытавшихся урвать все, что угодно, за счет друг друга.

— Я, — громыхал он, — намеренно создаю тонкую систему дипломатических противовесов, в которой Советы будут сдерживать Союзников, Британия — Францию, а Греция — Болгарию! И не понимать этого могут только глупцы, или, что еще хуже, предатели!

— Сами вы предатель! — выкрикнул не сдержавшийся Али Шюкрю, и взбешенный Гази стремительно направился к оппозиционеру, сжимая в кармане пистолет.

Лишь с большим трудом Али Фуаду удалось успокоить собрание.

Как это ни печально для Кемаля, но эта история получила весьма нежелательное для него продолжение.

По той простой причине, что 29 марта Али Шюкрю пропал.

Для его друзей из Второй группы не было ни малейшего сомнения в том, что это дело рук Кемаля, желавшего избавиться от одного из лидеров оппозиции, заткнуть рот оппозиции и подавить свободы.

Подозрения пали на Хромого Османа, командира лазов личной охраны Кемаля, который якобы был последним, кто видел Шюкрю живым.

Когда Кемаль отдал приказ арестовать его, начальник его охраны оказал вооруженное сопротивление и был смертельно ранен в перестрелке.

Подчиненых Хромого Османа допрашивал сам Кемаль, но истины так и не установил.

После доклада Рауфа о деле Али Шюкрю депутаты приняли решение выкопать труп лаза и повесить его на установленной у здания меджлиса виселице.

До столь откровенной демонстрации этого дело не дошло, и тогда оппозиция превратила похороны депутата в его родном Трабзоне в митинг протеста против тирании Кемаля.

Памяти Али Шюкрю оппозиция посвятила целое заседание, и еще долго его сторонники заявляли о том, что дух покойного присутствует вместе с ними на всех заседаниях.

Что же произошло на самом деле?

Тщательно задуманная провокация оппозиции, чрезмерное усердие преданного Кемалю начальника его личной охраны или же инициатива самого Кемаля?

Это так и осталось тайной.

Хорошо известно другое.

Истребитель греков, армян и мусульман, Хромой Осман, так

или иначе, должен был сойти со сцены.

При новом порядке ему на ней уже не было места, и руки Кемаля должны были оставаться чистыми.

И далеко не случайно Исмет считал все случившееся с Али Шюкрю неизбежным всплеском десятилетиями накапливавшегося в стране зла.

— Ататюрк, — скажет он позже, — появился из существующих в стране противоречий. И его талант политика намного превосходил его военные дарования…

А вот Карабекир вспоминал о неоднократных угрозах Кемаля в адрес ненавидевшего его депутата и созданной им в Анкаре оппозиционной прессы.

Но, как бы там ни было на самом деле, очень многие истинным виновником смерти Али Шюкрю считали Кемаля и начинали его бояться уже по-настоящему.

Что же касается Кемаля, то он никогда не вспоминал ни об Али Шюкрю, ни о Хромом Османе.

Многое в этой истории так и осталось неясным.

Да и не было у него времени разбираться в деталях.

Если, конечно, депутат был убит не по его приказу…

Да и не таких мелочей было тогда Кемалю.

Оппозиция не хотела и слышать о переменах в стране.

И это было похуже надуманных (или даже ненадуманных) обвинений.

Из двух сотен подобранных им кандидатов только половина отвечала его требованиям — личной преданностью и определенными способностями.

Этого было крайне мало.

Значит, ему необходимо сформировать команду, с которой можно будет покончить с политической борьбой раз и навсегда.

Как мы уже писали, поставленный в сложные условия Кемаль еще в декабре прошлого года стал подумывать о создании Народной партии и новых выборах.

Потом, когда Турция окрепнет, можно будет рассуждать об оппозиции, многопартийности и прочих демократической чепухе.

Но сейчас, когда на карту поставлено будущее страны, демократия только убьет ее.

С заседавшими сейчас в парламенте депутатами ему было явно не по пути, и он был обязан посадить в их кресла послушных ему людей.

Консультации по выработке программы Народной партии шли полным ходом, и именно она со временем должна составить большинство в меджлисе.

Чтобы как можно скорее добиться этого, надо выбрать в меджелис куда более решительных и прогрессивных людей, готовых не щадя себя работать на благо нации.

А раз так…

Глава XXXIII

1 апреля 1923 года 120 депутатов выступили с предложением распустить Национальное собрание и провести новые выборы.

— Необходимо обновить Национальное собрание, — заявил Исмет, — чтобы доказать конференции в Лозанне, что всё, что мы будем говорить, и те решения, которые мы примем, будут отражать последнее слово нации…

Ничего не подозревавшая оппозиция с радостью поддержала это предложение: ведь она требовала роспуска в течение месяца.

Решение было принято, и несколько дней в стане Второй группы царила эйфория.

В те же дни меджелис принял закон о проекте Честера.

Еще в 1900 году адмирал задумал проекты, воплощение которых тормозило только недоброжелательное отношение других инвесторов: мост через Босфор, железную дорогу через всю Анатолию, строительство морских портов, добычу железной руды…

В 1922 году Честер предложил новые проекты правительству националистов.

Анкара подписала предварительное соглашение, предусматривающее строительство трех портов и более четырех тысяч километров железных дорог, а также концессию на 99 лет, дающую право на использование шахт на 40 километров вдоль железных дорог и в районе портов.

Так, за несколько недель до открытия конференции в Лозанне Анкара стремилась завоевать симпатии Соединенных Штатов Америки, желающих вновь поставить под сомнение успехи европейцев, что на языке дипломатов целомудренно называют политикой открытой двери.

Радовавшиеся грядущим переменам от всей души оппозиционеры даже забыли о выработке своей программы.

Кемаль не забыл.

8 апреля 1923 года была опубликована декларация об организации Народной партии на базе кемалистской «Группы защиты прав» в меджлисе.

Ещё весной Мустафа Кемаль провозгласил девять принципов, направленных на защиту и укрепление государства, завоевание экономической самостоятельности, а также на борьбу против опасности реставрации султаната.

Они предусматривали сосредоточение всей полноты власти в руках нации, безраздельное осуществление верховной власти в стране Великим национальным собранием Турции, охрану

безопасности страны как самую важную задачу нации, реорганизацию судопроизводства; всяческое содействие развитию национальной экономики, сокращение срока действительной военной службы, материальное обеспечение инвалидов войны и их семей, реорганизацию и упорядочение работы правительственных учреждений и поощрение вложений в экономику средств общественных организаций и частных лиц.

Одновременно они служили программной установкой на выборах в меджлис второго созыва, которые Кемаль намеревался провести летом.

Программа представляла искусное сочетание вопросов: национальный суверенитет, Экономический пакт, принятый в Измире, ликвидация поборов, строительство железных дорог, реформа юриспруденции, усовершенствование банковской системы и… мир при полной независимости.

Одновременно это было серьезным предупрежденеим всем его врагам.

Программа, организация и лидер, святая троица победы на выборах, объединены.

В последний день работы меджлиса первого созыва 15 апреля 1923 года были приняты изменения в законе об измене родине.

Предусматривался, в частности, запрет заниматься политикой, несоответствующей 9 принципам.

В эти дни Кемаль получил весьма неожиданное предложение от видных деятелей бывшей правящей партии.

Еще в феврале во время одной из своих поездок по стране Кемаль встретился в Измите с Кара Кемалем, считавшимся влиятельным политиком в стамбульских кругах.

— Что планируют делать дальше иттихадисты? — спросил он.

Разговор об этой партии шёл так, как будто она не была распущена 4 года назад.

Чтобы выяснить мнение своих политических сторонников-иттихадистов, Кара Кемаль собрал 12–13 апреля на дому у бывшего султанского министра финансов Джавида 20 видных деятелей «Единения и Прогресса».

Они совещались два дня.

Речь шла о платформе «несуществующей» партии к приближавшимся выборам в меджлис и ее возрождении.

Выяснилось, что её программа предусматривала принятие новой конституции и сохранение Стамбула в качестве столицы.

В целом эта платформа остатков младотурок предвосхищала программу вскоре созданной Прогрессивно-республиканской партии.

Они были убеждены, что в состоянии продемонстрировать свою политическую силу.

В обмен на признание партии они готовы были поддержать Кемаля на выборах.

Однако Кемаль чувствовал себя настолько уверенным, что отверг их предложение.

Когда распространились слухи о совещании иттихадистов, Кемаль заявил Анатолийскому агентству:

— «Единение и прогресс» распущен в 1918 году и никто не может выступать от её имени…

Как это было ни печально для Кемаля, но появившаяся в его отношениях с женой трещина продолжала увеличиваться.

И чаще всего в отношениях с ней Кемаль до поры до времени делал хорошую мину при плохой игре.

Ему нравилось, когда Латифе читала ему Монтескье и Руссо.

Еще больше ему импонировало то, что Латифе повсюду сопровождала его: на гражданских и военных мероприятиях, пешком или на лошади, набросив шаль, элегантно прикрывающую голову и плечи.

Но он с труджом сдерживал себя, когда Латифе критиковала его образ жизни, частые застолья с друзьями и пыталась придать более светский характер его вечерам.

А ей не нравилось многое.

Ее раздражали постоянные ужины Кемаля с друзьями до трех чесов ночи.

Не нравилось ей и выпитое Кемалем количество ракы.

А когда он, как ни в чем не бывало, появлялся в спальне и даже не извинялся перед нею, Латифе была даже не столько поражена, сколько убита поведением мужа.

Но настал момент, и когда она в очередной раз стала читать ему нотации, Кемаль в довольно резкой форме попросил ее не лезть не в свои дела, больше общаться с женами его приятелей и заниматься благоустройством их жилища.

Латифе на время отступила.

Правда, будь Кемаль повнимательней, он обязательно заметил бы то внутреннее напряжение, в каком постоянно пребывала его жена.

Но те напряженные дни ему было не до нее.

В меджлисе снова шли схватки с депутатами.

Кемаль изменил тактику.

Он перестал приглашать к себе Рауфа и принялся обрабатывать его через Али Фуада.

Как нетрудно догадаться, в ход пошел весь обычный в таких

случаях и далеко не джентльменский набор, состоявший из обещаний и угроз.

Рауф не осмелился противиться воле Кемаля.

После бурных дебатов правительство поручило продолжение переговоров тому же Исмету, и турецкие предложения по мирному урегулированию были вручены находившемуся в Стамбуле представителю Союзников.

Чтобы умерить пыл французов, которым были обещаны экономические концессии, Кемаль начал широкую кампанию в печати против зверств французских войск в Александретте и Антакье.

Затем последовал тонкий ход против начавших сближаться Англии и Франции.

Кемаль с великим знанием дела разыграл «американскую» карту, пообещав представителям деловых кругов Америки выгодные концессии.

И хотя ничего из этого не вышло, своего Кемаль добился.

Обещанные им американцам концессии встревожили как англичан, так и французов, увидевших в сделанных им предложениях ущемление своих деловых интересов.

Глава XXXIV

Проводив Исмета в Лозанну, Кемаль снова отправился в поездку по стране, на этот раз с Латифе.

Риск, на который идет Кемаль, не только касается его лично, его семьи.

Появление на сцене Латифе и чрезмерность ее модернизма удивляо и шокировало не привыкшее к подобным явлением мусульманское общество.

Дело дошло до того, что в Адане религиозные авторитеты были вынуждены опубликовать коммюнике, чтобы уточнить, что присутствие Латифе рядом с Гази не противоречит исламской религии, а ее одежда, английский дамский костюм и вышитая вуаль, не рассматриваются как нарушение религиозного закона.

По мнению французского коменданта Пелле, этих комментариев недостаточно.

— Кемаль, — заметил он, — выбрал себе жену, словно созданную, чтобы разжигать его амбиции и выявлять недостатки.

Пелле небезосновательно считал, что Латифе шокировала всех и компрометировала мужа.

Да, это было так, однако Кемаль намеренно шел на это.

По меткому выражению А. Жевахова, Латифе должна была стать для Кемаля «Статуэткой на выставке», образцом авангарда.

Возможно, он только для того и разошелся с Фикрие, чтобы иметь рядосм с женщину с европейским укладом жизни.

Как женщина и жена, Фикрие не шла ни в какое сравнение с Латифе, и Кемаль не мог не понимать этого.

Но…

Она оставалась восточной женщиной.

По сути дела, его путешествие по южным городам явилось продолжением начатой им избирательной кампании.

На встречах с людьми Кемаль говорил обо всем: о переговорах в Лозанне, торговцах овощами, фермерах, о новых выборах и, конечно, об образовании!

И все его речи были пронизаны страстной уверенностью в том, что турецкая нация сумеет приобрести необходимые знания и обеспечить прогресс своей родине.

— Нация, — внушал он внимательно слушавшим его людям, — будет отсталой до тех пор, пока ее противники будут доминировать во всех областях науки и знаний! Так давайте же осознаем, в какой стране мы сейчас живем, и будем изучать то, что и следует изучать. Этого от нас требует религия и Аллах. Не надо обращаться за разъяснениями к священникам, каждый

должен понять ту простую истину, что все совместимое с разумом и общественными интересами совместимо и с исламом. Мменно поэтому ислам и национальные интересы совпадают…

Но в то же самое время он постоянно напоминал и о том, что все иссушившее мощь нации зло было сделано от имени религии.

Вместе с проповедью рациональной формы ислама он ударился в изобретение своих собственных версий истории.

Адана и ее окрестности всегда принадлежали туркам, говорил он, и их отняли у них персы и Александр Македонский.

Потом они снова вернули их себе, и ни армяне, никто другой не имеют на них никакого права.

Много внимания он уделил положению женщин, главной задачей которых он считал воспитание подрастающего поколения.

Выступая в Кютахье перед учителями, он еще раз заявил о том, что все они являются самыми настоящими офицерами служащей делу образования армии.

— У меня нет ни малейшего сомнения в том, — говорил он, — что именно вы уже очень скоро разгоните тучи невежества над страной!

Конечно, его речи действовали, и Кемаля поддерживали.

Была ли эта поддержка искренней, или люди слепо шли за своим признанным лидером?

Сложно сказать.

Наверное, было по-всякому.

Да и что такое, чаще всего, поддержка народа?

Так, эмоции.

Но Кемалю некогда было выяснять подобные нюансы.

Главное, что его поддерживали, а все остальное его пока не волновало.

Сложно сказать, были ли у Кемаля сомнения относительно успеха Исмета в Лозанне.

Наверное, были, так как задача у него была сложная.

И в известной степени он победил.

Хотя победа далась ему нелегко.

Ведь на этот раз он приехал в Лозанну с контрпроектом ВСНТ, предусматривавшим полную отмену капитуляций и предлагавшим выделить из договора экономические вопросы и отложить их решение.

Именно он заменил союзнический проект мирного договора,

Представители четырёх союзных держав в марте года заявили, что турецкий проект пригоден как база для переговоров.

Более того, союзникам пришлось признать капитуляции

полностью отменёнными и отказаться от прочих форм неравноправного режима.

Они согласились оставить открытым вопрос о валюте платежей по Оттоманскому долгу.

При этом турки фактически отказались от Мосула, согласившись признать будущее решение по этому вопросу Лиги Наций и т. д.

24 июля 1923 года в актовом зале Лозаннского университета Лозаннский мирный договор был подписан.

Кабальные условия Севра были отвергнуты, режим капитуляций, иностранный финансовый контроль, политические привилегии иностранцам отменены.

По ряду позиций Турция пошла на уступки, некоторые из них вызвали протест советской делегации.

Так, согласно Лозаннской конвенции 1923 года о Проливах, Турции следовало демилитаризовать Босфор и Дарданеллы, допустить в Стамбул международную комиссию по наблюдению за выполнением конвенции.

Военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Чёрное море фактически без серьёзных ограничений.

Это положение вызвало наибольшее беспокойство советской дипломатии.

На будущее было отложено решение таких вопросов, как порядок обмена населением между Турцией и Грецией, условия выплаты Оттоманского долга, восстановление дипломатических отношений с США и др.

Немало статей Лозаннского договора со временем устарело, вместе с тем есть и такие, которые сохраняют свою актуальность и поныне.

Речь шла, прежде всего, о положениях, защищающих права национальных меньшинств и немусульман.

Они были провозглашены в Национальном Обете и подробно оговорены в Лозаннском договоре.

Им был посвящен целый раздел этого документа.

Так, статья 38-я исключала возможность какой-либо дискриминации и преследования населения по национальному и религиозному признаку.

Специально подчёркивалось, что все перечисленные в разделе обязательства властей представляют собою «обязательства международного значения» и «поставлены под гарантию Лиги Наций.

Они не могут быть изменены без согласия большинства Совета Лиги Наций».

В Лозанне была подписана и еще одна важная конвенция об

обмене населения между Турцией и Грецией.

И все же это была победа.

Сто один орудийный залп в Анкаре, Стамбуле и во всех турецких городах салютовал договору в Лозанне.

Сто один залп в честь Мустафы Кемаля, но также и Исмета.

Исмет, военный, ставший дипломатом по гениальной прихоти президента, заслужил почет…

Телеграмму от Исмета Кемалю в Чанкайя принесли Рауф и Али Фуад.

Гази принял старых друзей в арабском бурнусе и, быстро пробежав текст телеграммы, с необычайным оживлением воскликнул:

— Вы доставили мне самую настоящую радость! Благодарю вас!

Конечно, далеко не все нравилось Кемалю в заключительных документах Лозаннской конференции.

Тем не менее, несмотря на все свои издержки, подписание мирного договора явилось великой исторической победой турецкого народа и его предводителя.

Находившийся в прекрасном расположении духа Кемаль пригласил гостей отобедать, и поначалу за столом царила непринужденная обстановка.

Обед испортил Али Фуад, заговоривший о неучастии Кемаля ни в одной из политических партий.

Уставший от подобных разговоров, тот резко оборвал старого приятеля.

— А я вообще не понимаю, — раздраженно воскликнул он, — для чего в стране надо столько партий? Только для того, чтобы расколоть нацию? Но ведь этого делать нельзя. У нации не должно быть ни различных партий, ни тем более разных идеологий. И я не хочу видеть никаких других партий! Неужели вы не может понять такой простой вещи, что чем больше мы слушаем друг друга и чем больше мы путаемся в этих дискуссиях и анализах, тем больше мы наталкиваемся на затруднения и проволочки?

Друзья не могли.

Постепенно разговор скатился на личности, и Рауф снова заговорил о своей отставке.

Он догадывался, с какими почестями будут встречать Исмета, и не хотел новых унижений.

Да и что, даже будучи премьер-министром, мог он, подписывавший позорное Мудросское перемирие, сказать теперь своему одержавшему блестящую победу министру иностранных

дел?

— Я, — в конце ужина заявил он, — не смогу работать с Исмет-пашой…

— Мой милый Рауф, — пожал плечами Кемаль, — я не знаю, что тебе сказать. Ты прав в том, эта среда делает человека безнравственным.

— Я думаю, — продолжал все понявший Рауф, — что у тебя найдется дюжина честных соратников, с кем ты сможешь управлять страной….

Кемаль кивнул.

— Интересно узать, — не выдержал Али Фуад, — кто будет этими апостолами?

— У меня нет апостолов, — холодно ответил Кемаль. — А вот люди, готовые служить нации и стране есть. И, чтобы им стать «апостолами», они должны доказать свои способности…

Али Фуад не нашел что ответить.

Настроение у всех было испорчено, и гости поспешили откланяться.

Все было предельно ясно.

4 августа председатель Совета министров Рауф подал в отставку и отказался принимать участие в торжественной встрече прибывавшего из Швейцарии Исмета.

Борьба между лидерами национального движения вступила в открытую фазу.

И все они знали, чем она закончиться.

— Практичный и надежный путь к успеху, — говорил позже сам Кемаль, — заключался в том, чтобы шаг за шагом, поэтапно осуществлять наш план [создания новой Турции], сообразуясь с обстоятельствами. Так я и поступил. Тем не менее, этот практичный и суливший успех путь, которым я следовал, стал причиной более или менее существенных разногласий, недоразумений, подчас возникавших между мною и моими ближайшими соратниками. Кое-кто из моих товарищей, начинавших вместе со мной национальную борьбу, впоследствии из-за ограниченности мышления и душевных сил перешел в оппозицию и выступил против меня в период становления республики, которая сегодня определяет жизнь нации…

Надо полагать, что выборы в меджелис в августе 1923 года прошли в известной степени под воздействием успеха в Лозанне.

И националистическая пресса весьма красочно расписала этот успех.

Одержав очередную победу, Кемаль клятвенно заверял депутатов в том, что во главе турецкого государства никогда не

будет стоять диктатор.

А когда до выборов оставались считанные недели, он заявил о преобразовании Общества защиты национальных прав Анатолии и Румелии в Народную партию.

Затем провел через меджлис изменение к принятому в 1920 году «Закону о высшей измене»

Теперь любое направленное против отмены султаната и верховенства меджлиса действие рассматривалось как высшая измена.

— В нашей стране, — говорил в своих комментариях к принятому изменению Кемаль, — неограниченной свободой пользуются все, кроме врагов национального суверенитета. Но пусть они только предпримут хотя бы один шаг не только против моих идей и целей, но и против всего, с чем связана жизнь турецкого народа, — и этот шаг придется рассматривать как отравленный кинжал, направленный в сердце народа. Тогда я и мои единомышленники всегда и везде будем уничтожать их! Скажу больше: если даже не будет законов, обеспечивающих это право, если кто отступит перед подобными попытками, если я даже останусь один, то все равно буду бороться с ними…

Не питавшая никаких иллюзий в отношении будущей политики оппозиция позволила себе не согласиться с подобным утверждением и заговорила о посягательстве на свободу слова.

Особенно активно она повела себя в Трабзоне, где было много неуправляемых юнионистов, желавших возродить «Единение и прогресс».

Кемаль отреагировал мгновенно, с помощью направленных им в Трабзон эмиссаров местные филиалы Общества защиты прав прекратили свое существование.

После чего в городе по какой-то необъяснимой случайности сразу же появились прокемалистски настроенные избиратели.

Куда сложнее дело обстояло с оккупированным Стамбулом, где младотурки вели через прессу яростную борьбу с грядущей диктатурой.

Но все было напрасно, и выборы в меджлис превратились в простую формальность.

— Мы, — с горькой иронией говорил губернатор небольшого городка на побережье Черного моря Гюмюшхане, — присутствуем на весьма замечательных выборах, на которых не надо выбирать, а только вносить имена тех, кого наметило правительство!

Правда, были округа, где подобные игры не проходили.

В одном из них избиратели оказались настолько упорными, что Кемаль, в конце концов, махнул рукой:

— Пусть голосуют, за кого хотят!

Теперь он мог себе позволить такую роскошь: подобных округов были единицы, и погоду они не делали.

Тем не менее, на выборах прошли только кандидаты Кемаля.

Меджлис единодушно избрал Кемаля своим президентом, и он приступил к пространным комментариям только что подписанного мирного договора.

— Переговоры в Лозанне, — заявил он, — подвели черту не только под четырьмя годами войны за Независимость, но и под четырьмя веками узаконенного зла. Но наша святая борьба стоила жертв, и достигнутые нацией успехи открыли перед ней широкую дорогу к прогрессу и цивилизации…

Выразив горячую благодарность «превратившей Севр в Лозанну» армии, депутаты ратифицировали договор.

После столь успешной миссии Исмет стал одним из столпов кемалистской системы.

И всё же первым апостолом стал не Исмет, а Али Фетхи, которого Кемаль сделал председателем кабинета министров, оставив за Исметом кресло министра иностранных дел.

Друг детства, компаньон по «ссылке» в Софии, бывалый политик, молодая элегантная жена которого стала подругой Латифе, Фетхи был одним из тех немногих, кому Кемаль мог доверять.

9 сентября апостолов прибавилось

Именно в этот день Кемаль официально объявил о создании Народной партии, главной задачей которой являлось «обеспечением национального суверенитета с помощью народа и для народа».

— Священная ассоциация, — называл свое детище сам Кемаль, — воплощение в нации революционного духа…

Звучит насколько красиво, настолько же и непонятно.

На самом деле все было намного проще, и за всеми этими напыщенными фарзами стояло желание Кемаля по возможности объединить своих сторонников круговой порукой.

Генеральным секретарем партии Кемаль назначил Реджепа.

Конечно, это не было случайной прихотью президента.

Высокомерный, скупой на улыбки Реджеп был больше похож на министра внутренних дел, о котором мечтал любой режим, нежели на партийного функционера.

Позже он будет им несколько раз.

Бывший лейтенант, хороший организатор умеет добиваться намеченной цели, преданный человек.

Это именно те качества, которые необходимы Народной партии и Кемалю, поскольку Национальное собрание, хотя и состояло из представителей одной партии, решения принимало

не всегда единодушно.

И Кемаль очень надеялся на то, что Реджеп сумеет доказать членам партии то, что они представляют организацию нового типа.

Глава XXXV

На этот раз Союзники сдержали слово и приступили к эвакуации своих войск из зоны Проливов.

6 октября турецкая армия торжественным маршем вступила в Стамбул.

Кемаль во враждебную ему столицу не поехал.

Да и что ему было там делать, если он намеревался перевести ее в Анкару?

Конечно, многим подобная затея пришлась явно не по вкусу.

Никому не хотелось менять прославленный на весь мир цветущий город на какое-то захолустье, известное разве что своими кошками.

Ни воды, ни света, ни канализации, ни дорог.

Было от чего прийти в ужас привыкшим к роскоши стамбульских дворцов и босфорских вилл министрам.

Но Кемаль был непреклонен, считая свой выбор в высшей степени не только справедливым, но и символичным.

Ангора, как называлась раньше Анкара, без особого напряжения могла встать в один ряд с такими известными древними поселениями, как Дамаск, Тир, Иерихон и Иерусалим.

Как утверждали историки, на этом месте уже пять тысяч лет назад жили люди с довольно развитой цивилизацией.

Несмотря на все свое нежелание, 13 октября депутаты все-таки приняли решение о переносе столицы на священную землю Эртогрула.

Как только союзники завершили эвакуацию Стамбула, новые власти смогли решить вопрос о переносе столицы из этого крупнейшего и вместе с тем уязвимого в военностратегическом смысле города.

13 октября 1923 года ВНСТ приняло закон, объявлявший столицей турецкого государства Анкару.

Депутат приняли закон единогласно, чем немало подивили Кемаля, ожидавшего очередной бури.

В соответствии с этим законом и с нормами дипломатической практики все иностранные дипломатические представительства должны были переехать в Анкару.

Об этом было сообщено всем иностранным государствам.

Что касается советских дипломатов, то, как уже сказано, они уже более двух лет представляли своё государство в Анкаре.

Западные дипломаты единым фронтом выступили против перевода столицы в Анкару.

В дипломатических кругах поговаривали о том, что если

закон о столице не будет отменён, то дипломатические представители Англии, Франции и Италии будут назначены в Анкару не в ранге послов, но только посланников.

Агентство Рейтер опубликовало даже по этому поводу в январе 1924 года официальное сообщение.

По справедливому замечанию турецкого историка Баюра, союзники всё ещё надеялись, что правительство согласится с тем, чтобы столица «находилась под дулами иностранных броненосцев».

Анкарское правительство в ответ заявило, что будет назначать своих дипломатических представителей в любую страну в том ранге, в каком прибывают в Анкару представители этой страны.

Падение Стамбула обернулось тяжелым поражением для его депутатов, Рауфа, Кязыма Карабекира и Рефета, для его прессы, его деловых кругов и государственных чиновников.

Все они в той или иной степени утратили свою власть.

Чувствуя себя чужими в новой жизни, в Анкару они не поехали.

Да и что им делать в захолустном городишке, где не было ни одной гостиницы, работали всего два ресторана и фургон для товаров, куда поместили американского консула.

Европейские послы сопротивлялись переезду в Анкару и оставались в Стамбуле до 1925 года.

Теперь уже мало кто сомневался в том, что Кемаль и дальше будет считаться с чужим мнением.

В трабзонском журнале «Кахкаха» («Смех») появился весьма многозначительный рисунок, символизирующий нацию, парламент и правительство, и все три изображенных на нем лица были удивительно похожи на Кемаля.

Но когда один из его близких друзей в шутливой форме заметил, что теперь он похож на пребывавшего в трех лицах христианского Бога, Кемаль довольно холодно ответил ему:

— Да, это правда… Но не говори об этом никому…

И все же до абсолютной власти было еще далеко.

Решение о переносе столицы в Анкару было принято, по сути дела, в частном порядке, и даже Али Фетхи не был извещен о нем заранее.

Показали зубы некоторые депутаты и при ратификации Лозаннского договора, поскольку не всем нравилось оставление Александретты и Антакьи в зоне французских интересов.

Продолжавшие интриговать старые друзья через Исмета попытались уговорить Кемаля принимать все важнейшие решения

только после консультаций с лидерами национального движения.

Кемаль усмотрел в этом заговор и, решив ударить первым, провел реорганизацию командования армией.

Он распустил штабы фронтов, снова ввел систему армейских инспекторов, и находившийся в оппозиции к нему Нуреттин-паша остался без армии.

Что же касается Карабекира и оставившего пост вице-спикера Али Фуада, крайне недовольных возвышением окружения Кемаля, то он назначил их инспекторами соответственно Первой и Второй армий в Стамбуле и Конье.

«Мустафа Кемаль, — сообщал в Париж 24 сентября официальный представитель посольства Франции в Анкаре, полковник Мужен, — должен будет разрешить внутренний кризис установлением устойчивого народного режима».

Удивительное предвидение для человека, который никогда не збыл профессиональным дипломатом.

А вот наблюдателем он оказался прекрасным.

Да и не надо было обладать особыми способностями, чтобы не увидеть тот, по сути дела всеобщий кризис, в котором находилась Турция.

Оно и понятно!

Нельзя безнаказанно выйти из состояния войны, продолжавшейся двенадцать лет, и распрощаться с политической и социальной системой, просуществовавшей пять веков.

Экономика, общественная жизнь, постоянные скандалы в меджелисе, армия, из которой было уволено 1200 офицеров, среди которых оказался Нуреддин-паша, «освободитель» Измира, — вот те сферы, где кризис проявился ярче других.

Положение осложнялось еще и тем, что страна как бы повисла между двумя мирами.

Отжившим и зарождавшимся.

Национальный суверенитет, Экономический пакт Измира, Народная партия, — все это было важно.

Но не было самого главного: политического определения нового режима.

Иными словами, той самой республики, о которой все эти годы страстно мечтал Кемаль.

— Следует выбрать для учреждения республики подходящий момент, — советовал ему осенью двадцать третьего года Юнус Нади.

— Именно сейчас подходящий момент, — ответил ему Кемаль.

Юнус не ответил.

И не потому, что не хотел спорить с Кемалем, а потому, что не верил.

Впрочем, не верил он не один.

«Многие товарищи, — писал в своих „Мемуарах“ Исмет, — считали, что провозглашать Республику еще не время».

— Гиблая идея! — публично заявил Рефет.

— Только конституционная монархия! — утверждал Рауф. — Политическая система страны должна быть выбрана самим народом, без давления сверху…

Странное предложение!

И как мог народ, только лесять процентов которого знали грамоту, мог выбирать политическую систему, знал, видимо, только один Рауф.

Помимо теперь уже бывших друзей против Кемаля непробиваемой стеной стояли консерваторы, осторожные сторонники умеренной политики, личные противники Кемаля и депутаты, смешивающие личные интересы и жизненно важные вопросы.

И эту стену надо было пробить в условиях теперь уже правительственного кризиса.

24 октября Фетхи покинул пост министра внутренних дел, который он совмещал с должностью председателя Совета министров.

На следующий день ушел в отставку Али Фуад.

25 октября меджлис избрал спикером Рауфа.

Кандидат от правительства на важный пост министра внутренних дел проиграл представителю внутренней оппозиции в Народной партии.

Кемаль был недоволен.

Он собрал министров в Чанкайя и потребовал от них не только уйти в отставку, но и отказаться от повторных выборов в новую администрацию.

Конечно, Али Фетхи не хотел уходить, но противиться воле своего старого приятеля не посмел.

— В выбранном меджлисом правительстве, — к удовлетворению Кемаля заявил он, — не может быть порядка!

27 октября правительство с согласия Кемаля ушло в отставку.

Все были растеряны.

Руководители Народной партии судорожно пыталась подобрать новый состав правительства и нового премьр-министра.

С этими предложенями они и пришли к Кемалю.

Однако тот отказалася заменить Исмета на посту министра иностранных дел, и озадаченные новым препятствием делегаты

покинули резиденцию президента.

И снова перед ними встал все тот же вопрос: что делать?

В отличие от них, Кемаль знал.

28 октября он пригласил на орбед Исмета, Али Фетхи, министра обороны Кязыма, Рюшена, героя войны за Независимость Кемалеттина Сами и еще троих наиболее близких ему депутатов.

— Завтра, — неожиданно для всех заявил Кемаль, — мы провозгласим республику. Ты, Сами, завтра потребуешь завтра заседания Народной партии и сделаешь так, чтобы партия попросила моего вмешательства с целью приостановить кризис…

В знак согласия несколько озадаченный Сами наклонил голову.

— А мы с тобой, Исмет, — продолжал Кемаль, — сейчас подготовим текст обращения Национальному собранию…

Кемаль все рассчитал правильно, и все прошло как по нотам.

На следующий день исполнительный комитет Народной партии принялся за обсуждение нового состава кабинета министров.

После долгих и ни к чему не приведших дебатов Кемалеттин Сами предложил вызвать Кемаля и попросить его выступить в роли арбитра.

Никто не осмелился возразить, и уже через час Кемаль появился в меджелисе.

Он попросил у депутатов один час для консультатций. с несколькими депутатами.

Ровно через час он поднялся на трибуну.

— Дорогие друзья! — сказал он. — Я думаю, что все прекрасно поняли причины, которые привели нас к этой деликатной ситуации, какую мы должны разрешить сегодня. Существующая система является причиной чертовской слабости. Да, каждый из нас должен участвовать в выборах правительства и министров всякий раз, когда наша конституция вынуждает нас формировать новое правительство. Ваше высокое собрание поручило мне найти решение, и я вам его предоставляю…

В следующее мгновение секретарь взял подготовленные Кемалем и Исметом дополнения к конституции 1921 года.

— Турецкое государство — это Республика, — прочитал он первую фразу.

Турция, говорилось в дополнениях, является республикой, а ее президент избирается меджлисом из числа его депутатов.

Срок его пребывания на посту определяется сроком работы Великого национального собрания, и он может быть переизбран

на новый срок.

Президент назначает премьер-министра, тот подбирает министров из числа депутатов меджлиса, который по просьбе президента утверждает их.

Президент имеет право возглавлять меджлис и кабинет министров по своему желанию и, таким образом, является главой законодательной и исполнительной власти.

Два других дополнения касались турецкого языка и ислама, провозглашенных соответственно государственным языком и государственной религией.

Изумленные партийцы заговорили о своей неготовности голосовать, поскольку подобные вопросы требовали куда более тщательного и взвешенного изучения.

Конец дискуссии положил Исмет.

— Дальнейшее затягивание решения этих вопросов, — заявил он, — ослабляет страну. Мы родили ребенка и теперь должны дать ему имя!

Хорошо понимая, откуда дует ветер, партийцы приняли подготовленные Кемалем дополнения и отправили их на рассмотрение всего меджлиса.

В 18 часов началась работа Национального собрания, и сразу завязалась горячая дискуссия.

Наихудшие предположения противников Кемаля оправдались, и он перешел в решающее наступление.

Так оно и было.

«Подвергнуть бомбардировке, затем стремительно напасть, внести замешательство и добиться успеха», — именно такой была тактика генерала Кемаля на войне, таковой она осталась и мирное время.

И она сработала.

Ошеломленные натиском Кемаля депутаты сдались, и в 20 часов 30 минут председатель заседания воскликнул:

— Да здравствует республика!

Присутствующий на заседании священник заявил, что объявление Турции республикой «находится в полном соответствии с нормами ислама».

Под крики «Да здравствует республика!» меджлис провозгласил ее.

Через пятнадцать минут депутаты единогласно избрали Кемаля ее президентом.

Он поблагодарил депутатов за оказанную ему честь и назначил премьер-министром Исмета.

— Мой паша, — сказал ему Кемаль, — будь счастлив, какое

доброе дело для нации!

Чтобы еще больше укрепить свою власть, он оставил Февзи начальником генерального штаба, а Кязыма Озальпа — министром обороны.

— Османская держава, — сказал Кемаль окружившим его друзьям, — к сожалению, умерла. Правительство Высокой Порты, к сожалению, умерло. Извините, я ошибся! Я не хотел сказать «к сожалению». Они умерли к счастью, ибо, если бы они не умерли, они бы убили турецкую нацию…

Кемаль мог быть доволен.

Он обладал высшей властью, практически ничем не отличавшейся от той, какую имел во время войны.

Послушное правительство, большинство в собрании, законы, обсуждаемые за закрытыми дверями Народной партии и без возражений одобряемые меджлисом, значили многое.

Депутаты все еще продолжали аплодировать ему, но взгляд его слегка потемневших глаз был устремлен куда-то мимо них.

Что он видел, что вспоминал в эту, возможно, самую торжественную минуту своей жизни?

Отправившего его некогда в ссылку чиновника?

Дымящийся Чанаккале и горящий Измир?

А может быть, военную школу в Салониках и себя, окруженного такими же, как и он, юношами, смеявшимися над его «особым предназначением»?

Что ж, теперь об этом предназначении знал не только он сам, и уже никто не думал смеяться над ним, как смеялись много лет назад.

Великими и на самом деле не рождались, ими становились…

Книга четвертая
НОВЫЙ ПОРЯДОК

Я хочу править, не разбивая сердца, а завоевывая их.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Глава I

Провозглашение республики произвело впечатление.

— Нация, — утверждал Кемаль, — приняла провозглашение республики с энтузиазмом. Всюду имели место восторженные манифестации. В ночь провозглашения турецкой республики комендант Стамбула получил официальное сообщение, в котором говорилось следующее: «Великое национальное собрание Турции провозгласило республику. Благоволите известить об этом население путем салюта в 101 орудийный выстрел». Представители населения Стамбула приняли эту добрую весть с большой радостью и выражением горячих симпатий…

Если бы это на самом деле было так…

Манифестации, действительно, имели место.

Только против республики.

В регионе Вана и других районах Восточной Анатолии ее провозглашение вызвало смятение.

Поскольку никто не знал, что это такое.

Сразу поползли слухи о том, что теперь запретят религиозные обряды и свадебные контракты, а жандармам дадут право распоряжаться жизнью.

Слухи делали свое дело, и испуганные люди бежали в Персию и Ирак.

Представители Кемаля на местах выбивались из сил, объясняя принципы республиканского строя, который давал гораздо больше прав и власти народу и запрещал беззаконие.

И уж, конечно, утверждали они, новая власть никогда не будет преследовать религию.

Но то, что было простительно неграмотным крестьянам самых осталых районов Восточной Анатолии, было непростительно старым друзьям и соратникам Кемаля.

Они видели в республике не путь к новой Турции, а очередной тактический ход по созданию новой политической системы абсолютной власти.

Так, находившийся в Трабзоне Кязым Карабекир недовольно заявил:

— Мы никогда не говорили ни о какой республике. Только благодаря нам, Кемаль не превратился в свое время в султана и халифа. Но теперь он снова пытается стать им, для чего и избрал себя президентом!

И как знать, не кусал ли себе губы поздно прозревший генерал, вспоминая тот день в Анатолии, когда он мог одним ударом отделаться от Кемаля.

— Провозглашение республики, — вторил ему Рауф, — дело безответственных лиц, которым придется дать отчет народу!

В своем интервью в Стамбуле двум консервативным газетам «Ватан» и «Тефхиди Эфкяр» он несколько сменил тон.

— Только такой режим, — заявил он, имея в виду республику, — сможет обеспечить процветание и независимость нашего народа. Другое дело, — поспешил оговориться он, — что сама процедура провозглашения нашей республики была слишком быстрой и директивной…

В заключение Рауф заметил, что «даже самые выдающиеся люди не могут устоять перед соблазном использовать свою силу и влияние».

«Другое дело» и «соблазн» очень не понравилось Кемалю.

Читая эти излияния, Кемаль невольно вспоминал избавлявшегося от него при первой же возможности Энвера.

Да, теперь он мог говорить все, что угодно, но ему совсем не нравилось то, что говорили о нем и его политике другие.

22 ноября Рауфа вызвали на партийный «ковер», и Исмет предложил исключить его из Народной партии.

Целых восемь часов Рауф объяснял свою «ошибку».

— Мне, — оправдывался он, — ставят в упрек, что я создаю оппозицию в партии, но я этого не делаю. Вам решать, но моя совесть чиста…

С согласия Кемаля вольнодумца «решили» простить.

Тем не менее, это «прощение» стало серьезным предупреждением всем тем, кто осмеливался выступать с критикой республики.

В свою очередь, правительство показало, что будет защищать «историческое завоевание турецкого народа» любыми средствами.

Тем же вечером Кемаль сказал за ужином в Чанкая:

— Если хочешь стать великим, ты не должен кого-то хвалить, обманывать, ты должен увидеть какова истинная цель страны и стремиться к этой цели. Все будут против тебя, все попытаются остановить тебя. Но ты будешь противостоять этому, они попытаются собрать бесконечные препятствия перед тобой; ты пройдешь эти препятствия, не получая от кого-то помощь, считая себя не великим, а жалким, слабым, беспомощным, лишь поверив. Если же после этого тебе скажут, что ты великий, ты посмеешься над ними…

Всем было интересно, как отрегаирует на создание руспублики халиф, и в начале ноября стамбульские журналисты спросили халифа, не собирается ли он уйти в отставку.

— Я не вижу никаких причин покидать свой пост, — ответил

Абдул-Меджид.

— Слава Богу! — воскликнул президент коллегии адвокатов Стамбула. — Это было бы бедствием для мира!

Анкара отреагировала мгновенно, уменьшив на одну треть средства, выделяемые на содержание халифа и его окружения.

И теперь торжественная церемония выезда халифа по пятницам в мечеть выглядела скромной процессией.

— Весь мир, — заявил по этому поводу Кемаль, — должен совершенно ясно усвоить, что халифат в таком виде, в каком он сейчас еще сохранился и существует, не имеет никакого права на существование…

Однако отсутствие помпы ничего не изменило в отношении к халифу всех «бывших».

Оно и понятно, ведь именно халиф оставался в то время их единственной надежой на поворот Истории вспять.

И Кемаль не очень удивился, когда все они потянулись к олицетворявшему столь любимую ими старину халифу.

Кто только не подвизался в те дни в гостеприимно раскрывшем свои двери султанском дворце.

Общественные деятели ушедшего режима, министры, улемы, ходжи, журналисты, генералы, помещики, эмиссары западных финансистов, тесно связанные с ними компрадоры и, конечно, феодалы с их мечтами о восстановлении столь милого их сердцу султаната.

Не было недостатка в недовольных республикой и среди простого населения Стамбула, хотя Абдул- Меджид и не думал заниматься подрывной деятельностью.

Да и какая там деятельность!

Это был совершенно безвольный и изнеженный аристократ, образованный и набожный.

Почти пятьдесят лет прожил он в своем дворце на Босфоре, занимаясь живописью, теологией и выращиванием роз.

Каждую пятницу в сопровождении огромной свиты он посещал Святую Софию, где усердно молился, а в остальные дни с важностью истинного правителя принимал многочисленных посетителей.

Но постепенно он проникся собственной значимостью и принялся устанавливать связи с недовольными политикой Кемаля не только в Турции, но и за рубежом, где от имени мусульманских организаций Индии, Египта и других стран стали публиковаться многочисленные воззвания в «защиту халифа».

11 ноября в юнионистской газете «Танин» («Эхо») появилась статья под заголовком «А теперь вопрос о халифате».

«Мы — турки, — ответила националистическая пресса

словами Кемаля, — только турки, к чему эта интернациональная ответственность?

К чему сохранять духовное родство с панисламизмом, принесшим столько жертв и несчастий?»

Так, сам того не желая, халиф превратился в главное действующее лицо в борьбе двух миров.

Тем не менее, во всей этой истории с халифом поражает другое.

Генералы, чиновники, оппозициоенры и друзья Кемаля были готовы безоговорочно подчиняться султану, халифу, кому угодно, но только не Кемалю.

Почему?

Потому что сидели с ним когда-то за одной партой и изначально видели в нем человека, равного себе?

Завидовали тому, что именно он сумел так высоко подняться?

В известной степени это было так, и все-таки главной причной расхода Кемаля со старыми приятелями было их нежелание идти вперед.

А понимали они обреченность старой политической системы, или нет, было уже не важно.

Главным было то, что понимал сам Кемаль: ему с ними не по пути.

— Республика, — говорил он, — имеет своих сторонников и своих противников. Даже в том случае, если бы сторонники республики сделали попытку разъяснить противникам республики мотивы, по которым они считали необходимым провозглашение республики, то разве можно надеяться, что им удалось бы сломить преднамеренное упрямство своих противников? Само собой разумеется, что сторонники республики, так или иначе, добились бы осуществления своего идеала или путем восстания или легальным путем. Эта обязанность каждого революционера…

И, несмотря на сопротивление и друзей, и врагов Кемаль своего идеала добился.

И, что особенно ценно, добился он его легальным путем.

Впрочем, зная Кемаля, вряд ли можно сомневаться в том, что он добился бы его любым путем, поскольку к пороху и крови ему, по его же собственным словам, было не привыкать…

Воевать он умел, да и та самая армия, которая, по словам Чан Кайши, рождала власть, была за него.

Узнав о сокращении отпущенных халифу средств, оппозиционная печать, и стамбульские газеты во весь голос заговорили о защите его прав и достоинства.

В своем бившем через край рвении угодить халифу они дописались до того, что стали сравнивать республику «с приставленным к виску пистолетом».

Известный юрист Лютфи Фикри призывал халифа оказывать сопротивление посягательствам на его права и «не повторять историю Людовика XVI».

Все выше поднимавшие голову клерикалы требовали созыва общемусульманской конференции и выработки на ней положения о халифате, способного оградить халифа от любых нападок.

К великому негодованию Кемаля, даже заседавшие в парламенте бывшие сановники и генералы то и дело отправляли халифу послания, в которых именовали его «своим повелителем», а себя «его верными солдатами».

Рефет в своем рвении услужить Абдулу-Меджиду дошел до того, что шифрованной телеграммой сообщил ему о том «чувстве покорности и глубокой верности», с каким он целует своему повелителю руки.

Постоянно подчеркивал свое глубокое уважение к династии и с подозрительным постоянством зачастил во дворец халифа и Рауф.

К огромному неудовольствию Кемаля, все эти, так или иначе, обиженные им люди не только целовали руки и лили слезы на плече у любимого халифа, но и вели с ним долгие разговоры о политике, что было куда опаснее тех потоков елея, который они курили во славу халифа.

Так, вопрос о судьбе халифата становился главным в борьбе двух миров, а сам халиф заложником большой политической игры.

Не выдержавший этой верноподданнической вакханалии Кемаль был вынужден поставить всех этих пресмыкавшихся за его спиной у ног халифа рауфов и рефетов на место.

— Халифат, — заявил он, — является для всего мусульманского мира средоточием моральных связей, и мы не меньше, а может быть, и больше, чем другие, почитаем как священный институт. Однако, хотя мы и преклоняемся перед святостью этого высокого поста, не может быть и речи о том, чтобы лицо, которое будет его занимать, стало господином над нами. Это несовместимо с высокочтимым шариатом Мухаммеда. Ибо сказано: «Нет господства над нацией, есть служение ей…»

По его поручению Исмет в довольно жесткой форме напомнил депутатам о том, что именно «армии халифа превратили их страну в развалины», и закончил свою в прямом смысле этого слова убийственную речь откровенной угрозой.

— Если халифу взбредет в голову попытаться повлиять на

судьбу нашей страны, — холодно глядя на присмиревших депутатов, заявил тот при первом же удобном случае, — то могу заверить вас, что мы снимем ему голову!

Вот так вот, просто и без затей.

И весьма доходчиво.

А что прикажете еще делать?

Сидеть и ждать, пока эту самую голову снимут самим?

Нет уж, увольте, и Кемаль, и он сам достаточно рисковали жизнью в боях за республику, чтобы теперь получить нож в спину.

— Душа революционера, — некогда сказал Тьер, — всегда разделена между двумя одинаково сильными страстями: страсти для достижения цели и ненависти к тем, кто ему в этом мешает!

И Кемаль не был исключением.

— Управлять и руководить всем мусульманским обществом из одного центра как империей, — говорил он, недовольный поднятой вокург халифа шумихой, — как одной большой империей — это фантазия! Это противоречит науке, знанию, логике! Никто, будь то халиф или кто-либо другой, не может решать судьбы нации. Нация этого никогда не допустит…

Возмущение Кемаля было понятно: он мечтал о превращении страны в светское государство и ненавидел всех тех, кто ему в этом мешал.

И хотя прямой угрозы ни провозглашенной им республике, ни ему самому пока еще не было и в помине, уже проходивший через все эти игры с показным смирением и сам в свое время поигравший в них Кемаль приказал начальнику Генерального штаба Февзи перевести предназначавшуюся для армии Карабекира дивизию на восток.

Генерал Сами получил от него тайный приказ идти на Стамбул при первом же известии о начале мятежа.

— Не нужно обладать большой проницательностью, — сказал Кемаль, — чтобы понять: республиканская форма правления несовместима с безусловным правлением халифата. Наши враги и халифы могут идти по одному пути и совместно предпринимать различные авантюры, но они никогда не будут в состоянии нанести удара форме правления новой Турции, ее политике, ее мощи…

Это была знаменательная фраза, поскольку в ней он очень четко провел грань между «своими» и «врагами», к которым относил всех, кто собирался идти по одному пути с халифом.

Однако воевать с Кемалем никто из его старых друзей не собирался, и они даже попытались навести с ним мосты.

Но… нельзя примирить непримиримое, и они расстались еще более недовольные друг другом.

Самого халифа Кемаль пока не трогал, не желая «преждевременно будоражить реакционеров и несведущих».

Тем не менее, он все чаще думал об отмене халифата и проведения религиозной реформы.

Новой Турции халифат с его панисламисткой идеей был не нужен.

— Мы — турки, — неоднократно повторял Кемаль, — только турки, и нам эта интернациональная ответственность ни к чему…

Сыграло свою роль и то, что, будучи верным последователем французских республиканцев, Кемаль выступал за разделение церкви и государства и считал ходжей совершенно бесполезными.

В начале февраля Кемаль почувствовал себя настолько плохо, что был вынужден отправиться на отдых в Измир вместе с Латифе.

За последние полгода он изрядно понервничал.

А все началось с того, что находившаяся в мюнхенском санатории бывшая возлюбленная Кемаля, Фикрие, узнала о его женитьбе.

Она поспешила в Анкару.

Встреча была мучительной, и Кемаль с большим трудом отделался от своей бывшей сожительницы.

Что же касается убитой горем Фикрие, то она собиралась уехать в Стамбул.

Перед самым отъездом она решила в последний раз увидеться с Кемалем.

Когда она прибыла в Чанкая, адъютант Кемаля заявил:

— Это невозможно, и вам необходимо заранее договориться о приеме…

Через несколько минут в фаэтоне, на котором приехала Фикрие, раздался выстрел.

Несчастная женщина, не имея сил выносить выпавшие на ее долю страдания, выстрелила себе в голову.

Неприятно пораженный случившимся Кемаль приказал личному врачу сделать все возможное, чтобы спасти Фикрие.

Тот принял все необходимые меры и очень надеялся на ее выздоровление.

Однако Фикрие некстати заболела воспалением легких и умерла.

Как вспоминали близкие к Кемалю люди, смерть Фикрие мало тронула его, и он был куда больше раздосадован, нежели огорчен ее гибелью, поскольку оппозиция сразу же принялась кричать о его распущенности и моральной нечистоплотности.

Конечно, его окружение сделало все возможное, чтобы замять

скандал, и все же во всей этой трагической истории не очень понятно отношение Кемаля к так страстно любившей его женщине.

Остаться совершенно равнодушным — это было слишком даже для него.

Ведь судя по рассказам одной из его приемных дочерей Сабихи Гёкчен, Кемаль испытывал к Фикрие сильную привязанность и всегда считал ее куда более подходящей для семейной жизни, нежели Латифе.

Правда, другие источники утверждают, что Кемаль был настолько потрясен этой смертью, что однажды назвал жену Фикрие.

Это переполнило чашу терпения и без того жившей постоянно на нервах истеричной Латифе.

— Я требую развода! — в очередной раз вспылила она. — Ты не делишься со мной своими мыслями, ты ведешь себя по отношению ко мне как восточный мужчина, ты отгораживаешься от меня своей работой, я нахожусь в заточении, словно в гареме!

Конечно, она устала от бесконечных ужинов Кемаля, затягивавшихся до утра.

— Я, — кричала она, — не желаю больше видеть и слышать твоих пьяных и примитивных скотов!

Под это определение попали и Али-меч, и Реджеп Зюхтю, и Джевад Аббас, и Салих, одним словом все те, с кем Кемаль снимал напряжение.

В какой уже раз Кемаль сумел успокоить жену.

Успокоился и он сам.

Однако в середине ноября 1923 года в результате сердечного приступа он потерял сознание.

Сказались старые недуги и то постоянное нервное напряжение, в каком он пребывал вот уже столько лет.

Диагноз прибывшие из Стамбула врачей был неутешителен: нервные спазмы, обусловленные сильным переутомлением.

Кемалю прописали строгий режим и никаких излишеств, только одну-две чашки кофе.

Две недели Кемаль предавался блаженному ничегонеделанию.

Если верить писательнице турецкой писательнице Чалышлар, написавшей книгу «Латифе», то именно в то время на Кемаля, когда он был в гостях, было совершенно нападение.

И тогда Латифе дала ему женское одеяние, с помощью которого он покинул дом.

Говоря откровенно, выглядит вся эта история несколько

опереточно.

Как-то мало вериться в то, что президент республики отправился куда-то без охраны.

Да и откуда в доме светского чиновника вдруг оказался хиджаб, в котором Кемаль якобы спасся от нападавших?

А если это было на самом деле, то почему ничего не известно и неизбежном в таком случае расследовании этого дела?

Ведь хотели убить не кого-нибудь, а самого президента!

Как бы там ни было на самом деле, но самой Чалышлар эта история чуть было не стоила пяти лет тюрьмы за оскорбление Ататюрка.

Долго отдыхать Кемалю не дали.

В конце отдыха он получил письмо от Исмета, в котором обнаружил послание личного секретаря Абдул-Меджида.

Халиф требовал дополнительных средств на свое содержание.

Терпение Кемаля лопнуло.

«Халиф и весь мир, — написал он Исмету, — должны осознать, что функционирование халифата лишено смысла как религиозного, так и политического».

На самом деле это иносказание означало только то, что с халифатом должно быть покончено.

К чести Исмета, он все понял правильно…

Сам Кемаль решил подготовить общественное мнение к историческому событию в жизни страны.

В начале феврался Кемаль устроил в Измире встречу с представителями оппозиционной стамбульской прессы.

Говоря откровенно, это была странная встреча.

На что она была рассчитана?

На мир с прессой?

Так это было наивно.

Да и как можно было примириться с пока еще свободными газетчиками, в любой свободной стране призванными как раз для того, чтобы критиковать любую власть?

А Кемаля в то время не только критиковали, но даже обвиняли в покровительстве деятельности Великой ложи Турции, которая активизировалась после его избрания президентом.

Газетчики сразу вспомнили, что сам Кемаль был с 1907 года членом масонской ложи «Veritas» в Салониках.

Эта ложа, утверждали они, находилась под юрисдикцией Великого востока Франции.

Вспомнили газетчики и то, что шесть из семи го высокопоставленных штабных офицеров, с которыми Кемаль прибыл 19 мая 1919 года в Самсун, были масонами.

Были масоны и среди его министров.

Вряд ли подобные рассказы нравились Кемалю, и, конечно, его встреча с журналистами была с подтекстом.

Как и любой властитель, Кемаль совершенно не нуждался в свободной прессе и все чаще начинал подумывать о тех самых знаменитых «хлысте и шпорах», которые, по образному выражению Наполеона, были необходимы для управления печатью.

Тем не менее, он радушно принял журналистов и, проговорив с ними целых два дня, выразил свою неизвестно на чем основанную уверенность в том, что пресса будет служить на благо республики.

Журналисты приняли навязанную им игру, и от имени своих коллег Хусейн Джахит весьма туманно заметил:

— Свобода завоевывается насилием, но требует взаимной терпимости, и я счастлив, что все мы нашли такое взаимопонимание в нашем Гази!

После длительной дискуссии о взаимных обязательствах политиков и журналистов, Кемаль заявил:

— Я собираюсь отменить халифат…

Против его ожидания столь сенсационное заявление не вызвало ожидаемого им ажиотажа.

Более того, к его несказанному удивлению, пресса хранила молчание и в последующие десять дней.

В середине февраля с огромным трудом выдерживавший запрет Кемаль почувствовал себя лучше и, дабы лишний раз поиграть мускулами, провел в районе Измира военные учения.

Тактической задачей учений было отражение атаки в районе Искендеруна.

Когда атака была успешно отбита, Кемаль выступил на разборе с объяснением своих военных принципов.

Затем генералы приступили к обсуждению последствий недавнего военного соглашения между Грецией и Италией.

На одном из совещаний Кемаль заговорил об отмене халифата и деполитизации армии.

— Теперь каждый офицер, — говорил он, — волен выбрать между политической карьерой и военной карьерой. Ни о каком совмещении больше не будет речи. Кроме этого, начальник Генерального штаба должен подчиняться непосредственно президенту республики…

Генералы почтительно слушали.

— У нашей республики, — продолжал Кемаль, — есть две силы, на которые она может положиться. Это решимость нации и

сила армии. И мы сделаем все, чтобы убрать любые препятствия, лежащие на пути к безопасности и процветанию нации…

Генералы согласились не чинить препятствий, и 27 февраля близкая Кемалю газета «Илери» («Вперед») опубликовала передовую.

В ней говорилось о том, что необходимо как можно быстрей устранить все помехи на пути правительства.

Само собой понятно, что одной из таких помех был халиф.

И автор статьи очень ненавязчиво поведал о том, что «религия является делом совести каждого», именно поэтому «не должно быть никакого посредника между Богом и его слугами».

Глава II

В конце февраля Кемаль вернулся в Анкару.

На следующее утро он понял, что спокойной жизни у него как не было, так и не будет.

Именно в этот день Абдул-Меджид в своем очередном послании снова потребовал предоставления ему дополнительных средств для оплаты своих расходов.

«Халифат, — не стесняясь в выражениях, писал Кемаль в ответном послании, — является реликтом истории, и ничто не может служить оправданием его существования.

И Ваше письмо мне я рассматриваю как проявление неуважения!»

А когда к нему в качестве просителя за своего духовного владыку явился сам шейх-уль-ислам, взбешенный Кемаль даже не стал его слушать и, как говорили, запустил в него Кораном.

Конечно, дело было не в просьбах халифа и даже не в негативном отношении Кемаля к служителям культа.

Для отмены халифата имелись куда более глубинные причины.

Чем больше кемалисты упрочивали свои позиции, тем настоятельнее вставала перед ним необходимость европеизации.

Которая, в свою очередь, была невозможна без секуляризации.

Уже 29 октября 1923 года, в день провозглашения Турции республикой и избрания Кемаля президентом нового государства, он в интервью французскому журналисту Морису Перно заявил:

— Наша политика, наши традиции, наши устремления будут направлены на то, чтобы Турция стала европейской страной, или точнее, страной, ориентирующейся на Запад…

Вместе с тем Кемаль подчёркивал, что каждый народ «осуществляет свою реформацию согласно закономерностям развития собственного общества, в соответствии с внутренней обстановкой и требованиям и времени».

При этом идеи европеизации примерялись уже к националистической, антиклерикальной идеологии.

Ее основным принципом стала идея экономической независимости, предусматривающая необходимость индустриализации, установление равноправных связей с западным мироми.

И, конечно, идея светской, независимой от института религии, власти.

Так, как это было в развитых странах.

Ведь движущий принцип европейского возрождения так и не пришёл в должное действие даже после младотурецкой революции 1908 года.

И после неё властная элита издавала законы и декреты, ссылаясь на Аллаха и Коран.

Несмотря на модификации, исламский свод законов — Меджелле — ещё продолжал во многом определять жизнь общества и государства в сфере гражданского права.

Понятно, что одного желания Кемаля, чтобы сделать Турцию светской, было мало.

Ему была нужна опора.

И она у него была.

Понятно, что кемалистская элита по своим социальным корням представляла недавнее османское прошлое.

Но в то же самое время её отличала приверженность идеям обновления.

Самой прочной опорой Кемаля были молодые офицеры, которые на деле демонстрировали свою верность его взглядам на модернизацию страны.

Влиятельных представителей турецкой национальной буржуазии, тогда торговой, можно было пересчитать по пальцам.

Это были единицы среди стамбульских, измирских и аданских торговцев с греческими, армянскими, еврейскими, левантийскими именами.

При этом уже в младотурецкий период национальный предпринимательский вакуум в Турции стал заполняться верхушкой бюрократии, действовавшей сразу в трёх ипостасях — бюрократической, землевладельческой и предпринимательской.

Значительное число земельных участков было собственностью, помимо государства, также и абсентеистов — крупных и средних, как правило, проживавших в городах.

Среди них оказалась значительная часть бюрократического аппарата республиканской Турции и многие деятели, составлявшие идейно-политическую элиту кемалистского режима.

Сюда входили бывшие османские чиновники и военные, высший слой интеллигенции, а в провинции — местная знать, прибравшая к рукам и землю, и внутреннюю торговлю.

Читатель, знакомясь с биографией крупного чиновника, политического деятеля, литератора, журналиста, с удивлением узнавал, что указанное лицо является «наследником семейного имения».

Кемалистская революция не ликвидировала, а узаконила различные формы владения движимым и недвижимым

имуществом.

В собственность республиканского государства перешло по наследству от империи достаточное количество государственных и вакуфных земель.

Именно они становились базой земельных реформ и других форм распределения земли, которую давали переселенцам

К знати, продолжавшей захваты земель во время Первой мировой войны и освободительной борьбы, присоединялись и новые лица, оказавшиеся у власти в годы создания республики.

Турецкие авторы отмечают активное участие в захвате земель лиц, примкнувших к кемалистскому движению, среди которыхз была немало и членов Народно-республиканской партии.

В их руки перешли имения и поместья иностранцев, бежавших и зстраны, греков и армян, земли погибших солдат и офицеров турецкой армии.

Формулируя стратегию развития новой Турции, кемалисты подчёркивали, что речь идёт не об особом пути, а об ее движении к современной цивилизации.

По этой же причине весьма далёкая от консолидации новая власть по горячим следам после победы над интервентами оказалась готовой поддержать Кемаля и его ближайших сподвижников в проведении еще совсем недавно немыслимых в отсталой мусульманской стране подлинно революционных мер, направленных на решительную модернизацию всех сфер жизни турецкого общества.

И первым условием модернизации было создание светского государства.

В период национальной борьбы ставить вопрос об этом было преждевременно.

Ведь именно исламисты выступали в качестве активной антиимпериалистической силы в борьбе за независимость в Анатолии.

В период деятельности первого состава меджлиса в нём было весомо представлено и духовенство, поменьшеймере 20 % состава меджлиса являлисьулемами, 8 депутатов были шейхами

Понятно, что тогда и речи не было о каком-то негативном отношении к исламу.

Более того, он часто идентифицировался с национализмом, а национальные лозунги облекались и в религиозные.

Традиции, унаследованные из классической исламской культуры, продолжали жить во многих сферах духовной и культурной жизни турок — литературе, искусстве и философии.

Однако уже после Лозанны стало очевидным, что вера всё более активно используется политиками от религии —

противниками кемалистов.

Стало понятно и то, что исламисты не в состоянии приспособиться к идеологической основе нового государства, а шариат — к принципам светского правового регулирования всех сторон жизни государства, общества и личности.

И как тут не вспомнить остроумное замечание турецкого историка Кары о «двух головах на одном теле».

В своих выступлениях Кемаль и его соратники постоянно подчеркивали, что ислам в то время ассоциировался не просто с халифатским, султанским режимом, но и со всем косным, отсталым, консервативным, что превратило Турцию в полуколонию Европы, а затем привело к военному поражению.

Речь, безусловно, идёт здесь об учёте европейского исторического опыта избавления от средневекового засилья церковников и реализации принципа «богу — богово, кесарю — кесарево».

Более того, появление уже в конституции двадцать первого года нового государства положение о том, что «власть без всяких условий принадлежит нации», означало то, что новое турецкое государство провозгласило свой идеологический выбор — место умета было передано нации.

Теперь кемалистам оставалось сделать последний шаг…

Как того и следовало ожидать, после унижения шейх-уль-ислама религиозная пропаганда против президента усилилась.

Чего здесь только не было!

И еврейские масоны, и разврат, и доведенная до самоубийства Кемалем Фикрие…

В мечетях стали еще больше говорить о его аморальности, пристрастии к вину и играм, и все чаще слышались открытые призывы не подчиняться свалившемуся на их головы безбожнику и всячески бороться с ним.

В знак своего согласия с клерикалами многие видные противники Кемаля демонстративно перебрались в Стамбул «под защиту халифа».

Обстановка накалилась до предела, и многие хорошо знавшие Кемаля только удивлялись его долготерпению.

— Разве можно, — говорил он, — в новом турецком государстве — Турецкой республике сохранять элементы и институты, которые в продолжение веков придали нации другой вид, чем тот, который она имела на самом деле? И если так будет продолжаться, будет совершена величайшая, никогда непоправимая ошибка в отношении дела прогресса и пробуждения народа! Все члены низложенной династии

султаната и халифата со всеми их сторонниками, — говорил он, — все они являются врагами…

Кемаль возмущался, но действовать не спешил.

Да, у него было достаточно сил, чтобы, не вдаваясь ни в какие объяснения, изгнать из страны халифа точно так же, как он совсем недавно изгнал из нее султана.

Но подобное деяние могло произвести самое неприятное впечатление на остававшееся сплошь мусульманским население.

Не желая давать и без того не дремлющим врагам лишний козырь, Кемаль ждал удобного случая.

И он дождался его.

В присланном Исмету письме два известных мусульманских деятеля Индии просили оградить халифа от нападок и обеспечить ему должное уважение.

Но еще до того, как попасть к Исмету, 5 декабря 1923 года газеты «Танин», «Тефхиди Эфкяр» и «Икдам» опубликовали письмо, отправленное из Лондона Исмету двумя мусульманскими авторитетами.

Ага-хан и эмир Али требовали у турецкого правительства восстановить честь и власть халифата.

«Мы, — писали они, — всегда защищали турок, даже в самые трудные времена, и мы присудили Мустафе Кемалю титул „Меч Ислама“. Взамен обеспечьте халифу положение, внушающее доверие и уважение мусульманских наций и придающее, таким образом, Турецкому государству исключительную силу и достоинство».

Ничто не дрогнуло в лице Кемаля, когда он прочитал это послание, и, тем не менее, он позволил себе закурить четвертую за день сигарету.

Наконец-то, он получил то, о чем только мог мечтать, а все остальное было делом техники.

— Величайшей опасностью, — говорил он вечером за ужином с друзьями, — для отечества и народа в странах, которые управлялись или управляются султанами и халифами, является опасность их подкупа со стороны врага. Почти во все времена это было легко осуществимо…

Имеющие уши услышали.

В Анкаре мгновенно увидели связь между английскими «врагами» и халифом.

Ведь никто еще не забыл предательства Вахидеддина!

А раз так…

Правительство расценило письмо индусов как вмешательство

во внутренние дела государства и по обвинению в высшей измене арестовало издателей опубликовавших письмо индусов газет.

В Стамбуле был создан Трибунал независимости и были арестованы владельцы и главные редакторы этих трех газет.

Вместе с ними в тюрьму угодил и президент коллегии адвокатов Стамбула.

Но если вскоре журналисты были отпущены на свободу, президент коллегии адвокатов остался в тюрьме.

Официальная печать с великим знанием дела принялась рассказывать всей стране о «подрывной деятельности» связанных с английской разведкой индийских шейхов, с чьей помощью Англия пыталась оказывать влияние на внутреннюю политику Турции.

Вывод был один: нация не потерпит подобных выпадов ни от кого, в том числе и от халифа.

— Что касается халифата, — говорил Кемаль в кругу близких друзей, — то впредь он не может быть ничем иным, как только предметом насмешки в глазах действительно просвещенного и цивилизованного мира…

В известной степени вся эта эпопея выглядела опереточно, и, тем не менее, сработала.

Но даже сейчас, когда халиф был скомпрометирован в глазах всей нации, Кемаль остался верен себе и не пожелал выглядеть инициатором расправы с ним в глазах мусульман.

Прекрасно понимая, что отмена халифата будет самым настоящим шоком для многих, он предоставил право разбираться с ним меджлису.

29 февраля 1924 года состоялась последняя традиционная церемония пятничного посещения халифом Турции мечети в Стамбуле.

На следующий день, открывая очередное заседание ВНСТ, Кемаль произнёс обвинительную речь по поводу векового использования исламской религии в качестве политического инструмента.

— Нам говорил он, — необходимо потребовал вернуть её к истинному предназначению и, таким образом, самым решительным образом спасти священные религиозные ценности от разного рода темных целей и вожделений. Государство и только оно одно должно заниматься народным образованием, а политика и религия должны быть разделены в интересах ислама. Мы не можем допустить, чтобы какое бы то ни было лицо, какой бы титул оно ни носило, вмешивалось в дела, касающиеся судеб, существования и независимости того нового государства, которое

только что создала наша турецкая нация. Нация сама следит за существованием и независимостью созданного ею государства и будет за этим следить всегда…

3 марта депутаты из Народной партии представили на обсуждение парламента три проекта закона.

Первый отменял халифат и высылал членов правящей династии, второй — унифицировал образовательную и юридическую системы, а третий упразднял религиозные институты (духовные школы и религиозные суды).

Исмет заверил депутатов в том, что с отменой халифата у Турции не будет никаких проблем во внешней политике.

Конечно, с депутатами основательно «поработали», и против закона выступил только беспартийный Зеки из Гюмюшхане.

Он напомнил парламенту о его решении навсегда сохранить пост халифа и потребовал проведения референдума.

Однако его выступление не произвело на парламентариев ни малейшего впечатления, и словно не слышавший его майор Ихсан предложил «вырыть и уничтожить кости всех султанов и халифов».

Однако настроенные куда благодушнее своего ослепленного ненавистью коллеги депутаты оставили кости в покое, а вот с халифатом покончили.

«Халиф низложен, — гласил принятый ими в тот же день закон, — ввиду того, что предназначенность халифата отражена в основных концепциях правительственной власти и республики,

Халифат как властная инстанция ликвидируется».

— Турецкая нация и Великое национальное Собрание, состоящее из ее представителей, — сказал по этому поводу Кемаль, — не могут доверить свои судьбы личности, которая носит или будет носить титул халифа. Нам говорят, что это может вызвать смуту в мусульманском мире. Тот, кто это утверждает, лгал и лжет…

Тем же вечером Кемаль сказал представителю посольства Франции в Анкаре, полковнику Мужену:

— Отмена халифата и изгнание принцев необходимы нам для того, чтобы республика жила и развивалась, а народ, ошеломленный событиями четырех последних лет, не упорствовал и принял новый режим…

Но было еще и то, о чем Кемаль не сказал французу.

«Халифат как властная инстанция ликвидируется…»

И слово «властная» объясняла многое…

Представителям Османской династии дали десять дней на сборы, а вот с самим халифом решили не церемониться.

И не успели еще просохнуть чернила на указе об отмене халифата, как к нему во дворец в сопровождении полиции явился губернатор Стамбула и приказал собираться.

Не привыкший к подобному обращению халиф возмутился, на что ему было без обиняков заявлено:

— Если потребуется, мы выдворим вас силой!

В 5 часов вечера 4 марта 1924 года последнего халифа Османской империи в сопровождении его четырех жен, сына, дочери, личного врача и секретаря отвезли на станцию Чаталджи.

Там ему вручили 2 тысячи английских фунтов стерлингов и паспорта со швейцарскими визами.

В сделанном им для прессы заявлении он сообщил о своем полном подчинении воле нации и намерении посвятить всю свою оставшуюся жизнь изящным искусствам.

Однако стоило ему только переехать границу, как он сразу же заговорил о своем непризнании права заседавших в Анкаре безбожников лишать повелителя мусульман всего мира его сана.

Чем дальше бывший халиф отъезжал от границы Турции, тем красноречивей становился изгнанник, и тем больше проклятий сыпалось на головы изгнавших его воинствующих безбожников.

Но это уже был глас вопиющего в пустыне…

Что же касается самого Кемаля, то он сохранил все необходимые формы приличия.

Да, он был президентом, но высшая власть в стране принадлежала являвшемуся выразителем воли нации парламенту, и он был обязан подчиняться ему.

— Принятые собранием решения есть не что иное, как воля нации, — заявил он издателям газет в своем выступлении на анкарском вокзале, — и не надо смотреть на них как на что-то из ряда вон выходящее!

Но самое интересное во всей это истории это то, что на место свергнутого халифа хотели поставить другого.

И не кого-нибудь, а самого Кемаля.

«Когда Великое национальное собрание Турции упразднило халифат, — писал в своих воспоминаниях Кемаль, — духовное лицо Расих эфенди, депутат Адалии, был председателем делегации Красного полумесяца, находившейся в Индии.

Он возвратился через Египет в Анкару.

Он добился свидания со мной, во время которого сделал заявление примерно такого содержания:

— Мусульмане в тех странах, через которые он проехал, требуют, чтобы я стал халифом, и компетентные мусульманские организации поручили ему довести об этом до моего сведения.

В ответе, который я дал Расих эфенди, я выразил свою признательность за благожелательное отношение и симпатии, проявленные ко мне мусульманами, и заявил:

— Вы являетесь доктором духовного права. Вы знаете, что халиф означает главу государства. Как я могу принять предложение народов, над которыми властвуют короли и цари? Если бы я принял их предложение, разве суверены этих народов дали бы на это свое согласие? Приказы халифа нужно выполнять и его запретам подчиняться. Разве те, которые хотят меня сделать халифом, в состоянии выполнить мои приказы? Разве, следовательно, не смешно было бы принять на себя иллюзорную роль, которая не имеет ни смысла, ни права на существование?»

Была и еще одна веская причина для отказа от поста халифа.

И каким бы интересно образом президент светского государства, а именно такой был цель Кемаля, «работал» бы еще халифом.

Даже если бы он согласился, то из этого все равно ничего бы не вышло.

— Никогда, — говорил по этому поводу Кемаль, — логика и разум не допустит, чтобы какое-нибудь одно мусульманское государство признало за каким-нибудь одним лицом власть руководить и управлять делами всего мусульманского мира…

Все правильно, и то, что было возможно в Средние века, не имело ни единого шанса на существование в двадцатом веке…

3 марта был 1924 года принят закон «О едином образовании».

Этот лаконичный закон — всего семь статей — и поныне является действующим.

Он вошел в список первых революционных законов, не подлежащих отмене любой властью.

Его первая статья гласила, что все научные и учебные учреждения Турции переходят в подчинение министерства просвещения.

Вторая статья особо оговаривала необходимость такого перехода для министерства по делам шариата и вакуфов — все руководимые ранее им медресе и школы (имамов и хатибов) передавались министерству просвещения.

Закон предписывал этому же министерству учредить при Стамбульском университете факультет по подготовке специалистов-богословов, а также создать «особые школы по подготовке служащих, которым надлежит обеспечивать отправление религиозных услуг».

4 марта было учреждено Управление по делам религии, и поныне регулирующее от имени государства всю

религиознуюдеятельность в стране.

Муфтии становились служащими этого управления.

Под контроль Управления перешли не только мечети, но и различные религиозные обители, прибежища дервишей и их орденов.

Таким образом, государство взяло на себя роль «светского муджтахида» (толкователя религиозных законов) и стало трактовать ислам в соответствии со своими идеологическими убеждениями.

Некоторые исследователи назвали его «Лозаннским исламом», или государственным видом ислама в Турции.

В известной степени так оно и было, поскольку речь шла об «очищенной» религии, свободной от мистики и святых и самостоятельных религиозных учреждений.

Это позволяло жестко контролировать религию.

Ликвидация халифата лишила исламистов всех надежд на предпочтение их идеологии как государственной.

Жёсткая политика властей в отношении исламистов привела к формированию системы разрешённого, официального, «государственного» ислама, действия которого «вне мечети» строго лимитировались.

Народный же ислам со своими шейхами, текке и орденами, сохраняясь на бытовом уровне, ушёл в подполье, а если и заявлял о себе открыто через вооружённые выступления под религиозными лозунгами, то беспощадно подавлялся властями.

Долгие годы армия, полиция, органы безопасности Турции тайно и явно следили за исламистами, пытаясь выяснить, есть ли в их программах, учениях, тайных уставах положения о ликвидации светской власти, установлении шариатского режима в Турции.

Социальные и финансовые возможности государства в те десятилетия, даже при всей их ограниченности, превышали возможности исламистов, преследуемых властями, лишившихся доступа к вакуфной собственности.

Напомним, что и мировое исламское сообщество в условиях колониальной системы было разобщено и лишено тех многих источников обогащения, к которым оно получило доступ после краха колониальной системы и обретения независимости нефтедобывающими мусульманскими странами.

Чтобы подчинить религию политической надстройке, государство в течение длительного периода времени пыталось создать свой собственный вариант ислама.

В нем уже не существовало конфликта между религией и турецким модернизмом, включавшим в себя модернизированное

национальное государство, секуляризм, демократию и отсутствие для религии роли в общественной жизни.

Такая жесткая структура надзора оставляла имамам весьма незначительную свободу собственного трактования религии.

Учителя, учебники и учебные программы всех религиозных школ находятся под непосредственным контролем Генерального директора управления по вопросам религиозного образования, являющегося самостоятельным подразделением Министерства образования.

Были упразднены религиозные суды, занимавшиеся свадьбами, разводами и наследством, и отменен запрет на алкоголь.

В марте было введено новое административное устройство, и теперь все местные правители были подчинены центральной власти.

8 апреля 1924 междеlис принял закон об упразднении шариатских судов и об изменении некоторых положений судоустройства.

Именно в эти дни у Кемаля окончательно разошелся с выдющимся турецким просветителем, мыслителем, философом и религиозным деятелем Саидом Нурси.

Кроме этого, был знатоком физики, математики, истории, философии и других наук, что дало ему основание доказать истинность Корана на основе научных открытий.

В 1907 году Саид Нурси приехал в Стамбул, где планировал основать университет.

— Я, — заявил он, — должен доказать и продемонстрировать всему миру, что Коран — это вечное и неиссякаемое солнце мудрости, через обновление понимания мусульманского священного писания с учетом требований современной жизни…

В последние годы существования османской империи богослов был известен, как активный сторонник реформы образования

Он написал султану Абдул-Хамиду множество писем, в которых предлагал ввести в медресе империи преподавание учения суфизма и современных гуманитарных дисциплин.

Эти и некоторые другие шаги инициативного богослова закончились в 1909 году привлечением к суду якобы за участие в попытке переворота против правительства младотурок.

Однако суд оправдал Саида Нурси

После выхода из тюрьмы он продолжал вести довольно смелые беседы на религиозно-философские и политические темы.

По этой причине его назвали «Бадиуззаман»

(необыкновенный человек нашего времени).

В начале мировой войны Саид Нурси участвовал в боях, был ранен и попал в плен к русским при обороне Битлиса.

Около двух лет он провел в лагере для военнопленных под Костромой, после чего бежал в Стамбула, где он был радушно встречен.

Всскоре он был избран членом своего рода исламской академии «Дар аль-хикмат аль — исламийя» (Врата исламской мудрости) призванной решать все более растущие проблемы мусульманской уммы, как называлась религиозная община.

После оккупации Стамбула Саид Нурси боролся с оккупантами всеми доступными ему средствами.

Он издал свою собственную фетву о полном соответствии шариату сопротивления захватчикам и приветствовал провозглашение руспублики.

Эти действия Саида Нурси были высоко оценены Великим Национальным Собранием Турции.

В 1922 году Кемаль пригласил его в Анкару.

По всей видимости, он надеялся использовать известного богослова в своих целях.

Однако Нурси так и не нашел взаимопонимания с Кемалем и при первом же удобном случае выражал свое недовольство его негативным отношением к исламской религии и стремлением к тотальной секуляризации турецкого общества.

Более того, он написал свою декларацию из 10 пунктов, в которой призывал к сохранению в жизни турецкого общества принципов Шариата, и представил ее в меджелис.

Нурси выступил в парламенте страны, где он говорил о таких религиозных истинах, как вера в Бога и мусульманская пятикратная молитва.

А когда сам Кемаль выразил по этому поводу свое возмущение, Саид Нурси сказал:

— Во Вселенной самая большая истина — это вера, после веры — молитва…

Недовольный Кемаль несколько раз беседовал с Нурси, но тот и не думал менять свое мнение.

Кемаль использовал последнее средство для «исправления» богослова и предложил ему занять высокий государственный пост в новом правительстве и парламенте Турции.

К его великому неудовольствию, Нури отказался.

Свою деятельность Саид Нурси называл «джихадом слов», фундаментальными принципами которого были во-первых ставка на просвещение и образование, а, во-вторых, толерантность и терпимое отношение к носителям иных религиозных и

общественных взглядов

Богослов ненавидел политику.

«Избавь меня, о Аллах, — писал он, — от шайтана и политики!»

Но даже такая позиция изрядно тревожила кемалистский режим, главной задачей которого было установление светского государства.

Именно поэтому вся дальнейшая жизнь Саида Нурси превратилась в череду тюремных заключений и ссылок

Вскоре после провозглашения республики Нурси был выслан в провинцию Испарта, где выполнял обязанности муэдзина, а также продолжил работу над «Рисале-и-нур»

Опасаясь роста популярности учения курдского богослова среди граждан, губернатор провинции отправил Нурси еще дальше, в глухую деревеньку Барла.

Там Нурси написал две трети «Рисале-и-Нур» и наладил распространение своих книг

Тексты Нурси отправлялись в другое село, там их дублировали на арабскую графику, а затем ученики Нурси через почтово-курьерскую систему «Нурдж» распространяли их по всей Турции.

Он написал большое количество книг по различным мировоззренческим и правовым аспектам исламской религии, а также философии.

Труды Нурси заполнили ту духовную пустоту и чувство безнадежности, которые царили в турецком обществе в условиях политических и экономических катаклизмов.

Сам богослов неоднократно говорил, что его нахождение в оппозиции секуляристскому официальным религиозным структурам стали своего рода Божьим благословением, помогающим сохранить ислам, традиционную религию Турции, в чистоте.

Нурси был последовательным антикоммунистом, противником материализма и атеизма

Он считал, что последователи различных религий могли бы объединиться в противостоянии этим явлениями, в котором он видел «приход Даджаля».

В Коране это имя не упоминается, однако пророк Мухаммед часто о нем говорил.

Даджаль в исламе — это сущность, которая должна появиться перед концом света.

Он является одним из признаков того, что вскоре произойдет Страшный Суд.

Даджаль в исламе — это последний и самый сильный соблазн

перед концом времен.

Он является страшным ударом по душам верующих, так как способен на самый невероятный обман.

Если проводить параллель с христианством, то этот лжемессия аналогичен Антихристу, появление которого является одним из признаков приближающегося Конца света.

Более того, Нурси стал так называть самого Кемаля, что лишний раз говорит о его необыкновенной смелости.

Тем не менее, Кемаль терпел непокорного богослова больше десяти лет, и только в 1935 году Нурси предстал перед судом.

Но и на нем он повел себя как обвинитель.

Кемаль не осмелился раз и навсегда покончить с известным на весь мусульманский Восток ученым, и тот отделался тюрменым сроком.

Несмотря на гонения, Саид Нурси продолжил свою просветительскую деятельность и сумел завершить свой самый крупный труд «Рисале-и Нур».

В нем он дал свои комментарии к аятам, изложив их с позиций классического исламского наследия и современности.

Что тут можно сказать?

Наверное, только то, что великие богословы, как и волхвы, «не боятся могучих владык и княжеский дар им не нужен…»

Глава III

Как уже очень скоро выяснилось, отмене халифата были рады только сторонники Кемаля, и по стране прокатилась волна недовольства.

«Отмена султаната, — писал в своих воспоминаниях Исмет, — нам далась намного легче, поскольку существование халифата, так или иначе, обнадеживало сторонников султаната.

И все они очень надеялись на то, что монарх вернется под именем халифа и даст надежду на продолжение Османской династии.

Именно поэтому отмена халифата вызвала такое сопротивление и стала источником множества конфликтов…»

Другое дело, что все эти столкновения носили локальный характер и не приобрели такого широкого размаха, как это было в той же Франции, где «неприсягнувшие» священники поднимали целые восстания.

Недовольных отменой халифата хватало, но только в Бурсе местные религиозные деятели открыто призвали верующих выступить против безбожного правительства, за что были мгновенно приговорены к смертной казни.

Вместе с государственными проблемами на Кемаля навалились проблемы личные.

Как это ни прискорбно, но так много и красиво рассуждавший о роли семьи Кемаль так и не мог разобраться со своей собственной.

По большому счету нарыв начал зреть чуть ли ни с первого дня появления Латифе в Чанкая.

Несмотря на женитьбу, Кемаль и не думал менять образ жизни и каждый вечер устраивал продолжавшиеся до глубокой ночи застолья.

Латифе все чаще высказывала недовольство.

Но еще больше она была разочарована своим превращением из светской дамы и советницы президента в лишенную права голоса восточную женщину.

Да, она ходила в европейском костюме и много говорила с мужем о равноправии, но какой во всем этом был толк, если Кемаль всякий раз морщился, когда она садилась за стол вместе с мужской компанией и высказывала свое мнение.

Она дерзко отвечала ему на его замечания, позволяла себе критиковать его в присутствии гостей и громко смеялась над его рассуждениями.

Как и всякая женщина, она мыслила от одного предела до

другого и не могла понять той простой вещи, что равенство женщин с мужчинами в социальной жизни вовсе не означало безмятежной семейной жизни, в которой всегда будут главный и подчиненный.

Кемалю все больше не нравилось ее слишком уж независимое поведение.

Однако Латифе продолжала вмешиваться в его разговор с друзьями, всячески старалась сократить число выпитых им рюмок и с некоторых пор взяла за несказанно раздражавшую мужа привычку входить в комнату и восклицать:

— Что такое, Кемаль? Опять ракы?

А когда застолье затягивалось, она без малейшего стеснения напоминала гостям о том, что завтра рабочий день и всем пора отдыхать.

Но особенно Кемаля убивала патологическая ревность Латифе.

Как и всякий мужчина, Кемаль хотел, чтобы его любили, но, несмотря на всю свою просвещенность, он оставался восточным мужчиной, и любовь к женщине никогда не была для него той все сжигавшей страстью, из-за которой герцог Бекингемский объявлял войны, а Наполеон мчался на свидание с Жозефиной через несколько границ.

Вопреки всем передовым теориям, которые он отстаивал публично, идея равенства полов была изначально противна его властной натуре, и женщины как личности мало интересовали его.

Их роль заключалась в служении мужчине, а посему ему было, что делить с женой.

Да и сама Латифе была нужна ему, как утверждали многие, в роли «выставочной» жены, олицетворявшей новое отношение к женщине.

Но в жизни он хотел быть господином, а Латифе не желала быть рабой.

И далеко не случайно сам Кемаль однажды заметил, что женился вопреки старинной турецкой пословице «холостяк есть султан» и только для того, чтобы иметь рядом с собой пример эмансипированной женщины.

Возможно, так оно и было на самом деле.

Но для самой Латифе подобный эксперимент закончился печально.

Ведь одно дело говорить об эмансипации женщины, и совсем другое — жить с этой самой эмансипированной женщиной, имеющей к тому же свои собственные взгляды на семейную жизнь.

И проповедуемое Латифе не на словах, а на деле семейное равенство не могло нравиться такому властолюбивому человеку, каким был Кемаль, с младых ногтей не терпевший возражений и уж тем более поучений от кого бы то ни было.

Он не желал испытывать на себе чье бы то ни было влияние, и его дом и привычки были только его, и ничьи больше.

И он вовсе не собирался их менять, как того желала Латифе, постепенно превращавшаяся в своеобразного домашнего оппозиционера, позабыв о том, что оппозиции Кемаль не терпел ни в каких ее проявлениях.

Но самым печальным во всей этой истории было бесплодие Латифе, которое не могло не вызывать охлаждения к ней любившего детей и желавшего иметь их Кемаля.

Конечно, она обследовалась у лучших варчей, но их приговор был неутешителе: Латифе не могла иметь детей…

В 1924 году процесс выработки новой республиканской конституции завершился и был принят её окончательный текст, представленный в 105 статьях.

В правовой литературе Турции именно этот документ, принятый 23 апреля 1924 года, считается первой подлинной, «полнокровной» конституцией нового государства.

Самые первые его статьи подтверждали, что Турция — республика, её религия — ислам, государственный язык — турецкий и столица — Анкара.

Устанавливались такие публичные права и свободы, характерные для буржуазного права, как право и свобода договора, передвижения, трудовой деятельности, приобретения и владения имуществом, создания торговых товариществ.

Высшим органом государственной власти являлось однопалатное Великое национальное собрание Турции (меджлис), избиравшееся на четыре года и осуществлявшее законодательную и исполнительную власть, последнюю через президента и совет министров.

Депутаты не имели права занимать никаких должностей на государственной службе, за исключением постов министров.

Главой государства являлся президент, избиравшийся из числа депутатов на четыре года и имевший право быть переизбранным неограниченное число раз.

По представлению премьер-министра он утверждал министров и все изменения в правительстве и являлся главнокомандующим вооруженными силами республики.

Правительство являлось исполнительным и распорядительным органом власти и имело право вводить

чрезвычайное положение при «угрозе общественной безопасности», приостанавливавшее действие статей конституции, гарантировавших права турецких граждан.

Выборы в ВНСТ были двухстепенными, и правом выбирать пользовались мужчины, достигшие двадцатидвухлетнего возраста.

В то же время конституция носила явно выраженный националистический характер, определяя всех жителей Турции без различия религии и национальной принадлежности турками и таким образом узаконивая ассимиляцию национальных меньшинств.

Кнституция обязывала всех турок, независимо о тпола, овладевать в государственных школах начальным образованием.

Меджлис внес в конституцию все затребованные Кемалем изменения, но постарался обеспечить и свои права.

Помятуя о том, как султаны разбирались с неугодными им парламентами, он отказал ему в праве распускать парламент и назначать новые выборы.

А вот отсылать не нравившиеся ему законы на новое рассмотрение (кроме закона о бюджете) ему разрешили.

Правда, все эти положения мало чего стоили, поскольку Кемаль уже контролировал меджлис через послушное ему большинство, практически полностью подчинил себе местное управление и получил возможность вводить чрезвычайное положение.

Принятая таким образом структура новой власти основывалась на вере значительной части национальной элиты в Кемаля как лидера рождавшейся новой Турции, вождя, который успешно спасает турецкий народ от грозящей ему катастрофы.

Это обеспечивало Кемалю, вплоть до ухода его из жизни в 1938 году, возможность авторитарного руководства страной в первые, самые трудные десятилетия становления нового государства, что не исключало дискуссий, конфликтов и даже предательства в среде, которая его окружала.

Еще более обеспокоенная таким усилением президентской власти оппозиция продолжила борьбу с ним и даже убрала из правительства неугодного ей министра внутренних дел.

Но это была пиррова победа, поскольку на его место встал всей душой преданый Кемалю Реджеп Пекер.

И тогда стамбульские газеты принялись наперебой писать о коррупции среди членов нового правительства и его сторонников, без малейшего стеснения занимавших оставленные христианами дома.

Это было чистейшей правдой, поскольку чиновник всегда

оставался чиновником и никогда не упускал возможности обогатиться.

Имевшая богатые традиции высшая турецкая бюрократия не составляла исключения, и вчерашние патриоты, получив чины и деньги, быстро и безболезненно перерождались со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Благоприятные возможности обогащения, обеспечиваемые во внутренней торговле, привлекали в эту сферу также политических и партийных деятелей.

Писатель П. Павленко, побывавший в Турции в 1927 году, отмечал: «Секретари кемалистских райкомов торгуют шерстью, агитаторы приписались к биржам».

Правительство продавало оставшиеся после победы национально-освободительного движения полуразрушенные предприятия за ничтожную сумму любимцам Народной партии, открыло им кредит и выдало субсидии.

Справедливости ради надо заметить, что уже через 3 года предприятия вернулись к довоенному уровню.

Конечно, это было хорошо.

Плохо было то, что партийцы-бизнесмены быстро перерождались.

Со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями.

Печальной становилась судьба не только простых людей, но и клерков, провинциальных учителей, журналистов и все больше попадавших в зависимость от чиновников и властей беженцев.

И как писал известный турецкий писатель Сабаххатин Али, в стране, во весь голос заявившей о своем демократизме и законности, как и в «доброе султанское время, власти могли безнаказанно похитить у бедного человека жену и любимую, а над ним самим учинить жестокую расправу».

К великому сожалению, он был прав, и заключение в тюрьму невинного, обман и ограбление неграмотного, издевательство над слабым — все это было нормой жизни.

И конечно, депутаты, высшие офицеры и чиновники обогащались везде, где только было возможно.

Знал ли об этом Кемаль?

Да, конечно, знал!

Но закрывал до поры до времени глаза и всячески продолжал поддерживать становление национальной буржуазии, поскольку только с ее помощью он мог создать так необходимую стране для укрепления суверенитета промышленность.

Чтобы еще больше усилить ее позиции в борьбе с начинавшими терять свою опору компрадорами, он решил

допускать в страну иностранный капитал только в «безвредной для нее мере».

Что будет потом?

Наверное, то, что и должно быть…

Да и не заглядывал он так далеко, почти каждый вечер медленно расхаживая по своему ухоженному садику в Чанкайя и думая все же больше о настоящем, нежели о будущем.

Иногда он останавливался и морщился от боли.

Сердце…

Как хочется курить!

Но… нельзя.

Врачи разрешили ему всего три сигареты в день, а он уже выкурил четыре.

Предписанная эскулапами диета ему тоже порядком надоела.

Но Латифе была непреклонна и не позволяла ему съесть ни одного лишнего куска хлеба.

Да и с так любимой им ракы дело обстояло не лучшим образом.

Оно ему была запрещена.

Правда, время от времени врачи разрешили Кемалю взбадривать себя стаканчиком виски, но разве это иностранное пойло шло хоть в какое-нибудь сравнение с его божественным напитком?

Так, чепуха…

И Кемаль терпел.

Но если Кемаль все же больше думал о настоящем, то многие политические обозреватели в мире задавались вопросом: что будет с Турцией и куда она идет.

Так, 1 июля 1924 года военный атташе Франции, подполковник Катру, отправил в Париж докладную записку «Куда идет новая Турция?».

Он писал, что «революция происходит только тогда, когда созрело общественное сознание, а новые условия государственного строя находятся в гармонии с желанием населения и фундаментальными интересами страны».

Катру выражал сомнение, что подобное имеет место в новой Турции: революция изменила государственный режим, но не традиции, догма о полной независимости народа исчезла в пользу правления олигархии, непримиримости исключительного национализма.

«Национализм, — делал вывод Катру, — такой, какой он сегодня в Турции, угрожает стать самоубийством».

«Тогда, — вторил ему обозреватель французской газеты „Petit

journal“, — как обычно новые правительства стремятся сохранить традиции своей страны и установить новые дружеские связи и контакты с другими странами, молодая Турецкая Республика спешит порвать все связи с прошлым и стремится к изоляции».

«Турецкая Республика, — уверял читателей журналист Жентизон в газете „Le Temps“, — заверяет, что, несомненно, осуществила самую крупную попытку духовного и интеллектуального освобождения в мусульманском мире наших дней».

Конечно, Кемаль и без их комментариев прекрасно понимал то бедественное положение, в котором оказалась страна.

— Если сравнить наше благосостояние, — говорил он, — национальное богатство и уровень просвещения с общим мировым прогрессом, то станет ясно, что наша страна является отсталой, и даже очень отсталой. Для ликвидации этой отсталости нужны огромные средства, ибо мы нуждаемся во всем…

Не сказал он в своем выступлении только одного — самого важного: Турция нуждалась во всем, но она была свободной страной, и все предпосылки для развития у нее были.

Был у нее и лидер, способный переломить тот или иной ход событий.

А это стоило, может быть, самого дорогого.

Он не замахивался на всеобщее счастье и разрушение, он хотел только одного: чтобы его любимая Турция жила достойно.

— История, — говорил по этому поводу сам Кемаль, — самым неопровержимым образом доказывает, что для успеха в решении важнейших дел крайне необходимо, чтобы был вождь с большой энергией и непоколебимой волей…

Того и другого у него хватало.

Тем не менее, Кемаль отдавал себе отчет, какие трудности ждут его и на поприще культурного строительства.

Но не отчаивался.

— Было бы ошибкой считать, — говорил он по этому поводу, — что притупляющие последствия многих веков управления и воспитания могут позволить человеческому обществу освободиться разом, в один день, в один год. Поэтому те, кому удалось проникнуть в природу вещей и постигнуть эту истину, должны считать величайшей обязанностью подготовку и просвещение народа, поскольку это в их силах, и руководство им на его пути к спасительной цели…

Что же касается экономики, то уже в то трудное время Турецкая Республика стала привлекать иностранных экспертов.

Более того, она устраивала конкурсы для иностранных

предприятий, правда, больше американских, швейцарских и особенно немецких, а не французских или английских.

Англичане не привлекались из-за вечной проблемы с Мосулом, а французы слишком напоминали совсем еще недавнее время унизительных капитуляций.

Сами французы не верили в то, что «молодые люди, единственным достоинством которых было участие в борьбе за независимость», способны строить железные дороги, добывать полезные ископаемые, заниматься торговлей и основывать банки.

А зря!

— Экономические ресурсы Турции, — говорил по этому поводу Кемаль, — обильны и богаты, они даже привлекают алчные взоры всего мира. Наш турецкий народ — земледельческий, наши земли — одни из самых плодородных в мире. Все это не оставляет места для какого бы то ни было беспокойства за наше материальное существование…

Очень скоро «молодые энергичные люди», вдохновленные Муаммер-беем, свекром Кемаля, и деловыми кругами Измира, создали банк.

Рассчитывали ли руководители банка, что достаточно того, что сам Кемаль являлся одним из его акционеров, чтобы конкурировать с османским банком, владевшим франко-английским капиталом?

Вряд ли.

Но банк, тем не менее, создали.

Сыграл свою роль в экономическом развитии страны и отъезд из Турции около полутора миллионов греков и других немусульман в соответствии с договоренностями, достигнутыми в Лозанне.

Конечно, ни прибытие 500 тысяч турок из Фракии в соответствии с тем же соглашением, ни действия Анкары не помогли, и экономика по-прежнему оставалась в упадке.

Но начало экономическому образованию турок было положено, а дорогу, как известно, можент осилить только идущий…

Тем не менее, экономическая и политическая ситуация в стране оставлась сложной.

Реформа конституционных законов привела к ожесточенной борьбе между радикалами и умеренно настроенными депутатами.

Частичные компромиссы обеспечивали весьма зыбкое равновесие.

Президент республики имел право вето на большую часть законов, но право роспуска принадлежало только Национальному

собранию.

Ислам продолжал оставаться официальной религией Турции.

Переговоры в Стамбуле между турками и англичанами по поводу Мосула не продвинулись ни на шаг.

Каждая из сторон повторила аргументы, использованные в Лозанне, чтобы требовать получения суверенитета над регионом Мосула.

Многочисленные скандалы потрясали политическую среду, а министр внутренних дел был даже вынужден уйти в отставку из-за того, что оказался замешанным в деле о взятках, которые якобы поступили от армянских кандидатов.

Еще более угрожающим для будущего было то, что созданная Кемалем Народная партия раскололась.

Некоторые обвиняли в этом Исмета.

Но за улыбками и спокойствием премьер-министра скрывались порядочность и твердость гранита.

Повлиять на его мнение можно было только до принятия решения, когда же решение принято, любое вмешательство бесполезно.

Но дело было не только в Исмете, поскольку противоречий в руководстве Народной партии хватало и без него.

Да, первые шаги республике давались с огромным трудом, и все же она сделала их…

Глава IV

Кемаль хорошо знал, о чем писали западные издания.

Ответить на них он решил своей самой длительной поездкой по стране.

30 августа 1924 года по случаю второй годовщины сражения при Думлупынаре, «генерального сражения», открывшего дорогу на Измир, Кемаль принял участие в открытии памятника Неизвестному солдату.

Кемаль выступал после Февзи, Али Фетхи и других известных представителей нации.

— Эта операция, — говорил он, — долгое время созревавшие, проработанные во всех деталях, проведенные таким образом, что увенчались полным успехом, представляют собой великое дело, лишний раз доказывающее и подтверждающее исторические силы и героизм турецкой армии, турецких офицеров и командующих. Это дело является бессмертным памятником стремления турецкой нации к независимости и свободе. Я как никогда счастлив и вечно горд быть сыном нации и главнокомандующим армии, которые смогли осуществить подобное дело…

Покончив с войной, он подробно остановился на стоящих перед новой Турцией задачах.

Турция должна стать высокоцивилизованной страной путем экономического развития и социального обновления.

Он говорил о женщинах, которых он обещал уравнять в правах с мужчинами, о молодежи, в чьих руках будущее страны, о революции «сердца и сознания».

После выступления в Думлупынаре Кемаль отправился в поездку по стране длиною в три тысячи километров.

За сорок девять дней он проехал по городам, ставшим этапами его «большого пути» и теперь с восторгом встречавшими великого Гази.

Закончил Кемаль свое путешествие в самых малоразвитых приграничных районах Восточной Анатолии.

Всюду один и тот же ритуал: он посещал воинские части, местное отделение Народной партии, дома простых граждан, школы, торговую палату, Союз женщин…

Он внимательно выслушивал местные власти, а затем отвечал на вопросы.

Проповедуя свои идеи, Кемаль в то же время обсуждал с народом повседневные трудности.

— Связь между западом, востоком и центром страны, — говорил он, — недостаточна для управления республикой, вот

почему я считаю, что необходимо продолжить железную дорогу до Эрзурума, чтобы связать восток с другими регионами страны — это жизненно необходимо для республики…

Людей волновал множество проблем, и Кемаль рассказывал о том, что будет сделано для их решения.

— Мы, — отвечал на вопрос о врачах, — должны найти решение, чтобы врачи больших городов, таких как Стамбул и Измир, могли заботиться о жизни и здоровье всей нации. То, что происходит сегодня, совершенно недопустимо…

Вспомнив свое детство, он продробно остановился на задачах светского образования.

— Вы не хотите школ, — говорил он двум религиозным деятелям одного района, когда те стали требовать от него открытия религиозных начальных школ. — Вам нужны медресе, но народ хочет получать образование в школах. Оставьте народ в покое, чтобы дети нашей страны получали светское образование. Запомните, медресе никогда не откроются, народ нуждается в школах!

Не забыл Кемаль и об отжившей свое Османской империи.

В Самсуне он попросил библиотекаря принести ему несколько книг по истории и, просмотрев их, демонстративно покачал головой.

— Это не история страны, — заметил он.

В Эрзуруме и Ризе он отказался от того, чтобы его именем называли улицы:

— Я не вечен, — отвечал он, — а наша республика будет жить всегда…

Общаться, покорять, объяснять, убеждать — вот революционное искусство Кемаля, которым он владел в совершенстве.

— В течение нескольких веков, — рассказывал он, — угнетенная нация Востока, невинная турецкая нация, считалась лишенной тех природных качеств, которые ей свойственны. Способности, энергия и рассудительность проявленные ею в течение последних лет, ясно показывают, что те, которые так думали о ней, были поверхностными и слепыми людьми. Благодаря установлению новой формы правления нашей нации удастся в глазах всего цивилизованного мира лучше выявить те способности, которыми она обладает. Турецкая нация сможет доказать на деле, что она достойна того положения, которое она занимает среди народов…

Было немало примеров того, как настороженно слушавшие Кемаля в начале встречи, бурно рукоплескали ему в ее конце.

Кемаль много рассказывал о войне за Независимость и

всякий раз, обращаясь от прошлого к будущему, напоминал о том, что главным условием жизнеспособности любой нации является появление у нее образованных и умевших свободно мыслить людей.

— Руководящий принцип нашей системы, — говорил он, — обучения будет заключаться в том, чтобы сделать знания не просто украшением и предметом эстетического наслаждения или же орудием угнетения, а практическим средством обеспечения успехов в материальной жизни…

И главная роль здесь, по словам Кемаля, принадлежала семье.

Все начиналось с нее и кончалось ею, поскольку именно от будущего поколения зависело экономическое развитие страны.

Хорошо зная один из основных лозунгов оппозиции об его неучастии в политических организациях, Кемаль уделил своей партийности особое внимание.

— Я горд тем, — без устали повторял он, — что являюсь председателем Народной партии, деятельностью которой руководит Исмет. А тем, кто постоянно твердит о том, что президентство и лидерство в партии несовместны, я хотел бы еще раз сказать: я являюсь самым горячим сторонником республики и социальных реформ! И мне не хотелось бы верить, что в Турции есть кто-то, кто не разделяет принципы Народной партии!

Намек был куда как прозрачен, и Кемаль откровенно предупреждал старых друзей:

— Бросив вызов партии, вы бросите его мне!

В Бурсе, самом консервативном по тем временам городе с множеством мечетей, Кемаль обрушился с жестокой критикой на Османскую династию.

— Османское государство, — говорил он, — наследниками которого мы являемся, не имело в глазах остального мира никакой ценности, никаких заслуг, не пользовалась никаким уважением. Османское государство, его суверенитет, султан-халиф, правительство — все эти слова утратили смысл. В этой ситуации, следовало принять лишь одно решение. Создать новое независимое турецкое государство, основанное на принципе национального суверенитета без всяких ограничений. В наследство нам османцы они оставили наводненную неприятелем родину. И именно мы с вами обеспечили наше спасение и нашу независимость…

Кемаль хорошо знал, что и где говорить.

Ведь именно Бурса больше других городов пострадала от султанских распрей, разрушавших их прекрасный город.

Да и сейчас совсем еще недавно цветущий город все еще лежал в развалинах.

Нельзя сказать, что каждый, кто, слушал Кемаля, загорался его верой в будущее Турции, но равнодушным он оставлял никого.

И только одно это дорогого стоило…

Сыграло свою роль и то, что никто из жителей Бурсы не видел султана, а сейчас к ним в гости приезжал сам президент республики, для многих остававшийся все тем же султаном.

И он не только приезжал к ним в гости, но и говорил с ними об их жизни и о будущем страны.

Встреча в Самсуне превзошла все его ожидания, и переусердствовавший в своем поклонении великому Гази мэр собирался поцеловать стул, на котором тот когда-то сидел в гостинице.

Бывшая столица «героя Кавказа» Карабекира не значилась в его планах, но в Эрзуруме только что произошло землетрясение, и он был обязан посетить этот важный центр восточных вилайетов.

Он снова и снова говорил об Османской империи и порочной политике ее правителей.

— Сменявшиеся в Константинополе кабинеты, — объяснял он, — представляли жалкое зрелище, и это зрелище воспринималось как верное отражение нашей покорности судьбе. Султан-халиф был озабочен лишь спасением собственной жизни и спокойствия. Тоже можно сказать и о правительстве. Но мы победили, и весь мир увидел и понял, что Османская империя отошла в историю. Наша нация создала новое государство, которое называется «Турецкое государство», им управляют Великое национальное собрание Турции и его правительство. И оно сделает все возможное, чтобы помочь оставшимся без крова и пищи людям…

Отдав дань критике прошлых правителей, Кемаль больше внимания уделил произошедшим в стране изменениям, сделав особое ударение на воспитание нового поколения и решающую роль семьи.

Когда крейсер Кемаля стал подниматься по Босфору, на его берегах собрались огромные толпы взолнованных людей.

Их волновало только одно: сойдет ли великий Гази в некогда так любимом им городе.

Кемаль не сошел.

И дело было не в нежелании Кемаля.

Опасавшаяся покушений на президента полиция отговорила его от этого шага.

Но куда больше заговорщиков, если таковые и были, Кемаля «доставала» сопровождавшая его в поездке Латифе.

Чуть ли не каждый день она изводила его своими истериками по малейшему поводу.

Не так сел?

Припадок.

Поднял лишнюю, по ее мнению, рюмку ракы?

Истерика.

Осмелился потанцевать с другой женщиной?

Припадок с истерикой.

И надо отдать Кемалю должное: он долго терпел каждый день бившуюся в истерике жену.

Но и его терпению пришел конец, и в одно далеко не самое прекрасное утро для Латифе он заявил ей:

— Я совершил в жизни немало ошибок, но самой большой из них был мой брак. И я очень прошу вас немедленно вернуться в Анкару…

На его удивление, Латифе подчинилась ему без лишних слов.

Несмотря на всю свою истеричность, она, по всей видиости, начала понимать, что переступила ту грань, за которой начиналась свобода Кемаля от нее…

Он все еще терпел жену, но всем окружавшим его было ясно: долго Кемаль не выдержит и очень скоро положит конец посягательствам Латифе на свою независимость.

К великому для себя сожалению, Латифе так и не осознала нависшей над ней угрозы и продолжала делать все для того, чтобы еще более увеличить уже явно наметившуюся в ее и без того далеко не самых безоблачных отношениях с мужем трещину.

Потому и настояла на продолжении путешествия после посещения Измира, несмотря на нежелание самого Кемаля видеть ее рядом.

Уже в Токате, где она, испортив званый ужин, чуть ли не силой попыталась вытащить Кемаля из-за стола, тот обошелся с ней весьма неучтиво.

Но настоящая гроза грянула в Эрзуруме, где на одном из обедов основательно выпивший Кемаль высказал слишком недвусмысленный комплимент восхитившей его своей игрой на фортепьяно жене одного из военных и чокнулся с ней бокалами через стол.

Латифе не сдержалась.

— Смотри за своими руками, Кемаль! — громко воскликнула она в приступе ревности. — Они вытянуты слишком далеко!

За столом установилось тягостное молчание.

Только каким-то неимоверным усилием воли в бешенстве смотревший на жену Кемаль сдержал себя.

Но уже на следующий день он отослал ее в Анкару.

«Мадам Латифе прибудет в Анкару раньше меня, — писал он Исмету. — Дальнейшее наше совместное путешествие не имеет смысла, и после двух лет совместной жизни я пришел к твердому убеждению, что наша совместная жизнь невозможна.

О чем я уже сообщил жене.

Она пребывает в отчаянии и может попросить вас или Февзи-пашу примирить нас.

Но мое решение окончательное.

Тем не менее, я не хотел бы унижать жену и ее семью, к которой я по-прежнему испытываю самые дружеские чувства.

Детали развода будут обсуждены после моего возвращения в Анкару, но сейчас необходимо сделать так, чтобы она согласилась уехать в Измир».

Но и на этот раз до развода так и не дошло, и как только отошедший Кемаль получил от пребывавшей в глубоком отчаянии жены покаянное письмо, он даровал ей прощение.

Временное, как полагали все, кто был невольным свидетелем сражений Кемаля с женой, которая постепенно превращалась для нетерпевшего возражений Кемаля в домашнюю оппозицию.

И никто из них не даже не сомневался в том, что очень скоро поражавшее их долготерпение Кемаля иссякнет и он поставит последнюю точку в своем неудавшемся семейном романе.

Да, благопристойный семьянин Исмет еще пытался склеить разитую чашку, но ничего из этого, как того и следовало ожидать, не вышло…

Вернувшись в Анкару, Кемаль не увидел среди встречавших его политиков несколько значимых фигур.

Он насторожился.

А все дело было в том, что еще осенью 1923 года возникла новая оппозиция, в которую вошли видные участники войны за Независимость Рефет, Рауф, Али Фуад и Казым Карабекир.

Они чувствовали себя отодвинутыми «позднепри-шельцами».

Да, их было совсем немного, и все же он не мог сбрасывать их со счетов, поскольку все они обладали достаточным авторитетом в стране и являлись признанными лидерами национального движения.

Более того, теперь между Кемалем и абсолютной властью в стране стояли только его «старые друзья».

И вот теперь, не явившись на встречу главы государства, они

бросали ему открытый вызов.

Последующее развитие событий подтвердило его наихудшие опасения.

Через неделю после его возвращения Кязым Карабекир подал в отставку с должности инспектора 1-й армии.

Теперь он был намерен полностью посвятить себя депутатской работе.

Вслед за ним в отставку ушел инспектор 2-й армии, Али Фуад.

Кемаль не поверил в случайное совпадение и оказался прав.

Карабекир и Фуад регулярно встречались с Рауфом и жаловались ему на то, как трудно стало выполнять обязанности инспекторов армии.

А вот в чем эти трудности выражались, так и осталось неизвестным.

— Армейские инспекторы, — говорил по этому поводу сам Кемаль, — у которых есть разумные мысли по реорганизации армии и большой опыт, по закону являются членами Высшего военного совета. И наиболее подходящим полем деятельности для них является работа во главе армии и в высшем военном совете…

Оба инспектора были уверены, что за ними установлена слежка и их почту вскрывали.

Они были правы, и от своей службы безопасности Кемаль знал об их частых встречах в Стамбуле с бывшими видными младотурками Рахми и Исмаилом Джанбулатом.

Все трое единодушны в своем выводе: Кемаль порвал со старыми друзьями, окружил себя «льстецами» и «безнравственными людьми», которые их унижают.

Никто из них даже не сомневался в том, что в скором времени их ожидает диктатура.

«В день отставки Али Фуада, — рассказывал об утраченной дружбе в своих „Воспоминаниях“ сам Кемаль, — я пригласил его на ужин к себе в Чанкая.

Я ожидал его довольно долго, но он так и не пришел».

Али Фуад в своих «Мемуарах» писал о том, что никакого приглашения от Кемаля не получал.

Кемаль был уверен в заговоре и потребовал, чтобы шесть генералов-депутатов покинули Национальное собрание.

Четверо из них последовали его приказу, однако Джевад и Кафер Тайяр отказались.

— Так не обращаются с бывшим начальником Генерального штаба армии и с бывшим командующим силами военного сопротивления во Фракии! — заявили они.

Позабыв их высокие должности, заслуги и дружеские отношения, Кемаль лишил Джевада и Кафера Тайяра депутатских мандатов.

И это сделал тот самый Кемаль, который не так давно говорил:

— Невозможно перевести на более низкое положение людей, выдвинувшихся на полях сражений…

Но времена менялись, вместе с ними менялись и люди, и, судя по всему, теперь Кемаль руководствовался другой своей фразой:

— Лица, лишенные реалистического чутья, — а такие имеются повсюду, — вели против меня активную пропаганду…

Со всеми вытекающими из нее последствиями…

Он добился своего, и больше никто из высшего командования армии не присоединился к оппозиции.

Она объединилась вокруг Рауфа, Аднана, Рефета и Исмаила Канболата: трех героев войны за Независимость и активиста «Единения и прогресса», четверых депутатов от Стамбула.

Чего добивалась оппозиция?

Она выступала против скоропалительных реформ, отсутствия консультаций с депутатами и превращения Национального собрания в палату, регистрирующую законы.

Она считала, что республиканизм — всего лишь иллюзия, скрывающая абсолютизм.

«Самодержец, носящий имя президента республики, управляет по своей прихоти», — писала газета «Танин» в Стамбуле, поддерживающая оппозицию.

При этом автор статьи как бы невзначай напоминал, что Гаити тоже считалось республикой.

Да, все эти заслуженные люди много сделали для победы, но теперь…

Их критиковали, над ними смеялись, их презирали.

— В Турции, — дабы принизить все их заслуги, говорили их противники, — есть 80 тысяч Рефетов и миллион Кязымов Карабекиров!

В лагере большинства знали только одну установку: защищать республику.

— Самой недопустимой ошибкой, какую мы могли бы допустить сейчас, — заявил Реджеп, — было бы колебаться и проявлять нерешительность. Никто не знает, куда могло бы это нас привести…

Порядочность и старая дружба ничего не значили.

Но даже сейчас обиженные Кемалем герои не остались

одинокими.

За них вступились шесть самых консервативных газет Стамбула и Торговая и промышленная палата столицы.

Однако такое заступничество и поддержка только усилили подозрения в Анкаре.

Исмет не сказал «предательство», но вопрос депутатам задал:

— Встречали ли вы когда-нибудь инвестора, рискующего своими капиталовложениями в коммерческое предприятие, если бы он не верил в успех?

Сравнение не совсем корректное, но косых взглядов в сторону оппозиции он добавил.

К этому времени противостояние обозначилось четко: с одной стороны — Кемаль, республика и новая Турция, а с другой — реакция, выступающая против республики и секуляризации.

Образовав внутри Народной партии собственную группу, его противники весьма преуспевали в своей ожесточенной критике правительства, благо, что причин для нее у них хватало.

Кемаль не остался в долгу и обвинил ушедших в отставку генералов в том, что из-за собственных амбиций они оставили свои боевые посты в столь тревожные для Турции дни.

Это был так, поскольку обстановка вокруг Мосула снова обострилась и в любой момент могла вспыхнуть война с Британией.

Однако справедливые упреки Кемаля и ответная реакция отставных генералов еще больше накалили обстановку.

В таком положении Кемалю не осталось ничего другого, как обратить пристальный взор на партию, к его великому неудовольствию оказавшуюся на поверку отнюдь не такой уж монолитной, какой ему хотелось видеть ее.

Как того и следовало ожидать, в нее проникло очень много людей, для которых их лояльность президенту служила лишь пропуском во власть.

И теперь, когда борьбу против него возглавили такие испытанные бойцы, как Карабекир и Али Фуад, из-за личины якобы преданных партии и президенту партийцев стало все чаще и чаще проглядывать их истинное лицо.

— На одном из частных заседаний, — вспоминал близкий к Кемалю Якуп Кадри Караосманоглу, — оказалось столько симпатизирующих оппозиции, что Кемаль стал серьезно опасаться, как бы ему не оказаться в меньшинстве.

Недовольному истинным соотношением сил Кемалю не оставалось ничего другого, как только приняться за чистку собственных рядов.

Как и всегда в таких случаях, в ход были пущены кнут и пряник, и в Чанкайя полным ходом шла обработка «заблудших овец».

— В момент, — убеждал он их, — когда представители разных слоев высказывают множество различных мнений и предлагают различные программы действий, разве можно идти вперед к намеченной цели, советуясь то с одним, то с другим, считаясь со всеми оттенками мнений и щадя самолюбие всех и каждого? Разве история знает хотя бы один такой пример?

Однако обработать удалось далеко не всех, и осенью случилось то, что, наверное, и должно было случиться.

На открывшемся 5 ноября 1924 года заседании сторонники Кемаля в жесткой форме обвинили Рауфа и Рефета в нежелании поддерживать республику.

— Мы, — продолжал стоять на своем тот, — боремся не с республикой, а против авторитарного и некомпетентного правительства!

Всего хватало на том заседании: и взаимных упреков, и уничижительной критики, и оскорблений.

Не было главного: вотума недоверия, за который выступапа оппозиция.

8 ноября Национальное собрание подтвердило доверие правительству Исмета 147 голосами из 167.

С подачи Кемаля Народная партия стала называться Народно-республиканской, поскольку было сложно защищать республику, не будучи республиканцами.

На следующий день Аднан, Исмаил Канболат, Рефет, Рауф и семь других депутатов вышли из Народной партии.

Бывшие члены Народной партии отправились в Стамбул, где были встречены многочисленными демонстрантами, приветствующих их решение создать собственную партию.

17 ноября 1924 вышедшая из Народной партии оппозиционная группа вместе с еще 29 депутатами создала свою собственную Прогрессивно-республиканскую партию.

Её учредителями стали Али Фуад, Казым Карабекир, Рауф, Аднан и Рефет.

Программа ПРП утверждала, что либерализация экономики в новых условиях не возродит систему зависимости.

«Покровительственная политика была объявлена не целью, а средством».

Кроме того, предлагалось не «защищать всякую отрасль, не способную к развитию и не поднимать дороговизну жизни в стране, дабы не оказаться в затруднительном положении при

переговорах о торговом договоре» и т. д.

Программа настаивала на необходимости снижения таможенных тарифов и привлечения иностранного капитала.

В связи со всеми этими событиями Кемаль пошел на перемены в руководстве страны.

Карикатурист одной стамбульской газеты изобразил двух детей, играющих в куличики у ног человека, в котором даже при самом большом желании нельзя было не узнать Кемаля.

Карикатура оказалась прозорливой, и один из «ребят» — Исмет ушел в отставку 21 ноября, а другой — Али Фетхи занял пост премьера на следующий день.

Кемаль считал его более подходящей фигурой для противостояния оппозиции, требующей референдума, расширения полномочий законодательной власти и децентрализации администрации.

В известной степени это была уступка оппозиции, посокльку во многом именно из-за Исмета была создана Прогрессивная партия.

Судя по всему, Кемаль уступил оппозиции, надеясь, что «бунтари» оценят его сговорчивость.

Как писал французский подполковник Мужен, «еще 9 ноября президент республики говорил ему, что считает необходимым иметь оппозицию в Национальном собрании, но не хочет оппозиции в рядах партии и будет делать всё, чтобы этого не было».

— Мы, — заявил Кемаль, — провозгласили республику, а чтобы наш режим не оставался простой теорией, нужно, чтобы наши действия гармонировали с нашими идеями. И меня беспокоит то, что часть Народно-республиканской партии с трудом это одобряет…

Последние слова он адресовал Али Фетхи, которому теперь надлежало наводить порядок в стране.

Однако это было проще сказать, чем сделать.

Особенно либерально настроенному премьеру, который умел больше объяснять, нежели требовать.

Тем временем Кемаль продолжал делать хорошую мину при плохой игре.

В своем рассчитанном на широкий резонанс интервью анкарской газете «Национальный суверенитет» он сообщил, что ничего страшного в этом нет, а существование нескольких политических партий является лучшим подтверждением наличия в стране демократии.

— В программе оппозиции, — говорил он, — я не нахожу ничего, что противоречило бы принципам Народно-

республиканской партии, что заслуживало бы серьезной дискуссии…

На что Али Фуад, не скрывая иронии, заметил:

— Прежде чем сравнивать программы двух партий, нужно их иметь!

Программы у партии Кемаля действительно не было.

Но это не помешало ему обвинить лидеров новой партии в полнейшем непонимании экономического момента и тяге к исламу.

Тем не менее, в стране нашлось достаточно людей, сразу же потянувшихся к прогрессивистам.

Но их надеждам не суждено было оправдаться.

Ни сейчас, ни позже.

Если судить по именам, то оппозиция, которую объединяло страстное желание бороться против шедшего к диктатуре Кемаля и его ставленника Исмета, выглядела внушительно.

Более того, бывшие друзья Кемаля испортили ему немало крови, но вся их возня так и осталась возней, поскольку любая оппозиция против Кемаля была обречена.

Напомним, что окружавшая его среда была представлена довольно большим числом грамотных и опытных чиновников гражданской и особенно военной верхушкой, в которой весомо были представлены (как и сам Кемаль) бывшие итгихадисты, пережившие успехи и неудачи партии.

К этому времени самый опасный конкурент Кемаля Энвер расстался с жизнью, участвуя в своей очередной авантюре на поприще пантюркизма-панисламизма, что тоже было воспринято соратниками Кемаля ка кисторический урок.

Кемалистская власть, набирая силу в борьбе с оппозицией, корнями уходившей в младотурецкое прошлое, приобретала черты однопартийного авторитарного режима во главе с президентом Ататюрком.

Эта власть представляла собою интересы двух самых влиятельных элит — военной и гражданской, а высшими руководителями страны — президентом и премьер-министром — были герои войны за Независимость.

В турецком парламенте также было представлено много военных, значительной была прослойка отставных военных в министерствах, госучреждениях и на госпредприятиях.

Перед такой «военизированной» властью во главе с недавним генералом, освободителем страны, в то время даже в условиях внутренней политической нестабильности не возникала нужда в замене её прямым военным режимом.

В этом не было необходимости.

Даже периодически возникавшая легальная оппозиция, представленная соратниками Кемаля по общей борьбе против интервентов, так и не смогла, вплоть до второй половины 1940-х годов, предложить кемалистской авторитарности свою альтернативу — постоянный институт демократической оппозиции, способный противопостоять режиму однопартийной власти.

В те дни кемалисты особенно активно нападали на Рауфа, напоминая, что он подписал Мудросское перемирие.

Досталось от них и Кязыму Карабекиру, который во время выступления перед студентами факультета права Стамбульского университета позволил себе заявить:

— Если нация спасла свое существование, то только благодаря исламу. Если у Турции отнять всё, то у нее останется только мусульманская вера…

Перед Фетхи, которого партийцы упрекали в чрезмерной умеренности, стояла нелегкая задача.

Как того и следовало ожидать, он с ней не справился.

И когда в начале февраля 1925 года во время заседания Национального собрания два депутата, выясняя отношения, затеяли перестрелку, всем стало ясно, что дни Фетхи на посту премьера сочтены.

«Револьвер стал повседневным аксессуаром, — не скрывая своей иронии, отмечали французские политические наблюдатели, — столь же обычным, как феска».

Только один раз Фетхи удалось объединить большинство и оппозицию.

Это случилось, когда Анкара решила выслать нового греческого православного митрополита, бывшего архиепископа Бурсы.

Афины обратились с жалобой в Лигу Наций.

На полученный оттуда запрос Анкара ответила, что это внутреннее дело Турции и никто не должен вмешиваться.

Более того, Турция предупредила, что, если понадобиться, то она готова к войне.

К счастью для всех, этот кризис продлился всего три недели.

В довершение ко всем обрушившимся на Кемаля неприятностям, его отношения с женой продолжали ухудшаться буквально по часам.

Не сделавшая никаких выводов из всего случившегося Латифе снова сорвалась и, чуть ли не силой ворвавшись на один из обедов в Конье, куда они прибыли на годовщину победы под

Иненю, с порога закричала:

— Кемаль, я пришла забрать тебя домой!

Побледневший от гнева президент отослал ее домой, и присутствовавший при этом скандале инспектор Второй армии Фахреттин-паша только недоуменно развел руками.

«Я был весьма удивлен, — напишет он позже в своих воспоминаниях, — что такая воспитанная женщина не понимала того, что ее поведение не могло не раздражать такого человека, каким был Ататюрк!»

Как это было ни печально для Латифе, но это была одна из последних капель, которая рано или поздно должна была переполнить чашу терпения Кемаля, который, как было уже давно замечено, никогда особым терпением не отличался.

И теперь всех, знавших о семейной драме Кемаля, волновал только один вопрос: когда?

Глава V

С созданием новой партии осмелевшие оппозиционные газеты продолжали нагнетать обстановку и очень скоро дошли до открытых оскорблений, сравнивая Народно-республиканскую партию с живущим за счет страны паразитом.

Что дало, в свою очередь, повод Кемалю обозвать Прогрессивно-республиканскую партию «прибежищем и опорой реакционных мятежных элементов».

Подлил масла в огонь и поднятый в меджлисе скандал о коррупции, в которой были замешаны ближайшие сподвижники Кемаля, якобы использовавшие деньги государственного промышленного предприятия на организацию политической борьбы.

На этот раз страсти разгулялись не на шутку, дело дошло до откровенной драки прямо в зале заседаний, и весьма обеспокоенный таким развитием событий Исмет на закрытом заседании партийного руководства предложил ввести в стране военное положение.

— Ну, что ж, — пожал плечами Кемаль, — мне не привыкать к запаху пороха и крови!

Однако большинство лидеров партии не пожелали вводить в стране военную диктатуру.

Говоря откровенно, многие из них, уже хорошо зная, с кем они имеют дело, побаивались не знавшего пощады к врагам Кемаля.

Не получивший поддержки Исмет отправился поправлять подорванное здоровье на Принцевы острова

И отправился он туда весьма своевременно: еще немного, и, измученный напряженной работой и дизентерией, он не выдержал бы этой сумасшедшей гонки.

Сам Кемаль попытался спустить дело на тормозах, и вскоре после отъезда премьера одно из его самых доверенных лиц отправилось на тайную встречу с Карабекиром.

— Тебе, — сказал эмиссар Кемаля, — предлагают распустить партию. И если ты не сделаешь этого, то прольется кровь…

Однако бравый генерал был не из тех, кого можно было напугать подобными угрозами.

— Если правительство хочет покончить с нашей партией, — с нескрываемым презрением ответил он, — пусть само и сделает это!

Не ожидавший иного ответа Кемаль задумался.

Говоря откровенно, ему давно уже осточертело все это

бесконечное пустословие о путях и развитиях, и, вместо того чтобы приступить к реформам, он продолжал топтаться на месте и переливать из пустого в порожнее.

А раз так, значит, ему как можно скорее надо было сломить выступавшую против него силу.

Да и не могло быть по-другому!

Страна была не в состоянии двигаться сразу в нескольких направлениях и должна была идти только туда, куда укажет он.

Положение осложнялось еще и тем, что к этому времени в сельское хозяйство страны находилось в катастрофическом состоянии.

В стране, где четыре пятых населения проживало в сельской местности, культивирована была только десятая часть посевных площадей и использовалось всего около пятисот тракторов.

Турция была вынуждена импортировать зерно.

Земельная реформа была отвергнута конгрессом в Измире, и Кемаль предпочитал не восстанавливать против себя землевладельцев, начиная реформу, экономические достоинства которой на данном этапе развития не были очевидны.

Конечно, делалось многое.

Институционализация деревень, создание министерства сельского хозяйства, реформа аграрного банка, организация сельскохозяйственных выставок, бесплатное распределение зерна и материалов, строительство железных дорог, поскольку ни одной линии к востоку от Анкары не существовало, — все это имело место.

Однако главный бич крестьян — ашар, налог с урожая, не был отменен.

Конгресс в Измире записал его отмену как один из национальных приоритетов.

На этом дело закончилось.

Да и как отменить налог, взимаемый в натуральном виде и превосходящий десятую часть продукции, если он был важнейшим доходом в бюджете республики.

Когда дефицит бюджета, когда национальная оборона поглощают более трети кредитов, а таможенные доходы нейтрализованы в соответствии с договором в Лозанне, нужно было обладать значительным политическим мужеством, чтобы решиться на отмену ашара.

У Кемаля такое мужество было, и 17 февраля 1925 года Национальное собрание проголосовало за замену ашара современным земельным налогом.

Но существует и другая версия этого события.

Согласно ей, ашар был отменен отнюдь не от большой любви

к крестьянам.

Правительство очень опасалось, как бы вслед за курдами не восстало и доведенное до полной нищеты турецкое крестьянство.

Как бы там ни было, отменя ашара не успокоила оппозицию, и парламентские разборки продолжались.

На одной из них после особенно жаркой дискуссии Лысый Али смертельно ранил героя войны за Независимость Халита-пашу.

И хотя следствие доказало, что он стрелял только в целях самообороны, оппозиция еще больше усилила свое давление на правящую партию, обвиняя ее в самых настоящих террористических актах.

Слова Кемаля о «порохе и крови» были претворены в жизнь, и судьба страны снова повисла на дулах винтовок.

И кто знает, чем бы закончились все эти схватки, если бы в феврале 1925 года не вспыхнуло восстание курдов,

продолжавших мечтать о независимом Курдистане.

Что там говорить!

Для Кемаля это восстание оказалось не только отдушиной, но и самым настоящим спасением: благодаря мятежникам, он сумел сделать то, чего вряд ли смог бы безболезненно добиться в мирных условиях.

Глава VI

Курды всегда были головной болью, сначала для султана, а потом для младотурков и Ататюрка.

Жившие в восточной части Турции (Северный Курдистан), западном Иране (Восточный Курдистан), северном Ираке (Южный Курдистан) и северной Сирии, ни никогда не имели своего государства.

И всегда стремились, если и не к нему, то хотя бы к автономии.

Но и ее им никто и не думал даровать.

Ни султан, ни младотурки, ни Кемаль.

Используя курдов в борьбе за Независимость, он обещал им все.

Вожди многих курдских племён выступили на стороне Кемаля, что явилось результатом его успешной пропаганды.

На Восточном фронте на стороне Ататюрка — из 23 тысячной турецкой армии курдские полки составляли 4 тысяч человек.

Курдская конница первой ворвалась в Измир.

Итогом национально-освободительного движения Ататюрка стало сохранение территориальной целостности Анатолийской Турции, что выразилось в статьях Лозанского мирного договора 1923 года.

Когда же курды напомнили ему о данных в своё время обещаниях, он приказал закрыть школы и арестовать патриотов и влиятельных лиц.

Снова начало твориться беззаконие.

Кемаль стремился создать сильное светское государство на базисе национального единства, выдвинув тезис о существовании турецкой нации.

Он рассчитывал добиться политической лояльности от курдов путем расширения местного самоуправления, блокируя любые попытки достичь политической независимости Северного Курдистана.

— Турецкая нация, — говорил он, — есть народ Турции, создавший Турецкую Республику.

В связи с этим национальная борьба курдов воспринималась как сепаратизм, непосредственно угрожающий существованию Турции.

Именно поэтому кемалисты с жестоко подавили несколько выступлений курдов в начале двадцатых годов.

В одной из бесед с советским послом Араловым Кемаль весьма красочно описал значение Курдистана для любой старны.

— Курдский вопрос, — говорил он, — запутанный, трудный. Курдистан богат нефтью, медью, углем, железом и другими ископаемыми. На Курдистан зарятся многие, прежде всего, Англия — наш основной враг. Влияет здесь и стратегия, торговые пути в Персию, на Кавказ, в Месопотамию. Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам — Турции и Персии, и играет на этом. Англия хочет создать Курдское государство под своим владычеством и тем самым командовать нами, Персией и Закавказьем…

И Кемаль даже не сомневался, что и на этот раз курды подняли восстание с подачи англичан.

В конце февраля 1925 года судьба провинции Мосул всё еще не были решена.

— Потеря Мосула, — говорил Кемаль на встрече со стамбульскими журналистами в январе 1923 года в Измире, — лишает нас нефтяных месторождений и позволяет англичанам постоянно угрожать Турции, опираясь на многочисленные курдские племена, живущие в этой провинции. И именно Лондон спровоцировал восстание курдов, чтобы показать Лиге Наций, что курды не хотят турецкого суверенитета и что Анкара не способна обеспечить порядок в этом регионе.

И он был недалеко от истины.

Практически во всех восстаниях курдов после установления республики были замешаны английские спецслужбы.

Восстание началось с инцидента в деревне Пизан на юго-востоке Анатолии в середине февраля 1925 года.

С Кораными и шашками в руках курды продвигались вглубь страны, занимая деревню за деревней.

— Ислам не может существовать без халифата! Давайте восстановим его и уничтожим правительство безбожников, — убеждали они крестьян.

На захваченных территориях они расклеивали большие листы бумаги, на которых огромными буквами было написано:

«Долой Республику! Да здравствует султан-халиф!»

14 февраля 10 000 бойцов Саида заняли Гендж.

Были казнены турецкие руководители, и главой города был назначен вождь племени модан Факи Хасан.

Гендж был объявлен временной столицей Курдистана, светская и духовная власть в районе переходила к Саиду, он стал главнокомандующим, замом — Ф. Хасан.

Повстанцы Генджа предприняли наступление на Диарбекир, где предполагалось провозгласить постоянную столицу независимого государства курдов.

В считанные дни восстание охватило 14 вилайетов, и командующий воинами за веру Саит заявил на весь мир о своем желании восстановить нарушенные анкарскими безбожниками законы ислама.

Формальным лозунгом Саида была защита религии от «неверных» правителей Анкары, но подлинным его смыслом было создание независимого Курдистана.

Стратегической целью шейха Саида являлся захват Диярбакыра и объявление его столицей независимого государства.

Положение было настолько серьезным, что в феврале 1925 года меджелис принял новый законопроект.

Он касался запрета всякого использования религии в политических целях.

Корректировался и закон об измене родине, он так же стал содержать запрет на создание политических организации на религиозной основе.

Положение продолжало осложняться, и Кемаль вызвал Исмета.

Он сам встретил его на вокзале и отвез в Чанкая.

— Восстание принимает серьезный оборот, — сказал он.

Той же ночью Кемаль собрал Совет министров.

Обрисовав обстановку, он предложил высказаться премьеру.

Однако Али Фетхи даже сейчас предложил действовать умеренно.

— У меня, — заявил он, — нет никакого желания пачкать руки в крови без особых на то оснований!

Кемаль поморщился.

Проклятыне либералы!

Республика оказалась в опасности, ее надо защищать всеми доступными средствами, а они…

Исмет презрительно усмехнеулся.

Если верить английскому бизнесмену, беседовавшему с Исметом в середине декабря 1924 года, тот никогда не верил в успех Фетхи как главы правительства.

— Фетхи-бей, — говорил он, — на ложном пути, откуда нет выхода. Вам не придется долго ожидать смены правительства…

Исмет оказался прав, и Кемаль воспользоался случаем, дабы восстановить статус-кво.

К длинному списку виновных в разгоревшемся конфликте правительственная партия добавила Фетхи.

2 марта члены партии во главе с Реджепом выступили с критикой премьер-министра.

Атака продолжалась в течение десяти часов в присутствии Кемаля.

3 марта 1925 года Фетхи ушел в отставку с поста премьера, его заменил Исмет.

На следующий день был принят закон о введении чрезвычайного положения в Восточной Анатолии и восстановлены суды независимости.

Теперь они могли выносить смертные приговоры без санкции междлиса.

Не мудрствуя лукаво, Кемаль предложил принять закон о смертных наказаниях не только в районе восстания, но и на всей территории страны.

Так появился печально знаменитый «Закон об охране порядка», предоставивший правительству исключительные полномочия в борьбе с народными выступлениями и любой оппозиционной деятельностью и разрешавший ему с одобрения только одного президента закрывать любые организации.

В тот же самый день были созданы Суды независимости в Анкаре и Диярбекире, и их председателями были назначены преданные Кемалю Лысый Али и Мазхар Мюфит.

Суды карали за малейшее проявление сочувствие к курдам.

Так, полковник Али-Рухи получил семь лет лишения свободы за высказанные им в кафе симпатии к курдам, журналист Уджузу был приговорён к многолетнему заключению за сочувствие Али-Рухи.

6 марта правительство сделало серьезное предупреждение издаваемому либеральным журналистом Ахметом Эмином «Ватану».

На следующий день Кемаль заявил о врагах нации, «пытавшихся спрятать свои истинные намерения под маской религии и своей активностью по всей стране рассчитывавших ослабить государственную власть».

— Непременным условием благополучия и экономического развития страны, — говорил он, — является спокойствие, безопасность и порядок, и такой порядок будет установлен!

И как утверждали близкие к нему люди, он очень жалел в те дни о том, что так и не настоял на введении в стране военного положения.

Что же касается восстания, поставившее страну на грань гражданской войны, то и здесь Кемаль остался верным себе.

— Мы воспользуемся этим случаем, — заявил он, чтобы предпринять такие меры, какие исключат возможность повторения подобного восстания. Не надо ждать, когда

реакционеры успокоятся, надо действовать и действовать!

Исмет действовал.

Основным курсом нового кабинета министров стало подавление всякой оппозиции в стране и уничтожение восставших курдов.

— Прежде всего, — заявил по этому поводу Исмет-паша, — во внутренней политике мы попытаемся ликвидировать последние события, предохранить страну от интриг, обеспечить общественное спокойствие и укрепить во всех отношениях авторитет государства благодаря тем специальным действенным мерам, которые мы считаем полезными принять…

Он бросил в бой сорок пять тысяч солдат и несколько эскадрилий самолетов.

26 марта турецкие войска начали наступление сразу в трех районах: Диярбакыр, Варто и Элязиз. Девятый корпус турецкой армии занял Варто.

Главное сражение произошло в середине апреля в Генджской котловине.

Шейх Саид бы разбит и окружен, вместе с ним в плен попало еще несколько шейхов.

Это означало окончательный разгром курдского восстания, несмотря на то, что отдельные отряды повстанцев сопротивлялись до мая 1925 года.

Лишь 31 мая Ататюрк объявил о демобилизации войск, посланных для подавления восставших.

Вскоре за разгромом восстания шейха Саида состоялся суд, который 29 июня приговорил шейха и 47 главных участников восстания к смертной казни.

До самой последней минуты Саид сохранял удивительное хладнокровие и прежде, чем подняться на эшафот, с улыбкой сказал председателю трибунала:

— Делайте свое дело, мы с вами рассчитаемся на последнем суде…

Последними словами шейха Саида стали:

— Естественная жизнь приходит к концу. Я нисколько не сожалею, что приношу себя в жертву своему народу. Мы довольствуемся тем, что нашим внукам не будет стыдно за нас перед врагами…

Подавление восстания сопровождалось массовыми убийствами и депортациями мирных жителей.

Осадное положение на курдских территориях продлевалось много лет подряд.

Что можно сказать о поведении Кемаля во всей этой истории

с курдами?

Если называть вещи своими именами, то он обманул их, обещав им все и не дав ничего.

Если, конечно, подобные слова подходят к поведению политика, который борется за целостность своей страны.

И как тут не вспомнить Макиавелли.

«Итак, — писал он, — из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе.

Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков.

Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана.

Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же.

А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется.

Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи нарушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру.

Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером, люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить».

И Ататюрк был и львом, и, когда надо, лисой.

Принципиальный противник политического сепаратизма, он не допускал даже самой мысли о каких-то там национальных автономиях и суверенитетах.

— Государство, — говорил он, — должно определить границы жертвам, которое оно может принести ради достижения своих целей…

Удобная, надо заметить, формулировка.

— Вы можете восставать, — как бы говорил Кемаль, — а определять размер репрессий будем мы…

И как тут не вспомнить Ленина, который в трудное для себя время пошел на союз с левыми эсерами, а потом всех их перестрелял.

Как видно, время честных политиков, о которых говорил Конфуций, еще не пришло.

Если оно вообще придет когда-нибудь.

Особенно если учесть то, что не государство определяло количество этих самых жертв, а масштаб того или иного восстания.

Другое дело, что решить проблему курдов Кемаль так и не сумел.

Как не могут ее решить и сейчас, поскольку интересы слишком многих стран сходятся на желании сорока миллионов курдов иметь свое собственное государство.

И когда смотришь, на то, что происходит вокруг курдского вопроса, невольно задаешься вопросом: а решат его когда-нибудь?

Глава VII

Как того и следовало ожидать, Кемаль выжал из курдского восстания все, что только было можно.

Воспользовавшись критическим положением в некоторых районах страны, он сумел навязать меджлису «решительного» Исмета, которому и надлежало, по словам самого Кемаля, «заканчивать революцию».

Особенно если учесть то, что старания мятежников не пропали даром, их глас был услышан и в по-прежнему враждебно настроенном к Кемалю Стамбуле, и в тайных исламистских организациях, и в редакциях оппозиционных газет, и даже в центральной администрации.

Тем не менее, Кемаль решил воспользоваться восстанием курдов для расправы с оппозицией, всегда означавшей, по образному выражению одного из политиков прошлого, «революцию в этой стране».

Благо, что во главе правительства стоял не знавший сомнений Исмет.

Тем не менее, первыми «клиентами» Трибунала независимости стали не курды.

Первая атака правительства была направлена на прессу.

Очень скоро в ряде городов провинции и в Стамбуле, были запрещены некоторые газеты и арестованы оппозиционно настроенные журналисты.

Многие из них будут затем отпущены или получат легкие наказания после того, как признают свои «ошибки».

Что же касается оппозиционной партии…

Благовидный повод для расправы с ней был найден быстро.

Все дело было в том, что сподвижник шейха Саита майор Касым Джибран, заподозренный в сотрудничестве с турецкими спецслужбами, много и охотно говорил о якобы являвшейся идейным вдохновителем повстанцев Прогрессивно-республиканской партии.

Более того, в руках судей оказалось письмо другого близкого к Саиту полевого командира.

«Я не сомневаюсь, — писал тот, — что партия Карабекира-паши не откажет нам в своей поддержке…»

Конечно, его надежды вовсе не означали участия оппозиционной партии в восстании.

Но это уже мало кого волновало, и анкарский Суд независимости отдал приказ обыскать все принадлежавшие прогрессивистам помещения.

Стоило «Танин» только заикнуться об этих «рейдах», как ее главный редактор был арестован, а из четырнадцати стамбульских газет восемь закрыты.

Всем остальным было настоятельно «рекомендовано» воздержаться от критики и употребления в статьях некоторых слов.

Республиканская прогрессистская партия подверглась ожесточенным нападкам за то, что требовала объяснить причины отставки Фетхи и не смогла «четко сформулировать свою позицию в отношении восстания курдов».

Досталось и Рауфу, осмелившемуся утверждать, что во время восстаия курдов «не было никакой опасности для республики».

Официально оппозиционную партию упрекали в использовании религии во время политических дискуссий и в организации реакционного движения, связанного с бывшим халифом.

3 июня 1925 года правительство приняло постановление о роспуске Прогрессивно-республиканской партии.

В Стамбуле власти устроили самую настоящую охоту за сторонниками распущенной партии, а Рауфа несколько раз вызывали в комиссариат полиции.

Но этого уже было мало, и Кемаль постарался обезопасить себя и с этой стороны, нанеся превентивный удар и по другим потенциальным бунтовщикам.

Он весьма болезненно ударил по левым рабочим организациям Стамбула, хотя даже самый предвзятый судья вряд ли смог бы обвинить их в симпатии к религиозным чувствам курдов.

Семьдесят членов религиозной организации, заподозренной в подготовке восстановления султаната, а также двадцать коммунистах были брошены в тюрьму.

Почти сорок из них были казнены.

В конце концов, были арестованы и создатели оппозиционной партии, однако суд признал их невиновными и освободил.

Оппозиционеров, виновных или невинных, заставили замолчать.

Кемаль снова победил, но и проиграл, поскольку задуманный им демократический эксперимент закончился полным провалом.

Да, он на самом деле желал вести либеральную политику.

Однако восстание курдов выдвинуло на первый план тех, кто был уверен в том, что Турецкой Республике угрожают как внутренние, так и внешние враги.

И то, что происходило в меджелисе, мало напоминало

деловой и конструктивный диалог.

Вместо серьезного анализа, обсуждение любого вопроса превращалось в бесконченые скандалы и нападки депутатов друг на друга.

Не могло не наводить на размышления и то, как встречали лидеров оппозиционной партии в провинции.

И если верить английскому дипломату, то Кемаль после всех этих событий сказал ему:

— Наш народ еще не готов к демократическому и конституционному режиму. Мы, основатели республики, должны его подготовить к этому. В течение десяти-пятнадцати лет мы, и только мы одни должны взвалить на свои плечи государственное управление. После этого турецкому народу будет позволено создавать политические партии, чтобы свободно обсуждать внутренние и внешние вопросы. Но до этого момента турецкий народ должен заниматься сельским хозяйством, торговлей и работой на промышленных предприятиях, а для развлечения было бы неплохо предаваться плотским удовольствиям, а не опасным политическим играм…

Как отмечали многие политические обозреватели, после курдского восстания в кемалистской Турции устанавился мягкий деспотизм.

Что же касается курдов, то проводимую им в их отношении политику курдские националисты назвали «политикой отрицания».

Идеалом Кемаля было единое государство, объединенное турецким языком и литературой.

Именно поэтому в декабре 1926 года министерство культуры официально запретило употребление таких слов, как «курд», «лаз» и «черкес», поскольку они «нарушали единство турецкой нации».

Было запрещено использование курдского языка в общественных местах, ношение национальной одежды.

Книги на курдском языке конфисковывались и сжигались.

Слова «курд» и «Курдистан» были изъяты из учебников, а сами курды объявлены «горными турками», по неизвестной науке причине забывшими свою турецкую идентичность.

В 1934 году будет принят «Закон о переселении» (№ 2510), по которому министр внутренних дел получит право изменять местожительство различных народностей страны в зависимости от того, насколько они «адаптировались к турецкой культуре».

В результате тысячи курдов будут переселены на запад Турции.

Открывая заседание меджлиса в 1936 года, Ататюрк заявит,

что из всех проблем, стоящих перед страной, едва ли не самой важной является курдская проблема и призвал «покончить с ней раз и навсегда».

Как покажет всесильное время, Кемаль не покончил с ней, а только загнал ее внутрь, предоставив разбираться с ней будущим руководителям страны.

Вместе с «курдским словарем» было исключено из обихода и такое слово, как «диктатура», и надо было обладать завидной смелостью, чтобы произнести его.

Да что там турки, корреспонденты иностранных газет и те остерегались употреблять его, зная, что оно не нравилось Гази.

В связи с этим интересны воспоминания западного журналиста Вилли Сперко.

В откровенной беседе с министром иностранных дел Тевфиком Рюштю журналист намекнул на установленный в Турции режим.

— Вы говорите о диктатуре? — спокойно переспросил министр. — Что ж, пусть это будет диктатура, если вам так нравится. Только я хочу заметить, что эта диктатура радостно воспринимается целым народом, который знает Гази как высшего руководителя и доверяет ему. Для всех избирателей Гази является спасителем, изгнавшим интервентов и не желавшим, чтобы анатолийцы умирали за Йемен и Македонию. Президент республики — наш руководитель, и мы всегда испытываем надобность в его советах, поскольку признаем его превосходство и его гений…

После таких откровений журналисту не оставалось ничего другого, как только развести руками…

Разборки с оппозицией продолжались несколько месяцев, по всей стране шла «охота на ведьм» и по улицам многих городов нередко провозили эшафоты с повешенными людьми.

Очень скоро казни жителями Анкары стали восприниматься как нечто само собою разумеющееся.

И не надо обладать большой фантазией, чтобы представить себе то, что происходило с курдами в эти дни.

Впрочем, под эту марку досталось и уцелевшим армянам, и евреям, и греческим колонистам в Малой Азии.

Изгоняя их из страны, Кемаль, по сути дела, только повторял то, чем в свое время занималась «Особая организация» «Единения и прогресса», пытавшегося таким образом освободить для турок нишу в занятых представителями национальных меньшинств финансах и торговле.

Как показали дальнейшие события, несмотря на все эти «достижения», политическое умиротворение в стране в двадцатые годы (да и позже) так и не наступило.

«Несмотря на то, — писал один из политических наблюдателей того времени, — что заставили замолчать политическую оппозицию, подавили печать и запретили организацию, Мустафа Кемаль все ещё не чувствовал себя уверенно».

Призрак ожившей партии «Единение и прогресс» наводил страх, вокруг ещё бродили люди этой партии, помогавшие ему и его движению, хотя Мустафа Кемаль во время освободительной войны и после неё воспрепятствовал им действовать независимо.

Такие тайные организации, как «Тешкилаты Махсуса» и «Каракол» ещё были управляемы и вполне могли заняться прежними делами.

Их члены были еще активны, со своим опытом и профессионализмом они занимали важные посты, даже в окружении Кемаля.

Прекрасно зная методы работы иттихадистских заговорщиков, Кемаль хорошо осознавал потенциальную угрозу для себя

И как мы увидим уже следующим летом, опасался он заговорщиков не зря.

Как и всякий облеченный неограниченной властью человек, Кемаль любил время от времени выступить этаким защитником народа.

И как повествует одна из легенд о нем, однажды он спросил министра внутренних дел, за что был арестован какой-то крестьянин.

— За непочтительное высказывание в ваш адрес! — последовал незамедлительный ответ.

— А почему он ругал меня? — поинтересовался Гази.

— Потому что опалил свои усы, когда курил завернутый в журнальную бумагу табак! — ответил министр.

— А вы сами когда-нибудь курили такие самокрутки? — спросил Кемаль.

— Нет! — недоуменно пожал тот плечами, не понимая, куда клонит президент.

— А вот я курил их во время войны в Триполитании, — усмехнулся Кемаль. — И не крестьянина надо наказывать, а тех, из-за кого у него нет сигарет! Освободите его!

Вернее всего, ничего подобного не было, и это была сказочка про мудрого правителя, снисходившего до нужд простого народа.

Но они были нужны любому вождю, ибо на них и строился его образ радетеля за народ.

И достаточно вспомнить, с каким умилением аплодировали Сталину, обнимавшему ребенка теми самыми руками, которыми он уничтожил миллионы ни в чем не повинных людей.

Прочитав в какой-то французской газете, что Турцией правят один пьяница (сам Кемаль), один слепой (премьер-министр) и триста глухих (депутаты), он брезгливо отбросил газету.

— Этот писака не прав, — усмехнулся он, — Турцией правит только один пьяница…

Но в то же самое время Кемаль диктатором себя не считал.

— Я не диктатор, — говорил он. — Говорят, что я обладаю великой властью… Да, это так…

Это было так, и в отличе от того же Сталина, который с помощью репрессий строил, Кемаль с их помощью убирал тех, кто мешал строить.

Курдское «восстание невежества, фанатизма и враждебности к республиканскому устройству и прогрессу» еще более укрепило уверенность Кемаля в необходимости однопартийного правления и быстрейшего проведения культурной революции.

И задача перед ним стояла сложная.

Всего 4 процента населения Турции было грамотным, в стране не хватало 35 тысяч школ и 70 тысяч учителей.

В то же время в республике продолжало действовать около 20 тысяч медресе, что создавало определенные сложности со светским образованием.

Так пока и не начавшая оживать экономика не сулила подъема благосостояния, и разоренным войнами и продолжавшим пользоваться средневековыми способами производства крестьянам даже при всем желании было не до учебы.

Но Кемаль не был, наверное, самим собой, если бы не пошел на штурм и этой казавшейся неприступной крепости.

И далеко не случайно сам он в то время увлекся авиацией.

— Будущее в небе! — часто говорил он, очень надеясь, что развитие авиации в стране подействует на его набожных подданных.

Сама авиация должна была служить символом устремления в будущее, казавшееся Кемалю таким же безграничным, как небо.

Еще в феврале 1925 года по его инициативе было основано Турецкое общество авиации, и его президентом Кемаль назначил друга детства Фуада Булджу.

Кемаль был увлекающимся человком.

Он любил чтение, музыку, танцы, верховую езду и плавание, питал чрезвычайный интерес к танцам зейбек, борьбе и народным песням Румелии, получал большое удовольствие от игры в нарды и бильярд.

Он был очень привязан к своим питомцам — коню Сакарья и псу по кличке Фокс.

Ататюрк владел французским и немецким языками, собрал богатую библиотеку.

Проблемы родной страны он обсуждал в простой располагающей к беседе обстановке, часто приглашая к себе на ужин учёных, представителей искусства, государственных деятелей.

Он любил природу, часто посещал лесное хозяйство, названное его именем, и лично принимал участие в проводимых там работах.

Впрочем, Кемаль смотрел не только в небо, но и на землю.

Решив показать всей стране, как можно и надо вести хозяйство, он начал работы на возведенной рядом с его виллой ферме.

Там были осушены болота, посажены деревья и построены небольшой домик и подсобные помещения.

Любившему природу Кемалю нравилось превращать пустынную землю в цветущий сад, вид обыкновенной сосны приводил его в самый настоящий восторг, и он подолгу любовался растущими у него на вилле деревьями.

По желанию Кемаля около фермы были вырыты два больших пруда, напоминавшие своими очертаниями Мраморное и Черное моря, а затем построены пивоваренный завод и ресторан.

Кемаль очень любил работать на своей ферме, и особенно ему нравилось пахать на тракторе и обучать этому своих многочисленных гостей.

Таких ферм у него будет несколько, и со временем все они превратятся в прекрасно организованные и дающие большой доход хозяйства, сделавшие Кемаля весьма состоятельным человеком.

В то же время он начал национализацию турецкой экономики, выразившуюся в переводе принадлежащих иностранцам и немусульманам предприятий под контроль государства.

Кемаль вряд ли знал о словах немецкого маршала фон Мольтке, который призывал, прежде всего, строить железные дороги.

Но именно их строительству Кемаль придавал наиважнейшее значение, поскольку от них в значительной степени зависела и

экономика, и оборона страны.

Такие работы шли, и уже в середине апреля 1925 года он с несказанным удовольствием прокатился по первой секции строившейся между Анкарой и Сивасом железной дороги.

А вот дома дела шли все хуже и хуже.

— Тот, кто живет в семье, — говорил на одном из своих выступлений Кемаль, — оказывается перед дилеммой: или повиноваться, или совершенно не считаться с их мнением и советами. На мой взгляд, и то и другое плохо…

Но одно дело говорить, и совсе другое — оказаться, по словам Кемаля, под «бескорыстным и очень откровенным» присмотром своих близких.

Чаще всего, добавили бы мы, навязчивым и не всегда тактичным.

Как и любой человек, живущий в семье, Кемаль был достоин замечаний.

Но в то же время он был восточным мужчиной и президентом, с которым необходимо было держать дистанцию даже жене.

Особенно в присутствии его подчиненных и друзей.

Однако Латифе так и не поняла такой простой вещи, что Кемаль не желал считаться с чьим мнением, ни, тем более, повиноваться.

Ни далеким, ни близким.

А поэтому и рвала ту самую дистанцию, которая должна была отделять ее от восточного мужчины и президента.

Ей все больше не нравились долгие застолья мужа с друзьями.

Ей вообще многое не нравилось, но она все еще надеялась на то, что Кемаль претворит в жизнь хотя бы один из своих лозунгов и сделает ее депутатом.

Положение «выставочной» жены на публике и бессловесного существа дома не устраивало Латифе, и она постоянно жаловалась на то, что не закончила университет.

Кемаль не выдержал ее стенаний и предложил ей закончить его.

Терпеть капризы жены становилось все трудней.

В своей безо всякого преувеличения безумной ревности она дошла уже до того, что стала подсматривать в замочную скважину за любившим читать по ночам у себя в кабинете мужем и ревновать его к лежавшей у его ног собаке.

Посещение виллы президента его друзьями превратилось для них самих и их жен в самое настоящее испытание, поскольку

неистовавшая в своей социальной неудовлетворенности Латифе постоянно затевала с ними ссоры по самым незначительным поводам.

Так продолжалось каждый день, и в какой-то степени понять Латифе было можно.

Как и всякая не имевшая детей женщина, она очень боялась, что рано или поздно Кемаль оставит ее.

Но смертельно уставшему от жены Кемалю было уже не до причин.

После очередного скандала он переехал на свою старую квартиру и в оставленном Латифе послании просил ее уехать к родителям.

Конечно, он мог бы стукнуть кулаком по столу и отослать жену, не прячась от нее, но он настолько устал от скандалов, что даже у него, прошедшего Дарданеллы, Кавказ и Сакарью, не было сил вынести хотя бы еще одну ссору.

Латифе и на этот раз попыталась разжалобить Кемаля, но тот не ответил на все ее письма, и, убитой горем, ей пришлось подчиниться.

Развод становился неизбежным, несмотря на все попытки Исмета примирить их.

Образцовый семьянин, Исмет всегда сожалел о бурном образе жизни и невоздержанности Кемаля.

Какое-то время он даже надеялся на то, что Латифе сможет изменить Кемаля и, как он выражался, «уравновесить» его.

Но Исмет заблуждался.

Латифе не только ничего не смогла, но и стала, по словам самого Кемаля, «главной ошибкой его жизни».

Что бы поставить последнюю точку в отношениях с женой, Кемаль 5 августа 1925 года пригласил в Чанкая двух подруг Латифе.

— Я, — сказал он, — задумал грандиозные реформы для моей страны, но сейчас я ничего не могу делать. У меня такое состояние, словно винт сверлит мой мозг. Сегодня я развожусь с Латифе, и я не увижу ее больше…

И он ее больше не увидел.

Убитая горем Латифе отправилась в путешествие по Европе.

Она жила сначала в Татрах, а затем на юге Франции. Вернувшись в Турцию, она попыталась через Салиха наладить отношения с мужем, но Кемаль и слышать не хотел ни о каком примирении.

Латифе поселилась в Стамбуле в доме своих родственников, по-прежнему продолжавших пользоваться благосклонностью Кемаля.

Замуж она больше не вышла и умерла в 1975 году, не оставив после себя никаких воспоминаний о своей жизни с президентом.

Незадолго до смерти она кому-то из близких рассказала о данном ей обещании мужу.

— Латиф, — сказал ей при последнем свидании Кемаль, — дай мне слово солдата, что ни с одним газетчиком ты не станешь говорить о нашей совместной жизни…

Это «слово солдата» она ему дала.

И надо отдать ей должное: даже после смерти Ататюрка она осталась верна его памяти и не допускала никаких сплетен о нем, хотя уж кому-кому, а ей было что рассказать.

Хотя, с другой стороны, очень жаль, что она это самое слово сдержала.

И дело здесь не в сплетнях.

Ататюрк принадлежал Истории, и, хорошо зная, каким он политиком и полководцем, было бы очень интересно узнать, каким он был в быту.

11 августа 1925 года Кемаль официально сообщил в письме правительству о своем разводе.

Переживал ли Кемаль разрыв с женой?

По всей видимости, да, и, как рассказывали люди из его охраны, несколько ночей подряд после ухода Латифе из его кабинета раздавалась записанная на пластинке песня «Я стал обезумевшим соловьем».

Того же, что творилось в его душе, не узнает уже никто.

Кемаль был не из тех, кто плачется в жилетку.

Да и не до переживаний ему было в те дни.

Курдское восстание еще более утвердило его в мысли как можно быстрее приступать к реформам.

Полученный им во время войн политический капитал таял, и ему было необходимо постоянно пополнять его.

Понимал ли он сам всю сложность стоявшей перед ним задачи по выводу отсталой страны из средневековья в современный мир?

Да, конечно, понимал!

Потому и сказал Исмету:

— Если это не может быть сделано никогда, надо делать это сейчас!

Да, именно сейчас, пока он еще имел в своем распоряжении такие действенные методы, как «Закон об охране порядка» и Суды независимости.

Жестоко?

Наверное!

Но что ему оставалось делать?

Сидеть и ждать у моря погоды?

Он уже довольно ждал ее в своей жизни и, поймав, наконец, попутный ветер, не собирался свертывать парус в самый решительный момент.

Начинать он решил с фески.

— Нужно, — заявил он, — выбросить феску, освободить женщину из клетки и дать ей свободу…

Феска пришла в Османскую империю из стран северной Африки, но как такорвая порявилась в Византии.

Название феска или фес происходит от города Феса в Марокко, где изготовлялись эти головные уборы.

С 1826 года феска была введена вместо тюрбана как форменный головной убор для османских чиновников и солдат.

Мода на европейскую одежду, начавшая распространяться в правление Махмуда II (1808–1839), не затронула феску, поскольку та идеально соответствовала ритуалу мусульманских молитвенных поклонов, в отличие от шляп с полями.

Более того, в Европе она стала символом османов.

Поэтому и вызывала такое раздражение у Кемаля.

Мы уже рассказывали о том, как по дороге во Францию Кемаль высмеивал своих товарищей за то, что они продолжали щеголять в фексках.

А вот что рассказывал французский посол Шамбрен о торжественном обеде по случаю годовщины образования республики.

На приеме присутствовали правительство и дипломатический корпус, около двухсот гостей.

«Среди приглашеных, вспоминал посол об этом вечере, — был и министр из Египта, феска которого сверкает словно фанфара.

Время от времени Президент бросает на него насмешливый взгляд.

К несчастью, министр ничего не замечает.

Неожиданно гази выходит из-за стола, проходит мимо египтянина и осторожно, словно кот, шепчет ему что-то, поглаживая по плечу.

Мне показалось, что он обнимает министра, как вдруг феска незаметно переместилась на серебряный поднос, с которым стал быстро удаляться слуга большими бесшумными шагами.

Мы все провожали взглядом это своеобразное блюдо!»

Конечно, египтянин обиделся, и министрам Кемаля с большим трудом удалось избежать большого скандала.

Кемаль и на этот раз решил прибегнуть к испытанному методу и в августе 1925 года отправился в поездку по регионам на северо-западе от Анкары.

Это былит самые осталые районы, и именно там Кемаль решил начать культурную революцию.

Да и кто, кроме него, мог бы выступить с таким оскорбительным для мусульман предложением, как ношение шляпы.

Ведь именно шляпа в мусульманской Турции считалась первым признаком «гяура».

Но Кемаль не был бы Кемалем, если бы отступал перед сложностями.

— Нужно было отменить феску, — говорил он, — которая сидела на наших головах как знак невежества, фанатизма, ненависти к прогрессу и цивилизации, и на ее место ввести в качестве головного убора обычную для всего цивилизованного мира шляпу и этим также показать, что между турецкой нацией и великой семьей цивилизованных народов нет различия. И мы это сделали…

В эту поездку Кемаль взял с собой Нури, единственного человека, который называл его по имени.

Их связывала братская дружба.

Нури был первым представителем националистов в Берлине и членом Национального собрания.

Видя неустроенность Кемаля в личной жизни, Нури вместе с женой окружил его заботой и добротой.

Видимо, именно Кемаль начал понимать, что существует и другая жизнь, без потрясений и семейных неурядиц.

— Было забавно видеть, как они подшучивали друг над другом, — вспоминала через полвека вдова Якуба Кадри Караосманоглу, — словно два брата!

Первым городом, в котором остановился Кемаль, был Кастамону, небольшое пыльное и насквозь прокаленное солнцем местечко в 140 милях от Анкары.

Как и повсюду, его встретили огромные толпы людей, восторженно приветствовавших своего героя.

Но стоило ему только выйти из машины, как людское море мгновенно затихло и люди в недоумении взирали на представившееся им зрелище.

И отнюдь не из-за того, что впервые в своей жизни видели живого бога.

Просто этот самый бог предстал перед ними в той самой шляпе, за ношение которой смельчака могли закидать камнями.

Продолжая изумлять собравшихся, Кемаль… снял шляпу.

По огромной толпе пронесся вздох, словно ее больно хлестнули кнутом.

Впрочем, ее и на самом деле хлестнули, поскольку появление на улице простоволосого мужчины считалось не менее страшным преступлением, нежели ношение шляпы.

Поначалу разговора не получалось.

Недоумевающие и обиженные люди слушали своего вождя с показным вниманием.

Кемалю пришлось пустить в ход все свое красноречие, не раз выручавшее его в подобных ситуациях.

Чтобы произвести еще более сильное впечатление, он заговорил о том экономическом вреде, который наносит их стране ношение фески.

И был трижды прав, поскольку феска и по сей день оставалась покупаемым на валюту импортным товаром, в то время как шляпы и костюмы могли быть пошиты в стране.

Пусть и с трудом, он растопил лед отчуждения и заговорил о социальном значении столь почитаемой в стране фески.

— Пока мы носим подобные головные уборы, — заявил он, — мы уходим в сторону от цивилизованного мира, вместо того чтобы быть его частью. Цивилизованная международная одежда достойна и подходящая для нашей турецкой нации, и мы все будем носить ее. Ботинки или башмаки, брюки, рубашки и галстуки, пиджаки. Конечно, все завершается тем, что мы носим на голове. Этот головной убор называется «шляпа». Тех, кто считает, что это не так, того я в свою очередь считаю консерватором и обскурантом! Изменения необходимы, и, если понадобится, мы пожертвуем свои жизни ради этого…

А затем случилось нечто удивительное.

Многие из слушавших Кемаля мгновенно «прозрели» и выразили ему самую горячую поддержку.

Вечером дело дошло до того, что особо рьяные борцы со стариной устроили вокруг дома, где остановился президент, шествие с горящими факелами и демонстративно бросали фески на землю.

Впрочем, для посвященых в этом не было ничего странного.

Кемаль был слишком искушен в политике, чтобы не устраивать таких сцен, о которых потом во весь голос трубила его печать.

В Инеболу он пошел еще дальше и на собрании местного «Турецкого очага», как назывались образовывавшиеся по всей стране национальные общества, затронул еще более деликатную

тему о женской одежде.

— Человечество, — начал он свое выступление, — состоит из двух полов — мужчин и женщин. В деревнях и городах я вижу, что лица женщин, наших товарищей, полностью прикрыты. Я уверен, что особенно в жаркое время года эта практика доставляет им мучение. Друзья мои, все это результат нашего эгоизма. Будем честны и внимательны. Наши женщины чувствуют и мыслят, как и мы. Пусть они покажут свои лица миру и сами внимательно смотрят на мир. Нечего бояться. Чадра причиняет женщине большие страдания во время жары. Не будем же забывать, что у женщин есть такие же моральные понятия, как и у нас. Обычай закрывать лицо женщинам делает нашу нацию посмешищем. Наша религия никогда не требовала, чтобы женщины стояли ниже, чем мужчины. Бог повелел мужчине и женщине открывать мир знаний и науки…

От одежды Кемаль ненавязчиво перешел к положению женщины.

— Можем ли мы надеяться на совершенствование человечества, развивая только одну его часть, и игнорируя другую? Если отныне наши женщины не станут принимать активного участия в жизни общества, если мы не изменим радикально наши обычаи, мы никогда не добьемся подлинного развития. Мы останемся навсегда позади, неспособные общаться на равных с цивилизацией Запада. Домашние обязанности женщины — это ее самые маленькие и незначительные обязанности. Величайший долг женщины — материнство. Значение его станет особенно ясным, если учесть, что воспитание каждого человека начинается в объятиях матери…

На обратном пути в Анкару он остановился в Кастамону и обрушился на мусульманские братства.

— Перед лицом знаний, науки и всего того, что несет с собой цивилизация, — говорил он, — я не могу мириться с существованием шейхов. Наша республика не может быть страной шейхов и дервишей. Самый лучший порядок — это порядок цивилизации! Для того, чтобы быть человеком, достаточно выполнять требования цивилизации, и слушающие меня главы дервишских монастырей должны признать мою правоту и сами закрыть свои ордена!

Кемаль знал, какую роль играли беспрекословно подчинявшиеся своему «святителю», как назывался стоявший во главе ордена шейх, все эти танцующие, поющие и юлящие.

Пользовавшиеся крайней отсталостью неграмотного населения восточных провинций, они имели огромное влияние на

верующих, и их распоряжения исполнялись куда быстрее и охотнее указаний властей.

Трудности заключались еще и в том, что святость текке, как назывались их монастыри, делала их неприкосновенными, поскольку все они являлись частной собственностью того или иного шейха.

Именно текке чаще всего служили базой многих восстаний и заговоров.

Дабы избежать неприятностей в будущем, Кемаль был намерен упразднить их.

Коснулся он и мусульманских святых.

— Это самая настоящая дикость, — сказал он, — прибегать к помощи мертвых…

Конечно, не все понимали то, о чем говорил президент, но спорить с ним не посмел никто.

Слишком уж темны были слушавшие его люди, чтобы возражать ему, да и не приучены они были спорить с султанами.

И что бы там ни говорил сам Кемаль, для всех этих нищих и темных крестьян он оставался точно таким же султаном, каким были для них предыдущие властители Турции.

Если, конечно, не хуже.

Ведь ни для кого не было секретом то, что установленный Кемалем режим оказался на поверку куда более жестким.

И сам Кемаль, сам того не сознавая, подтвердил это.

— Я человек, — говорил он на одной из встреч с народом, — не способный носить в сердце ненужные тайны. Ибо я человек из народа. Я должен всегда высказывать перед лицом народа свои мысли. Если я ошибусь, народ поправит меня. Однако до сих пор мне не приходилось в таких откровенных беседах встречать возражения со стороны народа…

Почему?

Потому, что боялись…

Да и что можно было сказать президенту, который во время своих поездок утверждал:

— Повсюду в нашей стране царит полный порядок и спокойствие, так же, как и абсолютное согласие среди отдельных групп населения!

Попробуй, возрази…

Но в то же самое время брошенные Кемалем зерна давали ростки.

Пусть пока еще и не очень большие, но давали.

Пусть и постепенно, но турецкий народ начинал обретать былую гордость за свою нацию.

«Каждый крестьянин Анатолии, — отмечал английский

дипломат, — знает, что Мустафа Кемаль сбросил греков в море, а каждый горожанин — что Исмет подписал с союзниками договор, положивший конец иностранным привилегиям»,

Что бы там не говорили оппозиционеры, но создание республики и отмена халифата начали менять умонастроения людей.

Более того, люди начинали не только видеть свою отсталость по сравнению с цивилизованным миром, но и пытались преодолеть ее.

И в первую очередь это касалось одежды. а в повседневной жизни, в частности, изменить свой наряд.

Появление Кемаля без фески, со шляпой в руке перед толпами восторженно встречающих его людей привело к исчезновению фесок.

Будучи в одной из воинских частей, Кемаль, направляясь в казарму, Кемаль облачился в маршальский мундир, украсив его единственной наградой — медалью за Независимость.

В казарме его внимание привлекает плакат: «Один турок стоит десятка врагов».

— Вы тоже так считаете? — спросил Кемаль дежурного офицера.

— Да, мой паша! — вытянулся тот.

— Вы ошибаетесь! — к великому удивлению присутствующих при этой сцене вдруг сказал Кемаль и после неболшьшой паузы добавил: — Один турок стоит всего мира!

Когда закончились вызванные этим заявлением президента овации, Кемаль сказал:

— И этот турок обязан быть цивилизованным…

В очередной раз заручившись «поддержкой нации», Кемаль вернулся в Анкару.

Вскоре правительство закрыло дервишские обители и усыпальницы и запретило ношение фески и других средневековых головных уборов и одежды.

Другой указ обязывал население носить европейские головные уборы и одежду.

Еще через месяц новым постановлением всем чиновникам было предписано появляться на торжественных церемониях в котелках и фраках.

— Наша нация, — заявил на открытии новой парламентской сессии Кемаль, — твердо решила принять ту самую жизнь, которую современная цивилизация гарантирует всем нациям!

Некоторые стамбульские газеты продолжали издеваться над спадавшими на каждом шагу у непривычных к ним турок

шляпами, и Кемаль весьма настоятельно «посоветовал» прессе с пониманием относиться ко всему происходящему в стране.

В конце ноября правительственный указ о новых головных уборах вышел в виде закона.

«Шляпа, — говорилось в нем, — является всеобщим головным убором турок, и правительство запрещает относиться к ней иначе».

Когда Нуреттин-паша попытался было доказать, что принятый закон нарушает конституцию, депутаты обрушили на него целый шквал негодования, объявив его противником воли нации.

После чего депутат от Муша весьма прозрачно предупредил всех недовольных.

— Революция, — сказал он, — представляет собою мощный поток, который сметает все встающее у нее на пути…

Тем не менее, провинциальные священники осмелились выступить против этого «мощного потока».

Правительство отреагировало мгновенно, и туда, где было произнесено хотя бы одно слово протеста, сразу спешили Суды независимости.

Так, некий Атиф Ходжа был повешен только за то, что осмелился выступить против подражания французам.

Но слишком немногие горели желанием встретиться с глазу на глаз с Лысым Али, и новые традиции постепенно входили в привычку в становившемся все более послушным турецком обществе.

Тем не менее, «шляпных» инцендентов хватало.

— Не будем питать иллюзий, товарищи, — говорил весной 1926 года доктор Энвер на годичном конгрессе Турецкого центра, — совершенная нами революция еще не понята по-настоящему народом. Увы! Народ пребывает в неведении. Ускоренный темп реформ, происходящих одна задругой, приводит его в замешательство, народ в растерянности и опрометчиво кидается в ряды реакционных движений. Ему приказывают носить шляпу? Он соглашается и надевает шляпу. И вы воображаете, что он делает это от чистого сердца? Нет, товарищи! На самом деле народ в настоящий момент против того, чтобы носить шляпу…

Доктор Энвер знал, что говорил.

В Сивасе, Кайсери, Эрзуруме, Ризе, Мараше, Гиресуне, Самсуне и многих других анатолийских городах ношение шляп вызвало бурю протеста.

— Мы не хотим, чтобы наши государственные служащие были похожи на гяуров! — кричали манифестанты, часто

возглавляемые религиозными деятелями, мэрами городов и бывшими депутатами.

В этой части страны, на севере и востоке Анатолии, всё население за исключением армии и среды, близкой к правительству, отвергало шляпы и все другие идеи модернизации, пропагандируемые Кемалем.

Одновременные выступления в разных городах навели Исмета на мысль, что это движение организовано извне.

А раз так…

Виселицы были установлены рядом с французсмким посольством, и всем входящим в него приходилсь нагибать головы, чтобы не удариться головой о ноги повешенных.

В провинции аресты и смертные приговоры умножались, а город Ризе был обстрелян крейсером.

Впрочем, иначе и быть не могло, поскольку революционные реформы ломали все нравственные и социальные ориентиры, а шедшие им на смену новые ценности не могли быть усвоены сразу.

Да и не выдцумавл Кемаль ничего нового.

Еще пятьсот лет назад Макиавелли писал, что «государю легче утвердить в стране свою власть, так как мятеж дает ему повод с меньшей оглядкой карать виновных, уличать подозреваемых, принимать защитные меры в наиболее уязвимых местах».

Вот он и принимал эти замые «защитные меры».

Начиная с отмены султаната, народ, который по меткому выражению французского журналиста Жентизона, был «вывернут Кемалем наизнанку», переживал потрясения.

Понятно, что Кемаль боролся за внедрение западной культуры не только репрессиями.

Большое значение он придавал и повседневной работе турецких центров.

Первый такой центр был создан еще в 1912 году по инициативе Мехмета Эмина, Зии Гёкалпа, Халиде Эдип и Хамдуллы Суфи с целью развития национальной культуры.

И вот теперь они оказались на передовой кемалистской революции.

Кемаль объявил турецкие центры общественным объединением, Латифе была их почетным президентом, а гражданские и военные администрации получили приказ всячески помогать и содействовать им.

Задачами турецких центров были выступление против консерватизма Востока, пропаганда западной цивилизации среди

населения, организация конференций и выставок, сохранение народных традиций, забота о гигиене и здоровье крестьян, защита национализма.

И если верить французскому послу Сарро, турецкие центры стали «одним из лучших помощников республики националистов».

А верить ему было можно.

После курдского восстания 1925 года турецкие центры на самом деле оказались более эффективны в пропаганде идей кемалистов в Восточной Анатолии, чем все усилия в этом направлении республиканской партии.

Глава VIII

В конце декабря 1925 года Кемаль еще больше сблизил республику с цивилизованным миром, введя в стране европейское летоисчисление, и теперь Турция считала свои дни от Рождества Христова.

В феврале следующего года меджлис принял новый гражданский кодекс, даровавший женщинам равные права, и теперь акт бракосочетания и развода регистрировался государством.

И хотя мужчины все еще продолжали пользоваться куда большими правами, новый кодекс сыграл свою роль в эмансипации женщин в стране.

Они стали работать в области законодательства, в здравоохранении, образовании и социальной сфере.

Кемаль шел дальше, и 1 марта 1926 года депутаты приняли Уголовный кодекс.

Меджлис упразднил шариатские суды, ввел светское судопроизводство.

Отныне полигамия была запрещена, законным считался только брак, зарегистрированный представителем государства.

Развод должен быть представлен на решение суда мужем или женой.

Запрещалась любая пропаганда против принципов светского государства и коммунистическую деятельность в стране.

Конечно, Кемаля можно упрекнуть в том, как проводились реформы, но нельзя не признать и того, что он смело шел вперед.

— Следует презирать тот образ мышления, — говорил он, — который выработался благодаря политике оттоманского режима. Хотите того или нет, но мы должны двигаться к прогрессу, что неизбежно…

И это «хотите или нет», говорило о многом.

Почему следовало презирать османский образ мышления, прекрасно объяснил Исмет.

— Османские порядки, — говорил он на одном из выступлений, — были замкнуты в круге, ограждены непроницаемыми стенами. Османские реформисты работали и прилагали все усилия в этом замкнутом круге. Все попытки реформ, даже тех, что увенчались усом, не выходили за пределы этих стен…

Все правильно.

Оказавшись в имперской ловушке, склонные скорее реформировать государство, чем общество, и неспособные найти

равновесие между новым временем и религией предшественники Кемаля были обречены.

Кемаль разбил окружавшие их стены, объединив турок только единственной связью — их национальностью.

Твердо опираясь на национализм, Кемаль смело повел свой народ по неизведанному пути.

А вот сам он…

Сложно сказать, насколько была ему на самом деле дорога Латифе, но после развода с ней Кемаль стал еще больше увлекаться алкоголем и случайными связями.

Благо, что желавших войти в отношения с самим президентом женщин хватало.

Но все это было не то, и заполнить образовавшуюся в его душе пустоту его случайные подруги не могли.

Сказывалось и отсутствие детей, при которых у Кемаля всегда теплели глаза.

И его самые преданные друзья мечтали о том дне, когда Кемаль устроит свою личную жизнь…

И он устроил ее.

Осенью, во время своего пребывания в Измире, Кемаль был очарован внешностью и прекрасными манерами восемнадцатилетней преподавательницы по имени Афет.

Выбор был сделан, и, представляя девушку инспектору Второй армии Фахреттину, Кемаль сказал:

— Ее семья связана с моей родственными связями, и я очень счастлив встретить ее здесь! Ее мать умерла, а отец женился на другой. Она работает учителем и очень хочет учиться дальше, но на это не хватает средств. Она согласилась стать моей дочерью и поедет вместе со мною в Анкару, я дам ей образование и заставлю выучить несколько европейских языков. Она будет настоящей леди…

Понять его радость можно.

Ни жена, ни любовницы не дали ему детей, и, конечно, очень любивший их Кемаль чувствовал себя обделенным.

Так, к всеобщей радости, Кемаль устроил свою личную жизнь, и в одной из частных бесед Фахреттин-паша заметил:

— Мы все были очень довольны тем, что наконец-то постоянно находившийся на грани нервного срыва Ататюрк обрел себе подругу, способную развеять его тоску. И нация многим была обязана этой женщине, вернувшей Ататюрку спокойствие…

Афет на самом деле удалось то, чего еще не удавалось никому: пусть и исподволь, но все же управлять Кемалем.

Как и Фикрие, она всегда оказывалась там, где он хотел ее

видеть, и никогда не появлялась там, где он не нуждался в ней.

Конечно, время от времени доставалось и ей, и сам Кемаль как-то откровенно заметил:

— Афет очень любит меня, но иногда я заставляю ее грустить…

Но как бы там ни было, она устраивала Кемаля, «дотянувшего» с ней до 1937 года, в котором она уехала учиться в Женеву.

После смерти Ататюрка она получила место профессора истории в Анкарском университете и представила Кемаля в своих воспоминаниях таким, каким он хотел видеть себя.

Но одной Афет Кемалю показалось мало, и он удочерил еще шесть девушек, его «настоящих жемчужин», как он сам называл их: Сабиху, Фикрие, Зехру, Небиле, Рюкийе и Юлькю.

Помимо Афет, Кемаль удочерил еще семь девочек.

Сложно сказать, насколько это правда, но Кемаль якобы признавался одному из близких друзей, Джеваду Аббасу, что не хотел бы иметь сына, так как боится, что тот «может оказаться дегенератом».

Однако, согласно некоторым источникам, был у него и приемный сын Мустафа.

В случае с дочерьми Кемаль, который страстно желал создать образцовых представителей новой Турции, остался верным себе.

Если в жене он хотел видеть ту женщину, которй должна была стать любая турчанка, то в дочерях он видел будущее своей любимой Турции.

Девочки получили лучшее образование, какое тогда было возможно, в школе, открытой в Чанкая, затем в христианских учебных заведениях Стамбула и даже за границей.

Но даже здесь Кемаль остался верным себе и смотрел на удочерение им девочек как на социальный акт, поскольку после десяти лет войны в стране проживали ь тысячи сирот.

Во время войны за независимость Кязым Карабекир собрал около двух тысяч сирот в Восточной Анатолии.

Как отмечала Халиде Эдип, Карабекир был известен как «друг детей», а сироты прозвали его «папа-паша».

Тогда как Карабекир заботился о том, чтобы дети были обеспечены питанием, обучались музыке и столярному делу, Кемаль превращал сирот в символ.

Он подавал пример другим, поскольку считал, что воспитание детей начинается в семье.

— При виде сироты, — признавался он, — я испытываю глубокое сострадание и начинаю плакать. А ведь я плачу исключительно редко…

И такое признание человека, который прошел ад войны, дорого столио.

Несколько приемных дочерей Кемаля оказались достойны своего отца.

Афет Инан стала его советником, известным историком, активным проводником культурной революции, которую осуществлял Кемаль в тридцатые годы.

Сабиха Гекчен стала первой женщиной — военным летчиком в стране.

Появилась в доме Кемаля и некая мадам Бауер — бонна из Швейцарии, «смазливая и накрашенная женщина в черном платье с декольте».

Как утверждали злые языки, эта «смазливая женщина» не только танцевала с Кемалем, но и делила с ним ложе.

Что было естественно.

Кемаль обладал могучим либидо, и его взгляд мгновенно загорался при виде стройной женской фигуры и красивого лица.

Иногда он забывался и очень смущал своим поведением присутствующих.

И примером тому служила крайне неприятная сцена в ресторане «Фреско», где отмечалась третья годовщина провозглашения республики.

После обильных возлияний с молодыми офицерами Кемаль пригласил на танец дочь французского посла, красивую стройную девушку с выразительными черными глазами и высокой грудью.

Близость молодой и красивой девушки подействовала на него возбуждающе, и он принялся раз за разом целовать ее.

Присутствующие почувствовали себя весьма неуютно, и, воспользовавшись первым же удобным случаем, посол поспешил покинуть вечер вместе с испуганной поведением президента дочерью.

Весьма недовольный ее бегством Кемаль отправился вместе с Фахреттином на виллу и продолжил застолье не до утра.

— Это было в первый раз, — вспоминал потом тот, — когда я видел Ататюрка в нехорошем виде, в чем, на мой взгляд, были виноваты выпивавшие с ним офицеры!

Конечно, французский посол был возмущен, и Исмет был вынужден объясняться с ним.

В поведении президента, заявил он, не было и не могло быть ничего предосудительного, и, целуя девушку, он просто выразил свое восхищение ее молодостью и красотой.

И французу не оставалось ничего другого, как сделать вид, что он верит в эти наивные объяснения.

Кому-кому, а ему были хорошо известны имевшие под собою

весьма веские основания слухи о том, что ни одна попавшая в поле зрения президента и понравившаяся ему женщина не могла чувствовать себя в безопасности.

Не остался он в неведении и относительно того, что многие соискатели высоких и доходных мест специально подставляли ему своих жен.

И в то же самое время, срывая плоды в чужих садах, Кемаль ревниво следил за своими дочерьми.

Как поговаривали, он даже приставил к ним своеобразного евнуха из своей охраны.

Что ж, все правильно, цивилизация цивилизацией, а традиции традициями…

После разгрома оппозиционной партии открытого давления на Кемаля уже не было, хотя его бывшие соратники по-прежнему выступали против авторитарного правительства и требовали сохранения демократических норм.

Но вкусившему абсолютной власти Кемалю все эти детские разговоры были уже не интересны, и он не собирался выпускать бразды правления из своих рук.

Благо, что верный Исмет был полностью согласен с ним.

— Правительство, — говорил он, — есть не что иное, как высшее командование на войне, и все возражения должны вноситься до того, как принят план генерального сражения. После этого следует только подчиняться принятым решениям, но никак не обсуждать и уж тем более сопротивляться им! Что же касается политической борьбы, то, конечно, она допустима, но только в тех странах, которые в достаточной степени цивилизованны и политически зрелы. Турция пока к ним не относится, следовательно…

Делайте соответствующие выводы…

День 13 марта 1926 года было отмечен появлением в турецкой прессе огромного количества хвалебных статей, посвященных Кемалю.

Юнус Нади посвятил ему целое исследование, где сравнивал гази с «великой горой, с солнцем», с «призмой с тысячей граней, каждая из которых представляет целый мир».

В тот же день «Вакыт» начало публиковать серию статей под названием «Как мы узнали гази-пашу?».

Газета «Миллиет», основанная депутатом Махмудом Эсатом, начала публикацию «Воспоминаний» Кемаля, которые он продиктовал журналисту Фалиху Рыфкы в присутствии свидетелей.

В посвященных Первой мировой войне рассказах он

беспощадно критиковал Энвера и Германию, забыл о самом существовании бывшего лидера юнионистов Джемаля и выставлял себя в самом наилучшем свете.

«Кемаль, — заметил по этому поводу французский тюрколог Жан Дени, — всегда был прав, а Турция избежала бы многих несчастий, если бы с 1908 года прислушивались к мнению Кемаля».

12 апреля газета прекратила публикацию, предупредив читателей о том, что вскоре будут напечатаны еще три части «Воспоминаний».

Как это ни странно, но напечатаны они будут только в 1944 года.

Да, хвалебных статей в адерс Кемаля хватало, и, тем не менее, западная пресса задавалась одним и тем же вопросом: а действительно ли население с энтузиазмом поддерживает реформы Кемаля.

Сомнения в этом были.

А вот в том, что новая Турция целиком и полностью в руках Мустафы Кемаля, не сомневался никто.

Как не было сомнгений и в том, что только он был способен поддержать революцию и провести народ через все трудности.

А затем следовал неизбежный вопрос о том, а что станет с Турицей, если бы с Кемалем что-нибудь случилось?

20 мая 1926 года Кемаль прибыл в Бурсу после короткой поездки по югу страны.

Он провел там три недели.

Судя по отсутствияю громких рейчей и сенсационных заявлений, Кемаль просто отдыхал.

Он посетил мавзолей, выставку швейных изделий, часто и много гулял по городу, ходил в тетары.

Если судить по его размеренному образу жизни в Бурсе, то у порлитических наблюдателей складывалось впечатление, что он неважно себя чувствовал.

13 июня Кемаль отправился в Изимир.

Вопреки предусмотренной программе, плохо почувствоваший себя Кемаль на следующий день остановился в Балыкесире.

Там он получил телеграмму от губернатора Измира о том, что раскрыт заговор, целью которого было убийство президента.

Удивился ли Кемаль такому повороту событий?

Вряд ли.

Он знал историю и то, как избавлялись от неугодных правителей.

А он мешал многим.

Клерикалам, бывшим иттихадистам, которые были «бывшими» только на словах, и все тем, кто не желал примириться с тем, что происходило в стране.

И Кемаль не очень удивился тому, что во главе заговора стоял бывший депутат Зия Хюршид, лидер «Второй группы», объединившей оппозиционеров во время войны за Независимость.

Испугался ли он?

Вряд ли.

А если и боялся, так это, надо думать, только того, что без него история может дать обратный ход.

— Есть два Мустафы Кемаля, — говорил он за год до этих событий. — Один из них перед вами, доподлинно Мустафа Кемаль, тленный. Но есть и другой, о ком я не могу сказать, что это «я». Это не я, это вы, кого он олицетворяет, вас всех, присутствующих здесь, всех тех, кто понесет во все уголки страны новый идеал, новый образ мышления. Я представляю вашу мечту. Все, что я предпринимаю, направлено на то, чтобы реализовать их надежды…

И вот теперь только случай спас его от той тленности, о которой он говорил.

Когда 16 июня Кемаль приехал в Измир, его встретила огромная толпа, к восторженности которой примешивалась и тревога.

— Придет день, — заявил Кемаль, — когда мое скромное тело превратится в прах, но Турецкая Республика останется навсегда, а турецкая нация пойдет по пути цивилизации согласно принципам, гарантирующим счастье и безопасность…

Кемаль действительно гордился, что сделал для своей страны, и, как писал английский дипломат, страстно верил в то, что сила и счастье Турции будут результатом его реформ.

Люди ликовали.

Оно и понятно.

Великий Гази не испуган и по-прежнему уверен в будущем великой Турции!

С вокзала Кемаль отправился в мэрию, куда приказал привести к нему главу заговорщиков, Хюршида.

От него он узнал, что еще месяц назад Хюршид прибыл в Анкару в сопровождении профессионального преступника Измаила по кличке Лаз.

Близкий друг убитого охранниками Кемаля Али Шюкрю, он до сих пор не мог успокоиться из-за своего изгнания из меджлиса и ненавидел Кемаля лютой ненавистью.

В Анкаре он встретился с видным деятелем «Единения и

прогресса» и Прогрессивной партии Ахметом Шюкрю и с удаленным Кемалем от себя Арифом.

Откинув совершенно ненужную дипломатию, они сразу заговорили о покушении на Кемаля.

А договорившись, попытались привлечь в свои ряды Рауфа и некоторых других лидеров распущенной партии.

Но все было напрасно, никто и слышать не хотел ни о каком участии.

Так и не сумевший отговорить их от этой опасной затеи Рауф поспешил уехать за границу.

Не желая быть скомпрометированным подобными знакомствами, он по каким-то ведомым только ему причинам ни единым словом не обмолвился властям о готовящемся на президента покушении.

И как знать, не надеялся ли он в глубине души вернуться в уже свободную для него Турцию после того, как Кемаля не станет?

Подготовка к покушению шла полным ходом, и поначалу заговорщики намеревались покончить с Кемалем в Анатолийском клубе, где президент часто играл в карты с членами дипломатического корпуса.

Из-за технических сложностей им пришлось отказаться от этой затеи, и, в конце концов, с Кемалем было решено покончить в Измире, где у Шюкрю был надежный человек по кличке Сары Эфе (Желтый Храбрец).

Покушение планировалось совершить на одной из улиц, где президентский автомобиль всегда снижал скорость.

Заговорщики намеревались открыть огонь из пистолетов, а затем для большей верности бросить в машину гранату.

Однако хозяин моторной лодки, который должен был вывезти заговорщиков из Турции, пришел с повинной и выдал четырех заговорщиков, которые были тут же арестованы.

— Как же так, Зия, — спросил присутствовавший на допросе Кемаль, — ведь мы с тобой работали вместе во имя общей цели?

— Да, это так…

— Тогда почему заговор?

— Мир полон событий, — пожал плечами заговорщик, — которых не ожидают…

Как уже говорилось выше, заговорщики сначала намеревались убить Кемаля в Анкаре или в Бурсе.

Сложно сказать, насколько это правда, но служба безопасности Кемаля знала об этих проектах.

Как выяснилось в ходе следствия, один из сообщников Хюршида был секретным агентом правительства.

Другим свидетельством заговора было сообщение молодого депутата, близкого к Кемалю, начальнику полиции Стамбула о подготовке заговора.

Правда, то, откуда он узнал о нем, так и осталось тайной.

Тем не менее, 29 июня губернатор Анкары сообщил прессе, что за заговорщиками была установлена слежка еще с зимы 1925 года.

И теперь мало кто сомневался в том, что Кемаль сумеет обыграть эту ситуация так, как он ее обыграл после восстания курдов.

18 июня в Измир приехал Суд независимости.

Судьи принялись за работу, и уже очень скоро «выяснили», что непосредственными организаторами покушения на президента являлись… бывший министр финансов Османской империи Джавит и наиболее близкие к нему люди, конечно же, бывшие прогрессисты.

Суд отдал распоряжение об аресте почти двухсот человек, и пятнадцать депутатов оказались в тюрьме.

— Не может быть и речи о парламентской неприкосновенности, когда это касается явного преступления, — заявил по этому поводу президент Национального собрания.

Имена арестованных занимали целые полосы газет.

Оно и понятно, ведь среди них были такие видные участники войны за независимость, как Рефет, Бекир Сами, Али Фуад, Кафер Тайяр, бывший министр-юнионист Джавит, Исмаил Канболат, Кара Васыф, Ариф и Кязым Карабекир…

Ордера на арест были выписаны для доктора Аднана и Рауфа, находявшихся за рубежом, и Кара Кемаля, который успел бежать.

Исмет, узнав об аресте своего друга, героя войны Карабекира, приказал освободить его.

Это был смелый шаг, и Суд независимости принял решение арсетовать самого Исмета за «обструкцию правосудия».

— Я, заявил Исмет Кемалю, — не думаю, что организаторы заговора могли быть связаны с лидерами партии прогрессистов!

До его ареста дело не дошло, а вот Карабекиру пришлось вернуться в тюрьму.

На первых же заседаниях трибунала, происходящих в зале кинотеатра, украшенном флагом Турции и портретом Кемаля, трое судей и прокурор повели себя весьма предвзято.

Председатель трибунала Кель Али (Али Лысый), его заместитель Кылыч Али (Али-меч) и прокурор безоговорочно верили показаниям весьма подозрительных свидетелей.

Порою их ложь выглядела настолько бесстыдной, что даже

самые ярые сторонники расправы с заговорщиками недоуменно переглядавлись.

Конечно, устранение Кемаля было выгодно многим политикам, как бывшим, так и настоящим, но одно дело — желать его устранения и совсем другое — готовить его.

Тем более, что Джавит и окружавшие его люди никогда не занимались подрывной деятельностью и не критиковали режим публично.

Однако Суд независимости подобные мелочи не интересовали, ему хватило собственной версии.

Да и о чем еще было говорить, когда складывалась весьма интересная комбинация.

Зия Хуршит в клубе прогрессивистов в Анкаре, уже арестованные и доставленные в Измир лидеры Прогрессивной партии, знавшие о заговоре, и, наконец, бывшие члены «Единения и прогресса»!

Чего же еще надо?

Да и когда еще представится такой удобный случай одним ударом покончить со всеми врагами Кемаля?

Больше всех на суде откровенничал Сары Эфе.

В конце концов, он заявил, что деньги на организацию покушения им давали связанные с прогрессивистами Кара Кемаль и Джавит.

Мало кто из слушавших этого молодца сомневался в том, что он являлся провокатором.

Он и сам невольно подтвердил это, когда обвинитель потребовал для всех обвиняемых в заговоре с целью свержения правительства смертной казни.

Все оживление разом исчезло с его лица, и он в отчаянии воскликнул:

— Никто даже не обратил внимания на мои услуги!

Трибунал обвинил Партию прогрессистов и юнионистскую ячейку Стамбула в том, что они стали вдохновителями заговора и предали, из чувства зависти и собственных амбиций, обновление страны, предпринятое Кемалем.

Вечером перед вынесением приговоров Кемаль без особого энтузиазма сказал пришедшим поужинать с ним Исмету и Фахреттину:

— Похоже, Лысый Али намерен повесить наших генералов вместе с другими…

Сразу же уловив явно сквозившее в каждом слове их хозяина нежелание отправлять своих бывших друзей на эшафот, гости приняли игру, и с несвойственной ему дипломатичностью

Фахреттин заметил:

— У меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы лучше нас знаете, что надо делать. И все же меня не покидает ощущение, что вы проявите милосердие…

Солидарен с ним был и тонко уловивший настроение Кемаля Исмет.

— Если вы помилуете их, — с улыбкой произнес он, — нация еще больше будет прославлять вас!

— Вот и прекрасно! — удовлетворенно кивнул ничего другого не ожидавший от своих собеседников Кемаль и испытующе взглянул на Исмета. — Надеюсь, мы можем быть уверенными в будущем?

— Я, — заверил его тот, — обещаю вам проявлять необходимую твердость!

— Хорошо! — усмехнулся Кемаль, — в таком случае мне надо еще раз поговорить с Али…

11 июля Трибунал независимости за организацию заговора против конституции и правительства Национального собрания вынес пятнадцать смертных приговоров, что было на три больше, чем того требовал прокурор.

Той же ночью Зия Хюршид, Исмаил Канболат и десять других заключенных были казнены.

Осужденный заочно Кара Кемаль предпочел покончить с собой, а первый губернатор-националист Анкары, будет арестован и казнен 13 августа.

Один из осужденных бросил палачу:

— Если ты хочешь что-нибудь сказать своему деду, скажи мне, так как я скоро его увижу…

Трибунал обвинил Партию прогрессистов, но оправдал ее лидеров.

На следующий день Карабекир, Али Фуад, Рефет и Джафер Тайяр вышли на свободу.

Рауфа суд заочно приговорил к десяти годам тюремного заключения.

Как только они появились на улице, окружившая их огромная толпа принялась скандировать:

— Слава Аллаху, спасшему наших пашей!

Лысый Али недовольно покачал головой: похоже, все начиналось сначала.

Увидев приветствовавших их людей, Али Фуад взглянул на Карабекира.

— Похоже, — негромко заметил он, — теперь мы оправданы полностью…

Тот грустно покачал головой.

И, кто знает, о чем думал в тот день бравый генерал.

Вполне возможно, он уже в какой раз вспоминал тот теперь уже исторический день, когда он не сдал Кемаля султану…

Впрочем, у всей это истории есть и другая версия.

По этому поводу ходили упорные слухи о том, что с благословения Исмета армия предупредила Кемаля о том, что если Карабекир и Али Фуад будут осуждены, то может начаться вооруженное восстание.

Сложно сказать, началось бы восстание, или нет, но то, что казнь Карабекира и Али Фуада осложнила бы отношения Кемаля с армией, не подлежит сомнению.

Поскольку любой общавшийся с ними офицер в такой ситуации становился заложником настроения Кемаля.

И надо отдать ему должное за то, что он не обескровил армию, как это сделал в угоду своим амбициям Сталин.

То, во что он ее превратил, стало ясно уже во время войны с Финляндией, после которой на стол Гитлеру легли доклады, в которых говорилось о полном неумении Красной армией воевать на все уровнях.

Другое дело, верил ли сам Кемаль в то, что оставленные им за бортом большой политики его бывшие друзья действительно решились на крайние меры.

Так, непосредственный участник тех событий И. Инёню не считал заговорщиками осужденных недавних соратников Ататюрка.

По его мнению, корни конфликта лежали в отсутствии согласованности решений, принимавшихся Ататюрком в связи с реформами, с другими руководящими деятелями

государства.

«Они считали, — пишет И. Инёню в своих воспоминаняих, — что с самого начала были вместе, вместе одержали победу и также все вместе занимаются созданием государства, поэтому все должны иметь равное право принимать решение».

2 августа 1926 года в Анкаре начался процесс над четырьмя бывшими видными юнионистами.

Если называть вещи своими именами, то это был уже не процесс, а самое настоящее политическое судилище над бывшими членами «Единения и прогресса».

Теперь их обвиняли не только в участии в заговоре против Кемаля, но и в «безответственном поведении», позволившем втащить Турцию в Первую мировую войну, в коррупции лидеров и страданиях народа.

Судьям надлежало осудить поведение лидеров «Единения и прогресса» во время мировой войны, их «заговоры» против Кемаля во время войны за независимость, авантюры Энвера с большевиками и шаги, предпринимаемые юнионистами с 1923 года.

Трибунал даже не пытался замаскировать свои намерения.

Роль первой скрипки по-прежнему отводилась Джавиту, что совершенно не соответствовало действительности.

«Джавит, — писал о нем близкий к Кемалю Фалих Рыфкы, — не был революционным террористом…

Напротив, это был в высшей степени цивилизованный человек.

Начиная с Лозаннской конференции, где он являлся советником турецкой делегации, он встал в оппозицию, поскольку всегда считал, что без помощи Запада мы не в силах создать мощное государство.

И Кемаль, и Исмет были солдатами, и анкарское правительство по своей сути являло собою военную диктатуру, для которой республика являлась только маской.

Джавит был прирожденным финансистом и рассматривал национализм как нечто весьма ограничивающее возможности развития.

Он был патриотичен и честен, и единственным его недостатком были самонадеянность и гордость».

Возможно, так оно и было, и все же причины конфликта между Кемалем и Джавитом были куда серьезнее, нежели предъявленное ему обвинение.

Джавит был не меньшим модернистом, чем сам Кемаль, хотя и не верил в способность народа построить мощную экономику без посторонней помощи.

И именно поэтому он был очень опасен для Кемаля.

В Турции его было кому слушать, и для компрадорской буржуазии и желавших сотрудничать с Западом политиков Джавит был самой подходящей фигурой.

Он был масоном, имел хорошие связи с деловыми кругами Запада и пользовался репутацией знающего и умного человека.

Сыграло во всей этой страшной истории свою зловещую роль и ближайшее окружение Кемаля, не намеренное впускать в свои ряды «салоникского еврея».

Хотя сам Кемаль был свободен от подобных предрассудков.

И еще бы ему не быть от них свободным, если его самого обвиняли в принадлежности к сынам Израиля и как-то он даже сказал другу детства Нури Джонкеру:

— Некоторые говорят, что поскольку я родился в Салониках,

то я еврей. Но при этом они почему-то забывают, что родившийся на Корсике Наполеон был итальянцем, и, тем не менее, он вошел в историю как француз. И любой человек должен служить тому обществу, которое окружает его…

За время следствия Кемаль получил огромное количество петиций от самых различных организаций, умолявших проявить милосердие.

Влиятельные евреи из Нью-Йорка, Лондона и Берлина, могущественные финансисты из многих стран мира, известные масоны и даже члены некоторых европейских правительств просили помиловать Джавита.

Однако подобное заступничество делало его в глазах Кемаля еще опаснее, и он остался непреклонен.

— Правосудие, — заявил он в своем интервью французским журналистам, — иногда судит невиновных, однако История наказывает всегда виноватых. Эти люди хотели убить меня. Но не это самое главное. Я рисковал своей жизнью сотни раз на полях сражений и завтра снова буду рисковать ею, если в этом возникнет необходимость. Но они посягнули на будущее турецкого народа, и поэтому я не имею права на снисходительность…

Да и какую еще снисходительность мог проявить Кемаль к человеку, который во всеуслышание заявил на суде:

— Страна находится в очень тяжелом положении. Гнев нации постепенно поднимается против руководителя правительства, у которого, кроме амбиций и плохих способностей, больше ничего нет! Обвиняя нас в саботаже, правительство хочет спрятать истинные причины своего поражения. А они лежат в полной некомпетентности тех, кто нами правит, и в абсурдности программы, разработанной Гази. Никакие планы не будут реализованы по той простой причине, что они уже изначально нереальны! Кемаль-паша — великий полководец, и будет куда лучше, если он вернется в казарму и займется теми вопросами, которые хорошо знает! Господа, не будьте же соучастниками этого преступления!

Выслушавшие его «господа» и не подумали внимать этому призыву, и 26 августа Джавит и еще несколько человек были приговорены к смертной казни, а находившиеся в Европе Рауф и Рахми — к десяти годам тюремного заключения.

Понимал ли сам Кемаль, какую светлую голову он терял?

Конечно, понимал и даже собирался помиловать финансиста.

Но как только Рауф стал раздувать подхваченные за границей слухи о том, что весь этот процесс инсценирован им самим, Кемаль отказался от своего намерения.

— В таких обстоятельствах, — заявил он, — мое вмешательство только подтвердило бы высказанные всеми этими людьми предположения…

Можно ли верить в подобное откровение Кемаля?

Если и да, то, наверное, только в той степени, в какой вообще можно верить политикам.

Несомненно другое: Кемаль никогда до конца не верил юнионистам, чья все возрастающая активность была отмечена как внутри страны, так и за ее рубежами, и рано или поздно ему все равно пришлось бы разбираться с ними.

Он был политиком, а какой политик не воспользовался бы представленным ему шансом не только окончательно разгромить оппозицию, но и запугать всех недовольных.

Именно поэтому утверждение, что казненые явились той ценой, какую Турция заплатила за свое обновление, довольно часто повторялось турецкими политиками.

26 августа прокурор обвинил Джевада и остальных юнионистов в организации заговора в Измире.

Как это не покажется удивительным, но в качестве доказательств он привел их сношения с Энвером и собрание юнионистов у Джавита в феврале 1923 года.

И уже ничто: ни столь странная обоснованность обвинения, ни блестящая защита, ни даже вмешательство Ротшильдов и французского правительства не могло их спасти.

С непроницаемым лицом просмотрел Кемаль привезенные ему Лысым Али приговоры.

Среди приговоренных к смерти был и полковник Ариф, единственный человек в мире, которому Кемаль некогда открывал свою душу.

Ни один мускул не дрогнул на медальном лице Гази, когда он, положив сигарету в пепельницу, вместе с другими обвиняемыми подписал смертный приговор и своему бывшему товарищу.

Ровно в полночь приговореных к смерти вывели на тюремный двор, где стояли четыре виселицы.

Риза Нури горько усмехнулся.

— Большинство из уже казненных повинны во многих преступлениях, — громко произнес он, — но все они были совершены раньше, а сейчас всех их повесили ни за что!

Джавит насмешливо взглянул на него.

Наивный, он даже сейчас не понял того, что все его преступление заключалось только в том, что он пошел против Кемаля…

А в это самое время в Чанкайя звучала музыка и танцевали пары.

Мужчины были во фраках, женщины в вечерних платьях.

Кемаль принимал их в вестибюле в черном фраке с белой гарденией в петлице.

Два оркестра играли в ярко освещенных салонах.

Пышный стол ломился от напитков и яств. Шампанское лилось рекой.

Кемаль был настоящим королем бала и поразил всех пришедших к нему своим прекрасным настроением, в каком его давно уже не видели.

Он шутил и громко смеялся, что в последнее время с ним бывало довольно редко.

— Танцуйте, танцуйте все! — подбадривал он гостей. — Веселитесь! Прошу вас!

И пары крутились под звуки громкого джаза.

Становилось жарко.

Испарения потных тел, дыхание, наполненное винными парами, духи, смешанные с потом, — все это создавало удушливую атмосферу.

Но сквозь наполненные табачным дымом комнаты раздавался все тот же звенящий металлом голос:

— Танцуйте! Веселитесь! Прошу вас!

В половине первого к Кемалю подошел Лысый Али и доложил о том, что «все прошло без инцидентов».

Кемаль закурил сигарету и вышел на балкон.

В ярком лунном свете его лицо казалось бледнее обычного, а слегка прищуренные глаза приобрели весьма неожиданный даже для него светло-стальной цвет.

Он стряхнул пепел и, бросив окурок, снова закурил.

Так, куря одну сигарету за другой, он долго смотрел в направлении Анкары.

Вот и все, его враги были мертвы…

Кемаль долго дышал посвежевшим ночным воздухом, напоенным тяжелым ароматом посаженных им цветов.

Потом вернулся в дом.

Еще танцевало несколько пар, а сидевший в гордом одиночестве в углу Лысый Али допивал очередной стакан с ракы.

Окинув присутствующих брезгливым взглядом, Кемаль едва слышно процедил сквозь зубы:

— Какие же вы все собаки! И одна хуже другой!

Грубо оттолкнув кинувшегося к нему Лысого Али, он вернулся в кабинет.

Налив из стоявшей на столе бутылки стакан ракы, он залпом

выпил его и поморщился.

Никогда он еще не испытывал такого презрения к человеческому роду, как в эту душную ночь…

За рубежом процессы в Измире и Анкаре вызвали самый настоящий шок.

Да и внутри страны единого мнения по этому поводу не было.

Но…

— Мы ничего не понимаем, мы не знаем деталей, но если они действительно участвовали в заговоре против Мустафы Кемаля, то должны быть наказаны…

Так думали многие.

Гази как спаситель нации завоевал доверие народа.

Во время торжественной церемонии, организованной в конце октября 1926 года по случаю третьей годовщины республики, Кемаля встретили шквалом оваций..

Покидая трибуну, Кемаль приказал военным, ограждающим его от толпы, расступиться.

Но смешаться толпой, как он того хотел, ему не удалось.

Удивленные его поведнениме люди почтительно расступились, и Кемаль долго шел по образовавшемуся коридору.

А когда один из помощников попросил его вернуться в машину, Кемаль со странным выражением на лице сказал:

— Ты, наверное, любил. Но любили ли тебя? Поверь мне, это наслаждение, несравнимое ни с чем. Особенно если тот, кто любит тебя, это турецкий народ. Позволь мне еще немного насладиться этим…

Что же касается его друзей…

Кровавые события лета 1926 года окончательно разлучили Кемаля практически со всеми друзьями детства и соратниками по борьбе за Независимость, прошедшими рядом с ним через все испытания и разделявшими его надежды.

Начиная с 1922 года, многие из них тяжело переживали тот факт, что Кемаль забывает о старой дружбе и приблизил к себе вновь появившихся.

Во время процесса председатель Трибунала независимости спросил Карабекира:

— Ваша честь, вы оказали огромную услугу стране во время войны за независимость и национального движения. Почему вы примкнули к оппозиции?

— Я очень сожалею о том, — ответил не дрогнувший перед лицом смерти генерал, — что некоторые «аморальные» личности оказали влияние на Кемаля…

Затем он напомнил о своем письме Исмету, в котором требовал их устранения.

Остается только добавить, что Кель Али и Кылыч Али, соответственно председатель и член трибунала, были в первых рядах этих «аморальных»…

Как это ни печально, но старые друзья Кемаля так и не смогли понять того, что он никогда не останавливался перед выбором: будущее Турции или дружба.

Сам Исмет в «Мемуарах» не скрывает своего потрясения, вспоминая о процессе 1926 года, когда были осуждены и приговорены к жестоким мерам наказания многие из его друзей.

И только Али Фуаду удалось восстановить старую дружбу.

Через восемь месяцев после суда в Измире он приехал в Чанкая.

За обедом Кемаль скажет ему:

— Только ради вас я даровал прощение всем остальным!

По всей видимости, это будет правдой, поскольку Кемаль и на самом деле был расположен к Али Фуаду, с которым его связывали самые светлые воспоминания его юности.

Как позже рассказывал сам Али Фуад, за тем обедом у Кемаля был и президент Национального собрания, Кязым, который не смог защитить своих депутатов и членов Трибунала независимости.

В конце вечера сильно выпивший Кемаль обрушился с критикой на Кязыма и Трибунал независимости.

— Я знаю, — якобы заявил он, — что была совершена огромная несправедливость по отношению к моим друзьям…

Рефет вернется в Турцию в июле 1935 года, и Кемаль пригласит его к себе.

Рауф откажется, и на этот раз Кемаль разойдется с ним, как и с изгнанным из страны Карабекиром, навсегда…

Глава IX

Но все это будет позже.

Уже на следующий после казней день Кемаль произнес одну из своих самых блестящих речей.

— Все мои деяния, — заявил он, — были продиктованы только одной страстью: сделать Турцию независимой и сильной. Для этого я прогнал всех врагов с ее территории, заключил почетный мир и разрушаю все, что мешает турецкому народу идти к будущему. Люди, которых казнили этой ночью, хотели мне помешать. Я поразил их и буду поступать каждый раз так же, когда мне будут мешать, пытаясь встать между народом и мной! Пусть об этом знают все. Турция — это я! Пытаться убить меня — значит пытаться убить Турцию! Благодаря мне она дышит, а я, благодаря ей, живу! Кровь пролилась. Это неизбежно, и революция, которая не орошается кровью, не является постоянной. Все остальное есть тлен и пыль! Я знаю многие нации. Я их видел на полях сражений, перед лицом смерти, когда характер человека предстает во всей своей наготе. И я вам клянусь, что духовная сила турецкого народа не уступит никакой другой в мире. Я веду мой народ за руку до той минуты, пока он сам не выберет по своей воле другого своего поводыря и руководителя. Только тогда моя миссия будет выполнена и я смогу уйти. Но не раньше…

Последние слова Кемаль произнес с особым выражением.

Когда он спускался с трибуны, депутаты проводили его шквалом аплодисментов и оваций, в которых слились восхищение и страх перед этим человеком.

В какой уже раз его мощная энергия подавила волю окружавших его людей.

Кемаля совсем не смущало то, что установленная им система напоминала диктатуру, сохранившую признаки парламентской демократии.

Чем-чем, а своей властью он не был намерен делиться ни с кем.

Не для того он ее завоевывал!

Республика была его детищем, и ее воспитание он не хотел доверить никому.

Да, он был беспощаден в своей борьбе с врагами, зато теперь никто не мешал ему исполнить свою мечту и вывести нацию из «мрака средневековья и возвысить ее до чистого света современности».

Геракл оказался способным не только расчистить авгиевы

конюшни, но и создать на их месте светлое и чистое жилище.

По большому счету дело было даже не в его желании или нежелании устанавливать диктатуру.

Несмотря на все свои таланты и заслуги, Кемаль был не только выразителем определенного исторического времени, но и его заложником.

Турция являла собой редкий пример страны, где возглавившая борьбу крестьянства буржуазия сама смогла довести ее до победы над старым порядком.

Что было в значительной степени обусловлено слабостью пролетариата, отсутствием коммунистов, оставшимися не у дел стамбульскими компрадорами, а значит, и отсутствием в стране классовой борьбы.

А поскольку в эпоху глубокой социальной ломки буржуазное государство может быть организовано только в форме откровенной диктатуры, то преследовавшую свои цели буржуазию никогда не смущала ее природа.

Именно поэтому не имевшая противников турецкая буржуазия с такой охотой и восприняла руководство национально-освободительным движением не через партию, а через единоличную военную диктатуру.

Что бы там ни говорил сам Кемаль, опорой его власти была преданная ему армия.

Но его приход к власти был обусловлен не только ролью армии, но и политической незрелостью и экономической слабостью самой национальной буржуазии, как никогда нуждавшейся в своем защитнике.

И как почти всегда бывает в таких случаях, роль диктатора получил наиболее талантливый и популярный военачальник.

Но Турция и здесь имела свою специфику.

Кромвель и Наполеон пришли к власти на гребне реакции в условиях спада революционной борьбы.

К этому времени задачи революции были решены сокрушившей внутренних и внешних врагов мелкобуржуазной диктатурой.

И только потом на смену ей пришла крупная буржуазия.

Кемаль одержал победу в ходе войны за Независимость, и его диктатура органично вышла из национально-освободительной борьбы в стране, втянутой в систему капиталистических отношений.

Таким образом, Кемаль явился не только организатором революционной армии и революционной власти, но и вдохновителем экономической политики новой Турции.

И если бонапартизм являл собою власть, лавировавшую

между классами, то в основе кемализма лежали исторические интересы турецкой национальной буржуазии и ее диктатуры через своего ставленника.

Именно поэтому путь Кемаля можно определить как путь революции в полуколониальной стране с неразвитой промышленностью, слабой дифференциацией классовых сил и незрелым пролетариатом.

По-настоящему турецкая буржуазия встала на ноги только во время Второй мировой войны.

Кемаль не дожил до того печального для него момента, когда он неизбежно превратился бы в преграду, стоявшую на пути окрепшей для самостоятельного волеизъявления национальной буржуазии.

Но пока она продолжала нуждаться в нем, как в своей единственной опоре и защитнике, ему нечего было опасаться.

Что бы там ни говорили, диктатура Кемаля являлась самой исторической необходимостью на определенном этапе исторического развития турецкого государства со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

И именно с этой точки зрения лето 1926 года стало в значительной степени переломным моментом в жизни не только самого Кемаля, но и всей Турции.

Именно тогда он обрел ту самую полноту власти, о какой мог только мечтать любой политический деятель.

И теперь, когда перед ним была открыта свободная дорога к будущему, он мог идти по ней вперед с той же смелостью и решительностью, с какими совсем еще недавно шел в наступление на фронтах…

Стоило ли все содеянное им именно этой впервые им испытанной за много лет борьбы свободы?

Как показало будущее, стоило…

Последующие дни Кемаль жил с удивительным чувством внутренней свободы: ему уже не надо было ни с кем бороться.

Странное это было состояние!

С той самой минуты, когда много лет назад его арестовали султанские чиновники, он не испытывал ничего подобного, и каждый новый день означал для него борьбу.

С Энвером, друзьями, чиновниками, греками, англичанами, оппозицией, с Латифе…

И вот теперь все.

Партии юнионистов, попортившей ему столько крови, больше не существовало.

Все, кто мог мешать ему в проведении реформ, мертвы

физически или политически.

Первое время ему было даже не по себе, и он напоминал бегуна-марафонца, упорно наматывавшего свои километры и вынужденного после окончания дистанции остановиться.

Человек быстро привыкает к хорошему, не стал исключением из этого правила и Кемаль.

Он быстро свыкся с новыми ощущениями и решил увековечить себя не только в своих деяниях, но и в многопудье бронзы и камня.

Отныне вся страна должна была каждый день видеть его памятники и бюсты и свыкнуться с мыслью о его непреходящем величии.

Еще в 1925 году была достигнута договоренность с известным австрийским скульптором Генрихом Криппелем о создании монумента свободы, который Кемаль намеревался установить на центральной площади Анкары.

Если говорить откровенно, то, прежде всего, это был памятник самому себе, поскольку именно он должен был взирать с высоты шести метров на площадь.

И только там, внизу, стояли два солдата, крестьянка, а на барельефе постамента был изображен опять же он, дающий инструкции Исмету и Февзи.

Готовясь к работе, Криппель приехал в Стамбул, где сделал другую его скульптуру, установленную в городе.

Однако на ее открытие Кемаль не поехал и ограничился благодарностью жителям Стамбула за выраженные ему чувства в посланной им телеграмме.

В это же самое время в Анкару прибыл другой известный в Европе скульптор Пьетро Каноника, и Кемаль стал позировать ему на своей вилле.

Повидавший на своем веку многих выдающихся людей итальянец с огромным интересом наблюдал за этим таким, как ему казалось, простым, но в то же время отмеченным необыкновенным достоинством человеком, жившим, к его удивлению, весьма скромно.

Привыкший на лету схватывать характер позировавших ему людей, скульптор сразу же отметил неизгладимые следы страданий на лице Кемаля.

Несмотря на его щедрую душу, он был лишен в жизни, возможно, самого дорогого: любви и дружбы.

И Каноника не очень удивился, когда Кемаль, перехватив брошенный им взгляд на висевший на стене фотографический портрет грустной женщины, с глубокой печалью в голосе произнес:

— Это моя мать. Она была моим единственным и самым близким другом, и, потеряв ее, я потерял все. Вы, конечно, знаете, что я был женат, но, как это ни печально, семейная жизнь не для меня. Да и нельзя найти женщину, которая бы понимала всю тонкость своего положения спутницы жизни политического лидера. Моя жена так этого и не поняла, и нам пришлось расстаться…

Было в его лице нечто такое, что заставило художника с удивлением взглянуть на прославленного на весь мир воина.

На какие-то доли секунды Кемаль приподнял покрывало со своей, по всей видимости, очень измученной души.

Лепивший его художник увидел перед собой не изощренного политика и бесстрашного солдата, а одинокого и несказанно страдавшего от своего одиночества человека.

В какой уже раз он подумал о том, какую цену платили люди, подобные Кемалю, за свое, действительно, высокое предназначение.

Он быстро работал, этот итальянец и создал скульптуры для Анкары, Стамбула, Измира, Таксима и других городов, где отныне должны был стоять памятники живому богу.

Многочисленные памятники Кемалю шокировали и набожных мусульман, и скрытых оппозиционеров, и некоторых его друзей, но никто даже и не подумал возмущаться.

Да и о каком возмущении могла идти речь после недавних и столь памятных событий, если сами депутаты каждый день соревновались в своей лести по отношению к президенту?

И когда на открытии сессии в ноябре 1926 года Кемаль заговорил о неудавшемся покушении, в зале поднялся страшный шум и один из особо усердствовавших депутатов громко воскликнул:

— Эти негодяи никогда не принадлежали к турецкой нации и даже ад не примет их!

Кемаль равнодушно слушал выкрики.

Он слишком хорошо знал цену всем этим красивым и громким словам и произносившим их людям, еще вчера готовым любой ценой избавиться от него.

Потому и был счастлив иметь рядом с собой Исмета, обладавшего, по словам все того же итальянского художника, гибким умом, исключительной хитростью и врожденными идеалами.

Именно он убедил его распустить наводившие страх на народ и ненавистные многим Суды независимости, и 7 марта 1927 года они прекратили свое существование.

Все работавшие в них судьями депутаты получили в подарок

по машине, а Лысый Али продолжал служить своему хозяину в качестве своеобразного министра по особым поручениям и по-прежнему восседал за его обеденным столом.

Сохранил свое место среди «привычных джентльменов», как стали называть ближайшее окружение президента, и Кылыч Али.

И все же «Закон об охране порядка» Кемаль пока оставил в силе.

Реформы были еще не закончены, и ему нужна была плеть.

Так, на всякий случай…

Занимаясь делами внутренними, Кемаль большое внимание уделял и внешней политике.

После стольких лет разрухи, вызванной войной и иностранной интервенцией, страна нуждалась в такой внешней политике, которая могла бы обеспечить стране мирное, независимое существование.

— Мы, — говорил Кемаль, — приверженцы мира. Наша политика ставит своей целью обеспечение безопасности Турции. Она не направлена против какого-либо народа…

Если отбросить все эти общие и бессмысленные рассуждения, то Кемаль был сторонником политики «равноудаленности».

Иными словами, он желал быть со всеми и ни с кем.

Дружить со всеми, но при этом, не отдавая предпочтения никому, не вступать ни в какие блоки и союзы.

Была ли возможной такая политика?

На определенном этапе, да.

И он проводил ее…

Так, 17 декабря 1925 года в Париже был заключен советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете.

Для Турции этот документ получил особую значимость в период обострения её внутриполитической обстановки и одновременно конфликта с Англией по Мосулу.

Но если пока еще с дружественной Россией не было никаких проблем, то отношения Турции с мусульманским Ираном оставляли желать много лучшего.

Тем не менее, 22 апреля 1926 года Турция подписала в Тегеране Договор о нейтралитете со своим давним соперником на Среднем Востоке.

Он в значительной степени способствовал нормализации ирано-турецких отношений, носивших до этого напряжённый характер вследствие частых пограничных конфликтов, связанных, прежде всего, с волнениями и восстаниями курдов, как иранских, так и турецких.

Стороны отказались от всяких актов агрессии друг против

друга, обязались не вступать ни в какие политические, экономические или финансовые соглашения, направленные против другой договаривающейся стороны.

В случае военного нападения на другую сторону они договорились сохранять нейтралитет, включая вооружённый, если будет иметь место попытка использовать территорию одной договаривающейся стороны для враждебных действий против другой договаривающейся стороны.

Договор предусматривал обязательство обоих государств недопускать на своей территории организации или групп, преследующих цели, враждебные другой стороне, и принимать меры против преступной деятельности пограничных племён.

Несмотря на договор, ирано-турецкие отношения и в дальнейшем неоднократно обострялись из-за пограничных конфликтов.

В 1927 году в связи с новой вспышкой волнений среди

курдов турецкое правительство послало иранскому правительству ноту ультимативного характера.

Однако оно отказалось принять ее.

Окончательное урегулирование спорных пограничных вопросов между Ираном и Турцией произошло в только 1932 году.

Тогда же указанный договор был возобновлён на новый срок.

Что же касается отношений Турции с державами-победительницами, они носили иной характер.

Даже подписав договор в Лозанне, эти державы, представленные, прежде всего, Англией и Францией и поддержанные США, не намерены были сразу отказаться от многих своих привилегий в Турции, полученных ими от султанской власти.

Как писал турецкий историк А. Ш. Эсмер, учредить новую основу после лозаннских межгосударственных отношений на принципах равенства для Турции «было не лёгким делом», руководители этих государств «привыкли к периоду капитуляций, и требовалось определённое время, чтобы они приспособились к новому положению»

Английская, а вместе с ней и французская дипломатия пытались использовать в своих интересах внутренние трудности Турции, нерешённые Лозанной вопросы, в частности экономические, чтобы помешать Кемалю стамстабилизировать положение в стране, ослабить его позиции в регионе и таким образом укрепить ещё более своё влияние на Ближнем и Среднем Востоке, заметно усилившееся после Первой мировой войны.

Урегулирование вопросов «лозаннского наследства»

затянулось на многие годы, проходило в острой форме, при сильнейшем политическом и финансовом нажиме западных держав, и, надо признать, сопровождалось подчас значительными уступками со стороны Турции.

— Державы Антанты, — говорил по этому поводу Кемаль, — вбившие в свои надменные головы намерение быть безраздельно господами и властителями всего Востока, прекрасно оценили, что именно в этом господстве и его использовании заключается смысл их жизни и дальнейшее существование. Поэтому, чтобы обеспечить себе и впредь обладание Востоком и возможность его эксплуатации, державы Антанты во главе с Англией всемерно стараются уничтожить и раздавить нас…

Со своей стороны, новая власть Турции не теряла надежд решить в свою пользу в будущем некоторые отложенные темы.

Как утверждал в 2003 году в газете «Сабах» Эрдал Шафак в связи с 80-летием Лозаннского договора, Кемаль после победы 30августа 1922 года в Думлупынаре заявил газете «Фигаро»:

— Мы требуем все территории, которые остались вне и которые чисто турецкие…

На просьбу уточнить, о каких турецких землях идёт речь, он ответил:

— Фракия до Стамбула и Марицы, Анатолия, район Мосула и половина Ирака…

Но, увы, не получилось.

Как не получилось и с Мосулом.

Англичане захватили район Мосула в 1918 году и, учитывая его стратегическую важность и нефтяные богатства, включили при содействии Лиги Наций в состав Ирака.

В вгусте 1920 года по решению этой международной организации, Ирак стал подмандатной территорией, опекаемой Англией.

Турецкие власти не признали этот захват, утверждая, что вилайет населён в значительной степени турками и входит в национальные пределы новойТурции.

В Лозанне спор не был решен.

После длительных дебатов 6 декабря 1925 года Совет Лиги Наций вынес окончательное решение по этому вопросу.

Англии предлагалось согласиться с продлением мандата на Ирак на 25 лет и заключить с Турцией соглашение по Мосулу.

Не рискуя ввзяываться в вооруженный конфликт, кемалисты признали свой отказ от Мосула.

— Турция, — говорил Кемаль, — не потребует ни одного сантиметра чужой территории, но и не отдаст ни одного

сантиметра своей территории…

Говорить оказалось проще.

Турция отдала, и не сантиметр…

5 июня 1926 года споры завершились подписанием англо-ирако-турецкого договора о Мосуле, который оставлял его в пределах Ирака.

Турции предоставлялось право либо получать в течение 20 лет 10 % с доходов иракского правительства от мосульской нефти, либо капитализировать эту свою долю доходов в сумме 500 тыс. ф. ст.

Тем не менее, подписание договора в известной степени способствовало дальнейшей нормализации отношений Турции, прежде всего, с Англией, а также и с Францией.

Кемаль договор подписал, но не смирился.

Судя по всему, десять процентов его не устраивали.

— Я, — говорил он в сентябре1932 года в беседе с американским генералом Мак Артуром в Анкаре, — обязательно верну и Мосул, и Киркук…

А вот каким образом он собирался это сделать, Кемаль не уточнил.

В середине ноября 1926 года Г. Чичерин и Тевфик Рюштю встретились в Одессе.

Объясняя причины новой встречи с турками советским журналистам, Г. В. Чичерин отметил, что потребовалась более «исчерпывающая» беседа, чтобы еще больше подвинуть вперед «дело нашего сближения».

Чего именно она касалась, министр иностранных дел СССР не объяснил.

В 1927 году Турция установила дипломатические отношения с США.

Турки порвали с Америкой все отношения в ходе Первой мировой войны.

Однако после ее окнчания многие политики и интеллектуалы из окружения Кемаля питали определенные политические и экономические надежды в отношении США

Турция очень нуждалась в иностранном капитале, необходимом для экономического развития, и по их мнению, американский капитал был «наиболее безопасным и заслуживающим доверия».

Мы уже рассказывали о попытках кемалистов реанимировать проект Честера, предусматривавший строительство новых железнодорожных линий на территории Анатолии и эксплуатацию природных ресурсов в полосе

Но после того, как в конце 1923 года все эти попытки

провалиились американские дельцы не торопились тогда вкладывать большие капиталы в Турцию.

Их главные интересы сосредоточились на участии в добыче совместно с англичанами мосульской нефти, к которой Турция отношения уже не имела

6 августа 1923 года в Уши под Лозанной был подписан турецко-американский договор, предусматривавший восстановление дипломатических отношений и повторивший в основных положениях Лозаннский мирный договор.

Однако положения турецко-американского договора в сенате США, в обществе были восприняты с неудовольствием.

Особое раздражение вызывало в договоре признание отмены капитуляционного режима. В печати, в письмах в сенат приводились небылицы и измышления о новой Турции.

Так, на полном серьезе сообщалось, что турецкое правительство «превратило 3000 церквей в конюшни, казармы и публичные дома», что оно «держит в отвратительном рабстве в турецких гаремах свыше 100 000 христианских женщин и детей».

Договор поступил в сенат в мае 1924 года, а в 1927 году под давлением демократов был отвергнут.

Тем не менее, дипломатические отношения были восстановлены в том же году путем простого обмена письмами между верховным комиссаром США в Турции адмиралом Бристолем и министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюштю.

Так Кемаль сделал первый шаг к сближению со страной, отношения которой к Турции все последующие годы были отношением барина к своему крепостному.

И только при Эрдогане турки стали пытаться вырваться из-под диктата Вашингтона.

Хватало у Кемаля и других проблем, которые ждали своего решения после Лозанны.

Это и урегулирование внешней задолженности Турции перед западными державами, и возвращение санджака Александретта, удерживаемого Францией как её подмандатной территории в составе Сирии, и обмен населением с Грецией.

Было необходимо срочно принимать новый таможенный тариф, обсуждать условия деятельности в стране иностранных концессий, школ и торговых палат.

Так что работы предстояло много.

И Кемаль успешно справлялся с ней.

Дело дошло до того, что министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю разрабатал проект азиатского союза,

простирающегося до Японии.

По его мнению, Япония и Турция являли собой два крайних полюса восточной цивилизации в Азии.

Токио увеличил торговый оборот с Турцией, но отказывается от всяких политических соглашений.

Рюштю предложил нечто подобное китайцам, и небезуспешно.

Анкара с удовлетворением и гордостью воспринимала общую высокую оценку проводимым ею преобразованиям и приумножала договоры о дружбе.

К концу двадцатых годов их было уже около двадцати — от Германии и СССР до Болгарии, Чили и Финляндии.

Анкара делала все возможное, чтобы занять свое место на международной арене, забыть о пережитых унижениях.

— Я, — говорил Кемаль, — был совершенно убежден, что мы при всех обстоятельствах достигнем положительного результата. И я утверждаю, что мы, Турция, заставим весь мир признать нашу мощь…

Как показала жизнь, это были не пустые слова, и благодаря своему президенту Турции в известной степени это удавалось…

Глава X

27 февраля 1927 года в доме Исмета царило оживление.

Именно в тот день там состоялся устроенный по просьбе Кемаля бал.

Ему очень хотелоь доказать всем, что не только западные послы могли организовать в пышыне праздничные приемы.

Впрочем, впечатление от бала было несколько смазано еще до его начала.

Из-за обильного снега машины вынуждены были остановиться далеко от дома, и гости добирались до него пешком.

— Мы, — не скрывая своей иронии, заметил посол Англии, — можем стать добычей волков, и, когда они кончат нас пожирать, снег покроет наши фраки и цилиндры…

Хозяйка бала встречала гостей с непокрытой головой, а облаченный во фрак Кемаль целовал дамам руки.

Особое восхищение у него вызвала дочь французского посла, юная Сарро, только что отметившая свое восемнадцатилетие.

А вот сама девушка, помня о недавних событиях, смотрела на Кемаля с некоторой опаской.

Бал удался на славу, и особенно хорош на нем был Исмет.

Он буквально искрился от радости и охотно отвечал даже на самые неприятные вопросы.

Конечно, дипломаты прекрасно знали, что скрывалось за его пышными речами и шампанским.

Всего за десять дней до бала были упразднены Трибуналы независимости.

Они рассмотрели дела 7446 арестованных по делу о покушении в Измире.

4122 человека были оправданы, и было вынесено 640 смертных приговоров.

И вот теперь премьер-министр праздновал победу над самыми упорными противниками.

Но дипломатов было известно и то, что, несмотря на наведение порядка в регионе проживания курдов, но до полного их усмиреня было еще далеко.

С экономикой тоже было не все просто.

Всё возрастающий разрыв между бюджетными средствами и необходимыми затратами на управление железными дорогами вынуждал правительство уступать дорогостоящие концессии иностранным компаниям.

И теперь многие задавались вопросом: как долго

продержится в своем кресле улыбавшийся целый вечер Исмет?

Задавался ли этим вопросом Кемаль?

Если судить по тому, что Исмет ушел с поста премьера только в 1937 году, то вряд ли.

Да и не было, говоря откровенно, в его окружении человека, способного с такой настойчивостью проводить в высшей степени непопулряную в нрароде экономическую политику.

Что наглядно продемонстрировал опыт с Али Фетхи.

Но точно также было понятно и то, что Исмет со всеми своими достоинствами будет сидеть в своем кресле только до тех пор, пока он с Кемалем.

А пока они улыбались и пили шампанское…

Во второй половине мая 1927 года у Кемаля было несколько сердечных приступов, и врачи рекомендовали ему отдохнуть на берегах Босфора.

Несмотря на недомогание, Кемаль собирался на отдых в хорошем настроении, так как 1 июня 1927 года вступил в силу «Закон о поощрении промышленности».

Насколько серьёзны были льготы, предусмотренные законом, свидетельствовали его многие статьи.

Промышленник, намеревавшийся строить предприятие, мог рассчитывать на получение безвозмездно земельного участка до 10 га.

Он освобождался от налогов на крытые помещения, на земельный участок, на прибыль и т. п.

На материалы, импортируемые для строительства и производственной деятельности предприятия, не налагались таможенные сборы и налоги.

Перевозка такого рода материалов по железной дороге и на судах обходилась со скидкой в 30 %.

В первый год производственной деятельности каждого предприятия на стоимость выпускаемой им продукции устанавливалась премия в 10 % стоимости.

Государство стремилось также смягчить неблагоприятное воздействие таможенного тарифа.

30 июня 1927 года маршал Мустафа Кемаль ушел в отставку.

— Я, — объяснил он свое решение, — пришел к выводу, что буду более полезен стране, если порву те узы, которые на меня налагает военная служба, и буду работать совместно со всеми моими соотечественниками в качестве простого гражданина для блага турецкой нации…

А еще через день в жизни Кемаля и всей страны произошло знаменательное событие, получившее оживленные отклики в

турецкой и мировой прессе.

После восьмилетнего перерыва он приехал в Стамбул.

Он сдержал данную на борту «Бандырмы» клятву и теперь имел полное право появиться в покоренной им бывшей столице.

Горевшие страстным желанием увидеть своего президента жители Стамбула в своих многочисленных обращениях к нему просили его забыть старое.

Он прибыл в Стамбул на борту «Эртогрула», повитдавшей виды, но пока еще крепкой султанской яхты.

На набережной его встретили тысячи празднично одетых горожан, отовсюду слышались приветственные крики.

Кемаль с задумчивым видом смотрел на взволнованных людей.

Все правильно!

Так, и только так он должен был вернуться в покоренный им город, который, несмотря ни на что, очень любил.

— Стамбул, — говорил он, — являет собой средоточие плодов беспредельного труда и самоотверженности нашей нации. В Стамбуле сконцентрированы прославляющие ее материальные и духовные богатства, памятники, учреждения, произведения культуры. Этому городу, который наша турецкая нация рассматривала как вместилище своего сердца, она, нанося ущерб всей стране, отдала все, что у нее было, и щедро, даже расточительно тратила на него свой величайший энтузиазм и энергию. Вот почему Стамбул нам очень дорог и важен…

Стамбул был дорог Кемалю и по той причине, что был связан с его молодостью.

Отвечая на бесчисленные приветствия, Кемаль отправился в Долмабахче, где его сестра и несколько дам высшего света готовили дворец к его приезду.

Расположенный на самом берегу Босфора дворец был обращен своим богатым фасадом к азиатскому берегу.

Росшие в изобилии вокруг канадские ели, ливанские кедры, мадагаскарские пальмы и американские секвойи создавали атмосферу покоя и неги.

А чего стоили его 400 комнат с свезенными в них султанами со всего света сокровищами!

В них поражало все: и гигантские люстры, и витые стеклянные колонны, и огромная коллекция часов с музыкальным боем, и китайский фарфор, и индийские безделушки из слоновой кости, инкрустированные золотом и драгоценными камнями, и огромная ваза весом 300 килограммов, вырубленная из целого куска нефрита.

Очень понравились Кемалю и собранные в Долмабахче

многочисленные картины, и особенно одна из них, написанная знаменитым русским художником Айвазовским.

Полотно было посвящено взятию турками Константинополя, и Гази долго смотрел на османских воинов в окровавленных тюрбанах на головах, горевших мрачной решимостью истребить неверных.

— Отныне, — сказал Кемаль на устроенном в его честь приеме, — этот дворец принадлежит не теням Аллаха на земле, а всей нации, и я счастлив тем, что являюсь ее представителем и вашим гостем!

Он много говорил в тот знаменательный для всех вечер, но ни единым словом так и не обмолвился о том, почему столько лет не был в Стамбуле, и никто не осмелился спросить его об этом.

На следующее утро сестра Кемаля показала ему найденное в одном из секретеров написанное Абдулом- Меджидом по-французски письмо в парижский магазин «Лувр» с приложенными к нему образцами материи, которые он предлагал своим дамам в гареме.

— Вот чем занимался наш почтенный халиф, — усмехнулся Кемаль и отправился на прогулку, с видимым удовольствием узнавая те места, где некогда мечтал о будущей Турции.

Как и много лет назад, он подолгу сидел за стаканом вина или ракы в занкомых ему кафе и под звуки негромкой турецкой музыки задумчиво смотрел в морскую даль.

Как недавно все это было: ссылка, Корина, Энвер, войны, оккупация, Сакарья, Фикрие, Латифе — и… как давно…

Обедал Кемаль в «Парк-отеле», где отныне для него всегда был накрыт столик с цветами.

Во время своего первого посещения роскошного ресторана он вдруг узнал в метрдотеле некогда сражавшегося с ним на Дарданеллах сержанта.

И по-настоящему обрадовался.

Глядя на улыбавшееся лицо растроганного до самой глубины души старого солдата, он снова видел идущие в атаку британские полки, дым и слепящее глаза солнце.

Да что там говорить, было время!

И после обеда он долго беседовал с почтительно внимавшим ему бывшим сержантом о тех далеких и славных днях.

С интересом заходил Кемаль и в многочисленные русские рестораны и кабачки, где с удовольствием пил вкусную русскую водку и слушал зажигательные песни.

Говоря об этих ресторанах, нельзя не вспомнить об оказавшихся к тому времени в Стамбуле почти четырех сотнях

тысяч русских эмигрантов.

Самым же удивительным было то, как веками воевавшая с Россией Турция с каким-то необъяснимым пониманием встретила бежавших от расстрелов и репрессий русских.

Она не только приютила их, но многим дала кров и работу, что по тем условиям было равноценно подаренной жизни.

А разве можно забыть трогательную историю турецких моряков, с риском для собственной жизни спасших тысячи русских беженцев с тонувших во время сильного шторма у берегов острова Килоса кораблей!

Эмигранты привозили в Турцию не только сожаление о навсегда потерянной родине, но и свою культуру, и неслучайно одними из самых популярных увеселительных заведений на Гран рю де Пера становились русские рестораны и кабачки с их разудалыми цыганскими песнями и рвущими душу русскими романсами.

Самым знаменитым эмигрантом был генерал Врангель, на которого в октябре 1921 года было совершено покушение.

Итальянский пароход «Адрия» по какой-то никому не объяснимой случайности со всего хода врезался в стоявшую на рейде Босфора яхту Главнокомандующего Русской Армией «Лукулл».

Самого Врангеля на ее борту не было, и после того как все члены ее экипажа были спасены, дежурный офицер «Лукулла» мичман Сапунов вместе с яхтой нашел свой последний причал в водах Босфора.

Второй срок полномочий Национального собрания завершился во время пребывания Кемаля в Стамбуле.

На выборах Национального собрания Кемаля ожидал настоящий триумф.

Он сам назначал кандидатов и предусмотрительно настаивал, чтобы они отказались от участия в частных или государственных компаниях.

Понятно, что по своей сути безальтернативные выборы, проходившие без политических интриг, превратились в праздник.

Новый президент Национального собрания Кязым обещал «превратить мечты в реальность, а века — в годы».

«Избирательные урны, — описывал выборы посол Франции, — украшенные яркими цветами и зеленью, выставлены на открытом воздухе в общественных местах, они окружены флагами.

На избирательном участке центральное место занимает

большой портрет гази, который как бы следит за происходящим, а члены избирательной комиссии выдают бюллетени избирателям, которым остается только опустить их в урну…

Подведение итогов будет происходить в Центральной избирательной комиссии в помещении муниципалитета…

Специальный кортеж доставляет туда урны.

Жителям на берегу Босфора предоставлены катера, украшенные зелеными ветками, перевозящие публику, официальных лиц и музыкантов на концерт».

В Стамбуле партия кемалистов получила 1477 голосов из 1481 по списку.

И теперь в новом Национальном собрании из 433 членов собрания 429 кемалистов.

Что там говорить, хорошие выборы…

Кемаль провел в Стамбуле три месяца.

Он посетил различные кварталы города, совершал прогулки по Босфору и Мраморному морю, встретился с министрами и другими государственными деятелями.

К сожалению, не обошлось без инцидентов

27 августа полиция убила черкеса Хаджи Сами, бывшего соратника Энвера, который с группой сообщников прибыл из Греции, чтобы подготовить покушение на Кемаля.

Во время судебного процесса в ноябре 1927 года сообщники Сами признались в связи с Этхемом Черкесом.

— Если бы наша операция завершилась успешно, — заявил один из преступников, — мы пригласили бы султана вместе с юнионистами управлять страной…

По утверждению обвиняемых, в Турции все еще насчитывалось 3,8 миллиона юнионистов.

Затем полиция задержала группу армян, державших склад с оружием в Бейоглу.

Власти объявили, что арестованные собирались грабить открывшееся во дворце «Йылдыз» казино, однако по городу ползли упорные слухи о том, что мишенью армянских коммунистов, каковыми якобы оказались армяне, было отнюдь не казино, а сам Кемаль.

Финансировали же прибывших в Стамбул, по некоторым данным, боевиков большевики!

И кто знает, что там было на самом деле.

Ведь к этому времени от рук армянских боевиков уже погибли бывшие лидеры «Единения и прогресса» Талаат и Джемаль, да и сам Кемаль, по мнению многих армян, тоже был повинен в обрушившемся на их народ геноциде.

Кемаль и не подумал обижаться на бывшую столицу.

Кемаль несколько раз в день купался в море, а вечером к развлечениям на море он прибавил танцы, посещение отелей, ресторанов и ночных клубов.

С этих пор каждый год Кемаль в сопровождении членов правительства будет проводить в Стамбуле три месяца, спасаясь на море от страшной анатолийской жары.

Для него выстроили прекрасную виллу во Флории.

Так бывшая столица обрела новое дыхание, став летней столицей Турции.

Впрочем, в свое первое после перерыва посещение Стамбула Кемаль не только развлекался, но и напряженно работал.

В октябре ему предстояло выступать на Втором съезде Народной партии, и он готовил большую речь, в которой намеревался поведать нации о том, что произошло в Турции со дня его прибытия в Самсун в мае 1919 года.

И ему было над чем трудлиться, так как отныне его воспоминания должны были лечь в основу истории новой Турции…

Съезд проходил в октябре 1927 года в Анкаре.

Как и рассчитывал Кемаль, он привлек пристальное внимание международной общественности именно его знаменитой речью, которая вошла в историю под названием «Нутук».

Как отмечал поверенный в делах Франции в Анкаре, «подготовке выступления Мустафы Кемаля предшествовала оживленная дискуссия, выявившая две фракции внутри Народной партии — умеренную, представляемую премьер-министром Исметом, и ультранационалистическую».

Как мы уже говорили, Кемаль тщательно готовился к выступлению.

Он изучил огромное количество документов, подготовленный его помощниками; он писал речь сам или диктовал секретарям, доводя их до изнеможения.

Поднявшись в день открытия съезда под шквал аплодисментов на трибуну, он поднял руку, и как только установилась тишина, торжественно произнес:

— Девятнадцатого мая 1919 года я прибыл в Самсун…

Произнеся эту фразу, Кемаль замолк, с необычайной четкостью вспомнив тот весенний день, шумящее море и ободранную комнату в гостинице.

Его губы тронула улыбка.

Нет, все-таки не зря обвел он тогда эту дату в английском календаре красным карандашом, и теперь она уже золотыми

буквами вписана в историю Турции…

Затем последовал беспрецедентный панегирик себе лично и своей политике.

В своей речи Кемаль дал свою версию войны за Независимость и первых лет республики, подвергнув уничтожающей критике Хусейна Рауфа, Рефета, Бекира Сами, Кара Васыфа, Кязыма Карабекира, Али Фуада, Кафера Тайяра и других.

В конце концов, у всех внимательно слушавших Кемаля сложилось впечатление, что история новой Турции есть не что иное, как часть собственной биографии ее первого президента и достижения одного человека, воплотившего в себе волю нации.

Впрочем, так оно и было, и, как это всегда бывает с участниками тех или иных исторических событий, Кемаль рассказывал уже не о том, что было на самом деле, а о том, как ему хотелось видеть прошедшее.

Даже о своем заключении в тюрьму после окончания классов генерального штаба он теперь рассказывал совсем по-другому.

Как следовало из рассказа, его во избежание всевозможных инцидентов под конвоем доставили на борт уходившего в Сирию судна, даже не дав проститься со следовавшей за ним в слезах матерью.

— Мать моя с громким плачем шла за мною, — говорил он, — но ей запретили встретиться со мной, и она осталась одна на пристани со слезами на глазах, полная горя и печали…

И он знал, что делал!

Да и кому в стране было известно о его переживаниях в тот исторический день, когда в вотчине Карабекира Эрзуруме он в отчаянии ожидал ареста?

А вот то, как он, снятый со всех постов и приговоренный к смерти предавшим страну султаном, сумел переломить ход событий и победить, должны были знать все!

Кемаль многое осветил правильно, но в целом «Нутук» явила собой яркий пример манипулирования историей человеком, гордящимся своим патриотизмом и уверенным в своей силе до такой степени, что он готов предстать перед страной в роли ее символа.

Тем не менее, «Нутук» стал главным источником для всех, кто хотел окунуться в кемалистскую эпоху.

И далеко не случайно на следующий день после государственного переворота в мае 1960 года генералы-кемалисты передали «Нутук» по радио.

Кемаль говорил в течение шести дней: 36 часов и 33 минуты!

Изумленные таким красноречием французские дипломаты

заявили, что съезд Народной партии, был всего лишь поводом, позволяющим Кемалю произнести свою речь, «ожидаемую с напряженным любопытством и беспокойством».

Заслушав «Нутук», конгресс продолжал работу еще в течение трех дней, чтобы принять несколько важных решений.

Отныне все занимающие ответственные должности в политических, экономических, общественных, административных и культурных организациях должны были отбираться по согласованию с партией.

Именно она теперь стала «всеобъемлющим национальным органом».

Самостоятельности турецких центров больше не существовало, и партия стала главным администратором.

Настал час «закручивания гаек» и концентрирования власти.

Как и следовало ожидать, тон в этом далеко не самом благородном деле задавал Исмет.

Через пять дней после окончания работы съезда молодая республика провела первую перепись населения.

Всем было приказано оставаться дома до конца мероприятия.

Результат превзошел все ожидания.

Население Турции превысило 13,5 миллиона жителей.

Самым крупным городом — 700 тысяч жителей, по-прежнему оставался Стамбул.

Нселение Анкары приближалось к 75 тысячам.

В мае 1928 года король Аманулла стал первым главой государства, посетившим республиканскую Турцию, где ему был оказан пышный приём.

— Я вижу, — заявил по этому поводу Кемаль, — что солнце поднимется, чтобы изменить судьбу наций, страдающих в течение веков…

К несчастью, Аманулла был свергнут в следующем году интегристами.

Шах Ирана Реза Пехлеви тоже испытывал затруднения.

Оппозиционное духовенство заставила его отказаться от проекта создания республики, а многовековая вражда между турками и персами не способствовала сближению Тегерана и Анкары.

Но общее желание создать современный политический блок, защищаться от советских и английских амбиций и контролировать курдов оказалось сильнее.

Договор о дружбе, подписанный в 1926 году и подтвержденный два года спустя, освещал маленькую азиатскую Антанту.

Кто бы мог подумать еще в несколько лет назад, что Турция, Персия и Афганистан могли бы создать блок независимых мусульманских держав?

Молодая Турецкая Республика торжествовала.

Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю даже разрабатал проект азиатского союза, простирающегося до Японии, поскольку имена она, по мнению Кемаля, вместе с Турцией представляла два крайних полюса восточной цивилизации в Азии.

Токио увеличил торговый оборот с Турцией, но отказался от всяких политических соглашений.

Потерпев неудачу с Японией, Рюштю предложил свой опыт китайцам, и небезуспешно.

Анкара с удовлетворением и гордостью воспринимала высокую оценку проводимым преобразованиям и приумножала договоры о дружбе, которых было подписано уже около двадцати, — от Германии и СССР до Болгарии, Чили и Финляндии.

Анкара стремилась занять свое место на международной арене, забыть о пережитых унижениях.

Благодаря авторитету Кемаля Турция стала не только занимать достойное положение, но и задавать тон в международных отношениях региона.

Что же касается международных отношений, то Кемаль в определении их не был оригинален.

Он считал человечество единым телом, а каждую нацию частью этого тела.

«Что бы ни предпринимала отдельная нация для себя, она не добьется покоя, пока не будет хороших, добрых, мирных отношений между всеми народами мира».

«Турецкая республика не ставила иной цели, кроме той, чтобы быть полезным, активным и уживчивым членом международной семьи».

«Существующие между Азербайджаном и Турцией братские связи и порожденная ими искренность ценны не только сами по себе, но еще и потому, что при посредничестве Азербайджана осуществляются контакты с другими нашими друзьями».

«Если учесть географическое положение Азербайджана, то он является точкой соприкосновения и общения для братских правительств и наций Азии, а это особенное местоположение Азербайджана делает его задачу весьма важной».

«Связи турецкого народа с восточными нациями, с Россией, Азербайджаном, Афганистаном, Ираном, основаны не только на чувствах.

Они опираются на ряд реальных, материальных, непоколебимых принципов.

Поэтому, неверно думать, что наши враги, проникая к нам, сумеют своими внушениями расшатать эти связи».

«Основой, с которой наиболее тесно связана и на которую опирается внешняя политика — это внутренняя организация государства».

«Внешняя политика должна соответствовать внутренней организации, а внешняя политика гармонировать с внутренней».

«Прямая и открытая внешняя политика Турции опирается, прежде всего, на идею мира».

«Стараться решать мирными средствами любой возникающий перед нами вопрос международного характера — вот путь, который соответствует интересам и мировоззрению Турции».

«Турция признает за всеми живущими на земле нациями право, подтверждаемое всем современным цивилизованным человечеством и являющееся выражением самых возвышенных и гуманных идей, — право каждой нации определить свою собственную судьбу.

Турция требует, чтобы это право без всяких условий было признано также за нами».

«Для того, чтобы заставить выслушивать себя с известным уважением, как внутри страны, так и заграницей, по делам, касающимся судеб страны, необходимо опираться на волю нации».

«Внешняя политика нашей Турецкой республики имеет одну задачу — сохранить всеобщий мир и обеспечить международную безопасность».

«Изо дня в день руководство страны трудится над установлением дружбы и хороших отношений с нашими соседями».

«Внешняя политика всегда должна сама опираться на внутреннюю организацию и внутреннюю политику государства.

Иначе говоря, внешняя политика не должна ставить перед собой такие обширные цели, реализацию которых не может обеспечить внутренняя организация государства. В противном случае тот, кто проводит подобную иллюзорную политику, автоматически лишается какой бы то ни было точки опоры».

«В основном внешние связи Турции можно разделить на две категории: во-первых, отношения с Россией и странами Востока, во-вторых, отношения с государствами Запада».

«Внешняя политика Турции ставит своей целью сохранение мира и хороших отношений со всеми».

«В международных отношениях Турция является самыми

горячими сторонниками открытой и искренней политики, основанной на принципах взаимной безопасности и уважения друг друга».

«В международных отношениях нужно поддерживать дружбу».

«Ни одна нация не должна выступать против другой…»

Вот только несколько цитат Кемаля о внешней политике.

В особую статью были выделены отношения с Советским Союзом.

— Первым решением турецкого правительства, — подчеркивал Кемаль, — образованного Великим Национальным Собранием, было направить делегацию в Москву. Мы с Россией — друзья, ибо Россия раньше, чем кто-либо иной, открыто признала нашу полную независимость и протянула нам руку помощи. Отношения с другом и соседом Турции — Россией — имеют искренний характер…

Как видно из всех этих цитат, Кемаль ни сказал ничего нового.

Борьба за мир, дружба со всеми, верность России…

Обычный набор штампов.

И все же это были не просто слова, а слова человека, который прошел через ад войны и хорошо понимал цену миру.

Поэтому можно было быть уверенным в том, что Кемаль со всем своим авторитетом сделает все возможное, чтобы уберечь мир от новой войны.

Хотя бы на опредленном этапе.

Но в то же самое время он четко давал понять, что Турция способна себя защитить от любого агрессора.

— Я, — говорил он, — не сторонник вовлечения нации в войну по любому поводу. Воевать следует только в силу жизненной необходимости. До тех пор, пока жизнь нации не в опасности, война — это убийство. Наша турецкая армия находится в прекрасном состоянии, но до совершенства она еще не дошла. Однако нет никаких сомнений, что мы достигнем того, что поднимем армию на еще более высокий уровень, соответствующий ее престижу. Наша армия — это несокрушимая гарантия неприкосновенности турецкой земли и конечного успеха усилий, которые мы настойчиво прилагаем для осуществления идеалов Турции…

Слушая Кемаля и видя возрождение страны, западные страны начинали вести себя с известной осторожностью против совсем еще недавно совершенно бесправной в их глазах Турции.

Да, теперь Кемаль мог пользоваться всеми удобствами жизни и наконец-то вздохнуть свободно, о чем он мечтал все эти годы.

Еще во время измирского процесса он сказал:

— Нам давно уже пора перестать волноваться и подозревать, мы должны стать спокойными…

Глава XI

Но, увы, желанного успокоения он так и не обрел.

— Дайте ему место султана, — много лет назад сказал о нем Энвер, — и он потребует себе место бога!

И был прав.

Даже получив место и султана, и бога, Кемаль, как, во всяком случае, утверждали близко знавшие его люди, так и не обрел душевного равновесия.

К его великому сожалению, расслабление для него отождествлялось с обильными возлияниями, несколькими пачками сигарет и неимоверным количеством кофе, нежели с действительным освобождением от всех тревог души и тела.

И, наверное, с этим уже ничего нельзя было поделать.

Напряженные до предела в течение стольких лет нервы требовали хоть какой-то нагрузки, и таковую ему могли дать только ракы, кофе и сигареты.

И все же он нашел себе занятие.

За своим обеденным столом, за которым каждый вечер собирались «привычные» джентльмены.

Он выпивал несколько рюмок ракы и наичнал предаваться воспоминаниям в стиле своей речи на съезде партии.

Но если молодое поколение было готово поверить прославленному на весь мир человеку на слово, то у многих свидетелей всего происходившего в эти годы в стране рассказы Кемаля вызвали весьма неоднозначные чувства.

Зачастую они вообще терялись в догадках, о чем шла речь.

А снова допущенный к столу хозяина Рефет часто прерывал «воспоминания» хозяина отчаянным:

— Не выдумывай, Кемаль!

Чем вызывал его вполне понятное неудовольствие.

Ничего удивительного в стремлении Кемаля представить историю и себя в выгодном ему свете не было.

Да и какой политик будет поступать иначе?

С политиками вообще происходят в этом отношении странные вещи, и зачастую они настолько заговариваются, что порою уже и сами не в силах отличить правду от вымысла.

Не являвшийся исключением из этого правила Кемаль создал свою собственную легенду, и до недавнего времени никто не осмеливался подвергнуть сомнению изложенные им версии происходивших в стране событий.

Что же касается других участников всех этих событий, то только один Карабекир осмелился явить свету свои мемуары при

жизни Ататюрка и пролить свет на все рассказанное им.

Ознакомившись с творением своего бывшего соратника, Кемаль ничего хорошего для себя в нем не увидел.

И как вспоминали близкие к нему люди, чуть ли не после каждой строчки он яростно восклицал:

— Какая чушь!

10 апреля 1928 года Национальное собрание внесло исторические поправки в конституцию, в результате которых ислам перестал считаться государственной религией.

Было принято решение в официальных присягах больше не упоминать Аллаха и утвержден принцип свободы вероисповедания.

Так церковь была отделена от государаства.

В этой связи надо заметить, что ислам был обречен, даже если бы он и не был орудием политики.

Как было обречено на гонение православие в России.

И дело было не в «опиуме для народа» (марксимзм в этом смысле мало чем отличался от христианства с его тоже никому неведомым светлым будущем), а в том, что в стране не могло быть двух религий.

Так, в России на смену Богу-отцу пришел Маркс, место Бога-сына занял Ленин, а Святой дух был вытеснен диалектическим материализмом.

Святые мощи заняли свое место на Красной площади, а вместо закона Божьего стали изучать научный коммунизм и прочие утопические учения.

То же самое происходило и Турции.

Как и в советской России, формирование государственной идеологии с приходом к власти кемалистов началось с крутого поворота к светскости и к отрицанию религии как идеологической составляющей для новой власти.

Понятно, что на место старой религии должна была придти религия новая, светская.

И она пришла в форме турецкого национализма, заявившего о себе ещё при младотурках.

Что же касается самого Ататюрка, то он уже тогда задумывался над совсем другими измерениями.

— Я, — говорил он, — отнюдь не хотел бы отрицать красоты мысли о соединенных штатах мира, в результате создания которых опыт, знания и мышление всего человечества будут развиваться и совершенствоваться, а человечество откажется от христианства, ислама, буддизма, и будет создана чистая, незапятнанная, упрощенная, всем понятная универсальная

религия. Люди поймут, что до настоящего времени они обращали землю, на которой они жили, вместо несчастия, споров, подлостей и низменных стремлений, они решатся, наконец, вытравить все ростки заразы, которые всюду отравляют тело и душу…

Как видно в Ататюрке жил не только изощренный политик и прагаматик, но и не чуждый мечтаний философ…

А философ в нем, действительно, жил.

Да и не мог столько переживший и передумавший человек не быть философом.

Понятно, что Кемаль не был философом в общепринятом смысле этого слова, тем не менее, будет интересно познакомиться с тем, о чем он думал и мечтал.

Благо, что из его цитат можно узнать многое.

«Я не придерживаюсь системы — у одной стороны все признавать правильным, а другой стороне навязывать молчание».

«Эгоизм, будь он личным или национальным, всегда нужно рассматривать как зло».

«Цивилизация — это настолько сильная игра, что она сжигает и уничтожает всех, кто игнорирует ее».

«У меня не спрашивайте, что я сделал, спрашивайте, что я буду делать».

«Там, где есть взаимная любовь и уважение, есть доверие и послушание. Где есть доверие и послушание, есть дисциплина. Где есть дисциплина, есть покой. Где есть покой, есть успех».

«Те, кто воюет мечом, в конце концов, терпят поражение от тех, кто воюет сохой».

«Совершенно недопустимо под наплывом чувств выносить ложные суждения и отдаляться от основной задачи, пренебрегая самыми важными твердыми принципами».

«При виде сироты я испытываю глубокое сострадание и начинаю плакать. А ведь я плачу исключительно редко…»

«Практический и верный путь для успеха — намечать и осуществлять каждый этап действий в свое время».

«Полное наслаждение и счастье в жизни дает лишь труд ради чести, благополучия и счастья грядущих поколений».

«Нужно стремиться к тому, чтобы сблизить людей друг с другом и чтобы они любовались друг другом.

Нужно отказаться от всякого рода величественных, но фантастических проектов, посмотреть проницательным взглядом на действительность, коснуться ее руками и понять, чем именно стоит заняться и что начать претворять в жизнь».

«Необходимо избегать крайностей, не отказываться от

реальных выгод будущего ради сиюминутных преимуществ».

«Нельзя критиковать, основываясь только на тех или иных чувствах».

«Нельзя не печалиться при виде общего бедствия».

«Не нужно быть сверхчеловеком, чтобы понять действительность».

«Не всегда медлительность, есть отказ от принятого решения».

«Напомню вам одно философское изречение: „Кто довольствуется малым, богатство того неисчерпаемо“.

Пусть же эпоха развития экономики положит конец такой философии, почитающей нужду во всем за неисчерпаемое богатство, а нищету — за добродетель».

«Милосердие к врагу свидетельствует о слабости и бессилии. Это не проявление гуманности, а признак притупления человеческих чувств».

«Кто понимает великие истины, кто не испытывает других радостей, кроме духовных радостей, священных для сердца и совести, для тех материальные ценности, как бы высоки они ни были, не имеют значения».

«Кто служит нации, тот и становится ее господином».

«Клянчить о справедливости и жалости — это не может быть принципом».

«Каждый может свободно придерживаться любого образа мышления. Никто не должен в это вмешиваться».

«Каждый настоящий человек должен стыдиться того, что он неграмотный».

«Известно, что жизнь означает борьбу и столкновения».

«Если однажды мои слова будут противоречить науке — выберите науку».

«До сих пор я потратил слишком много времени для изучения цивилизованной жизни, и почему теперь я должен опускаться до уровня народа? Я должен поднять его до своего уровня!»

«Главное в идее — это ее способность быть воспринятой как абсолют без того, чтобы стать объектом критики».

«Все опирается на силу, на моральное и материальное могущество».

«Время поможет установить любой факт, любую истину в реалистических рамках истории».

«В критические моменты не следует пренебрегать и тем, что может иметь только временную пользу».

«В жизни успех достигается в борьбе».

Как это ни удивительно, но в своих рассуждениях о музыке

Кемаль поднимался до Конфуция.

— Разрушение любого государства, — много веков тому назад говорил Великий Учитель, — начинается именно с разрушения его музыки. Не имеющий чистой и светлой музыки народ обречен на вырождение…

Вслушиваясь в переливы звуков, Конфуций, по его словам, видел перед собой великих мудрецов древности.

При этом он не столько восхищался музыкой, сколько взирал на то, что скрывается за ней, на глубины времени, в которых он черпал вдохновение.

Сложно сказать черпал ли вдохновение в музыке Кемаль (а музыку он очень любил), но мерилом перемен в жизни нации он считал именно то, насколько «она воспринимает изменение в музыке».

Выше мы привели всего несколько цитат Кемаля, но и из них понятно, что философия Кемаля являла собой самую настоящую экзистенциальную философию.

Но разве этого мало?

И кто будет отрицать то, что все высказанные Кемалем мысли и идеи именно тем и ценны, что их высказывал проживший сложную и интересную жизнь человек.

Человек, который вершил судьбы целой страны и связанного с ней важного региона мира.

Человек, который имел право делиться своими мыслями с другими.

Ибо человек, способный заплакать при виде сироты и по музыке судить об изменениях в обществе, знал и понимал многое.

И большая игра на политическом поле здесь не в счет, поскольку руководить страной в столь сложное время человеку с сознанием Алеши Карамазова, просто невозможно.

Как это ни печально, но построить новое государство без единой слезинки ребенка невозможно.

Отделив церковь от государства, Кемаль готовился к своему последнему сражению, которому он придавал не меньшее значение, чем победам на полях войны.

— Наша программа просвещения, — говорил он, — ставит своей первой целью обучить абсолютно всех крестьян чтению и письму, познакомить их с основами географии, истории, религии и этики, достаточными для того, чтобы иметь общее представление о своей стране, народе и об остальном мире, научить их, наконец, четырем действиям арифметики. Достижение этой цели будет важным этапом в развитии у нас просвещения…

И задача перед ним, надо признать, была архисложной, ибо ему предстояло осуществить культурную революцию.

Более того, ему предстояло осуществить ее в стране, где умели читать и писать единицы, где не хватало учителей, а дорогу к грамотности преграждала арабская вязь.

С нее Кемаль решил начать, и 20 мая 1928 года Национальное собрание приняло решение о латинизации турецкого алфавита.

Через месяц состоялось первое заседание Комиссии по реформе турецкого языка.

— Великая турецкая нация, — считал Кемаль, — сможет быстро и с наименьшей затратой труда вырваться из мрака невежества только в том случае, когда его прекрасный и благородный язык получит алфавит на латинской основе…

Вопрос о реформе языка был предметом обсуждения уже нескольких поколений.

Османская элита говорила на тяжелом языке — смеси турецкого с элементами арабского и персидского языков и использовала арабский алфавит.

Арабский алфавит был слишком сложным для большей части населения, и турецкий народ не использовал османский язык, ограничиваясь «скудным языком пастухов», как его называло правительство.

Таким образом, реформа языка давно назрела и была обязательным этапом.

— Мы, говорил Кемаль еще во время войны за Независимость, — должны «приблизить» наш язык к западноевропейским языкам. И начнем мы нашу работу с армии и медицинских училищ…

Этот вопрос поднимался еще на конгрессе в Измире в 1923 году, но председательствующий на нем Кязым Карабекир отклонил его.

Исмет тоже неодобрительно относился к реформе.

Он хорошо помнил о безуспешной попытке Энвера в 1914 году рационализировать арабский алфавит и боялся такого же провала.

Через несколько недель после принятия решения Кемаль расспросил Фалиха Рыфкы о работе Комиссии по языку, в которой тот принимал участие:

— Какой срок, по вашему мнению, будет необходим для принятия нового написания? — спросил он.

— Одни говорят, пятнадцать лет, — ответил тот, — другие — пять, а во время этого периода оба алфавита будут

сосуществовать…

Кемаль нахмурился.

Ни пятнадцать, ни даже пять лет ждать он не собирался.

Ведь была не просто замена арабской вязи на латинские буквы, а разрыв с османской эрой.

Необходимо положить конец религиозному влиянию, дать возможность людям читать и писать, сблизить образ мышления турок с Европой.

— Это нужно сделать за три месяца или не делать вообще! — заявил Кемаль.

9 августа он находился в саду Сарайбурну, расположенного у подножия императорского дворца Топкапы, где у Золотого Рога воды Босфора встречаются с Мраморным морем.

В парке играл оркестр.

Неожиданно для всех Кемаль приказал оркестру замолчать.

— Дайте мне тетрадь! — сказал он и, написав латинскими буквами несколько фраз, попросил кого-нибудь прочесть текст.

Какой-то молодой взглянулв тетрадь и пожал плечами, увидев незнакомые знаки.

— Наш юный друг удивлен, — сказал Кемаль, передавая тетрадь Фалиху Рыфкы, — так как не знает настоящий турецкий алфавит. Я попрошу прочесть текст одного из своих друзей…

Фалих без труда прочитал слова Кемаля о том, что турецкая письменность — это не арабская письменность и турецкая музыка — тоже не арабская.

— Если 80 процентов нации неграмотно, — снова заговорил Кемаль, — то это не наша ошибка, а тех, кто, не зная характера турок, загружал его голову многосложным грузом. Настало время исправить эти ошибки. И мы их исправим. Я призываю соотечественников активно участвовать в искоренении этих ошибок. В течение года, в крайнем случае, двух, всё турецкое население должно выучить новый алфавит. Своей письменностью и образом мышления наш народ покажет, что занимает свое место в цивилизованном мире…

Раздались аплодисменты.

Довольный произведенным эффектом Кемаль поднялся со своего кресла со стаканом ракы в руке.

— В прошлом, — усмехнулся он, — лицемерные самозванцы имели привычку пить намного больше. Я — не самозванец, и я пью в честь моей нации!

Надо ли говорить, что все окружающие его люди последовали его примеру.

Через две недели Кемаль приехал в Текирдаг, расположенный на европейском берегу Мраморного моря.

Именно там когда-то стояла 19-я дивизия, которой командовал Кемаль в начале битвы за Дарданеллы.

Все чиновники приглашены на курсы нового алфавита, и губернатор должен написать слова «жандарм» и «абрикос».

Самым способным оказался молодой служащий, доставивший большую радость Кемалю.

— Вы увидите, — воскликнул он, — наш народ будет читать и писать гораздо раньше, чем мы думаем!

Через полтора часа Кемаль покинул чиновников и смешался с толпой на улице.

Увидев шедшего ему навстречу имама, он спросил:

— Ходжа, знаете ли вы новый алфавит?

— Нет, — покачал тот головой, — мой паша, я пока еще не выучил его…

Кемаль протянул имаму бумагу и попросил его написать молитву старым алфавитом.

Когда имам закончил, Кемаль переписал молитву латинским шрифтом.

— Постарайтесь быстро выучить новые буквы и призывайте всех это делать, — сказал он имаму. — В следующий раз вы должны будете это знать…

Имам вздохнул, но ничего не сказал.

Вернувшись в Стамбул, Кемаль выступал на многочисленных конференциях в залах Долмабахче для депутатов, государственных служащих и университетских преподавателей.

С присущей ему настойчивостью и резкостью он напоминал слушателям о том, что они должны активно и не жалея сил включиться в эту новую битву.

Его призыв был услышан, и университет Стамбула, где было немало сторонников арабской письменности, немедленно организовал коллоквиумы и курсы по изучению нового алфавита.

Более того, руководство университета устанавило громкоговорители на площади университета и перед главными мечетями, чтобы упростить работу с учениками.

1 ноября, когда Национальное собрание проголосовало за закон о новом алфавите, движение за его освоение алфавита уже охватило всю страну.

Для пропаганды нового алфавита Кемаль посетил побережье Черного моря и часть Центральной Анатолии.

«Он сам выступает в роли учителя, — писал об этом путешествии президента французский посол Шамбрен, — обучая офицеров, чиновников, коммерсантов, школьников, людей, случайно выбранных из народа, покоренных как авторитетом его

личности, так и волшебной привлекательностью открытия, которое должно искоренить невежество».

И люди отвечали ему пониманием.

Посетивший Анатолию в то дни французский этнолог Питтар восторженно рассказывал о «потрясающей активности народа, полностью посвятившего себя осуществлению задачи, которую поставили перед ним как необходимую».

Только там, в Анатолии, француз понял, что энтузиазм Кемаля, желавшего «за три месяца научить народ читать и писать», не просто слова.

Старались и депутаты.

Да и как не стараться, если Кемаль предупредил:

— Все те, кто попытается встать на моем пути, будут безжалостно уничтожены. Мои соратники и я сам, мы пожертвуем нашими жизнями, если понадобится, чтобы добиться триумфа этой цели…

После того как закон был принят, мобилизация еще более усилилась.

В стране открылось около 20 тысяч национальных школ для обучения населения новому алфавиту, а сам Кемаль стал «первым профессором»,

В результате преобразования турецкого алфавита, переложения турецкой фонетики на латинскую письменность новая Турция обрела алфавит простой, одновременно европейский и национальный.

На новый алфавит переходила пресса, а коммерсанты все чаще стали офромлялять свои документы на латинице.

Только за один год около 500 тысяч турок научились писать и читать, а между 1928 и 1935 годами грамотность возрастет на 10 процентов.

Дело дошло до того, что правительство наказывало начальников тюрем, если выходящие на свободу после полугода заключения не умели читать и писать.

Революция знаков еще больше отделила Турцию от Османской империи.

А сам Кемаль вошел в мировую историю как единственный революционер, который внедрил новый язык.

В 1929 году в Турции появился высланный туда Сталиным Лев Троцкий.

Некоторые исследователи утверждают, что по прибытии в Турцию чекисты передали Троцкого «из рук в руки» турецкой контрразведке.

Сам Лев Давидович не сомневался в том, что его ссылка в

Турцию является результатом сговора Сталина с Кемалем.

А что тут сомневаться?

Не могли же столь одиозную личность привезти в Турцию без согласия ее президента.

И, конечно, они договорились.

Как Кемаль относился к Троцкому?

Надо полагать, плохо.

Троцкий олицетворял безмную идею мировой революции со всеми вытекающими для Труции печальными последствиями.

По той простой причине, что постоянная революция означала постоянную войну.

В то время как «опомнившийся» Сталин явился олицетворением отказа от мировой революции и строителем социализма в «отдельно взятой стране».

Во всяком случае, в те годы.

И в перерождении марксистской доктрины интернационализма в национально-государственническую доктрину Кемаль видел нечто родственное.

Импонировало ему и то, что в тот момент основные политические цели Сталина сводились к сохранению status quo на международной арене.

Для Кемаля это означало только то, что ни о каком «Красном Курдистане» теперь не могло быть и речи. Ататюрка.

А ведь именно курды оставались единственным крупным нетурецким этносом на территории Турецкой Республики.

И это, несмотря на то, что Багиров предлагал Сталину воссоздать Красный Курдистан на севере Нахичеванской АССР Азербайджана — в Норашенском районе, граничащем с Арменией и Турцией.

По его мнению, такое расположение округа помогло бы установить более тесные связи с курдами Турции и Ирана.

Затем автономию планировалось расширить за счет курдских районов Игдыр и Нор-Баязит в турецкой части Западной Армении, которую намечалось вернуть Армянской ССР.

Сталин отказался.

Если верить некоторым историкам, то все общение Кемаля с беспокойным гостем выразилось в его обещании Троцкому, что его «никогда не интернируют и не сделают объектом любого насилия на турецкой территории».

Слова своего он не сдержал, и турецкая контрразведка предупредила Троцкого, что на него готовят покушение оставшиеся еще в Стамбуле русские белогвардейцы.

После чего Кемаль порекомендовал Троцкому «в целях личной безопасности» переселиться на остров Принкипо.

Лев Давыдович решил не искушать судьбу и в мае 1929 года перебрался на Принкипо.

«Принкипо, — напишет в своих воспоминаниях Троцкий, — остров покоя и забвения.

Мировая жизнь доходит сюда с запозданием и в приглушенном виде.

Здесь хорошо работается с пером в руках, особенно осенью и зимой, когда остров пустеет.

Нет телефона.

Ослиный крик успокаивает нервы.

Теперь трудно поверить, что существует на свете столько людей, кровно заинтересованных в спасении моей души».

Не вызывает сомнения и то, что Троцкий и его семья находились под пристальным надзором турецких спецслужб, которые подробно информировали Москву о всех передвижениях изгнанника и его контактах.

Только 17 июля 1933 года Троцкому удалось покинуть Турцию и выехать в Париж.

Что же касается самого Сталина…

В начале 1930-х годов для Кемаля он являлся важной, но уже не первостепенной внешней политической фигурой.

Будучи диктатором, Кемаль, тем не менее, очень четко проводил грань между собой и большевиками.

— Бесчеловечной и в высшей степени достойной сожаления является система, — в одной из бесед о Сталине и Советском Союзе как-то заметил он, — при которой людей заставляют перерезать друг другу горло якобы для того, чтобы сделать их счастливыми…

В 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер.

Германия вступала на путь модернизации, укрепляя свое внешнеполитическое положение.

Кемаль придавал этому фактору огромное значение.

Не мог он обойти внимание и то, что Гитлер называл его «сияющей звездой» во тьме 1920-х годов.

И именно революция Ататюрка и новая Турция якобы увлекли немецких националистов и крайне правых в ранние годы Веймарской республики, как ни одна другая тема того времени.

В 1924 году Гитлер утверждал, что Ататюрк произвел наилучшую из двух революций, второй по значимости он считал революцию Муссолини.

Более того, в 1938 году, когда Гитлер описал Ататюрка как великого учителя, чьим первым учеником стал Муссолини, а вторым — сам Гитлер.

Понятно, что внешняя политика Турецкой Республики стала претерпевать изменения в отношении Советской России и западных государств.

Одна линия в политике кемалистов, которая в середине 1930-х годов оказалась в меньшинстве, была направлена на укрепление дружеских отношений с Советской Россией.

Другая, которую турецкие историки назвали «правым крылом», была направлена на сотрудничество с Западом.

Третья линия, состоящая в основном из ветеранов-иттихадистов, ориентировалась на тесное сотрудничество с Германией и предполагала возможный альянс: Анкара — Берлин — Москва.

— В своих внешних сношениях, — говорил Кемаль, — мы проводим совершенно самостоятельную и независимую политику, диктуемую интересами нации. Наш меджлис и его правительство далеки от воинственности и склонности к авантюрам. Наоборот, мы предпочитаем мир и спокойствие. Всей душой мы стоим за торжество гуманизма и культуры и постоянно стремимся установить на таких основах добрые отношения и дружественные связи как с восточным, так и с западным миром…

Однако Кемалю не удалось последовательно придерживаться проповедуемого им принципа «равноудаленности», несмотря на то, что в 1935 году был продлен подписанный еще в 1925 году между Турцией и СССР договор о дружбе и нейтралитете.

К 1936 году на долю Германии приходилась половина всей внешней торговли Турции, что сказалось и на определенном крене в политике.

Как писала недавно турецкая газета «Замен», «Турции теперь предлагалось собственными руками развязывать уже германский узел халифата против Англии в Мосуле».

«Разрушив до основанья» две империи, Османскую и Российскую, на обломках самовластья кемалисты и большевики начали рисовывать свою собственную геополитическую картину.

Теперь главной задачей становилось выстраивание стабильной системы сдержек и противовесов, чтобы не множить на рубежах новых государств без необходимости лишние проблемы.

Да, несмотря на различие политических систем, Сталин и Ататюрк пока находили общий язык.

Однако с ростом набирающей силы нацистской Германии и стран «оси» становилось понятно, что рано или поздно Москва и Анкара встанут перед необходимостью поиска нового баланса.

И, если учесть то, что 27 июня 1929 года Кемаль начал борьбу с коммунистической пропагандой, было не сложно

предугадать, к какому берегу пойдет Турция.

Иначе уже и быть не могло.

Основа коммунимстической идеологии — классовая борьба выносилась за рамки турецкого общества и усматривалась лишь в историческом прошлом Европы.

Именно поэтому идеологи кемализма проповедовали не разделение общества по классовым признакам, а идею корпоративизма турецкого общества, которое единым целым должно противостоять развитому миру.

И именно корпоративизм в своеобразной форме являлся одним из идейных столпов кемализма.

Согласно ему, именно республика как надклассовая общность поглощает в себе антагонистические классовые противоречия.

— Наш турецкий народ, — говорил по этому поводу Ататюрк, — не состоит из классов, материальные интересы которых противоположны друг другу; наоборот, он состоит из классов, заинтересованных во взаимном существовании и совместной деятельности…

Эту идею в течение нескольких лет транслировал на своих страницах известный журнал «Kadro», в котором сотрудничали фелущие интеллектуалы Турции того времени.

Несмотря на осторожную позицию журнала во внутриполитических вопросах, он был закрыт в 1934 году, но оказанное им мощное интеллектуальное влияние чувствовалось еще достаточно долго.

В это связи надо заметить, что одним из постоянных авторов журнала был турецкий философ Бурхан Асаф Бельге.

Депутат меджелиса, он был отцом известного турецкого интеллектуала Мурата Больге, первого мужа известной актрисы Зазы Габор и родственника Якуба Караосманоглу.

Известная своими романами актриса некоторое время состояла в связи с Кемалем.

Как поговаривали, она была замешана в покушении не него в 1926 году.

А вот покинула она Турцию только после смерти Ататюрка.

Желание Кемаля не допустить коммунистическую пропаганду в Труции совершенно понятно.

Да и как еще могли относиться к этой самой пропаганде кемалисты, проповедовавшия западные ценности?

Что же касается самого Кемаля, то все, что не имело образца для подражания, было лишено для него смысла.

Да и какое могло быть подражание большевикам, уничтожавшим свой собственный народ?

Ко всему прочему, Кемаль не собирался ехать в Гренаду,

чтобы отдать землю испанским крестьянам, он хотел сделать сытыми и богатыми собственных крестьян…

Глава XII

В 1929 году молодую республику ждало новое испытание на прочность.

Именно в том году разразился мировой экномический кризис.

Кризис нарушил складывавшуюся в первые годы мирного времени тенденцию в фрмировании социально-экономической структуры республики.

Она предусматривала постепенную эволюцию отсталой экономики на принципах экономической независимости, государственной поддержки национального частного капитала.

В аграрной Турции кризис оказал негативное воздействие главным образом на сельское хозяйство.

Неблагоприятная картина стала характерной и для промышленности, ремесленные и кустарные мастерские и немногие малоэффективные текстильные фабрики оказались не в состоянии.

Конкурировать в условиях кризиса с фабричной продукцией, ввозимой из Европы, часто по демпинговым ценам.

Надо отметить и то, что в столь сложное для всей мировой экномики время руководство Турции продолжало работать.

Да и что было паниковать, если сам Кемаль как-то заметил:

— Весь мир — это поле всяческих испытаний…

А их на его долю выпало предостаточно…

Тем не менее, экономическое положение в стране было очень серьезным.

Плохо обстояли дела с финансами, поскольку полным ходом шла национализация принадлежащих иностранцам предприятий и строились новые железные дороги, которым Кемаль придавал первостепенное значение для обороны страны и создания внутреннего рынка.

Положение осложнялось и тем, что Кемаль был полон решимости справляться с трудностями без привлечения западного капитала.

Он был уверен в том, что его народ сумеет быстро выучиться и самостоятельно построить развитое общество.

Да, он признавал, что в социальном отношении турки пока еще являются бедным народом, который трудился для спасения своей жизни и независимости.

Признавая, что в экономике он «абсолютный ноль», Кемаль, тем не менее, много рассуждал о ней.

— Когда мы говорим «экономика», — постоянно повторял

он, — это значит сказать: «все, что необходимо для жизни, для счастья». И поэтому нащша задача — возвыситься до уровня самой цивилизованной и самой благоденствующей нации.

Он считал, что для того, чтобы существование нашей нации могло быть счастливо и устойчиво, государство должно вести исключительно национальную политику.

В свою очередь, эта политика должна полностью соответствовать внутренней организации и опираться на нее.

Поскольку полная независимость была возможна только при экономической независимости.

— Тот, кто говорит о полной абсолютной независимости, — считал Кемаль, — говорит о независимости политической, финансовой, хозяйственной, правовой, военной, культурной и т. д. Если в какой-либо из перечисленных отраслей независимость не была бы полной, это было бы равносильно тому, что нация и страна не достигли независимости в полном смысле этого слова…

Когда он говорил о национальной политике, то придавал этому следующий смысл: работать в пределах национальных границ для процветания нации и страны, опираясь при этом, прежде всего, на собственную силу.

По его словам, нельзя было занимать народ иллюзорными идеями, каковы бы они ни были, ибо это не могло ему принести ничего кроме вреда.

Поднимая Турцию до подобающего ей уровня, необходимо при всех условиях придавать первостепенное значение экономике.

Ибо наше время, — утверждал Кемаль, — это в полном смысле слова эпоха экономики, а народ, не использующий технику, оказывается в стороне от прогресса…

Огромное внимание он уделял вопросу о финансах, так как прекрасно понимал: стоит государству потерять свою финансовую независимость, как оно сразу же утратит независимость и во всех других отношениях, ибо ни один орган государства не может жить без финансов.

Для сохранения же финансовой независимости, считал он, важнее всего сбалансированный и соответствующий экономической структуре бюджет.

Кемаль провозгласил национальным лозунгом максимальную экономию.

Согласно ему, финансовая политика должна исходить из принципа обеспечения государству достаточных доходов, не возлагая слишком тяжелого налогового бремени на народ, не разоряя его и по мере возможности не обращаясь за границу с

просьбами помочь нам в нашей нужде и бедности.

— Наша турецкая нация земледельческая, — говорил Кемаль. — Если бы земледельцы не составляли подавляющее большинство нашей турецкой нации, то нас сегодня не было бы на свете. Кто хозяин и господин Турции? Давайте немедленно и единогласно ответим на этот вопрос так: подлинным хозяином Турции и ее господином является крестьянин, наш основной производитель. В таком случае турецкий крестьянин больше всех заслуживает богатства, счастья и благополучия. Земледелец и пастух — это основной элемент нашей турецкой нации. Правда, этому основному элементу необходимы и полезны также и другие элементы. Уважаемые земледельцы, вы — наши отцы, вы — наши господа! Именно поэтому соха — является нашим пером, которым мы будем писать нашу национальную историю, историю народной, национальной эпохи…

Отсюда вытекало требование Кемаля во все времена обращать особое внимание на то, чтобы подготовить хороших крестьян.

— С помощью современных экономических мероприятий, — говорил он, — мы должны довести до высшего предела продуктивность сельского хозяйства. Основное содержание нашей экономической политики должно состоять в том, чтобы максимально повысить в пользу крестьянина результаты его труда…

Конечно, Кемаль прекрасно понимал, что, как бы он не возвеличивал нацию и не воспевал ее способности, сразу у нее ничего не получится.

Только кропотливый, зачастую изнуряющий труд мог привести к желаемому результату.

А потому и призывал:

— Наш лозунг: «Любыми средствами, хотя бы на одну пядь в день, удлинять нашу железнодорожную сеть и, каковы бы ни были обстоятельства, не откладывать работу ни на один день!» Я уверен, что этот лозунг полностью отвечает действительным потребностям нашей турецкой нации…

Понятно, что речь здесь шла не только о железной дороге.

Отдавая отчет о грандиозности и сложности поставленной перед страной задачей, Кемаль большое значение придавал работе правительства.

Поскольку по большому счету именно оно, а не он, было призвано решать эту самую грандиозную задачу.

И решать ее оно должно было так, как это было принято в цивилизованных государствах, в которых осуществлялся принцип национального суверенитета, признан.

— Политическая группа, — говорил Кемаль, — которая являлась наиболее яркой выразительницей общих стремлений всего народа и способна с наибольшим авторитетом и энергией отстаивать его требования и интересы, должна взять на себя руководство государственными делами и доверить ответственность за него своему наиболее выдающемуся вождю. Правительство, которое не соответствовало бы этим условиям, не могло бы осуществлять своей задачи. Невозможно было бы найти логики в стремлении сформировать слабое правительство из второстепенных лиц входящих в состав мощной группы, с тем, чтобы подобное правительство управляло на основании советов и инструкций выдающихся вождей той же группы. Именно поэтому всякое действие центрального правительства, направленное против воли нации, обречено остаться безрезультатным…

При этом Кемаль считал, что принципом, применяемым при создании правительства должен стать принцип теории единства сил.

Согласно этой теории сила правительства будет полностью зависеть от того, пойдет ли оно по пути, который вызовет убеждение, что оно во всем опирается на национальные силы.

Поэтому, прежде чем создавать правительство, пользующееся доверием нации, необходимо сначала сформировать силы, на которые такое правительство смогло бы опереться.

Вывод?

Неразумно создавать слабое правительство из числа второстепенных членов сильной парламентской группы и пытаться руководить им по инструкциям и наставлениям выдающихся лидеров партии.

Но при этом, уверял Кемаль, при всяком правительстве и во всякое время имелось место для интерпелляции.

Более того, Кемаль говорил о том, что необходимо, чтобы народ следил за правительством.

— Если правительство поступает дурно, — уверял он, — и народ не протестует против этого и не добивается его падения, то такой народ разделяет со своим правительством ответственность за все совершенные им ошибки…

Понятно, что Кемаль был далек от настоящей экономики, которая требовала не лозунгов, а ежедневной кропотливой работы, денег и знаний.

И, конечно, он до поры до времени пребывал в известной эйфории, полагая, что доходы страны гарантируют успешное осуществление наших национальных задач.

— Наши финансы, — заявлял он, — хотя они и бедноваты, позволят нам, как позволяли до настоящего времени, успешно

управлять страной не прибегая к внешним займам. В сфере финансов мы разрешили один имеющий очень большое значение вопрос, а именно: нам удалось составить более или менее сбалансированный бюджет.

Но гладко было на бумаге, на самом деле уровень жизни катастрофически падал, и совершивший в начале 30-х годов очередную поездку по стране Кемаль был неприятно поражен увиденым.

— Я сейчас выступаю, — говорил он на встречах с людьми, — не с заранее подготовленной речью. Моя цель — простая братская беседа с вами. Ваш собеседник в эту минуту не председатель Великого национального собрания Турции и не главнокомандующий, а просто депутат, очень вас любящий соотечественник Мустафа Кемаль. Поэтому прошу вас спрашивать меня свободно обо всем, что вы хотели бы узнать…

И он узнал.

В основном жалобы.

— Где бы мы ни оказались, — рассказывал он неприятно пораженный увиденным, — на нас сразу же обрушиваются лавины жалоб. Повсюду бедность, упаднические настроения, нищета. И как ни печально, это истинное состояние страны!

Оправдывался ли он?

Не очень.

— Но в этом нашей вины нет, — объяснял он причины создавшегося положения. — Безответственные правители, не обращая никакого внимания на развитие мирового хозяйства, десятилетиями тащили нашу страну к пропасти. Большинство наших служащих совершенно некомпетентно. Наш бедный народ имеет способности, но он попал под влияние религиозных предрассудков, представленных ему как священные догмы…

Кемаль всегда отмечал, что для него главной опорой и источником поддержки является народ.

И вот теперь эта самая «поддержка» сама молила его о помощи.

Конечно, ничего особенно нового Кемаль из этой поездки не вынес, и его по-прежнему встречали все те же ликующие толпы, все те же льстивые речи чиновников и все та же бедность и нищета.

Но одно дело слышать все эти вещи в рабочем порядке от чиновников, и совсем другое — выслушивать их от уставших от тяжелой жизни людей.

— Для меня, — часто повторял Кемаль, — было абсолютно необходимо самым заботливым и внимательным образом изучить

мнение и настроения как всего народа, так и отдельных лиц, сделать из этого вывод о том, к чему склоняется нация, и принять на основании этого анализа правильное и осуществимое решение…

И он принял его, решив создать в стране оппозиционную партию.

По той простой причине, что не мог не понимать того, что рано или поздно, но в его полунищей стране обязательно найдется новый борец за «светлое будущее».

И снова начнется борьба за лучшую жизнь.

Только теперь не с султаном и османским правительством, а с ним самим.

А раз так, то ему надо сыграть на опережение и создать оппозицию самому, не дожидаясь очередного борца за светлое будущее.

Конечно, он очень надеялся и на то, что свободное обсуждение проблем и критика правительства помогут находить решения по самым острым вопросам.

Надо полагать, что именно это было главным в его решении.

Но Кемаль никогда не забывал и того, что слово «оппозиция» в Турции означало революцию…

И как здесь не вспомнить знаменитое выражение Конфуция: «Долго скрытый огонь разгорается в непреодолимый пожар; огонь, обнаружившийся, легче тушится…»

Во главе «оппозиционной» партии он решил поставить известного своими либеральными настроениями Али Фетхи.

Благо, что тот приехал в Стамбул в отпуск из Парижа, где работал послом.

После очередного обеда Кемаль попросил Али Фетхи и губернатора Самсуна задержаться.

— Выражают ли люди недовольство правительством? — спросил он губернатора, своего старого соратника по оружию.

— Да, люди недовольны, — ответил Кязым. — Особенно достается работе трибуналов…

— А что думают о ситуации в нашей стране за границей? — обратился Кемаль к Али Фетхи.

— Там считают, — ответил тот, — что наша финансовая и экономическая ситуация очень плоха…

Кемаль задумчиво покачал головой.

Так, словно он не знал этого.

Ведь даже мало что понимавшему в экономике было понятно, что экономический кризис в Турции двадцать седьмого года, резкое повышение налогов с целью финансирования развития

промышленности и железных дорог, значительный рост импорта в сочетании с введением новых таможенных тарифов, падение курса турецкой лиры и, наконец, мировой кризис, захвативший и Турцию, не могли улучшить жизнь страны.

Дело дошло до того, что правительство Исмета было вынуждено ввести контроль за обменом валюты.

С целью проведения более независимой денежной и финансовой политики Исмет добился создания Центрального банка Турции.

Таким образом, он положил конец семидесятилетнему периоду, в течение которого Османский банк совместно с французами и англичанами определял политику турецких финансов.

Но этого было недостаточно, и тот же Исмет просил Запад о пересмотре соглашения о выплате османского долга, заключенного Фетхи в 1928 году.

— Правительство делает многое, — продолжил игру Кемаль, — но этого явно недостаточно. И возникает вопрос: что нам делать, чтобы преодолеть низкую эффективность правительственной политики?

— Я думаю, — не совсем уверенно ответил Али Фетхи, который так и не мог понять, куда клонит Кемаль, — эту проблему должно решать Национальное собрание…

Кемаль покачал головой.

Он закурил.

Али Фетхи и губернатор хранили почтительное молчание.

— Нам, — негромко произнес Кемаль, — следует создать оппозиционную партию, чтобы придать больше свободы дискуссиям в Национальном собрании…

При этих словах Али Фетхи удивленно пожал плечами.

Достаточно искушенный в политике, он не мог не понимать, что создание оппозиционной партии, в первую очередь, ударит по давно уже не пользующемуся популярность правительству действовавшим драконовскими методами Исмета.

Да и в высшей степени надуманные и искусственные выборы 1927 года, прошедшие словно «праздник», удручающе повлияли на Национальное собрание.

Так оно и было, и уже в течение нескольких месяцев хорошо информированные круги повторяли, что Кемаль больше не верит в своего премьер-министра и хотел бы его заменить.

Кроме того, бывший генеральный секретарь «Единения и прогресса» хорошо знал о тех скандалах, которые в свое время сотрясали их партию.

И он даже не сомневался, что теперь дует то же самое, только

в еще более неприглядной форме.

К его удивлению, Кемаль не стал продолжать этот разговор и стал его расрашивать о жизни политической элиты Франции…

Но уже на следующий день Кемаль снова вернулся к теме создания оппозиционной партии.

На этот раз он обсуждал этот вопрос с Али Фетхи, Исметом, президентом Национального собрания Кязымом и своим доверенным Нури.

— Конечно, это необходимо! — заявил Исмет. — Но не сейчас…

— Нет, — покачал головой Кемаль. — Именно сейчас, и я очень надеюсь на то, что наш уважаемый Али Фетхи не откажется возглавить партию?

От неожиданности Али Фетхи вздрогнул.

Да и как не вздрогнуть?

Ведь Кемаль предлагал ему не увеселительную прогулку по Мраморному морю, а весьма опасные игры на самом краю политической пропасти.

Он хотел было возразить, но, взглянув в холодные глаза Кемаля, понял, что это бесполезно.

— Вот и прекрасно, — истолковав молчание старого приятеля за знак согласия, удовлетворенно кивнул Кемаль.

Прекрасно понявший всю тайную суть иносказаний президента Исмет помрачнел.

— Я хотел бы, — продолжал Кемаль, обращаясь к Али Фетхи, — создать на самом деле свободную парламентскую республику, столь же далекую от большевизма, как и от фашизма. Я попрошу вас, — продолжал Кемаль, — написать мне письмо, объявляющее о вашем проекте создать партию…

— Я сделаю это завтра, — ответил теперь уже бывший посол Турции в Париже.

Как и у всякого политика, у Али Фетхи была своя собственная концепция по выводу страны из кризиса, и теперь ему представился, как он хотел надеяться, пусть и небольшой, но все же шанс в борьбе с жестоким экономическим правлением Исмета.

— Мне бы очень хотелось, — взглянул он на хмурого Исмета, — чтобы наши партии работали вместе…

— Так и будет! — без особого энтузиазма заверил его тот.

— Я, — снова вступил в разговор Кемаль, — буду всячески помгать вам, а сейчас скажите мне, сколько вам надо денег для начала работы?

— Я не могу вам назвать необходимую сумму, — пожал плечами Али Фетхи, — но лидеры Народной партии знают, какая

сумма нужна!

— Я не помню нашего бюджета, — откровенно солгал Исмет, являвшийся генеральным секретарем Народной парии.

На следующий день Али Фетхи вручил свое послание президенту, и тот сделал официальное заявление прессе:

— Фетхи-бей только что согласился взять на себя труд возглавить новую партию, что, я думаю, будет очень полезно для страны. Очень хорошо иметь две партии в Национальном собрании, что позволит обсуждать проблемы, критиковать недостатки и изыскивать новые возможности. Таким образом, мы сможем избежать выступлений против нашего режима…

Так родилась либеральная республиканская партия.

Кемаль не скрывал своей радости.

— Я, — сказал он Али Фетхи за ужином, — дам вам сорок или пятьдесят наших друзей. Сколько депутатских мест хотели бы вы на будущих выборах?

— Мне надо сто двадцать депутатов, примерно треть нынешнего состава, чтобы партия смогла работать серьезно и была достойно представлена в Совете министров, — ответил Фетхи.

— Не больше пятидесяти! — воскликнул Исмет, которому все больше не нравилась эта заетя.

Заметив недовольный взгляд Кемаля, он уступил до семидесяти.

Вечером Кемаль пригласил к себе Ахмета Агаоглу.

Это был ярый националист, который приехал в Стамбул еще в 1908 году, когда он присоединился к юнионистам.

В течение двадцати лет этот интеллектуал держался обособленно, поражая своей уравновешенностью, добротой и утонченностью.

Прибыв в Анкару в 1921 году, он стал ответственным за информацию и всегда был за «дискуссии».

— Вы, — сообщил ему Кемаль, — будете работать с президентом либеральной партии Фетхи-беем…

— А не мог бы я выбрать между Исмет-пашой и Фетхи-беем? — поинтересовался осторожный Агаоглу.

— Нет! — отрезал Кемаль. — Вы будете с Фетхи-беем!

В следующие дни Кемаль занялся отбором кандидатов на роль оппозиционеров.

— Обе партии будут как мои приемные сыновья, — объяснил он Фетхи и Исмету. — Уверяю вас, что я буду одинаково относиться к обеим партиям…

Затем он подарил наиболее молодому «приемному сыну» два персональных подарка: Нури, который станет генеральным секретарем либеральной республиканской партии, и свою сестру Махбуле.

Затем он еще раз заверил Фетхи в своей беспристрастности «по отношению к партиям» и в том, «что новая партия не встретит никакого противодействия своей активности в пределах светской республики».

Кемаль не только составил список тех депутатов, кто должен был перейти из правящей партии в оппозиционную, но и продиктовал ее программу.

Несмотря на заверения Кемаля и телеграммы с поздравлениями, полученные в большом количестве, Фетхи и Ахмет Агаоглу, хорошо знающие друг друга со времен юнионистов, испытывали серьезное беспокойство.

Ведь им уже была известна нагативная реакция Исмета и всех сил, поддерживающих его на создание оппозиционной партии.

Да и не верили он в объективность Кемаля.

Легко было рассуждать о ней за ужином, а вот как поведет себя президент во время партийных схваток и склок, никто не знал.

Не сомневались они только в том, что ни скандалов, ни ссор им не избежать.

Да и сам Исмет не был мальчиком для битья.

И не случайно сам Кемаль говорил о том, что «в Турции нет человека, более влиятельного, чем Исмет-паша».

— Он, — шутил президент, — победил лорда Керзона, осилит он и вас!

Впрочем, Исмет и уже готовился к сражению.

На открытии железной дороги Анкара-Сивас он произнес речь, в которой оправдывал политику правительства по строительству железных дорог и напоминал о том, какое внимание оно уделяет крестьянам.

Еще в ноябре 1929 года Исмет отмечал, что за год правительство распределило крестьянам 11 тысяч гектаров земли.

Премьер уже наслышан о пожеланиях оппозиции: снизить налоги, замедлить темп широкомасштабного строительства, привлечь иностранные капиталы, уменьшить вмешательство государства в жизнь граждан и частных предприятий, расширить политические права женщин и увеличить сотрудничество с Лигой Наций…

Известно ему и то, что группа «Бизнес Банка», возглавляемая Джелялем, поддержала ряд предложений новой партии, в отличие от Исмета и его соратников.

Но Исмет твердо стоит на своем.

— Иностранные капиталы, — отвечал он оппонентам, — это займы, угрожающие национальному суверенитету; только промышленное развитие, осуществляемое государством, способно эффективно защитить нас, а европейская демократия — всё еще слишком большая роскошь для нас…

12 августа 1930 года Либеральная республиканская партия была создана, и очень скоро Кемаль убедился не только в бессмысленности, но и в опасности своей затеи.

Несмотря на всю свою условность, новая партия сразу же привлекла к себе всех недовольных жизнью, и первая же поездка Али Фетхи в Измир превратилась в самую настоящую демонстрацию против режима.

Стоило ему 5 сентября сойти с парохода, как он был окружен огромной толпой, и собравшиеся потребовали его немедленного выступления.

Растерянный Али Фетхи выдавил из себя несколько лозунгов, передал привет жителям Измира от «духовного руководителя нации» и несмело произнес несколько критических слов в адрес Исмета.

Но даже эти робкие замечания вызвали у собравшихся необычайный энтузиазм, и воинственно настроенная толпа принялась громить редакции официальных газет и рвать портреты ненавистного Исмета.

Затем измученные отсутствием свобод граждане двинулись к штаб-квартире Народно-республиканской партии и камнями выбили все стекла в ее окнах.

Полиция открыла по демонстрантам стрельбу.

Шальной пулей был убит четырнадцатилетний подросток, и его отец принес труп сына к Фетхи.

— Вот первая жертва, — сказал он. — Мы готовы на другие. Спаси нас!

Губернатор Измира и бывший адъютант Кемаля запретил Фетхи выступить с речью.

Он запросил по телеграфу Кемаля.

Тот приказал предоставить Фетхи слово.

Фетхи говорил едва слышно, и Нури был вынужден повторять его речь.

Когда через три дня Али Фетхи снова выступил, беспорядки начались с новой силой, и полиции с огромным трудом удалось навести в городе порядок, арестовав зачинщиков бесчинств.

В Манисе и Балыкесире повторилось то же самое.

На одном из выступлений Али Фетхи снял шляпу, и вся толпа

последовала его примеру, сначала сняв шляпы, а потом бросив их на землю, весьма красноречиво выразив, таким образом, свое отношение к введению новых порядков.

А в некоторых местах его встречали с исламскими знаменами как защитника веры от безбожной республики.

«Новая партия, — писал американский посол Гру, — стала своего рода термометром для измерения политической температуры в стране, и не было никакого сомнения в том, что страну лихорадит…»

Ничего удивительного в этом не было.

Да и какое дело крестьянам было до Бетховена и проблем языкознания, если в разоренных войнами деревнях не было самого необходимого!

Не лучше дело обстояло и с рабочим классом, а тем самым образованным людям, на которых собирался делать ставку Кемаль, не очень-то нравилось постоянное закручивание гаек.

Потерявшие все свое влияние клерикалы тоже были не в восторге от проводимой им политики, и, конечно, царившее в стране смирение было во многом показным и определялось не состоянием души успокоенного народа, а самым обыкновенным страхом перед властью.

Но стоило этой самой власти лишь чуть-чуть ослабить поводья, как реакция последовала незамедлительно.

Осмелевшие свободные республиканцы принялись жестко критиковать правительство.

Постоянно подливал масла в огонь и сам Кемаль, попросив стороны «не стесняться» и обещая быть «самым беспристрастным судьей в их споре».

И те «не стеснялись», обвиняя друг друга во всех смертных грехах.

«Гази, — писал в своих воспоминаниях тот же Гру, — садился на свое обычное место и наблюдал за борьбой правительства и оппозиции».

Кемаль следил за дебатами с сумрачным видом, и очень часто его голубые глаза светлели от гнева.

Большинство из болтавших на трибуне людей вызывало у него откровенное презрение.

Похоже, никто из них так и не понял, что, помимо их мелких личных интересов, существовали еще и интересы той самой Турции, во главе которой они стояли.

Конечно, ничего хорошего в однопартийной системе не было, но только от одной мысли о том, во что превратился бы меджлис, если бы в нем заседали представители нескольких ненавидевших друг друга партий, ему становилось не по себе.

И он все чаще склонялся к мысли о том, что еще слишком рано переходить к дебатам и что страною должна править одна рука.

Получив фотографии демонстрантов с оружием в руках и разгромленной типографии «Анатолии», Кемаль приказал Юнусу Нади опубликовать в его газете «Республика» письмо под заголовком «Как реагировать на происходящие события?»

А потом ответил, как.

— Я — президент Народной партии, наследник Общества защиты прав Анатолии и Румелии. Я связан с ними историей, и ничто не может и не сможет порвать эту связь!

По сути дела это был приговор либеральной партии.

10 сентября Кемаль снова стал президентом партии.

Когда Фетхи и Нури попросили объяснений, Кемаль ответил:

— Народ потянулся к вам, а партия, поддерживающая государственную власть, нуждается в моей помощи…

Али Фетхи только покачал головой.

Как он и предполагал, музыка для него играла недолго…

Битвы в меджлисе продолжались, и своей высшей точки борьба между партиями достигла во время муниципальных выборов, проводившихся в условиях жестокой дискриминации по отношению к представителям оппозиции.

— Выиграет тот, — цинично заявил своему окружению Кемаль, — на кого я укажу!

Глава XIII

Осенью 1930 года Кемаль закончил длившуюся целых три года военную операцию по подавлению выступлений курдов.

Причины восстания были все те же: бесправие курдов, национальный гнет, обнищание крестьян, находившихся в тяжелой зависимости от своих феодалов-шейхов и вождей, а также резкое падение жизненного уровня курдов в результате бесчисленных карательных экспедиций.

Во второй половине 20-х годов вся Восточная Анатолия была охвачена партизанским движением. Выступление курдов стало распространяться на районы Вана, Малазгирта, Муша, Битлиса, Спирта.

К концу 20-х годов седловина между Большим и Малым Араратом, именуемая турками Кире, стала главным очагом и базой курдского повстанческого движения.

Восстание в районе Арарата было подготовлено военно-политическим комитетом «Хойбун» («Независимость»), сыгравшим заметную роль в становлении национального самосознания курдов.

Комитет «Хойбун» был создан в августе 1927 года на съезде курдских организаций.

Несмотря на некоторые идеологические и организационные слабости, комитет «Хойбун», по существу, был политической партией, имевшей свою программу и устав.

Во время восстания курдов во главе с Ихсаном Нури в юго-восточной Турции в 1927 году была провозглашена Араратская Курдская Республика.

Республика была расположена на востоке современной Турции на территории современного ила Агры.

В октябре 1927 года, деревня около Арарата определялась как временная столица Курдистана.

«Хойбун» обратился за помощью к великим державам и Лиге Наций и к курдам в Ираке и Сирии.

Араратское движение возглавил видный курдский патриот Ихсан Нури, который был послан в район восстания партией «Хойбун» в качестве чрезвычайного военного представителя.

В 1927 году он создал основы курдского государства.

Повстанцы имели свое знамя.

Кемаль отреагировал соответствующим образом, бросив на подавление восстания регулярные войска.

В течение 1928–1929 годов курды, преследуемые

правительственными войсками, начали концентрировать свои силы в труднодоступных районах востока страны.

Главным убежищем курдов стала гора Арарат.

Здесь в ущельях находили убежище активные бойцы за национальное освобождение курдов, потерпевшие поражение в открытой неравной борьбе с правительственными войсками.

Постепенно повстанцы стали расширять зону восстания.

В середине мая 1928 года Великое Национальное Собрание Турции создало «примирительную» комиссию, в которую вошло 12 депутатов и несколько должностных лиц из восточных вилайетов.

Эта комиссия встретилась с курдской делегацией во главе с Ихсаном Нури в местечке Шейхли-Кепрю — на нейтральной зоне, отделявшей повстанцев от турецких войск.

Члены комиссии заверили Ихсана Нури, что правительство объявит всеобщую амнистию курдам, а ему предложит высокий пост в государстве.

Взамен курды должны были сдаться турецким войскам.

Курдская делегация отвергла предложения «примирительной» комиссии.

При этом она подчеркнула, что единственным условием прекращения борьбы может быть признание Турцией национальных прав курдов.

В итоге переговоры в местечке Шейхли-Кепрю закончились безрезультатно.

К началу 1930 года практически все северо-восточные вилайеты находились под влиянием повстанцев.

Араратский очаг курдского восстания начал расширяться.

Это встревожило Кемаля.

Официозное издание «Миллиет» 1 июня 1930 года вынуждено было признать, что всякое известие о волнении на Востоке создает за границей неблагоприятное впечатление о порядках в Турции и о силе турецкого правительства.

В свою очередь, оформившаяся к тому времени оппозиционная Либерально-республиканская партия во главе с Фетхи-беем пыталась использовать курдские события, чтобы показать несостоятельность и банкротство политики кабинета Исмет-паши.

Более того, некоторые депутаты ВНСТ требовали от Исмет-паши прекратить «братоубийственную войну».

Однако Кемаль привлек для разгрома повстанцев еще большие силы.

Так, только армия одного Салих-паши насчитывала 40 тыс. пехотинцев, 10 артиллерийских батарей, 550 пулеметов и 50

военных самолетов.

В результате правительственным войскам при поддержке авиации удалось в июне 1930 года оттеснить курдов в горные ущелья на ирано-турецкой границе.

В этот критический момент большую услугу Кемалю оказал Иран.

В мае 1930 года иранское правительство разрешило турецким войскам пройти через иранскую территорию и пройти в тыл повстанцам.

Для ликвидации восстания турецкое командование бросило крупные войсковые части.

Операция по подавлению восстания продолжалась месяц и была завершена лишь к концу июля.

Как и всегда в подобных случаях, началась ожесточенная расправа над курдским населением.

Каратели истребляли всех заподозренных в восстании.

В начале сентября турецкие войска начали при активном содействии авиации новое наступление на Кире.

Ихсану Нури и некоторым другим лидерам удалось уйти в Иран, а Ибрагим-паша Хасике со своими сподвижниками, оказавшись во вражеском окружении, продолжал, несмотря на суровую зиму, сражаться.

Однако, в результате жестоких боев он был убит, а оставшиеся в живых его сподвижники попали в плен.

Так завершился еще один этап героической борьбы курдов, продолжавшийся более трех лет в районе Арарата.

После подавления этого очага восстания газета «Миллиет» поместила иллюстрацию: на горе Арарат — могила, на могильном камне — курдская папаха.

На камне надпись: «Здесь похоронен воображаемый Курдистан».

«Кемаль, — писал Д. Неру в своем труде „Взгляд на всемирную историю“ о политике турецких правящих кругов в отношении курдов» — беспощадно подавил курдское движение и учредил специальные «суды независимости», судившие тысячи курдов.

Руководители курдов и многие другие были казнены.

Умирая, они призывали к созданию независимого Курдистана.

Таким образом, турки, совсем недавно боровшиеся за свою свободу, подавили курдов, добивавшихся свободу для себя.

Понятно, что сам Кемаль участия в боевых действиях не принимал.

А вот вывод сделал.

— Все, что случилось с немусульманскими элементами, живущими в нашей стране, — заявил он, — является результатом проводимой ими политики сепаратизма, политики, инспирированной иностранными интригами, и представляющей собой злоупотребление теми привилегиями, которые мы им представили…

Что же касается его поведения, то он лишний раз доказал, что между обещаниями политка и их реализацией лежит даже не дистанация огромного размера, а бездонная пропасть.

Того самого Кмаля, который утверждал, что Родина может быть спасена только законными и конституционными способами.

— Бесчеловечной и в высшей степени достойной сожаления является система, — говорил он, — при которой людей заставляют перерезать друг другу горло якобы для того, чтобы сделать их счастливыми. Благо и счастье страны и народа могут быть обеспечены лишь при наличии справедливости и равенства и при сохранении порядка на всей территории страны. В государстве, где нет свободы, всегда имеет место смерть и разрушение. Свобода является матерью всякому продвижению вперед и победам…

Но…

— Все те, кто попытается встать на моем пути, будут безжалостно уничтожены…

И это тоже говорил Кемаль.

В октябре 1930 года произошло историческое событие в жизни Турции и Греции: в Анкару с визитом прибыл премьер-министр Греции Венизелос.

Всего несколько лет назад Кемаль говорил:

— Греческие войска залили кровью набережные Измира и принялись разрушать другие наши прекрасные города. Они посягали и посягают на все, что носит турецкое имя, на честь наших женщин и детей, на многие наши святыни, памятники и произведения искусства. Совесть турка оказалась перед страшным испытанием. Несчастья, которые греки хотели нам причинить, Всевышний обрушил на их собственные головы. Возблагодарим же Всевышнего за эту оказанную нам справедливость…

И через семь лет после окончания греко-турецкой войны и четыре года после обмена населением между двумя странами встреча Венизелоса и Кемаля казалась чудом.

Впрочем, для самого Кемаля никакого чуда не было.

— В наших отношениях с Грецией, — говорил он, — имеются запутанные и сложные вопросы. Мы употребили все усилия и все

имеющиеся в нашем распоряжении средства для того, чтобы разрешить эти вопросы. Высшие интересы Турции и Греции уже полностью перестали противоречить друг другу. Обе страны правильно считают, что залогом их силы и безопасности является искренняя дружба…

Афет вспоминала о том, какой ужас вызывало у нее, как и у всех турок, одно имя Венизелоса во время войны за независимость.

Она даже призналась, что, увидев впервые Венизелоса в Анкаре, почувствовала, как у нее перехватило дыхание.

Когда премьер-министр Греции вошел в зал «Анкара Паласа» вместе с Гази, многие приглашенные испытывали те же чувства, что и Афет.

«Никто не пошевелился, — вспоминала Афет. — Ататюрк встал позади Венизелоса и подтолкнул его к толпе и ее аплодисментам.

И толпа аплодировала…»

Между Исметом и Венизелосом установились дружеские отношения.

— У всех государств, — говорил Кемаль, — имеются общие интересы. Сегодня все нации мира сделались более или менее родственными друг другу, и они заинтересованы в этой близости. Поэтому каждый человек должен заботиться о спокойствии и благополучии всех наций мира с таким же рвением, с каким он печется о счастье и благоденствии нации, к которой он сам принадлежит. С таким же старанием, с каким он трудится для блага собственной нации, он должен служить счастью человечества в целом. Все разумные люди понимают, что такого рода деятельность не причинит никому ущерба. Ибо работать для счастья всех наций мира означает также работать для обеспечения собственного благополучия и спокойствия…

30 октября, в дни празднования седьмой годовщины основания республики, было подписано коммерческое соглашение.

Атмосфера во время переговоров была настолько дружеская, что Венизелос, вернувшись в Афины, позволил себе заявить, что греки вернутся в Западную Анатолию «года через два, так как турки отныне нам доверяют».

Конечно, это был прорыв, который, честно говоря, никто не ожидал.

Глава XIV

Осенью 1930 года разыгрался последний акт драмы под названием «Либеральная республиканская партия».

В муниципальных выборах, проходивших до 22 октября 1930 года, впервые с момента создания республики женщины приняли участие в голосованиик.

Понятно, что Исмет пустил в ход все ресурсы правительственного аппарата, чтобы обеспечить преимущество своих кандидатов.

Сторонники правительства умело использовали ошибку, допущенную Фетхи, поддержавшего газету «Завтра», которой руководила весьма одиозная личность, известная своими прокоммунистическими настроениями.

Да, Кемаль в свое время воздавал честь и хвалу русскому народу, стоящему во главе движения против мира угнетения.

Но…

— Быть большевиком, — говорил он, — это одно, а вступить в соглашение с большевистской Россией — совершенно другое…

Али Фетхи забыл об этом, и один из приближенных Кемаля публично обвинил его в прорусских настроениях.

В результате кандидаты либеральной партии победили только в Самсуне, а еще через несколько недель Государственный совет признал успех либералов недействительным.

Фетхи видел многие нарушения во время выборов, вплоть до избиения либеральных кандидатов и исключение их из списков в раде районов Стамбула.

15 ноября 1930 года он выразил недоверие министру внутренних дел, обвинив его в фальсификации выборов.

Дебаты продолжались около 15 часов в присутствии гази и всего дипломатического корпуса.

Фетхи сражался мужественно.

Он остался один, и ему было трудно.

Его постоянно перебивали, а бывший председатель Трибунала независимости, не скрывая своего презрения, спросил присутствующих:

— Кого предпочитаете вы? Исмета, который подписал перемирие в Муданье, или того, кто подписал Мудросское перемирие?

При упоминании Мудроса он поморщился.

Это был его вечный позор, и ему уже никогда не избавиться от него.

Несмотря ни на что, он так и останется предателем в глазах

всех этих людей.

Особенно сейчас, когда все они стояли по другую сторону баррикад.

Когда Али Фетхи пожаловался на открытую дискриминацию, Кемаль с нескрываемой насмешкой взглянул на него.

— А вы бы хотели того, чтобы Народная партия прекратила свое существование и мы опять остались с одной партией?

Все понявшему Али Фетхи не осталось ничего другого, как только заявить о «невозможности вести борьбу против самого Гази» и роспуске своей партии и снова отправиться за границу.

17 ноября Фетхи написал Кемалю:

«Как основатель партии, я считаю невозможным поддерживать политическую организацию, находящуюся в подобной ситуации…»

Да что там Али Фетхи!

Сам Кемаль считал себя проигравшим.

— А знаешь ли ты, кто на самом деле выиграл выборы? — просил он одного из приятелей.

— Мы, конечно! — удивленно ответил тот.

— Нет, — покачал головой Кемаль. — Выборы выиграла партия администраци. Партия губернаторов, супрефектов, чиновников, полиции, жандармерии…

И это было на самом деле так.

Крепко державшиеся за власть защитники порядка легко победили разношерстную коалицию бедных крестьян, страдающих от дополнительных налогов, коммерсантов, терпящих убытки из-за безработицы в портах, вызванной мировым экономическим кризисом, и новой торговой политики Исмета, и других недовольных действиями правительства.

И выиграли они не только у слабого Фетхи, но и него самого Кемаля.

— Тактика, — считал он, — при которой наиболее влиятельные представители какой-либо политической группы, сорганизовавшиеся в парламенте, осуществляют в палате депутатов постоянный контроль, каковы бы ни были состав и структура кабинета, характер и значение его членов, — это тактика не может считаться наиболее существенным условием успеха и линией поведения, от которой не должно отклоняться…

Но как только он попытался отступить от этой тактики, как сразу же столкнулся с проблемами.

Чтобы там не говорили об оппозиции, либеральная партия была его детищем, он участвовал в подборе ее кадров и разработке ее программы.

Другое дело, что он и не мог победить.

Слишком тяжела была жизнь в стране, и недовольных режимом в ней хватало.

И ничего странного в этом не было, поскольку разоренная войной страна не могла зажить припеваючи сразу после объявления в ней республике.

Однако открыто высказывать свое недовольство режимом было опасно.

Вспомните в высшей степени циничную фразу Сталина о том, что «жить стало лучше, жить столо веселей».

И если ему верить, то «веселей» стало жить в перманентно голодной стране, в которой ни один житель не возмутился тем, что над ним откровенно насмехаются.

Почему?

Да потому, что слишком хорошо знали о застенках НКВД.

То же самое было и в Турции.

Да, Исмет, державший страну в ежовых руковицах, не пользовался в стране популярностью.

Более того, его ненавидели.

Другое дело, что мало кто в стране понимал, что эта жестокость являлась отнюдь не прихотью самого Исмета, а требованием того сложного времени, которая переживала молодая республика.

Надо полагать, что, создавая либеральную партию, Кемаль на самом деле расчитывал на здоровую критику правительства, а, значит, и его более эффектинрвую работу.

Вся беда была только в том, что страна еще не созрела для политической жизни по-европейски, и как только в обществе появилась отдушина, недовольство режимом получило свое выражение.

— Не следует жертвовать авторитетом государства во имя свободы, — как-то заметил министр внутренних дел.

Более того, вместе с начальником Генерального штаба Февзи, Исмет постоянно убеждал Кемаля в том, что создаваемый им «национальный блок» был преждевремнным.

И теперь сам Кемаль убедился в этом.

Республика не очень твердо стояла на ногах, и чрезмерная свобода могла только навредить ей.

Не мог Кемаль не заметить и той трещины, которая возникла между ним и народом в результате относительного успеха либеральной партии.

Да и как пройти мимо того, что, несмотря на устроенную Исметом травлю, на муниципальных выборах либеральная партия получила примерно одинаковое количество голосов с Народной

партией в Адане?

70 процентов голосов Народная партия получила в Трабзоне и треть голосов — в Стамбуле.

А это был уже сигнал, и сигнал печальный.

После ликвидации либеральной оппозиции Народно-республиканская партия снова стала единственной легальной партией в Турции.

Ее генеральным секретарем был назначен Реджеп Пекер.

Это был в высшей степени интеллигентный и в то же время безжалостный автократ, чья философия выражалась всего в двух словах: сила и принуждение…

Как поговаривали близкие к Кемалю люди, он был не очень доволен таким мирным исходом и сожалел, что у него нет повода объявить в стране очередную «охоту на ведьм», как это было после восстания курдов.

— События, — говорил он, — показали, что программа Прогрессивно-республиканской партии была создана предателями. Эта партия стала убежищем и опорой реакционных и мятежных элементов. Она работала над тем, чтобы облегчить осуществление планов, которые наши враги строили за границей для того, чтобы уничтожить новое турецкое государство, молодую турецкую республику…

А с предателями Кемаль предпочитал разбираться по-другому.

Правда, при этом ему пришлось бы разбираться с самим собой, поскольку никто в стране даже не заикался о создании оппозиционной партии.

Но когда задуманное им не получилось, виноватыми оказались другие.

И тот же насильственно поставленный самим Кемалем во главе партии Али Фетхи превратился в «мятежного эелемента».

Общее, надо заметить, для всех дикаторов правило.

И как тут не вспоминить затеявшего украинизацию и коренизацию Сталина, а затем обвинившего в их неправильном понимании «линии партии» украинских руководителей.

Остается только добавить, что эта самая «линия», предусматривала замену русского языка на украинский.

На следующий день после роспуска либеральной партии Кемаль отправился в поездку по стране, задуманную гораздо раньше.

За исключением поездок в Стамбул Кемаль не ездил по стране с 1925 года, его связи Кемаля с народом ослабли, и он должен снова завоевать его доверие.

И, конечно, Кемаль хотел послушать людей.

Зачем?

Надо полагать, для того, чтобы замазать ту трещину, которая возникла, как он считал, между ним и народом в результате относительного успеха либеральной партии, обеспокоила Кемаля.

Что не могло выглядеть в известной степени странным.

Поскольку это была не трещина, а истинный показатель отношения народа к власти.

Разве Кемаля не встречали с восторгом до образования либеральной партии во время его поездок по стране?

Встречали, и еще как встречали.

Но как только появилась отдушина, люди заговорили о том, что на самом деле волновало их.

Что же касается политики самого Кемаля, то она очень напоминала политику Сталина.

Он не желал слышать о войне, но как только она началась, в ее внезапном начале оказались виноваты все, кроме него.

— Мы, — говорил Кемаль, — как солдаты, должны приучить себя принимать мучительные решения…

И он принимал их.

А вот расплачивался за них Исмет, на которого сыпались все шишки.

И именно его, а не Кемаля, ненавидела вся Турция.

При этом все знали, что Исмет был только исполнителем.

Помните знаменитый пакт о ненападении между СССР и Гермианией?

Заключали его Сталин и Гитлер, а вот подписан он был Молотовым и Риббентропом.

Да и кто осмелился бы высказать самому Кемалю все то, что думал?

Так было и в Кайсери, где Кемаль сделал первую остановку, ему говорили не об Исмете, а о тех бедах, которые принесла коровья чума, и о том, что исчезло более половины кустарных мастерских по производству ковров, существовавших перед войной.

Понимая, что другого разговора не получится, Кемаль задумался.

Мировой экономический кризис и успех либеральной партии заставили его тщательно анализировать программу дальнейших действий.

И. как показали дальнейшие события, к определенным выводам он уже пришел…

Следующим пунктом поездки был Сивас.

Первые километры пути в купе, где находился президент со своим окружением, царила удивительная тишина.

Судя по всему, и сам Кемаль, и его окружение смертельно устали от бесконечных споров практически по любому поводу.

Но уже через несколько километров новый человек в окружении президента, Ахмет Хамди, не выдержал тягостного молчания.

— Это и есть ваш умеренный этатизм? — насмешливо спросил он министра внутренних дел, Шюкрю Кайя, кивая на окно.

Все насторожились.

Да, Хамди был новичком среди них, но в то же самое время он был директором Компании железных дорог Анатолии, Компании судоходства Турции, австрийско-турецкой палаты торговли и директором монопольной компании порта Стамбула.

Он принимал самое деятельное участие в экономике страны и еще в 1925 году говорил о «своего рода государственном капитализме».

«На значительной части территории нашей страны, — напишет Хкамди в своей книге „Экономический этатизм“, — нельзя не увидеть картины страданий и мучений, повсюду невзгоды, кризис, безработица, недовольство.

В деревнях, особенно тех, которые занимаются выращиванием пшеницы, царит предчувствие опасности и беды».

И, конечно, задал он свой вопрос не из праздного любопытства.

— Я, — ответил Кайя, который не мог забыть годы, проведенные в Париже в обществе Жореса, — много раз объяснял, что это умеренное участие государства в управлении хозяйством. Этатизм развивался в Европе как социализм и либерализм, но эта система не может сравниться ни с какой другой. В Европе, особенно в Германии, есть государственный социализм, где, как и у нас, государство контролирует экономический сектор. Нам хотелось иметь подобную систему. И мне не совсем понятно, — недовольно заметил он, — зачем вы снова заетяли этот разговор?

Хамди не ответил.

Кемаль, на чью поддержку он рассчитывал, молчал, и он не хотел обострять ситуацию дальше.

— Вы так и не ответили, — через несколько километров пути нарушил долгое молчание Кемаль, — зачем?

Хамди понял, что наступил его час.

Он уже хорошо знал президента и понимал, что заинтересовал его.

Иначе он бы не задал ему вопрос.

— Только к тому, господин президент, — уверенно ответил Хамди, — что после всего нами увиденного и услышанного у меня возникли сильные сомнения в том, позволит ли этот «умеренный этатизм» устранить недостатки, которые вызывают столько критики…

— Это все слова, — перебил его Кайя, — красивые, но слова! А нам хотелось бы услышать конкретные предложения!

— Вот и я говорю, — неожиданно согласился с министром Хамди, — что от слов надо переходить к делу. И если вы хотите знать мое мнение, то я считаю, что в таких сложных условиях нам необходимо обратиться к новой экномической системе и взять на себя новые обязанности…

— Что вы имеете в виду? — спросил заинтересованный разговором Кемаль.

— Я считаю, — все так же уверенно продолжал Хамди, — что те меры по развитию экономики, которые были приняты на измирском конгрессе в 1923 году и которыми мы руководствались до сих пор, в условиях мирового кризиса неэффективны. И под «новыми обязанностями» я имею в виду необходимость принятия чрезвычайных мер государственного вмешательства, первоначально непредусмотренных политикой умеренного этатизма.

Кемаль понимающе покачал головой.

Непомерная тяжесть налогов, не всегда благовидное и профессиональное поведение госслужащих, проблемы сельского хозяйства и появление откровенных аферистов в партийных рядах, — все это вызывало и его беспокойство.

И он давно уже думал над тем, о чем сейчас говорил Хамди.

Ведь впервые применил термин «этатизм» премьер И. Инёню.

Во время обсуждения в октябре 1930 года представленной Инёню правительственной программы заместитель министра экономики М. Шереф сказал:

— Понятие национальной экономики означает не замену частного предпринимательства государственным, а их сотрудничество, о том, что вмешательство имеет задачей поощрять, укреплять частную инициативу. В экономике существуют определенные доминирующие позиции. Никогда правительство не позволит частной инициативе свободно и бесконтрольно занимать эти позиции. Государство всегда и полностью будет владеть ими, благодаря этому сможет обеспечиваться поддержка и частной деятельности. Если важнейшие позиции в экономике отдать в анархическое распоряжение либерализма, то за один год будут растрачены результаты десятилетних усилий…

— Я, — продолжал Хамди, — предалгаю учредить механизм строгого и детального государственного контроля над внешнеэкономическими связями, создать реальные возможности накопления валюты внутри страны и монополизации её государством…

— Иными словами, — спросил Кемаль, — сменить умеренную политику на более жесткую и «закрыть» нашу экономику?

— Да, господин президент, — ответил Хамди, — я предалагю, по вашему меткому выражению, ее «закрыть до лучших времен…»

Словно забыв о Хамди, Кемаль задумчиво смотрел на пролетавшие за окном пейзажи.

В купе установилась почтительная тишина.

Кемаль задумчиво курил.

Как это ни печально, но все его либеральные начинания потерпели крах.

Так было в политике, так было и в экономике.

Кемаль вздохнул.

Не время…

— Как вы считаете, — к всеобщему удивлению, вдруг спросил Кемаль, — знает ли наш народ программу Народной партии?

Ему никто не ответил.

Да и что отвечать?

Народ жил своей жизнью, а, если называть вещи своими именами, боролся за выживание, и его мало интересовали положения какой-то там программы, будь они трижды правильными.

Поскольку между этими положениями и реальной жизнью зияла непроходимая пропасть.

— Я хочу, — продолжал Кемаль, — чтобы Народная партия явилась выразителем идей новой Турции, а не совокупностью принципов и проектов. Поэтому я хочу вместе с вами найти принципы, которые могли бы стать фундаментом программы…

Конечно, «вместе с вами» было чересчур, поскольку Кемаль уже нашел эти принципы.

— Прежде всего, — снова заговорил Кемаль, — это республиканский образ мыслей, национализм и этатизм, жесткий, — с улыбкой взглянул он Хамди, этатизм…

И по той уверенности и легкости, с какой Кемаль излагал свои принципы, все присутствующим стало ясно, что их президент и сейчас был на шаг впереди их всех.

Так экономический кризис и специфическая атмосфера тридцатых годов заставили Кемаля отступить от либерального пути не только в политике, но и в экономике.

Перед лицом всемирного экономического кризиса Кемаль,

будучи прагматиком, окончательно пришел к идее о государстве, монопольно управляющим экономикой страны.

Именно поэтому он заявил в Сивасе:

— Революция несовместима с либерализмом…

К первым трем принципам Кемаль добавил популизм, термин, используемый им для демократии, и секуляризацию.

Затем он нашел то, что, по его мнению, объединяло первые пять принципов — революционный дух.

Таковы были шесть принципов, составляющих его политическую и философскую концепцию.

Под республиканизмом Кемаль понимал идеал конституционной демократической республики, как альтернативу османской абсолютной монархии, с ее принципом избираемости верховной власти (президент и меджлис) и подотчетностью народу.

Национализм олицетворял собой идеал национального государства, патриотически воспитывающего своих граждан в духе преданности титульной нации.

Он отождествлял этнический и гражданский принципы.

Национализм рассматривался Кемалем, как база режима.

Лаицизм (секуляризм) подразумевал светский характер государства и отделение государства от ислама.

Этатизм, или державность имел в виду построение смешанной экономики при лидирующей роли государства.

На практике это вело к национализации экономики, при сохранении мелкого частного сектора.

Революционность означала курс на вестернизацию и борьбу с пережитками традиционного общества, опору на прогресс и просвещение.

И все-таки нельзя не задаться вопросом: а кому они были нужны, эти шесть стрел?

Народу?

Вряд ли.

Люди мыслили куда более простыми категориями, я бы сказал, категориями обывательскими.

Зарплата, цены, дорогвизна, налоги, стоимость бытовых услуг, отношение чиновников…

И чтобы не говорили человеку с маленькой зарплатой и большими налогами о революционном духе, для него это был пустой звук.

Чиновникам?

Тоже маловероятно.

Для этого все чиновники должны были обладать сознанием

самого Кемаля, никогда не метавшего о личном благе.

Были такие чиновники?

Если и были, то единицы, и речь здесь идет не только о Турции.

Вспомните Наполеона, который утверждал, что любого интенданта можно расстреливать через полгода без суда и следствия.

Самому Кемалю?

Наверное.

Как и всякому амбициозному человеку, ему, конечно же, хотелось оставить после себя и теоретическое наследие.

И оно появилось под названием «кемализм».

Что же касается народа…

В 1977 году в СССР под «лично дорогого» придумали новую конституцию, которая, по словам партийных проповедников должна была еще больше повысить активность советских людей и их благосостояние.

Они надрывались по телевидению, радио и на предприятиях, а в стране никому не было никакого дела до новой конституции.

И я вряд ли ошибусь, если предположу, что и перебивавшимся с хлеба на квас анатолийским крестьянам не было никакого дела до провозглашенных Кемалем республиканизма и революционности.

Смею предположить и то, что мало кто из них понимал, что такое президент, и считал Кемаля новым султаном.

— Наш социальный принцип, — говорил Кемаль, — народничество, и он воплощается в социальной системе, опирающейся на труд и право…

Что могли неграмотные крестьяне понять из этой весьма туманной для понимания даже грамотного человека фразы?

Да ничего!

И было бы очень интересно послушать, как чуть ли не на сто процентов неграмотные люди стали бы рассуждать о популизме и секуляризме.

Особенно если учесть, что вся кемалистская секуляризация держалась на штыках.

И не только секуляризация, но и весь его «новый порядок».

Одно дело было консолидировать нацию, когда ей угрожал внешний враг и разделение страны, и совсем другое — объединять ее в годы послевоенного мирного строительства.

С войной было все просто, поскольку это всегда общенациональный порыв.

В 1914 году в Германии было предостаточно различных партий, грызшихся между собой.

Но война уровняла всех.

Национальное единство немцев в августе 1914 году было впечатляющим.

— Я, — с великим удовлетворением заявил 4 августа 1914 года кайзер, — больше не различаю партий, я вижу только немцев…

Да, война за Независимость закончилась победой, а вот дальше…

«Трудно удержать власть новому государю, — писал по этому поводу Макиавеллли в своем знаменитом „Государе“. — И даже наследному государю, присоединившему новое владение — так что государство становится как бы смешанным, — трудно удержать над ним власть, прежде всего, вследствие той же естественной причины, какая вызывает перевороты во всех новых государствах.

А именно: люди, веря, что новый правитель окажется лучше, охотно восстают против старого, но вскоре они на опыте убеждаются, что обманулись, ибо новый правитель всегда оказывается хуже старого.

Что опять-таки естественно и закономерно, так как завоеватель притесняет новых подданных, налагает на них разного рода повинности и обременяет их постоями войска, как это неизбежно бывает при завоевании.

И таким образом наживает врагов в тех, кого притеснил, и теряет дружбу тех, кто способствовал завоеванию, ибо не может вознаградить их в той степени, в какой они ожидали…»

Все так, или почти так было и Турции.

Нищета, налоговый гнет и бесправие по отношению к чиновникам, взяточничество на всех уровнях и мародерство…

Не только в Турции, но и во всех странах люди в подобных ситуациях всегда задавались одним и тем же вопросом:

— А за что же мы стражались?

И как тут не вспомнить волнения на самом «революционном» заводе Петрограда — Путиловском.

Его рабочие бастовали даже во время войны, но, получая зарплату при большевиках, они вдруг обнаружили, что «кровопийца» Путилов платил раз в двадцать пять больше, чем новые хозяева.

Привыкшие при царизме к безнаказанности, они, конечно же, возмутились.

Однако несколько взводов солдат с пулеметами очень быстро объяснили путиловцам всю разницу между нехорошим батюшкой царем и добрыми большевиками.

Кемаль прекрасно понимал всю тяжесть положения, но даже

при всем своем желании он не мог объяснить каждому крестьянину и торговцу, что по-другому было невозможно, что им досталась разрушенная войнами экономика и молодая республика нуждалась практически во всем.

Другое дело, что с политической точки зрения наличие у партии цельной политической и экономической системы выглядело солидно.

Вполне возможно и то, что Кемаль своей политической программой стремился объединить, прежде всего, саму партию.

Как это было сделано в СССР, где ни один человек не верил в Программу КПСС, но при этом вступивший в партию клялся в своей верности этой самой виртуальной программе.

Никто не писал в своем заявлении о приеме в партию о своем намерении получить с ее помощью преимущества при устройстве на работу, различные звания и руководящие должности.

Зато все заявляли о своей страстной вере в светлое будущее и желании строить его, а если надо, то и положить за него жизнь.

И, конечно, в партии, объединенной общей программой, уже не могло быть никаких фракций.

Можно было критиковать что угодно и кого угодно, но только не партию и ее программу.

Так создавалась круговая порука.

Генеральный секретарь партии, Реджеп, сразу понял, какие горизонты для партии открывают эти самые шесть принципов, которые он предложил использовать в качестве символа, как шесть стрел.

Надо полагать, вдохновленный примером большевиков, он очень надеялся на то, что именно Народная партия будет руководить страной.

Да, Ленин создал партию и всячески пестовал ее, но при его жизни партия занималась именно тем, чем и должна была заниматься: партийной работой.

Но после смерти Ленина, благодаря умелой политике Сталина, именно партия превратилась в руководящую и направляющую силу.

К великой радости Пекера, его предложение было принято, и «Шесть стрел» стали эмблемой партии.

Более того, в 1937 году они будут включены в конституцию.

И Пекеру удалось добиться многого, поскольку именно он очень много сделал для того, чтобы диктатура НРП сделала почти бесполезным существование меджлиса.

«Великое Национальное собрание, — писал в своих воспоминаниях активный участник левого движения в Турции Зекерия Сертель, — стало образцово-показательным

учреждением, представлявшим не народ, а Народную партию.

На выборах голоса отдавались лишь кандидатам, представляемым Народной партией.

В действительности это даже нельзя было считать выборами.

В конце концов, народу так надоели эти показательные выборы, что он начал уклоняться от голосования.

Число голосовавших не достигало 25 %»

Современные турецкие исследователи, стремящиеся объективно оценить авторитарный режим 1930–40-х годов, не ставят под сомнение историческую необходимость для Турции такой формы существования власти, как вынужденной, временной, переходной, отмечают краткость её существования.

Так, М. Тунчай пишет, что в те годы «однопартийные демократии существовали не только в Турции, они были и в Советской России, и в фашистской Италии, однако мир, который привлекал Гази и его соратников, был мир Запада».

И все же Пекер не учел в своих устремлениях самого главного: отношения к его взглядам Кемаля, поскольку

именно оно определяло дальнейший ход событий…

Но как бы там не было на самом деле, Кемаль добился своего и понятие «кемализм» прочно вошло в политическую историю наряду с прочими «измами».

С одним единственным отличием от всех них: кемализм не только выполнил свою историческую задачу, создав независимую республику, но и вдохнул в нее долгую жизнь.

В этой связи интересна характеристика кемализма курдским лидером А. Оджаланом.

«Кемализм, — писал он, — это течение, существование которого было оправдано в условиях иностранной оккупации в период, когда национальная буржуазия еще не окрепла, но имела благоприятную среду для своего развития.

Кемализм — это движение, цель которого — создать национальную буржуазию, направленную против влияния иностранного капитала, а также турецкую национальную буржуазию из землевладельцев, торговой, компрадорской и мелкой буржуазии.

Назовем самые важные задачи кемализма, которые и отличали его от других течений: посадить на место иностранной компрадорской буржуазии местную, создать из нее национальную буржуазию, а также сформировать национальную буржуазию из земельных ага, землевладельцев, обладавших капиталистическим характером, и государственной бюрократии.

Наряду со всеми перечисленными свойствами кемализм

имеет также свойство националистическое: кемализм как течение возник в процессе становления турецкого национализма.

Другими словами, кемализм возник в период, когда была очевидна необходимость развития турецкого национализма.

Он возник на основе необходимости, вызванной турецким национально-освободительным движением, и с этой точки зрения имеет справедливую основу.

Турецкое национально-освободительное движение, хотя и в ограниченных размерах, но обладает антиимпериалистической сутью».

Если мы вспомним османских реформаторов, то все они тянулись к развитой Европе.

«Танзимат» привел к принятию светского кодекса законов и реорганизации государственного управления на европейский лад, однако сохранил традиционные институты шариата (исламского права) вместе с его судами и исламскими школами.

Но в то же самое время реформы создали класс государственных служащих, гражданских и военных технократов, обладающих знаниями и организаторскими способностями, умением и возможностью контактировать с коллегами в Европе.

По большому счету Кемаль продолжил их дело.

И продолжил он его, несмотря на все издержки роста, гениально.

Мог бы он стать главой теократического государства при живом халифе?

Никогда…

Так что светская республика была не только мечтой Кемаля, но и единственно возможным вариантом

— Известно, — говорил он, — что при предыдущих режимах на практике применялись различные политические доктрины. Я же пришел к убеждению, что ни одна из этих доктрин не могла лечь в основу политического устройства новой Турции…

А вот возродить империю он не смог бы даже при всем желании и с помощью двух Советских Союзов.

Ибо это был бы уже вызов не государствам, а самой Истории и тому Высшему Разуму, который ею, если верить Гегелю, управляет и который, если так можно выразиться, благословил распад этой самой империи.

И все величие Кемаля заключается в том, что в нужный момент он не только создал новое государаство, но и даровал ему долгую жизнь.

— Не спрашивайте меня, что я сделал, — любил говорить он, — спрашивайте меня о том, что я буду делать…

То есть, сделал то, чего не смогли сделать все остальные

мечтатели-утописты, вместе взятые.

«Кемаль не был первым в Турции, кто восхищался западной цивилизацией, — писал А. Жевахов в своей книге об Ататюрке. — Еще во второй половине XVIII века государственные деятели и интеллектуалы внимательно изучали Запад, пытаясь найти объяснение упадку Османской империи и возможные пути выхода из кризиса.

Впрочем, ряд реформ, проводимых Кемалем, предлагался и ранее и даже был узаконен.

Например, во время Первой мировой войны было принято несколько законов, передающих религиозные школы и суды в ведение светской администрации и превращающих браки в светский контракт.

Революционное своеобразие Кемаля и величие его реформ было в другом.

„Османские порядки были замкнуты в круге, ограждены непроницаемыми стенами, — оценивал роль Ататюрка Исмет. — Османские реформисты работали и прилагали все усилия в этом замкнутом круге.

Все попытки реформ, даже тех, что увенчались успехом, не выходили за пределы этих стен“.

А Кемаль разбил эти стены, объединив турок только единственной связью — их национальностью.

Оказавшись в имперской ловушке, склонные скорее реформировать государство, чем общество, и неспособные найти равновесие между веком и религией, его предшественники были обречены и проиграли по всем статьям.

Твердо опираясь на национализм, Кемаль смело повел свой народ по неизведанному пути».

Именно поэтому нам хотелось бы особо выделить две стрелы Кемаля, попавшие точно в цель: национализм и этатизм.

Конечно, национализм не стал второй религией, но именно он сплотил турецкий народ в самые тяжелые периоды его истории: после развала Османской империи и периода строительства нового государства.

При этом национализм Кемаля отличался от национализма младотурок.

И если младотурки определяли свой национализм понятием «тюркчюлюк» («тюркизм»), то Кемаль предпочел термин «миллиетчилик» (от «миллиет» — «нация»).

Национализм младотурок был основан на самой широкой основе, высшим проявлением которой должен был стать Великий Туран — единое тюркское государство.

То есть та же империя, только теперь тюркская, с ведущей ролью Турции.

Именно поэтому тюркизм младотурок плавно перешел в пантюркимзм.

Что же касается национализма Кемаля, то он имел две природы — этническую и гражданскую, которые являли собой неразделимое целое.

Он дистанцировался от расового национализма и пантюркизма и понимался им по французскому образцу — как идеология политической нации в границах Турецкой республики, а не тюркской этнической нации, как это было выражено у пантюркистов.

Отвергался им исламистский и панисламистский компонент, свойственный младотуркам, с заменой ислама как высшей санкции существования нации — народом и «народностью».

— Из истории, — говорил Кемаль, — не видно, каким образом могла бы иметь успех и найти почву для применения в этом мире политика панисламизма и пантюркизма…

Нация мыслилась Ататюрком как включающая в себя всех граждан, а не только этнических тюрок, однако на основе турецкого этнического самосознания.

После некоторого размышления Кемаль окончательно определил турецкую нацию как мусульманское население Анатолии.

— В Турции, — говорил он по этому поводу, — отныне нет никаких национальных меньшинств — турки, греки, армяне, евреи, чеченцы и все другие — полноправные граждане нашей республики. Все мы, мусульмане и немусульмане, равным образом являемся подданными турецкого государства и в качестве таковых мы все пользуемся равными правами…

Борьба за отмену Севрского договора, вооружённая борьба с «подписантами» — и своими, и интервентами — позволила кемалистам вывести Турцию из кокона османизма, отказаться от халифа и начать жизнь национального государства.

Турки окончательно осознали себя нацией, понимая, что никто не даст им избавленья, ни пантюркист, ни османист и панисламист.

При этом известный турецкий историк Исмет Гиритли считает, что Мустафа Кемаль «уберёг доставшийся от младотурок тюркизм — национализм от крайности панисламизма и пантуранизма, поэтому он сегодня именуется национализмом Ататюрка».

Понятно и то, что после замены понятия «тюркчюлюк» на

понятие «миллиетчик» ни о каком Великом Туране уже не шло и речи.

И именно в этом было отличие национализма Кемаля от национализма Зии Гекальпа.

Теперь турецкая нация была превыше всего.

Расцвет турецкого национализма пришелся на конец двадцатых и начало тридцатых годов.

Кемалисты решительно отвернулись от всяких вариантов Турана, и при Кемале никто не мог вслух заговорить о Великом Туране.

Но по большому счету это было отнюдь не забвением самой идеи, а требованием того сложного и жестокого времени.

Хорошо известно и то, что политика нового режима в этой области привела к парадоксальным результатам.

Как считают некоторые исследователи, именно во времена Ататюрка «было выращено новое поколение пантюркистов, отличающееся более откровенным и расистскими позициями, нежели первое, представленное Гёкальпом, Акчурой и Агаоглу».

И как тут не задаться исконно русским вопросом: «Кто виноват?»

Прежде всего, надо полагать, сама идея, слишком привлекательная для того, чтобы о ней забыть.

Идеи вообще редко забываются.

Тот же Сталин отказался от идеи мировой революции (а чем она не Великий Туран, только на идейной основе) и занялся построением социализма в отдельно взятой стране.

И сразу же превратился в глазах старых большевиков в термидорианца.

А вот отказался ли он раз и навсегда от идеи мировой революции?

Отвечая на этот вопрос американскому журналисту Рою Говарду, Сталин заявил, что «таких планов и намерений у нас никогда не было» и приписывание их большевикам является «плодом недоразумения».

— Трагического недоразумения? — поинтересовался Говард

— Нет, — ответил Сталин, — скорее, комического, или, пожалуй, трагикомического…

Лучший друг всех американских журналистов беспардонно лгал.

Хотя бы потому, что написавший книгу «Основы ленинизма» человек должен был знать о словах Ленина о том, что Россия является только первой ступенью мировой революции.

— История говорит, — вещал тот же Сталин в 1936 году, — что когда какое-либо государство хочет воевать с другим

государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть…

Это к вопросу о том, для чего был создан в 1939 году «польский коридор».

Если, конечно, Сталин не создавал его для облегчения пути Гитлеру для нападения на собственную страну.

А вот что ответил в 1940 году маршал С. К. Тимошенко на вопрос о том, собирается ли Красная армия останавливаться на достигнутых рубежах.

— В Литве, Латвии и Эстонии, — говорил он, — уничтожена ненавистная для трудящихся власть помещиков и капиталистов. Советский Союз значительно вырос и продвинул свои границы на запад. Капиталистическому миру пришлось потесниться и уступить. Но не нам — бойцам Красной армии зазнаваться и успокаиваться на достигнутом…

Понятно, что подобные заявления без одобрения Сталина в СССР не делались.

Вспомним Бисмарка, который считал себя в конце жизни никому не нужным старым кораблем.

Но и тому были свои причины.

Строивший национальное государство Бисмарк даже при всем своем желании не мог и думать о переделе мира в пользу Германии.

Для того, чтобы об этом думать, Германия должна была стать такой, какой она стала в конце девятнадцатого — начале двадцатого века.

Мощной, а, значит, хищной.

И что значил для метавшего о мировом господстве Вильгельма II завет Бисмарка не воевать с Россией?

Так, бред выжившего из ума старца…

И, тем не менее, этот «выживший из ума» старец заявил 6 февраля 1888 года на Берлинском конгрессе в рейхстаге:

— Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чьем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле Господа Бога, и никого более!

Рейхстаг взорвался овацией, а старый фельдмаршал Мольтке зарыдал.

Как хотите, но сложно не увидеть в этом заявлении вызов всему миру и утверждение новой политики, в которой уже не было места вечному миру с Россией.

И, как знать, не потому ли рыдал сторый вояка, что увидел перед Германией совсем другие горизонты?

Но если Сталин руководствовался утопической идеей

мировой революции, то у пантюркистов была великая база для построения Великого Турана — тюркское население от Кавказа до Якутии.

Справедливости ради надо заметить, что о Великом Туране говорили, пусть и не вслух, и при живом Ататюрке.

В большинстве своем это были бывшие члены «Единения и Прогресса», которые не только ничего не забыли, но и намеревались возродить иттихадистские планы в отношении Кавказа.

Что же касается этатизма…

Чтобы там не говорили о «драконовском» правлении Исмета, принятые правительством меры спасли страну.

Именно они стабилизировали национальную валюту, и, начиная с 1930 года, то есть, в самый разгар мирового экномического кризиса, Турция имела активное внешнеторговое сальдо.

Для Ататюрка и большинства его сподвижников этатизм был только средством ускоренной модернизации экономики, но отнюдь не орудием идеологических экспериментов.

Более того, это был единственный способ вновь не оказаться в положении полуколонии европейских держав, обеспечив таким способом свою экономическую и политическую независимость.

И, конечно, он сыграл выдающуюся роль в становлении молодой турецкой экономики.

На счастье Кемаля и новой Турции, в самые трудные годы во главе ее правительства стоял несгибаемый Исмет Иненю, в высшей степени порядочный и болеющий за порученное ему дело человек.

Большое значение имело и то, что сам Кемаль не считал этатизм чем-то данным раз и навсегда.

Как можно судить по турецким исследованиям, такие руководители, как И. Инёню и Р. Пекер, намного больше абсолютизировали предназначение этатистских мер, нежели Ататюрк, что грозило превращению этатизма в неизменную бюрократическую догму.

Глава же государства часто склонялся в спорах об этатизме на сторону министра экономики Баяра, считавшего этатизм вынужденной, временной мерой, выступавшего за поощрение частного предпринимательства, за развитие свободного рынка там, где это возможно.

Какие бы не шли споры вокруг этатизма, жизнь сама все расставила по своим местам, и, когда это стало необходимо, на

смену Исмету пришел более гибкий Баяр.

Но это будет потом, а пока именно партия с ее структурой и функционерами стала защитницей кемализма.

И защитницей довольно принципиальной.

Впрочем, и сам Кемаль не страдал излишним либерализмом и уж, тем более, преступным всепрощенчеством.

— Потрудитесь, — напутствовал он Пекера и его сподвижников, — внимательно следить за положением дел и за тем, точно ли осуществляются ваши директивы. Если вы убедитесь в небрежном их применении, вмешайтесь лично, арестуйте явно подозрительных лиц и заставьте замолчать их приспешников. В случае, если к тому представится необходимость, применяйте против кого бы то ни-было, без всяких колебаний, любые меры, диктуемые обстоятельствами…

Таким образом, принятие «шести стрел», ставших скрижалями закона, в известной степени положило конец периоду, когда было достаточно только одного слова Кемаля.

И, получив такие наставления, Пекер и его помощники не церемонились…

Так не терпевший коммунизм Кемаль в известной степени сблизился с Советским Союзом, где, на беду народа, всем заправляла партия…

Сам Кемаль так объяснил, зачем нужны были шесть стрел.

— Разве члены какого-либо общества, — спрашивал он, — не должны действовать согласно программе, выработанной в итоге встречи с руководителями этой организации? Не так ли поступают во всем мире, во всех цивилизованных обществах? Наш долг и то положение, в котором мы находимся, диктуют нам необходимость не деморализовать тех, кто к нам обращается, и не поддаваться беспокойству, а наоборот действовать таким образом, чтобы вдохнуть в них новые надежды и внушить им твердость…

Сложно сказать, как насчет надежд, а вот твердость он им действительно внушил…

Из Сиваса Кемаль отправился в Самсун и остановился в Амасье, где заканчивалась линия железной дороги.

Там он встретился со своим старым другом, губернатором Самсуна, одним из лидеров либеральной партии.

Никакой радости от этой встречи мэр не испытывал.

Да и какая могла быть радость, если не смирившийся с победой либералов на выборах в Самсуне Кемаль продолжал контролировать город с помощью армии.

Как говорил сам мэр, «можно было бы подумать, что

находишься во вражеском городе».

Мэр прибыл на официальный обед с опозданием, и когда гази поднял свой бокал, мэр не дотронулся до своего.

— Вы считаете, что пить грешно? — удивленно взглянул на него Кемаль.

— Нет, — ответил тот, просто я уже отобедал…

— Иными словами, нахмурился Кемаль, — вы игнорируете мое прибытие?

— Нет, — покачал головой мэр, — я ожидал вашего прибытия!

— Тогда вы могли бы подумать о том, что мы будем обедать вместе! — повысил голос Кемаль.

— Я надеялся на это, — ответил мэр, — но я не получил приглашения…

Гази повернулся к губернатору:

— Вы предупредили мэра о нашем прибытии и совместном обеде?

Тот не ответил.

К ужасу присутствующих, через пять минут мэр, не спрашивая на то разрешения президента, вышел из-за стола.

— Завтра у меня много дел, — пояснил он.

Давно не получавший таких пощечин взбешенный Кемаль сорвал всю свою ярость на посеревшем от страха губернаторе.

— Вы видели, как ведет себя выбранный вами мэр? — кричал он. — И мне непонятно, как такой высокий пост может занимать человек, совершенно не умеющий себя вести! К нему в город приезжают гости, а он изволит обедать до встречи с ними! Они предлагают ему выпить с ними ракы, а он отказывается! И, в конце концов, он уходит из-за стола президента, даже не испросив на то разрешения!

Немного поостыв, он взглянул на убитого всем случившимся генерала и усмехнулся.

— Этот человек, — уже спокойно произнес он, — больше не работает мэром!

Через два дня губернатор был отправлен в отставку вместе с начальником полиции и руководителем местного отделения Народной партии.

Конечно, подобное поведение не делает Кемалю чести, посокльку он выглядел в этой истории мстительным и желающим переложить на чужие плечи ответственность за собственные ошибки.

Надо полагать, это общее свойство всех диктаторов.

И как тут не вспомнить Сталина, который никогда ни в чем не был виноват.

Из Амасии Кемаль отправился в Трабзон.

— Теперь, — говорил он на большом митинге, — мы должны работать еще больше, мы должны распространять наши идеи среди народных масс. В каждое мгновение мы должны быть готовы отчитаться о нашем движении перед историей и миром…

Слушали его, надо заметить, внимательно.

Вот только воспринимали ли…

Кемаль вернулся в Стамбул, а еще через две недели отправился во Фракию.

Именно там он в очередной раз увидел не выдуманную им, а реальную Турцию, с ее успехами и поражениями.

Он искренне порадовался успехам сахарного завода, продукция которого шла на импорт.

Но затем…

Множество крестьян окружило официальный кортеж и прнялось жаловаться на падение цен на сельскохозяйственную продукцию, повышение налогов, злоупотребления властью, недостаток транспортных средств и многочисленные болезни.

Растерявшийся Кемаль молчал.

Да и что он мог ответить?

В Эдирне Кемаль узнал о вооружённом выступлении исламистов 23 декабря 1930 года в Менемене, небольшом городке, затерянном среди оливковых полей, в 30 километрах от Измира.

Его возглавил прибывший сюда с пятью сторонниками проповедник, дервиш Мехмед, призвавший верующих «спасти священную веру ислама и восстановить шариат».

Пришельцы развернули зелёное исламское знамя, взятое из соседней мечети, и водрузили на городской площади.

Дервиш провозгласил себя мехди (мессией) и призвал свергнуть безбожную власть.

Толпа из нескольких сотен местных жителей поддержала бунтовщиков.

Два офицера напрасно упрашивали людей разойтись,

Затем туда был направлен взвод под командованием Кубилая, учителя начальной школы и офицера запаса, призванного на военные сборы в Менемен.

Пытаясь разогнать толпу, Кубилай выстрелил холостым патроном.

Оставшись невредимым, дервиш заявил, что он не уязвим для пуль, и выстрелил сам, смертельно ранив Кубилая.

Тело Кубилая было перенесено во двор мечети, где дервиш отрезал ему голову и насадил на шест под возгласы одобрения

своих сторонников.

Размахивая зелеными священного цвета ислама знаменами, бунтовщики объявили о скором прибытии армии халифата численностью в 70 тысяч человек.

Толпа, поддерживающая их, разрасталась, люди выкрикивали требования отменить все реформы. Полторы тысячи человек ликовали и аплодировали, когда голову жертвы, насаженную на древко знамени, пронесли по улицам Менемена

Два сторожа, стрелявшие по толпе, были убиты, и жандармы были вынуждены вызвать на помощь военных.

Прибывший вскоре полк разогнал бунтовщиков, дервиша и пять его спутников застрелили.

Кемаль был возмущён этим событием.

Особенно он был шокирован сообщениями о том, что население Менемена приветствовало убийц молодого лейтенанта.

Правительство ввело смертную казнь на обширной территории западной Анатолии и направило на место события военный трибунал.

Возвратившись из Эдирне, Кемаль собрал во дворце Долмабахче совещание, затем отправился в Анкару и там собрал правительство.

— Вот до чего мы дожили! — заявил он. — Через семь лет после провозглашения республики в одном из наиболее развитых регионов страны религиозные фанатики зверски расправились с офицером и толпа ликовала…

Он был в бешенстве, будучи убеждён, что корни восстания были частью широкого заговора, возможно связанного с роспуском Либерально-демократической партии.

Он потребовал, чтобы Менемен был провозглашён «проклятым городом» и сровнен с землей, а его жители переселены, чтобы никакой пощады не было в отношении религиозных фанатиков, даже женщин.

Кемаль приказал «раздавить» орден накшбенди, к которому Мехмет принадлежал.

Понимавший в таких случая Кемаля с полуслова Исмет объявил о наличии преступного заговора.

Было установлено, что зачинщиком восстания был соратник Этхема-черкеса, ненавидевший Кемаля лютой ненавистью.

Заодно вспомнили и о том, что шейх Саид, возглавивший курдское восстание 1925 года, был членом братства накшбенди.

Оно боролось против государства, и, как свидетельствовала газета «Акшам» («Вечер»), проповедовали умерщвление плоти и молитв, которые способны за короткое время сделать безумным нормального человека.

Возглавлял братство девяностолетний шейх, которого Исмет назвал руководителем заговора.

Некоторые его соратники пошли еще дальше и заячвили об участии в заговоре англичан.

Иначе и быть не могло, посольку знаменитый «Лис пустыни», полковник Лоуренс всегда проявлял интерес к Накшбенди.

К тому же один один из сыновей шейха находился в Ираке.

«Лоуренс, — писала газета, — не мог остаться в стороне от этого дела.

Шейх Эссат-эфенди сам признавался, что англичане окружают его вниманием.

Существует ли связь между сыном в Ираке и отцом?

Не использует ли Лоуренс этот канал для влияния на нашу страну?»

При этом газету мало волновало то, что к тому времени Лоуренс служил на авиационной базе на юге Великобритании.

Надо полагать, что знаменитый Лис пустыни, несмотря на все знание им Востока, никогда не слышал о Менмене.

По приговору суда было казнено 28 зачинщиков бунта

В последующие годы армия, полиция, органы безопасности Турции внимательно, тайно и явно, следили за исламистами, пытаясь выяснить, есть ли в их программах, учениях, тайных уставах положения о ликвидации светской власти, установлении шариатского режима в Турции.

А в лице Кубилая республика получила своего первого мученика, который стал символом новой Турции.

На самом деле все было намного проще, поскольку секуляризация была принята лишь небольшой частью турецкого общества, в то время в основном сельского.

И кемалисты, в своем стремлении оторвать народ от ислама, выдавали желаемое за действительное, когда говорили, что он ушел в невозвратное прошлое.

Если он куда и ушел, то в подполье.

Как ушло в него православие в России, где, несмотря на жесточайший контроль и преследования властей, девянсто процентов жителей крестились.

А запретить отмечать такие великие праздники, как Пасха и Рождество, не смогли даже большевики.

Несмотря на жестокие расправы и гонения, несмотря на все законодательные запреты по их вмешательству в политическую жизнь страны и весьма жёсткую 162-ю статью уголовного кодекса, исламисты даже в тридцатые и сороковые, пожалуй, самые трудные для них годы, оставались серьёзным политическим

оппонентом кемалистов.

Народный же ислам со своими шейхами, орденам и святыми местами, сохраняясь на бытовом уровне, частично ушёл в подполье, был лишён возможности расширять свою деятельность из-за угрозы уголовного преследования.

Если он и заявлял о себе открыто, то делал это через вооружённые выступления под религиозными лозунгами, которые беспощадно подавлялся властями.

Но именно в это жёсткое для противников кемализма время начал формироваться, как религиозная реакция на секуляризацию, на европеизацию и на упрочение республиканского режима, новый религиозный орден в Восточной Анатолии.

Речь идёт об исламистском течении нурджизма, основателем которого стал тот самый Саид Нурси, который отказался от сотрудничества с Кемалем.

Всю его жизнь он преследовался властями «за создание тайного общества», то есть, за общение со своими последователями и учениками, и «организацию заговора против власти».

Он жил в ссылках, где и начал писать рисале, содержание которых было поводом для тюремного заключения.

Его биографы писали о том, что в то жестокое время именно тюрьмы Турции стали школами обучения исламистов.

Более того, в тюрьмах многие люди приобщались к исламу и были «рассадниками» как исламизма, так и коммунизма.

Тем временем Нурси и его ученики продолжали свою смертельно опасную работу.

Появились даже нур-почтальоны, распространявшие рисале по вилайетам.

Ученик-нурсист, получив рисале, изготавливал сотни копий.

Это были смелые люди, готовые идти не только в тюрьму, но и на эшафот.

Только так по большому счету и проверяется вера.

Да и не велика заслуга стоять за нее, когда за это ничто не грозит.

А вот поднять свой голос в то самое время, когда «край мой был болен», суждено только немногим избранным.

Нурси был таким избранным, возможно именно поэтому он и умер своей смертью…

Как того и следовало ожидать, Кемаль начал репрессии.

— Нам, — заявил он, — необходимо обращать внимание на серьезную опасность для нации таких поступков лиц, которые

сеют разногласия между государственными деятелями, порождают беззаконие и беспорядки в стране, которые, в конечном счете, могут привести к анархии. Развитие великих идей, приведших все главные нации мира к освобождению от рабства и к суверенитету, не дает пощады тем, кто ищет спасения в прогнивших формах правления и связывает свои надежды с обветшалыми установлениями. Необходимо освободиться от влияния тех, кто толкает Турцию на ложный путь, в пропасть распада и уничтожения. Есть истина, которой надо следовать. Она заключается в следующем: надо вдохнуть совершенно новую веру в думающие головы Турции, укрепить уверенность нации в себе…

Более двухсот человек было арестовано, в трех округах было введено чрезвычайное положение и тридцать человк были казнены.

Столь жестокая расправа вызвала возмущение военного атташе Франции.

— Если бы это не послужило предлогом для партии власти расправиться с оппозицией, — заявил он, — событие в Менемене могло бы пройти почти незамеченным…

По всей видимости, французский дипломат так и не понял того, что трагические события в Менемене больно ударили по самолюбию президента, пережившего перед этим драму с либеральной партией.

Более того, начинавшему отвыкать от проявления всякого свободомыслия, ему подобной реакции народа на устроеннум им и его правительством невыносимую жизнь, казалась невероятной.

А что будет думать молодежь, убежденная, что всё как нельзя лучше в республиканской Турции?

Будет ли она готова пожертвовать собой, как Кубилай, для защиты республики?

И ничего другого, как прибегнуть к оружию, Кемаль не придумал.

Конечно, он прекрасно понимал, что ему надо как можно быстрее добиться того, чтобы события в Менемене не повторялось.

Именно поэтому, как отмечала газета «Миллиет» в середине января 1931 года, «Гази решил взять под свой непосредственный контроль государственные дела».

Звучало это несколько странно, посокльку получалось так, словно до этого дня Кемаль проживал на каких-то островах и не знал о том, что происходит в стране.

Особенно, если учесть, то Исмет не мог принять ни одного мало-мальски важного решения.

Впрочем, если переводить решение Кемаля на нормальный язык, то оно, по всей видимости, означало сосредоточение в своих руках теперь уже абсолютной власти.

Вполне возможно, что это было в то время единственно правильным решением, поскольку либерализм в политике и экономике не только не оправдал себя, но и мог привести к куда более плачевным последствиям.

Понимая, что страна взолнованна последними событиями, Кемаль снова отправился в поездку по стране.

На этот раз на побережье Эгейского моря и Южную Анатолию.

Верный себе, он продолжал делать громкие заявления.

Только теперь они были куда ближе к реальности.

— Не стоит ожидать того, — говорил он в Измире, — что небрежно управляемая, запущенная страна может превратиться в рай…

При этом он почему-то забыл упомянуть, кто же именно небрежно управлял «запущенной» страной.

В Айдыне какой-то молодой человек пожаловался, что нет машин, чтобы ездить по деревням.

— Вы не можете туда поехать, — довольно резко ответил ему Кемаль, — в то время как орды фанатиков в лохмотьях и с котомками посещают деревни одну за другой, распространяя слухи, дискредитирующие республику, а сами заявляют, что продают цветы. А вы ничего не делаете, чтобы воспрепятствовать этому!

В Адане он заявил:

— Пусть государство строит школы и больницы! Ваша главная обязанность распространять культуру среди населения. Большинство граждан не владеют турецким языком, необходимо их обучать этому!

Иными словами, хватить ждать, надо делать!

Делать всем: государству, правительству, чиновникам и этому молодому человеку из Аданы, который не мог добраться без машины до нужных ему деревень.

Одним словом, всей той самой нации, которой еще совсем недавно Кемаль пел дифирамбы при каждом удобном случае.

Глава XV

На состявшихся весной 1931 года новых выборах Кемаль показал, что он означало «взять под свой непосредственный контроль государственные дела».

Роспуск Национального собрания, если верить выборному манифесту партии, был направлен на «поддержку единства государства»,

Примечательно то, что Кемаль впервые говорил о единстве государства, а не нации.

Если же отбросить всю тайную суть этих иносказаний, он намеревался посадить в парламент только своих депутатов.

Кемаль учел печальную историю с участием либеральной партии в муниципальных выборах.

Теперь его 1176 кандидатов представлены в 287 избирательных округах, 30 мест было зарезервировано для независимых кандидатов при условии, что они должны быть честными республиканцами, сторонниками светских реформ и националистами.

Понятно, что полностью отвечать таким требованиям могли только члены кемалистской партии, поэтому независимых депутатов было зарегистрировано только тринадцать.

Выборы прошли без эксцессов, и впервые в истории меджелиса государственные служащие не составляли абсолютного большинства нового состава Национального собрания.

И как тут не вспомнить слова Кемаля о том, что муниципальнрые выборы 1931 года были выигранным партией бюрократов.

А затем стали происходить странные вещи.

На одном из первых заседаний меджелиса железный Исмет призвал сократить государственные расходы.

И депутаты восприняли это свойственное больше либералам предложение как должное.

И как ту не вспомнить слова Кемаля о том, что на муниципальных выборах победели не политические партии, а чиновники.

Может быть, именно поэтому они и не составили абсолютное большинство в парламенте?

А увеличение числа депутатов, не состоящих на государственной службе, создание группы независимых депутатов и желание сократить государственные расходы, не есть ли пока еще тайное желание Кемаля подготовить страну к переходу на

более либеральные рельсы управления ею?

Кто знает…

Да и как объяснить то, что именно тогда Кемаль предпринял авторитарные реформы и усилил власть партии?

Через три месяца после выборов депутаты приняли закон о цензуре печати.

— Если существует же контроль в трамваях Стамбула, — цинично заявил по эому поводу один из депутатов, — то почему не может быть контроля над прессой?

Вторил ему и другой депутат, главный редактор «Миллиет»:

— Умело управляемая пресса — огромная сила современного государства. Мы не хотим лишать этой силы новый режим…

Оно и понятно, ведь главной задачей всё еще оставалась защита республики.

«Необходимо объединить все силы националистов и республиканцев, — писал соратник Кемаля Рюшен Эшреф, — чтобы защититься от опасностей, угрожающих государству и революции, откуда бы они ни исходили — изнутри или извне».

И надо отдать должное ближайшему окружению Кемаля: оно было готово на всё ради защиты молодой республики, которой так гордились.

Хотя среди политиков всех рангов хватало и таких, кто пекся, в первую очередь, о собственных интересах.

Но все это было по большому счету небольшими издержками производства, неизбежными при любой политической организации.

Оппозиция была устранена, Фетхи не был избран в Национальное собрание и уехал послом в Лондон в 1933 году, а Ахмет Агаоглу вернулся в университет читать лекции.

Наступило время Народной партии.

Более близкий к президенту, чем к премьеру, Реджеп делал все возможное, чтобы придать Народной партии как можно больший вес.

Его голубой мечтой было превращение возглавляемой им партии в такой же по сути дела орден, каким являлись коммунистическая и фашисткая партия соответственно в СССР и Германии.

И он любой ценой старался внедрить их опыт в партийную жизнь Турции.

Но, как мы скоро увидим, Кемаль довольно жестким образом поставит на его мечтах крест…

15 апреля 1931 года Кемаль учредил Историческое общество.

С его помощью он намеревался еще более укрепить

политический суверенитет.

Кемаль всегда считал, что нельзя строить будущее, не зная прошлого, и что турецкому народу необходимо испытывать гордость за свою историю, чего новые реформы не могли ему дать.

К этому времени он изучил множество исследований, посвященных тюркам, которых насчитывалось больше пятидесяти миллионов.

И не случайно министр иностранных дел Турции как-то похвастался тем, что «можно добраться от Анкары до Пекина, пользуясь только турецким языком».

Конечно, изучал Кемаль все эти книги не из простого интереса.

Ведь именно в те годы была широко известна теория национального самоопределения, согласно которой владение той или иной территорией должно было подтверждаться «историческими правами» на нее.

И в свете этой теории сразу же возникал вопрос, как же быть в таком случае с Турцией, чья территория пестрела памятниками, оставленными хеттами, греками, византийцами, римлянами, армянами и еще десятком народов.

Что, в свою очередь, означало, что пришедшие позже всех в Малую Азию турки не имели никаких «исторических прав» на свою землю.

Кемаля подобные воззрения не устраивали, и для того чтобы выбить почву из-под ног у подобных толкователей истории, он призвал турецких историков найти предков современных турок среди древнейших обитателей Малой Азии.

Как отмечал французский посол Шамбрен, президент имел перед собой определенную цель: заставить турецкий народ поверить в себя.

Так оно и было, поскольку Кемаль не мог смириться с той характеристикой турок, которая изложена в западных учебниках истории.

«Народ второго сорта», «варвары», завоеватели, уничтожившие древнюю цивилизацию Малой Азии, — вот так воспринимали его народ на Западе.

А раз так…

Значит, необходимо изменить мнение о турках и добиться уважения со стороны западных стран уважения народа новой Турции.

Кемаль прекрасно понимал, что только одним своим стремлением к западному образу жизни, ему ничего не добиться.

Да и чем он удивит тот же Париж?

Тем, что «варвары» хотя приобщиться к цивилизации?

На то они и варвары…

Более того, прочитав множество книг по истории, Кемаль был убежден, что нация без корней лишена доверия.

Вывод?

Простой!

Турция должна доказать свои исторические корни.

В этом Кемалю помогли четыре тома «Общей истории гуннов, турок, монголов и западных татар до новой эры и по настоящее время», «Введение в историю Азии — турки и монголы с момента возникновения до 1405 года» и «Турки древние и современные».

В них авторы восхваляли то, что сделали турки до Османской империи, рассказывали о том, как турки передали китайскую культуру персам, а затем и в Европу и что кельты и лигуры — «братья, отделившиеся от турок».

В то время Кемаль находился под сильным впечатлением от книг Герберта Уэллса «Очерки истории Вселенной» и «Краткая история мира».

В них не было ни слова об османах, зато Уэллс много писал о тюрках, вынужденных из-за невыносимой засухи покинуть Центральную Азию, где обитали их предки.

Но если с появлением тюрок в Малой Азии у Уэллса все было ясно, то происхождение шумеров, хеттов и этрусков он так и не смог объяснить.

И Кемаль зацепился за это самое «белое пятно» в его истории.

Заинтересовала его и статья в энциклопедии «Лярусс XX века», изданной в 1928 году.

«Происхождение шумеров, — говорилось в ней, — пока неизвестно».

Мало что говорилось и о хеттах.

Узнав все из той же статьи о том, что язык хеттов является «наиболее древним свидетелем» индоевропейской семьи и о том, что их столица находилась в нескольких километрах от Анкары, Кемаль понял, что нашел то, что хотел найти.

А гипотеза о том, что древние этруски происходили из находившейся в Западной Анатолии Лидии, еще более вдохновила его на дальнейшие свершения в области турецкой истории.

И теперь он даже не сомневался в том, что шумеры, хетты, этруски и многие другие племена и народы были древними предками турок.

Или делал вид, что не сомневается.

Ведь делал он все это не для себя, а для страны, которая должна была иметь историю, подобную жене Цезаря.

То есть, без малейших подозрений и неясностей.

А раз так, то «население греческих колоний Малой Азии состояло в основном из коренных азиатов, анатолийцев: теперь мы называем их турками».

— Человек, — заявил он, — который назывался тюрком, первый представитель тюркской нации — сын Яфета, сына пророка Ноя, второго отца человечества…

Иными словами, турки были первыми поселенцами в Анатолии намного раньше, чем там появились греки, армяне, курды.

Отныне и сам Кемаль и все турецкие историки считали эту теорию, утверждающую исключительную историческую важность турецкой нации, единственной правильной.

Летом 1928 года раскопки в Анатолии обнаружили следы цивилизации времен палеолита, и теперь Кемаль лишний раз убедился в в том, что предки турок появились в Анатолии на заре цивилизации, а греки прибыли туда на несколько веков позже.

Уже во время раскопок Кемаль создал специальную комиссию по истории турецкой нации

— Всем известна та истина, — говорил он, — что среди восточных народов турки являлись элементом, который шел во главе других народов и был наиболее могущественным.

«Как и других представителей османской интеллигенции, — писал турецкий социолог Джахит Танйол об истоках национализма Кемаля, — Ататюрка беспокоила необходимость исторически обосновывать анатолийский тюркизм, его принадлежность Анатолии».

И он его основывал, не считаясь ни с какими историческими реалиями.

— Нет сомнения в том, — говорил Кемаль, — что мы уверенно придем к счастливому завершению борьбы. Это будет день, когда наш драгоценный Измир, наша прекрасная Бурса, наш Стамбул, наша Тракия воссоединятся с нашей родиной. Когда настанет этот счастливый день, он будет для нас и всей нации большим праздником. Измир, земля наших предков, насчитывает сорок веков своей истории. Имея такие глубокие исторические корни и занимая такое важное географическое положение, Измир представляет для нас большое экономическое и политическое значение…

Особенно впечатляет «наш Стамбул».

Это говорилось так, словно не было ни Византии, ни отвоеванного у нее в 1453 году Константинополя.

Другое дело, что это была все та же самая «святая» ложь.

И дело было даже не в том, что рассказывая сказки

неграмотным людям, Кемаль сознательно обманывал их.

Не мог же он заявить по время войны за Независимость, что пусть Стамбул и не наш, не турецкий, но должны взять его.

Он должен был сплачивать нацию любой ценой, и он ее сплачивал.

Так была создана теория происхождения турецкого народа, его культуры чуть ли не от хеттов, а национализм пропагандировался как концепция, спасшая страну от уничтожения, ведущая турецкое общество к прогрессу и способная обеспечить этому обществу достойное место в семье европейских народов.

— В мире, — заявил Кемаль собранным им для работы ученым, — нет более великой и почитаемой нации, нежели турецкая, и она являлась таковой и до принятия мусульманской религии…

В 1931 году в стране появились «Очерки турецкой истории», повествующие о том, как тюрки переселялись со своих родных мест в Центральную Азию и вносили решающий вклад в мировую цивилизацию.

Кемаль посвятил тем далеким событиям небольшую поэму:

Возможно, не ведаешь ты о том,
Что Дунай принадлежал туркам в течение веков.
История умалчивает об этом…
Но покровы сорваны, и правда появляется.
Прислушайся к голосу Новой истории…
Настало время, когда восторжествует правда,
Освободившись от лжи, и будет предана гласности!

В тезисе об автохтонности турецкого народа доля истины, конечно, была.

Современные турки и на самом деле являются преемниками и продолжателями истории всех тех народов Малой Азии, которые населяли ее до прихода сюда тюркских племен и затем вошли в состав турецкой народности и нации.

Что же касается сведений о древних тюрках, то они уходят в седую старину.

Так, уже в древних китайских летописях говорилось о вынужденном переселении тюркских племен в V веке из Северо-Восточного Притяньшанья на Алтай.

Именно с Алтаем связывается первое упоминание о племенном союзе тюрков, и именно из Центральной Азии начинается через столетие его выход на историческую сцену и развитие древнетюркской государственности каганатов,

закончившееся образованием огромной и могучей Османской империи.

Первое кочевое объединение, в которое входили тюркские племена, как принято считать, образовались в III веке до нашей эры.

В Малой Азии они впервые появились III веке нашей эры.

В VI–VII веках тюрки создали в Азии Тюркский каганат.

Именно тогда о тюрках повились упоминания в китайских, армянских, византийских и иранских хрониках.

А вот в VIII–X века характеризуются уже более массированным переселением тюрков в Анатолию, в основном, из Средней Азии, Ирана и Афганистана.

В XI веке в Малой Азии стали активно расселяться и создавать свои уделы (бейлики) тюрки-сельджуки — пришельцы-кочевники из туркменских (огузских) племён Центральной Азии.

Эта племенная ветвь названа по имени их предводителя Сельджука (X- начало XI вв.), создавшего династию Сельджукидов.

Победа сельджуков над византийцами под Малазгиртом в 1071 году считается свидетельством заката в Малой Азии эпохи христианского, греческого (румского) владычества и начала новой формы государственности — тюркско-мусульманской.

Огузы легко и быстро проложили дорогу вглубь страны, отряды акынджы («налётчиков») временами подступали к воротам столицы Византии — Константинополю.

Слово «Турция» впервые было употреблено автором одной хроники крестоновцев в 1190 году применительно к землям, захваченными тюркскими племенами ва Малой Азии.

Объеденив в XIII веке почти всю Анатолию, сельджуки образовали Конийский (Румский) султанат со столицей Иконium (Конья).

После 1243 года Конийский султанат стал вассалом монгольских ильханов Ирана, а к 1307 году распался на мелкие княжества.

Одно из них было представлено перекочевавшим под натиском монголов в Анатолию огузским племенем кайя.

Затем поредевшее племя во главе с Эртугрулом Гази перебралось далее на запад в район Сёгюта.

В 1231 году Эрторул, будучи командиром отрядов акынджы, отличился в походе сельджуков против изникских византийцев.

В 1279 году он был назначен беем уджа (военного поселения) Сёгют.

После его смерти в 1281 году вождем племени и беем уджа старейшины избрали его сына Османа, а после нескольких

военных успехов соответствующий фирман ему был послан сельджукским султаном.

В 1289 году власть Османа была закреплена «сверху» присланными дарами — бунчуком, саблей, конем с серебряной упряжью.

Так небольшой приграничный удел стал ядром мировой империи средневековья.

Османскому бейлику удалось возвыситься над остальными племенами засчёт второй волны притока тюрок-переселенцев из Средней Азии.

Как считает Х. Иналджык, уже «в XIII веке Анатолия во всех отношениях стала выглядеть родиной турок.

Во всяком случае, проезжая Восточную Анатолию в 1279 году, Марко Поло называл эту территорию Туркменией.

С 1289 года Осман начал расширять за счёт византийских земель границы своего небольшого владения.

Столицей этого государства в 1326 году (при сыне Османа — Орхане) стала Бруса (Бурса).

Постепенно бейлик распространил свою власть по всей Анатолии, а затем и на Балканах.

С помощью того самого ислама, против которого так выступал Кемаль.

И не случайно современные турецкие историки убеждены, что решающим фактором создания империи стала идеология газавата.

О значимости газавата у сельджукидов писал и В. А. Гордлевский, подчёркивая, что в Малой Азии Сельджукиды жили, окруженные „областью войны“ и, устремляясь на христиан, совершали формально газават — священный набег, рекомендуемый, поощряемый воинствующим исламом».

Складывавшуюся в Османском государстве из различных тюркских племён и оставшегося местного населения мусульманскую народность стали называть турками-османами.

С захватом в 1453 году турками-османами Константинополя, после многих недель осады и кровопролитного штурма, прекратила существование Византийская империя.

С этого момента началась полоса расцвета Османской империи, превратившейся в могущественное государство средневековья.

В его руках оказались важнейшие мировые стратегические и торговые пути того времени.

Турецкое нашествие стало постоянной угрозой для многих государств Европы.

Чем все эти подвиги кончились, Кемаль стал свидетелем в

октябре 1918 года.

Но Кемаля мало волновали сейчас последние годы жизни «больного человека» Европы, все его внимание было устремлено в седую древность.

Однако вдохновленные Кемалем и поставленной перед ними задачей историки стали заходить слишком уж далеко.

В своих выводах они принялись усердно доказывать, что именно тюрки являются наследниками великих древних цивилизаций, игравших решающую роль в зарождении и развитии мировой цивилизации, и что именно они внесли решающий вклад в развитие всей Юго-Восточной Европы.

А большинство из них и вообще стали сторонниками теории, доказывающей извечность обитания турок как этнической общности чуть ли не со времен неолита.

И основной мыслью многих из них стала та, что колыбелью мировой культуры была Средняя Азия, в понятие которой они включали Алтай и Памир, где тюрки появились как культурная белая раса уже в IX тысячелетии до нашей эры.

Но ничего удивительного и уж тем более странного в этом не было.

Где и какие исполнявшие определенный заказ историки следовали истине?

Да и не могли они иначе.

Можно понять и самого Кемаля, стремившегося с помощью пусть даже и такой истории вселить в народ желание продолжать вносить вклад в дальнейшее развитие мировой цивилизации.

Более того, несмотря на сказанные им однажды слова о том, что, строя новую страну, о старой надо забыть, Кемаль отдавал должное своим предкам.

— Небольшое племя, — говорил он, — принадлежавшее к нашей нации, пришло в Анатолию, основало в ней независимое государство, а затем проникло в западный мир и во вражеском окружении, несмотря на тысячи препятствий, создало империю. И эту империю оно сохранило во всем ее блеске в течение 600 лет. Подобное положение не могло быть завоевано одним только мечом. Весь мир знает, что оттоманская империя была в состоянии с исключительной быстротой перебрасывать свою армию, снабженную всем необходимым, с одной границы своей огромной территорией на другую, в течение месяцев, иногда даже лет, питать и содержать ее в том пункте, куда она была переброшена. Подобного рода факты свидетельствуют не только о наличии военной организации; они свидетельствуют также об исключительном превосходстве административного аппарата и об

одаренности тех, кто приводит его в движение…

Все правильно, и прошлое, каким бы оно ни было, нельзя забывать.

А поучиться у Османской империи было чему, как было чему поучиться и у Чингисхана с его совершенной организацией.

Всячески превознося свой народ, Кемаль тем самым давал нации новый мощный заряд энергии, и, что бы там ни говорили, в те трудные для страны дни моральное состояние общества стоило дорогого.

Беда была в том, что чрезмерное усердие турецких ученых не могло не привести к другой крайности — чрезмерному возвеличиванию турецкой нации над всеми другими.

Что, в свою очередь не могло не привести к появлению шовинистических чувств у части турецкого населения.

Другое дело, что объяснялись эти чувства не только «плохим» поведением греков и армян во время англо-греческой интервенции.

Дело было в том, что именно эти меньшинства со времён империи контролировали в значительной мере экономическую жизнь Турции, особенно в городах — торговлю, ремесло.

Так, греческий капитал занимал господствующее положение в хозяйственной жизни империи.

Ему принадлежало первенство (почти 50 %) как в производстве и ремеслах, так и во внутренней торговле.

Он контролировал более 40 % всех внутренних финансовых операций.

Второе место принадлежало армянским предпринимателям, торговцам и финансистам, в руках которых находилась примерно четвёртая часть производства и торговли.

Вслед за ними шли евреи и левантийцы.

Что касается турецкой буржуазии, то она по-своему экономическому положению находилась на четвертом месте и контролировала почти 15 % торговых операций и 12 % производства.

Ей потребовалось несколько десятилетий,

Чтобы завоевать ведущие позиции в частном секторе турецкой экономики, отказавшись от исламских знамён, объединив турок под новыми знамёнами — патриотизма и национализма, кемалисты приняли меры к тому, чтобы сохранять и укреплять это единство и далее и под теми же знамёнами.

Популярными стали лозунги создания национальной промышленности, национальной банковской системы, национальной авиации, национального производства сахара,

тканей, цемента и т. п.

После завершения строительства первых текстильных комбинатов тогдашний министр экономики Джеляль Баяр призвал соотечественников покупать, прежде всего, турецкие ткани.

Начало действовать законодательство по защите национальной валюты — лиры.

Создавалась национальная оборонная промышленность.

При всемерной поддержке властей турецкий предприниматель все активнее внедрялся в сферы строительства, промышленного производства, торговли, включая внешнюю, других услуг, ранее контролируемые иностранным либо инонациональным (греческим, армянским, еврейским) капиталом.

И ничего нового в Турции не выдумали.

Помните, из-за чего началось гонение на евреев в Европе?

Все правильно, из-за того, что они активно вытесняли местное население из хозяйственной жизни.

Почему их не любили?

Отнюдь не из-за пейсов, которые так ненавидел Гитлер.

Многие евреи были ростовщиками, а ненависть к этим людям была повсюду.

Первый турецкий миллионер Вехби Коч отмечал в своих мемуарах, что в те годы вся торговля Анкары была в руках армян, греков и евреев.

Турки-мусульмане, будучи хозяевами страны, жили скромно и в своем большинстве трудились подначалом упомянутых групп.

Хорошо известно, что раб всегда чувствует удволетворение, когда страдает его бывший господин.

Точно такое же чувствовали теперь и турки, не только поднимавшиеся по уровню знаний и доходов с теми, кто раньше смотрел на них сверху вниз, но и занявшие их место.

В мае 1931 года Кемаль был в третий раз избран президентом.

Тогда же на партийном знамени появились знаменитые «Шесть стрел» Гази, шесть принципов, составлявших его политическую и философскую концепцию: республиканизм, национализм, народность, революционизм, ляиклык (секуляризм) и этатизм.

В интервью французскому журналисту Морису Перно Мустафа Кемаль Ататюрк заявил:

— Наша политика, наши традиции, наши устремления будут направлены на то, чтобы Турция стала европейской страной, или

точнее, страной, ориентирующейся на Запад…

Яркими примерами этой ориентации стали перевод турецкого языка на латиницу и предоставление женщинам избирательного права.

— У нас есть единственный путь, — часто повторял Кемаль, — Европа…

Пусть и со скрипом, но приносил свои плоды и этатизм, главную роль в осуществлении которого играл Исмет.

Как мы уже говорили выше, по своей сути этатизм являл собою форму государственного капитализма, при котором многие частные предприятия работали под контролем государства.

Однако журнал турецких интелелкуталов «Кадро» представлял кемализм как третий путь между капитализмом и социализмом, наиболее приемлемый для развивающихся стран, где власть принадлежала просвещенной элите.

Конечно, ничего нового в этом не было.

По сути дела, Турция повторяла уже пройденный в США путь, получивший название «нового курса», в основе которого лежала разработанная президентом Рузвельтом система экономических мероприятий.

Впрочем, сам Кемаль, будучи прагматиком до мозга костей, никогда не задавался теоретическими вопросами и постоянно повышал участие государства в экономической жизни страны.

Особых успехов в экономике он не достиг, тем не менее, сметавший все на своем пути экономический кризис не убил молодую республику.

В Турции не только появились построенные при участии государства и частного бизнеса фабрики, но и было воспитано первое поколение турецких специалистов.

Большое внимание уделялось и воспитанию молодежи в духе кемализма.

«Опыт либеральной партии и драма в Менемене, — писала газета „Вакыт“, — свидетельствуют о том, что в течение длительного времени Народная республиканская партия должна направлять турецкую молодежь на защиту всего того, что нам дорого»,

Именно поэтому власти разобрались и с народными центрами, которые еще до выборов турецкие центры утратили свою независимость, присоединившись к партии.

— Зачем нужны теперь турецкие центры, когда мечты превратились в ощутимую реальность? — вопрошал депутатов с трибуны меджилиса Якуб Кадри.

И, действительно, зачем нужны организации, запятнанные связями с либеральной партией?

Как выяснилось, они все-таки нужны.

И с 1932 года в Турции возникла целая сеть Народных домов, которыми руководила секция культуры Народной партии.

Народные дома старались использовать опыт организаций культуры, созданных в Венгрии, Чехословакии, в гитлеровской Германии и в Италии Муссолини.

С 1932 по 1938 год будет создано 210 Народных домов, которые будут открыты для всех желающих.

Были ли тогда Народные дома популярны или нет, но их появление свидетельствовало об изменении атмосферы, наступившем с появлением Реджепа в генеральном секретариате партии.

Более близкий к Кемалю, нежели к Исмету, Реджеп намеревался придать значительный вес Народной партии.

Его вдохновляли некоторые примеры за рубежом, где государство опиралось на могущественные партии для проведения националистской и корпоративной политики.

Реджеп был не единственным, кто внимательно следил за происходящим в Риме, Берлине и даже в Москве.

В эти годы некоторые интеллектуалы, близкие к Кемалю, считали, что для упрочения кемалистской революции можно использовать в качестве примера приемы фашистов или коммунистов.

Так, бывший президент турецких центров Хамдулла Суфи выражал симпатии фашизму, сравнивая его с философией новой Турции.

Фалих Рыфкы вернулся из СССР полный энтузиазма и создал с несколькими друзьями обзорный журнал «Кадр», отказывающийся от классической демократии XIX века и предлагающий режим «дирижизма» — государственного управления экономикой.

Вопреки этим советам и намерениям, кемалистская Турция будет жить без политической полиции и без молодежной организации.

Да, коммунисты регулярно подвергались арестам, проект закона, разрешающего создание профсоюзов, был отклонен, интеллектуалов притесняли, но никакого террора в стране не было.

Принадлежность к партии не была обязательной и не давала преимуществ для получения места в администрации, в предпринимательстве или в системе образования.

Тем не менее, Народная республиканская партия формально может считаться диктаторской, как и любая единственняя в стране правящая партия.

— Если франкмасонство, — говорил Кемаль, — является организацией, отличающейся национализмом, популизмом и республиканскими взглядами, то нет необходимости в ее существовании…

Тем не менее, с масонами расправились, как расправился с ними Гитлер после своего прихода к власти.

Партия полностью подчинила себе и Союз турецких женщин.

Был ли диктатором Кемаль, который по сути дела правил страной без всякого контроля.

Да, конечно, был!

Хотя и говорил:

— В общественных делах я предпочитаю действовать в полном и искреннем согласии с моими высокопочитаемыми коллегами, чем по моему собственному усмотрению…

И как тут не вспоминть Сталина, который всегда говорил:

— Мы тут подумали и решили…

Более того, Муссолини, Гитлер и Сталин не вызывали у Кемаля восхищения и не служили примерами для подражания.

Именно поэтому он с такой охотой принимал многочисленных беженцев с университетским образованием, евреев и нееврев, изгнанным нацистами, что обеспечило расцвет нового университета в Стамбуле.

Особенно он презирал Муссолини.

— Он был бы хорошим министром общественного труда, — как-то замеитл Кемаль.

Интересно и то, что еще в апреле 1934 года он предсказал, что «народ повесит дуче за ноги».

— Я — не диктатор, — говорил Кемаль в 1935 году американской корреспондентке, — я хочу, чтобы правительство не разбивало сердца, а завоевывало их…

А когда какой-то смельчак сказал ему:

— Всем известно, что вы — диктатор!

— Если бы я был диктатором, — усмехнулся Кемаль, — осмелились бы вы задать мне подобный вопрос?

В связи с этим возникает естественный вопрос: а могла бы Турция развиваться в то время по демократическим принципам?

Думается, вряд ли.

Да и как можно было бороться с депутатами, желавшими возрождения султаната и халифата?

Уговаривать?

Убжедать?

Кемаль пробовал, но ничего из этого не получилось.

И что он был должен сделать?

Отдать власть Рауфу и его оружению, ездившим целовать руки султану в Стамбул?

Конечно, нет, и, как показывает История, на ее самых крутых поворотах демократия обречена.

Еще до того, как экономический кризис и специфическая атмосфера тридцатых годов заставили Кемаля отступить от либерального пути, он считал, что та демократия, которую практикуют страны Европы, не может рассматриваться как цель.

— Те, кто проник в глубину человеческих отношений и познал истину, — говорил он в своей знаменитой речи «Нутук», — должны признать, что самый главный долг на земле — это поднять жизненный уровень людей и дать им образование, и, насколько это возможно, вести их к цели…

Понятно, что для достижения этой цели, по словам Кемаля, «турецкий народ не будет терпеть презренные цели и тайную подрывную деятельность предателей, трусов и космополитов, выступающих против высших интересов страны»

— Те, кто захочет встать на ее пути, — предупреждал он, — будут безжалостно раздавлены…

Подобные взгляды дали повод знаменитому французскому тюркологу Ж. Дени заменить на посвященной психологии турецкого народа Парижской конференции в 1933 году слово «демократия» на неологизм «демократизм».

— Психология турецкого народа, точнее, его руководителей, — говорил Дени, — представляет парадоксальную комбинацию покорности и революционности. Первое качество — результат военной традиции, дорогой сердцу турок, и его «альтер эго», дух дисциплины. А революционный дух присущ Кемалю и его единомышленникам…

Через несколько дней после выступления Дени Кемаль обсуждал с друзьями значение слова «революция».

После чего он продиктовал своей приемной дочери Афет:

— Революция меняет насильственным путем существующие государственные институты; после уничтожения существовавших институтов, которые тормозили развитие турецкой нации в течение нескольких веков, созданы новые институты, чтобы облегчить прогресс нации в соответствии с требованиями наиболее развитой цивилизации. В жизни государства революция стала частью наших социальных традиций…

И Афет, дабы уточнить сказанное ее отцом, записала в скобках: «Лаицизм, гражданский кодекс и демократия».

В октябре 1931 года Туцрия приняла Вторую конференцию Балканских стран.

Еще два года назад министр иностранных дел Тевфик Рюштю заявил французскому послу, что самую серьезную угрозу для Турции представляет Союз балканских славян.

Рюштю был одним из близких соратников Кемаля и в данном случае выразил мнение самого Гази, который стал главным защитником Балканского союза ради предотвращения угрозы, реальной или потенциальной.

Кемаль часто говорил о Балканах, и, как отмечал Юнус Нади, не только как глава государства, но и как уроженец тех мест — ведь его родные Салоники были теперь греческой территорией.

В Стамбуле, где балканский флаг развевался над дворцом Долмабахче, а затем и в Анкаре царила удивительная атмосфера, исторические распри были забыты.

Греческий делегат предложил сделать Стамбул балканской столицей.

— Я, — заявил он, — не знаю в истории других примеров столь разительной и радикальной метаморфозы, произошедшей за столь короткий промежуток времени…

Кемаль говорил об «общей истории» балканской нации с «ее мучительно болезненными эпизодами», «о братских народах, вышедших из одной и той же колыбели».

И доля правды здесь была, поскольку балканские тюрки принимали активное участие в жизни Византийской империи.

В конеце концов, он объявил о «новом периоде человечества».

— Толкать людей убивать друг друга под предлогом сделать их счастливыми, — заявил он, — бесчеловечно и в высшей степени недостойно. Единственное средство сделать людей счастливыми — всемерно содействовать их сближению…

После конференции греческое правительство установило мемориальную доску на доме, где он родился.

«Гази Мустафа Кемаль, — было написано на ней, — выдающийся борец за турецкую нацию и активный участник Балканского союза, родился в этом доме».

Вот уж, воистину, неисповедимы пути Господни…

Глава XVI

Отдав дань истории, Кемаль не мог пройти и мимо проблем языкознания, поскольку у прародительницы мировой цивилизации должен был быть и соответствующий ее высокому статусу язык.

Более того, национальное единство, по мысли Кемаля, должно было крепиться на принципе лингвистического сообщества, на том, что турецкий язык, свободный от расовых, религиозных или этнических различий, объединяет всех живущих в пределах Турции.

Для чего 12 июля 1932 году было создано Турецкое лингвистическое общество.

После того, как турецкие историки доказали, что именно тюрки были первыми людьми на земле, лингвистам предстояло доказать первичность турецкого языка.

Сложно сказать, было ли это совпадением, но 18 июля 1932 года впервые в многовековой истории страны Хафиз Яшар читал Коран на турецком языке в стамбульской мечети Еребатан.

Еще через несколько дней Управление по делам религии направило стамбульскому муфтиату письмо, в котором говорилось необходимости в ближайшее время читать эзаникамет (призыв к молитве) на турецком языке.

Еще до победы Кемаль часто говорил о необходимости развития турецкого языка и важности отправления на нем религиозного культа.

— Священные кафедры мечетей, — считал он, — это высочайший и обильнейший источник моральной и духовной пищи для народа. Важно, чтобы наши проповедники были настоящими учеными-богословами, знали окружающий мир и обладали другими необходимыми достоинствами. Проповеди, обращенные к разуму и совести народа, если их читать на понятном ему языке, придадут мусульманам силу, очистят их умы, укрепят веру и наполнят смелостью их сердца…

Однако проповеди не очистили ума мусульман, многие верующие возмутились, а небольшая группа мусульман выразила публичный протест против нововведения в самой большой мечети Бурсы.

Все они были арестованы, власти сообщили в Анкару о «разгуле реакции», а правительство получило сотни телеграмм с требованием наказать «реакционеров».

Однако всего год назад жестоко расправившийся с фанатиками из Менемена Кемаль на этот раз был настроен куда

более благодушно.

Он отправился в Бурсу и заявил, что не придает никакого значения случившемуся.

Ведь на этот раз причиной беспорядков явилась не религия, а язык.

— И каждый должен понять, — заявил он, — что наш национальный язык только придаст целостность всей нашей жизни…

И хотя на этот раз кровь не пролилась, несколько местных чиновников были уволены, а зачинщики беспорядков осуждены.

Что же касается турецкого языка…

В то время он насчитывал всего сорок тысяч слов и значительно уступал развитым языкам.

Пытаясь наверстать упущеное, Кемаль принялся не только сам выдумывать новые слова, но и потребовал подобных нововведений от каждого приходившего к нему.

Для чего и установил в своей столовой специальную доску.

Что же касается новых технических терминов, то для их создания была образована специальная комиссия, и, как утверждали некоторые шутники, в конце концов, Кемаль изобрел еще более непонятный язык, на котором и произнес мало кем понятую речь на приеме в честь шведского принца Густава Адольфа.

В сентябре 1932 года Кемаль созвал Первый конгресс по лингвистике, чтобы «изучить и определить словарь турецкого языка в соответствии с его происхождением и необходимостью учесть прогресс науки и цивилизации».

Универсальный словарь «Лярусс» содержит 92 тысячи слов, а турецкий словарь только 40 тысяч, следовательно, по мнению конгресса, ему недостает еще 52 тысяч.

Вся страна была мобилизована на эту экстраординарную охоту за лингвистическими сокровищами, пытаясь найти слова как в пышном доосманском языке, так и в более современном.

Сто двадцать тысяч предложений было собрано и передано в Анкару.

Через два года, накануне Второго конгресса по лингвистике, пресса с гордостью заявила о том, что принято еще 33 тысячи турецких слов.

Несмотря на этот прекрасный результат, Второй конгресс увяз в излишествах.

Один из выступающих в своих изысканиях умудрился найти связь языка майя с турецким языком.

Французский посол вспоминал возмущение Кемаля

подобными смехотворными утверждениями, который считал, что они только вредят его усилиям.

Тем не менее, через несколько месяцев лингвистическая политика достигла нового этапа: был опубликован османо-турецкий словарь.

Таким образом, османский язык стал иностранным в Турции.

Осенью 1935 года Кемаль пошел еще дальше и увлекся «солнечной» языковой теорией австрийского лингвиста Квергича.

Согласно этой теории все языки произошли из восклицаний наблюдавшего природу древнего человека.

Само собой понятно, что первое такое восклицание принадлежало туркам.

С подачи Кемаля эта гипотеза была переработана турецкими лингвистами в их собственную «солнечную теорию».

Исходя из того, что главным культом древнего человека был культ солнца, а самым простым звуком человеческой речи «а», они объявили турецкое слово «ак» («свет», «белый») изначальным словом всех языков мира.

Само слово «ариец» являлось, по их мнению, производным от слова «ар», что по-турецки означает «мужчина», «человек».

Именно это и дало повод создателям «солнечной теории» провести неразрывную связь между арийцами и турками и перенести прародину первых в Среднюю Азию.

На четырнадцати страницах Квергич связал солнце с первыми звуками, восклицаниями, издаваемыми человеком.

Турки были представлены как древнейшая нация, и именно турецкий язык теория Квергича неожиданно связала с солнцем.

Целых два года Кемаль продолжал выдумывать новые слова и названия.

Так, проезжая в ноябре 1937 года по только что построенной линии железной дороги в расположенные на юго-востоке страны курдские районы, он отметил свое пребывание там переименованием Диярбекира в Диярбакыр.

Не остался без его внимания и переименованный им в Элязыг Элязыз.

Сделав остановку в Адане и вдоволь налюбовавшись установленной в городском саду своей скульптурой, он объяснил, что название Тарсус происходит от древнего тюркского племени теркеш.

Но потом здравый смысл все же взял свое, и Кемаль закончил свои лингвистические изыскания.

Говоря о впечатляющей культурной революции Кемаля, иностранные дипломаты использовали термины, присущие

словарю гитлеровской Германии: «культуркампф» и «национал-туркизм».

Напрасно.

Исторические претензии Кемаля и его лингвистические реформы могли бы питать расизм, но ничего подобного не произошло, хотя и некоторые принятые законы были скорее ксенофобные, чем интернациональные, как, например, закон, не позволяющий иностранцам заниматься некоторыми профессиями и посещать ряд регионов.

Однако кемалистская Турция избежала антисемитизма.

Хотя в 1934 году и был издан закон об обязательном использовании турецкого языка и эвакуации по военно-политическим причинам еврейских семей, проживающих во Фракии и близ Дарданелл.

В 1933 году был ликвидирован Дарульфюнюн в Стамбуле и его богословский факультет.

На его месте был учреждён Стамбульский университет, а при его литературном факультете создан институт изучения ислама, задача которого ограничивалась исследовательской деятельностью.

По мнению Тарханлы, при создании в 1930 году Либеральной партии Кемаль обещал не вмешиваться в любые споры её с НРП, кроме одного — по поводу положения о том, что Турция — «светская республика».

— Религия, — говорил Кемаль, — должна оставаться сферой личной жизни человека. Когда она затрагивает социальный режим, она провоцирует вмешательство государства…

Убрав всякое упоминание об османах и исламе, заставив своих соотечественников признать прогрессивность западной культуры и в то же время раскрыв им их азиатские корни, Кемаль хотел только вселить в них уверенность.

— Огромные деревья, — говорил он, — должны иметь глубокие корни…

31 июля 1932 года Кериман Халис, «мисс Турции», победила на мировом конкурсе красавиц.

«Мой успех, — писала Мисс Мира президенту, — результат тех идей, которыми Вы вдохновили женщин нашей страны».

И хотя Кемаль не мог не понимать, что никакой связи ее победы с его идеями нет и обязана она своим успехом только природе, он от души порадовался за нее.

События лета 1932 года радовали Кемаля и тешали национальную гордость турок.

Четырьмя неделями ранее президент открыл Первый конгресс

истории в Народном доме Анкары.

В течение десяти дней ученый ареопаг при участии любимицы Кемаля, Афет, изучал пути улучшения просвещения и исследовательской работы.

Но, как свидетельствует учебник общей истории, недавно опубликованный Турецким историческим обществом, его настоящая цель не методология, а истинное постижение исории.

Все это время Кемаль продолжал уделять значительное внимание развитию культуры, и по его инициативе многие «народные дома» превращались в активные клубы, в которых молодежь занималась театром, музыкой и спортом.

Помимо «народных домов», в стране появились женские училища, где девушки и женщины обучались не только материнству, шитью и хозяйству, но и искусству делать цветы из бумаги.

В рекордные сроки Ахметом Аднаном, представлявшим молодую группу воспитанных в западных традициях композиторов, занимавшихся с благословения Ататюрка переложением анатолийских народных мелодий на западный манер, была поставлена опера «Озсой».

Это лишний раз подчеркивало его страстное желание сделать турецкую культуру национальной по содержанию и западной по форме.

А поскольку автор прославлявшего его подвиги эпического произведения «Лидер», как казалось Кемалю, недостаточно использовал в нем чисто турецкие слова, он сам правил текст.

В другой привлекшей его внимание пьесе он вычеркнул рассуждения автора о любви как о забаве.

«Думать о любви подобным образом, — написал он на полях, — значит принижать ее!»

Мечтавший видеть среди своих соотечественников великих художников, композиторов и скульпторов, Кемаль и здесь оставался твердым прагматиком, считавшим, что искусства должны служить прогрессу страны, бичевать реакцию и способствовать дружбе Турции с ее соседями и друзьями.

Именно поэтому только воспринимавшие его идеи художники могли рассчитывать на его покровительство.

Да что там художники, если даже воспитанию официантов Кемаль придавал первостепенное значение.

На одном из митингов заявил о том, что стране необходимы специалисты, умевшие накрывать столы и обслуживать своих клиентов так, как это делается во всех цивилизованных странах.

Но при этом, постоянно подчеркивал он, не следует готовить слишком много блюд, поскольку это наносит вред не только

здоровью, но и экономике.

И подобное пожелание недоброжелатели Кемаля тут же объяснили не только его равнодушием к еде, но и плохим состоянием сельского хозяйства.

Главной задачей всех этих клубов, школ и домов являлась пропаганда западной цивилизации.

И, несмотря на все издержки, Турция в 30-е годы являла собою страну с устоявшимся порядком и не имевшим оппозиции прагматичным правительством.

Глава XVII

После разгона оппозиционной партии в Турции не могло быть и речи о сколько-нибудь острых политических спорах, и центр общественной и политической жизни переместился на виллу президента.

Именно там, за обеденным столом Кемаля, обсуждались новые назначения, и министры тасовались как карточная колода.

Там же вовсю плелись интриги против тех, кто мешал «привычным джентльменам».

И больше всех им мешал Исмет.

Примерный семьянин и очень воздержанный человек, он так и не смог сблизиться с весьма распущенной, на его взгляд, компанией президента.

Понятно, что «привычные джентльмены», чувствуя в нем совершенно инородное для них тело, косо посматривали на недолюбливавшего их премьера, и в конце концов к их личным антипатиям к нему добавились и деловые.

Опекая верой и правдой служивший Народной партии «Деловой банк», ближайшее окружение президента постоянно требовало для него все новых привилегий.

Преследуя свои далеко не бескорыстные интересы, эти люди часто хлопотали за того или иного бизнесмена, даже если за ним стояли иностранные фирмы.

И всякий раз у них на пути вставал твердокаменный Исмет, не желавший идти на поводу даже у самых близких к президенту людей.

Неуступчивость Исмета раздражала, и они начали оказывать на него давление через Кемаля.

Хорошо зная о тех теплых чувствах, какие питал их хозяин к Исмету, они действовали с великим знанием дела.

Они как бы невзначай и очень ненавязчиво подставляли премьер-министра, очень надеясь на то, что рано или поздно болевший за свое правительство премьер выскажет свое неудовольствие.

Так оно и случилось!

Когда с их подачи был снят министр экономики Мустафа Шереф и Исмет действительно вспылил, обиженный на него Кемаль не подал ему после ужина руки.

В тот же вечер Исмет прислал Кемалю записку с уверениями в своей преданности.

«Вы великий человек, Исмет! — написал ему уже отошедший Кемаль. — И я даже не сомневаюсь в том, что Вы расчувствуетесь,

когда будете читать мое послание, точно так же, как и я, получив Ваше!

Я люблю Вас и не сомневаюсь в Ваших ответных чувствах!»

Конечно, все эти «люблю Вас» и «не сомневаюсь» выглядели чересчур уж сентиментально для такого человека, каким был Кемаль.

Но кто знает…

Возможно, что между двумя этими так не похожими друг на друга людьми и на самом деле существовали никому не видимые нити, которые не могли порвать даже всесильные «привычные джентльмены».

Наверное, именно поэтому остававшийся до конца дней своих очень одиноким человеком Кемаль так цеплялся за дружбу с преданным ему Исметом.

Да, в конце концов, он удалит его от себя, но сделает это на удивление мягко, и, что самое главное, Исмет никогда не будет его личным врагом, как те же Рауф и Карабекир.

Более того, само их расхождение было закономерным и диктовалась даже не столько эмоциями Кемаля, сколько развитием страны.

Каким бы ни был лояльным по отношению к Кемалю Исмет, он был премьер-министром, и ему совсем не хотелось выслушивать чьи-либо советы, даже если они исходили от самого президента, весьма далекого от хозяйственной жизни страны.

И, говоря откровенно, у него были все основания быть недовольным поведением президента.

Ухудшение здоровья Ататюрка и частая смена его настроения постоянно грозили самыми непредсказуемыми последствиями.

Если раньше, приняв то или иное сомнительное решение, на следующий день президент, что называется, «отходил», то теперь Кемаль все чаще и чаще продолжал настаивать на нем.

Но особенно Исмету не нравилось то, что в последнее время Кемаль уже не делал особой разницы между работой и отдыхом и зачастую весьма важные для жизни страны решения принимал за обеденным столом.

Не был он в восторге и от привычки президента сопровождать застолье уничижительной критикой его министров.

Да, он пока терпел, но и его терпение могло оказаться небеспредельным…

Примирение Кемаля с премьер-министром не смутило его окружение.

И как только Исмет отказал в кредите владелице стамбульского ночного бара «Черная роза», где любил бывать сам просивший за нее Кемаль, они снова принялись плести вокруг

премьер-министра свою густую паутину.

И кто знает, чем бы закончилась вся эта возня, если бы Кемаль так вовремя не сорвал свой гнев на одном из своих секретарей, Тевфике, вымогавшем взятку у египетского принца Аббаса Хильми за содействие в получении выгодных нефтяных концессий.

Ненадолго затаившись, «привычные джентльмены» продолжили свою подрывную работу и сделали все возможное, чтобы назначить министром экономики всегда с пониманием относившегося к их пожеланиям директора «Делового банка» Джеляля Байяра, которого давно уже наметили на место самого Исмета.

Сделав шаг к заветному креслу, тот сразу же дал Кемалю верноподданническую телеграмму, выдержанную в лучших традициях султанских чиновников.

«Я счастлив, — писал он, — идти по открытому вашим гением, лучше всех других знающим, что надо нашему народу, пути!»

В своем довольно пространном ответном послании Кемаль выразил надежду на то, что в тяжелом положении национальной экономики наконец-то произойдут сдвиги.

Конечно, Исмет был возмущен навязанным ему Байяром, но, хорошо зная, откуда дует ветер, продолжал работать с часто сидевшим за президентским столом министром.

По воле Кемаля этот самый стол давно уже превратился в своеобразный полигон, за которым Кемаль испытывал «на прочность» или, что будет вернее, «на верность» интересовавших его людей.

Дабы выяснить, кто есть кто, он с большим знанием дела стравливал своих высокопоставленных гостей, и, разгоряченные вином и спором, те очень часто говорили то, о чем следовало бы молчать.

Конечно, с точки зрения общепринятой морали это выглядело не очень порядочно, но тот, кто думает, что правящая элита представляет собою тесно сплоченное единство высоконравственных людей, очень сильно заблуждается на этот счет.

Да, тот же Исмет был национальным героем и ему симпатизировал сам Кемаль, однако это не имело ровным счетом никакого значения для его противников.

А раз так… поливай грязью, рано или поздно имевший уши услышит тебя!

И поливали!

Не так чтобы сразу и из ушата, а тонко и планомерно.

Впрочем, хозяин сам подавал им пример, нападая на Исмета в присутствии его врагов и критикуя их при нем.

Но больше он слушал.

И когда в один прекрасный вечер перебравший спиртного бывший член Суда независимости доктор Решит Галип обрушился с жесткой критикой на министра просвещения Эсада Мехмета, не разрешившего женщинам-учителям выступать в анкарском народном доме, недовольный чрезмерной горячностью гостя Кемаль попросил его сбавить пыл и отзываться более уважительно о своем учителе.

Тот отказался, и тогда Кемаль попросил его выйти из-за стола.

— Я не сделаю этого, — заявил окончательно забывшийся Галип, — поскольку это не ваш личный стол и он принадлежит всей нации!

И тогда сам Кемаль покинул обед.

К всеобщему удивлению, быстрый на расправу Кемаль не только не наказал его, но и назначил… министром просвещения.

Тот оправдал его доверие.

Он быстро реорганизовал Стамбульский университет и много и успешно работал с бежавшими из гитлеровской Германии еврейскими учеными, внесшими значительный вклад в развитие высшего образования в Турции.

Но чем больших успехов добивался чувствовавший мощную поддержку Кемаля Галип, тем больше он терял чувство меры и, в конце концов, снова вступил в пререкания с ним.

Однако тот и на этот раз повел себя весьма странно и, не обращая никакого внимания на его дерзость, предложил ему выпить вместе с ним ракы.

Но как только Галип уселся в кресло, к нему подошли стоявшие у двери охранники и, высоко подняв его кресло, бросили его на пол.

— Вот так, — сверкнул глазами Кемаль, — мы поднимаем людей, а потом ставим их на место!

И напрасно расстроенный Галип умолял Кемаля простить его: тот даже не стал его слушать.

А однажды, когда разыгравшиеся за его столом страсти стали перехлестывать через край и разразился самый настоящий скандал, он с посветлевшими от презрения ко всему человеческому роду глазами воскликнул:

— Да замолчите вы все и запомните раз и навсегда! Я могу возвеличить человека, но, если он так и не поймет и будет считать, что своему возвышению он обязан только своим

способностям, я отброшу его в сторону, как булыжник!

И эти слова объясняют многое, ибо это уже слова политика, ценившего людей не по способностям, а по преданности себе.

«Когда Кемаль основал новое государство, — откровенно писал в своих воспоминаниях один из самых близких к нему людей, — в его распоряжении оказалось очень мало по-настоящему образованных и знающих свое дело людей.

Притока мозгов в Анкару не было, а многие из думающих и способных людей были вообще настроены против нового режима».

Да и что можно было ждать от людей, которые на вопрос Кемаля «что есть ноль» не моргнув глазом, отвечали:

— Мы в вашем присутствии, паша!

— Но ноль тоже очень важная цифра! — усмехнулся польщенный Кемаль.

— Такими должны быть и мы, — мгновенно нашелся один из льстецов, — но только при условии, если находимся рядом с вами!

Унижался этот «ноль» не зря: через две недели Кемаль назначил его на весьма ответственный пост в правительстве.

Трудно сказать, насколько на самом деле беззаветно были преданы ему все эти люди, но, когда на одном из вечеров в стамбульском парке неожиданно погас свет, «привычные джентльмены» мгновенно закрыли хозяина собой и с пистолетами в руках простояли так около часа.

И далеко не случайно все они, за исключением Реджепа Зюхтю, изгнанного из-за стола Кемаля за убийство своей любовницы, оставались с ним до самой его смерти.

Другое дело, что, оказавшись по своей собственной воле среди преданной ему серости, в первую очередь от окружавших его совершенно неинтересных людей страдал сам Кемаль.

Вполне возможно, что именно от внутреннего одиночества Кемаля шла его удивительная сентиментальность и любовь к животным.

И надо было видеть его глаза, какими он смотрел на родившегося на его конюшне жеребенка и с какой любовью заботился о своей лошади, носившей весьма символичное имя Сакарья.

А какую неподдельную радость вызывал в нем его любимый пес Фокс?

И недаром хорошо знавшие Кемаля люди отмечали три его главных страсти: женщины, лошади и собаки…

Как гласит легенда, была у него и еще одна собака,

обыкновенная дворняжка.

Ататюрк очень любил ее и даже разрешал ей спать в своей спальне.

Как-то вечером не в меру разошедшийся пес укусил его за руку, и вышедший из себя Кемаль приказал избавиться от него.

Управляющий фермой понял его приказание слишком буквально и, умертвив животное, сделал из него чучело.

Увидевший своего любимца в таком виде Кемаль пришел в неописуемую ярость и, отругав перепуганного до полусмерти управляющего последними словами, приказал немедленно убрать чучело.

В другой раз грубоватый Салих Бозок решил потешить компанию и выпустил живого перепела в тот самый момент, когда подавали жаркое из этих птиц.

Перепуганная птица не нашла ничего лучшего, как бухнуться в тарелку президента, и с той поры Кемаль больше никогда не ел перепелов…

И все же относительно здоровый в те годы Кемаль занимался не только выяснением отношений между своими министрами, но и пытался принимать активное участие во внешней политике.

Напряжение в мире не спадало, и он был полон решимости доказать, что уже вкусившая всю прелесть обладания покоренными народами и вдоволь навоевавшаяся в своей истории Турция не собирается претендовать на чужие земли и что завоевательное прошлое империи навсегда похоронено под ее обломками.

Хорошо познав на своем богатом опыте, что такое война, Кемаль стремился превратить свою страну в самый мирный уголок на в высшей степени взрывоопасном Востоке.

— Мир дома — мир во всем мире! — любил повторять он, и именно этим лозунгом определялась его внешняя политика.

В те годы он встречался с такими видными политиками, как король Афганистана Амануллах, японский принц Такамуцу, король Ирака Файсах, король Югославии Александр и греческий лидер Венизелос.

Но какую бы важность всем этим мероприятиям ни придавал сам Кемаль, по большому счету это были уже мало что решавшие представительные встречи, и он все дальше и дальше уходил от активной жизни.

Надо полагать, что уже в те годы переживал тот самый внутренний разлад, о котором так неосторожно упомянул еще в 1929 году на праздновании десятилетия республики.

В глубокой задумчивости смотрел он на веселившихся вокруг

людей, и неожиданно у него вдруг вырвалось:

— Я уже ничего не чувствую!

И в отношении этой знаменательной фразы можно строить самые различные предположения.

Возможно, в конце концов, сказалось то неимоверное напряжение, в каком он провел последние сорок лет, и привыкшему к постоянной борьбе, ему стало смертельно скучно в спокойной и уже не щекотавшей нервы жизни.

— В нашей стране, — жаловался он своему секретарю Хасану Ризе, — президент нужен только для того, чтобы подписывать документы! Мне скучно до слез. Целый день я предоставлен сам себе. Все заняты своими делами, а я выполняю свою работу за один час. Затем передо мной стоит весьма небогатый выбор: отправляться спать, читать, либо писать хоть что-нибудь. Если я захочу подышать воздухом, мне надо брать для этого машину. А если я остаюсь дома, то должен либо играть сам с собой в бильярд, либо слоняться в ожидании обеда. Впрочем, и обед не вносит разнообразия. Где бы я ни садился за стол, меня окружают все те же люди, все те же лица, все те же разговоры…

Да что там говорить, это был настоящий крик души, и, читая эти строки, можно подумать, что Кемаль снова оказался в каком-нибудь забытом богом гарнизоне в Сирии.

Возможно, с ним происходило совсем другое, и скорее уже подсознательно понимая, что он выполнил свою историческую задачу и уже достиг своего предела, Кемаль мучился тем, что так и не сумел превратить Турцию в ту самую процветавшую страну, какой он всегда видел ее в своих мечтах.

Взгляните на его фотографии тех лет — и вы увидите все, что угодно: печаль, затаенную грусть, глубокую задумчивость погруженного в себя человека, познавшего нечто недоступное другим, но только не радость.

Хотя жизнь он, конечно, любил во всех ее проявлениях.

Чтение, музыка, танцы, бильярд, верховая езда, спорт, женщины — все это было в ней, но, по всей видимости, не имело для него никакой самостоятельной ценности, и, отдав долг миру внешнему, он постоянно уходил в совершенно другие измерения, куда вместе с ним не мог проникнуть уже никто…

По своему образу жизни он стал напоминать этакого средневекового короля, вверившего управление своей страной первому министру и повсюду искавшего развлечений.

Проснувшись во второй половине дня, Кемаль начинал день с просмотра утренних газет, выпивая при этом несколько чашек кофе и выкуривая пять-шесть сигарет.

Вообще же он выпивал до двадцати чашек кофе и выкуривал

три пачки сигарет в день.

Затем он принимал ванну и… начинал свое тягостное ожидание ночи.

Что бы он сам ни говорил о наводящих на него тоску обедах, но по-настоящему он оживал только в полночь, когда к нему приходили гости.

И достаточно только ознакомиться с записками одного из его охранников, чтобы понять, в какую муку начинала превращаться для него жизнь.

«*Восьмого декабря*… Его Превосходительство Гази встал в 15.25, в 17.00 он отправился на ферму, вернулся в 19.15. Спать лег в 3.30…

Девятого декабря… Его Превосходительство встал в 13.15, в 16.15 уехал в город, вернулся в Чанкайя в 18.00. Спать лег в 4.30. Принимал двух министров и „привычных джентльменов“…

Десятого декабря… Его Превосходительство президент встал в 17.30. Из дому не выходил и просидел с гостями до 5.30…

Одиннадцатого декабря… Его Превосходительство президент встал в 15.30, в 21.15 уехал в болгарскую оперетту, вернулся в 00.30, лег спать в 5.30…»

Конечно, такой образ жизни никак не подходил для пятидесятилетнего мужчины, каким в то время был Кемаль, привыкшего к напряженному труду и постоянной борьбе.

И однажды с болью в сердце наблюдавший за его мучениями секретарь не выдержал.

— Вы, — в великом отчаянии воскликнул он, — не заметили бы, как летит время, если бы продолжали работать так, как вы работали в годы борьбы. Но поскольку вы из кровати садитесь за стол, а из-за стола ложитесь в кровать, время тянется для вас медленно, а жизнь превращается в довольно нудное занятие…

К великому удивлению ожидавшего взрыва другого его секретаря Хасана Ризы, Кемаль лениво заметил:

— Если бы мы не знали его как честного человека, мы бы наказали его…

Такая жизнь не могла не ослаблять нервы, и иногда Кемаль срывался.

В одну прекрасную ночь он приказал привезти к нему на виллу немецкого композитора Пауля Хиндемита и, когда его распоряжение было исполнено, предложил изумленному подобной бесцеремонностью немцу… поиграть для его гостей.

Помимо всех своих прочих развлечений, Кемаль очень любил азартные игры, и куда больше выигрыша его привлекала сама игра.

Выиграв у бившегося с ним почти целую ночь в покер посла

Британии сэра Перси Лорейна крупную сумму, он отказался взять у него деньги.

Случалось ему и работать.

Правда, вся эта работа сводилась опять же к встречам с иностранными гостями, участию в конференциях, поездкам по стране и посещению военных маневров.

И, тем не менее, многим казалось, что президент вел жизнь, полную удовольствий.

Да он и сам любил повторять, что, как и всякий добившийся успеха человек, счастлив.

Однако близкий к нему Якуп Кадри считал его одним из самых несчастных людей, каких он когда-либо видел, поскольку та жизнь, какую он был вынужден вести, совершенно не отвечала его внутренним потребностям.

Даже изгнанный из страны Карабекир говорил, что ведет куда более насыщенную жизнь, нежели окруженный «несказанной помпой» Кемаль.

И уж конечно, на его настроении сказывалось постоянное потребление алкоголя, сопровождавшееся длительными депрессиями.

Глава XVIII

Кемаль прекрасно понимал, что одно дело объявить о политике этатизма, и совсем другое чего-либо добиться с ее помощью.

А перед ним стояла одна задача — поднять промышленность.

Оставалось только понять, с чьей реальной помощью можно было это сделать.

С помощью боготворимого Кемалем Запада?

Вряд ли!

Османская империя уже попыталась однажды это сделать, и все закончилось создание Оттоманского долга и полным разорением страны.

И снова взоры Кемаля обратились на север, где Советский Союз добился известных успехов в создании тяжелой промышленности.

Зал ли Кемаль, какой ценой строились комсомольски и днепрогэсы?

Возможно, и знал.

Но куда больше его интересовало другое: техническая помощь и кредиты.

И возможность получить и то, и другое у Кемаля была, поскольку в начале тридцатых годов активно развивалась практика личных контактов между руководящими деятелями двух стран.

Так, в 1930–1931 года обменялись визитами министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю Арас и народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов.

Летом 1932 года Турция была принята в Лигу Наций.

По этому поводу в ноте турецкого правительства советской стороне отмечалось, что «обязательства, взятые Турцией по советско-турецкому договору от 1925 года, остаются неизменными».

Особо подчеркиовалось то, что вступление Турции в Лигу Наций «не может принести какое бы то ни было вредное изменение в политику, проводимую Турцией по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик».

В мае 1932 года СССР посетила турецкая правительственная делегация во главе с премьер-министром Турции Исмет-пашой.

На встречах с советским руководством обе стороны с удовлетворением отметили, что «политика тесного сотрудничества обеих стран в прошлом себя оправдала.

Было отмечено и то, что складывающаяся международная

обстановка, как и интересы всеобщего мира, диктуют необходимость не только сохранения, но и расширения этого сотрудничества».

В составе делегации, кроме министров, политиков и журналистов, были предприниматели, директора нескольких заводов.

«В Москве нас встретили с большими почестями, — писал Ф. Р. Атай, — среди встречавших были Молотов, Литвинов. Официальный протокол был полностью соблюдён, нам было оказано большое уважение».

В Кремле переговоры начались встречей со Сталиным, Молотовым, Литвиновым.

Присутствовала вся делегация турок.

Основными вопросами стали экономическая помощь Турции, торговые отношения и вопрос о кредите.

Вопрос о советском содействии был обсуждён в беседе 6 мая 1932 года со Сталиным и другими советскими руководителями в Кремле.

Судя по опубликованным в 1987 году мемуарам Инёню, его поразили масштабы советских промышленных новостроек.

Не следует думать, что в то время руководители новой Турции безоглядно поверили в советскую систему и бросились в крепкие объятия северного соседа.

Спустя десять дней после поездки в СССР, 22 мая премьер-министр Исмет Инёню и министр иностранных дел Тевфик Рюштю Арас также с большой группой специалистов отправились пароходом в фашистскую Италию, посетив по дороге Афины.

Во время пребывания в Италии с 25 мая по 2 июня они были приняты королём Италии и Б. Муссолини.

В итоге Турции было обещано 300 млн. итал. лир, из них треть — деньгами, правда, потом выяснилось, что всё это осталось обещаниями.

В своей книге Фалих Рыфкы Атай, сравнивая правительственные визиты в СССР и в Италию, писал о необходимости «извлечь опыт из ленинизма в России, муссолинизма в Италии».

Он отметил, что мировой кризис породил понятие плановой экономики: «ныне повсюду на первом месте, в прессе, исследованиях, оказываются плановики».

«Одновременно с разговорами о кризисе, — писал он, — используются термины дирижируемая экономика, плановая экономика.

Как вы назовёте таких плановиков — коммунистами, социалистами, фашистами, государственниками?

Среди плановиков есть все, они противостоят друг другу, но несомненно, что они едины в одном — индивидуалистическая и либеральная экономическая система умерла, идут поиски нового режима».

Под впечатлением визита в Италию в главе о фашизме Ф. Р. Атай писал, что если наступивший кризис продолжится, установление нового порядка не ограничится мелкими коррективами к экономике.

«Либерализм, — утверждал он, — нашёл для себя самую приемлемую модель в демократии.

Новый порядок, несомненно, будет искать свою собственную модель…

Критика в адрес демократии началась после того, как демократии не смогли найти способы предупреждения анархии и кризиса…

Народ устал от болтовни».

Турецкие исследователи Ильхан Текели и Селим Илькин в своей книге, посвящённой этатизму в Турции, привели большой документальный материал, относящийся к реализации советской помощи Турции на начальном этапе её индустриализации.

Они писали, что после возвращения турецкой делегации во главе с И. Инёню на родину в СССР задержались специалисты по текстилю — Шериф Онай и Камиль Ибрагим.

Они провели исследования в 70 учреждениях и предприятиях — строительных, промышленных институтах, станкостроительных заводах, текстильных фабриках, использующих эти станки.

В итоге этих исследований названные специалисты определили, что тяжёлая индустрия Советов демонстрирует небывалое развитие.

Аналогичным образом было определено, что за некоторыми исключениями текстильная промышленность Советов развивается по последнему слову науки и техники.

Они пришли к убеждению, что необходимое для текстильной индустрии Турции оборудование на 90 % может быть обеспечено у Советов.

В ходе подготовки соглашения о строительстве текстильных фабрик и о кредите советские специалисты, главным образом текстильщики, прибыли в Турцию 12 августа 1932 года

Делегацию возглавлял директор «Госпроектстроя» экономист проф. Орлов.

22 сентября представил турецкой стороне Объединённый отчёт в виде докладов.

Часть его была подготовлена во время встречи турецких и

Русских специалистов в Кайсери.

Тогда же были определены места для текстильных комбинатов — Кайсери и Назилли.

Перед возвращением в Москву Орлов посетил Стамбульский университет и выступил там с лекцией.

— Я, — говорил он, — с удовлетворением убедился, что по своему мышлению, квалификации и энергии турецкие инженеры ничем не отличаются ни от нас, ни от других инженеров. Они оказали нам ценнейшую помощь, и я так и не понял, зачем вы приглашаете инженеров из Европы…

В марте 1933 года в СССР отправилась турецкая делегация в составе директора фабрики Хереке Решата, директора Фесхане Шевкета Тургута, Промышленное управление было представлено Камилем Ибрагимом.

Они проработали на советских фабриках до 9 июля.

По итогам обмена мнений с ними в Москве был создан трест Тюркстрой во главе с директором Золотарёвым.

В 1933 году Турция отметила десятилетие своей республики.

На празднования, посвященные этой дате, была приглашена советская правительственная делегация во главе с К. Е. Ворошиловым.

Вот что рассказывал об этой поездке сын Ворошилова, Петр.

«По личному указанию Ататюрка делегацию Страны Советов охраняли с особой тщательностью».

И для этого были основания.

И тут надо отметить, что угрозы исходила вовсе не от самих турок, а от … русских.

Дело в том, что после разгрома Деникина и Врангеля, в Турции осели чины белых армий, преимущественно из солдат и младших офицеров.

Военный парад, посвященный десятой годовщине турецкой республики, проходил не в городе, а в долине на фоне гор.

Перед началом парада Мустафа Кемаль, маршал Февзи-паша, премьер Исмет-паша вместе с Ворошиловым объехали на машине воинские подразделения и колонны демонстрантов.

На трибуне Кемаль стоял рядом с Ворошиловым и давал ему пояснение всему происходящему.

Вечером того же дня в гостинице, где поселилась советская делегация, турецкое правительство дало прием с участием многих сотен приглашенных.

В тот день Мустафа Кемаль и отец засиделись за ужином допоздна и на приеме появились вместе. Президент был в отличном настроении.

Но тут он заметил в толпе гостей японского посла.

Ведя под руку Ворошилова, Кемаль приблизился к японцу и, с таким расчетом, чтобы тот обязательно услышал, сказал своему гостю:

— Что бы не ожидало вашу страну в будущем и кто бы вам там не угрожал, турок покажет, что он умеет быть верным другом!

После того, как переводчик перевел эти слова, а японец чуть наклонил голову, что можно было истолковать и как проявление вежливости и как знак того, что брошенная перчатка поднята.

Накануне отъезда делегации турки устроили грандиозный прием на две тысячи человек в бывшем султанском дворце.

Всем членам делегации в знак глубокого уважения и признательности как самым дорогим гостям были преподнесены подарки, а именно уникальной работы турецких мастеров — изделия из серебра и золота, ковры, кальяны, оружие.

Буденному был преподнесен полный набор конской упряжки, украшенный вельветами из серебра и золота, сабля и ружье.

Ворошилову вручили великолепный охотничий набор со всеми принадлежностями.

Кемаль подарил ему свои золотые карманные часы.

Более того, за особые заслуги в установлении и развитии двусторонних связей правительство Турции приняло решение о присвоении одной из улиц города Измир имени Ворошилова.

А на памятнике Республике на площади Таксим в Стамбуле рядом со скульптурой основателя современной Турции Кемаля Ататюрка до сих пор стоят две фигуры в военной форме — Климент Ворошилов и Михаил Фрунзе.

Остается только добавить, что во время визита К. Е. Ворошилова Турцию Кемаль получил кредит в 8 млн. руб. золотом.

Но не все прошло так гладко, как того хотелось бы советской стороне.

И если верить турецкому историку Садыку Туралу, прибывший в посольство СССР в Анкаре на празднование Дня основания Турецкой Республики в половине второго ночи в компании личных друзей и девушек Кемаль обратился к российскому послу с вопросом:

— Почему ваш лидер не поздравил меня с нашим праздником?

Посол Карахан заявил, что турецкого лидера с праздником поздравил председатель ЦИК Михаил Иванович Калинин.

На это Ататюрк задал следующий вопрос:

— Ваш председатель ЦИК является и вождём?

— Нет.

— Кто ваш лидер?

— Сталин…

— Тогда он пусть меня и поздравляет. Я и председатель, и вождь страны. Пусть не Калинин, а Сталин присылает мне поздравление!

После этого эпизода Кемаль произнёс якобы исторические слова:

— Я знаю, у вас есть сильная и механизированная армия, но я ни её, ни вас не боюсь. За меня стоят 18 миллионов человек. Достаточно одного моего слова. Что захочу, то народ и сделает. Я могу принести большой вред, хотя, конечно, никогда не пойду на это, потому что моё слово и моя дружба священы…

Конечно, Кемаль произнес эти слова, находясь в изрядном подпитии.

Но давно известно: что у трезвого на уме, то у пяьного на языке.

Именно поэтому слова Ататюрка были записаны и посланы послом в Москву под грифом «совершенно секретно» с надписью «для личного прочтения Сталина и Молотова».

Сталин промолчал.

Но к сведению, надо полагать, принял.

Да и как не принять?

«Моё слово и моя дружба священы, но могу принести большой вред…»

Удивился ли Сталин подобному высказыванию?

Вряд ли, по той простой причине, что сам был таким…

Заявление Кемаля в присутствии японского посла являло собой грубое нарушение этикета, и, тем не менее, Кемаль пошел на него.

Надо полагать, что говорил он о «верности турецкого друга» все-таки куда больше для Ворошилова,

И по тем временам, это были не пустые слова.

И участие Кемаля в Балканской Антанте подтвердило это.

9 февраля 1934 в Афинах был заключен договор о создании Антанты Балканской, предусматривавший взаимные гарантии безопасности балканских границ.

Союз Греции, Турции, Югославии и Румынии был создан при активном участии Франции и поддержке Англии с целью сохранения равновесия сил на Балканах в рамках Версальской системы.

На образование Антанты Балканской повлиял ряд факторов:

угроза фашистской агрессии и усиление влияния Германии и Италии на Балканах, стремление Франции укрепить свои позиции в Европе путем расширения системы военных блоков, а также рост революционного движения, вызванный экономическим кризисом 1929–34 и стремление подавить его совместными усилиями.

Одновременно был подписан секретный протокол, по которому страны-участницы Антанты Балканской обязались не нападать друг на друга и оказывать взаимную помощь при нападении на одну из них другой европейской державы.

Вступая в Антанту Балканскую, Турция сделала оговорку, что она будет участвовать в тех акциях, которые не противоречат ее договорным отношениям с СССР.

Советское руководство оценило инициативы Анкары и 21 января 1934 года подписало протокол о кредите.

В соответствии с этим документом кредит предоставлялся в виде машин и оборудования для строительства двух текстильных комбинатов.

Советская сторона обеспечивала также помощь в проектировании, строительстве комбинатов и монтаже оборудования.

Кредит был беспроцентный, сроком на 20 лет.

Предусматривалось, что оборудование будет поставлено в течение 4 лет с момента вступления протокола в силу.

Турецкая сторона обязывалась дважды в год осуществлять платежи по кредиту в турецких лирах в пересчете на доллары по курсу, существующему на день платежа на биржах Лондона, Нью-Йорка и Стамбула.

На суммы, подлежащие выплате, советская сторона закупала в Турции необходимые ей товары.

Для Турции получение советского кредита было первым опытом равноправного экономического сотрудничества в годы, когда над ней еще тяготело бремя прежних османских долгов и обязанностей перед иностранными вкладчиками.

Советский кредит давал возможность Турции начать новый, более ответственный этап этатистских преобразований — сделать первые практические шаги виндустриализации страны на государственные средства.

И это, несмотря на то, что еще в 1923 году Кемаль запретил деятельность Компартии и ввел преследования за любую коммунистическую пропаганду.

Не видела Москва и того, с какой жестокостью Кемаль давил курдов.

«Можно считать, — писал в 1964 году Мехмет Тургут, впоследствии министр промышленности, — что с принятием этого плана в стране было положено начало этатизму».

Так, с помощью советской России Кемаль строил у себя общество с западными идеалами.

Вот уж, воистину, деньги не пахнут…

Впрочем, Ататюрк знал, что делал…

Новая национально-бюрократическая элита опасалась участия иностранного капитала в модернизации страны, так как это угрожало только что завоеванной независимости.

Она враждебно относилась к инонациональной стамбульской компрадорской группировке, троянскому коню Запада в Турции.

В противодействии компрадорам Правительство Кемаля Ататюрка опиралось на поддержку национальной буржуазии (анкарская группировка).

Однако для ликвидации экономической отсталости в короткий срок национальная буржуазия была слишком слаба.

Поэтому лидером процесса буржуазной модернизации стала государственно-бюрократическая элита, сила которой связана с властью, а не с торгово-промышленной сферой.

Если со времен Танзимата государственная бюрократия ускоряла буржуазную модернизацию общества, то Правительство Кемаля подгоняло этот процесс.

Таким образом, политика этатизма была объективно обусловлена необходимостью государственного вмешательства в процесс экономического развития для укрепления экономической самостоятельности страны, форсирования промышленного строительства за счет бюджета.

Государство выполняло работу, которую не могла выполнить национальная буржуазия вследствие своей слабости и не желала делать инонациональная компрадорская буржуазия, т. к. в торгово-посреднической сфере норма прибыли выше, чем в производстве.

За 1927–38 гг. мощности государственного сектора возросли более чем в 6 раз (первая турецкая пятилетка на 40 % была выполнена с помощью СССР).

Параллельно быстрым темпам промышленного роста государство сумело выкупить ж/д концессии и добилось резкого сокращения объема Оттоманского долга и выплаты его товарами традиционного турецкого экспорта.

Параллельно развитию государственного сектора в соответствии с политикой этатизма шел процесс укрепления национальной буржуазии, в том числе и во внешней торговле;

происходит сближение и сращивание национальной и компрадорской группировок в экономическом и социально-политическом плане.

Другое дело, что потом случилось то, что и должно было сулчиться.

По мере урегулирования спорных вопросов с Западом и ослабления с его стороны давления на Турцию турецкая буржуазия начала проявлять стремление к самостоятельному руководству страной помимо государственной бюрократии.

И уже с 1935 года шло наступление сторонников частнопредпринимательского развития на политику этатизма.

Именно по этой причине премьер-министр Исмет, верой и правдой служивший политике этатизма, превратился в главного врага нового поколения турецкой буржуазии.

Глава XIX

В июне 1934 года Кемаль принял историческое решение о введении в Турции фамилий.

Основная масса населения имела только имена, что создавало в стране великую путаницу, и старая система уже не могла соответствовать новому государству.

Многие видные генералы и государственные деятели брали в фамилии названия тех местностей, где они сражались и работали.

Так, Исмет теперь стал Исметом Иненю, что не помешало его матери и братьям взять себе другие фамилии.

Что же касается тех людей, которых принято называть «простыми», то они избирали своими фамилиями профессии своих отцов и названия местностей, где родились.

Многие брали фамилии, прославлявшие мужские и общечеловеческие добродетели, и в считанные дни в стране появилось огромное количество «стальных», «решительных», «твердых» и «железных»!

Появилось и много таких искусственно образованных фамилий, как «юртсевер» («любящий родину»), или «демирель» («железная рука»).

Подобные фамилии являлись не только отражением требований нового времени, но и тех чувств, какие начинали испытывать турки к своей нации.

Ведь именно теперь, во времена республики слово «турок» совсем недавно стало означать принадлежность к определенной нации, а не «мужлана» и «невежду», как это было в Османской империи.

К великой радости Кемаля эти фамилии отражали заложенную им идеологию возвышения своей нации.

Сам Кемаль стал Ататюрком.

И, в соответствии с Законом о фамилиях, 24 ноября 1934 года ВНСТ присвоило Мустафе Кемалю именно эту фамилию.

Отец турок!

Все правильно, так оно и было на самом деле, и в этом имени был заложен великий смысл.

Его родная сестра Макбуле стала теперь Атадан, а все его приемные дочери получили свои собственные фамилии.

Чтобы еще больше укрепить уверенность турок в своем равенстве, в ноябре 1934 года меджлис отменил все традиционные в Османской империи титулы пашей и беев, а также обращения эфенди, ханым и ходжа.

Правда, в повседневной жизни от всех этих изменений толку было мало, генералов по-прежнему называли пашами, а бей и ханым все так же ставились после имени того, к кому обращались.

Другим важным нововведением был запрет духовным лицам носить свои одеяния в общественных местах, что еще больше понизило их авторитет и значимость.

2 февраля 1935 года знаменитая Святая София, ставшая мечетью после завоевания турками Константинополя в 1453 году, была превращена в музей.

В мае 1935 года новый закон определил выходным днем воскресенье, а не традиционную для мусульман пятницу.

К середине 30-х годов проводимые Ататюрком реформы были закончены.

Ему было больше нечего и некого бояться, и он разрешил шестнадцати независимым кандидатам принять участие в состоявшихся в феврале 1935 года выборах.

Одним из них был хорошо известный генерал Рефет Беле.

Впервые в выборах приняли участие женщины, и восемнадцать из них стали депутатами.

Другим нововведением было назначение четырех депутатов-немусульман: двух греков, одного армянина и еврея, которым по странному стечению обстоятельств оказался один из лечащих врачей Ататюрка.

1 марта 1935 года Ататюрк был избран президентом республики в четвертый и теперь уже в последний раз.

В это же время, не очень-то довольный развитием дел в партии, он раз и навсегда разобрался с ней.

Все началось с выборов в Национальное собрание 1935 года.

Они были примечательны тем, что в них впервые женщины участвовали в голосовании и могли быть избраны в депутаты.

Избирательная кампания проходила в атмосфере общего безразличия.

За неделю до выборов Кемаль пригласил в Стамбул основных министров и генерального секретаря партии. Реджепа Пекера.

Он объявил им о своем желании, чтобы в новое Национальное собрание было избрано семнадцать «оппозиционеров».

Если верить Курзону, Инёню и Пекер были против этого демократического жеста, но Ататюрк, «преследуемый мыслью о том, что дни его сочтены, считал, что его дело должно быть усовершенствовано и расширено».

Хотел ли он на самом деле установить настоящую

демократию?

Если так, то прекрасно, хотя двадцать «независимых» депутатов вряд ли могли представлять собой серьезную оппозицию.

Но все же это было лучше, чем ничего…

Однако для Инёню и Пекера и этого было слишком много.

На самом деле было избрано всего тринадцать независимых депутатов, среди которых были Рефет Беле и Али Фуад Джебесой, два турка греческого происхождения, один турок с армянскими корнями и два турка, приверженцы иудейской веры.

Пекера такая «оппозиция» не испугала.

Да и кто в Турции станет критиковать национализм, республиканизм, лаицизм, популизм, этатизм и «революционализм»?

И он был прав.

Избранные оппозиционеры хранили молчание по причине того, что, как отмечал посол Франции в феврале 1938 года, «правительство Турции кажется очень сильным».

«Шесть стрел» постепенно утрачивали свою актуальность и завоевывали бессмертие.

Партию интересовали такие новые проекты, как поднятие сельского хозяйства путем радикального перераспределения земли крестьянам.

В связи с индустриализацией страны быстро рос рабочий класс, и несколько озадаченный этим явлением генеральный секретарь Реджеп Пекер предложил принять закон о труде.

Как выяснилось, он очень боялся… диктатуры пролетариата.

И все же главной проблемой были взаимоотношения партии и государства.

По примеру Советского Союза Пекер намеревался править всей страной.

И когда по его настоянию, партийный съезд потребовал максимальной интеграции партии и государства, это означало не что иное, как захват власти в государстве Народной партией и ее генеральным секретарем.

И снова Ататюрк явил себя в полном блеске.

Как ни опекал Кемаль созданную им партию, тем не менее, он так и не позволил ей подмять под себя государство.

Когда Реджеп Пекер вернулся из Германии и предложил поставить верных партийцев в каждую администрацию, Ататюрк недобро взглянул на него.

— И кто же будет выбирать этих хулиганов? — спросил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

Это была его не первая схватка с возомнившим о себе и

ставшим уже весьма влиятельным генеральным секретарем из-за дискуссий об усилении партийной власти в стране.

Однажды он уже попытался давить на правителя Измира и друга Ататюрка генерала Кязыма Дирика, отменив его распоряжение, и тогда Ататюрк, сурово отчитав его, встал на сторону генерала.

Когда смущенный Пекер перевел разговор и, выразив свое восхищение фашизмом, предложил кое-что позаимствовать из нее, Кемаль, смерив его еще более уничижительным взглядом, холодно сказал:

— Вы сделаете это после моей смерти!

Ему было чего опасаться: у него перед глазами стоял пример Советского Союза с его пришедшими к власти партийными чиновниками, и он не мог не понимать, что это означает гибель для страны.

Помимо всего прочего, это была попытка, так или иначе, потеснить на воздвигнутом им пьедестале его самого, а этого он допустить не мог.

В преддверие партийного съезда он во время ужина в Чанкайя в довольно жестких тонах посоветовал Реджепу внимательней подбирать партийные кадры и не назначать приехавшего из Фракии партийного чиновника куда попало.

Пекер был взбешен устроенной ему публичной поркой и демонстративно покинул обеденный зал.

Отвыкший от подобных демаршей Ататюрк снял его.

На следующий день Исмет Иненю объявил о назначении генеральным секретарем партии министра внутренних дел Шюкрю Кайя.

Затем последовало заявление о том, что отныне она будет управляться президентом, премьер-министром и министром внутренних дел, а все региональные инспекторы и провинциальные правители будут возглавлять местные партийные организации.

Так Ататюрк предупредил сползание Турции к тоталитарному партийному правлению, и, к великому счастью для страны, хозяином Турции осталось государство.

В противном случае им грозило правление людей уровня Брежнева, Горбачева, или Черненко со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями.

Да и как могло быть иначе, если того же Брежнева выбирали не потому что он был на что-то способен, а потому что он устраивал всех.

Устраивать всех может только нечто серое, каким и был этот бывший политрук…

Тем временем международная обстановка продолжала ухудшаться, и в октябре 1935 года Муссолини захватил Эфиопию.

Ататюрк не удивился.

Не испытывавший ни малейшего уважения к этому, как он называл его, «комедианту в солдатском одеянии», он всегда говорил о том, что рано или поздно в нем обязательно проснется дух римских цезарей.

И когда в один прекрасный вечер итальянский посол «достал» его своими откровенными намеками о притязаниях Италии на все ту же Анталью, Ататюрк вышел из комнаты.

Через несколько минут он вернулся в нее… в маршальской форме, на которой висело огромное количество полученных им наград.

Величаво усевшись на свое место, Ататюрк холодно предложил послу продолжать, и, подавленный величественным видом восседавшего напротив него человека, тот, так и не вымолвив ни единого слова, поспешил откланяться.

По-настоящему продолжавший постоянно вещать о своих притязаниях на африканские и азиатские территории Муссолини обеспокоил Ататюрка после того, как принялся укреплять Додеканесские острова.

Проводимая итальянским диктатором политика начинала угрожать безопасности Турции, и Ататюрку пришлось выезжать с инспекцией войск на юг и даже выходить на борту миноносца в море.

Он без особых рассуждений присоединился к принятым против Италии Лигой Наций санкциям.

На чем весьма удачно сыграла Англия, которая сразу же начала внушать Анкаре, что она не только способна оградить Турцию от итальянской угрозы, но и может разрешить проблему Проливов, по-прежнему являвшихся головной болью Ататюрка.

И его голове было от чего болеть!

Как и накануне Первой мировой войны, на Ближнем Востоке все туже затягивался узел противоречий между западными державами, и, конечно, Ататюрка не могла не волновать ситуация с Проливами.

Установленный в Лозанне режим больно бил по безопасности Турции, и лишенная права укреплять зону Проливов и пропускать через них военные корабли, Турция в любой момент могла оказаться в весьма тяжелом положении.

Конечно, Анкара неоднократно заявляла о необходимости пересмотра Лозаннской конвенции, и всякий раз Англия выступала против.

Но теперь было совсем другое дело!

Угроза военных действий против Италии в Средиземном море требовала определенных уступок Турции.

К тому же появлялась еще одна прекрасная возможность вбить клин в отношения Турции с Советским Союзом.

И в конце 1935 года Англия заключила с Турцией так называемое «джентльменское соглашение», по которому та обязалась оказывать ей свое содействие в случае конфликта с Италией.

Таким образом, она одним выстрелом убивала двух зайцев: заручалась военной поддержкой Турции и, так или иначе, втягивала ее в русло своей политики.

Взамен Англия обещала поддержать Турцию на предстоящем пересмотре режима Проливов.

Это соглашение подписала и Греция.

Наметившееся с того времени усиление английского влияния в Турции, которое давно уже играло решающую роль в Греции, способствовало ещё большему укреплению греко-турецкого союза.

Демонстрацией этих союзных отношений стали визит в Афины в 1937 году турецкого премьер-министра Исмета Инёню.

В апреле 1936 года Анкара направила всем принимавшим участие в Лозаннской конференции державам ноту.

Лондон сдержал обещание, и уже в июне с благословения Англии начались переговоры в швейцарском городе Монтре.

На повестку дня были вынесены два жизненно важных вопроса: проход военных кораблей черноморских стран через Проливы и допуск в Черное море военных флотов нечерноморских государств.

Как и всегда в подобных случаях, начался ожесточенный торг, и уже очень скоро конференция стала заходить в тупик из-за разногласий между Западом и СССР.

И прекрасно понимавший, что без подписи представителя Советского Союза на новой Конвенции о Проливах она не будет иметь никакой силы, Ататюрк согласился на советское требование о праве прохода через Проливы военных кораблей крупного тоннажа черноморских держав.

После долгой подковерной возни новая конвенция была подписана, международный контроль над Проливами был упразднен.

Так Турция обрела единоличный контроль над Проливовами как в мирное, так и в военное время.

Это была блестящая победа турецкой дипломатии.

«Конвенцию, заключенную в Монтре, писали по этому поводу

известные ученые Гёнлюбол и Сар, — следует считать одним из самых важных достижений турецких руководителей во главе с Ататюрком в период между двумя мировыми войнами…

Восстановление турецкого суверенитета в Проливах укрепило авторитет Турции в международных отношениях».

Эта победа имела и другое значение для Турции, поскольку именно в Монтре, к великому неудовольствию советской стороны, началось сближение Турции с Англией.

«После конференции в Монтре, — откровенно высказался известный историк Эсмер, — Турция стала связана со своим новым другом Англией значительно теснее, чем с Советским Союзом».

Конечно, Турция достойно отметила новую победу своего великого президента.

В те дни, когда турецкие войска входили в расположенные на Проливах форты, по всей стране прошли торжества.

Да и Ататюрк достойно отметил это славное событие в кругу близких ему людей.

В связи с этим надо сказать вот о чем.

К этому времен в Италии, Венгрии, Испании и Германии к власти пришли фашистские режимы, осуществлявшие захватническую политику, как в самой Европе, так и на ее окраинах.

В этих условиях кемалистские преобразования на принципах нейтрализма и равноудаления от великих держав постепенно стали уходить в прошлое.

При своей пока еще экономической слабости такая важная с точки зрения своего положения и значимости на Востоке страна, как Турция, просто не могла оставаться нейтральной.

И кемалисты выбрали себе ориентир — Запад.

Как образец для подражания, Россия с ее лозунгами мировой революции и строящейся на штыках экономикой их не интересовала.

Да и получили они от нее все, что могли.

Сыграла свою роль и внутренняя политика Сталина, превратившего огромную страну в огромный Гулаг.

Другое дело Англия…

17 июня 1934 года после банкета в Анкаре в честь шаха Ирана Ататюрк предложил английскому послу поиграть в покер.

Игра продолжалась до утра.

Затем состоялась беседа, во время которой Ататюрк сказал, что он «питает величайшее уважение к Англии и стремится к дружбе с ней».

— Почему мы не можем быть ближе друг к другу? — спросил он.

В ответ посол в довольно осторожной форме начал говорить о препятствии в виде дружбы Анкары с Москвой.

Ататюрк слушал посла с непроницаемым лицом, но по тому холоду, каким вдруг повеяло на того, Перси Лорэн понял, что надо менять тон беседы.

— Конечно, мы знамем о ваших хороших отношениях с Советским Союзом, — сказал он, — но для англо-турецкой дружбы указанное обстоятельство не можеть препятствием…

И по тому, как потеплел взгляд Ататюрка, посол понял, что именно такого ответа и ждал от него президент Турции.

Сложно сказать, насколько был искренен Ататюрк, но когда один из наиболее близких к нему людей спросил его, правда ли то, что он идет на сближение с Англией, он ответил:

— Я не просто сблизился, я бросился к ней в объятия!

Судя по всему, Ататюрк сказал правду.

Успешное развитие турецко-английских отношений достигло своего апогея в сентябрьские дни 1936 года.

4 сентября анлийского короля Эдуарда VIII торжественно встречал на стамбульской набережной президент Турции Ататюрк.

20 ноября состоялась другая торжественная встреча — боевые корабли турецкого флота прибыли с дружеским визитом на Мальту.

После всех этих торжеств в Турции об Англии впервые начали писать как о «дружественной державе».

Так формировались и внешнеполитические, и иные важные предпочтения Турции в преддверии мировой войны.

Изменение отношения турецкого Генерального штаба к Англиив 1936 года мгновенно отразилось на перспективах вооружения Турции.

Она начала предоставлять военные заказы преимущественно английским фирмам.

Дело не ограничилось военными заказами, и после Конференции в Монтрё Англии было разрешено создавать в районе Проливов военно-морские укрепления, пользоваться турецкими военными базами, начать реконструкцию портов в Измире, Стамбуле, Трабзоне и строить военные корабли и аэродромы на турецкой территории.

На строительство металлургического комбината в Карабюке английской фирмой «Брассерт» в 1936 году был предоставлен кредит на 3 млн. английских фунтов стерлингов.

Однако самым крупным торговым партнером стала Германия.

В 1938 году общая сумма кредитов Германии Турции достигала 87 млн. лир. И это в то время, когда доллар был равен лире.

В октябре 1938 года было подписано соглашение с Германией о кредите в 150 млн. марок.

Так бывшие враги становились друзьями, а бывшие друзья в лучшем случае отодвигались на второй план.

Кто проиграл в этом браке по расчету?

Никто не проиграл.

Москва получила на блюдечке с голубой каемочкй Кавказ, Закавказские республики и лояльное по отншению к ней государство, а Анкара — армянские территории, оружие и деньги.

И трижды был прав Кемаль, когда говорил, что одно дело подписывать договоры с большевиками, и совсем другое — быть большевиком.

Более того, быть коммунистом с некоторых пор в Турции становилось опасно…

Глава XX

Чтобы окончательно увековечить свое имя в мировой истории, Ататюрку оставалось только одно: вернуть Александретту.

Возможно, это был бы его прощальный подарок любимой родине.

Но вполне возможно, что был прав и французский военный атташе, который в феврале 1935 года писал о том, что «преследуемый идеей о том, что дни его сочтены, Ататюрк хотел бросить еще один вызов судьбе».

Если, конечно, Ататюрк тогда уже задумывался о своем скором уходе из жизни.

Александретта являла собой во все времена важную со стратегичсекой точки зрения область на юго-востоке Анатолии, большинство населения которой составляли мусульмане.

Франция обладала мандатом Лиги Наций на управление Сирией и присоединившей к ней Александреттский санджак, который Турция также считала своей территорией

Чтобы успокоить турок, французы ввели в этом регионе по соглашению с Анкарой специальный административный режим.

Этот режим позволяющим их братьям в Хатае говорить на турецком языке и иметь в административных органах турецких чиновников.

Но не успокили.

И то, что вплоть до 1936 года Турция официально не возвращалась к этому вопросу, хотя в санджаке не раз по разным поводам случались столкновения турецкого населения с французскими колониальными властями, ничего не значило.

Кемаль испытывал особые чувства к Александретте, которую всегда считал вынужденной уступкой Франции.

Именно там он узнал о перемирии, заключенном в Мудросе, после которого область была оккупирована англичанами.

— То, что принадлежало Турции в течение веков, — говорил он еще в 1923 году, — не может оставаться в руках врагов…

Когда же регион Искендеруна оказался под французским мандатом на Сирию, Кемаль заявил французскому послу:

— Если бы какая-нибудь другая нация оказалась на вашем месте, мы должны были бы защитить турецкое население Александретты и Антиоха. Мы отказались от этого только в пользу Франции…

Сама Франция полагала, что нет ничего более постоянного,

чем временное, и Александретта навсегда останется у нее.

Оно и понятно.

— Залив Александретты, — заявил в сенате премьер-министр Бриан, — очень важен для будущего Франции…

На протяжении целых пятнадцати лет Турция не заговаривала о куда как важных для нее районах, входивших в находившуюся под французским мандатом Сирию.

И все это время Ататюрк не забывал о Александретте, как не забывали о ней и другие государственные деятели Турции.

Так, в одном из своих выступлений в 1935 году Исмет Иненю выразил общее мнение, заявив:

— Присоединения Александретты к Турции является справедливым и нормальным…

В этой связи интересен разговор Ататюрка с его приемной дочерью Афет Инан, которая в июле 1935 года приехала из Женевы, где она проходила обучение, в Стамбул:

Встреча произошла всего через два дня после подписания соглашения в Монтре.

— Надеюсь, — улыбнулась Афет, — у нас все хорошо и больше нет проблем?

— Нет, — покачал головой Ататюрк. — есть, и серьезные…

— Какие же?

— Искендерун…

— И что ты собираешься делать?

— Взять его!

— Как?

— Ты увидишь!

Афет понимающе покачала головой.

Еще в январе отец писал ей о той серьезной озабоченности, которую у него вызывало положение Александретты.

Время действий для Ататюрка настало 9 сентября 1936 года, когда был парафирован франко-сирийский договор, радикально менявший судьбу санджака.

Он предусматривал прекращение через три года французского мандата и вступление Сирии в Лигу Наций, причём по этому договору Александреттский санджак вошёл в состав Сирии.

Насторожило Анкару и то, что Народный фронт, придя к власти во Франции, принял решение о превращении территорий, находящихся под мандатом, в независимые государства.

Договор вызвал в Турции шумную кампанию против Франции, и Анкара требовала, чтобы санджак получил такую же самостоятельность, как Сирия и Ливан.

В октябре 1936 года начались официальные переговоры и

дипломатическая переписка между турецким и французским правительствами.

На самом деле проблема оказалась намного серьзней.

В 1936 году, когда в воздухе запахло порохом, тянуть с игравшим слишком важную роль на южных границах санджаком было уже нельзя.

Отправляя делегацию на переговоры с Францией в Женеву, Ататюрк был категоричен.

— На юге, — заявил он, — будет создано независимое турецкое государство под нашей гарантией!

Это самое «независимое государство» он назвал Хатай, по имени живших в Китае тюркских племен.

Как и всегда в таких случаях переговоры превратились в бесконечную говорильню, в которой никто не хотел уступать.

Турция утверждала, что прежние договорённости о санджаке достигнуты были ею не с Сирией, которой в товремя не существовало, а с Францией.

При этом санджак был передан Франции небезусловно, а условно.

Если же теперь Франция отказывалась от власти в этом районе, то суверенитет должен перейти к населению санджака.

Франция не вправе передавать без согласия Турции свои договорные права третьему государству.

Франция же в своих ответных нотах заявляла, что не может согласиться на независимость санджака, в частности, потому, что создание третьего самостоятельного государства — Александреттского — явилось бы расчленением подмандатной территории (то есть, Сирии) и нарушением условий мандата.

Она утверждала, что ранее достигнутые договорённости обеспечивали санджаку автономный административный режим, а не особый политический статус; прежний же режим сохранялся бы и после отмены французского мандата на Сирию.

Турция добивалась независимости Александреттского санджака с последующим присоединением этой территории.

Возник конфликт, сопровождавшийся волнениями в санджаке.

В середине ноября Ататюрк почувствовал себя плохо, и врачи настоятельно просили его, как следует, отдохнуть и отказаться от алкоголя.

Но возникшие проблемы с легкими были сущей чепухой по сравнению с первыми признаками уже развивавшейся в нем смертельной болезни.

Однако зуд в ногах (один из первых симптомов цирроза печени) врачи приписали наличию комаров.

Ататюрк отправился на воды в Ялова, а вилла в Чанкайя была тщательно дезинфицирована.

Болезнь только усилила его решимость заполучить санджак, он начал переброску войск на юг, и газеты сразу же отреагировали надлежащим образом.

«Мы, — заявляли они, — сумеем защитить наши права. И если необходимость защищать нашу честь приведет нас к войне, вся ответственность за нее ляжет на Францию!»

Напряжение нарастало, и Лига Наций пошла на компромисс, даровав санджаку полную самостоятельность во внутренних делах и в то же время оставив его связанным с Сирией в вопросах внешней политики и денежного обращения.

Но Ататюрку этого было мало!

Тем более, что в самом санджаке турецкое население всячески уклонялось от участия в выборах в сирийский парламент и дело дошло до вооруженных столкновений с властями.

И хотя Лига Наций послала в санджак нейтральных наблюдателей и предложила Турции и Франции начать переговоры с участием шведского посредника, Ататюрк проявил характер и стал угрожать выходом из нее.

— Если наше правительство, — заявил с его одобрения один из высших турецких дипломатов, — не сможет решить вопрос при помощи белых книг, то турецкий народ даст ему сколько угодно красных чернил для выпуска красной книги!

Не остались в долгу и французы, в свою очередь обвинившие турок в разжигании страстей и нападении на представителей других общин.

Прошедшие в такой напряженной обстановке выборы в парламент турки проиграли, и Анкара тут же обвинила Францию и нейтральных наблюдателей в дискриминации турецкого населения.

Ататюрк провел демонстративное совещание с начальником Генерального штаба и, несмотря на плохое самочувствие, совершил поездку на юг.

В результате появились слухи о сосредоточении турецких войск на границе с Сирией и твердом намерении Гази отвоевать санджак.

Весной 1938 года там начались уличные столкновения между турками и остальным населением.

Французские колониальные власти своим поведением только подливали масла в огонь, а комиссия Лиги Наций проявила в этой сложнейшей ситуации полнейшее бессилие.

Конечно, воевать никому не хотелось, и Ататюрк решил встретиться в с послом Франции и поговорить с ним, может быть, в последний раз в мирной обстановке.

Он встретился с полсом и военным атташе Франции в «Анкара Паласе», куда те зашли поужинать.

Они не успели сделать заказ, как к ним подошел адъютант Ататюрка и пригласил их к его столу.

С 11 вечера до 3 часов утра «под звуки оркестра и на фоне номеров, исполняемых танцорами», Ататюрк объяснял собеседникам, «что он необычайно ценит дружеские отношения с французами, что их необходимо поддерживать любой ценой и что дипломаты должны найти решение, чтобы передать Хатай Турции».

Искренность Ататюрка произвела большое впечатление на французов.

В конце вечера президент пригласил к столу трех молодых офицеров.

Они поцеловали его руку.

— А теперь, — приказал Ататюрк, — поцелуйте руку моего лучшего друга, посла Франции!

После того, как офицеры, исполнив приказание, ушли, Ататюрк сказал:

— Поверьте старому солдату, друзья, мне бы очень не хотелось, чтобы эти офицеры воевали с французскими солдатами…

Надо полагать, что эта сцена была подготовлена заранее.

Конечно, решающим во всей этой истории было не слово посла.

Но, как знать, не вложил ли и он свою лепту в дело примирения сторон?

А если даже и нет, то Франции все же хватило ума не начинать войну с Турцией.

Ее правительство благоразумно предпочло потерять Александретту, нежели остаться без поддержки Турции в случае войны на Средиземном море.

3 июля 1938 года в Антакье было подписано соглашение, и турецкие войска вступили на территорию санджака.

Были проведены новые выборы, турки получили 22 места в парламенте из 40, и посланец Ататюрка Тайфур Сёкмен стал президентом независимого государства Хатай.

Хотя окончательно Хатай перешел к Турции только на следующий год, когда Ататюрка уже не было в живых, возвращение столь важной со всех точек зрения провинции стало его прощальным подарком нации.

Великим подарком…

Начал бы Ататюрк войну?

Сложный вопрос.

Если же верить тому, что он говорил…

— Нации, — утверждал он, — которые не жертвуют всеми своими материальными и моральными силами и возможностями делу защиты родины, или те, которые проявляют в этом отношении какую-нибудь медлительность, не могут рассматриваться как нации, готовые к войне и убежденные в своей способности довести эту войну до победного конца. В войнах будущего победа также будет зависеть от этого условия…

Одержав очередную победу, Ататюрк принял участие в последнем акте драмы по снятию Исмета.

Слишком уж не понравилось ему поведение его сверхосторожного премьера во время дебатов относительно ввода войск в Хатай, на которых тот выслушал от разгневанного президента немало нелицеприятных слов.

Да и медлительность на устроенной по инициативе Британии и Франции конференции в небольшом швейцарском городке Ноене, на которой речь шла о мерах против пиратских действий итальянских подводных лодок, тоже восторгов у него не вызвала.

— Да разве можно управлять страной, боясь собственной тени? — в сердцах воскликнул он, когда Исмет в очередной раз начал уговаривать его быть осмотрительнее.

Как и предполагал сам Исмет, недовольство им постарались усилить «привычные джентльмены», и все чаще и чаще до Ататюрка стали доходить слухи о том, что ему остался только почет, а реальная власть в стране давно уже принадлежит Исмету.

Положение усугублялось постоянным раздражением плохо себя чувствовавшего Ататюрка.

И нетрудно было догадаться о том, какое впечатление производили на него слухи о всесилии его премьер-министра и его собственной слабости.

Ататюрк и без того был весьма удручен своей пассивной ролью, и не надо было обладать какой-то сверхъестественной прозорливостью, чтобы понять, что дни Исмета сочтены.

Появившиеся в их отношениях трещины после дискуссий вокруг Хатая и соглашений в Ноене еще больше увеличились из-за споров вокруг ферм президента.

Они давно уже превратились в образцовые хозяйства и сделали Ататюрка одним из самых состоятельных людей Турции.

Но стоило только Ататюрку через своих доверенных лиц пожелать, чтобы государство выкупило у него все

принадлежавшие ему фермы, как он наткнулся на возражения своего премьер-министра, не видевшего никакого смысла платить за собственность, приобретенную на средства государства.

Тогда Ататюрк сообщил Исмету о своем решении передать фермы государству без каких бы то ни было условий, и тому не оставалось ничего другого, как только поблагодарить президента.

Однако конфликт продолжался, поскольку, помимо ферм с самой передовой по тому времени техникой, Ататюрк имел еще пивоваренный и сыроваренный заводы, маслобойню, фабрики по переработке шерсти, сеть магазинов и почти сорок тысяч овец.

Подачи «привычных джентльеменов» и не без участия президента было принято решение расширить принадлежавшие ему предприятия и построить еще несколько новых, и в том числе еще один пивной завод.

Владелец частного пивного завода в Стамбуле, у которого в связи с этим строительством преждевременно отозвали лицензию, подал в суд.

Исмет Иненю выступил на стороне потерпевшего, и «привычные джентльмены» принялись распространять слухи о том, что родственники и друзья Иненю имеют свои собственные интересы в этом заводе.

Исмет был приглашен со всем своим кабинетом на ужин в Чанкайя.

Как только министры уселись за столом, Ататюрк обрушился на министра сельского хозяйства, обвинив его в отсутствии должного ухода за фермами.

Расчет оказался правильным.

Иненю не выдержал и, к великой радости своих недругов, заявил о том, что президент должен критиковать не министра, а назначенных им самим управляющих.

Что же касается его личных интересов в стамбульском заводе, продолжал он, то президенту вряд ли пристало слушать распространяемые его недругами сплетни.

— Вы, — уже окончательно теряя выдержку, заявил он, — даете свои указания из-за стола и тем самым создаете для нас большие проблемы!

Однако, как гласит легенда, Исмет в тот вечер выразился куда определеннее и после разноса его министру в сердцах воскликнул:

— И до каких же, интересно, пор эта страна будет управляться из-за стола пьяниц?

Конечно, уже в следующую секунду он спохватился.

Но было поздно.

Вопрос был задан, и Ататюрк не замедлил с ответом.

— Кажется, вы забыли, — произнес он ледяным тоном, — что один из этих пьяниц назначил вас на ваш пост!

На этот раз наказание казалось неминуемым.

Однако Кемаль снова проявил несвойственный ему либерализм Ататюрк и решил оформить расставание с Исметом по-дружески.

8 сентября 1937 года произошло знаменательное событие в политической жизни Ближнего Востока.

В этот день в Саадабадском дворце иранского шаха в Тегеране был оформлен политический блок четырёх держав: Турции, Ирана, Ирака и Афганистана.

По имени дворца он вошел в историю как Саадбадский пакт.

Его заключению в значительной степени содействовала английская дипломатия, стремившаяся укрепить своё влияние на Ближнем Востоке и использовать эту новую группировку в своей политике, направленной против СССР.

Предварительные переговоры о заключении пакта начались ещё в 1935, в связи с обострением политической обстановки, вызванным итальянской агрессией в Эфиопии.

2 октября 1935 года министры иностранных дел Ирана, Турции и Ирака, собравшись в Женеве для предстоящего заседания Совета Лиги наций, выработали текст пакта и парафировали его.

В ноябре 1935 к проектируемому пакту присоединился Афганистан.

Однако между парафированием пакта и его подписанием прошло почти 2 года, так как участники пакта считали, что для полной его эффективности необходимо предварительное урегулирование существовавших между ними спорных пограничных вопросов.

Такие вопросы имелись между Ираном и Афганистаном, между Ираном и Турцией и особенно между Ираном и Ираком.

Разногласия между Ираном и Афганистаном были урегулированы в 1935 при посредничестве Турции.

Спорные вопросы между Ираном и Турцией были разрешены в результате поездки специальной турецкой делегации в Тегеран в апреле — мае 1937.

Наконец, в середине 1937 был ликвидирован затяжной спор между Ираном и Ираком о границе в районе Шатт-эль-Араба.

К этому времени в Тегеране собрались министры иностранных дел четырёх стран, которые и подписали Саадбадский пакт.

Он содержал Основные обязательства участников С. п.:

уважение неприкосновенности их общих границ; взаимный отказ от актов агрессии друг против друга, причём понятие агрессии было сформулировано в соответствии с Лондонской конвенцией 1933 об определении агрессии.

В случае нарушения этого постановления стороны немедленно обращаются к Совету Лиги наций.

Стороны согласились совещаться друг с другом по всем международным конфликтам, касающимся их общих интересов.

Участники пакта отказались от вмешательства во внутренние дела договаривающихся сторон и обязуются не допускать на своей территории создания и деятельности вооружённых банд, групп или организаций, преследующих враждебные одной из договаривающихся сторон цели.

Договор был рассчитан на пять лет; при отсутствии денонсации он автоматически продлевается ещё на 5 лет.

Договор мог быть денонсирован по отношению к тому из его участников, который совершит акт агрессии против третьей державы.

Одновременно с пактом был подписан протокол о создании постоянного Совета Ближневосточной Антанты.

Заключение Саабадинского пакта не сыграло заметной роли в общем развитии международных отношений.

И все же Кемаль был доволен, поскольку до этого времени его отношения со всеми этими странами оставляли желать лучшего.

Еще через полгода, 27 апреля 1938 года, Греция и Турция, обеспокоенные продвижением Германии к Балканам (захватАвстрии), подписали в Афинах новый договор.

Они взяли на себя обязательство вооружённого нейтралитета в случае нападения одной или нескольких держав на другую сторону и обещали друг другу консультацию, если такое нападение совершится.

19 сентября Кемаль вместе с Исметом отправился в Стамбул на вторую конференцию Исторического общества.

В пути он пригласил Исмета к себе в купе и сообщил ему, что им какое-то время надо поработать отдельно.

Поскольку парламент был в отпуске, ему предлагалось уйти в отставку по болезни.

Исмет почтительно наклонил голову.

Судя по его смирению, отставка не стала для него сюрпризом.

И, как он говорил позже, она явилась в большей степени следствием не его расхождением с президентом, а подковерной возни его окружения.

По прибытии в столицу теперь уже бывший премьер

отправился в свой дом на Принцевых островах.

Правда, конференцию он все же посетил, и первое, что он сделал, появившись на ней, так это передал президенту записку, в которой спрашивал:

«Вы не очень сердиты на меня?»

«Нет, — ответил тот, — я уже все забыл! Вы по-прежнему мой друг и брат!»

Ататюрка и на самом деле не хотел рвать отношения с Исметом и вскоре пригласил его на военные маневры под Измиром.

Как говорили, он признался одному журналисту в том, что, затеяв всю эту эпопею со сменой премьер-министров, он получил совершенно ему ненужную головную боль.

В результате этой «головной боли» 25 октября 1937 года премьер-министром Турции стал Джеляль Байяр.

Он родился 22 августа 1986 года в семье религиозного деятеля и учителя.

После окончания школы, Баяр работал клерком сначала в суде Гемлика, а затем в банках.

В 1908 году он присоединился к группе «Комитет Единства и Прогресса» и стал её важным членом, заняв пост генерального секретаря измирского отделения партии.

В этой должности он способствовал созданию женской и железнодорожной школ.

В 1919 году Баяр был избран в османский парламент депутатом от Сарухана.

Из-за своего несогласия с предложенным султаном новым вариантом конституции, в 1920 году Баяр уехал в Анкару и присоеденился к Кемалю.

Он был активным членом Общества защиты прав Анатолии и Румелии и был избран в Великое Национальное Собрание Турции депутатом от Бурсы.

В том же году он начал работу в качестве заместителя министра экономики и 27 февраля 1921 года был назначен министром экономики.

Баяр руководил переговорной комиссией во время восстания Черкеза Этхема.

В 1922 году Баяр был членом турецкой делегации на Лозаннской конференции в качестве советника Исмета Инёню.

После выборов 1923 года он был избран депутатом парламента от Измира.

26 августа 1924 года Баяр основал Деловой банк в Анкаре и проработал его генеральным директором до 1932 года.

Не обмолвившись ни словом об истинной причине смены

председателя правительства на сессии парламента, Ататюрк только заметил, что «мы не собираемся пересматривать свои принципы».

В ответном слове Байяр заявил, что источником вдохновения для работы нового правительства является Ататюрк.

Его речь стала примечательной хотя бы потому, что слово «лидер» в ней он употребил девятнадцать раз.

Надо ли говорить, что новый премьер-министр и его покровители из окружения президента делали все возможное, чтобы лишить Исмета возможности вернуться во власть.

Как и всегда в таких случаях, они использовали любой повод, и стоило только болельщикам устроить посетившему футбольный матч Исмету Иненю бурную овацию, как весьма недовольному этим Ататюрку было доложено о том, что смещенный им премьер ищет поддержки у народа.

6 ноября парламентская группа Народно-республиканской партии собралась для обсуждения новой программы правительства.

Близкий к Ататюрку Салих Бозок потребовал от Исмета объяснений.

Тот извинился за свою дерзкую выходку на вилле и выразил крайнее удивление устроенной ему на стадионе овацией.

Хотя ничего странного в том, что народ приветствовал человека, которого сам Ататюрк сделал вторым после себя героем войны за Независимость, не было.

Закончив свои объяснения, Исмет тут же заявил, что он очень устал и хочет как следует отдохнуть.

Салих был удовлетворен, и вскоре Фалих Рыфкы сообщил Исмету о том, что Ататюрк расценивает события на стадионе как выражение нацией ее благодарности за оказанные ей услуги и выражает свою уверенность в том, что его испытанный товарищ и впредь будет пользоваться заслуженным уважением в стране.

О причинах отставки Исмета говорили разное.

Надо полагать, что дело было не только в «привычных джентльменах».

Невозможно управлять страной в течение пятнадцати лет, не нажив себе врагов.

А ведь среди них были такие люди, как Кылыч Али, кому Инёню никогда не мог простить, что тот был членом Трибунала независимости, собиравшегося его арестовать, Шюкрю Кайя, влиятельный министр внутренних дел и бывший генеральный секретарь Народной партии Реджепа Пекера.

Инёню никогда не старался избегать острых углов; человек с твердыми убеждениями, добропорядочный, честный, как

анатолийский крестьянин, отважный солдат, он постепенно стал позволять себе требовать отчета, рискуя показаться высокомерным.

Однако никто не предвидел такого падения Исмета Инёню.

Даже в хорошо информированных кругах пытались понять это, обсуждая различные причины, в том числе состояние здоровья Ататюрка и возраст обоих политиков.

Удивительной в их «расходе» была и та легкость, с которой Ататюрк и Инёню сохранили добрые личные отношения.

Даже после отставки Исмета они встречались, по крайней мере, раз в неделю в Анкаре, а приемная дочь Кемаля, Сабиха Гекчен, служила между ними курьером.

И все же думается или, во всяком случае, хочется думать о том, что причины всей этой истории лежали гораздо глубже, нежели симпатии или антипатии к Исмету ближайшего окружения Ататюрка или его нерешительность при вводе войск в какую-то там провинцию.

За прошедшие годы проводимая Ататюрком политика этатизма вызвала заметное развитие промышленности в Турции, и, конечно, жесткий Исмет был хорош тогда, когда надо было проявлять твердость и не идти ни на какие уступки.

Но уже с середины 30-х годов ситуация в мире, а значит, и в самой Турции начинала меняться, крепла национальная буржуазия, страна все больше сближалась с Западом и неизбежно вставал вопрос о привлечении в страну иностранного капитала.

Новое время требовало новых исполнителей, и рано или поздно правительство должен был возглавить куда более знающий и гибкий руководитель, каким и являлся по отношению к Исмету Джеляль Байяр.

И если пусть и интуитивно почувствовавший необходимость такой рокировки Ататюрк возвысился над своими личностными отношениями и именно по этой причине сменил уже сделавшего свое дело Исмета, то он лишний раз заслуживает самой высокой похвалы.

Хотя на самом деле все могло быть, конечно, намного проще…

Летом 1937 года вспыхнуло очередное восстание курдов в Дерсиме.

Еще в 1934 году Турция приняла новый закон о переселении, целью которого было ассимиляция национальных меньшинств, проживающих в Турции.

Эти меры также поощряли принудительное переселение людей внутри страны, ради создания культурной однородности

турецкого этноса.

В 1935 году закон вступил в силу и его стали интенсивно осуществлять в регионе Тунджели, более известном, как Дерсим, где в основном проживали курдские и заза-алевиты.

Этот регион был известен своими сильными сепаратистскими настроениями, так как за последние 40 лет, там произошло 11 вооружённых конфликтов.

После принятия нового закона и вступления его в силу, в регионе в 1937 году начались массовые протесты.

Местному губернатору было отправлено письмо, в котором выражалось недовольство относительно принятия нового закона и просьба пересмотреть его.

Согласно курдским источникам, авторов письма схватили и казнили.

В результате в мае группа местных жителей устроила засаду полицейского конвоя, так началась серия локализованных конфликтов и восстаний.

Для подавления восстания в регион было переброшено 25 000 военнослужащих, к лету восстание было подавлено.2

Руководители восстания, в том числе и Сейид Риза, были приговорены к смертной казни в виде повешения.

Однако остатки повстанческих сил продолжали сопротивляться и было решено удвоить количество войск в регионе.

Методы подавления восстания армией были крайне жёсткими, и некоторые посёлки подвергались бомбардировке воздушных сил Турции.

Остатки повстанческих сил были окончательно подавлены к октябрю 1938 года.

Подавление этого восстания вошло в историю под названием «Дерсимская резня».

В 2008 году во время конференции, организованной курдским подразделением клуба ПЕН, участники пришли к заключению, что Турция виновна в намеренном геноциде.

Глава XXI

Как это ни печально, но к этому времени Кемаль все больше превращался в свадебного генерала.

Ему не надо было бороться уже ни с кем.

Власть Кемаля была велика.

Любой министр мог быть заменен в любую минуту.

Дебаты в Национальном собрании не представляли никакого интереса, и Кемаль появлялся там только в день открытия сессии.

Он продолжал поездки по стране, но время грандиозных встреч с народом прошло.

Да и не интеерсно ему все это, надо полагать, уже было.

Кемаль изнывал от безделья, и вся его жизнь сосредоточилась вокруг его знаменитого стола.

С молодости он очень ценил беседы с друзьями за бутылкой ракы и национальными закусками.

Начинаясь в 8–9 часов в бильярдном зале, эти встречи редко заканчивались раньше двух-трех часов ночи.

Все чаще Кемаль приглашал к себе историков, лингвистов и других ученых и подолгу беседовал с ними на интересующие его темы.

Как это ни печально, но все эти беседы сопровождались обильными возлияниями.

Более того, Кемаль непрерывно курил и, не докурив одну сигарету, бросал ее, чтобы тут же закурить другую.

Довольно часто он срывался и вел себя не совсем адекватно своему высокому положению.

Так, в написанном в сентябре 1934 года письме генералам Гамелену и Вейгану военный атташе Франции в Турции полковник Курзон сообщал о том, что «Гази переходит границы».

Если верить французскому дипломату, то у подчиненных Кемаля все большее раздражение вызывали «ежедневные оргии», которым он предавался в кругу собутыльников, а иногда и «нескольких женщин, будь то жены товарищей, или женщины из публичных домов, либо и те и другие одновременно».

Курзон описывал пребывание Ататюрка в Стамбуле в 1934 году и его ночные вылазки в «Парк Отель», фешенебельное заведение на берегу Босфора:

«Возвращаясь пешком с вечеринки около трех часов утра, — писал он, — я увидел у „Парк Отеля“ множество машин и полицейских.

Мне захотелось рассмотреть, что там происходит.

Мустафа Кемаль расположился в кресле, а рядом сидела

венгерская дама, живущая в отеле, чей муж был в отъезде.

Он что-то быстро говорил ей, обняв за талию, а другой рукой поглаживая ее белокурые волосы.

Периодически он увлекал женщину на тур вальса.

С суровым видом и недобрым взглядом, без улыбки он совершал три или четыре круга, вцепившись в напарницу, нетвердо держась на ногах, а затем снова усаживался в кресло и пил…

Во время первого визита Мустафы Кемаля в „Парк Отель“ он бросает дерзкий вызов обществу.

Рядом с террасой „Парк Отеля“ находилась древняя мечеть, над которой возвышался величественный минарет.

До сих пор, когда муэдзин провозглашал свою молитву, музыка умолкала из уважения к нему, а, следовательно, останавливались и танцы.

Но когда гази, сидя со своим привычным ракы за столиком, услышал „Аллах акбар“ муэдзина, он недовольно поморщился.

— Как это не к месту, — сказал он. — Уберите минарет!

И минарет был снесен той же ночью.

Гази 53 года, это возраст, когда здоровье часто резко ухудшается у тех, кто хочет слишком многого от жизни».

Рассказ Курзона за исключением ряда деталей не вызвал бы особого удивления у соотечественников гази в Стамбуле.

Другое дело, что простое население не было шокировано чрезмерным увлечением Ататюрка вином.

Более того, оно восхищались простотой президента и его умением развлечься.

Понятно, что такая в высшей степени нездоровая жизнь сказывалась не лучшем образом на здоровье.

Однако Ататюрк стойко перенес и два сильнейших сердечных приступа, и продолжавшую его трепать малярию, и мучившие его в течение многих лет почки.

Сказывалось пребывание на воздухе (он много работал на ферме), езда верхом и плавание в море.

Но если совсем еще недавно он был способен провести за столом всю ночь, а утром отправиться на военные маневры, то теперь подобные подвиги давались ему с огромным напряжением.

Летом 1937 года признаки развивавшейся в нем смертельной болезни становились все заметнее.

Тем не менее….

— В свое время, — как-то сказал Кемаль, — я перечитал много книг. Хотел узнать, что говорят о жизни философы. Одни из них все видят в черном свете, говоря: «Раз мы в конечном счете превратимся в ничто, не может быть места счастью и радости во

временном пребывании в этом мире». Читал я и другие книги, написанные более разумными людьми. Они говорили: «Поскольку нас ждет неизбежный конец, будем веселы и радостны, пока живем». По своему характеру я предпочитаю эту вторую философию жизни…

Судя по его образу жизни, даже в конце жизни Ататюрк понимал это изречение буквально.

«Он снова кутит», — отмечал Курзон в сентябре 1937 года.

Во время одного из праздничных вечеров, в котором участвовали балканские танцоры, он «вскочил и стал танцевать вместе с болгарами и югославами.

Затем он приказал своему министру юстиции станцевать одному перед двумя тысячами веселых зрителей».

Ататюрк продолжал бывать и в кафе, и на всевозможных выставках, и на морском берегу.

И где бы он ни появлялся, его всегда окружали огромные толпы желавших взглянуть на своего президента людей.

Не оставлял он своим вниманием и женщин, и французский военный атташе полковник де ля Вильнев не раз видел выходившего из номера «Парк-отеля» Ататюрка, где останавливалась молодая и красивая венгерка.

Несмотря на постоянное недомогание, он оставался все тем же Ататюрком, непреклонным и решительным

Когда призывавший мусульман на молитву муэдзин прервал его танец, уже через несколько дней вызвавшая неудовольствие президента мечеть по какому-то странному стечению обстоятельств была закрыта, а минарет снесен с лица земли.

И хотя официальной версией его разрушения было объявлено строительство важного объекта, мало кто сомневался в том, что истинной причиной его исчезновения послужило недовольство Ататюрка.

Впрочем, этот рассказ вряд ли что мог добавить ко всем тем бесчисленным легендам и сплетням, которые ходили об Ататюрке и его образе жизни по всей стране.

А он даже и не пытался хоть как-то скрыть его. И когда в один прекрасный вечер он зашел в какой-то ресторан выпить с приятелем ракы и его хозяин сразу же плотно закрыл шторы, Ататюрк тут же приказал ему снова открыть их.

— Пусть все видят, — спокойно пояснил он, — как мы едим и пьем ракы! Вся эта скрытность только увеличивает сплетни!

Всякий раз, когда он выходил на своей яхте, ее мгновенно окружало огромное количество лодок и катеров, и тогда он с бокалом вина в руке обращался к сидевшим в них людям.

— Друзья мои, — восклицал он, — этот напиток называется ракы. Я часто пью его, и сейчас я поднимаю мой бокал за вас!

Конечно, ничего страшного в бокале вина, выпитого вместе с пришедшими посмотреть на своего легендарного президента людьми, не было.

Беда заключалась в другом: несмотря на явные признаки болезни, Ататюрк и не думал бросать свои привычки и продолжал развлекаться подобным образом, проводя ночи напролет с друзьями.

Однако высыпавшая в декабре на его теле и приносившая ему большие мучения сыпь заставила его серьезно обратить внимание на свое здоровье.

Он отправился на минеральные воды в Ялова, и заведовавший клиникой Нихат Решат Белгер пришел к страшному выводу, что сыпь является признаком цирроза печени.

— Зуд, — осторожно подбирая слова, сказал он, — является признаком очень серьезной болезни, вызванной вашей едой и особенно питьем…

Понял ли его Ататюрк?

Конечно, понял, но от своих привычек не отказался.

Несмотря на постоянное напряжение и потребление ракы, мощный от природы организм Ататюрка до поры до времени выдерживал все нагрузки.

Но и ему, судя по дальнейшим событиям, наступил предел.

1 февраля Ататюрк отправился в Бурсу на открытие новой шерстеперерабатывающей фабрики.

Как и всегда, он произнес пламенную речь, а затем вернулся в Стамбул, где и продолжил свои ночные застолья в «Парк-отеле», куда к нему чуть ли не каждый вечер приходил Байяр.

Но уже очень скоро он почувствовал себя плохо.

У него поднялась высокая температура и началась жестокая лихорадка с пневмонией.

Целых две недели он приходил в себя, а едва поправившись, отправился в Анкару на заседание Совета Балканской Антанты.

В дороге у него пошла носом кровь, и лишь с огромным трудом врачам удалось остановить ее.

Это был еще один признак его смертельной болезни.

Опасаясь, как бы известие о его тяжелом недуге не повлекло за собой нежелательные повороты в политике западных держав, он запретил вызывать к нему иностранцев, и пока его пользовали только турецкие врачи.

Но положение ухудшалось с каждым днем, и Байяр уговорил его вызвать специалиста из-за границы.

Известный французский профессор Фиссенгер прибыл в Анкару и подтвердил поставленный президенту диагноз.

Цирроз печени в Турции неслучайно называли «он проглотил монстра», и всем посвященным в страшную тайну уже было ясно, что с этим монстром не справиться даже их непобедимому Гази.

Фиссенгер был краток.

— Вы, — безапелляционно заявил он, — были командиром во многих сражениях, но теперь командовать буду я!

И Ататюрку не оставалось ничего другого, как подчиниться.

Цирроз не был оппозицией, которую можно было запугать или запретить, это была сама судьба, а с судьбой бороться было бессмысленно даже ему.

Ататюрк повел умеренный образ жизни со специальной диетой и полным отказом от алкоголя.

Теперь он уже не обманывал врачей, выкуривая намного больше, чем ему разрешалось, и, выпивая тайком стакан ракы.

Страх смерти оказался сильнее непреклонной воли делать то, что ему хотелось.

Покой и диета сыграли свою роль, весной Ататюрк почувствовал себя намного лучше.

19 мая он посетил парад в честь своего прибытия в Мерсин и почти сорок минут простоял под обжигающим солнцем.

Конечно, он устал, но, когда адъютанты попытались поддержать его, он с презрительной усмешкой на крепко сжатых губах слегка оттолкнул их.

И те не обиделись на него.

Не мог же великий и непобедимый Гази явить свою слабость в присутствии боготворившей его армии!

Немного отлежавшись, Ататюрк отправился на юг, где в преддверии выборов в Хатае было сосредоточено около трехсот тысяч турецких солдат, призванных оказывать давление на Францию.

Тряхнув стариной, он провел инспекцию находившихся в Мерсине и Адане частей.

На этот раз он не произнес ни одной речи, но одно его присутствие подействовало на французов угнетающе, и они даже не сомневались в том, что он введет свои войска в Хатай.

Затем последовали не менее утомительные поездки в близлежащие города, с утра до вечера занятые встречами, обедами и разговорами.

Только вечером неимоверно уставший за день Ататюрк мог отдохнуть.

Развалившись на диване, он часами слушал турецкие

мелодии по граммофону и время от времени что-то негромко произносил вслух.

Музыка навевала на него философские размышления.

Затем последовали еще более продолжительные парады в Тарсусе и Адане, где он принял участие в празднованиях, посвященных освобождению города от французов.

Поездка очень утомила его, но он продолжил ее и даже сумел найти в себе силы посетить археологические раскопки недалеко от Мерсина.

Оттуда вконец измученный Ататюрк отправился в Анкару, проведя ночь в тяжелом забытьи в купе, в котором стоял неповторимый запах апельсинов.

Утром ему стало совсем плохо, и у одного из встречавших его в Анкаре министров при виде с трудом выходившего из поезда президента невольно вырвалось:

— У него кожа мертвеца!

26 мая Ататюрк навсегда оставил Анкару и отправился в Стамбул.

Ему устроили торжественную встречу, и по красной ковровой дорожке он спустился к набережной, где находился его знаменитый на весь Стамбул «Эртогрул».

Из-за появившихся отеков ему было трудно стоять, и все же он, превозмогая боль, остался на палубе и долго слушал восторженные крики собравшейся на пристани огромной толпы.

По дороге в свою резиденцию во Флории он почувствовал себя настолько плохо, что его отвезли назад в Долмабахче.

Чтобы хоть как-то порадовать находившегося в угнетенном состоянии духа президента, Джеляль Байяр с одобрения правительства приобрел в Англии за полтора миллиона долларов «Саварону», великолепно оснащенную морскую яхту, построенную для какого-то американского миллионера, и от имени нации подарил ее Ататюрку.

Увидев буквально летевшую по волнам морскую красавицу, не идущую ни в какое сравнение с его начинавшим разваливаться верным «Эртогрулом», Ататюрк с грустной улыбкой заметил:

— Я ждал эту яхту, как ребенок ждет обещанную ему игрушку. Неужели она станет моей могилой?

Никто не ответил ему.

Да и не нуждался он уже ни в чьих откровениях и с грустью заметил:

— Похоже, мои дни сочтены…

Он нашел себе новое развлечение и стал ходить в небольшое

кафе, где в далекой теперь уже молодости любил пить вино и слушать музыку.

Вина он теперь, не пил, но подолгу с видимым удовольствием смотрел на танцующих молодых людей.

Наблюдая за веселой молодежью, он не мог не сравнивать ее с собой.

Да, в их годы он был другим.

Впрочем, иначе и быть не могло, ведь у него было особое предназначение, и в том, что теперь эти молодые люди могли беззаботно танцевать и смеяться, была его заслуга.

Но больше всего Ататюрк любил слушать игру на лютне.

И кто знает, какие картины видел в эти сладкие для него минуты Гази, задумчиво смотревший на игравшего.

Его полный несказанной грусти взгляд удивительно поголубевших глаз был устремлен сквозь окружавших его людей.

Вполне возможно, что он видел далекие картины своей молодости, когда он, молодой и полный сил, вот так же сидел в дешевых кафе и мечтал о будущем своей Турции…

Иногда в кафе заходили курсанты военного училища, и он рассказывал им о сражениях на Галлиполийском полуострове, Сакарье и горящем Измире.

И молодые люди, несказанно счастливые возможностью прикоснуться к живой легенде, почтительно внимали не знавшему поражений великому полководцу, овеянному славой стольких славных побед.

Но на их лицах было написано выражение не только великого почтения к прославленному воину, но и чувство глубочайшей благодарности за все, что сделал для их нации этот великий человек, заслуженно носивший свою громкую фамилию.

Все правильно!

Отец турок, и лучше не скажешь!

И если бы не его воля и энергия, они вряд ли бы стали офицерами и, вместо того чтобы учиться военному делу, работали бы на итальянских или французских помещиков.

Смотревший на них слегка затуманившимся взглядом Кемаль мог быть доволен.

Его полная лишений и без остатка отданная нации жизнь давала хорошие плоды, и в каждом из сидевших с ним за столом курсантов была частичка и его самого, которая будет жить вечно, сначала в них, а потом в их детях и внуках.

И ради этого стоило жить и бороться так, как жил и боролся он.

— То, чего мы, турки, сегодня добились, — как-то сказал он окружившим его молодым людям, — является плодом учений,

создавшихся в результате веками пережитых страданий, плодом учений, добытых ценой потоков крови, той крови, которой пропитана каждая пядь нашей дорогой родины. И это священное достояние я влагаю в ваши руки, руки турецкой молодежи…

Когда закончились аплодисменты, Кемаль улыбнулся.

Как он теперь мог видеть, брошенные им зерна упали на благодатную почву, и лучшей награды для него не могло и быть…

Помимо посещений кафе, Ататюрку нравилось плавать по Босфору и Мраморному морю на своей великолепной «Савароне».

Довольно часто он посещал и так хорошо известный ему остров, где когда-то бывал с Али Фуадом.

Сойдя с яхты, он подолгу стоял на берегу и смотрел в морскую даль.

Да, именно здесь много лет назад жгли они костры, пили дешевое вино, читали стихи и клялись родине в любви!

И он сдержал свои клятвы, достойно пронеся эту любовь через всю жизнь.

Как уже очень скоро выяснилось, в Кемале и по сей день был еще жив юношеский дух.

Он даже не подумал возвращаться в Стамбул после того, как во время очередной прогулки на море появились первые признаки шторма и дальнейшее путешествие в Зонгулдак стало опасным.

Несмотря на свои превосходные морские качества, легкая «Саварона» не была предназначена для плавания по бурному морю.

Тем не менее, Ататюрк, словно не замечая испуга находившихся на борту гостей, почти всю дорогу простоял на мостике, задумчиво глядя на игравшие до самого горизонта волны.

А когда уже не на шутку встревоженная команда собиралась рубить мачты, улыбающийся Ататюрк поставил на граммофон пластинку с зейбеком, под которую его гости отплясывали, направляясь в Зонгулдак.

Веселая музыка сделала свое дело, хотя куда больше уверенности членам экипажа и гостям придавал сам хозяин яхты, продолжавший хранить олимпийское хладнокровие.

Ататюрк полюбил в те дни не только морские прогулки, но и выходы в публичные места отдыха горожан, где его можно было часто видеть вместе с постоянно сопровождавшей его Улькю.

И надо было только видеть, как теплели его глаза, когда он смотрел на это милое создание с татарскими чертами лица и монгольскими глазами.

Еще бы, ведь эта ласковая девочка была для него

олицетворением молодости, а значит, и вечной жизни, о которой невольно думается на склоне лет.

Боялся ли он, чувствовавший себя все хуже и хуже, надвигавшейся смерти?

Наверное, боялся, как ее боится всякий нормальный человек.

— Жизнь коротка, — когда-то философствовал Кемаль. — Немного мечты, немного любви, и прощайте. Жизнь тщетна: немного ненависти, немного надежды, и конец. Люди приходят в мир, чтобы прожить предназначенный срок. Смерть — самый естественный закон природы, но вместе с тем какие грустные чувства она подчас вызывает…

Но одно дело философствовать, и совсе другое дело думать о своем скором уходе на смертном одре.

Конечно, Ататюрк мог утешать себя тем, что он исполнил свое великое предназначение, поскольку жить для него означало действовать.

— Жизнь, утверждал он, — это сражение, борьба. Добиться успеха в жизни — это значит добиться стопроцентного успеха в борьбе…

И он добился этого самого стопроцентного успеха, ибо исполнил все то, о чем мечтал…

И как тут не вспомнить о той великой жертве, какую приносят подобные ему люди, бросая свои жизни на алтари отечества.

В конце августа Ататюрк снова почувствовал себя плохо, и снова приехавший к нему Фиссенгер уже не улыбался.

Осмотрев Ататюрка, он предупредил министра внутренних дел Шюкрю Кайя, что президент может умереть в любую минуту.

Ататюрк обвинил врачей, вовремя не распознавших его болезнь, и все же он очень надеялся на выздоровление.

Тем более, что с ним все это время была его сестра Макбуле, которую его охрана называла не иначе как Бююк Байян (Великая Леди).

Была с ним и его шестилетняя Улькю, на которую он обратил всю свою так и не растраченную отцовскую любовь.

Что же касается еще одной его приемной дочери, Зехры, то, как утверждала французская полиция, она покончила с собой, бросившись под поезд.

И надо ли говорить, с какой заботой и любовью ухаживали за ним самые близкие ему люди, старавшиеся хоть как-то скрасить последние дни его жизни.

Ему было уже трудно сидеть, и для него было привезено из Лондона специальное кресло, в котором он мог полулежать в

полный рост, что давало ему возможность не только читать, но и писать.

Глава XXII

В последние дни своего пребывания на земле Ататюрк часто вспоминал свою молодость, и конечно, ему было приятно видеть приехавшего из Лондона Али Фетхи.

Что бы там ни говорили, но для любого человека именно воспоминания о его юности остаются самыми светлыми в жизни, а люди из этой самой юности — самыми желанными гостями.

Теперь, когда все обиды отступили и не надо было ничего выяснять, им было о чем поговорить и что вспомнить.

Впрочем, говорил в основном Али Фетхи, а Ататюрк только слабо улыбался, вспоминая давно позабытые лица и уже начинавшие стираться из памяти события.

Глядя на старого приятеля, Али Фетхи все больше убеждался в том, что Кемаль и на самом деле оказался великим человеком.

Да, он не был выдающимся мыслителем и не изобрел новых теорий, и его величие заключалось в другом.

Конечно, выдумать что-либо стоящее очень трудно, но куда труднее осуществить задуманное.

И пока десятки философов возводили на страницах своих книг стройные теории, его друг совершил, казалось бы, невозможное.

Он не только построил новое государство на развалинах Османской империи, но и, закалив и выпестовав его, дал ему долгую и, как он надеялся, счастливую жизнь.

И одних теорий для этого было мало, здесь требовались совсем другие качества: способная преодолеть любые преграды стальная воля, смелость, амбиции, вера в себя и, конечно, огромная любовь к той самой земле, на которой ты родился.

К счастью для них, такая любовь у Ататюрка была.

Конечно, можно было до бесконечности рассуждать о том, чего же в нем было больше, любви к родине или двигавших его по жизни амбиций.

Но… какой в этом был смысл?

Любовь и амбиции не товар, и на весы их не положишь!

И трижды прав был Гегель!

Ничто великое в этом мире без великой страсти не делается, а все остальное… уже не важно…

Когда Али Фетхи пришел к слабевшему день ото дня Ататюрку в последний раз, он собирался о многом сказать ему, но… так и не сказал…

Да и не было у него таких слов, какими он мог бы выразить с невыразимой печалью смотревшему на него приятелю все то, что

он сейчас чувствовал.

И вместо длинных и в любом случае трудных для них обоих объяснений, он сделал то, что, наверное, и должен был сделать.

Опустившись на колени перед кроватью Ататюрка, он прижался лицом к его руке и на целую минуту застыл в этой одновременно скорбной и почтительной позе.

Поцеловав некогда крепкую руку старого приятеля и с трудом сдерживая подступившие к глазам слезы, он прошептал:

— Спасибо тебе за все, Кемаль!

— Прощай, Али… — ответил ему слабым пожатием руки Ататюрк.

Али Фетхи встал и, отвесив с каким-то уже потусторонним выражением в глазах смотревшему на него приятелю низкий поклон, покинул дворец.

Светило яркое октябрьское солнце, пахло цветами и морем, и было что-то неестественное между застывшей во всем своем блеске природой и тем, что происходило сейчас в одной из комнат только что покинутого им дворца.

Али Фетхи взглянул в высокое прозрачное небо, и очень многое из того, что когда-то волновало и тревожило его, показалось мелким и ничтожным…

Другим частым гостем Ататюрка стал другой его друг юности, Али Фуад.

Усевшись рядом с кроватью, он с затаенной грустью смотрел на старого товарища.

Вполне возможно, что только сейчас, когда некогда сжигавшие их страсти улеглись и Кемалю оставалось провести на этой земле считанные дни, он начинал по-настоящему осознавать, чем Турция обязана этому так тяжело умирающему человеку.

Только теперь до него начинала доходить вся мера той огромной ответственности, способной шутя раздавить любого из них, которую взвалил на свои плечи его приятель Кемаль, много лет назад в лунную ночь на Принцевых островах поклявшийся посвятить родине всю свою жизнь.

Много воды и крови утекло с той ночи в Босфоре, прежде чем он, сдержав свою клятву, сделал то, чего до него не удавалось никому.

И вот теперь он умирал.

Но даже в эту скорбную для него минуту он думал не о себе, а о созданной им республике.

И Али Фуад не очень удивился, когда Ататюрк, устремив на него так хорошо ему знакомый взгляд светло-голубых глаз, заговорил о будущей войне.

— Если мы допустим даже самую маленькую ошибку, то можем оказаться перед катастрофой. Как дорого бы я заплатил, — с несказанной грустью в голосе воскликнул он, — дабы быть сейчас в форме и руководить государством! И если бы я сейчас оказался в Алемдаге, где мы когда-то отдыхали с тобой, я бы поправился куда быстрее…

Произнеся эту стоившую ему много как физических, так и моральных сил фразу, он опустил голову на подушку и, закрыв глаза, с минуту отдыхал.

Когда снова открыл их и с трудом сдерживавший волнение Али Фуад произнес несколько соответствующих моменту дежурных фраз, Ататюрк остановил его слабым движением руки.

— Ты напрасно стараешься успокоить меня, Али, — негромким, но достаточно твердым голосом произнес он. — Надо смотреть правде в глаза…

Заметив, что Ататюрк утомлен беседой, Али Фуад с неожиданной нежностью обнял старого товарища и, с трудом сдерживая рыдания, вышел из спальни.

Больше его к Ататюрку не пустили.

Пожелание президента не осталось неуслышанным, и в тот же день в Алемдаг отправилась целая экспедиция из самых различных специалистов.

Но ни о какой поездке Ататюрка туда не могло быть и речи, поскольку здание, где некогда останавливались султаны, оказалось сильно разрушенным и на его восстановление требовалось много времени.

Приближение смерти смягчило характер Ататюрка, и в предверие пятнадцатой годовщины республики он подписал указ об амнистии 150 противников националистов, сосланных в конце войны за Независимость.

И только членам Османской фамилии по-прежнему был запрещен въезд в страну.

Самочувствие Ататюрка становилось все хуже, его фантастическая энергия, которой, казалось, никогда не будет предела, покидала его с каждой минутой, и страдавший от лихорадки и боли Ататюрк то и дело жаловался:

— Мой живот плавает в воде! Как можно так жить?

Как-то ночью он, не выдержав страшных мучений, позвал Кылыча Али.

— Попроси мать, — чуть слышно проговорил он, — прислать мне своего снадобья…

Доставленный на яхту розовый уксус на какое-то время уменьшил нестерпимую боль.

Но это было временное облегчение, Ататюрку стало еще хуже, и врачи решили перевезти его во дворец.

С великими предосторожностями его подняли с кушетки и посадили в кресло, и в сопровождении врачей процессия медленно двинулась во дворец.

Кресло донесли до комнаты, и здесь Ататюрк нечеловеческим усилием воли сумел подняться с кресла и дойти до спальни.

Совершенно обессиленный, он в изнеможении упал на кровать и едва слышно произнес:

— Как здесь прохладно… Оставьте меня, я буду спать…

В этой кровати Ататюрк провел остаток сентября.

Слабый и усталый, он то и дело засыпал, а проснувшись, подолгу смотрел на Босфор, проходившие по нему суда и покрытые пышной зеленью холмы.

Говорить ни о чем не хотелось, да и о чем было говорить на пороге вечности?

Все, что мог, он уже сказал, и ему было чем оправдаться перед Всевышним, если бы тот призвал его на свой суд.

Понимавшие, что до этой самой вечности ему остался всего один шаг, близкие к нему люди вместе с шестью ухаживавшими за президентом врачами постоянно находились рядом с ним, и только маленькая Улькю была отвезена в Анкару.

Тем не менее, бюллетени о состоянии его здоровья были полны оптимизма и надежд на его выздоровление.

Только издатель либеральной «Тан» («Восход») Ахмет Эмин Ялман позволил себе усомниться в них, и его сомнения стоили ему закрытия на три месяца газеты.

В Стамбул вместе с двумя медицинскими светилами из Вены и Берлина снова приехал Фиссенгер, и Ататюрк с грустной улыбкой на измученном страшными болями, осунувшемся лице сравнивал их консилиумы с генеральным штабом, готовящимся к битве, ставкой, в которой была теперь его собственная жизнь.

Врачи решили выкачать набиравшуюся в желудке Ататюрка жидкость, и тот согласился на эту рискованную по тем временам операцию.

Накануне операции Ататюрк позвал своего личного секретаря и, словно забыв о его присутствии, долго смотрел на Босфор.

Потом взглянул на почтительно стоявшего в нескольких метрах от него секретаря и грустно улыбнулся.

— Мне печально об этом говорить, — негромко произнес он, — а тебе не менее печально об этом слышать, но… — голос его впервые за многие дни пережитых им страданий слегка дрогнул, — это необходимо, и мы должны составить завещание…

С трудом сдерживавший рыдания секретарь отправился за нотариусом.

Когда тот появился в комнате, Ататюрк протянул ему большой конверт со своей последней волей.

Даже в эту минуту он казался совершенно спокойным, и только в его потемневших от с трудом сдерживаемых чувств глазах на какие-то доли секунды промелькнуло выражение, которое было невозможно выразить словами.

Согласно своей последней воле, он оставлял все свое имущество Народной партии.

Выделил он средства на содержание Макбуле и своих приемных дочерей и завещал достаточно крупные суммы Исмету и Историческому и Языковому обществам.

Почему он, помнивший до самой последней минуты о своем верном спутнике, так и не позвал его в свои последние дни к себе?

Ответить на этот вопрос не сможет уже никто.

Примечательно и то, что именно в это время министр иностранных дел Тевфик Рюштю Арас предложил Исмету место посла в Вашингтоне, от которого тот решительно отказался.

Уже очень скоро он мог стать главою государства, и такие второстепенные должности его не прельщали.

Да и сам Ататюрк, так, кстати, и не назвавший своего преемника, даже не сомневался в том, что новым президентом Турции станет либо Исмет, либо выдвигаемый его окружением маршал Февзи Чакмак.

Правда, предпочтение он отдавал все же Февзи, поскольку известный своей жестокостью Исмет Иненю не пользовался особой любовью в стране.

Однако факт оставался фактом: Ататюрк так и не назвал имени человека, которого хотел бы видеть на своем месте.

На что он надеялся?

На то, что парламент сделает это сам?

Что он выживет?

А, может, ему не хотелось, назначая Исмета, расписываться в собственной ошибке, сместив его с поста премьер-министра?

Но что значили теперь все эти ошибки

Для человека, которому оставлось жить всего несколько дней?

Но все это только догадки, и об истинных причинах столь упорного молчания Ататюрка теперь уже не узнает никто.

13 октября операция была сделана, за считанные минуты из Ататюрка вышло около десяти литров воды, и он грустно

заметил:

— И как только можно жить с таким количеством воды в животе?

Он сразу же почувствовал огромное облегчение и, широко улыбаясь, прошептал:

— Я вновь начинаю жить, какое блаженство!

Но это блаженство длилось недолго, через три дня он впал в кому, и исполнявший обязанности вице-президента Абдулхалик Ренда вызвал кабинет министров в Стамбул.

Исмета не пригласили.

22 октября Ататюрк пришел в себя.

— Что со мною? — спросил он сидевшую рядом с кроватью сестру. — Я чувствую что-то странное…

— Ничего особенного, — успокоила его та, — просто вы дольше обычного спали…

К великому удивлению врачей, с каждым днем больной чувствовал себя все лучше и даже завел разговор о приближавшемся празднике в столице, на который он собирался ехать.

— Я обязательно поеду в Анкару, — заявил он врачам, — и, если суждено, пусть это случится там…

Как говорили близкие к президенту люди, сам профессор Фиссенгер, изумленный жаждой жизни своего титулованного пациента, был не против.

Поэтому случаю в Анкаре начали делать специальный лифт, с помощью которого Ататюрк должен был подняться на трибуну.

Но улучшение оказалось недолгим, и Ататюрк снова почувствовал себя плохо.

Однако даже сейчас, когда о поездке надо было забыть, он не собирался сдаваться и принялся за подготовку речи, которую от его имени должен был зачитать премьер-министр.

29 октября в Стамбуле стояла прекрасная погода, и огромный город отмечал пятнадцатую годовщину провозглашения республики.

И только тот, кому нация была обязана этим праздником, неподвижно лежал в своей постели, с грустью глядя в широкое окно, за которым так весело светило солнце и благоухали осенние цветы.

О чем он думал, о чем вспоминал в этот великий для него день?

Но когда он, утомленный воспоминаниями, закрыл глаза, то увидел мать, ведущую его в медресе.

Он слабо улыбнулся.

Не тогда ли в нем начался пока еще неосознанный бунт против старого уклада и стремление к лучшей жизни.

С этой улыбкой на лице он забылся.

Но уже через полчаса его разбудили громкие голоса: это многочисленные кадеты из военной школы Кулели подплыли на лодках и яхтах к Долмабахче и, остановившись перед дворцом, выкрикивали слова благодарности своему президенту.

— Мы хотим видеть Ататюрка! — громко скандировали молодые люди.

И можно только догадываться о том, какие чувства испытывал в эти минуты так и не сумевший подняться с кровати Ататюрк.

С повлажневшими глазами слушал он доносившиеся с Босфора крики, и в его груди поднималось чувство великой гордости за то, что он сумел сделать.

Крики становились все громче, и не выдержавший этой пытки Кылыч Али подошел к окну и сделал кадетам знак не тревожить взволнованного президента.

Что мог бы сказать Ататюрк всем этим молодым людям, которых он видел в последний раз в жизни?

Наверное, то, что он уже сказал однажды:

— Турецкая молодежь! Твоей первой обязанностью является всегда охранять и защищать национальную независимость, Турецкую республику. Это единственная основа твоего существования и твоей будущности. Это является самым дорогим для тебя сокровищем. И в будущем как внутри страны, так и за границей будут существовать недоброжелатели, которые будут стремиться лишить тебя этого сокровища. Ты когда-нибудь будешь вынуждена защищать независимость и республику и, для того, чтобы исполнить свой долг, ты должна учитывать те условия, в которых ты можешь очутиться. Может случиться, что нация впадет в крайний недостаток, в полную нужду; что она очутится в состоянии распада и полного истощения. Даже при таких условиях и при таких обстоятельствах, дитя Турции будущих столетий, твоя обязанность спасти независимость, Турецкую республику. Силы, которые для этого нужны, имеются в тебе, они в той благородной крови, которая течет в твоих жилах. Когда я оставлю этот мир молодежи, живущим после меня, мои последние слова таковы: Турецкому народу, турецкому обществу, тюркизму я не мог полностью отдать свой долг. Вы выполните его. Кто придет после вас, вы тоже повторите им мои слова…

Но не сказал.

Не было сил.

Да и что значили слова, если он всей своей жизнью доказал,

на что способен человек, больше всего на свете любящий свою родину…

8 ноября Ататюрк снова впал в кому, и его последними словами стало традиционное «Aleykuselam» («Мир вам»).

В полдень следующего дня всем стало понятно, что великому турку недолго осталось пребывать на этой грешной земле.

Неотрывно смотревший на кровать, где прощался с жизнью главный солдат республики, его секретарь Хасан Риза Сойяк негромко сказал Кылычу Али:

— Смотри, как уходит целая эпоха…

В 9 часов утра 10 ноября Ататюрк в последний раз открыл ставшие удивительно голубыми в последние мгновения его жизни глаза и обвел долгим прощальным взглядом стоявших около его кровати людей.

Он хотел что-то сказать, но так и не смог.

Его голова бессильно опрокинулась на подушку, и он снова закрыл глаза.

На этот раз навсегда.

Ровно в 9 часов 5 минут маршал Гази Мустафа Кемаль-паша Ататюрк умер, и Кылыч Али остановил часы.

Они и по сей день стоят в той самой комнате, где встретил свою смерть никем, кроме нее, не побежденный первый солдат республики.

Впрочем, по большому счету он победил и ее, воплотившись в тысячи дел и миллионы турок, и по сей день помнящих и почитающих человека, которому нация была обязана многим.

Много лет назад на борту уносившей их в Самсун «Бандырмы» Кемаль сказал сопровождавшим его Арифу и Рефету:

— То, что нам предстоит сделать, больше чем революция. Революции меняют те государства, которые существуют. Турции пока еще нет, но она обязательно будет и займет свое достойное место в мире…

И только что навеки успокоившийся человек сдержал данное им слово.

Затем случилось непредвиденное, и с трудом сдерживавший рыдания Салих Бозок выстрелил себе в сердце.

В самый последний момент его рука дрогнула, и он остался жив, что дало повод работавшей в секретариате президента Халдун Дерин горько заметить:

— Никто из «привычных джентльменов» не отважился на харакири!

Сразу же после смерти Ататюрка национальный флаг над

дворцом был приспущен, и скорбная весть разнеслась по всему миру.

И не было в те дни в Турции никого, кто остался бы равнодушным к уходу человека, отдавшего нации все свое полное любви к ней сердце.

Как, наверное, не было и ни одного иностранца, не сочувствовавшего неутешному горю всей Турции.

Печаль царила повсюду: в школах, в семьях, на фабриках и в редакциях газет.

Девочки вплетали в волосы ленты и банты, женщины останавливались около многочисленных портретов Ататюрка, покрытых черным крепом, выставленных в витринах магазинов, и не скрывали своих слез.

Огромный город застыл в каком-то оцепенении.

На всех зданиях были вывешены траурные флаги.

Кафе, бары, рестораны, театры, казино — все увеселительные заведения были закрыты. Были убраны все афиши и притушены все огни.

Огромный город скорбел…

И было о ком.

Ведь из жизни ушел человек, которому нация была обязана своим существованием.

«Еще до окончания войны, — пишет ведущий российский специалист по истории Османской империи, известный тюрколог М. С. Мейер, — державы Антанты подготовили план раздела Османской империи.

Их осуществление привело бы к ликвидации Турции как отдельного государства».

Да, и Али Фуад, и Карабекир имели влияние в Анатолии и были готовы бороться с интервентами.

Но в то же самое время они были верными слугами султана и даже не помышляли о смене политического строя.

Победа над интервентами и их изгнание из страны, — такова была их программа-максимум.

Смогли бы они победить?

Наверное, смогли бы, поскольку нация была за них.

Что дальше?

А дальше все, как прежде: султан и шариат.

Дальше?

Дальше надо было строить экономику, создавать современную систему образование и развивать культуру.

Смогли бы они сделать это со старой политической системой?

Вряд ли.

Результат?

Надо полагать, полностью зависящее от Запада теократическое государство.

Значит, снова реформы.

И так до бесконечности, поскольку в отличие от Сирии и Ирака, у Турции не было черного золота, с помощью которого можно было быстро стать процветающей страной.

Стали бы при них турки той самой нацией, какой они стали при Ататюрке?

Маловероятно.

Но, к счастью для Турции, Ататюрк был.

И, как мы видели, именно он сделал все для того, чтобы Турция стала независимой.

Он еще в детстве говорило своем «особом предназначении».

Вполне возможно, что оно и заключалось именно в том, чтобы спасти Турцию в самый критический момент ее истории и дать ей путевку в новую жизнь.

Жертвуя, запрещая и, когда надо, убивая.

И Ататюрк сделал это.

Да, сегодняшняя Турция отличается от Турции Ататюрка.

Но так и должно быть, поскольку история страны на Ататюрке не кончилась, и то, что происходит в нынешней Турции, происходит в совершенно в других исторических условиях.

Да, этатизм и ламаизм устарели, да имеет место исламизация и возрождение имперских амбиций.

Станет ли со временем Турция энверовской?

Сейчас не скажет никто.

Но то, что она будет представлять собой нечто среднее из идей кемализма и энверизма, несомненно.

Другого пути у нее просто нет.

И в том-то и заключается величие Кемаля, что именно он создал современную Турцию, ставшую одним из самых мощных современных государств на Ближнем и Среднем Востоке.

И по устермленности и энергичности его можно сравнить с Мехемедом Фатихом, завоевателем Константинополя.

Великий султан никогда не впадал в отчаянье, даже поражения умел превращать в победы, не терял впустую ни единого дня, ни единой минуты, и когда оставался без власти, заботился о собственных знаниях.

Когда он готовился к величайшему деянию своей жизни — взятию Константинополя, — то сам носил камни для сооружения крепости Румелихисар и сам тесал доски для кораблей, которым предстояло пройти по суше к столице императоров, наполнив

сердца греков мистическим ужасом.

И к нему, как ни к кому другому подходят слова Пророка:

«Господин над народом — это тот, кто служит ему».

Впрочем, о заслугах Кемаля в полный голос заговорили еще при его жизни.

«Воскрешение Турции до сегодняшнего дня, — писал в середине тридцатых годов журналист Жентизон, — заслуга только одного человека.

Будущее республики, находящейся пока еще в младенческом возрасте, зависит одновременно от сохранения мира, улучшения экономической ситуации и вовлечения широких масс в реформы — нравственные и психологические».

И большинтсво экспертов по самым различным отраслям разделяли его мнение.

Заголовки многочисленных книг и статей, посвященных гази и новой Турции, выражали восхищение перед масштабом реформ, осуществленных за столь короткий срок.

«Рождение новой нации», «Пробуждение расы», «Восток на марше», «Обновление Турции», «Турецкое чудо», «Воскресшая Турция», «Ренессанс Турции»….

Именно так авторы того времени оценивали достижение Ататюрка.

В СССР была опубликована «История кемализма» и с некоторыми сокращениями с французского в 1929 году переведена «Нутук» под заголовком «Мустафа Кемаль, путь новой Турции».

В том же году «Нутук» была переведена на французский и английский языки.

Кемаль вызывал восхищение в мусульманском мире — от Северной Африки до Японии.

— Я так много работал, — говорил он, — что не мог в продолжении пяти лет жить в одном и том же месте, и, как мне кажется, благодаря этой работе я приобрел себе симпатии и любовь моего народа, может быть всего мусульманского мира…

И он приобрел ее.

Такие лидеры национального движения, как Мессали Хадж и Ферхад Аббас в Алжире, Хабиб Бургиба в Тунисе, Гамаль Абдель Насер в Египте, Сукарно в Индонезии, и многие другие революционеры-националисты и сторонники превращения своих стран в светские государства были вдохновлены его примером.

«Кемаль Ататюрк был идеализирован во всем мусульманском мире, — писал Садат в своих „Мемуарах“, — так как его имя стало символом лидера, стремящегося освободить и реконструировать свою страну»,

Понятно, что его прозападные и светские реформы несколько ограничивали ряды его мусульманских поклонников.

Тем не менее, опрос, проведенный египетским журналом в 1927 году, поставил Кемаля в первый ряд «самых выдающихся из ныне живущих патриотов в мире».

Огромная заслуга политики Ататюрка состояла в том, что жизнь в Турции нормализовалась и достигла определенного равновесия.

В конце двадцатых годов у Кемаля уже были последователи — король Афганистана, шах Ирана, Муссолини и Адольф Гитлер.

Примечательна оценка, данная Ататюрку Гитлером, который считал его «яркой звездой» в «тёмные дни 20-х годов», когда Гитлер пытался создать свою национал-социалистическую партию.

По его словам, Ататюрк внес в создание нового турецкого государства огромный вклад и «будет жить во всех поколениях Турции».

«Ататюрк, писал он в 1938 году, — был первым, кто показал возможность мобилизации и восстановления ресурсов, потерянных страной.

В этом отношении он был учителем. Муссолини был первым, а я его вторым учеником»

После смерти Ататюрка, Гитлер выразил соболезнование, прислав его на имя председателя Великого национального собрания Турции, Абдюлхалика Ренды.

«Ваше превосходительство председатель, — говорилось в нем, — всему турецкому народу лично от меня и от имени немецкого народа выражаю глубокое соболезнование в связи кончиной Ататюрка.

Вместе с ним мы потеряли великого воина, прекрасного государственного деятеля и историческую личность».

Это было дейстсвительно так, и за годы существования республики Турция заметно изменилась.

В Стамбуле христиане и мусульмане больше не сражались за Святую Софию: Ататюрк превратил ее в музей.

Как заметил с некоторой грустью один из французских дипломатов, «дервиши Жерара Нерваля, женщины, укрытые чадрой, позолоченные каики на Босфоре остались теперь только в воспоминаниях, словно привлекательные литературные фантомы, и отныне необходимы были значительные усилия, чтобы вообразить их, даже на фоне всегда живописного Стамбула».

Затем автор добавляет: «А вместо них благодаря целеустремленности одного человека, сумевшего увлечь свой народ, родился новый человек…»

Чтобы убедиться в этом, следовало отправиться в Анатолию.

Покрытая сетью железных дорог, имеющая заводы, фабрики, школы, Анатолия возрождалась.

В окрестностях Анкары безжизненная, бескрайняя степь уступила место плодородным полям и фруктовым садам.

От восстановленного Измира и Аданы, центра хлопчатобумажной промышленности, до Сиваса, ставшего важным железнодорожным узлом, города живут в ритме политики Кемаля.

Да, в те времена по мере удаления от центра Анатолии электрическое освещение и машины встречались все реже.

Но ничего драматического в этом не было.

Республика всё еще переживала период становления.

— Изменения, — говорил по этому поводу сам Кемаль, — которые произошли в Турции, затрагивают не форму, а национальное сознание. Приобрели все свое значение принципы, ранее не использовавшиеся и даже не сформулированные. Был принят главный принцип: не считается человеком тот, кто не трудится, право основывается на труде. Оценить и признать эти характерные черты новой Турции — значит по-настоящему желать счастливого и независимого существования турецкому народу…

Вполне возможно, что именно этот сдвиг в сознании и был самым великим завоеванием Ататюрка.

«А вместо них („дервиши Жерара Нерваля и женщин, укрытых чадрой“), — еще раз процитируем французского дипломата, — благодаря целеустремленности одного человека, сумевшего увлечь свой народ, родился новый человек…»

Сложно изобрести новую машину, но намного сложней привить людям психологию победителей и не на словах, а на самом деле заставить их поверить в то, что называться турком, действительно, счастье.

Ататюрк сделал это и, возможно, сам того не ведая, лишний раз доказал правоту Конфуция, утверждавшего то, что на первом месте в Истории стоит Человек, а не бездушные машины.

И вот теперь его оплакивала вся возрожденная им страна, оплакивала так, как опалкивают дети, потерявшие любимого ими Отца.

Отца, строгого и требовательного, но любящего и заботливого…

Глава XXIII

А это было на самом деле так.

Ататюрка можно упрекнуть во многих грехах, но никто не может бросить в него камень, обвинив его в том, что он не любил свою страну и свой народ.

«Пусть 90 % русского народа умрет, но 10 % доживет до мировой революции».

«Русский человек плохой работник по сравнению с передовыми нациями».

«Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? Что же! Вечная память тебе!»

«Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока.

Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн».

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

«А на Россию мне наплевать…»

Самое страшное не столько в самих этих словах, сколько в том, что они принадлежат первым руководителям советской России.

А вот читая высказывания Ататюрка о турецкой нации и турках, мы не найдем у него о них ни одного плохого слова.

— Турецкая нация, — говорил Кемаль, — придет к солнцу, и никакая сила не сможет помешать сделать это. Все мы глубоко уверены, что наша турецкая нация обязательно будет богатой, благоденствующей и счастливой. У нашего государства, у нашей страны есть все необходимое для этого. Какое это счастье, называть себя турком…

Нельзя не сказать и о той самой «одной, но пламенной страсти», которая с младых ногтей жгла душу молодого Кемаля.

Сделать свою страну свободной.

Тысячи людей видели, как унижают турок в их родной стране, и только Ататюрк воспринимал это как личное оскорбление.

А ничто великое, по словам того же Гегеля, не делается без страсти.

Без великой страсти, добавили бы мы.

Мы уже писали в предисловии, что великие люди, как правило, рождаются именно тогда, когда им это и предписано Историей.

Не составил исключения в этом ряду и Ататюрк.

«Путь родившегося в провинции, — пишет А. Жевахов в своей книге об Ататюрке, — в семье мелкого чиновника, молодого честолюбивого офицера в высший командный состав султанской армии оказался возможным благодаря личной храбрости, целеустремленности, владению искусством политической интриги и таланту лидера, способного сплотить единомышленников, противостоять оппозиции и возглавить национальное движение.

Можно сказать, что появление подобной личности в истории Турции было обусловлено мировыми процессами начала XX века».

И, наверное, он был прав.

Ведь если верить Ветхому завету и тому, что Бог говорил пророку Иремии, то он метил особоодаренных еще в чреве.

Да, великими не рождаются, ими становятся с помощью благоприятных обстоятельств или даже случая.

Большую роль играет и та самая «божья искра», которую вдохнул в него Создатель.

Смею вас уверить, что одно дело, когда в эти обстоятельства попадает талантливый человек, и совсем другое, когда в них оказывается простой смертный.

Под Тулоном было огромное количество людей, но только один Наполеон понял, как надо завоевать осажденный город.

Миллионы людей видели, как падают яблоки, но только Ньютон вывел из этого закон.

Я уже не говорю о ванной, в которую сел Архимед.

И в то время, когда командующий армией генерал Карто полагался на революционный порыв, капитан Буонапарте просчитывал варианты взятия Тулона.

Можно по-разному относиться к Провидению.

Но давайте вспомним, сколько раз Ататюрк находился на волосок от гибели.

И… ничего!

По большому счету он должен был погибнуть уже на Дарданеллах, но и там пуля умудрилась попасть в висевшие у него на груди часы.

Ведь в аду Дарданелльской операции погибало девять из десяти его солдат, а сам Кемаль был не из тех командиров, которые прятались за спины своих подчиненных.

А «Единение и прогресс»?

Не отправься он тогда в Сирию, и, кто знает, не пришлось бы ему бежать вместе с другими лидерами комитета в Берлин.

Да и с Энвером ему, несмотря на все разногласия, по большому счету повезло.

Любой другой на его месте убрал бы Кемаля раз и навсегда.

Но Энвер словно берег его для уготованной ему высокой участи.

И что такое «осособое предназначение», о котором говорил на заре своей туманной юности Ататюрк, если не применение его в нужное время и в нужном месте?

Под нужным временем я подразумеваю благоприятные исторические условия.

И сберег.

А ведь по амибициям и честолюбию Энвер вполне мог бы поспорить с самим Кемалем.

Да и положение, которое, как известно, обязывает.

С одной стороны — военный министр, главнокомандующий турецкими вооруженными силами, зять султана и генералиссимус, а с другой — какой-то возомнивший о себе подполковник.

Вы можете представить себе, чтобы сделал бы Г. К. Жуков с таким вольнодумцем?

О лучшем друге всех военных я даже не говорю.

Да что там Энвер!

Тот же Карабекир мог арестовать Кемаля и получить за это благодарность от столь любимого им султана.

Того самого Кемаля, который через семь лет под страхом смертной казни выгонит его из той самой страны, для независимости которой он так много сделал.

Конечно, можно все списать на случай.

Только слишком много таких случаев было в жизни Кемаля, чтобы не увидеть за ними закономерность.

Конечно, у Ататюрка всегда было много критиков.

Хватает их и сейчас.

И чего стоит только название статьи современного автора: «Современная Турция — тайное сионистское государство, контролируемое дёнме».

«Интеллектуальное наследие нации, — пишет другой, пожелавший остаться неизвестным автор на одном из сайтов Интернета, — накопленное веками, оказывается никому (кроме узких специалистов) не нужным хламом, пылящимся в музеях и архивах Турецкой республики.

Очень часто „адвокаты“ Кемаля говорят, что у него не было выбора, ведь не проведи он реформ, то и Турции бы не было, время было такое, халифат устарел, нужно было заимствовать образ жизни Запада иначе не выжить.

Что тут можно сказать, даже во время не менее радикальных преобразований в шахском Иране, реформаторы не покусились на персидский язык, его не кастрировали, как турки османский и не перевели на „международные буквы“, несмотря на начинания персидского реформатора армянского происхождения Малькомхана в конце 19 века.

В Великобритании королева и в наши дни без всяких отсылок к цивилизованности и прогрессу не только лидер государства, но и „глава англиканской церкви, защитница веры“.

Халифат, пусть и в усеченном виде с карикатурным Абдульмеджидом II во главе, вполне можно было сохранить, никто не требовал от турок уничтожать свою религию и культуру.

Они это сделали сами, без происков „проклятого Запада“ и пресловутых масонов.

Безусловно, культурную гегемонию последних никто не отменял, собственно об этом и настоящая статья.

Османский халифат проиграл битву за умы мусульман, вот в чем вся наша трагедия.

Поэтому для нас не должен стоять вопрос кем на самом деле был Ататюрк!

Очевидно, что мусульманин не смог бы сделать того, что сотворил Кемаль и его сообщники.

Гордиться реформами Ататюрка и превозносить его „достижения“ может только манкурт, т. е. человек, утративший историческую память, духовные ценности и порвавший связь со своим народом.

Впрочем, сам Ататюрк и пытался создать такую нацию, полностью утратившую связь со своим прошлым, со своими корнями и своей религией.

Он как то изрек:

— Чтобы построить новое государство, о деяниях прежнего нужно забыть…

Таким образом, для нас его биография интересна, прежде всего, как ключ к пониманию современной нам Турции. Впрочем, о ней самой и ее роли в судьбе мусульман Северной Евразии мы еще поговорим».

Прочитали?

А теперь давайте по пунктам.

«Интеллектуальное наследие нации…»

Автор, видимо, не знает, что никакой турецкой нации в

общепринятом понимании этого слова до Ататюрка не было, а само слово «турок» считалось ругательным.

Основная масса османской финансово-торговой элиты состояла из армян, греков и евреев.

Влиятельных представителей турецкой национальной буржуазии, тогда торговой, можно было пересчитать по пальцам.

Это были единицы среди стамбульских, измирских и аданских торговцев с греческими, армянскими, еврейскими, левантийскими именами.

То же самое касается и администартивного аппарата.

Что же касается интеллектуального наследия, о котором так сожалеет автор, то он прав: в стране, где умело читать и писать всего четыре процента, оно, действительно, было никому не нужно.

О халифате мы уже так много говорили, что повторяться не имеет смысла.

Хочется только спросить: а где он сейчас, этот самый халифат?

Язык?

Проводить параллель персидского языка с османским и турецким может только человек очень далекий от Востока.

Если бы это было не так, то он бы знал, что в Персии и крестьянин, и сановник говорили на языке Омара Хаяма, в то время как в Турции между ними существовала пропасть, и создание общего турецкого языка способствовало сплочению нации.

Судя по всему, автор статьи никогда не учил арабский язык.

И если бы это было не так, он бы прекрасно знал, что учить и учиться вязи намного труднее, нежели латинским буквам.

Даже если это касается грамотных людей.

Учить же арабской вязи людей совершенно неграмотных дело трудоемкое и дилтельное.

Что же касается «главы англиканской церкви и защитницы веры», то автору хорошо бы вспомнить, как Генрих VIII в один прекрасный день заявил своей старой и не такой уж доброй Англии, что отныне он ее церковный Папа.

Потому, что не хотил платить Риму.

Более того, в 1532 году английским епископам было предъявлено обвинение в измене по ранее «мертвой» статье — обращению для суда не к королю, а к чужеземному властителю, то есть Папе.

Как мы уже писали, Ататюрк сам говорил о том, что он борется с использованием религии в политике и что придет время, когда религия займет свое достойное место в обществе.

Что сейчас и происходит в Турции.

Сохранить халифат?

Уже не интересно.

Что же касается исторической памяти, то как раз Ататюрк заговорил о том, что турки являются древнейшей нацией на земле, а их язык первым языком, на котором заговорил человек.

И все это было сделано как для сплочения нации, так и для ее возвеличивания, посольку именно Ататюрк сказал:

— Какое счастье быть турком!

Что же касается нового государства, которое должно забыть о деяниях прежнего…

Автору давно пора бы знать, что это выражение принадлежит не Ататюрку, а Маккиавели.

И речь здесь идет не об истории и культуре, а о строительстве нового государства, которым было уже нельзя управлять по-старому и строить его старыми методами.

Помните про две головы на одном теле?

Что же касается современной Турции, о которой нам обещал поведать автор статьи, то, как мы уже говорили, с ней считаются все, начиная от Америки и заканчивая Россией.

А это дорогого стоит…

Считались бы с ней, если бы не было Ататюрка?

И что вообще было бы без него?

Надо полагать, что было бы теократическое государство гораздо меньших размеров, которое сразу бы попало под власть иностранного капитала.

Поскольку что так и не сумевшие решить Восточный вопрос в том объеме, в каком они планировали это сделать, Анлия, Франция, Италия и Америка постарались бы надеть на Турцию новое ярмо капитуляций и прочих привилегий.

А если вспомнить, что после прихода к власти Гитлера возродилась Германия, перед которой преклонялся Энвер и многие видные младотурки, то выводы оказались бы еще печальнее.

Конечно, можно было бы не отвечать не знающему истории Востока автору.

Но все дело в том, что так полагают довольно многие.

Именно поэтому мы и позволили себе весьма мягкие замечания.

Конечно, Ататюрк не был безгрешным.

И, как и любой правитель, не очень бы ошибся, если бы повторил слова пророка Даниила:

— Согрешили мы, поступали беззаконно, действовали

нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих и от постановлений Твоих…

Но при этом он имел полное право добавить от себя:

— И грешили мы, и поступали беззаконно не потому, что хотели, а потому, что нельзя строить новое общество и при этом не пролить ни единой слезинки. Поскольку, строя новое, мы разрушали старое…

И Ататюрк разрушал его всеми доступными, а когда надо, и недоступными способами.

Да, он был против ислама в политике, но когда ему было надо, он обращался и к исламу, и панисламизму, и пантюркизму.

Да, его отношение к национальным меньшинствам было жестоким.

Но очень бы интересно увидеть, как повели бы на его месте другие правители.

К великому сожалению, никогда национальные и территориальные проблемы не решались за столом переговоров, и чаще всего их решение окрашивалось в кровавый цвет.

Как это ни трагично, но рано или поздно современной Турции предстоит решать курдский вопрос.

И здесь надо напомнить вот о чем.

Любой конфликт, как правило, является упреком Истории, которая по сей день так и не решила свои задачи в том, или ином регионе.

Что же касается курдского вопроса, то он затрагивает практически весь Ближний и Средний Восток, а значит, и интересы всех ведущих держав мира.

И если он будет решаться традиционным способом, то спор Израиля и арабов за Голанские высоты покажется детской игрой.

Да, Ататюрк сначала обманывал тех же курдов, а когда они пытались предъявить свои права жестоко расправлялся с ними.

Но разве большевики не могли не понимать того, что бросают Турецкую Армению на растерзание турок, требуя вывода из нее русских войск, согласно «похабному» Брестскому миру?

И, тем не менее, утверждавший, что нравственно все то, что идет на пользу революции Ленин почти восемь десятков лет являлся иконой в СССР.

Остается только добавить, что ей на пользу шли грабежи банков, уничтожение дворян, интеллигенции, офицерства, крестьян, духовенства, казачества и всех недовольных и глумление над религией.

Именно поэтому и становились бывшие одесские криминальные авторитеты, вроде Нафталия Френкеля, комиссарами госбезопасности второго ранга и творцами Гулага.

И хотим мы того или нет, но и по сей день в политике многих государств, и в первую очередь, США царит провзглашенный много лет назад Макиавелли принцип «цель оправдывает средства».

У той «самой демократичной страны в мире», которая начала свое существование с уничтожения коренного населения.

У той самой «честной» Америки, у которой хватило лицемерия назвать Вторую мировую войну «хорошей войной».

Конечно, у Ататюрка было много ошибок и просчетов, но, если мы вспомним, в какой ситуации ему приходилось строить новое государство, то вспомним и народную мудрость: не ошибается тот, кто ничего не делает.

И куда удивительней было бы то, что не имевшие никакого опыта государственного строительства и управления люди с первого дня стали бы проявлять чудеса изобретательности.

Да и что мог понимать в экономике бывший генерал Исмет?

Чего Ататюрк, надо отдать ему должное, никогда и не скрывал.

— Все это время, — говорил он после того как стал президентом, — мы боремся с ошибками…

Это так, и чем грандиознее стояли перед тем или иным творцом задачи, добавили бы мы, тем грандиознее были и ошибки, совершенные им.

Другое дело, что ошибка ошибке рознь.

И одно дело взять неудачный кредит, и совсем другое уничтожить (а это уже не ошибка, а преступление) кулачество как класс, совершенно забывая о том, что не было никаких кулаков, а были крестьяне, которые хотели и умели работать.

Как верно и то, что рано или поздно ошибки забудутся, поскольку это были ошибки роста, а то, что на самом деле было великим, останется навсегда.

И не случайно сам Ататюрк говорил:

— Будет ошибкой считать, что движение и прогресс остановятся с твоим уходом…

Что же касается пагубных пристрастий Ататюрка…

Да, замечали, сколько он выпил чашек кофе, сколько выкурил сигарет и сколько позволил себе выпить вина.

А вот подсчитал кто-нибудь, сколько нервной энергии потратил он, живя в постоянном напряжении?

Взвесил хоть кто-нибудь, чего стоили ему Сирия, Дарданеллы и Сакарья?

А скольких переживаний стоили его битвы за республику?

Кто-нибудь задавался вопросом, скольких бессонных ночей стоила ему не заладившая семейная жизнь?

Трагедия с Фикрие тоже не добавила ему здоровья.

Потому и злоупотребялл, чтобы расслабиться.

И чтобы там ни говорили моралисты, ничто так не снимает напряжение как вино.

Конечно, вредно.

Вино — наркотик, и к нему привыкают.

Но давно известно и то, что те, кому много дано, много и отдают.

Нервов, здоровья, а нередко и жизнь.

Ведь главное заключается не в том, что сделал тот или иной правитель при жизни, а как соотносится сделанное им с будущим.

— Чтобы быть в жизни довольным и счастливым, — говорил по этому поводу Ататюрк, — каждый должен работать не для себя, а для тех, кто придет после него. Всякий благоразумный человек только так и может поступать…

Конечно, Турции еще есть куда стремиться.

Но это забота уже ее новых правителей, которым не надо думать о выживании страны.

И во многом от того, какими будут эти правители, зависит и будущее Турции.

«У будущего, — писал В. Гюго, — есть несколько имен. Для слабого человека имя будущего — невозможность. Для малодушного — неизвестность. Для глубокомысленного и доблестного — идеал.

Потребность безотлагательна, задача велика, время пришло.

Вперед, к победе!»

Главное, верить в него так, как верил Ататюрк, начиная свое строительство практически с нуля.

— Но, — скажут слабые и малодушные, — идеал недостижим!

Да, недостижим, поэтому он и идеал!

Его нельзя достигнуть, к нему можно только приблизиться.

Но… побеждает только тот, кто ставит перед собой высокие, подчас невыполнимые цели.

Не дорогая вилла и бриллианты, а сила духа делает человека непобедимым и бесстрашным.

А бесстрашие, по образному выражению Василия Александровича Сухомлинского, есть, «глаза человеческого благородства».

Бесстрашный человек видит добро и зло не только глазами, но и сердцем, и именно поэтому он не может равнодушно пройти

мимо беды, горя и унижения человеческого достоинства.

Так, как не мог проходить мимо них совсем еще юный Кемаль, который в бессильной злобе сжимал кулаки, когда видел, как унижают турок в их собственном доме.

Именно тогда он поклялся, что сделает все возможное и невозможное, чтобы слово «турок» означало не ругательство, а принадлежность к свободной и сильной нации.

И он сделал это…

Глава XIV

Как это и всегда бывает с великими людьми, сразу ж после смерти Ататюрка появились слухи о том, что он был убит.

Да, вся страна знала о его чрезмерном употреблении спиртного, которое, по официальным данным, и стало причиной смерти турецкого лидера.

Да, врачи поставили диагноз цирроз печени.

Все это так!

Но почему не были обнародованы данные о вскрытии тела?

Это породило невероятное количество слухов, многие из которых популярны до сих пор.

Ряд историков утверждает, что Ататюрк был убит, что его могли уничтожить силы, которые не хотели подъема Турции, в частности члены еврейско-масонской ложи, имевшие в те годы довольно большую силу в Турции, к которой, по мнению историков, принадлежал и сам Кемаль.

Дело в том, что заговоры против вождя были и при его жизни.

Многие его соратники выступали против единоличного правления Ататюрка.

В конце 1926 года в Стамбуле прошли показательные судебные процессы над его сподвижниками, которые планировали его физическое устранение.

Поговаивали, что в убийстве была замешана американская кинозвезда Заза Габор, известная не столько ролями, сколько многочисленными замужествами и романами.

Ее называли «самой дорогой куртизанкой со времен мадам де Помпадур».

В тридцатые годы в ранней юности Заза Габор вышла замуж за турецкого дипломата и переехала в Турцию.

Она тайно встречалась с Ататюрком, имела с ним близкие отношения, а после его кончины неожиданно тайно выехала в Америку.

Турецкий исследователь Али Кузу, автор книги «Кто убил Ататюрка?», полагает, что турецкого лидера могли отравить сильнодействующим мочегонным средством, которое содержит ртуть и крайне опасно при длительном применении.

«Когда, — пишет он, — Ататюрка приезжали лечить специалисты из Франции, его здоровье улучшалось, а когда заботу о нем снова брали на себя турецкие врачи, состояние его здоровья снова ухудшалось».

«У меня, — заявил накануне очередной годовщины смерти Ататюрка известный историограф, коллекционер Мухамед Юкче в

интервью турецкому ТВ, — есть фотографии одного из врачей, проведшего вскрытие тела Ататюрка.

На снимке видно его лежащее на фольге тело со вскрытой брюшной полостью.

Вскрытие тела вождя производили через два дня после его смерти турецкие врачи Акыл Мухтар, Мехмед Камиль и Сурея Хедо.

Доктора заявили, что не посмели даже взять образец крови вождя.

Однако во всем мире уже проводили аутопсию.

Что там происходило, никто не знает.

Та часть документов, где описывается вскрытие, отсутствует».

После смерти тело Ататюрка было забальзамировано и спешно отправлено в этнографический музей, а позже захоронено в мавзолее в Анкаре.

Эксперты утверждают, что данные о вскрытии тела существуют, но до сих пор засекречены и находятся в государственном архиве.

Оппозиционная газета «Сезжду» утверждает, что Ататюрк был отравлен так же, как много позже президент Турции Тургут Озал, скончавшийся в 1993 году.

Останки тела Озала эксгумировали в начале октября этого года.

По данным турецких газет, в образцах ткани тела бывшего экс-президента был обнаружен сильнодействующий яд — стрихнин, который якобы добавляли в его еду и напитки.

Официальные власти эту информацию отвергают.

«Мы до сих пор страшно боимся Ататюрка, — пишет известный турецкий журналист Мехмет али Бирранд. — Он вызывает у нас восхищение и страх, которые мы впитали с детства, со школьной скамьи.

Эти чувства были в глазах наших матерей и дедов, которые рассказывали нам на ночь истории о его героических подвигах.

Эти чувства я испытывал в армии каждый раз, когда поднимался вверх турецкий флаг.

Мы до сих пор не знаем реальности, нам удобнее жить с мифом, который привили нам с детства, и не хотим расставаться с детской мечтой».

В том, что Ататюрка могли отравить, нет ничего удивительного.

Он был не первым и не последним правителем, который умирал не своей смертью.

Во всей этой истории поражает другое: пассивная роль личных врачей президента.

Где они были и что делали целых пятнадцать лет, начиная с 1923 года?

И кто они были, эти самые врачи?

Почему о циррозе заговорили только в 1937 году?

Почему нельзя было делать полное обследование Ататюрка, который перенес два инфаркта, постоянно мучился болями в почках и страдал от малярии, один, как это положено, или даже два раза в год?

Если же квалификация этих врачей оставляла желать лучшего, то почему нельзя было приглашать врачей со всем оборудованием из-за границы.

Ведь в данном случае речь шла не о рядовом министре, а о президенте страны.

И уж кто-кто, а он заслужил подобное отношение к себе.

Более того, складывается впечатление, что личные врачи Ататюрка, если они, конечно, были, вообще не знали о том, что их пациент вел в высшей степени нездоровый образ жизни, много курил, выпивал огромное количество чашек кофе и неумеренно потреблял алкоголь.

Возможно, такие обследования и были.

Но почему тогда практически во всех биографиях Ататюрка об этом ничего не говориться?

Ведь должен же был Ататюрк иметь историю болезни.

О ней тоже нет ни слова.

До сих пор засекречена?

Почему, если нечего скрывать?

А, может быть, есть?

Понятно, что столь странная ситуация с болезнью Ататюрка не могла не породить множество самых разнообразных слухов о его смерти.

Однако в те трудные дни турецкой политической элите было не до слухов.

Им предстояло как можно скорей решить вопрос о преемнике Ататюрка.

Уже в день его смерти группа парламентариев — членов Народной партии собралась вечером, чтобы выдвинуть своего кандидата на пост президента республики.

Были названы три имени: Исмет Инёню, Али Фетхи Окъяр и Февзи Чакмак.

Али Фетхи Окъяр, гражданский, умеренный политик, уехавший в 1934 году в Лондон в качестве посла, не имел никаких шансов.

Многие ценили авторитет, скромность и консерватизм

Чакмака.

— Большинство Национального собрания поддержит вас, — якобы заявил ему Джеляль Баяр, если верить «Мемуарам» генерала Гюндюза, правой руки Февзи Чакмака.

Но Чакмак, начальник Генерального штаба, отклонил это предложение.

— Нет, Джеляль-бей, — сказал он, — я далек от политики. Я хочу продолжать помогать вам в армии…

После отказа Чакмака остался единственный преемник — Исмет Инёню.

11 ноября он был избран практически единогласно Национальным собранием после необычайно напряженной минуты молчания: женщины сдерживали свои чувства, но некоторые мужчины не выдержали.

Фуад Кёпрюлю старался подавить рыдания, другой друг Ататюрка безудержно рыдал, а один из генералов плакал, прикрыв лицо носовым платком.

Среди десятка депутатов, не принявших участия в голосовании, было три близких друга гази: Салих Бозок, друг детства Кемаля Реджеп Зюхтю и Кылыч Али.

Их время прошло, равно как и бессменного министра внутренних дел Шюкрю Кайя Муфтизаде.

Когда Баяр, назначенный Инёню премьер-министром, формировал новое правительство, он поблагодарил за службу Шюкрю Кайя и министра иностранных дел Тевфика Рюштю Араса.

Через два месяца Баяр, в свою очередь, покинет пост премьера.

Его отношения с Инёню всегда были сложными, он был сторонником либеральной политики, тогда как Инёню защищал государственный контроль экономики.

Вместо Баяра Инёню назначит премьером одного из своих приближенных, Рефика Сейдама, врача, единственным достоинством которого было то, что он сопровождал Ататюрка во время поездки из Стамбула в Самсун в мае 1919 года и остался рядом с ним для лечения его болезни почек.

Но все это будет потом, а пока…

12 ноября 1938 года накрытый национальным флагом дубовый гроб был установлен в самом большом зале дворца Долмабахче на обложенном цветами постаменте, вокруг которого горели шесть факелов и стояли вазы с осенними цветами.

Три высших офицера и солдата стояли около гроба в почетном карауле.

В 10 часов утра началось беспримерное в истории Турции

прощание ее народа со столько сделавшим для него человеком.

Это было грустное и одновременно торжественное зрелище: огромный город проходил перед гробом того, в ком вся страна признавала своего отца.

Мимо уснувшего вечным сном Гази в глубокой скорби шли сражавшиеся вместе с ним на Дарданеллах и на Сакарье солдаты.

По их морщинистым щекам текли неудержимые слезы, мимо уснувшего навеки президента проходили политики, которые, возможно, только теперь по-настоящему начинали понимать все величие этого не знавшего и не искавшего при жизни покоя человека.

Несколько дней длился нескончаемый скорбный поток.

Вечером 17 ноября полиция утратила контроль над ситуацией, и 11 человек были раздавлены насмерть.

В эти печальные для всей страны дни в секретариат президента поступило огромное количество телеграмм со всего мира, и свое сочувствие выразили даже такие люди, как не пожелавший возвращаться в Турцию после объявленной амнистии черкес Этхем.

Из скорбевшей вместе с Турцией Европы было получено 13 вагонов венков и букетов цветов.

На рейде стамбульского порта, отдавая последнюю честь великому воину, выстроились в ряд британский дредноут «Малайя», французский крейсер «Эмиль Бертин», советский корабль «Москва», немецкий крейсер «Эмден», румынский «Регина Мария» и множество других кораблей.

Суббота 19 ноября 1938 года выдалась теплой и солнечной.

С самого рассвета огромная толпа заполнила весь город, все террасы и балконы, все окна были заняты двумястами тысячами человек, приехавших из провинций и Анатолии.

После того как отзвучали молитвы, покрытый национальным флагом гроб с телом Ататюрка был вынесен из дворца и установлен на пушечный лафет, запряженный 12 лошадями.

Появление гроба словно послужило сигналом для огромной толпы, поскольку сразу же послышались рыдания.

Величественный кортеж медленно двинулся через сотрясаемое рыданиями человеческое море.

Вслед за ним шли премьер-министр Байяр, маршалы, высшие офицеры, иностранные делегации, члены дипкорпуса, народ Турции.

Люди всех сословий, разных состояний, которые не могли следовать за кортежем, следили за его продвижением с улиц, узких тротуаров, переулков.

Женщины и девочки плакали, впрочем, плакали и многие

мужчины, слитые в этот день воедино огромным горем, обрушившимся на всех них в эти дни.

Под траурную мелодию Шопена гроб с телом президента был доставлен на крейсер «Явуз», который в сопровождении других военных кораблей взял курс на Измит.

Огромная толпа шла вдоль набережной по мере того, как крейсер проходил по Босфору.

Среди рыданий слышались крики:

— Прощай! Спасибо тебе за все! Мы никогда не забудем тебя!

Никогда еще страна не видела подобного зрелища, каким явились похороны Ататюрка.

В 10 часов утра 12 депутатов поставили гроб на артиллерийский лафет.

Каждые пять минут траурная мелодия Шопена заглушалась орудийными залпами.

Тысячи людей — старики, женщины, дети, юноши и девушки — рыдали в полный голос и, закрыв лицо руками, бессильно садились на асфальт.

Затем к лафету медленно приблизились несколько генералов, с велюровыми подушками в руках, на которых разместились многочисленные награды Гази.

И огромный кортеж, состоявший из полка улан, батальона артиллеристов, полка президентской гвардии и отряда морской пехоты, двинулся по улице.

В глубокой печали за кортежем шла сестра Гази, Макбуле Атадан, близкие друзья Ататюрка и его товарищи по оружию: новый президент Турции Исмет Иненю и маршал Февзи Чакмак, президент меджлиса Ренда, премьер-министр Джеляль Байяр, послы, представители европейских и азиатских государств, батальон пехоты и, наконец, огромная толпа убитых горем людей.

Несмотря на желание самого Ататюрка быть похороненным в Чанкайя, правительство приняло решение избрать местом его временного захоронения Этнографический музей Анкары.

10 ноября 1953 года его останки с великими почестями были перенесены в возведенный на самом высоком месте столицы мавзолей из белого мрамора.

Здесь он спит вечным сном, продолжая всем сделанным им напоминать о том, что судьба любой нации находится только в ее руках и нигде больше…

Вместо заключения
Кемализм и современность

Я выполнил одну из самых высоких и гуманных обязанностей, возложенных на меня родиной…

Мустафа Кемаль Ататюрк

В начале октября 2010 года в Стамбуле состоялся IX симпозиум, посвященный интеллектуальному наследию трудов богослова Саида Нурси.

Симпозиум посетили мэр Стамбула, представители правящей партии и правительства, депутаты парламента и общественные и религиозные деятели.

Все было, как всегда: приветствия, речи, доклады, обмен мнениями…

Не было только одного: упоминания и портретов Ататюрка.

Еще несколько лет назад устроители симпоизума заплатили бы за такую «забывчивость» годами тюрьмы.

Теперь такое стало возможным.

Как стало возможным и публичное проявление веры.

«В 2009 году Турция имела более 85 тысяч действующих мечетей — по одной на каждые 350 граждан, для сравнения: одну больницу на каждые 60 тысяч человек.

Это является самым высоким показателем на душу населения в мире — 90 тысяч имамов, которых больше, чем врачей или учителей.

В стране тысячи мусульманских средних школ типа медресе и около 4 тысячи официальных государственных курсов изучения Корана, не считая негосударственных школ изучения Корана, учёт которых может увеличить общее число таких заведений раз в десять.

Расходы правительственного Управления по делам религии выросли в пять раз.

Управление имеет больший бюджет, чем восемь других министерств вместе взятых».

В своем послании симпозщиуму Президент Турции Р. Эрдоган назвал гонимого в кемалистской Турции Нурси «совестью нации», без которой «нет турецкой духовности и морали».

— Семена, брошенные мыслителем, — говорил он, — взошли сегодня…

Откуда такой интерес к умершему от истощения богослову?

— Успешная модернизация, — говорил по этому поводу посетивший чтения мэр Стамбула, Кадыр Топбаш, — невозможна без опоры на мораль и духовность, и лучшего примера, нежели великий богослов, который говорил о возможности обратить исламские идеалы к современному и будущему обществу, нет…

Таким образом, сама жизнь показала, что указанная Кемалем мечеть, как единственное общественное место занятия религией, давно уже стало тесным.

Да и сами ограничения кемалистских времен выглядят ныне одиозными и неуместными в глазах ЕС, куда Турция стремится попасть вот уже много лет.

Жалобы турецких исламистов по поводу ограничения светскими властями их деятельности поступают в Европейский суд в неменьшем объеме, чем жалобы на истязания в турецких тюрьмах.

Это стало возможно благодаря тому, что влиятельные турецкие интеллектуалы светской ориентации уверены в том, что религия должна стать таким же влиятельным и эффективным элементом духовной жизни общества, каким являлся до сего времени турецкий национализм.

Такое духовное обогащение придает новые идейные силы обществу и государству, столь необходимые в выполнении Турцией своей новой миссии в Евразии, как влиятельной региональной державы, ответственной за судьбу всех тюрок и мусульман в Западной Европе, на Балканах, на Кипре, Кавказе, Молдавии, России, Центральной Азии, Ираке, Синьцзяне и других регионах.

Как можно видеть, эта старая «новая миссия» основывается на принципе тюркизма и панисламизма.

Да, именно так, и идею Великого Турана никто не забывал.

И кто знает, что имел в виду сам Ататюрк, который говорил:

— Необходимо обеспечить будущее тюркизма и вместе с ним — всего мусульманского мира…

И возрождение ислама и пантюркизма суть явления нового времени.

Турецкие политики и дипломаты проводят аналогию с Европейским Союзом и убеждают президентов Казахстана, Туркменистана, Узбекистана и Киргизии в том, что «вместе они смогут добиться больших успехов».

— Турция, — говорил один из «архитекторов» нового внешнеполитического курса А. Давутоглу в 2009 году в Сараево,

заявлял, — имеет право и интерес влиять на порядок отношений на Балканах, на Кавказе и на Среднем Востоке, дабы защитить свое историческое наследие и собственную безопасность. Мы хотим построить новый балканский регион, основанный на политических ценностях, экономической взаимозависимости, сотрудничестве и культурной гармонии. Такими были Оттоманские Балканы. Мы обновим нынешние Балканы.

И я буду очень обязан тому, кто объяснит, в чем разница «нового внешнеполитического курса» и старой политики Энвера.

Да, события в современной Турции показывают, что время слепого поклонения Ататюрку прошло.

Более того, многие исследователи считают, что в июле 2016 года попытка военного переворота, подавленная властями, ознаменовала конец эры кемализма — политической системы, господствовавшей в Турции почти столетие.

Другие аналитики уверены в том, что так и должно быть.

Османская империя существовала шесть веков, и бесследно пропасть такое наследие не может, поскольку существует генетическая память.

Именно поэтому ничего удивительного в том, что сейчас происходит в Турции, нет.

Хотя бы потому, что, как показывает история, в мире нет и, наверное, никогда не будет вечных учений, за исключением Великих религий.

Социализм, маоизм, ленинизм, марксизм, кемализм…

Все эти течения воевали с религией.

Ататюрк загнал традиционный ислам в подполье и держал все религиозные запреты на штыках армии.

Но так было всегда и везде.

Большевики взрывали храмы и расстреливали священников.

Мао Цзе-Дун призывал соратников бить конфуцианцев, как крыс.

Революционные армии времен Великой французской революции превращали храмы в конюшни.

Да, на какое-то время любой диктатор может бороться с религией и даже побеждать.

Только это всегда пиррова победа, потому что религия имеет дело с душой, которая не терпит пустоты.

Большевики травили русскую православную церковь все годы своего пребывания у власти и попытались сделать религией неизвестный природе социализм.

И ничего у них не получилось.

Маркс не стал Богом-отцом, а Ленин — Богом-сыном.

А церковь стоит.

По большому счету она никогда и не умирала,

Попытался разделаться с конфуцианством и Мао, и тоже проиграл.

А бывшие советские республики Средней Азии?

Почти восемь десятков лет их народы скрывали свою веру, а как только пала давившая их советская власть, как все они вернулись к исламу.

Не к марксизму, а к тому самому исламу, который они проповедовали сотни лет.

Никакие насильственно навязанные марксизмы-ленинизмы не смогли убить веру в людях.

Тем более, в людях Востока.

Ататюрка назвали «Человеком XX века», и то, что происходит в Турции в веке XXI, нисколько не умаляет всего содеянного им.

Любые идеи рано или поздно устаревают, как устарел и кемализм.

И, тем не менее, будучи героем своего времени, Ататюрк стал героем вечным.

Поскольку явился в самый критический момент истории Турции и сделал то, чего не сделал бы никто.

Независимую Турцию.

В отличие от почившего далеко не в Бозе Советского Союза, созданное Ататюрком государство живет.

С Турцией считаются не только страны Ближнего и Среднего Востока, но и такие гиганты, как Россия и США.

И я вряд ли ошибусь, если скажу, что без участия Турции вряд ли возможны какие-либо коренные перемены на Ближнем и Среднем Востоке.

Более того, Турция, как и во времена Ататюрка, много делает для того, чтобы освободиться от чрезмерного влияния Запада.

Да, сейчас в Турции сейчас происходят сложные процессы, но вопроса, как во времена Ататюрка, о самом ее существовании не стоит.

И ни у кого не повернется язык назвать Турцию «больным человеком».

Наоборот!

Все выше поднимающие в ней голову неосманизм и пантюркизм являются отнюдь не оборонительной, а завоевательной политикой.

И третья по силе армия в мире говорит сама за себя.

Более того, Турция осмелилась бросить вызов самой Америке, с которой ее связывали довольно тесные отношения.

К чему я все это говорю?

Да только к тому, что, вполне возможно, что не так уж был на прав Гегель, когда говорил о том, что Историей управляет Высший разум, преломляясь в деяниях людей и рано или поздно отметая все то, что было создано искусственно в угоду сиюминутной политической конъюкутре.

Даже если эта сиюминутность торжествовала.

При этом надо помнить, что для Истории даже сто лет являются мгновеньем.

А если учесть, что христианской истории человечества всего две тысячи лет, то можно рассматривать это время в лучшем случае как введение в настоящую Историю.

И если маленькая Франция не могла придти в себя целые сто лет после Великой французской революции, то, что же говорить о всем человечестве.

В то время как для человека в этом отрезке заключается жизнь.

Именно поэтому мы закончим наш рассказ об Ататюрке знаменитым выражением Конфуция:

«Мы умираем для мира, чтобы жить в нем».

И Ататюрк доказал это всей своей жизнью и смертью.

— Я, — незадолго до смерти сказал он, — выполнил одну из самых высоких и гуманных обязанностей, возложенных на меня родиной…

И он, действительно, выполнил свой великий долг, доказав свое особое предназначение, поскольку именно он блестяще доказал правоту некогда сказанных Конфуцием слов:

— Судьба вашей страны зависит только от вас…

~ ~ ~

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: ds@strelbooks.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: ds@strelbooks.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг вы можете ознакомиться на сайтах:

www.andronum.com **www.strelbooks.com**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2018
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»